

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Файферт Анатолий Владимирович

**РАННИЙ ЭТАП ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ**

07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Кияшко А.В.

Ростов-на-Дону — 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Историография проблемы происхождения ямной культуры.....	12
1.1. Энеолитические и ямные памятники в историографии Нижнего Подонья.....	12
1.2. Памятники ямной культуры в историографии Среднего Подонья и Подонечья. Репинская культура.....	20
1.3. Историография проблемы происхождения ямной культуры степей Украины и Волго-Уралья.....	26
Глава 2. Общая характеристика памятников Нижнего Подонья.....	43
2.1. Природно-географическая характеристика.....	43
2.2. Топография могильников ямной культуры.....	45
2.3. История изучения погребальных и поселенческих памятников эпохи энеолита нижнедонского региона	47
3.1. Типология погребений и стратиграфия курганов.....	51
3.2. Энеолитические погребения Левобережья. Койсугский могильник. Погребения койсугского типа.....	69
3.3. Погребения типа «Радутки».....	84
3.4. Погребения раннего этапа ямной культуры Левобережья.....	89
3.5. Материалы поселений энеолита — ранней бронзы Левобережья.....	96
Глава 4. Памятники раннего этапа ямной культуры и предшествующего периода Правобережья Дона.....	99
4.1. Энеолитические памятники. Погребения константиновской культуры	99
4.2. Раннеямные погребения Правобережья.....	104
4.3. Материалы поселений энеолита — ранней бронзы Правобережья.....	111
Глава 5. Погребения энеолита — раннего бронзового века Нижнего Подонья в системе памятников соседних территорий.....	120
5.1. Ивановбугорский могильник и энеолит Среднего Дона.....	120
5.2. Стратиграфия курганов. Памятники раннего этапа ямной культуры и	

репинская культура.....	125
5.3. Поселенческие материалы энеолита — ранней бронзы	129
Среднего Подонья и Нижнего Поднепровья.....	129
5.4. Петроглифы и изваяния-идолы.....	132
5.5. Радиоуглеродное датирование.....	135
Заключение.....	140
Список использованных источников и литературы	147
Список сокращений	161

Том II (приложения)

Иллюстрации	2
Таблицы	268

Введение

В 1969 году Н.Я. Мерперт защитил докторскую диссертацию¹, посвященную анализу курганных погребений энеолита и раннего бронзового века. Она не была опубликована полностью, но оказала большое влияние на всю историографию ямной культуры. В 70-х гг. XX века были написаны несколько обобщающих работ по эпохам энеолита и ранней бронзы южнорусских степей, которые во многом определили современные взгляды и подходы к изучению этой тематики. Со времени их выхода количество материала увеличилось, подчас, в десятки раз, поскольку масштабность новостроечных работ на Нижнем Дону вызвала значительное накопление археологических источников, в том числе и начала бронзового века. Однако объем спасательных работ в зонах новостроек привел также и к тому, что публикация и осмысление новых материалов только начинаются. В связи с этим, требуется обобщение и введение в научный оборот новых данных с целью выяснения новых фактов и проверки прежних концепций. Изучение культурно-исторических процессов в бронзовом веке Восточной Европы, производившееся несколькими поколениями специалистов, пока не дало решения целого ряда сложных проблем, среди которых выделяются вопросы происхождения, распространения и исчезновения культурного комплекса, называемого ямной культурно-исторической общностью.

Археологические памятники Нижнего Подонья в эпоху энеолита и ранней бронзы привлекают к себе постоянный интерес исследователей в связи с проблемами не столько археологического, сколько этнокультурного и общецисторического характера. Следствием этого является повышенное внимание к проблемам социальной структуры общества, религиозной системы, этнической принадлежности, исторических судеб, взаимосвязи с историческими народами. При этом сложный, но информативный погребальный обряд

¹ Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.): Автореф. дисс. д-ра. ист. наук. — Москва, 1969. — 84 с.

остаётся слабо исследованным. Это отрицательно сказывается на глубине проработки прежде всего источниковедческих проблем, которым в настоящей работе придается первостепенное значение.

Актуальность темы исследования. Открытие энеолитических могильников в Поволжье и Поднепровье позволило исследователям (И.Б. Васильев, А.Т. Синюк, Д.Я. Телегин и др.) наметить пути реконструкции процесса сложения ямной культуры южнорусских степей. Однако материалы этого времени с территории Нижнего Подонья, находящегося на стыке этих и других важнейших регионов, до сих пор остаются недостаточно изученными, что и обусловило актуальность заявленной темы.

Впервые попытка систематизировать ранние курганные погребения Нижнего Подонья была предпринята Г.А. Иноземцевым. К началу 1970-х количество источников выросло примерно в 10 раз, что дало почву для обобщающего труда В.Я. Кияшко. Ко второму десятилетию XXI века вновь произошло примерно десятикратное увеличение источниковой базы, что дало возможность автору данной работы создать более точную схему развития древностей энеолита — ранней бронзы. Указанные обстоятельства позволяют приступить к решению многих частных проблем, таких как: создание схемы относительной хронологии; выделение обрядово-стратиграфических групп ямной культуры, в т.ч. её раннего этапа; выделение комплексов, ставших генетической основой для сложения ямной культуры. Включение обширных накопленных материалов позволит уточнить вопросы, связанные с локальной спецификой памятников, взаимосвязи культур южнорусских степей.

На сегодняшний день территория Нижнего Подонья исследована достаточно хорошо, хотя и неравномерно. Накоплено значительное число погребений раннего этапа ямной культуры (около 100) и хронологически близкого предшествующего времени (около 150). Это даёт возможность на качественно новом уровне вести разработки типологии погребального обряда и материальной культуры, уточнить хронологию, проследить преемственность групп памятников и культур.

Степень разработанности проблемы происхождения ямной культуры пока явно недостаточна. А для Нижнего Подонья этот вопрос рассматривается впервые. Наибольший вклад в разработку проблем финального энеолита региона внёс В.Я. Кияшко². Для остальных территорий распространения ямной культуры значительный вклад в разработку проблемы происхождения ямной культуры внесли И.Б. Васильев, В.Н. Даниленко, П.Ф. Кузнецов, Н.Я. Мерперт, Н.Л. Моргунова, О.Г. Шапошникова, Ю.Я. Рассамакин, А.Т. Синюк, и др.³ В работах указанных исследователей она решалась, в основном, путём построения универсальных схем эволюции погребального обряда с привлечением данных абсолютного датирования и стратиграфии поселений. Стратиграфия погребальных памятников была мало изучена, в виду её скудости в распоряжении исследователей 1970-х гг. Курганы Среднего Дона, Поволжья и Приуралья редко содержат несколько ранних погребений, а потому дали очень мало стратиграфической информации. Нижнее Подонье, напротив, дало большое число стратиграфических соотношений.

Целью настоящего исследования является обобщение, систематизация и анализ всей совокупности источников и реконструкция процесса формирования погребального обряда и материального комплекса ямной культуры.

² Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: дис. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1974. — 186 с.

³ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000. — С. 24. Даниленко В.Н. Энеолит Украины: Этноисторическое исследование. — Киев: Наукова Думка, 1974. — 176 с. Кузнецов П.Ф. Ямная культура ВолгоУралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. — Суздаль, 2008. — Т. I. — С. 358—360. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.): Автореф. дисс. д-ра. ист. наук. — Москва, 1969. — 84 с. Моргунова Н.Л. Истоки и культурная основа формирования ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 11. — Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014. — 231 с. Шапошникова О.Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Сборник научных трудов. — Киев: Наук. Думка, 1987. — 196 с. Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit/ DAI. Archäologie in Eurasien. Band 17. — Teil I. — Mainz: Verlag Philipp von Zabern. Синюк А.Т. Памятники ямной культуры Донской Лесостепи. Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. — Оренбург, 2006. — С.81-83. Спицына Л.А. Северскодонский ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Сборник. — Луганск: Шлях, 2000. — С.53-75.

Для достижения цели предстоит решить ряд **конкретных задач**:

1. Изучить историю развития представлений о формировании ямной культуры, выделение периодов развития историографии:
2. Составить сводку как ранее полученных, так и новых памятников эпохи ранней бронзы Нижнего Подонья.
3. На основе типологии и стратиграфии выделить памятники, хронологически непосредственно предшествующие появлению погребального обряда ямной культуры.
4. На основе анализа погребального обряда выявить генетическую связи между ямными и предшествующими памятниками.
5. Охарактеризовать погребальный обряд и материальную культуру ямного общества.

Объект исследования — погребальные и поселенческие памятники раннеямного и предшествующего периодов Нижнего Подонья.

Предметом исследования являются относительная хронология, периодизация и культурно-исторические процессы в среде скотоводческого населения Нижнего Подонья в IV тысячелетии до н.э.

Географические рамки исследования: рассматриваемая территория охватывает долину реки Дон от Таганрогского залива и до излучины в районе впадения р. Иловля и включает территорию Ростовской и юго-западную часть Волгоградской областей. Она определена в соответствии с устоявшимися представлением о территории Нижнего Подонья⁴. С запада данный регион ограничен Приазовской возвышенностью и Донецким кряжем, с севера — Донской грядой, с востока — Ергенинской возвышенностью, с Юга — Ставропольской возвышенностью и р. Ея.

Хронологические рамки исследования охватывают IV — рубеж IV и III тысячелетий до н.э. В стадиальном отношении речь идёт о финале энеолита и начале раннего бронзового века.

Источниковой базой исследования стала полная подборка публика-

⁴ Самохин А.Ф. Река Дон и его притоки. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1958. — С. 28-29.

ций и научных отчётов по результатам полевых работ по бассейну Нижнего и Среднего Дона. Почти полностью данная подборка была опубликована нами в 2014 году⁵. Список неопубликованных источников приведён в конце настоящей работы. В подборку вошли частично или полностью материалы 23 поселенческих памятников и более 400 погребений финала энеолита и начала раннего бронзового века. Важнейшими опорными памятниками являются результаты раскопок В.Я. Кияшко на Раздорском и Константиновском поселениях, А.Н. Гея на Самсоновском поселении, И.В. Белинского на поселении Батай, широкомасштабных исследований курганов под руководством Е.И. Беспалого, П.А. Ларенка, И.Н. Парусимова, Л.С. Ильюкова и многих других. Автор выражает глубокую признательность за их многолетний самоотверженный труд.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проанализирована историография по ямной культуре Нижнего Подонья, а для историографии ямной культурно-исторической общности выделены четыре периода развития. Основой исследования стали собранные воедино, обработанные и проанализированные результаты раскопок курганов и поселений эпох энеолита и ранней бронзы. В материалах эпохи энеолита выделен койсугский тип погребальных памятников, проанализирован погребальный обряд константиновской культуры, на основе стратиграфических данных построена шкала относительной хронологии, созданы схемы типологии погребений и керамики энеолита — раннего бронзового века Нижнего Подонья.

В настоящей работе получил развёрнутое обоснование и характеристику ранний этап ямной культуры, представлены новые достоверные данные о взаимосвязи памятников ямной культуры и предшествующего времени. На основе новейших материалов определено наличие и дана краткая характеристика изобразительного искусства на каменных объектах, относящихся к раннему этапу ямной культуры.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты ис-

⁵ Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А.В. Файферт. — Ростов-на-Дону, 2014. — 500 с.

следований могут быть использованы при написании обобщающих работ по археологии Нижнего Подонья, при создании сводов археологических источников, каталогов предметов, учебных пособий для студентов исторических факультетов. Концепция происхождения ямной культуры может стать основой для понимания аналогичных процессов при изучении материалов сопредельных регионов. Результаты работы использованы при написании монографии «Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья».

Методы исследования обусловлены поставленными целью и задачами. Помимо общенаучных в них включены типологический, сравнительно-стратиграфический, картографический, корреляционный. В частности, автор пользуется одним из самых широко применяемых методов исследования погребальных памятников — сравнительным анализом обрядовых групп погребений в сочетании с данными хронологии и материальной культуры.

В настоящей работе отсутствует анализ антропологических данных. Причин тому несколько: 1) антропологические определения материалов раскопок с территории Ростовской области начали регулярно проводиться лишь с конца 1980-х, т. е. они не охватывают ключевые памятники; 2) насколько нам известно, часто антропологические определения давались археологами, что резко снижает надёжность выводов; 3) точность имеющихся антропологических определений часто также невысока, поскольку сохранность костей и индивидуальные особенности морфологии позволяют делать лишь предположительные выводы. Таким образом, даже изучение половозрастного состава населения имеет слабую источниковую базу. Накопление данных антропометрии пока находится на начальном этапе.

Из-за ненадёжности радиоуглеродных датировок стратиграфия имеет решающее значение для установления цепочки эволюции погребального обряда. В отличие от эпохи средней бронзы, для изучаемого периода известны более 50 стратиграфических соотношений, устанавливающих последовательность или сосуществование всех выделенных обрядовых групп, поэтому и созданную схему относительной хронологии следует именовать обрядо-

во-стратиграфической. Также используются данные материальной культуры и другие (часто косвенные), например, планиграфия и пр.

На защиту выносятся следующие положения и результаты:

1. Историография проблемы происхождения ямной культуры на всей территории её распространения прошла четыре этапа своего развития, каждый из которых связан с процессом накопления источников, который происходил неравномерно.

2. Анализ погребального обряда и стратиграфии энеолитических памятников Левобережья Нижнего Дона позволяют выделить койсугский тип погребений, характеризующиеся особыми чертами обрядности, морфологии и орнаментации керамики и пластинчатой кремневой индустрией.

3. Картографирование погребений дает основание утверждать, что на Правобережье Дона ямной культуре предшествовали константиновская культура и памятники койсугского типа. В ареал распространения константиновской культуры входила и территория Северного Приазовья. Часть памятников ямной культуры Правобережья генетически связаны с константиновской культурой.

4. Обобщение результатов исследования памятников позволяет предложить концепцию происхождения ямной культуры Нижнего Подонья на местной основе, а основную роль в её сложении сыграло население, оставившее памятники койсугского типа.

5. Полученные данные позволяют утверждать, что репинская культура Среднего Подонья является составной частью ямной культурно-исторической общности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные результаты исследования изложены в монографии «Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья», а также в 4 статьях по теме. Основные выводы работы были озвучены в докладах на международных и региональных конференциях в Астрахани (2008 г.), Оренбурге (2012 г.) Воронеже (2015 г.), Азове (2016 г.).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Каждый этап культурно-исторической реконструкции предваряется рассмотрением и анализом источников. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений, включающих таблицы и другие иллюстрации.

Глава 1. Историография проблемы происхождения ямной культуры

Приведённый ниже историографический обзор разделён по географическому принципу: вначале рассматриваются работы по бассейну Дона, затем по остальным регионам распространения ямной культурно-исторической общности. Тема настоящего обзора — ранний этап ямной культуры, поэтому здесь используются работы, содержащие сведения об атрибутировании памятников и их хронологические оценки.

1.1. Энеолитические и ямные памятники в историографии Нижнего Подонья

Впервые проблематика начала бронзового века и, в частности, ямной культуры рассмотрена в кандидатской диссертации Г.А. Иноземцева⁶. К сожалению, отсутствие в его распоряжении сколько-нибудь значимого количества погребальных памятников не позволило провести разбор материала эпохи ранней бронзы. Существенным вкладом явилась правильная эпохальная атрибуция известных к тому времени погребений.

В 1969 году Н.Я. Мерперт защитил докторскую диссертацию⁷, в которой небольшая часть работы посвящена Нижнему Дону: здесь он выделил один из семи вариантов ЯКИО. В донском варианте выделены 4 этапа. В настоящее время большинство ранних погребений, приписываемых Н.Я. Мерпертом к ранним звеньям ямной культуры, исключены из неё и отнесены к энеолитическим культурам. Аналогичным образом передатированы и комплексы из Поволжья.

Важнейшим событием в историографии эпохи палеометалла стала вышедшая в 1974 году диссертация В.Я. Кишко⁸. Эта работа оказалось во многом результатом резкого скачка в процессе накопления археологического материала. В

⁶ Иноземцев Г.А. Бронзовый век Нижнего Дона: автореф. дисс. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1955. — 19 с.

⁷ Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.): Автореф. дис. д-ра. ист. наук. — М., 1969. — 84 с.

⁸ Кишко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: дис. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1974. — 186 с.

ней автор провёл большую источниковедческую работу, впервые систематизировал материалы медного и раннего бронзового века, выполнил детальный анализ и членение памятников энеолита и ранней бронзы, сделал длинный ряд важных наблюдений, а также впервые представил результаты раскопок на Константиновском поселении. В.Я. Кияшко не выделяет раннеямный горизонт погребений по причине отсутствия данных стратиграфии и малого количества известных на тот момент погребений. Комплексы, которые принято относить к раннеямному или репинскому времени, т.е. содержавшие «рогатые булавки» и керамику репинского типа, исследователь сопоставил с погребениями константиновской культуры⁹, что впоследствии не подтвердилось. Вероятно, такой вывод мог быть сделан на основании находки на территории поселения раннеямного погребения. Керамику из этой серии погребений автор сопоставил с 2-м слоем Михайловского поселения. Памятники позднего этапа ямной культуры объединены в седьмую группу, их анализ не проводился.

Через 20 лет, в 1994 году, В.Я. Кияшко издал небольшую монографию, в которой обобщил результаты собственных исследований, в т.ч. на Раздорском поселении¹⁰. Однако предложенная в этой работе схема из 4 обрядовых групп не нашла подтверждения в дальнейшем. Схема из работы 1974 года, в целом, оказалась более удачной. Несмотря на наличие достаточного количества раскопанных курганов, автор не выделяет репинские материалы в погребальных памятниках, очевидно, следуя в своих взглядах за А.Т. Синюком, который считал характерным для первого этапа репинской культуры вытянутый обряд погребений¹¹. В монографии А.В. Кияшко¹² анализ ямных погребений также отсутствует.

В 2014 году, через 20 лет после книги В.Я. Кияшко, автор данной работы-

⁹ Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: дис. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1974. — С. 108.

¹⁰ Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) // Донские древности. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. — Вып. 3. — 132 с.

¹¹ Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (учебное пособие к спецкурсу). — Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. — С. 57.

¹² Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. — 182 с.

публиковал монографию¹³, в которой обобщил все доступные на тот момент материалы энеолита, ранней и средней бронзы, вплоть до времени появления ранних катакомбных погребений. В ней было намечено решение вопроса о соотношении памятников репинской культуры и раннего этапа ямной культуры: достаточно обоснованным выглядит необходимость объединения памятников репинского типа с раннеямными в первый этап развития ямной культуры. Настоящая работа является продолжением указанной, основываясь на заметно большей источниковой базе.

Сравнительная таблица групп энеолитических погребений из диссертации 1974 года В.Я. Кияшко и обрядово-стратиграфических групп нашей работы представлена на рис. 204. Созданная нами схема мало отличается от составленной В.Я. Кияшко по форме, но по основному содержанию — последовательности, количеству и фактическому наполнению — имеет принципиальные различия. Эти различия настолько существенны, что нам не удалось остаться в рамках схемы В.Я. Кияшко. Можно выразить уверенность, что если бы В.Я. Кияшко при написании диссертации располагал тем же объёмом источников, то пришел бы к аналогичным выводам. Его наблюдение о невозможности установить первенство вытянутых или скорченных погребений в курганах остается актуальным.

В то же самое время, нами было сделано не только исправление некоторых вынужденных ошибок в схеме В.Я. Кияшко, например, ошибочное выделение «полтавкинской» группы VIII, но и произведена замена содержания некоторых групп, например, группы I с раннеямных погребений на новоданиловские, погребальный обряд группы V (константиновская культура) определён в соответствии с вновь открытыми памятниками. Также выполнены прямые указания В.Я. Кияшко по выделению на основании новых материалов погребений с «рогатыми» булавами в отдельную группу¹⁴, группа VII на основе стратиграфических данных разделена¹⁵ на две. Группа IX (1-й вариант) на основе единства материальной культуры объединена с группой X. Инвентарь группы IX В.Я. Кияшко определял как ранне-

¹³ Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А.В. Файферт. — Ростов-на-Дону, 2014. — 500 с.

¹⁴ Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы.: дис. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1974. — С.113.

¹⁵ Там же. С. 149.

катакомбный, но по схеме хорошо видна его принадлежность к ямной культуре. В целом, наша схема имеет более выраженный стадийный характер, так, например, погребения константиновской культуры В.Я. Кияшко выделял в отдельную группу, в то время как нам удалось синхронизировать их с левобережными памятниками и встроить в единую систему.

В конце 2015 года В.С. Яценко опубликовал монографию¹⁶, в которой обобщил результаты своих исследований памятников рассматриваемой эпохи. Ввиду особой близости работы В.С. Яценко теме настоящего исследования, остановимся на ней подробнее.

На второй странице введения автор пишет: «Также не существует и специальной работы, посвящённой периодизации древностей палеометалла Нижнего Дона, в которой бы рассматривалось наполнение периодов энеолита и раннего бронзового века культурными образованиями Подонья. Лишь по обобщающей работе В.Я. Кияшко можно понять, какие культурные образования Подонья относятся к периодам энеолита. Поэтому в данной работе определение эпох энеолита и раннего бронзового века, отнесение погребальных памятников к тому или иному периоду носят достаточно условный характер и опираются на сложившиеся традиции в исследованиях Нижнего Дона и соседних территорий»¹⁷. Непонятно: «не существует» или всё же «можно понять, какие культурные образования Подонья относятся к периодам энеолита»? Наша монография¹⁸ вышла в сентябре 2014 года и была тогда же лично вручена В.С. Яценко, однако удостоилась лишь упоминания^{19,20}, несмотря на то, что в ней рассматриваются те же материалы.

Наибольшее количество вопросов вызывает схема хронологического членения памятников²¹. Многие из приведённых схематически типов погребений в

¹⁶ Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-Дону, 2015. — 256 с.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А.В. Файферт. — Ростов-на-Дону, 2014. — 500 с.

¹⁹ Яценко В.С. Памятники энеолита... С. 10.

²⁰ Яценко В.С. Памятники энеолита... С. 24.

²¹ Яценко В.С. Памятники энеолита... Рис. 102.

реальности не существуют (например: Я-I, двойное погребение, Я-II, двойное погребение), погребений с таким сочетанием поз и ориентировок не встречено ни разу. Или группа РБВ-I, где на схеме приведена ориентировка по линии С-Ю, а сосуды приведены из погребений с ориентировками на В (рис. 18, 23), СВ (рис. 3), ЮЗ (рис. 11), ЮВ (рис. 31). Т.е. в указанной группе нет ни одного погребения с ориентировкой на С или Ю. А значит, следуя логике автора, их необходимо отнести к группе Эн-III, где также имеются плоскодонные сосуды и сосуды с ракушкой в тесте.

Одинаковые позы погребённых с ногами «ромбом» приведены на схемах групп Эн-I, Я-I, Я-II, Я-IV, Я-V. Хотя для ямной культуры такая поза не характерна, тем более для позднего периода. В группе РБВ-I приведён сосуд из Радутки (рис. 11), но это погребение перекрыто раннеямным погребением 9, т.е. оно достоверно относится к энеолиту (рис. 203, III группа). В инвентаре группы Эн-I приведены ножевидные пластины, при этом самая крупная из них происходит из погребения (рис. 49) с ногами, поднятыми коленями вверх, и руками на паху, что никак не вяжется со схематическим изображением погребений этой группы. Следующая пластина происходит из впускного погребения (рис. 19, п. 8), что не смутило автора. Если он определяет этот комплекс в качестве новоданиловского, то его помещение в толще насыпи должно было быть объяснено, поскольку это совершенно не характерно. Автор раскопок считает это погребение основным, однако, судя по плану, погребение 19 не могло не обрезать погребение 8, да и на фотографии из отчета видно, что контур пятна п. 19 перекрыт левой рукой п. 8.

Для комплексов группы Эн-II приведена подборка «сидячих» погребений, ориентировка для них указана на З и ЮЗ. На поверку, все они имеют ориентировку на В, СВ и С (рис. 2, 6, 8). А сосуды из кургана 1 (рис. 2) происходят из насыпи и не могут быть отнесены к найденному там же погребению, поскольку курган исследован частично. Керамика из группы Я-II только в одном случае соответствует схеме погребений (рис. 13, п. 9), оставшиеся позднеямные сосуды не имеют никакого отношения к погребениям с поднятыми или распавшимися ромбом ногами.

Изложенная схема эволюции погребального обряда имеет ряд противоре-

чий, которые отмечает и сам автор²², и которые, как нам представляется, вызваны неверной методологией — формально-типологическим подходом, который ставит позу погребённого выше остальных признаков. При этом поза часто вольно интерпретируется. Это хорошо видно по искусственному объединению на приведённой схеме позднеямных погребений (Я-II) и погребений с западной ориентировкой и ножевидными пластинами (рис. 44, п. 27), которые отнесены сюда именно по схожей позе. При этом, упоминание²³ В.С. Яценко о невнимании к материальной культуре в нашей монографии полностью справедливо для его хронологических выкладок.

В результате, при в целом исторически правильной схеме эволюции погребений (кроме групп Я-IV и РБВ-I, которые несомненно относятся к энеолиту, а не к ямному или раннекатакомбному времени), в обрядовые группы объединены разные по хронологической и даже эпохальной принадлежности комплексы. Состоящую из 10 обрядовых групп схему визуально довольно трудно сопоставить и с аналогичной таблицей в диссертации В.Я. Кияшко, и с результатами работы автора настоящего труда. Во многом это очень сложно из-за (исходя из графического построения таблицы) синхронности некоторых групп, в то время как обоснование этого факта не приведено. Также у В.С. Яценко слишком мало энеолитических групп. Материалы репинского типа представлены лишь в четвёртой группе погребений и занимают более позднее положение относительно захоронений в заплечиковых ямах с керамикой новосвободненского типа. Стоит отметить, что подобным образом эта проблема решается и в работах Ю.Я. Рассамакина, что будет рассмотрено ниже. Само отнесение к раннеямному этапу погребений с ногами, лежащими ромбом, не подтверждается сопровождающим их инвентарем. Есть очень спорные моменты в подборе материала, на основе которого делаются хронологические построения, например, погребение 13 кургана 7 Койсугского могильника, ставшего основой схематического выражения погребального обряда группы Я-II (ямная культура). Это погребение имеет очень близкую аналогию: погребение 14 кургана

²² Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 127.

²³ Яценко В.С. Памятники энеолита... — С. 24.

3 Радутки (рис. 11), где в такой же по форме яме, в таком же положении костяка, сложенного «пакетом», с той же ориентировкой, с аналогичной посыпкой охрой было совершено погребение, сопровождавшееся жаровней донецкой катакомбной культуры²⁴. Таким образом, объясняется как положение костяков «в пакете», столь не характерное для энеолита и ямной культуры, так и повреждение погребением 13 раннеямного погребения 10 (рис. 8). Погребение 14 из Радутки было принято во внимание автором²⁵, но учтено в погребениях, не вошедших в группы, вероятно, из-за противоречия очевидной датировки и мнения автора раскопок В.Е. Максименко о положении этого комплекса в качестве основного в кургане. Пятно выкида из него показано в центре кургана на рис. 11.

Уже упомянутая группа погребений РБВ-I вызывает возражения не только по своему содержанию, но и по хронологическому положению. Детали позы умерших позднеямного и раннекатакомбного обряда хорошо известны — это погребения на боку и спине, ноги слабосогнуты, руки вдоль корпуса. Здесь же мы видим сильноскорченные на боку с руками у лица. Нам не известны стратиграфические данные для столь поздней датировки указанных погребений. Зато в диссертации В.Я. Кияшко²⁶ такая группа есть (№ VIII), под ней подразумевался местный вариант полтавкинских погребений. Однако впоследствии эта группа, выделенная на небольшой, буквально единичной, выборке не подтвердилась²⁷. Такой позы погребённые не имеют. Можно увидеть и другие сходства между схемами В.С. Яценко и В.Я. Кияшко (рис. 205). Так, странное разделение погребений с орнаментированными молоточковидными булавками на три группы (Я-III, Я-V и Я-VI) получает объяснение, если взглянуть на схему В.Я. Кияшко без катакомбных погребений, где мы видим группы захоронений в заплечиковых ямах (VII, IX 1-й вариант, IX 2-й вариант). Обоснование разделения материалов групп Я-III и Я-VI с

²⁴ Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-Дону, 2015. — Рис. 89, 7.

²⁵ Яценко В.С. Памятники энеолита... . С. 222.

²⁶ Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: дис. канд. ист. наук — Ростов-на-Дону, 1974. — С. 149-150.

²⁷ Кияшко А.В. Полтавкинские подбойные погребения низовий Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. — Волгоград, 1998. — Вып. 1. — С. 17-28.

идентичными позами, инвентарём, формой ям и ориентировками отсутствует. Оставшаяся группа РБВ-II легко сопоставляется с группой X по Кияшко. Единственное значимое отличие схемы В.С. Яценко в части систематизации материалов позднеямного-раннекатакомбного времени от схемы предшественника состоит в выделении группы Я-IV, о неправомерности их отнесения к позднеямному периоду говорилось выше. В части же более ранних материалов схема В.С. Яценко существенно отличается меньшим количеством групп (рис. 205), что вызвано узкой рассматриваемой территорией, на которой практически не представлены вытянутые погребения, и отказом от выделения группы III по В.Я. Кияшко с западной ориентировкой. Их В.С. Яценко отнёс к группе Я-II на основании сходства позы и ориентировки на запад (рис. 8, п. 12, 16, 24, 30). Не ясно, как быть с сопровождавшей их энеолитической керамикой (часть её отнесена к погребениям, не вошедшим в группы), ножевидными пластинами и наконечником, идентичной формы с наконечником из «сидячего» (рис. 6, п. 6), которое автор отнёс к группе Эн-II. Таким образом, прямое заимствование схемы В.Я. Кияшко, без явного на то указания, объясняет как «странное» выделение шести групп ямных погребений, так и выделение некоторых из них по инвентарю без каких-либо отличий в погребальном обряде.

В хронологической схеме В.С. Яценко приведено довольно слабое иллюстрирование инвентаря, несмотря на наличие большого количества неиспользованных в схеме предметов. Это существенно затрудняет понимание содержания каждого из этапов, а значит и критику всей концепции. Так, группы Я-V и Я-VI проиллюстрированы только двумя сосудами, группы Я-I и Я-IV — четырьмя. В группе Я-VI присутствуют явно катакомбные сосуд и булавка, данный сосуд В.Я. Кияшко отнёс к группе VIII. Группа Я-I проиллюстрирована сосудами и рогатыми булавками из погребений (рис. 34), поза которых не совпадает с приведённой в схеме. Сами приведённые в схеме вещи часто являются единственными в своём роде, а не типичными. Это касается керамики групп Эн-II, предмета из рога в группе Я-VI и др.

В работе посвящена целая глава²⁸ погребениям, не вошедшим в группы. С

²⁸ Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-

одной стороны - это честное признание автором недостаточности наших знаний о эпохе, с другой стороны — это можно назвать ярким свидетельством несовершенства методики автора в работе с материалом. Мы считаем, что если есть материал, не укладывающийся в схему (т. е. противоречащий ей), то нужно менять схему, а не выносить его за скобки. Не случайно погребение с поселения Батай I вынесено в эту главу, а материал самого поселения не включен в хронологическую схему, несмотря на центральное место во всей работе. Это произошло потому, что очень ранняя датировка поселения никак не вяжется с содержанием энеолитических групп погребений.

В целом, по работе В.С. Яценко можно сделать общий вывод: методология автора вызывает многочисленные возражения, полученный результат не выдерживает критики. Выше приведены только очевидные противоречия схемы В.С. Яценко с материалом, при сравнении её с аналогичными схемами выявляется их полная несопоставимость. Ценность работы заключается прежде всего во введении в научный оборот новых материалов, а также глубокой источниковедческой проработке.

1.2. Памятники ямной культуры в историографии Среднего Подонья и Подонечья. Репинская культура

Репинская культура получила свое название по эпонимному памятнику Репин Хутор на Среднем Дону, исследованному И.В. Синициным в 1957 году. Впервые курганные погребения с репинской культурой связал К.Ф. Смирнов, считая их древнейшими в ямной культуре²⁹.

Для историографии репинской культуры решающее значение имеют работы А.Т. Синюка по Среднему Подонью. В 1981 году он опубликовал ключевую рабо-

Дону, 2015. — С. 112-127.

²⁹ Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА №60. — М., 1959. — С. 307.

ту по репинской культуре, впервые дав ей развёрнутую характеристику³⁰. Керамику репинского поселения он связал с вытянутыми погребениями из Бережновки. Именно из этого факта делается вывод об особой репинской культуре³¹. Как известно, впоследствии эта гипотеза не подтвердилась³². Принадлежность её к ямной культуре признавалась возможной³³ и здесь же отрицалась³⁴.

Ключевым памятником этой эпохи стал исследованный в 1981 году под его руководством Ивановбугорский могильник. С течением времени взгляды А.Т. Синюка на эти и схожие материалы менялись по мере новых открытий. В публикации Сасовских курганов³⁵ вытянутые погребения он относит к особой группе поздней стадии бытования древнеямных захоронений.

В статье 1984 года³⁶ автор вновь сопоставляет их с ямной культурой: «Исходя из суммы приведенных данных и придерживаясь существующей хронологии энеолита Восточной Европы, начало функционирования Ивановбугорского могильника можно было бы соотнести с ранними стадиями древнеямной общности».

В книге 1985 года³⁷ автор рассматривает Ивановбугорский могильник в рамках репинской культуры: «Возможно, что грунтовые Дронихинский и Мосоловский могильники принадлежат репинской культуре первого хронологического этапа, а Ивановбугорский — этой же культуре второго, позднего, этапа, с восприятием древнеямной традиции устройства курганной насыпи. Ко времени распада репинской культуры, испытавшей влияние и со стороны северного пережиточного

³⁰ Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона / А.Т. Синюк // СА. — 1981. — №4. — С. 8-20.

³¹ Там же. С. 15.

³² Турецкий М. А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. (Материалы международной конференции). — Самара: Изд-во НТЦ, 2001. — С. 125–129.

³³ Там же. С. 15.

³⁴ Там же. С. 18.

³⁵ Синюк А. Т. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. — Воронеж, 1983. — С. 109.

³⁶ Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) // СА. — 1984. — №3. — С. 118.

³⁷ Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи (учебное пособие к спецкурсу). — Куйбышев, 1985. — С. 57.

неолита, и древнеямного, и катакомбного мира, могут быть отнесены вытянутые погребения третьей группы Ивановбугорского могильника и упомянутые погребения Сасовских курганов».

В монографии 1996 года³⁸ встречаем отнесение памятника к поздней репинской культуре, однако аналогичные вытянутые репинские погребения не приводятся: «Самыми поздними являются погребения подгруппы В, сопровождавшиеся сосудами с пережиточными репинскими чертами. Первые две подгруппы погребений на основании целого ряда сравнительных данных несут характерные признаки погребального обряда носителей репинской культуры: устройство грунтовых могильников, вытянутое положение умерших с ориентировкой в восточную половину круга горизонта; незначительная роль применения охры. Обрядовые же новации (устройство насыпей, кромлехов, сопровождение сосудами) следует рассматривать как следствие воздействия традиций древнеямной этнокультурной среды».

В работе 1999 года³⁹ А.Т. Синюк вновь перечисляет Ивановбугорский могильник в ряду энеолитических памятников. В вопросе атрибуции репинского поселения автор ссылается на И.В. Синицина⁴⁰, который отнёс его к древнеямной культуре. Происхождение репинской культуры А.Т. Синюк связывает с нижнедонской раннеэнеолитической культурой: «Ещё более выраженное консервирование традиций нижнедонской культуры в культуре репинской, в сравнении со среднестоговской, проявилось в погребальном обряде. Есть основание считать, что 2-й Дронихинский могильник (на площади стоянки, в соседстве с рассмотренным нами выше среднестоговским могильником) принадлежал населению именно репинской культуры. Погребения, а их выявлено 12, ориентированы на восток и северо-восток. Большинство из них — одиночные, в положении вытянуто на спине. Более половины их принадлежало детям. Инвентарь отсутствовал, за исключением пастовых бус голубого и синего цвета, найденных в области шеи одного из по-

³⁸ Синюк А.Т. *Бронзовый век бассейна Дона. Монография.* — Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1996. — С. 65.

³⁹ Синюк А.Т. *Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Археология восточно-европейской лесостепи № 13.* — Воронеж, 1999. — С. 23-44.

⁴⁰ Синицын И.В. *Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. Киев, 1957. — Вып. 7. — С. 32-35.*

гребенных. Следов охры ни в одном случае не прослежено. Прямую параллель этим погребениям можно провести с вытянутыми захоронениями Ивановбугорского могильника, располагавшегося на р. Битюг (поблизости от Черкасской стоянки), примерно в 70 км ниже Дренихинского могильника».

В той же работе А.Т. Синюк ещё раз обосновывает разделение репинской культуры на 2 хронологических этапа, основываясь на стратиграфии стоянки Университетская 3. Обоснованные возражения приводит Н.С. Котова: «Необходимо отметить сразу, что анализ материалов поселения Университетское-3, которое А.Т. Синюк использует для стратиграфического обоснования более ранних и более поздних комплексов репинской культуры, не позволяет согласиться с его выводами. Этот памятник расположен на песчаной возвышенности в пойме р. Воронеж и неоднократно заселялся, начиная с эпохи неолита и до средневековья. В результате многократного заселения все материалы можно разделить лишь типологически, так как они имеют в общем одну и ту же глубину залегания»⁴¹. Также возражает и В.В. Ставицкий: «Точка зрения Л.А. Спицыной на истоки сложения керамических традиций репинской культуры по ряду позиций нам представляется более обоснованной. В частности, большинство перечисленных А.Т. Синюком признаков репинской керамики, находящих аналогии в нижнедонской посуде, характерно и для керамики среднестоговской культуры, поэтому нет необходимости выводить их из нижнедонских керамических традиций, где указанные признаки являются выборочными, тогда как на среднестоговской посуде они присутствуют и соответственно наследуются в комплексе»⁴². В этой статье, как и в диссертации В.В. Ставицкий выводит репинскую культуру из среднестоговской: «Уже на репинских поселениях Репин Хутор и Шиловское доминирует отщеповая индустрия. Поскольку репинская индустрия зарождалась в недрах среднестоговской, то, вероятно, орудия на отщепах широко использовались на Дону и в дорепинское время»⁴³. В то

⁴¹ Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. Поселения неолита — ранней бронзы Северского Донца. — Луганск: ВНУ, 2000. — С. 94.

⁴² Ставицкий В.В. Процессы взаимодействия культур позднего энеолита в лесостепной зоне Волго-Донского бассейна // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 12. — [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/12/8504>.

⁴³ Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья:

же время автор разделяет ямную и репинскую культуры⁴⁴.

В монографии по Мастищенским поселениям⁴⁵ авторы однозначно относят Ивановобугорский могильник к одноимённой культуре эпохи средней бронзы.

Исходя из надёжной стратиграфии самого памятника, нам удалось убедительно показать принадлежность вытянутых погребений данного кургана энеолитической эпохе, о чём была опубликована статья⁴⁶.

В монографии 1983 года А.Т. Синюк опубликовал и известные погребения из кургана 31 Павловского могильника. Сосуд из погребения с медным топором он соотнёс с поздней среднестоговской культурой⁴⁷, однако, на сегодня его принадлежность к репинской культуре не вызывает сомнений⁴⁸.

В статье⁴⁹ 2006 года А.Т. Синюк довольно ясно выразил своё видение проблемы происхождения ямной культуры на Среднем Дону: «Но относительно позднее появление в Донской лесостепи первых ямных погребений вполне закономерно, если учесть, что этому проникновению предшествовало освоение данного региона иными группами населения с культурой энеолитического облика: сначала нижнедонской культуры мариупольской области, а затем - среднестоговской, на базе взаимодействия которых произошло оформление репинской культуры». Можно заключить, что автор разделял репинскую и ямную культуры как по происхождению, так и по историческим судьбам. Ранее этот подход уже

динамика взаимодействия культур Севера и Юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. д-ра истор. наук. — Ижевск, 2006. — С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 31.

⁴⁵ Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мастищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы — ранний железный век). — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. — С. 85.

⁴⁶ Файферт А.В. О культурно-хронологической принадлежности Ивановобугорского могильника эпохи бронзы // Археология восточно-европейской лесостепи: Материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. — С. 157—160.

⁴⁷ Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. — С. 126.

⁴⁸ Моргунова Н.Л. О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3(2), 2014. — С. 589.

⁴⁹ Синюк А.Т. Памятники ямной культуры Донской Лесостепи // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. — Оренбург, 2006. — С. 81-83.

вызывал возражения⁵⁰.

Поскольку А.Т. Синюк связывал происхождение репинской культуры с неолитической нижнедонской культурой, включавшей и поселение Ракушечный Яр, то территория распространения репинской культуры охватывает и Нижнее Подонье.

В известной статье 2003 года В. И. Беседина и Ю. П. Матвеева была предпринята попытка пересмотра хронологии репинской культуры⁵¹. Однако подобная интерпретация материала выглядит сомнительной, поскольку даже из отчёта по раскопкам не следует указанное предшествование катакомбного погребения репинскому, да и хронологическая позиция впускного детского безынвентарного погребения, которое авторы относят к репинской культуре, выглядит неопределённой.

В докторской диссертации⁵² В.В. Ставицкий приводит факты в пользу происхождения ямной культуры Верхнего Дона напрямую от позднестоговских племён, минуя репинский этап. Он полагает, что репинское влияние не достигало востока Волго-Донской лесостепи, поэтому здесь продолжается развитие позднестоговских традиций.

Л.А. Спицына в своей статье по репинской культуре Северского Донца⁵³ обобщила большинство работ по данной тематике. В целом она пришла к выводу о довольно раннем проявлении памятников репинской культуры в Подонцове. Однако использованные материалы вызывают возражения: керамика поселений Светличное I, Усово Озеро, Александрия - не имеют аналогий на Репинском поселении и весьма схожи с материалами поздней среднестоговской и константи-

⁵⁰ Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). — Киев: Наукова думка, 1986. — С. 50.

⁵¹ Беседин В.И., Матвеев Ю.П. Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж, 2003. — С. 134-141.

⁵² Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур Севера и Юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. д-ра истор. наук. — Ижевск, 2006. — С. 31.

⁵³ Спицына Л.А. Северскодонецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Сборник. — Луганск: Шлях, 2000. — С. 53-75.

новской культур. По поводу происхождения репинской культуры она пишет, что «изучение стратиграфии и коллекции керамики поселения Университетское 3, а также всей репинской культуры показало, что предложенная им периодизация не подтверждается археологическим материалом. В настоящее время не найдено ни одного однослойного поселения с материалами каждого из периодов или поселения с четкой стратиграфией, на котором были бы представлены культурные слои, отвечающие двум периодам в развитии этой культуры»⁵⁴. Аналогичные утверждения делает Н.С. Котова (см. ниже).

Подводя итог исследованиям репинской культуры, А.М. Скоробогатов⁵⁵ в 2013 году пришел к выводу о недостаточности данных для реконструкции происхождения репинской культуры Среднего Дона. Ни одна из выдвинутых версий не имеет под собой достаточных фактических данных, прежде всего стратифицированных поселений.

1.3. Историография проблемы происхождения ямной культуры степей Украины и Волго-Уралья.

Впервые памятники ямной культуры выделены В. А. Городцовым в 1901 году на Северском Донце. Затем эта культура неоднократно становилась объектом исследования, но наиболее известной работой стала монография Н.Я. Мерперта 1974 года «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья»⁵⁶. В ней автор выделил 9 локальных вариантов, впервые дал характеристику сразу трём районам распространения памятников, впервые предпринял попытку создать схему эволюции погребального обряда, создал первую стратиграфически подтверждённую периодизацию. Вместе с В.Н. Даниленко он включал все ранние подкурганые погребения Поволжья и Подонья в ямную культуру. В работах указанных ав-

⁵⁴ Там же. С. 58.

⁵⁵ Скоробогатов А.М. Еще раз о происхождении репинской культуры (по материалам Среднего Дона) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. — Санкт-Петербург: «Скифия-принт», 2013. — С. 21-25.

⁵⁶ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М.: Наука, 1974. — 152 с.

торов поиски истоков ямной культуры обычно приводили к включению в состав ямных памятников более ранних комплексов. В большинстве случаев, по нашему мнению, это не проясняло для сути вопроса ничего нового, и в дальнейшем было отвергнуто большинством исследователей⁵⁷.

В работе «Энеолит Украины» В.Н. Даниленко⁵⁸ приводит оригинальную «субстратную» гипотезу происхождения ямной культуры. Основу его подхода составило изучение трипольской культуры, которая просуществовала больше двух тысячелетий. Аналогичным образом В.Н. Даниленко представлял и ямную культуру. Формирование зачатков этой культуры началось в неолите Средней Азии, а затем путём миграций и инфильтраций носителей ямных традиций сформировалась огромная степная общность. Несмотря на некоторые попытки представить собственные варианты, по сути, той же гипотезы⁵⁹, культурно-хронологическая схема В.Н. Даниленко практически не была принята в среде исследователей. В сильно переработанном виде её элементы используются в работах Ю.Я. Рассасакина⁶⁰. В его книге сделана одна из первых попыток обобщить большой массив накопленных материалов. Эта работа замечательна формой подачи материала — публикацией первоисточника отдельно от исследования. Главным недостатком работы является неполный охват источниковой базы: так, в работе учитывается всего 26 нижнедонских погребений, т.е. не более 3% от их числа. Концепция исторического развития в эпоху энеолита Ю.Я. Рассасакина стоит особняком в историографии, сложившейся на основе работы Н.Я. Мерперта. Начало ямной культуры он синхронизирует с исчезновением памятников «животиловско-волчанского типа»⁶¹. Комплексы с репинской керамикой автор считает позднейшим проявлением «ске-

⁵⁷ Напр.: Турецкий М. А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2009. — С. 59-64.

⁵⁸ Даниленко В.Н. Энеолит Украины: Этноисторическое исследование. — Киев: Наукова Думка, 1974. — С. 30-37.

⁵⁹ Трифионов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. — Ленинград: Наука, 1991. — С. 116.

⁶⁰ Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit/ DAI. Archäologie in Eurasien. Band 17. — Teil I. — Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

⁶¹ Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit/ DAI. Archäologie in Eurasien. Band 17. — Teil I. — Mainz: Verlag Philipp von Zabern. — С. 213.

лянской» погребальной традиции, а ямная культура должна быть представлена так называемыми поздними памятниками с западной ориентировкой. В целом же, концепция трёх погребальных традиций не дает чёткого ответа на вопрос о времени возникновения ямной культуры.

О.Г. Шапошникова в статье 1987 года объединяет в рамках раннего этапа ямной культуры памятники типа среднего слоя Михайловского поселения, погребения типа Быково II, репинские поселения Подонья, нижние горизонты поселений Дурна Скеля и Скеля-Каменоломня, верхний горизонт нижнего слоя Ливенцовского поселения, средний слой Раздольненского поселения. При этом отмечается, что среднедонские репинские поселения вряд ли могли стать основой «городцовской» ямной культуры⁶². О.Г. Шапошникова в коллективной монографии⁶³ ввела термин «среднемихайловский тип памятников», который представляется локальным вариантом раннего этапа ямной культуры, наряду с репинским.

Д.Я. Телегин и О.Г. Шапошникова стали авторами концепции формирования ямной культуры на основе среднестоговской⁶⁴, в отличие от В.Н. Даниленко, который считал среднестоговские материалы одним из этапов существования ямной культуры. При этом О.Г. Шапошникова выделяла в ямной культуре 2 этапа, в соответствии со стратиграфией Михайловского поселения⁶⁵. Аналогичным образом видит начало ямной культуры Д.Я. Телегин⁶⁶, синхронизируя средний слой поселения Михайловка, Александрию и Репинское поселение с Трипольем С2.

Авторы совместной статьи⁶⁷ на основании анализа курганов Поднепровья, следуя ранней концепции О.Г. Шапошниковой, относят все ранние скорченные погребения к ямной культуре.

⁶² Шапошникова О.Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Сборник научных трудов. — Киев: Наук. Думка, 1987. — С. 10.

⁶³ Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). — Киев: Наукова думка, 1986. — С. 51.

⁶⁴ Археология УССР. — Киев: Наук. Думка, 1985. — С. 338.

⁶⁵ Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. — Киев, 1962. — 248 с.

⁶⁶ Телегин Д.Я., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте и периодизации памятников ямной культуры по радиокарбонным данным // Археологические записки. — Ростов-на-Дону, 2005. — С. 24-29.

⁶⁷ Андросов А.В., Яременко И.И., Мартющенко Д.В. Курганы энеолита — бронзового века Каменского поля // Исследование по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. р. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. — С. 4-22.

Л.А. Спицына в своей работе показала, что такие памятники, как средний слой Михайловского поселения и поселения Нижний Рогачик в Правобережном Поднепровье относятся к выделенной ею рогачикской культуре эпохи ранней бронзы⁶⁸. Левобережное Поднепровье в это время было занято носителями репинской культуры. Таким образом, исследовательница отделяет памятники репинской и рогачикской культур от ямной. В предыдущей работе она высказала предположение о формировании репинской культуры в бассейне Северского Донца на основе дереивской культуры⁶⁹. Концепция рогачикской культуры была принята Н.С. Котовой⁷⁰.

Согласно периодизации А.В. Николовой⁷¹, наиболее ранние погребения ямной культуры (включающей 5 стратиграфических горизонтов) совершены в прямоугольных ямах с восточной ориентировкой костяка и сопровождаются керамикой, близкой ко второму слою Михайловского поселения, и новосвободненскими типами металлического инвентаря. При этом исследователь считает необходимым полностью исключить бережновские и хвалынские материалы из рамок ямной культуры. В более ранний период⁷² А.В. Николова видела в качестве ранних погребения с керамикой типа верхнего слоя Михайловки.

Более ранняя датировка нижней границы ямной культуры Днепровского Левобережья даётся в работах З.П. Мариной⁷³ и И.Ф. Ковалевой⁷⁴. К данному этапу

⁶⁸ Спицына, Л.А. Археологічні культури пізнього енеоліту-ранньої бронзи Дніпро-Донського межиріччя (за матеріалами поселень: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. — Київ: Інститут археології НАН України, 2002. — 14 с.

⁶⁹ Спицына Л.А. Поселення репінської культури на сході України // Археологія, 1999, № 1. — С. 60-63.

⁷⁰ Котова Н.С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. — Киев; Харьков: Майдан, 2013. — С. 4.

⁷¹ Николова А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: Автореф. дис. канд. ист. наук. — Киев, 1992. — С. 15-20.

⁷² Николова А.В. О периодизации памятников ямной культуры на Юге Херсонщины // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 34-35.

⁷³ Марина З.П. Культурно-хронологическое положение ямных памятников Днепровского левобережного предстепья в системе культур энеолита-раннего бронзового века Евразии // Бронзовый век Восточной Европы. — Самара, 2001. — С. 101-103.

⁷⁴ Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке: учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — 116 с.

относится керамика бережновского типа, а позднейшие раннеямные погребения содержат керамику, аналогичную среднему слою Михайловского поселения. По мнению И.Ф. Ковалевой,⁷⁵ ямная культура приходит на смену вытянутым погребениям Волго-Днепровской культурной общности эпохи энеолита. З.П. Марина довольно определённо высказывалась в пользу синхронизации Хвалыньских могильников, Бережновки, Репинского поселения и раннеямных подкурганых погребений Орельско-Самарского междуречья⁷⁶.

Д.Л. Тесленко на материалах Днепровского Надпорожья определяет погребальный обряд раннего этапа ямной культуры в рамках традиционных критериев восточной ориентировки и положения на спине. В целом же, подход данного исследователя совпадает с «репинской» атрибуцией раннеямных комплексов⁷⁷. Автор неоднократно подчёркивает принадлежность значительной части погребений в каменных ящиках Причерноморья к ямной культуре, а не к более ранним энеолитическим культурам⁷⁸.

Л.Ф. Константинеску придерживается в своих работах традиционной точки зрения о синхронности и однокультурности раннеямных погребений, среднего слоя Михайловского и керамики Репинского поселения⁷⁹. В качестве аналогий раннеямной керамике Приазовья он приводит сосуды из Быково II и Бережновки I⁸⁰.

А.Л. Нечитайло создала концепцию европейской степной культурно-исторической общности, состоящей из четырёх групп: суворовской, новоданиловской,

⁷⁵ Ковалева И.Ф. «Вытянутые» погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурной общности // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 26-27.

⁷⁶ Марина З.П. Раннеямные погребения на Левобережье Днепра // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 27-28.

⁷⁷ Тесленко Д.Л. Ямна культура Дніпрівського Надпоріжжя та правобережного Передіступу: Автореф. дис. канд. ист. наук / Д.Л. Тесленко — Киев, 1999. — С. 12.

⁷⁸ Тесленко Д.Л., Гребенников Ю.С. Погребения в каменных гробницах из кургана у с. Весняное на Николаевщине // Проблеми археології Подніпров'я: міжвуз. збірник наук праць. — Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2002. — С. 90.

⁷⁹ Константинеску Л.Ф. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння // Археологія. № 45. — Киев, Наук. Думка, 1984. — С. 67.

⁸⁰ Константинеску Л.Ф. О памятниках ямной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 30-32.

нижневолжской и предкавказской. По её мнению, эта общность занимала хронологическое положение между культурами мариупольской общности и ямной историко-культурной общностью⁸¹.

Б. Д. Михайлов⁸² на основе раннеямного погребения датирует шлифовальные плиты-полисуары Каменной Могилы. Этим же временем датируются и часть петроглифов.

Собственную схему исторического развития раннего бронзового века Поднепровья предложил Ю.А. Шилов. В частности, он считал, что переход от средне-стоговского к среднемихайловскому периоду произошёл при участии кемиобинского и старосельского типов памятников, при этом население двинулось в сторону Кавказа. Этому времени соответствует 2-й слой Михайловки и раннеямный тип погребений. Обратная миграция ознаменовала начало позднеямного периода⁸³.

Ввиду специфичности как историографических традиций, так и географического положения (близость к Карпато-Дунайскому региону), подходы исследователей ямной культуры Северо-Западного Причерноморья плохо согласуются с большинством работ, созданных на материалах более восточных регионов. Так, С.В. Иванова в статье, посвящённой характеристике исторических процессов энеолита и раннего бронзового века, приводит дату начала раннего бронзового века и ямной культуры около 3400 г. до н.э. Начало ямной культуры Северо-Западного Причерноморья синхронизируется с Трипольем С2, усатовской, поздней квилянкой (постмариупольской) культурами, памятниками животиловского типа⁸⁴. Традиционно для Северо-Западного Причерноморья происхождение ямной культуры связывают с усатовской культурой⁸⁵. Однако её роль в этом процессе

⁸¹ Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. — 1996. — №.4. — С. 18-30.

⁸² Михайлов Б.Д. Ямное погребение с полисуаром на Мелиотопольщине // СА. — 1976. — № 1. — С. 255-257.

⁸³ Шилов Ю.А. Исторический процесс в Нижнем Поднепровье середины III — середины II тыс. до н.э. // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 16-18.

⁸⁴ Иванова С.В. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Самара, 2009. — С. 54.

⁸⁵ Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП 6. — Одесса, 1970. — С. 5-90.

представляется разной. В некоторых работах обосновывается сосуществование культур⁸⁶. С.В. Иванова считает, «что усатовская культура, наряду с позднеэнеолитическим горизонтом, стала одним из компонентов сложения буджакской культуры, при сосуществовании отдельных групп населения на этапе формирования»⁸⁷.

Иной подход демонстрируют работы И.Л. Алексеевой⁸⁸ и В.А. Дергачева, где к собственно ямным погребениям относятся комплексы с ориентировкой в западный сектор в положении скорченное на спине, реже - с разворотом на бок. В погребальном инвентаре представлены деревянные повозки (!), кубки, шаровидные амфоры, горшки баночных форм. Предполагается, что сложение ямной культуры здесь происходит на поздне трипольской (усатовской) основе при влиянии культур шнуровой керамики⁸⁹. Древнейшие погребения ямной культуры в Карпато-Поднестровье и Подунавье В.А. Дергачев относит к позднему горизонту раннеямного этапа⁹⁰.

Для большинства исследователей ямной культуры Северо-Западного Причерноморья характерно использование в разных вариантах одной методологии хронологического членения материалов: выделение типов погребений и подсчёт того, сколько раз погребения определенного типа перекрывали погребения другого типа⁹¹. Это приводит к очевидной невнятности культурно-хронологических построений. Очевидно, богатая стратиграфия курганов этого региона ещё требует проработки. При этом часто упор делается на социологическую интерпретацию данных погребального обряда⁹².

⁸⁶ Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. — Киев: Наукова думка, 1974. — 176 с.

⁸⁷ Иванова С.В. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад-Восток // *Stratum plus*. — 2013. — №2. — С. 10.

⁸⁸ Алексеева И.Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. — Киев: Наукова думка, 1992. — С. 58.

⁸⁹ Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. — Кишинев, 1986. — С. 77.

⁹⁰ Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы: Автореферат дисс. д-ра. ист. наук. — Ленинград, 1989. — С. 24.

⁹¹ Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). — Кишинев: Штиинца, 1985. — С. 95.

⁹² Иванова С.В. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад-Восток // *Stratum plus*. — 2013. — №2. — С. 17.

Уточнения для схемы периодизации среднестоговской и ямной культур предложил Т.Г. Мовша⁹³ на основе трипольских импортов. По его мнению, на смену нижнемихайловскому населению (этап Триполье VII) приходит «пастушеский очаг с преобладающей коневодческой формой хозяйства (Дереивка)»⁹⁴. Позднее устанавливаются контакты Триполья с племенами раннего этапа ямной культуры (средний слой Михайловки).

В.Н. Фоменко на материалах степного Побужья пришёл к выводу о взаимодействии нижнемихайловского и раннеямного населения⁹⁵. Автору удалось создать схему смены типов погребального обряда, хорошо согласующуюся со стратиграфией курганов.

На материалах Среднего Поволжья М.А. Турецкий выделил три этапа в развитии ямной культуры. Первый этап представляют скорченные на спине погребения с восточной ориентировкой, сопровождавшиеся керамикой репинского облика⁹⁶. В целом же указанный автор солидарен с большинством исследователей в тождестве понятий «репинский тип памятников» и «ранний этап ямной культуры». Теми же признаками, в сочетании с отсутствием инокультурных воздействий, наделял ранние погребения И.Б. Васильев⁹⁷. В своей работе И.Б. Васильев особое место уделял обоснованию гипотезы о преемственности хвалынской и ямной культур Поволжья, в рамках ямной культуры выделив две хронологические группы. Значительно более конкретизирует содержание понятия раннего горизонта ямной культуры Поволжья П.Ф. Кузнецов, предложивший называть его «бережновским». Однако, по-видимому, это пока не нашло поддержки

⁹³ Мовша Т.Г. Взаимосвязи Триполья и степных культур // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 24-26.

⁹⁴ Там же. С. 25.

⁹⁵ Фоменко В.Н. О периодизации погребений ямной культуры в степном Побужье // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 33-34.

⁹⁶ Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. — С. 114-115

⁹⁷ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000. — С. 24.

большинства коллег⁹⁸.

П.Ф. Кузнецов выделяет два этапа ямной культуры Волго-Уралья: Быково-Бережновский и Кутулукский⁹⁹. На основании серии радиоуглеродных дат указанный автор предполагает более раннее формирование ранней ямной культуры в Поволжье и Приуралье, примерно на 500 лет раньше, чем в Поднепровье¹⁰⁰. Сравнение датировок майкопской и раннеямной культур позволяют предположить, что «расцвет Майкопа и был тем катализатором, который определил начало ранней бронзы в степях Восточной Европы»¹⁰¹, т.е. привёл к возникновению ямной культуры. Свод датировок «памятников с керамикой репинского облика в целом соответствуют времени ямной культуры ее восточного ареала. Памятник у Репина Хутора возможно продатировать временем в интервале XXXIV–XXIX вв. до н.э.»¹⁰².

Замыкает данную группу исследователей ямной культуры Поволжья и Приуралья Н.Л. Моргунова, не раз посвящавшая этой теме значительную часть своих работ по эпохе энеолита-ранней бронзы. Ранний этап ямной культуры Н.Л. Моргунова синхронизирует с ранними майкопскими памятниками и поздними хвалынскими¹⁰³. При этом ранний этап ямной культуры Волго-Уралья она прямо называет репинским¹⁰⁴, а вместо термина «репинская культура» употребляется «репинский тип памятников». Также Н.Л. Моргунова призывает отказаться от

⁹⁸ Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Самара, 2009. — С. 61.

⁹⁹ Кузнецов П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. — Суздаль, 2008. — С. 358-360.

¹⁰⁰ Кузнецов П.Ф., Хохлов О.О. Етнокультурні зв'язки степового населення Східної Європи за доби ранньої бронзи // Археологія, № 1, 2011. — С. 4.

¹⁰¹ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000. — С. 7.

¹⁰² Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. — 2013 — № 1. — С. 20.

¹⁰³ Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Самара, 2009. — С. 24.

¹⁰⁴ Моргунова Н.Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья / Н.Л. Моргунова // КСИА. — 2013. — Вып. 230. — С. 9.

переименования этапов ямной культуры и замены других устоявшихся терминов, поскольку это «не только не имеет смысла и запутывает исследователей, которые занимаются изучением проблем бронзового века за пределами волжско-уральского междуречья, но и недопустимо с точки зрения научной этики»¹⁰⁵. Автор настоящей работы полностью привержен тем же принципам.

Н.Л. Моргунова едва ли не единственная из современных учёных, посвятившая отдельные работы проблеме происхождения ямной культуры¹⁰⁶. В монографии 2014 года¹⁰⁷ происхождению ямной культуры отведена целая глава, а первый этап называется «репинским». Однако, материал, на котором основана эта и другие подобные работы, имеет малое число стратиграфических соотношений. Сам процесс формирования ямного обряда подробно проследить невозможно. Таким образом, преемственность между ямными и энеолитическими материалами не прослежена, а изложение сводится к сравнению подборки энеолитических и репинских погребений. В этом плане материалы Нижнего Подонья имеют гораздо большую информативность.

Раскопками Р.А. Мимохода¹⁰⁸ удалось выявить погребение, демонстрирующее явную связь между раннеямным горизонтом и хвалынско-бережновскими комплексами. Таким образом, гипотеза о преемственности хвалынских и раннеямных памятников получает всё больше подтверждений.

Согласно результатам работы А.В. Епимахова,¹⁰⁹ ямная культура на Южном Урале и в Зауралье появляется в сложившемся виде в результате миграций небольших коллективов в раннеямное время.

Особняком стоят в этом ряду взгляды С.В. Богданова, видевшего начало ямной культуры в раннем энеолите, что неоднократно подвергалось обоснованной

¹⁰⁵ Там же. С. 9.

¹⁰⁶ Моргунова Н.Л. Истоки и культурная основа формирования ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 11. — Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014. — С. 6-28.

¹⁰⁷ Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. — С. 122-151.

¹⁰⁸ Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. — М.: Таус, 2009. — С. 54.

¹⁰⁹ Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дисс. док. ист. наук. — Екатеринбург, 2010. — С. 19.

критике. В работе 2004 года автор указывает¹¹⁰ репинский тип памятников в качестве раннего этапа ямной культуры. В то же время он связывает культуругенез древнеямных, а значит, и репинских памятников раннего бронзового века с памятниками хвалынско-бережновской культурной группы.

П.П. Барынкин в ходе изучения материалов Северного Прикаспия пришёл к выводу об их раннеямной атрибуции¹¹¹.

В своей докторской диссертации А.И. Юдин вновь обращается к концепции А.Т. Синюка о самостоятельной репинской культуре. В историографии ямной культуры Нижнего Поволжья он выделяет три основные точки зрения: 1) сложение ямной культуры на основе хвалынско-бережновских памятников, а также алексеевских, алтатинских и турганинских; 2) формирование ямной культуры как распространение репинской; 3) генезис хвалынских памятников в ямные через комплексы «ливенцовской культуры», ссылаясь на работу А.Л. Нечитайло¹¹². В последней утверждается, что распространение керамики, аналогичной сосудам из основного погребения кургана 5 могильника Мухин II, позволяет выделить ливенцовскую культуру на Нижнем Дону и в Приазовье. Выделение последней представляется нам недостаточно обоснованным.

А.И. Юдин отмечает малочисленность репинских памятников на Нижней Волге, из чего делается вывод о невозможности для репинской культуры стать основой сложения ямной. Предполагается пополнить схему происхождения ямной культуры материалами из поселения Кумыска и «...алтатинскими комплексами, которые продолжают функционировать на позднем этапе энеолита и могут заполнить лауну между хвалынской и ямной культурой»¹¹³. Автор считает наиболее вероятным сценарием многокомпонентную основу сложения ямной культуры в За-

¹¹⁰ Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — С. 282.

¹¹¹ Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Москва, 1992. — С. 18-20.

¹¹² Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. конф. — Саратов, 1997. — Ч. 2. — С. 40-57.

¹¹³ Юдин А.И. Исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья. Дис. д-ра истор. наук. — Саратов, 2006. — С. 358.

волжье.¹¹⁴

Схема А.Т. Синюка стала основой для концепции В.А. Трифонова о репинской культуре Подонья как основе в сложении ямной и её распространении на смежные территории¹¹⁵. Она конкретизировалась В.А. Трифоновым и в дальнейшем¹¹⁶. Введённый в научный оборот В.А. Трифоновым термин «репинский этап ямной культуры» представляется недостаточно удачным, но в основном принят исследователями¹¹⁷. Для погребений этого времени характерно присутствие в инвентаре новосвободненских типов изделий¹¹⁸.

По мнению В.А. Трифонова, «первоначальный этап формирования ямной культуры есть не что иное, как распространение репинской в степные районы. Этот процесс носил характер колонизации с основанием многочисленных долговременных поселений и стоянок»¹¹⁹. По его мнению, репинская культура стала первым этапом ямной, которая, расширяясь весьма длительное время, ассимилировала позднее население хвалынской, среднестоговской, константиновской и майкопской культур.

Однако А.Н. Гей отвергает данное культурно-хронологическое определение и предполагает, что наиболее ранними комплексами ямной культуры являются погребения, близкие хвалынско-среднестоговским памятникам¹²⁰.

В одной из недавних работ¹²¹ С.Н. Корневский использует термин «прото-

¹¹⁴ Там же. С. 359.

¹¹⁵ Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 43-49.

¹¹⁶ Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы. — Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. — С. 71-82

¹¹⁷ Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Самара, 2009. — С. 59.

¹¹⁸ Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. — Ленинград: Наука, 1991. — С. 118-119.

¹¹⁹ Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии — С. 45.

¹²⁰ Гей А.Н. Новотиторовская культура. — Москва, 2000. — С. 193.

¹²¹ Корневский С.Н. Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободненской общности // Проблемы изучения

ямный» для обозначения погребальной традиции, результатом развития которой стала ямная культура. При этом утверждается распространение в среде прото-ямного населения носителей ямных традиций в IV тыс. до н.э.¹²² Данный тезис не может не вызывать возражений.

В разработанной В.А. Сафроновым схеме периодизации эпохи палеометалла¹²³ ямная культура впервые появляется в Волго-Уралье синхронно с III-IV слоями Ракушечного Яра, Нальчикским могильником и др. Ранний бронзовый век начинается в Нижнем Подонье с появлением майкопских памятников и ямных памятников 2-го этапа. Остальная территория в это время занята памятниками нижнемихайловского типа.

Н.И. Шишлина в работе по систематизации ранних курганных погребений Северного Прикаспия¹²⁴ предполагает, что памятники ямной культуры появляются на территории Калмыкии не ранее группы «степных позднемайкопских». Вопрос об их хронологическом соотношении остаётся нерешённым.

Особняком в историографии ямной культуры стоят работы европейских авторов, изучающих курганы на территории Румынии, Венгрии, Сербии и Болгарии. Несмотря на более 500 раскопанных курганов¹²⁵, исследование ранних погребений пока, как нам представляется, не вышло на аналогичный отечественному уровень. Впрочем, это вызвано в основном малым числом погребений в курганах. Очевидно, что здесь пока не идёт речь о серьёзных исследованиях происхождения ямной культуры. Судя по некоторым работам¹²⁶, ещё не решены основные проблемы хронологического членения погребального обряда по периодам бронзового века. Так,

культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург, 2009. — С. 27–49.

¹²² Там же. С. 28.

¹²³ Сафронов В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века Юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк, 1979. — С. 13-15.

¹²⁴ Шишлина Н.И. К вопросу о начале бронзового века в Северо-Западном Прикаспии // Проблемы археологии Евразии. — Москва, 2002. — С. 75.

¹²⁵ V. Heyd, Yamnaya Groups and Tumuli west of the Black Sea. In: *Ancestral Landscapes*. Ed. by E. Borgna & S. Müller Celka. TMO 58 (Lyon). — P. 536-555.

¹²⁶ Frînculeasa Alin, Preda Bianca, Nica Tiberiu, Sofîcaru Andrei-Dorian, Un nou tumul preistoric cercetat la Ariceştii-Rahtivani (jud. Prahova), *Studii de Preistorie*, 11. — P. 189-227.

в указанной работе приведены таблицы корреляции позы костяка конструктивных особенностей могилы и стратиграфического положения. Это наталкивает на мысль, что некоторым авторам может быть неизвестно, что этот вопрос был окончательно решён В.А. Городцовым более ста лет назад, который выделил ямную, катакомбную и срубную культуры. Достаточно отметить, что последовательность совершения погребений в курганах устанавливается по радиоуглеродным датам¹²⁷. В указанной работе коллектива авторов, который возглавляют ученые из Бристольского Университета, предполагается¹²⁸, что Нижний Дон являлся ядром формирования ямной культуры. Судя по многим работам, эта точка зрения является устоявшейся для западной историографии. Представляется, что на данный момент источников для решения столь масштабных вопросов слишком недостаточно.

Наиболее важными в характеристике раннего этапа ямной культуры различными авторами явилось их видение в модели данной археологической культуры таких памятников как: поселения Ракушечный Яр, Репинское, Дериевка, Александрия, средний слой Михайловского поселения, вытянутые погребения из Бережновского могильника, погребение с сосудом и скипетром из Архаринского могильника, Хвалынский и Съезженский могильники, погребения с «роговыми» булавами. Каждый автор по-разному атрибутирует эти памятники и их место в модели ямной культуры или за её рамками.

Для отечественной историографии ямной культуры можно выделить в целом 4 периода:

1. Первоначальный: работы В.А. Городцова, А.А. Сеницына, М.А. Миллера, О.В. Бодянского, Н.Е. Макаренко и мн. др. Вопрос о происхождении ямной культуры не затрагивался.
2. Миграционистский период. Основная его особенность - осмысление итогов новостроечных работ в 1960-70-е гг. Сильное влияние на исследования в эти годы

¹²⁷ Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan. / C., Gerling; E., Banffy; J., Dani; K., Köhler; G., Kulcsár; Pike, AWG; V., Szeverényi; Heyd, VM. In: *Antiquity*, Vol. 86, No. 334, 11.2012. — P. 1097-1111.

¹²⁸ Там же. P. 1098-1099.

оказали успехи в изучении трипольской культуры. Наиболее известная концепция происхождения ямной культуры изложена в работах Н.Я. Мерперта. Однако, она не является единственной. Одновременно с ним свою оригинальную концепцию выдвинул В.Н. Даниленко, развернувший перед читателем целое историческое полотно, наполненное миграциями, контактами и инфильтрациями населения и культурных элементов. К тому же времени относятся и первые работы Д.Я. Телегина, который, впрочем, не стремился создать всеобъемлющую концепцию происхождения ямной культуры. К настоящему времени их взгляды необходимо относить к разряду историографических фактов, а не научно доказанных и общепринятых теорий. В целом, этот этап отличался широким охватом материалов, смелостью интерпретаций, попытками исторических реконструкций, созданием универсальных типологических схем, выделением новых культур. Начало ямной культуры виделось в неолитических или энеолитических культурах, а сама она включала очень широкий круг памятников.

3. Следующий («лесостепной») этап развития взглядов на происхождение ямной культуры пришелся на 1980-90-е гг. и связан со спецификой открытых в эти годы энеолитических памятников отдельных регионов, в которых исследователи видели корни ямной культуры. Так, в Поволжье были открыты могильники хвалынской культуры, на основе которых И.Б. Васильев разрабатывал свою концепцию культурогенеза в эпоху ранней бронзы. На основе памятников среднестоговской культуры и репинского типа на Среднем Дону А.Т. Синюк выводит собственную версию формирования ямной культуры лесостепи и степи. С открытием памятников среднестоговской и нижнемихайловской культур связаны концепции западного (автохтонного) происхождения ямной культуры, предложенной Д.Я. Телегиным и О.Г. Шапошниковой.

4. Современный этап (преимущественно автохтонистский). Характеризуется переосмыслением накопленных источников, углубленным изучением отдельных регионов, появлением радиоуглеродной хронологии, выделением локальных особенностей. В Волго-Уралье основными стали работы Н.Л. Моргуновой, П.Ф. Кузнецова, М.А. Турецкого, С.В. Богданова. Ямная культура бассейна Дона в этот пе-

риод практически не исследовалась. Для Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья можно выделить работы Ю.Я. Рассмакина, А.В. Николовой, Л.А. Спицыной, С.В. Ивановой и др. В этот период выделяются прямые предшественники ямной культуры, репинские памятники обычно позиционируются в качестве раннего этапа культуры.

Особенностями нового этапа развития историографии ямной культуры, по нашему мнению, станет углубление источниковедческой работы, привлечение данных генетики и других естественных наук, отказ от широких обобщений в пользу установления надёжных исторических фактов.

Подводя итог нашего обзора, можно с уверенностью констатировать на сегодняшний день консенсусное мнение научного сообщества о единстве раннего этапа ямной культуры и репинского типа памятников на всей территории распространения ямной культуры. Также не вызывает сомнений наличие местных корней у каждого регионального массива раннеямных памятников. Основой их формирования в Поволжье стали памятники хвалынско-бережновского типа, в Среднем Поднепровье, Среднем Подонье и Подонечье — поздние памятники среднестоговской культуры, в Нижнем Поднепровье и Приазовье — памятники нижнемихайловского типа. Для территории Нижнего Подонья такие памятники до сих пор не установлены, этому и будет посвящена основная часть настоящей работы. Концепция А.Т. Синюка и В.А. Трифонова о происхождении репинских памятников только на Среднем Дону и дальнейшем распространении на сопредельные территории не нашла новых подтверждений и, в основном, не получила поддержки научного сообщества.

Среди научных работ по тематике энеолита — ранней бронзы можно выделить две парадигмы:

1. Стадиальный подход. Характеризуется выделением больших по занимаемой территории и времени существования культурных общностей и делением их на этапы. Эта парадигма выразилась в работах Н.Я. Мерперта и В.Н. Даниленко.

2. Выделение археологических культур. Характеризуется созданием моде-

лей локальных общностей археологических памятников. Для рассматриваемой темы самыми показательными являются работы Д.Я. Телегина, В.Я. Кияшко, А.Т. Синюка, Ю.Я. Рассамакина и С.В. Ивановой.

Указанные подходы имеют свои преимущества и недостатки. Их использование породило целый ряд историографических проблем, ярко проявившиеся в практической несопоставимости моделей степных энеолитических и ямной культур В.Н. Даниленко и Д.Я. Телегина. В настоящей работе используется парадигма, сочетающая в себе эти два подхода.

Метод выделения обрядово-стратиграфических групп характеризуется вычленением этапов изменения погребального обряда внутри отдельных археологических культур. На практике оказалось, что эти этапы имеют надкультурный характер, т.е. изменения происходили почти параллельно в нескольких близких культурах.

Глава 2. Общая характеристика памятников Нижнего Подонья

2.1. Природно-географическая характеристика

Территория Нижнего Подонья в административном отношении представлена Ростовской областью и юго-восточной частью Волгоградской области. Географически Нижний Дон начинается в самом узком месте своей долины, в районе впадения р. Иловля. Важно учитывать, что примерно половина долины Нижнего Дона затоплена Цимлянским водохранилищем, а памятники утеряны безвозвратно. В рассматриваемый регион включены также территории бассейнов рек, впадающих в Таганрогский залив Азовского моря: Кагальник (Азовский район), Самбек, Миус, Еланчик. Регион почти полностью находится в зоне «типичной степи», на востоке переходя в зону более засушливой «южной степи» (р. Маныч; р. Дон, выше впадения р. Кагальник).

Долина Дона имеет ширину в среднем 10 км. По территории Ростовской области река течет практически в широтном направлении, с востока-северо-востока на запад-юго-запад, на территории Волгоградской области течет в близком к меридиональному направлению. Как и у всякой крупной реки, у Дона есть множество протоков, крупнейший из которых – Аксай; старых русел; широкая дельта, которая, впрочем, примерно в 30 раз меньше по площади дельты Волги. Питание реки снеговое и дождевое, поэтому весной случаются катастрофические разливы. Речная сеть достаточно густая, так что в регионе практически нет мест, удалённых от ближайшей реки более чем на 12 км. Это создает исключительно хорошие условия для ведения скотоводства, которые, впрочем, осложняются холодной снежной зимой. Наличие некоторого числа островов и байрачных лесов в долине Дона создают естественные укрытия от врагов.

Донское Правобережье в западной части занято отрогами Донецкого Кряжа, следствием чего является наличие большого числа выходов различных горных пород, в т.ч. кремня и кварцита, а также песчаников и известняков. Металлические руды имеются на западе региона, на юге и востоке Донецкого кряжа. Полиметаллические рудные выходы представлены довольно тонкими жилами с высо-

ким содержанием свинца, цинка, серебра, меди.

На Правобережье распространены байрачные леса, глубокие речные долины создают укрытие от северных ветров. Левобережье, напротив, представляет собой обширную открытую и очень ровную низменность с широкими аллювиальными долинами заросших камышом рек. На Левобережье нет значимых выходов кремня (есть очень редкие выходы галечного кремня) и других пород (за исключением единичных выходов песчаника), поэтому они, в основном, приносились с правобережной части региона.

В нижнем течении Дон имеет ряд длинных и многоводных притоков. Крупнейшим из них, мало уступающим по территории и природным ресурсам Нижнему Дону, является Западный Маныч, протекающий по дну соединявшего некогда Азовское и Каспийское моря пролива. К сожалению, долина Маныча занята водохранилищами, от которых, впрочем, памятники древности пострадали несравненно меньше, нежели на Дону. Следующей по величине речной экосистемой является долина реки Сал, берущей начало на западных склонах возвышенности Ергени и Сало-Манычской гряды. Перечисленные реки достаточно маловодны, но не пересыхают, в их долинах располагается множество озёр, лиманов, проток. Следует отметить, что вода в реке Маныч солёная.

В Дон в нижнем его течении впадают крупные притоки. Правые притоки (начиная от устья): Тузлов, Северский Донец, Кагальник (Константиновский район), Кумшак, Цимла, Чир. Левые притоки: Кагальник (Азовский район), Западный Маныч, Сал, Аксай Курмоярский, Аксай Есауловский, Карповка.

При этом крупные притоки Дона имеют собственные длинные и полноводные притоки. Например, р. Калитва по площади бассейна сопоставима с р. Сал. Сама река Дон имеет значительные по протяженности протоки. Из них на территории Ростовской области находятся: Мёртвый Донец, Койсуг, Аксай, Подпольная, Сусат, Сухой Донец, Сухая. Притоки Северского Донца: Калитва, Кундрючья, Калитвенец, Быстрая, Глубокая, Деркул. Притоки Западного Маныча: Кугульта, Юла, Средний Егорлык, Егорлык, Ельмута, Большая Садковка.

Территория Нижнего Подонья имеет ряд отличительных черт. Здесь, в от-

личие от бассейна Кубани, климат не так мягок, почвы менее плодородны; в отличие от территории Прикаспия Нижнее Подонье покрыто достаточно густой сетью рек, а озёра имеют лишь русловое происхождение. Наиболее близки по своему характеру к нижнедонским степи Среднего Дона, которые, главным образом, отличаются более низкой среднегодовой температурой и несколько большей распространённостью лесистых ландшафтов. Территория Приазовья, входящая в Нижнедонской регион (т.е. район современных городов Ростов-на-Дону, Таганрог, Азов), отличается от северной и восточной части более мягким климатом, богатством растительности и других ресурсов, и потому более благоприятна для жизни.

Довольно резко отличаются по характеру рельефа и природных ресурсов междуречье Дона и Северского Донца и бассейны рек Сал и Маныч. В Подонечье преобладает возвышенный рельеф, с холмами и повсеместными выходами горных пород, сравнительно узкие речные долины с высокими обрывистыми берегами, заросшие байрачным лесом, и потому плохо обеспечивающие зимний корм животным. Бассейны Сала и Маныча расположены на плоской низменной равнине, потому сток талых вод растянут во времени, кормовая база этой территории чрезвычайно богата, однако здесь нет ни выходов камня, ни леса для строительства, ни удобных площадок, прикрытых от северных ветров и от нападения врагов. Эти обстоятельства обусловили значительное отличие условий жизни на Донском Правобережье и Левобережье.

2.2. Топография могильников ямной культуры

Топография могильников ямной культуры бассейна Дона ещё не стала объектом изучения, однако, можно констатировать, что закономерности их положения полностью совпадают с характером топографии всех курганных могильников Подонья, поскольку последние почти всегда формировались вокруг курганов эпохи ранней бронзы. Выявлены некоторые общие закономерности.

1) На Донском Правобережье курганы обычно располагаются цепочкой, в основном на больших межбалочных водоразделах в 1-5 км от реки. Реже встречаются курганы на террасах и мысовых площадках, большей частью одиночные. В

Левобережных районах курганы располагаются бессистемными довольно большими группами на террасах по берегам рек, редко встречаясь далеко в степи. Так, например, на водоразделах Сало-Маньчской гряды, вдали от рек, курганов необычно мало.

2) Для всех памятников Правобережья рассматриваемого периода, исключая позднеямные, имеется очевидная тенденция, отмечавшаяся ранее: чем ближе курган к реке, тем более ранние погребения можно там встретить, и наоборот¹²⁹. Погребения развитого ямного времени обычно встречаются далеко в степи, на самых высоких водоразделах, где до них курганов не было, и, напротив, почти не встречаются в поймах рек, но есть на пологих склонах. Это же, в равной степени, относится к Доно-Кагальницкому и Доно-Сальскому водоразделам. Для остального Левобережья можно сказать лишь то, что все комплексы энеолита-ранней бронзы располагаются вблизи рек, на террасах, близких к рекам водоразделах и в пойме.

3) Очевидной особенностью топографии курганных могильников Нижнего Подонья является их привязанность к рельефу, в т.ч. и микрорельефу, причиной чему, несомненно, послужила возможность снижения трудозатрат для возведения насыпи максимальной величины. Например, это повсеместно проявилось в разрезании гребня водораздела в двух местах с переноской грунта на курган между этими углублениями, что значительно увеличивало его визуальный размер. Для насыпей высотой до 0,5 м трудозатраты таким образом сокращались в 2-3 раза. Подобным образом подрезались вершины холмов, останцы, изгибы промоин и узкие мысовые площадки, что придавало курганам вид, подчас, внушительных насыпей. В итоге, никакой иной системы взаиморасположения насыпей курганных могильников, кроме «кучно-цепочечной» с максимальным использованием осо-

129

бенностей рельефа, не выявлено. Очевидно, что в выборе места для возведения кургана немалое значение придавалось хорошей видимости сооружения с максимального расстояния, особенно с пастбищ у реки. Т.е. чем более масштабный вид открывается с возвышенности, тем более она привлекательна для строительства курганов.

Обозначенная выше разница между расположением памятников Правобережья и Левобережья, по-видимому, имеет только одну причину — сам характер рельефа. Например, малое число курганов на Сало-Манычской гряде вызвано, прежде всего, неприемлемой формой рельефа — широкая плоская равнина, на которой курганные насыпи плохо видны. Поэтому для расположения курганов выбирались наиболее приемлемые из оставшихся вариантов: края террас, мысы, возвышенные участки поймы, т.е. все те участки, где курганы будут хорошо заметны. То же характерно и для северной части Ставропольской возвышенности. Курганы, располагавшиеся далеко от реки, в неприметных местах, трудно найти, а потеря могил предков, видимо, было недопустимым для первобытного населения Нижнего Подонья. Да и расположение курганов группами служило всё той же цели. Противоположный пример — водораздел к югу от долины р. Северский Донец («Холодный бугор» и др.), имеющий выраженный гребень, усеянный крупными насыпями бронзового века, несмотря на, подчас, двенадцатикилометровую удаленность от ближайшей реки. Эта закономерность проявляется и на микрогеографическом уровне: так, в долинах мелких рек Правобережья курганы со стороны возвышенного коренного берега располагаются на мысах и водоразделах, в то время как курганы пологого берега располагаются преимущественно на террасах и в пойме. Это же характерно для имеющего подобный рельеф среднего течения р. Сал.

2.3. История изучения погребальных и поселенческих памятников эпохи энеолита нижнедонского региона

Первые научные раскопки курганов бронзового века в регионе провел В.Г. Тизенгаузен в 1864-1866 гг. К сожалению, исключительная бедность сохранив-

шихся материалов исследований начала XX века, до 1940-х гг. включительно, не позволяет использовать их на практике. Непрерывное наращивание источниковой базы начинается только с конца 1950-х годов, но самые значительные открытия памятников энеолита-начала ранней бронзы произошли в конце 1960 гг. с исследованием Ливенцовского и Константиновского поселений и Койсугских курганов.

В 1959 году в разрушенном кургане у ст. Заплавской С.Н. Братченко исследовал основное и единственное погребение. Ему удалось проследить многие важные детали обряда, и в частности, им было отмечено, что погребение двух детей в позе с руками у лица, находившееся в ямке под костяком женщины, является составной частью единого комплекса ямного времени.

В 1960 году Т.Д. Белановская начала плодотворные многолетние спасательные раскопки на поселении Ракушечный Яр. Стратиграфия памятника, включающая не менее 30 слоёв, до сих пор не имеет аналогов с нашей стране. Материал представлен наслоениями от раннего неолита до позднего энеолита.

В 1962 году Кобяковской экспедицией в могильнике Донской на Правобережье был исследован курган с группой из пяти древнеямных погребений, каждое из которых содержало сосуд, а одно из них — два костяных гарпуна и орнаментированную особым образом молоточковидную булавку.

В 1962 году С.Н. Братченко начал исследования Ливенцовского поселения. Оно стало первым памятником, давшим стратифицированный материал энеолита — ранней бронзы.

В 1967 году В.Я. Кияшко начал многолетние раскопки на Константиновском поселении, давшем богатейший материал, включавший керамику майкопского типа, около 700 кремневых наконечников стрел и мн. др.

В 1972 году Манычским отрядом Донской экспедиции под руководством К.С. Лагоцкого в долине Дона при впадении в него Маныча был, в числе прочих, исследован курган, содержащий 15 погребений эпохи ранней бронзы. Они были отнесены к ямной культуре, несмотря на нестандартное для ямного обряда положение умерших. В настоящей работе этот комплекс рассматривается в контексте погребений койсугского типа.

В 1980 году в ходе масштабных работ на строительстве мелиоративных сооружений Е.И. Беспалым был исследован курган 9 могильника «Тузлуки», давший уникальную стратиграфическую колонку эволюции погребального обряда, лёгшую в основу данной работы.

В 1986 году Л.М. Казаковой на восточной окраине г. Ростова-на-Дону был исследован уникальный 7-ми метровый курган. Оказалось, что над основным погребением, содержащим шило и тесло, была сделана насыпь высотой более 5-ти метров, окружённая обширным каменным кольцом-кромлехом. Вещи (сохранились небольшие фрагменты серебра), возможно, были утрачены. В кургане исследовано ещё два погребения в заплечиковых ямах, одно из них, детское, сопровождалось сосудом с ушками для подвешивания и сосудином с носиком — поилкой.

В 1971 г. Е.И. Савченко, в 1983 г. В.П. Копыловым и А.К. Гамаюновым и в 1987 г. В.Г. Житниковым в пойме реки Кагальник Константиновского района были исследованы курганы, содержавшие яркие комплексы константиновской культуры.

В 1986 г. И.В. Белинский провёл исследование поселения Батай I. На площади около 3000 кв. м собрана коллекция энеолитической керамики и кремневых орудий. Одна из ям содержала остатки сразу трёх энеолитических сосудов.

В 1988-89 гг. и в 1997 гг. Л.С. Ильюковым, В.В. Потаповым и др. на западной и восточной окраинах Ростова-на-Дону был раскопан ряд курганов, представляющих собой расположенные кольцом и перекрытые одной насыпью могильники древнеямной культуры.

В 1993 г. Е.И. Беспалый в кургане 5 могильника «Мухин II» открыл не имеющие пока аналогов в регионе энеолитические погребения в катакомбах.

В 1994 году И.В. Гудименко был открыт замечательный комплекс «Мартышкина балка», а затем им же в 2007 году найден аналогичный клад кремневых и каменных изделий на поселении «Дюнное V».

В 1998 году В.Г. Житниковым на территории г. Ростова-на-Дону был исследован уникальный курган энеолитического времени из могильника «Вертолётное поле».

В 1999 г. В.В. Яценко в могильнике «Новопалестинский II» на юге Ростовской области, и в 2009 году экспедицией под руководством С.А. Науменко на западной окраине Ростова-на-Дону, исследованы курганы, которые позволили установить взаимосвязь поздних комплексов Койсугского энеолитического могильника и раннеямных погребений.

Всего за время исследований изучено более 300 курганов, содержащих более 1300 погребений ямной культуры и более ранних. 60 % комплексов изучено в низовьях Маныча, в зоне обширных мелиоративных работ, и на территории Ростовской городской агломерации, при расширении площадей жилой и производственной застройки. О некоторой неравномерности в распределении памятников ямной культуры может говорить их отсутствие в изученных курганах дельты Дона и на водоразделах восточных отрогов Донецкого кряжа.

На Нижнем Дону известно сравнительно небольшое число **поселенческих памятников**, содержащих культурный слой ямного времени или ранее. Среди них, бесспорно, центральное место занимает "Раздорское I" с его богатой свитой слоёв энеолита-ранней бронзы. Содержание стратиграфической колонки описано в работе его главного исследователя В.Я. Кияшко¹³⁰. До сих пор не имеет аналогов исследованное в конце 1960-х – начале 1970-х Константиновское поселение, давшее название культуре. К настоящему моменту известны относящиеся к этой культуре погребальные комплексы. Интереснейшим стратифицированным памятником изучаемого периода является Самсоновское поселение. Особенно выделяется богатый 4-й слой, для которого имеются очевидные аналогии как из погребальных памятников Нижнего Дона, так и из материалов Репинского поселения. Недавно В.С. Яценко были опубликованы материалы энеолитического поселения "Батай I" из раскопок И.В. Белинского¹³¹. Пока бесспорных аналогий этим материалам не найдено, но по стилю и способу нанесения к нему близка керамика из погребения 10 кургана 3 могильника «Семенкин», погребения 7 кургана 5 могильника «Мухин II» и погребения 69 Ливенцовского грунтового могильника.

¹³⁰ Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. — 1987. — № 192. — С. 73-80.

¹³¹ Яценко В.С. Энеолитическое поселение Батай I // ИАИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. — Азов, 2011. — С.190-235.

Глава 3. Памятники раннего этапа ямной культуры и предшествующего периода Левобережья Дона

Чтобы понять, как происходило зарождение погребального обряда ямной культуры, нужно рассмотреть самые ранние её памятники на фоне предшествующих энеолитических. Такой подход призван показать как всю сложность процесса появления и закрепления ямного «стандарта», так и то, какие памятники претендуют на роль генетической основы. Это вовсе не означает, что именно Нижнее Подонье было ядром формирования ямной культуры (хотя, это возможно), скорее это значит, что регион являлся частью этого процесса.

3.1. Типология погребений и стратиграфия курганов

Как было указано выше, в предшествующих работах по Нижнему Подонью вопрос о происхождении ямной культуры не ставился, не давалось и чёткого определения погребального обряда ямной культуры. Для решения данных задач нам необходимо было провести систематизацию погребальных памятников.

Изначально нами были перебраны все варианты простейшей систематизации погребений лишь по одному ключевому признаку, например, форме ямы, ориентировке, позе и т. д. Ни один из них не оказался удовлетворительным.

Наиболее вариабельной, а потому и информативной, нам представляется поза погребённого. Типологизация погребений по сочетанию трёх признаков: позе (как основному), ориентировке и конструкции, без учета хронологической информации (инвентаря и стратиграфии) не дала положительного результата. Малая инвентарность и ограниченное число стратифицированных памятников не позволили на начальном этапе исследования полноценно включить их в анализ.

Созданные ранее типологические схемы В.Я. Кияшко (рис. 204) или Ю.Я. Рассамакина¹³², по-нашему мнению, во-первых, оказались частично противореча-

¹³² Rassamakin Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit/ DAI. Archäologie in Eurasien. Band 17. — Teil I. -

щими данным относительной хронологии, во-вторых, не учитывали всего многообразия погребального обряда энеолита — ранней бронзы. Типология погребений В.А. Трифонова¹³³ была построена на иных материалах и, по нашему мнению, не подходит для Нижнего Подонья, поскольку её адаптация имела бы мало общего с оригиналом. Поэтому было решено построить типологическую схему, которая могла бы устранить недостатки вышеназванных и логично включить все погребальные памятники Нижнего Подонья.

Типология построена на сочетании признаков, объединённых в 5 групп.

Группа 1. Комплекс признаков труположения:

- 1) общее положение умершего: на боку (правом\левым), на спине, на спине с завалом;
- 2) положение рук (предплечий и кистей);
- 3) положение ног, угол скорченности между бедрами и позвоночным столбом, бёдрами и голеньями;
- 4) ориентировка (по позвоночнику) и обращенность (по направлению «взгляда» покойного);

Группа 2. Признаки коллективных погребений:

- 1) количество погребенных;
- 2) особенности обращения с умершими при коллективном погребении;

Группа 3. Признаки погребальных конструкций:

- 1) Формы сооружений;
- 2) Наличие заплечиков\ступенек.

Группа 4. Погребальный инвентарь.

Группа 5. Использование подстилок\посыпок.

Не проявляют корреляции с другими признаками следующие: наличие растительных подстилок, форма ямы в плане, расширение стенок ямы к низу, наличие перекрытия. Посыпка охрой характерна для всех рассматриваемых

Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2004. — S.100.

¹³³ Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Ленинград: Наука, 1991. — С. 96.

комплексов, её количество и локализация также не коррелирует с другими признаками и имеет, по-видимому, индивидуальный характер. Прослеживаемая тенденция к постепенному сокращению количества охры от ранних погребений к поздним имеет слишком большие допуски, чтобы использовать её в качестве надёжного хронологического или обрядового признака.

Степень взаимосвязи признаков внутри каждого выделенного типа различна. Так, на рис. 209 показана взаимосвязь между положением стоп погребённого относительно позвоночника и очертаниями позы. Рис. 206 наглядно иллюстрирует, что между позой погребённого и инвентарём (датировкой) нет надёжной связи. Большая часть признаков имеет тенденции к неравномерному распределению на хронологической шкале. Так, обильная посыпка охрой, наличие кремня, слабоскорченная или сильноскорченная поза более характерна для ранних погребений, уступы и заплечики ям, наличие костяного и металлического инвентаря чаще присущи поздним комплексам.

Выделены 4 отдела, включающих основные типы. Представленный вариант типологии - один из многих составленных нами, однако ни один из них не смог вместить всего многообразия погребального обряда. Представленная схема учитывает и основную хронологическую информацию.

Употребляемая терминология описания позы погребённого основана на геометрических параметрах. Термин слабоскорченный означает: угол между позвоночником и бедрами более 135° , между бедром и голенью более 100° ; скорченный (фактически - среднескорченный): угол между позвоночником и бедрами от 90° - 135° , между бедрами и голенью 70 - 100° ; сильноскорченный: угол между позвоночником и бедрами менее 90° , между бедрами и голенью менее 70° . При этом приоритет имеет угол между позвоночным столбом и бедрами. В случае несимметричного положения ног или их утраты, учёт ведётся по сочетанию других признаков.

Отдел 1. Включает три типа.

1А — слабоскорченные, ориентированы преимущественно в восточный

сектор (3 — на восток, 2 — на запад), включают как одиночные, так и групповые могилы. Лежат на спине, руки вытянуты вдоль корпуса или слегка отведены. Ноги лежат ромбом или близки к вытянутому положению. Инвентаря практически нет.

1Б — вытянутые на спине одиночные и парные костяки. Ориентированы на восток, север и запад. Основные погребения ориентированы вверх по течению реки. Инвентаря практически нет.

1В — скорченные на спине, колени подняты. Ориентированы на северо-восток, что совпадает с направлением течения рек. В инвентаре присутствуют ножевидные пластины.

Отдел 2 включает пятнадцать типов.

2А - скорченные на боку погребения, руки у лица. Ориентированы на З, ЮЗ, ЮВ, В. Из инвентаря встречены круглодонный с овоидным профилем сосуд, двусторонне обработанные кремневые ножи на отщепках. К левобочным погребениям рассматриваемой группы обычно впущены более ранние погребения, чем к правобочным, что косвенно свидетельствует, что левобочные совершены раньше. Правобочные весьма близки к группе 2В.

2Б — скорченно на спине, ладони перед тазом, ноги завалены направо. Ориентировка на восток. В инвентаре ножевидные пластины.

2В - скорченно на правом боку, руки перед корпусом: правая согнута и протянута к лицу, ладонь левой лежит на локте правой. Ориентировка на запад. Инвентаря нет.

2Г - на левом боку, скорченно, нижняя рука прямая и отведена от корпуса, верхняя согнута под прямым углом в локте, кисть на локте нижней. Ориентировка — на запад. В инвентаре встречаются кремневые пластины.

2Д - «сидячие». Руки на тазу. Ориентировка на север и восток. В инвентаре кремневые пластины, костяные проколки.

2Е — скорченно на спине, ладони рук перед тазом, ноги сильно согнуты, завалены направо. Ориентированы на запад. Инвентарь — ножевидные пластины.

2Ж - скорченно на спине, ладони перед тазом, ноги завалены направо. Ориентированы на юг. Инвентаря нет. Близок к типам 2Б и 2И.

2З - скорченно на спине, руки на паху, ноги сильно согнуты, завалены направо. Ориентированы в западный сектор. Инвентаря нет.

2И - скорченно на правом боку, руки на паху, ноги сильно согнуты, завалены направо. Ориентированы на юг. Инвентаря нет.

2К - на левом боку, сильно скорчено, нижняя рука прямая и слегка отведена от корпуса, верхняя согнута под прямым углом в локте, кисть на локте нижней. Ориентировка — на запад. Инвентаря нет. Близок к типу 2Г.

2Л - на правом боку, сильно скорченно, руки протянуты к бёдрам перед корпусом. Ориентировка — на запад. Инвентаря нет. Близок к типу 2В.

2М — скорченные на спине с ногами ромбом. Руки отведены от корпуса. Ориентировка на восток и северо-восток.

2Н - скорченные на спине с ногами ромбом. Руки отведены от корпуса, часто лежат не симметрично. Ориентировка на запад и юго-запад.

2О - скорченно на спине, руки перед тазом, ноги завалены влево. Ориентированы в северный сектор. Инвентаря нет. Близок к типам 2Г и 2К.

2П — коллективные сильно скорченные погребения с ориентировкой в западный сектор. Поза на спине, колени подняты или завалены вправо.

Отдел 3 включает два типа.

3А — сильно скорченные на левом боку, руки у лица, в заплечиковых ямах. Ориентированы на восток и северо-восток.

3Б - сильно скорченные на левом боку, руки у лица, в простых прямоугольных ямах. Ориентированы на восток и юго-восток.

Отдел 4 включает десять типов.

4А — скорченные на спине, руки на тазу, ноги подняты коленями вверх. Ориентированы на восток и северо-восток.

4Б - скорченные на спине, руки на тазу, ноги подняты коленями вверх. Ориентированы на юго-запад.

4В - на правом боку, скорченно, правая рука прямая и отведена от корпуса, левая согнута под прямым углом в локте, кисть на локте нижней. Ориентировка — на запад.

4Г — парные, скорченные на спине с завалом ног налево, руки на крыльях таза. Ориентированы в восточный сектор.

4Д - скорченно на спине, руки на паху или животе, ноги завалены направо. Ориентированы на запад и юго-запад. Череп смещён в сторону или на грудь.

4Е - скорченно на спине, ладони около таза, ноги завалены влево, колени слегка приподняты над дном ямы. Ориентированы на юго-запад. Близок к типам 4Б и 4Ж.

4Ж - скорченно на спине, ладони около таза, ноги завалены влево, колени слегка приподняты над дном ямы. Ориентированы на восток и северо-восток.

4З - скорченно на спине, ладони рук около таза, ноги завалены вправо. Ориентированы на северо-запад.

4И - скорченно на спине, ладони рук около таза, ноги завалены вправо, колени слегка приподняты над дном ямы. Ориентированы на восток и северо-восток.

4К - скорченно на боку, ноги завалены вправо. Левая рука — вдоль корпуса, правая — ладонью на тазу. Ориентированы на восток и северо-восток.

Несмотря на кажущуюся стройность полученной схемы, сопоставление с хронологической информацией показало её несостоятельность. Сочетание основных черт положения погребённого (здесь мы подразумеваем оценку положения каждой части тела), формы ямы и ориентировки не дают деления на хронологические группы. Так, погребения с западной ориентировкой в простых ямах, в позе скорченно на спине оказались как с энеолитическим инвентарём, так и с поздним (рис. 206). Погребения с руками у лица также содержали как энеолитический

инвентарь, так и позднейший. Не отличима по набору признаков поза захоронений с поднятыми коленями, содержащими длинные кремневые пластины новоэнеолитического типа, керамику константиновской культуры или раннеэнеолитические сосуды. Погребения в практически идентичных позах на спине, завал ног направо, ориентировка на северо-восток, оказались как с инвентарём катакомбного времени, так и достоверно энеолитического возраста. Это лишь небольшая часть примеров. Сам факт наличия идентичного набора признаков погребального обряда для погребений разного времени показывает несостоятельность формального подхода. И самое главное, все варианты данной типологической схемы как научной гипотезы не отвечали важнейшему критерию оценки — возможность получения новой существенной научной информации. Уточнение полученной типологической схемы на основе инвентаря также затруднительно, поскольку хорошо датирующий материал содержат лишь 5-10% погребений. И часто он не может быть интерпретирован однозначно, поскольку, например, округлое дно в сочетании с жемчужинами по горлу сосуда встречается не только в раннеэнеолитическое время, но и в раннекатакомбное.

Успешным оказалось построение хронологической схемы на основе стратиграфии, а затем адаптация к ней типологической схемы. Результатом данной работы стала схема обрядово-стратиграфических групп. Она была создана на основе синтеза приведённой типологической схемы и хронологической информации из нескольких хорошо стратифицированных курганов. Было произведено сопоставление стратиграфических колонок, где каждое погребение, перекрывавшее нижележащее, выделялось в отдельный этап. Погребения одного этапа образуют набор типов погребений для каждого хронологического промежутка. А затем на основе прямого сопоставления всего набора признаков произведено встраивание всех известных комплексов в созданную нами схему.

Выработанный нами метод хронологического членения погребений основывается на выделении типичных признаков погребений каждого этапа: набор вариаций позы, интервал ориентировок, характерный инвентарь. На этой основе составляется примерный «шаблон» - некий образец, подразумевавшийся в ритуале

захоронения. На практике это означает, что помимо не вызывающих сомнений, в обрядово-стратиграфические группы можно включить и погребения, отличающиеся лишь одним конкретным признаком: деталью позы или ориентировкой. Такой подход позволил примирить имеющиеся противоречия типологической и стратиграфической схем и дал массу информации для характеристики каждого из этапов.

Основой хронологической схемы стали хорошо стратифицированные курганы Левобережья. Важнейшим памятником является курган 9 могильника Тузлуки (рис. 44).

Согласно отчёту Е.И. Беспалого, основным в кургане являлось погребение 31 (рис. 41, Б), костяк которого был разрушен, вероятно, преднамеренно. По пропорциям ямы можно сказать, что погребённый лежал скорченно. Самым ранним в связке погребений является погр. 28 (дно погр. 28 зафиксировано на глубине 2,0 м), которое было прорезано погр. 30, имевшем нивелировочную отметку дна 2,31 м от репера. Над последним впущено погребение 27. Оно имело отметку дна 1,88 м. Выше погр. 27 впущено погр. 26, костяк которого плохо сохранился (гл. 1,70 м), а яма не прослежена. Вероятно, он был подхоронен в яму погр. 27. Последним в связке было погр. 22, которое имело глубину дна 1,45 м. В представленной связке только погребение 30 частично разрушило погребение 28, остальные впущены не доходя до более раннего погребения 25-45 см. Это важнейшая особенность, позволившая надёжно установить последовательность совершения энеолитических погребений. Важнейшей деталью стратиграфии данного кургана стало надёжное соотношение правобочного погребения 27 и левобочного погребения 26, позволившее выделить горизонты IVA и IVБ.

Другим надёжно стратифицированным курганом со схожим набором погребений является курган 3 могильника «Новопалестинский II» (рис. 56). Здесь самым ранним являлось погр. 10. Оно перекрыто погребением 4, которое прорезало погр. 3. Таким образом, хронологическое соотношение погребений 3 и 10 устанавливается на основе того, что автор раскопок считает погр. 10 основным. По стратиграфии центральной бровки самым поздним является погребение 2. Сосед-

ний с описанным курган 4 (рис. 57) также дал ценную хронологическую информацию. Основным, по мнению автора раскопок В.В. Яценко, являлось погр. 2, затем было совершено погр. 3, а перекрыты оба погребением 1.

Ещё один памятник — курган 1 могильника Кулешовка (рис. 28-29) дал серию из 3-х надежно стратифицированных погребений с перекрытиями ям и запле-чиками. Последовательность их совершения представлена на рис. 207. Соотноше-ние между погребениями 4 и 8 дали основание для разделения стратиграфической группы VII на горизонты VIIA и VIIB.

Описанные курганы являются уникальными, поскольку содержат надёж-ное стратиграфическое соотношение 3-5 погребений с сохранившимся обрядом. Кроме них имеется до 40 курганов (например, рис. 19, рис. 22, рис. 49 и мн. др.), содержащих парные соотношения «основное-впускное». На основе сопоставле-ния всех имеющихся соотношений были созданы сводные таблицы (рис. 203, рис. 214, рис. 216).

Отдельного прояснения требует сам феномен неразрушающих подзахоро-нения, столь ярко проявившийся в нижнедонских курганах. Согласно принятым на сегодняшний день датировкам, между первыми курганными погребениями и поздними погребениями ямной культуры прошёл промежуток времени в 1 или 2 тысячи лет. При этом разделяет их всего 7-10 стратиграфических горизонтов. Все эти горизонты связаны между собой, что проявилось в их многочисленных сов-местных находках в одних и тех же комплексах, иногда в различной последова-тельности. А равно и в схожести обрядовых черт, взаиморасположении, показыва-ющем знание мест совершения предыдущих погребений. Таким образом, возни-кает эффект "сжатия времени", когда кажется, что каждый из стратиграфических горизонтов разделяет, вероятно, не более 1-2 поколений. Объяснение этому явле-нию можно найти в концепции А.Т. Синюка, изложенной в статье 1996 года¹³⁴. В частности, он пишет: «обстоятельства заставляют считать, что на захоронения под

¹³⁴ Синюк А.Т. К оценке результатов использования курганных погребений эпохи бронзы в палеодемографии // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). — Воронеж, 1996. — С. 9-21.

курганом могли претендовать лишь выдающиеся представители общества и их ближайшее окружение. [...] Как мне уже приходилось отмечать и ранее, [...] появление курганов на евразийских пространствах было мотивировано той же идеей, которая побудила к строительству пирамид в Египте, гробниц в Месопотамии и Мезоамерике, хотя сама идея преломлялась через местную специфику природно-географической и этнической среды. А из этого следует, что курганы содержат представителей высших социальных страт — вождей и жрецов и их ближайшее окружение, а также многочисленные человеческие жертвоприношения»¹³⁵.

Если принять гипотезу А.Т. Синюка об элитарном характере курганных погребений, а также об их использовании в культовых целях, то длительное сохранение памяти о точном месте совершения определённых погребений не вызывает удивления. Это подтверждают и наши расчёты¹³⁶, ясно показывающие, что число захоронений энеолита - ранней бронзы в курганах слишком мало, как по сравнению с ресурсами экосистемы, так и исходя из этнографических параллелей. Это же подтверждают и данные стратиграфии, когда, за редким исключением, каждому хронологическому этапу в кургане соответствует лишь одно погребение.

Нужно отдельно остановиться на методике составления таблицы стратиграфических соотношений. Часто в курганах находят сразу несколько ранних погребений, но установить их последовательность не представляется возможным. Однако, почти всегда имеется соотношение каждого из впускных с основным. Основные, в свою очередь, бывают всех типов и групп, а значит, для каждой группы имеется возможность установить относительную хронологическую позицию. Ненадёжность такой методики компенсируется большим количеством таких соотношений (даже на рис. 201 представлены лишь самые выразительные). Иными словами, достаточно надёжные три стратиграфические колонки из Тузлуков и Новопалестинского II соотнесены с прочими материалами и показывают полное сходство. В то же время, таблица даёт лучшее понимание содержания каждого го-

¹³⁵ Синюк А.Т. К оценке результатов использования курганных погребений эпохи бронзы в палеодемографии ... — С. 16-18.

¹³⁶ Файферт А.В. Топография, способы возведения и количественные характеристики курганов эпохи бронзы на территории бассейнов Дона и Маныча // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2015. — № 1. — С. 47-53.

ризонта. Дополнительную верификацию результаты получают через сравнение с аналогичными колонками на Правобережье.

Синтез данных типологии и стратиграфии был проведён с помощью корреляционной таблицы (Таблица 11). Для каждого типа погребального обряда на основе сопоставления со стратиграфическими колонками было определено относительное хронологическое положение. Таким образом, для каждой обрядово-стратиграфической группы определены характерные типы погребений. Это позволяет выявить идейную подоснову, которая нашла выражение в том или ином наборе обрядовых черт, т.е. шаблон, который подразумевался при совершении захоронения. Именно это подразумевается под термином «обрядово-стратиграфическая группа» - совокупность обрядовых черт, объединённых единым ритуальным замыслом, характерным для определённого хронологического этапа. Метод выделения обрядово-стратиграфических групп — это вид типологизации, в которой приоритет отдаётся стратиграфической информации, а сочетание иных признаков допускает некоторую вариативность. Данный метод является частным случаем применения общераспространённого метода выделения этапов в развитии любого явления в археологии. Он выделяется спецификой материала: из-за высокой мобильности степного населения набор черт определённого этапа археологической культуры оказывается очень близким для синхронного этапа смежных культур. В погребальном обряде это выразилось в одновременном распространении общих черт на широкой территории, в разных археологических культурах. Каждая обрядово-стратиграфическая группа делится на хронологические горизонты либо обрядовые подгруппы. Представленная корреляционная таблица не является окончательным вариантом схемы членения материалов, поскольку часть обрядово-стратиграфических групп относится к двум стратиграфическим группам, например, группа VI относится к стратиграфическим горизонтам VI и VIIA, а хронологическое положение стратиграфической группы VI недостаточно ясно, вероятно, самые ранние погребения нужно синхронизировать с горизонтом IVБ (рис. 219). Группы I и II рассматриваются совместно, поскольку вопрос о хронологическом приоритете вытянутых или скорченных погребений по-прежнему открыт.

Построенная нами схема обрядово-стратиграфических групп представлена на рис. 202, 203, 211, 213, 214.

Группа I представлена вытянутыми погребениями. Они бывают одиночные и парные, причём и те и другие бывают как основными, так и впускными. Представлены двумя подгруппами (горизонтами) (рис. 213). IA — погребения с ранне-энеолитической керамикой, имеющей прямые аналогии в материалах поселения Батай I. IB — близки по стратиграфическому положению группе III (рис. 214, III) и аналогичны правобережным комплексам с майкопской керамикой (рис. 235). Такое сопоставление позволяет сделать предположение о том, что поза с руками у лица может служить свидетельством майкопского или иного южного влияния (рис. 219, III).

Группа II представлена скорченными на спине костяками с поднятыми коленями (рис. 210, II), часто сопровождающиеся длинными ножевидными пластинами. Близки к ним и слабоскорченные погребения типа 1A (рис. 201, Таблица 11). Возможно, они представляют собой переходный вариант между вытянутыми и скорченными погребениями.

Группа III представлена небольшой, но выразительной серией погребений скорченно на боку с руками у лица. Несмотря на то, что в группу включены как лево-, так и правобочные, мы не нашли между ними существенной разницы, что и выразилось в объединении их в рамках одного типа (2A).

Группа IV. Горизонт IVA имеет более раннее положение, что прямо подтверждено двумя стратиграфическими соотношениями: Тузлуки, к. 9 и Новопалестинский II, к. 4. В нем насчитывается 46 комплексов. Включает типы 2Б, 2В, 2Е, 2Ж, 2З, 2И и 2Л (рис. 201). Обобщённо их можно охарактеризовать как скорченные на правом боку и на спине с завалом ног направо, ладони на тазу или перед ним, ориентированы на запад, юг и редко на восток и северо-восток. Причём помещение сюда погребения с северо-восточной ориентировкой вынужденно, поскольку оно перекрыто заплечиковой ямой с костяком с поднятыми коленями, которое имеет хорошо выраженную хронологическую позицию, соответственно,

ближайшей аналогией для него является группа IVA. Поза, с одной стороны, близка к характерной для группы, с другой стороны, не отличима от раннеямной. Из этого можно сделать вывод, что такой способ труположения начал использоваться задолго до распространения погребальной обрядности ямной культуры. То же касается и погребения с западной ориентировкой — его поза отличается от типичной ямной лишь несколько большей степенью скорченности ног.

Горизонт IVБ представлен выборкой из 25 погребений. Типы 2Г, 2К, 2О и 2П. Для них характерны овальная форма ям, реже прямоугольная, ориентировка в западный сектор (70%), завал ног налево лишь немного преобладает (таблица 2), костяк сильно скорчен, левая рука вытянута вдоль корпуса, правая кисть — на локте левой. Данная группа более соответствует III группе погребений по схеме В.Я. Кияшко и включает в себя наиболее яркие комплексы из кургана 7 мог. Койсуг с западной ориентировкой: п. 12, 16, 24. Самым ярким признаком этих комплексов является поза рук: левая рука отведена, правая кистью лежит на локте или плече. Эта особенность в большей или меньшей степени характерна для всех погребений горизонта IVБ, позволяя отличать их от схожих раннеямных и других погребений.

В V группе насчитывается 37 погребений, но пока не удалось выделить стратиграфические горизонты — фактический материал не дал такой возможности. В группу объединены погребения с 2 типами поз на спине: 1) «сидячие» (2Д), 2) ноги «ромбом» (2М, 2Н). Необходимо отдельное обоснование для такого объединения.

1. Единая стратиграфическая позиция. Погребения с этими типами поз не имеют соотношений между собой. Предшествующие и последующие погребения по отношению к ним всегда относятся к IV, VI и VII группам.

2. Единство позы. Для обоих типов характерно положение ног ромбом или (весьма редко) коленями вверх, с небольшим интервалом расстояний между пятками и тазом.

3. Позы рук варьируются от «на тазу» у более ранних до «ромбом» у

поздних.

4. Наличие переходных типов поз.

5. На территории распространения константиновской культуры поза ноги «ромбом» практически отсутствует, а значит, она имеет не только хронологический смысл, но и культурный или социальный. В то же время, на территории упомянутой культуры есть «сидячие погребения», да и само положение некоторых погребённых константиновской культуры - «полусидячее».

6. Среди многочисленных погребений Койсугского могильника не встречено ни одного с ногами «ромбом», и лишь одно «полусидячее» (рис. 4, п.31), в то время как «сидячих» беспрецедентно много, что говорит о неких локальных особенностях обряда. Данные факты позволяют предположить единую идейную основу, стоящую за всеми тремя типами поз.

Наиболее ярко «сидячие» погребения проявились в курганах 5 и 7 Койсугского могильника (рис. 6-8). В.Я. Кияшко выделил их главные особенности: прямоугольная форма ям, ориентировка в восточный сектор, использование в обряде большого количества кремневых отщепов, что сближает их с погребением с ногами «ромбом» на Раздорском I поселении. Всего в Койсуге их известно 5, ещё 4 близки по конструкции, ориентировке и инвентарю. Малоизвестным осталось погребение из к. 35 Балабинского I (рис. 68, п. 18). Здесь, частично срезанное позднеямным, погребение было сверху перекрыто черепами быков. Впускным к нему найдено погребение с юго-западной ориентировкой и сосудом с жемчужинами.

Погребения с ногами «ромбом» - характерная особенность Левобережья, на Правобережье Дона они единичны. Они представляют 79 % всех погребений V группы (таблица 2). Однако, в междуречье Дона и Кагальника, а на восток до г. Батайск, в центральной части которого находится Койсугский могильник, их известно всего 5 — здесь резко преобладают «сидячие». Для этого типа погребений, также как и для «сидячих», характерны прямоугольные ямы, западная и восточная ориентировки, поза рук варьируется от вытянутых к бёдрам вдоль корпуса до

«ромбических», т.е. руки отведены от корпуса, предплечья параллельны позвоночнику.

Вариантом «сидячего» типа позы является погребение из Койсуга (п. 31, к. 4). Как и в погребениях константиновской культуры (рис. 79), пятки костяка находились вплотную к тазу, руки кистями на крыльях таза, погребённый лежал на спине «полусидя». Ориентирован на СЗ, что является нетипичным. Такая же поза у погребения 10 кургана 8 Крепинского I. Здесь яма не обнаружена, что не удивительно, ведь такие захоронения почти всегда совершались на мощной подсыпке грунта, и стенки большой ямы могли быть не прослежены. Другими аналогиями для него служат три погребения из прилегающих районов: Красногоровка, к. 13 (рис. 14), п. 6; Приморский I, к. 1, п. 9 (рис. 27); Отрадный XIII, к. 9, п. 3 (рис. 45). Однако они не составляют полного сходства, скорее являясь неким промежуточным вариантом с позой «ноги ромбом». 64 % погребений рассматриваемой группы ориентированы на В и СВ, 21% - на З и ЮЗ.

VI и VII обрядово-стратиграфические группы будут рассмотрены соответственно в параграфе 3 и 4.

Есть возможности и для дальнейшего увеличения числа выделяемых стратиграфических горизонтов. Так, сопоставление между собой погребений уже описанных курганов 3 и 4 могильника Новопалестинский II показало, что в них отсутствуют погребения одного типа. В кургане 3 мы видим погребения 2В, 2Г, 4Б, 4Г, 4Ж. В кургане 4: 2Ж, 2Е, 2П, 4И. Что кажется странным, ведь сравнивая другие курганы койсугского типа, мы без труда найдём практически в каждой паре курганов погребения одного типа (например, рис. 5, п.36 и рис. 50, п.5). Если предположить, что в этих соседних курганах могильника Новопалестинский II погребения совершались поочерёдно, то сопоставление стратиграфических колонок из них даёт очень интересную картину (рис. 265), когда становится очевидно постепенное изменение черт погребального обряда. Новая хронологическая колонка получена путем лестничного наложения двух указанных последовательностей. Остаются также и впускные погребения, не имеющие точных хронологических позиций — они встроены в схему на основе соотношений из других курганов. Со-

поставление с другими стратифицированными памятниками показывает непротиворечивость полученной схемы.

С полученной схемой можно сопоставить колонку из кургана 9 мог. Тузлуки (рис. 44), соотношения из курганов Кулешовка и Новый, курган 121 (рис. 65). Погребения 27 и 26 из Тузлуков, погр.4 из кургана 4 и погр. 3 из кургана 3 Ново-палестинского II попарно относятся к одному типу, поэтому из них нужно оставить по одному захоронению. То же касается и погребений из Кулешовки и Нового, относящихся к типу 2Н. В итоге получается стратиграфическая колонка (рис. 266) из 14 погребений. По ней хорошо видно, что 14 из 30 выделенных нами типов представляют собой постепенную эволюцию признаков путем смены всего одного-двух из них. Т.е. переход от одного стратиграфического горизонта к другому сопровождается сменой либо ориентировки, либо положения рук и ног, либо бока для завала ног. Имеющиеся лакуны (т.е. изменение сразу 2-3 признаков между горизонтами) в этой постепенной эволюции легко заполнить другими комплексами. Например, мы видим лакуну между погребениями типа 2А и 2В. Её можно условно заполнить погребением 90 (рис. 31). Из-за его единичности он не выделен в отдельный тип. В то же время, погребения с ориентировкой в западный сектор (типы 4Е, 4З) не могут быть без лишних допущений встроены в данную цепочку. Данная схема нуждается в новых фактических подтверждениях. Подобным образом была создана схема В.Я. Кияшко (рис. 204), которая с появлением новых фактов была уточнена и расширена.

Таким образом, на основе допущения возможности объединения нескольких стратиграфических колонок в одну, нам удалось получить достоверную информацию, что часть выделенных типов погребений представляют собой этапы постепенного изменения погребального обряда. И что особенно важно: каждый стратиграфический горизонт представлен отдельным ранее выделенным типом. А значит и само их выделение в качестве типов подтверждено фактически. Возможно, не попавшие в колонку типы погребений ещё найдут в ней своё место, если появится соответствующая хронологическая информация. Из полученных новых данных можно сделать вывод, что на территории распространения памятников

койсугского типа длительное время постепенно эволюционировал погребальный обряд. Вероятно, он регламентировался религиозными установлениями, которые медленно, но неуклонно изменялись. Погребальный обряд стал отражением развитой духовной культуры, а также наличия специальной регламентации ритуалов.

Кроме стратиграфических подтверждений данной эволюционной схемы, есть и косвенные доказательства. Так, мы исходим из предположения, что отведённое от корпуса положение рук раннеямных погребений из мог. Новый и Каменнобродский (рис. 209) — свидетельство их переходного характера, а значит и ранней датировки. Ноги у этих костяков завалены вправо, что в точности соответствует полученной схеме (рис. 266, 4И).

В то же время, в данную цепочку невозможно встроить все типы погребений энеолита. Долгое время ни одному исследователю энеолита не удавалось установить хронологическое соотношение вытянутых и скорченных погребений. По-нашему мнению, оно и не будет установлено. Как можно увидеть на примере кургана 3 могильника Семенкин (рис. 81), вытянутые погребения имеют собственную эволюцию. Здесь к основному вытянутому погр. 7 впущено погр.10 с ранней керамикой. По-видимому, вытянутые совершались синхронно со скорченными. Т.е. вытянутый и скорченный обряды использовались параллельно на одной территории. Об этом же свидетельствует впущенное вытянутое погребение 16 к основному скорченному погр. 19 в кургане могильника Каратаево-Сады (рис. 138).

Таким образом, в эволюции погребального обряда можно предположительно выделить две основных линии: сильно скорченная и вытянутая-слабоскорченная (рис. 219). Третья линия, вероятно, имеет южное происхождение.

Каким же образом в одно и то же время могли использоваться разные типы трупоположения? Можно предположить, что они были характерны для разных социальных групп, мирно проживавших на одной территории и хоронивших своих представителей в курганах. Последнее означает примерно равное положение обозначенных социальных групп в обществе. Такими социумами могли являться

фратрии в составе одного племени. Как известно из этнографии ирокезов и древних греков, погребальная обрядность относилась к ведению именно фратрий, а не родов.

Подобный дуализм погребального обряда характерен для всех известных нам степных нео- и энеолитических культур. Например, ниже будет описан подобный дуализм для константиновской культуры (рис. 237, Нижнегниловской и Кастырской VIII). Этим же можно объяснить тот факт, что к основному погребению новоданиловского типа (рис. 6, п. 27) Койсугского могильника было впущено вытянутое (рис. 6, п.38).

Полученная нами стратиграфическая информация, подтверждённая на основе типологии погребений, составляет полную противоположность результатам исследований ямной культуры некоторыми другими авторами. Показателен пример доктора исторических наук С.В. Ивановой. В нескольких своих работах она пишет: «В целом, выделяются пять вариантов положения умершего: 1) скорчен на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги упали в ту или другую сторону, распались ромбом (56,3%); 2) с наклоном вправо, левая рука согнута в локте, кисть - в области таза, живота или груди; правая рука вытянута вдоль (16,8%); 3) симметрично предыдущему, т.е. ноги согнуты влево, а у таза лежит правая рука (13,4%); 4) на правом боку, с различным расположением рук (6,1%); 5) так же, но на левом боку (7,4%). [...] Рассмотрение захоронений ямной культуры региона позволило нам прийти к выводу, что все пять вариантов расположения погребенного в захоронениях синхронны независимо от их соотношения на других территориях обитания носителей ямной культуры»¹³⁷.

В своих работах С.В. Иванова рассматривает многочисленные типы погребений скорченно на спине в рамках одного варианта, а положение ног считает случайным. Это является ошибочным суждением. Выделение двух вариантов с наклоном корпуса направо и налево представляется сомнительным, поскольку на

¹³⁷ Иванова С.В. Ямная культура Северо-Западного Причерноморья: Стратиграфия и хронология // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: Тезисы конференции. — Москва, 2003. — Ч.1. — С. 87-89.

практике это разделение будет условным и умозрительным. Очевидно, автором остались непонятыми закономерности поз и ориентировок энеолитических и ямных погребений, а также и возможности использования данных стратиграфии.

3.2. Энеолитические погребения Левобережья. Койсугский могильник. Погребения койсугского типа

В 1966-1974 гг. был исследован Койсугский курганный могильник, в который, помимо основной группы, В.Е. Максименко включил группы Радутка и Кулешовка, являющиеся довольно удалёнными отдельными группами курганов. Далее Койсугским могильником будет называться только основная группа, состоявшая из семи насыпей. Из этой группы нераскопанным остался семиметровый Скопин Курган. В могильнике была обнаружена беспрецедентно большая серия ранних погребений, причем погребальный обряд большинства из них довольно редок на территории Нижнего Подонья. Самая яркая серия из погребений в заплечиковых ямах была практически сразу опубликована¹³⁸.

Важное место данный памятник занял в диссертации В.Я. Кияшко. Он указывает, что только на основе этих курганов впервые удалось выделить две новые обрядовые группы среди ранних подкурганных захоронений¹³⁹, которые не были известны Н.Я. Мерперту. В тексте описаны особенности погребального обряда и инвентаря, приведены сопоставления с близкими памятниками Левобережья Дона. Также автор предположил возможность сопоставления этих комплексов с Нальчикским могильником. Важным наблюдением стало установление предшествования могил с западной ориентировкой погребениям в «сидячей» позе. Несмотря на сложную планиграфию, В.Я. Кияшко установил круговую планировку могил в кургане и распределение типов погребений по секторам. К сожалению, автор использовал только материалы курганов 5 и 7, что не позволило выявить

¹³⁸ Максименко В.Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. — 1973. — № 1. — С. 249-253.

¹³⁹ Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы.: дис. канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 1974. — С. 22.

другие закономерности обряда этого времени.

В 2015 году была издана монография В.С. Яценко,¹⁴⁰ в которой также лишь частично были использованы материалы Койсугского могильника, групп Радутка, Кулешовка и др. В интерпретации материалов памятника важнейшими чертами являются следующие: «сидячие» погребения включены во вторую энеолитическую группу, а погребения с западной ориентировкой включены во вторую ямную группу, что прямо противоречит данным стратиграфии. Погребения с ногами ромбом и руками, отведёнными от корпуса, включены в первую энеолитическую и в первую ямную группы.

Всего в Койсугском могильнике насчитывается 43 погребения энеолита — ранней бронзы из 6 курганов. Также в настоящей работе впервые вводятся в научный оборот 15 погребений грунтового могильника Дюнное I, 10 погребений могильника Радутка из 2 курганов и ещё не менее 20 комплексов того же времени с прилегающей территории Левобережья Дона.

Стратиграфия. В 6 курганах Койсугского могильника и в 2 курганах Радутки не было установлено достоверной стратиграфии. Это связано как с сильными разрушениями насыпей, так и с их небольшой высотой. Последнее В.Я. Кияшко объясняет единовременным перекрытием «накопленных» в одном месте могил. Впрочем, это несколько противоречит круговой планировке погребений в кургане. Также, курган 7 состоял из двух слившихся насыпей, такую конструкцию трудно объяснить, исходя из предположения В.Я. Кияшко.

Таким образом, имеющиеся стратиграфические наблюдения основываются только на прямом нарушении ранних могил при сооружении поздних. Первое соотношение было установлено в кургане 5 (рис. 5-6): одно из самых ранних погребений 27 перекрыто погребением в заплечиковой яме 18, которое, в свою очередь, прорезало ямное погребение 11. Второй случай: погребение 6 прорезало стенку ямы вытянутого погребения 38. В кургане 6 могилу 1 расположили ровно над погребением 3 (рис. 7). И вряд ли это случайность — площадь кургана весьма большая, кроме того, для погребений этого времени характерны глубокие ямы в

¹⁴⁰ Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-Дону, 2015. — 256 с.

материке, а значит, погребение 1 должно было полностью разрушить более раннее. Аналогичный случай зафиксирован в кургане 3 Радутки (рис. 11). Как будет показано ниже, это распространённая обрядовая черта эпохи. В кургане 7 (рис. 8) ямное погребение 11 прорезало «сидячее» п. 14. Наконец, коллективное погребение 13 прорезало погребение 10. Впрочем, некоторые сомнения вызывает безымянное погребение 13, во-первых, нетипичным для погребений этого времени обрядом, во-вторых, оно весьма похоже на погребение 14 кургана 3 Радутки, с близким положением костей погребённого и катакомбной жаровней, в нём также прослежена охра. В итоге, этот яркий могильник дал весьма ограниченную хронологическую информацию. Особенно ценным видится соотношение могил в кургане 3 Радутки, где ещё раз была подтверждена ранняя позиция костяков с руками у лица. При этом, верхнее погребение в раннеямной позе сделано как «подхоронение», а значит вряд ли между ними хронологическая разница составляет более 50 лет. Одно соотношение известно в могильнике Дюнное I: детское погребение с руками у лица прорезало вытянутый костяк (рис. 12, п. 20-21).

В 2001 году исследованы 15 погребений в грунтовом могильнике «Дюнное Ъ»¹⁴¹, обнаруженном на одноимённом поселении. На плане могильника видно сосредоточение погребений в три группы (рис. 12). При этом указанное разрушение погребения 20 погребением 21 выглядит явно не случайным, поскольку площадь разброса могил слишком велика. Совершение «подзахоронения» к более раннему погребению, как отмечалось нами ранее, является яркой особенностью данной эпохи.

Наиболее близким с рассматриваемым по набору типов погребений памятником является Койсугский курганный могильник. Прямые аналогии находят: п. 13 можно сопоставить с п. 35 к. 5 (здесь и далее - рис. 5, 6, 8); вытянутые п. 20 легко сопоставить с п. 38 к. 5; п. 19 с п. 28 к. 7; ориентированное на запад п. 24 с п. 5 к. 4; аналогично и п. 26 и п. 34 имеют прямое сходство с п. 11 к. 4; «пакет» п. 32 весьма схож с п. 13 к. 7. Также имеет явное сходство инвентарь: кремь из п. 37 и подвески из п. 16 схожи с аналогичным инвентарем п. 20 к. 7 и п. 23 к. 5. От-

¹⁴¹ Гудименко И.В., Файферт А.В. Погребения эпохи энеолита — ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное Ъ» // КСИА. — 2017. — № 245. — С. 251-260.

сутствие погребений с поднятыми коленями и «сидячих» легко объясняется малой глубиной ям, вероятно, они совершались на глубине всего в 30-40 см от древней дневной поверхности.

Из памятников сопредельных территорий особенно схож с Дюнным I Дро-нихинский грунтовый могильник (рис. 175) на Среднем Дону: он также располагался на песчаной дюне в пойме реки, во многих деталях совпадают позы и ориентировки погребённых. Близкой аналогией керамике Дюнного выглядят два сосуда из Ивановбугорского могильника (рис. 174).

Перечисленные сравнения позволяют соотнести материалы могильника «Дюнное I» с общей схемой эволюции погребального обряда данной эпохи. Соответственно, по имеющимся аналогиям, можно предположить, что захоронения с сохранившейся позой костяка совершались в следующем хронологическом порядке: погребения 19 и 20, затем погребение 21, после совершены погребения 24, 26 и 28, потом погребение 14 и последними погребения 1, 13 и 34. Очевидно, эти комплексы близки к погребениям Койсугского могильника, с которым его можно уверенно синхронизировать. Это означает, что и другие энеолитические грунтовые могильники могли создаваться одновременно с подкурганными. Дальнейшее сопоставление подкурганных и грунтовых могильников южнорусских степей может серьёзно изменить представления о сложении ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Ясное понимание последовательности совершения погребений Койсугского могильника и близких ему дают стратиграфические колонки трёх курганов: Тузлуки, к. 9, Новопалестинский II, к. 3 и к. 4. Существенно дополняются эти колонки единичными соотношениями из курганов: Кулешовка-Дачи, к. 1, Семенкин, к. 3, Кулешовка, к. 1, Ясырев I, к. 8, Колдыри, к. 5, Кулешовка (1983), к. 1, Москва I, к. 1, Каменный II, к. 2, Новый, к. 121 и др. Эти соотношения сведены в таблицы (рис. 202-203). Они хорошо укладываются в ранее составленную автором схему (рис. 202), но теперь удалось выделить новые горизонты в группах IV и VII. В сокращённом виде схема представлена на рис. 203.

Важнейшим результатом проделанной работы по анализу энеолитических

погребений из курганов Левобережья стало открытие повторяющихся серий погребений на довольно широкой территории. На рис. 208 представлена карта размещения наиболее информативных памятников этого типа.

1) Койсугский могильник и гр. Радутка (рис. 2-11); 2) Тузлуки (рис. 44); 3) Новопапестинский II (рис. 56-57); 4) Крепинский I (рис. 36); 5) Лысый (рис. 53); 6) грунтовый могильник Дюнное I (рис. 12); 7) Приморский I (рис. 27); 8) Каменный II (рис. 50); 9) Семёнкин (рис. 84).

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть поразительное сходство между сериями погребений в этих курганах (рис. 214). Это позволяет утверждать, что выделенные 4 обрядово-стратиграфические группы (III, IV, V, VIIA) составляют один комплекс, который предлагается именовать «койсугским типом погребений». Для объединения столь разных погребений в единую структуру есть довольно много аргументов:

1. Все доямные памятники Левобережья Дона, за исключением самых ранних - «новоданиловского типа», укладываются в единую схему эволюции погребального обряда и проявляют очевидное единство. Погребения койсугского типа бывают впускными только к новоданиловским (рис. 6, п.27; рис. 49, п.6) или вытянутым (рис. 213, гр. I-III; рис. 8, п.28).

2. Приведённый выше анализ показал, что они делятся на несколько типов труположения и всегда встречаются совместно. Не известно ни одного случая, когда в одном кургане были бы представлены несколько погребений только одного типа. Вероятно, вытянутые погребения составляют ранний пласт этого типа памятников (рис. 213).

3. Как показано на рис. 202-203 и рис. 214, последовательность использования этих типов труположения тоже всегда совпадает. Т.е. все они совершены в рамках единой погребальной традиции.

4. На рис. 211 приведена подборка погребений койсугского типа, сопровождавшихся керамикой. В трёх случаях погребения сопровождались двумя сосудами, причём они относятся к разным обрядово-стратиграфическим группам. Важная особенность: во всех трёх случаях (первый столбец) сосуды представляют

собой однотипный набор со схожей морфологией. Представляется, что эти комплексы иллюстрируют развитие особой культурной традиции, присущей койсугскому типу погребений. Во втором и третьем столбцах таблицы приведена подборка погребений с одним сосудом, также выстроенных в соответствии со схемой относительной хронологии.

5. Как видно из карты на рис. 208, памятники такого типа расположены довольно компактно, с юга ограничены памятниками степной майкопской культуры, с востока и севера памятники койсугского типа нам не известны. Также они не известны в Северном Приазовье и на Донбассе.

6. Наличие множества переходных форм между типами труположения. Так, например, погребение 31 (рис. 4) является переходным вариантом между погребениями с ногами «ромбом» и «сидячими», поскольку погребённый находится в позе «полусидя». И таких примеров довольно много.

7. Единство преимущественно пластинчатой техники обработки кремня на всех этапах данного типа погребений (рис. 220, I). Общими являются и формы наконечников стрел (рис. 221). Ярким выражением этой традиции стала коллекция местонахождения Заливное (рис. 2). То же касается и кремневых изделий с поселения Батай I (рис. 21). Характерна невысокая инвентарность — 14-38 % (таблица 2).

По указанным признакам можно объединить 7 типов поз погребённых в «койсугский тип погребений». Под этим термином мы понимаем курганные и грунтовые энеолитические погребения, совершавшиеся в семи основных последовательно сменявшихся позах, но составляющие единые погребальные комплексы и объединённые общими признаками материальной культуры.

Термин «энеолит» мы понимаем в широком смысле как период предшествовавший появлению металлургии бронзы, сосуществовавшей с очень развитой кремневой индустрией¹⁴².

Таким образом, все известные нам погребальные памятники энеолита Ле-

¹⁴² Скоробогатов, А.М. История изучения раннего энеолита Донской лесостепи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2. — Тамбов: Грамота, 2011. — С. 182-186.

вобережья Нижнего Дона укладываются в построенную нами схему эволюции койсугского типа погребений. Но есть некоторые оговорки. Во-первых, культурный статус и соотношение с койсугским типом погребений новоданиловских и типа Радутки остаётся неясным. Впрочем, есть основания предполагать, что со временем может быть обосновано их включение в койсугский тип в качестве «надкультурного явления», т.е. элемента всех культур энеолита степи. Вопрос о включении в состав выделенного нами койсугского типа погребений вытянутых и слабоскорченных остаётся открытым. На приведённой на рис. 213 таблице видно, что слабоскорченные и вытянутые погребения относятся к одному стратиграфическому горизонту. Приведённая схема не распространяется на низовья р. Сал, где совершенно достоверно фиксируются памятники константиновской культуры.

Есть один случай, формально нарушающий (рис. 25) построенную схему. Здесь к основному погребению горизонта IVA на левом боку (что более характерно для группы IVБ) впущено погребение того же горизонта (п.10), которое является прямым аналогом погребению из Тузлуков (рис. 44, п.27), в свою очередь, относимое нами к тому же горизонту (рис. 203). Во всех остальных памятниках более поздние погребения всегда относятся к следующей обрядово-стратиграфической группе (рис. 203, рис. 207, рис. 214). Этот факт не меняет нашу схему, но несколько снижает её логическую стройность.

Единство погребального обряда грунтовых и курганных могильников с одной стороны, и очевидная близость памятников на территории междуречья Дона, Сала, Большого Егорлыка и Еи с другой позволяет выделить койсугский тип памятников развитого и финального энеолита. Он включает в себя четыре типа погребального обряда, и каждый из них имеет надёжно установленное положение в шкале относительной хронологии. Данный тип памятников занимает всё Левобережье Дона от р. Ея до г. Волгодонск, включая целиком бассейн Западного Маныча, а также небольшую часть Правобережья, что подробно будет рассмотрено в следующей главе.

На рис. 210 приведена реконструкция последовательности совершения погребений в Койсугском могильнике и группе Радутка. Также проведено сопостав-

ление этих памятников с аналогичными памятниками региона (рис. 214). При всех отличиях, эти памятники схожи в наборе типов погребального обряда, особо надо отметить отсутствие на двух последних раннеямных погребений горизонта VIIA. Крепинский I выделяется на этом фоне большим количеством погребений с позой на боку с отведённой от корпуса рукой, однако они правобочны, чем резко отличаются от койсугских погребений с западной ориентировкой. Зато такая поза характерна для памятников Правобережья. Стратиграфическое положение такой позы костяка показывает связка погребений 2-3 мог. Колдыри (рис. 47). Здесь погребение 2 с отведённой от корпуса рукой подхоронено к комплексу V обрядово-стратиграфической группы. Это дает дополнительные основания относить правобочные погребения с отведённой от корпуса правой рукой к группе VIIA, что имеет важное значение для памятников Правобережья (рис. 234).

Пока трудноразрешимой задачей остаётся выяснение культурно-хронологического положения вытянутых и слабоскорченных энеолитических погребений Левобережья. На рис. 213 приведена полная подборка стратифицированных комплексов этого типа. Во всех случаях с надёжно установленной стратиграфией они являлись более ранними, чем погребения горизонта IVA. Однако, ввиду малочисленности, пока недостаточно данных для их надёжной атрибуции. Вероятно, как и на Правобережье, здесь такие погребения представляют всего лишь вариант трупоположения, а не особую хронологическую или культурную группу. Как видно на рис. 203, непосредственно предшествуют погребениям группы IV скорченные на боку с руками у лица захоронения III группы. Во-первых, их стратиграфическое положение аналогично вытянутым. Второй аспект: обе группы достаточно малочисленны, а общее их число уже близко к количеству погребений последующих горизонтов. В-третьих, среди погребений койсугского типа III группа занимает заметное место, однако отсутствует в Койсугском могильнике, где имеется вытянутое захоронение (рис. 6, п. 38). Автор раскопок, В.Е. Максименко, отмечал довольно раннее положение вытянутого захоронения, но не нашел оснований считать его основным. Вероятно, основным было погребение с поднятыми коленями и двумя комками охры у головы (п. 27).

Инвентарь. Ещё В.Я. Кияшко отмечал близость материальной культуры рассмотренных групп. Ввиду малочисленности инвентаря, его характеристика может иметь смысл только в сумме всех погребений III, IV и V обрядово-стратиграфических групп. На рис. 211 приведена схема, наглядно показывающая основные признаки керамики погребений койсугского типа: невысокое раструбное горло, высокие округлые плечи, шаровидная или конусовидная форма тулова, круглое или маленькое плоское дно. Очевидна тенденция в эволюции керамики: у более ранних керамических комплексов конусовидная форма тулова и сильно отогнутый венчик, позже происходит переход к шаровидному тулову, на самом позднем этапе форма тулова приближается к яйцевидному, а венчик отогнут слабо. Для всех этапов характерна орнаментация по краю венчика насечками зубчатого штампа. Сам орнамент проходит эволюцию от псевдошнурового на раннем этапе до орнамента в виде ёлочки и зигзагов из оттисков зубчатого штампа или «личинки».

Более подробно эта эволюция отражена на рис. 212. Здесь керамика представлена в сравнении с раннеямной. Как видно, в раннеямное время большинство сосудов имело яйцевидное тулово и округлое дно. Орнамент из «жемчужин» на койсугской керамике встречается довольно редко: один сосуд из х. Попов (рис. 80, к. 51, п. 5); Койсугский могильник (рис. 8, к. 7, п. 30); Баранчук (рис. 58, к. 3, п. 5). Последний имеет надежно установленную раннюю позицию, поскольку к нему впущено погребение (рис. 58, п. 8) IV обрядово-стратиграфической группы. На раннеямной керамике вдавленные снаружи жемчужины широко распространены. К упоминавшейся серии погребений с двумя сосудами на рис. 211 можно добавить сосуд из Кулешовки (рис. 20), который весьма похож на сосуд из погребения с ногами «ромбом», но имеет выдавленные изнутри жемчужины. На представленной таблице среди сосудов с «острым» дном нашёл ясные аналогии и сосуд из разрушенного погребения могильника у х. Попова (рис. 78, к.31, п.4), атрибуция которого затруднена из-за несохранившегося костяка.

На представленную на рис. 217 серию погребений нужно обратить особое внимание. Все сосуды представлены либо верхней частью, либо представляют собой половину сосуда, разделённого по вертикали, т.е. очень похожи на жаровни

катакомбной культуры. Это привело, к примеру, к датированию автором раскопок эпохой средней бронзы совершенно очевидного ямного погребения из могильника Пустошкин I (к. 1, п. 8). Сложно судить об их предназначении, но они могли быть функционально связаны с жаровнями. Если новые находки подтвердят такое назначение указанных сосудов, то можно с уверенностью утверждать, что данная традиция зародилась в погребениях койсугского типа. Впрочем, если посмотреть на материалы раскопок поселений данной эпохи, то видно, что части сосудов использовались в быту и после его разрушения. Это объясняет то, почему целые развалы сосудов находятся довольно редко.

Интересное сходство проявляют закономерности расположения керамики в погребениях койсугского типа и раннеямных: сосуды располагались за спиной или у головы погребённого (рис. 11, п. 10; рис. 13, п. 9, рис. 18, п. 11). Это же касается и погребений типа Радутки (рис. 6, п. 18, 24), впрочем, по-видимому, у самых поздних из них сосуды лежат у локтей перед корпусом (рис. 215, А, Е). В позднеямное время сосуды клались перед телом (т.е. на сторону завала ног), у головы или у ног (рис. 10, п. 19; рис. 16, п. 22).

Нами создана типология керамики из погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры. Всего для исследования привлекаются 95 сосудов, как целых, так и фрагментированных. В основу типологии положена лишь морфология сосудов. Техника орнаментации и композиции не используются из-за небольшого числа сосудов при значительном разнообразии и невыразительности орнамента. Методически мы опираемся на наработки С.Н. Братченко¹⁴³.

По принципиальным морфологическим и функциональным особенностям все сосуды разделены на три отдела (рис. 223). Для удобства наименования типов группы имеют нумерацию не внутри отделов, а самостоятельную. Т.е. к I отделу — отнесены группы 1 и 2, ко II — группы 3-9, к III — группа 10. В каждой группе выделены 2-4 типа.

Отдел I - плоскодонные сосуды.

Группа 1. Плоскодонные сосуды с ушками баночного типа.

¹⁴³ Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). — Киев: Наукова думка, 1976. — С. 26-29.

Тип 1А — сосуды с ушками на тулове с узким вертикальным отверстием для привешивания. Представлен одним сосудом (рис. 43, к. 6, п. 3) с ушками. Баночной формы, с резким переходом от тулова к горлу.

Тип 1Б — сосуды с ушками на горле. Отверстия горизонтальные, большого диаметра. Представлен одним сосудом (рис. 22) с ушками. Баночной формы, с резко выделенным дном.

Группа 2. Плоскодонные сосуды разных пропорций.

Тип 2А — коротко- и высокошейные сосуды с четко выделенной прямой или слегка отогнутой шейкой. Дно широкое плоское либо уплощённое.

Тип 2Б — короткошейные сосуды с четко выделенной прямой шейкой, с резко выделенным дном.

Тип 2В — короткошейные сосуды с раструбной шейкой и яйцевидным туловом, дно выделено или уплощено.

Тип 2Г — сосуды баночного типа, с резко выделенным дном.

Отдел II — круглодонные сосуды.

Тип 3А — бесшейные сосуды (в т.ч. глубокие чаши) закрытого типа низких пропорций.

Тип 3Б — короткошейные сосуды закрытого типа с резким переходом от тулова к венчику (ребром на плечике) и яйцевидным туловом.

Тип 3В — бесшейные сосуды закрытого типа с плавным переходом от тулова к венчику высоких пропорций и с яйцевидным туловом.

Тип 4А - короткошейные горшки закрытого типа с прямым венчиком высоких пропорций и яйцевидным туловом.

Тип 4Б - короткошейные горшки закрытого типа с прямым резко выделенным венчиком и яйцевидным туловом.

Тип 5А - высокошейные горшки закрытого типа с прямым венчиком и яйцевидным туловом.

Тип 5Б - высокошейные горшки закрытого типа с прямым венчиком и шаровидным туловом.

Тип 6А - высокошейные горшки закрытого типа с отогнутым венчиком и

шаровидным туловом.

Тип 6Б - высокошейные горшки закрытого типа с отогнутым венчиком и яйцевидным туловом.

Тип 7А - короткошейные горшки закрытого типа со слабо отогнутым венчиком и яйцевидным туловом.

Тип 7Б - короткошейные горшки закрытого типа с прямым резко выделенным венчиком, горизонтальным плечиком и яйцевидным туловом. Край венчика слегка отогнут.

Тип 7В - короткошейные горшки с резко отогнутым венчиком и яйцевидным или шаровидным туловом.

Тип 8А - высокошейные горшки открытого и закрытого типа с отогнутым венчиком и яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном. Низких пропорций.

Тип 8Б - высокошейные горшки закрытого типа с отогнутым венчиком и яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном. Высоких пропорций.

Тип 9А - высокошейные горшки со слегка раструбным горлом и яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном. Высоких пропорций.

Тип 9Б - высокошейные горшки с прямым цилиндрическим горлом, яйцевидным туловом и слегка приострѐнным дном.

Отдел III — миски. Группа 10 — открытые миски без бортика, с прямыми и выгнутыми стенками.

Для установления соответствия типов керамики выделенным обрядово-стратиграфическим группам нами была составлена таблица 12. Несколько типов оказались характерны только для определённых обрядовых групп. На представленной таблице нет керамики из погребений VI обрядово-стратиграфической группы, поскольку её типология выходит за рамки настоящей работы. Практически отсутствует керамика в погребениях IV обрядово-стратиграфической группы. Наиболее интересны типы керамики, встречающиеся в погребениях и койсугского типа (III-V группы), и раннего этапа ямной культуры (VII группа). Два типа характерны для раннеямных и самых поздних койсугских (Таблица 12, 3А, 5А, 5Б) —

это непрофилированные низкие горшки и сосуды с высоким прямым горлом. Три типа (6Б и 7В) существуют, начиная с самых ранних койсугских погребений и до развитого ямного времени. Это, в основном, яйцевидные короткошейные горшки с отогнутым венчиком. Все сосуды с приострѐнным дном и почти все с шаровидным туловом происходят из погребений койсугского типа. Наибольшую близость к раннеямным формам представляют сосуды из V группы, что обусловлено хронологической близостью.

Инвентарь доямных погребений Левобережья кроме керамики представлен кремневыми изделиями. На рис. 220 сделана полная подборка этих сравнительно немногочисленных комплексов. Раннеямных погребений среди них всего два. Остальные же представляют доямные курганные и грунтовые погребения, за исключением новоданиловских. Из данной таблицы видна интересная тенденция: на Правобережье и на левобережной территории распространения константиновской культуры полностью преобладают двустороннеобработанные изделия на отщепах, на Левобережье и на Среднем Дону — изделия на пластинах. Скорее всего, в реальной жизни древнего общества такой принципиальной разницы не было, поскольку именно с территории распространения погребений койсугского типа происходят два клада двустороннеобработанных изделий (рис. 31-32). Однако в погребальной обрядности это различие имело значимый смысл. Таким образом, погребения койсугского типа имеют, помимо хорошо определимой керамики, ещё одно важное отличие — кремневые пластины в инвентаре. Этот результат нашей работы важен ещё и потому, что нередко к новоданиловскому типу (культуре) относят все погребения с ножевидными пластинами. Однако, как видно из примера мог. Кастырский VIII (к. 13, п. 2), пластины длиной до 8 см встречаются даже в раннеямное время.

Интересные находки были сделаны нами в 2015 году на поселении салтово-маяцкой культуры Каменное I на правом берегу р. Маныч, к востоку от г. Пролетарск. Здесь из разрушенного культурного слоя собрана небольшая коллекция кремневых вещей, состоящая из 3 пластинок, 1 нуклеуса, 1 наконечника стрелы и 2 отщепов (рис. 222). Нуклеус и пластинки весьма близки к находкам в погребени-

ях 2-х курганов могильника Каменный II (рис. 50), располагавшегося в 300 м к северу от поселения. В них найдены маленький нуклеус с негативами очень мелких пластин и одна микропластина, сходство которых с находками поселения достаточно выразительны. Тщательный осмотр территории поселения и могильника, как и отсутствие находок кремня в насыпях курганов, позволяют оспорить мнение автора раскопок (который опирался на определение Ю.Н. Зорова этих вещей как ранненеолитических) о том, что они могли попасть в погребения случайно. Как уже говорилось выше, практически весь кремень из койсугских погребений — пластинчатый, поэтому такой инвентарь погребений не удивителен. Кроме того, никем не оспаривается отнесение комбинированных орудий из погребения 4 кургана 5 (рис. 50, рис. 222) ко времени его совершения. Очень близкие им образцы встречены в Койсугском могильнике (рис. 6, п. 35), Дюнном I (рис. 12, п. 32). Да и нуклеус для изготовления микропластин встречен в погребениях койсугского типа уже не впервые (рис. 44, п. 28). Таким образом, есть все основания утверждать, что койсугское население ограничено использовало микропластины в хозяйстве, что совсем не удивительно в условиях дефицита кремневого сырья на Левобережье. Наконечник стрелы (крайне малых размеров) с сильно вогнутым основанием среди доямных памятников Левобережья встречен впервые, в то же время они характерны для памятников койсугского типа Правобережья (рис. 221). Мы не считаем необходимым искать этому объяснения, исходя из нашей позиции, что наконечники стрел имеют более ограниченное значение как исторический источник, чем это традиционно считается. Полагаем, что их форма имела не только культурно-хронологическое значение — она зависела также и от конкретного мастера, и от предпочтений стрелка, и от целей стрельбы из лука. Как показывают материалы соседнего региона (рис. 176), в одно и то же время могли использоваться сразу несколько типов наконечников. Определённая тенденция прослеживается в форме наконечников: более ранние имеют слегка округлые грани (рис. 19, п.17), а более поздние — прямые (рис. 19, п.8).

Довольно странно, что на упомянутом поселении Каменное I не найдено ни одного фрагмента энеолитической керамики. Небольшие фрагменты лепных

сосудов без ракушки в тесте были найдены, однако более вероятно их датировка средневековым. Это уже второй подобный памятник, поскольку та же ситуация была отмечена на местонахождении Заливное у г. Батайск (рис. 2). Здесь вместе с кремнем не было найдено ни одного фрагмента керамики. Материал этого местонахождения легко сопоставляется с Дюнным I (рис. 12), Койсугом (рис. 6, 8), Кулешовкой (рис. 17) и др. (рис. 220).

Другие категории инвентаря весьма немногочисленны: встречены 3 наконечника стрел треугольной формы с прямым основанием и два ранних экземпляра со слегка вогнутым основанием. Известны три медных (?) ножа: один с овальным, а два — с листовидным клинком и прямоугольным в разрезе черешком (рис. 15, 38, 58). Погребение 23 кургана 5 Койсугского могильника (рис. 6) и п. 26 Дюнного (рис. 8) дали 4 костяных проколки из необработанных костей овцы. Также встречены подвески из зубов оленя и из гагата, пронизка из листовой меди, бусы из кораллов и створок раковин.

Продольное перекрытие ям является в определённой степени чертой погребений койсугского типа (рис. 207). Очевидно, это обусловлено тем, что расщепление древесины — менее трудоёмкий процесс, нежели перерубание, кроме того, при расщеплении не имеет значения длина ствола, а значит, проще было делать длинные доски и перекрыть ими яму вдоль, чем разделять их на части и перекрывать поперёк. Вероятно, эта особенность утратила значение при распространении медных топоров в раннеямную эпоху.

Историческое значение койсугских памятников может оказаться весьма велико. И дело даже не в том, что они занимали уникальное географическое положение между памятниками майкопской культуры Предкавказья и культурами Правобережья Дона и Поднепровья, находившимися, судя по керамике и металлическим изделиям, в прямом контакте с майкопской. Дело заключается в преемственности койсугских погребений и раннеямных, что проявилось и в сходстве керамики из инвентаря койсугских погребений и раннеямного (репинского) этапа. Здесь же перечислим скудные (ввиду малочисленности инвентаря) факты, свидетельствующие о близости черт керамики поздних койсугских и раннеямных погребений:

- 1) Жемчужины и защипы по горлу в орнаменте (рис. 211-212);
- 2) Схожие орнаментальные композиции: сочетание желобков и зигзагов по горлу, насечки по краю устья, ряды «отступающей лопаточки» и оттисков гребчатого штампа.
- 3) Схожая морфология сосудов: невысокий слегка отогнутый венчик, яйцевидное или шаровидное тулово, округлое дно.
- 4) Широкое использование верёвочного орнамента из свисающих треугольников.

Всё же таких признаков не так много, учитывая принадлежность койсугских и репинских материалов к разным периодам. Кроме того, репинская культура (репинский этап ямной культуры) в её классическом виде представлена лишь на Среднем Дону, в то время как сопоставимые с ней материалы Левобережья Нижнего Дона, происхождение которых мы связываем с койсугскими древностями, имеют и существенные отличия.

Изложенные факты позволяют уверенно выделить «койсугский тип погребений», состоящий из трёх обрядово-стратиграфических групп. Территория их распространения охватывает всю территорию Левобережья Нижнего Подонья. Данный тип погребений характеризуется не только общностью обрядовых традиций, но материальной культуры. Для последней это выразилось в сходстве морфологии и орнаментации керамики, использовании преимущественно пластинчатой техники расщепления кремня. Койсугский тип погребений можно уверенно синхронизировать с поздними этапами среднестоговско-хвалынской общности эпохи энеолита.

Среди надёжно стратифицированных погребений койсугского типа можно без труда вычленить группу, по позе и ориентировке аналогичную погребениям раннего этапа ямной культуры. Абсолютное датирование подобных нестратифицированных комплексов может ошибочно удревнить нижнюю границу бытования памятников ямной культуры.

3.3. Погребения типа «Радутки»

Ярчайшим открытием при раскопках Койсугского могильника и группы Радутка стали погребения в заплечиковых ямах с керамикой майкопско-новосвободненской общности (рис. 10, п. 24). Под погребениями «типа Радутки» мы понимаем нижнедонские комплексы в заплечиковых ямах, погребённые лежат в позе скорченно на боку, руки у лица (типы 3А и 3Б), сопровождающий инвентарь близок новосвободненской культуре. При этом в их число включены и погребения, не обладающие всеми из перечисленных признаков, обязательными для них являются лишь поза и хронологическая позиция. Абсолютно преобладает ориентировка в восточный сектор (95 %), поза на левом боку (82 %) (таблица 2).

На рис. 215 приведена подборка всех известных стратифицированных подобных погребений Левобережья. В двух случаях (С, Е) такие погребения перекрыты ямными погребениями с западной ориентировкой, причём очевидна преднамеренность такого положения, поскольку, во-первых, ямные погребения не разрушают предыдущие, во-вторых, площадь курганов слишком большая, чтобы такое подхоронение можно было бы объяснить случайным наложением. Ещё в двух курганах ямные погребения обрезали часть ямы более ранних погребений (рис. 215, D, F). В одном случае (А) такой комплекс найден в насыпи, сделанной над погребением горизонтов IVA или VIIБ (рис. 203).

Особый случай — курган 14 могильника Колдыри (рис. 48, рис. 215). По мнению автора раскопок Е.И. Беспалого, это погребение предшествует двум погребениям с ногами «ромбом», на основании того, что выкид из него лежит на погребённой почве. Однако, из чертежа бровки видно, что заплечик прорезал этот выкид (рис. 41). Также автор не нашел ответа на вопрос, к какому погребению относятся две линзы выкида к ЮЗ и СЗ от п. 7. Если верить чертежам бровки, то погребение 1 с ногами ромбом впущено далеко за пределами первоначальной насыпи, что весьма сомнительно. И таких нестыковок в отчёте довольно много. Возможно, погребение 7 разрушило основное, которому и принадлежал глиняный выкид. Но вероятнее, что выкид, а точнее площадка из глины, была сделана до сооружения погребения 7. Видимо, это — важная деталь обряда этого комплекса. В то же время она отсутствует в других курганах этого времени. Это можно объяс-

нить значительной хронологической разницей между погребениями с керамикой и погребением из мог. Колдыри. Последнее можно синхронизировать с IV группой, остальные — с VII. Можно говорить о явной связи между койсугскими и радуткинскими погребениями, на что намекает факт их совместного нахождения в одних и тех же курганах. Таким образом, утверждение В.С. Яценко о предшествовании Радутки¹⁴⁴ погребениям с ногами «ромбом» может быть уточнено за счёт разделения их на два хронологических горизонта (рис. 219). Последнее подтверждается стратиграфией кургана 1 Радутки, где к основному с широкими заплечиками впущено погребение с узкими (рис. 10, рис. 215, G). Это соотношение надёжно установлено по выкиду из основного погребения Радутки, лежавшего под первой насыпью. Впрочем, не сохранившийся костяк снижает надёжность нашей интерпретации, поскольку п.10 могло быть аналогичным основному из Кулешовки (рис. 207, п. 16). Всего эта серия насчитывает 15 погребений. Часть из них безынвентарна (рис. 40; рис. 70, п. 13; рис. 81, п. 17-18, к. 3, п. 6).

Уточнения требует и материал из Койсугского могильника. Связка погребения 18 (рис. 6) прослежена не с одним, а с двумя другими. Заплечик данного погребения затронул выкид из энеолитической могилы № 27. С севера заплечик был нарушен погребением ямной культуры (п. 11) с ориентировкой на ЗЮЗ. В данном случае, п. 11 продолжило традицию аккуратного неразрушающего подхоронения в центр кургана. Поза рук ямного погребения с кистями на земле, около таза, говорит о его довольно ранней датировке относительно других ямников-западников. Более того, оно имеет позу, весьма близкую к погребениям горизонта VIIA (рис. 210, 214). В таком случае, можно говорить о синхронности или даже предшествовании Радутки относительно раннеямных погребений. Но, вероятнее всего, погребения типа Радутки занимают в Койсугском могильнике горизонт VIIБ, т.е. синхронны ямникам-восточникам. Из этого естественно вытекает вывод о влиянии или непосредственном участии носителей погребальной обрядности Радутки в сложении ямной культуры. Однако, такая интерпретация не находит аргументов, поскольку ни поза, ни заплечиковая конструкция ямы, ни набор инвентаря, ни

¹⁴⁴ Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 255.

особенности материальной культуры не получили продолжения в ямных традициях.

Другой точкой опоры аргументации о синхронности Радутки и раннеямного горизонта является сопоставление инвентаря и обряда погребений из кургана 15 Кобяковского могильника (рис. 94). В 1986 году Л.М. Казаковой на восточной окраине г. Ростова-на-Дону был исследован уникальный 7-ми метровый курган (рис. 95). Оказалось, что над основным погребением, содержащим шило и тесло серебристого цвета (возможно, были утрачены - сообщение С.Е. Жеребилова, лично расчищавшего погребение), была сделана насыпь высотой более 5-ти метров, окруженная обширным каменным кольцом-кромlexом. Из инвентаря сохранились небольшие фрагменты серебра. В кургане исследовано ещё одно погребение в заплечиковой яме, детское, оно сопровождалось сосудиком с носиком — поилкой и сосудом с ушками для подвешивания, аналогичным фрагменту керамики из основного погребения. Аналогиями для него являются Койсугский могильник и Радутка (рис. 218). Близки и форма сосудов и форма их ушек, неординарность захоронений, присутствие кухонной посуды, заплечиковая округлая конструкция ямы и пр. С другой стороны, по тем же признакам видны аналогии среди раннеямной керамики.

Ещё одним свидетельством связи между погребениями типа Радутки и погребениями койсугского типа является явно не случайное их соседство в кургане мог. Камышевский в Цимлянском районе, на Правобережье (рис. 107). Это пока самая отдалённая от Радутки находка погребений этого типа на Дону. Погребение 6 имело заплечиковую конструкцию, сосуд из него по форме и орнаменту имеет аналог на Правобережье (рис. 171), а наконечник из погребения 3 типологически близок к наконечнику из кургана Поляков (рис. 115). Ранняя хронологическая позиция последнего показана на рис. 227.

Ещё одна находка погребения типа Радутки на Правобережье — погребение из к. 1 «I Могильника у Аксайского Поворота» из раскопок Н.М. Власкина в 2012 г. К сожалению, отчёт ещё не закончен. Погребение сопровождали 2 плоскодонных сосуда, весьма похожих на сосуд из погребения 11 к. 11 мог. Западенка

(рис. 42). Два погребённых находились в аналогичной позе на правом боку и ориентированы на ЮЗ. Среди впускных погребений обнаружено раннеямное, в позе, близкой к п. 8 из Ливенцовского X (рис. 163), с сосудом с жемчужинами. Таким образом, есть ещё один факт предшествования погребений типа Радутки раннеямным.

Дальнейшая судьба погребальной традиции Радутки не ясна. О её достаточно широком распространении свидетельствуют памятники востока Правобережья (рис. 107, 128) и Левобережья (рис. 70, к. 116, п. 13; рис. 81). Однако, какое влияние на дальнейшее развитие погребального ритуала она оказала, сказать пока трудно. Единичным свидетельством дальнейшего существования традиции устройства ям с узкими заплечиками и другими весьма схожими деталями может являться погребение 4 из могильника Новый (рис. 72), где в такой яме помещён костяк в обычном для позднего этапа ямной культуры положении. К сожалению, редкость комплексов типа Радутки и малое количество инвентаря (эта очевидная черта степного погребального обряда закрепились и среди этих комплексов) не позволяют выявить более точное их соотношение с другими древностями энеолита-ранней бронзы Нижнего Подонья. Судя по относительной хронологии, носители этой погребальной традиции могли оказать большое влияние на культуру степного населения, что, в конечном итоге, и привело к формированию «ямной общности».

Стратиграфические данные позволяют отнести погребения типа Радутки к раннеямному времени или к более раннему периоду. Тот факт, что погребения типа Радутки всегда находились вместе с койсугскими либо ямными погребениями, может указывать на их связь. Не исключено, что они представляют собой элитарные комплексы.

Как уже говорилось, Радутка легко сопоставляется с материалами новосвободненской культуры Предкавказья. Согласно точке зрения А.Д. Резепкина, территория распространения раннего этапа новосвободненской культуры достигает Донского Левобережья¹⁴⁵. Комплекс из мог. Колдыри (рис. 48, п. 7) А.Н. Гей отно-

¹⁴⁵ Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). — Санкт-Петербург, 2012. — С. 272.

сит к нижнемихайловско-новосвободненскому типу погребений¹⁴⁶.

3.4. Погребения раннего этапа ямной культуры Левобережья

Об обосновании включения VII группы погребений в ямную культуру нужно сказать отдельно, несмотря на то, что они и так традиционно считаются раннеямными. Седьмая и восьмая группы имеют подавляющее число общих черт:

1. Идентичные пропорции и форма ямы.
2. Одинаковый набор поз костяка, в т.ч. и в коллективных захоронениях.
3. Близкий состав инвентаря, включающий листовидные ножи и кругло- и плоскодонную керамику со шнуровым орнаментом.

Наглядное обоснование общности обрядовых черт погребений раннего и позднего этапов ямной культуры приведено на рис. 233.

Под погребениями раннего этапа ямной культуры мы понимаем курганные и грунтовые погребения эпохи ранней бронзы в позе скорченно на спине, руки вдоль корпуса, кисти рук — у таза. Ориентированы погребённые на В, СВ, З и ЮЗ. Их сопровождают сосуды с яйцевидной формой тулова, с шнуровым и ёлочным орнаментом. В число раннеямных мы включаем не только совершённые по указанному шаблону, но и погребения с некоторыми вариациями поз рук (одна рука может быть на тазу). Самые ранние погребения, включаемые нами в ранний этап ямной культуры, иногда совершались со стоящими коленями вверх ногами и сопровождалась кремневыми ножевидными пластинами, длиной до 12 см.

Приведённое выше перечисление признаков не может в полной мере дать чёткое определение ямной культуры как исторического явления. Под данный набор признаков могут подойти и иные материалы, поэтому для определения сути термина необходимо показать его сущностные черты. Таким образом, термин «ямная культурно-историческая общность» можно описать как совокупность археологических культур и памятников западной части степей Евразии со стандартизированным и медленно изменяющимся курганным погребальным обрядом на фоне

¹⁴⁶ Гей А.Н. Новотиторская культура. — Москва, 2000. — С. 189.

распространения материальной культуры раннего бронзового века. Главная особенность раннего этапа ямной культуры - это стандартизация погребального обряда и резкое замедление его изменения. Под материальной культурой раннего бронзового века подразумевается набор технологий и импорты готовых предметов майкопского очага металлургии, округлодонной керамики с верёвочным орнаментом и с примесью шамота.

VII группа представлена двумя горизонтами. Ранний VIIA насчитывает всего 33 погребения (типы 4А, 4Б, 4Г, 4Д, 4З). Основных аргументов в пользу его выделения три: 1) надёжное стратиграфическое положение п. 8 к. 1 мог. Кулешовка (рис. 207) с поднятыми коленями и его своеобразный обряд; 2) то же самое по отношению к п. 4 к. 3 мог. Новопалестинский II (рис. 56), перекрытому раннеямным погребением; 3) впускное положение п. 34 к. 1 мог. Кулешовка (рис. 17), обряд которого практически совпадает с указанным погребением в первом пункте. Таким образом, удалось установить хронологическую позицию для нескольких погребений с поднятыми коленями, не относящихся ко II обрядово-стратиграфической группе (новоданиловский тип погребений). Для этого горизонта характерен весьма разнообразный обряд, ключевым фактором для их объединения является стратиграфическое положение. В качестве общих черт можно указать ЮЗ и СВ ориентировку (93 % ориентированы на З, ЮЗ, В и СВ — таблица 2), положение рук вытянуто вдоль корпуса (в одном случае отведены (рис. 70, к. 80, п. 5), т.е. лежат «ромбом») или на паху, ноги стоят коленями вверх или завалены на бок, но в большинстве случаев колени заметно приподняты над дном ямы.

Группа VIIБ представляет собой сформировавшийся погребальный обряд ямной культуры. Удалось вычленить 57 погребений этого горизонта. Это среднескорченные погребения на спине с ориентировкой на В и СВ (98 %), руки вдоль корпуса, ладони лежат на дне ямы около таза, реже - верхняя рука на тазу (типы 4В, 4Ж, 4И, 4К). Выбор бока для завала ног не устоялся, не найдено никаких оснований для деления погребений по этому признаку. Здесь достаточно указать на пример из курганов 3 и 4 Новопалестинского (рис. 56-57), где захоронения найдены в соседних курганах в одинаковом стратиграфическом положении. Мож-

но лишь отметить, что поза на левом боку с руками около таза является чуть более поздней.

Для рассмотренных групп принципиально важен вопрос о положении ног погребённого, могло ли оно быть случайным, а исходным положением было коленями вверх? Этот вопрос неоднократно рассматривался в литературе, в т.ч. в монографии автора¹⁴⁷. На рис. 209 показана иллюстрация преднамеренности завала ног набок. Здесь попарно представлены погребения из двух могильников, где руки погребённых отведены от корпуса. Красной линией промаркирована ось позвоночника, относительно которой уложены стопы ног. У погребений с ногами «ромбом» стопы находятся симметрично по обе стороны от линии позвоночного столба. У погребений с завалом ног набок стопы преднамеренно смещены. Неопровержимый аргумент в пользу преднамеренности положения ног дают материалы могильника Дюнное I (рис. 12). Здесь погребения обнаружены на глубине 2-3 штыка, а совершены они были на глубине 20-30 см от уровня древней дневной поверхности. Т.е. ни о каком ноги «завалились» или «распались» говорить не приходится, иначе они бы торчали из земли и мешали бы перекрытию. Между тем, здесь мы видим почти полный набор поз погребённых: на боку, на спине с завалом ног набок, на спине с ногами «ромбом», вытянуто со слегка согнутыми ногами. В итоге, мы исходим только из того факта, как погребённый лежал в момент фиксации. А получившаяся схема последовательно сменяющих друг друга обрядово-стратиграфических групп не требует построения предположений о первоначальной позе похороненного.

Получившаяся картина даёт новую информацию о происхождении погребального обряда ямной культуры (рис. 219). Типичная для раннеямных погребений поза появляется и широко используется довольно рано, ещё в четвертой стратиграфической группе (рис. 207, 210), хотя другие черты обрядности и инвентаря ещё далеки от раннеямного набора. В следующей, V группе, труположение приобретает новые черты: сравнительно слабая скорченность ног, руки отставлены от корпуса. Сопровождавший их инвентарь уже довольно близок раннеямному. В VII

¹⁴⁷ Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А.В. Файферт. — Ростов-на-Дону, 2014. — 500 с.

группе ранний горизонт VIIA выделен впервые и иллюстрирует постепенное формирование ямного стандарта. Особенно интересны погребения с завалом ног на левый бок и ориентированные на ЮЗ или З. Их поза уже «ямная», но со временем изменится ориентировка. Погребальный инвентарь идентичен раннеямному.

Горизонт VIIБ представлен серией погребений с практически стандартизированным погребальным обрядом. Различия проявляются только в выборе стороны для завала ног и положения верхней руки. Более 60% погребены в положении с завалом ног направо. Его зеркальное отражение, т.е. положение на правом боку и ориентировкой на З или ЮЗ, стало единственным для позднего этапа ямной культуры. Нет ни одного достоверного случая положения костяка погребения позднего этапа ямной культуры Нижнего Подонья на левом боку.

Следует отметить, что установленная последовательность эволюции погребального обряда между группами III-VII не всегда могла соблюдаться — различия могли быть обусловлены иными причинами, например, статусом погребённого. Впрочем, пока фактов, не вписывающихся в схему именно такой последовательности, нет. В пользу правильности хронологической интерпретации свидетельствует наличие переходных вариантов между всеми преобладающими на каждом этапе типами труположения.

Подводя итог приведённому описанию, можно утверждать, что материалы Койсугского могильника и близких ему памятников Левобережья имеют многочисленные признаки прямой связи с погребальным обрядом ямной культуры раннего этапа. Одной из важнейших особенностей памятников Левобережья является впускное положение раннеямных погребений в курганы с могилами койсугского типа (рис. 11, 49, 56, 57 и др.). Часто имело место явное подхоронение, что является отличительной чертой обряда погребений койсугского типа. Как будет показано ниже, такая особенность не характерна для ранних ямных погребений Правобережья. Это тем более не удивительно, поскольку по положению тел умерших койсугские погребения часто трудноотличимы от ямных (рис. 210, IVA).

Можно заключить, что погребения VII группы имеют целый ряд общих черт с койсугским типом погребений, что позволяет говорить об их генетической

близости: 1) общая поза погребённых для IV и VII групп; 2) близкие пропорции ямы, длина которых больше или равна длине костяка; 3) близкий состав инвентаря и близкий процент инвентарности, особенно для керамики (таблица 2); 4) схожие орнаментация и морфология керамики (рис. 212), в т.ч. жемчужины по горлу (рис. 8, п. 30; рис. 58, п. 5; рис. 80, п. 5); 5) нахождение раннеямных и койсугских погребений в одних комплексах (рис. 216), в т.ч. в грунтовых могильниках (рис. 12) и в виде «неразрушающих подзахоронений» (рис. 56-57). Низкая инвентарность ямных и койсугских погребений (25-30%, считая кремневые отщепы, раковины, отдельные бусины и пр. (рис. 3-11)), составляет значительный контраст с константиновской культурой, где инвентарность доходит до 70% (рис. 67, 127, 129 и др.).

На рис. 216 сделана подборка стратифицированных курганов с погребениями V и VII групп. На таблице видно, что даже самые поздние койсугские погребения (V группа) всегда предшествуют обоим горизонтам раннего этапа ямной культуры. В принципе, раннеямные захоронения имеются в 70% койсугских курганов. Как будет показано ниже, в курганах константиновской культуры они не найдены ни разу.

Характер погребального обряда раннего этапа ямной культуры, а точнее, его унификация, не позволяют проследить культурные различия на территориях, занятых в предшествовавшее время памятниками койсугского типа и константиновской культуры. Это совершенно понятно, поскольку суть ямной культуры — это распространение на широкой территории стандартного погребального обряда и схожей материальной культуры. Можно сразу отметить, что раннеямные погребения не бывают впускными к константиновским (также как и на остальном Правобережье). Зато, как отмечалось выше, они неоднократно впускались в курганы с более ранними погребениями койсугского типа. На этом нужно остановиться подробнее, поскольку этот факт имеет для нас большое значение.

На рис. 214 представлена целая серия раннеямных погребений с западной ориентировкой, два из них были впущены в курганы, нарушив погребения койсугского типа. Однако, надо отдельно сказать, почему же они являются раннеямны-

ми, а не любыми другими: 1) общность обрядовых черт с погребениями с восточной ориентировкой, включая позу погребённого; 2) неотличимый погребальный инвентарь, включая керамику с «жемчужинами» (рис. 224); 3) одинаковое стратиграфическое положение.

Для керамики с жемчужинами, выдавленными изнутри и снаружи, не установлено какой-либо территориальной или хронологической разницы. Например, на Правобережье есть случаи их совместного использования на одном сосуде, или такие сосуды найдены в одном погребении (рис. 117, 133). Отметим лишь явную тенденцию: в бассейне Нижнего Дона количество керамики с жемчужинами плавно убывает в направлении с севера на юг.

В настоящей работе впервые выделены два стратиграфических горизонта VII группы и надёжно установлено их соотношение. Аргументы в пользу генетической связи этой группы с предыдущими на Левобережье, особенно в Койсугском могильнике, приводились выше. Но в этом могильнике не встречены раннеямные погребения с восточной ориентировкой. Это может косвенно свидетельствовать в пользу более раннего хронологического положения комплексов с западной ориентировкой. Особенно ясно последовательность использования западной и восточной ориентировок продемонстрировал курган 1 (СВ насыпь) из Кулешовки (1983) (рис. 28-29, рис. 207). Здесь совершены последовательно, практически друг над другом, 3 погребения. Основным было погребение 16 с ориентировкой на СВ, перекрытое плахами вдоль длинной оси ямы. Поза может быть принята за раннеямную, однако это неверно, поскольку такая поза также использовалась в погребениях койсугского типа. Следующим было впущено погребение 8 с ЮЗ ориентировкой, поднятыми коленями и, соответственно, руками на тазу. Яма также имела широкие заплечики, которые в насыпи плохо прослеживались. Третье погребение в колонке - №4 - имело очень большие ступенчатые заплечики, на дне ямы находился костяк в типичной раннеямной позе. Ясное понимание этого сложного комплекса даёт его сравнение с курганом 1 Западного II (рис. 170, 207), где мы видим в деталях повторяющуюся картину. Кроме того, к ЮЗ от основной была сделана дополнительная насыпь, где основное погребение было с близкой позой

костяка, а впускным к нему стало погребение с ногами «ромбом». Последним в интересующее нас время было сделано типичное позднеямное погребение в заплечиковой яме, без использования камыша, что характерно для всех предыдущих.

Ещё одно надёжное соотношение имеется из кургана 4 Новопалестинского II (рис. 56). Правда, здесь погребение горизонта VIIA имеет ориентировку на СВ. Стратиграфические данные по другим курганам не противоречат приведённой схеме. Образным воплощением общей идеи обряда на этом этапе для нас служит погребение 9 к. 3 из Радутки (рис. 11). Инвентарь этого горизонта столь скуден, что не позволяет описать его отдельно от горизонта VIIБ.

Комплекс погребений горизонта VIIБ уже не имеет былого разнообразия в позах и ориентировках костяков. Как уже отмечалось, поза здесь практически стандартизирована: скорченно на спине, используются оба бока для завала ног, нижняя рука — вдоль корпуса, кисть верхней может находиться во всех положениях в промежутке от «на дне ямы, рядом с крылом таза» до предплечья нижней руки. Ориентировка непременно на В или СВ, очень редко — на ВЮВ.

Итак, вернёмся к вопросу о впускном положении раннеямных погребений по отношению к курганным погребениям койсугского типа. Всего таких случаев не менее 25, из них 9 — случаи прямого нарушения ямными погребениями более ранних. При этом впускались такие захоронения «аккуратно», т.е. не разрушая нижележащее. Такая традиция неоднократно фиксировалась для погребений койсугского типа (например: рис. 7, 28, 44). В то же время, в следующей главе будет показано, что такая традиция в меньшей степени характерна для памятников, близких к койсугским, на Правобережье (рис. 144, 158) и отсутствует в остальных (рис. 133, 162). И в единственном случае на правом берегу Дона, когда раннеямное погребение было впущено в центр кургана — оно полностью разрушило основное погребение (рис. 138, к. 10). Таким образом, можно говорить об устойчивой погребальной традиции, которая продолжилась и в раннеямное время. В сочетании со многими признаками постепенной эволюции и преемственности в развитии керамики (рис. 209), можно уверенно говорить о генетической связи между

погребениями койсугского типа и раннего этапа ямной культуры. Также ранее отмечалось, что имеются надёжные свидетельства использования «раннеямной» позы и ориентировки среди ранних койсугских захоронений (рис. 203).

Погребения раннего этапа ямной культуры Левобережья Нижнего Подонья представляют собой целостный культурно-хронологический комплекс. Выделенный стратиграфический горизонт VIIA ясно показывает генетическую преемственность между койсугскими и раннеямными памятниками. Это проявилось и в близких признаках материальной культуры. В частности, для койсугских и раннеямных погребений имеются 5 общих типов керамики (Таблица 12). Выявленная связь позволяет утверждать автохтонный генезис погребального обряда ямной культуры. Таким образом, Левобережье Дона стало одним из центров формирования погребального обряда ямной культуры.

3.5. Материалы поселений энеолита — ранней бронзы Левобережья

Поселение **Батай I** (рис. 21) было раскопано на площади 3000 кв.м. Основная часть территории памятника была разрушена при спрямлении русла р. Койсуг. На территории поселения было обнаружено 2 энеолитических погребения (рис. 21, п. 3), одно из них найдено в ходе шурфовок и по недоразумению не вошло в отчёт Е.И. Беспалого¹⁴⁸. Культурный слой поселения имел малую насыщенность, сохранился лишь 1 закрытый комплекс — яма 3 (рис. 21), содержащая 3 сосуда и охру. Сосуды по морфологии и орнаментации имеют прямые аналогии среди погребений койсугского типа (рис. 18, п. 11; рис. 81, п. 10).

Остальные материалы были найдены на довольно широкой площади и могут иметь разновременной характер. Стратиграфии в раскопах проследить не удалось. Основная часть материалов имеет довольно ранний характер, аналогии ему легко найти среди керамики среднестоговской и дереивской¹⁴⁹ культур.

¹⁴⁸ Устное сообщение И.В. Белинского. Погребённый лежал на спине, головой на восток, ноги были подняты коленями вверх, в ладони найден кремневый нож на пластине. В архиве Азовского музея-заповедника чертеж этого погребения нами не обнаружен.

¹⁴⁹ Котова Н.С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа: Монография. — Киев; Харьков: Майдан, 2013. — 486 с.

В долине р. Дон, на берегу оз. Солёное, И.В. Белинским и С.А. Яценко в отвале траншеи водовода был собран материал местонахождения **Заливное**. Он состоит из 29 кремневых предметов, 2 шлифованных топоров и 1 ступки. Несмотря на обилие находок, керамика не была найдена. Это объясняется либо её отсутствием, либо она могла раствориться в агрессивной среде, что мы полагаем маловероятным. Крупный двустороннеобработанный наконечник копья имеет единственную аналогию в могильнике Дюнное I (рис. 12, п. 17), кстати, находившегося всего в 20 км к СВ. Наконечники стрел с прямым основанием аналогичны койсугским (рис. 6, п. 6; рис. 8, п. 12). Кремневую пластину, обработанную крупной ретушью по всей длине, можно сравнить с находкой из Кулешовки (рис. 17, п. 34). В целом материал имеет однозначное сходство с поселением Батай I.

Аналогичная ситуация с отсутствием керамики прослежена в сборах на поселении салтово-маяцкой культуры **Каменное I**, сделанных В.Н. Кузьминым и автором. Здесь встречены небольшие фрагменты лепных сосудов без ракушки в тесте, но, скорее всего, они относятся к средневековью. Кроме того, на поселении найдена ручка катакомбного сосуда.

Коллекция кремневых предметов состоит из 3 микропластинок, 1 нуклеуса, 1 наконечника стрелы и 2 отщепов (рис. 222). Нуклеус и пластинки весьма близки к находкам в погребениях 2-х курганов могильника Каменный II (рис. 50), находившегося всего в 300 м к северу от поселения. В них найдены: полностью сработанный нуклеус с негативами микропластин, одна микропластина и два комбинированных орудия на отщепах. Сходство инвентаря с находками поселения достаточно выразительны. Тщательный осмотр территории поселения и могильника, как и отсутствие находок кремня в насыпях курганов, позволяют оспорить мнение автора раскопок (который опирался на определение Зорова Ю.Н. этих вещей как ранненеолитических) о том, что они могли попасть в погребения случайно. Мы полагаем, что материалы поселения являются остатками небольшой временной кремневой мастерской, располагавшейся у родника на берегу р. Маныч.

Ранний слой поселения **Лисовин** (рис. 30) исследован на небольшой площади, давшей всего 19 атрибутируемых находок. Памятник находится на не-

большой дюнной возвышенности в пойме р. Койсуг. Из-за малочисленности находки трудно надёжно атрибутировать, можно сказать, что керамика близка находкам на поселении Батай I, где также встречен единичный фрагмент венчика с жемчужиной, а основной приём орнаментации — ёлочка из таких же овальных оттисков палочки и пояски из круглых вдавлений. Асимметричный наконечник стрелы схож с таким же из местонахождения Заливное.

Местонахождение у пос. Красный Октябрь (рис. 47) на левом берегу р. Западный Маныч дало небольшую коллекцию керамики и кремня. Здесь мы видим пластинчатую кремневую индустрию, наконечники стрел с прямым и слегка вогнутым основанием. Орнаментация керамики близка к образцам из пос. Батай I, а самый крупный фрагмент венчика имеет орнамент, весьма близкий погребению койсугского типа (рис. 43, к. 1, п. 2) из сравнительно близко расположенного могильника.

В итоге, известные на сегодняшний день поселенческие материалы энеолита Левобережья скудны и явно недостаточны. Неплохо представлены кремневые изделия, позволяющие дать их начальную культурно-хронологическую характеристику. Материалы поселения Батай I и местонахождений Каменное I, Заливное и у пос. Красный Октябрь можно достаточно надёжно связать с ранними погребениями койсугского типа. Небольшая коллекция керамики поселения Лисовин относится к раннему этапу ямной культуры.

Глава 4. Памятники раннего этапа ямной культуры и предшествующего периода Правобережья Дона

4.1. Энеолитические памятники. Погребения константиновской культуры

На фоне очевидного единообразия памятников Левобережья (кроме нижнего течения р. Сал), Правобережье Дона дало погребальные памятники, которые подчас довольно трудно сопоставить между собой. Например, на Левобережье на основе полученной стратиграфической колонки легко восстанавливается последовательность совершения погребений Койсугского могильника (рис. 210). На Правобережье при сопоставлении курганов из соседних могильников возникают трудноразрешимые противоречия, например, если сравнить к. 1 Ливенцовского X (рис. 163) и к. 1 Западного II (рис. 170). На Правобережье также получена выразительная стратиграфическая колонка, однако попытка реконструировать последовательность совершения погребений упомянутого к. 1 Ливенцовского X не увенчалась успехом, поскольку обряд совершения погребений весьма различается. Из сказанного не следует, что они вообще не похожи, напротив, отдельные погребения легко находят аналогии как на других территориях, так и в выделенных нами стратиграфических горизонтах. Однако, рассмотрение погребений из определённого кургана в целом выявляет существенные различия.

В ходе анализа и сравнения доямных комплексов из курганов Правобережья удалось разделить их на две группы:

- I. Погребения койсугского типа.
- II. Вытянутые и константиновские.

Первая группа хорошо иллюстрируется упомянутым курганом 1 Западного II. Этот тип памятников распространён вдоль Дона, на территории, условно ограниченной реками Миус, Мёртвый Донец и Тузлов. Все обрядовые группы погребений и их последовательность легко сопоставляются с койсугским типом погребений Левобережья, и, вероятно, они представляют собой примерно такую же це-

лостную структуру, как и памятники константиновской культуры Право- и Левобережья, т. е. памятники койсугского типа занимают и часть территории Правобережья. На рис. 229 показано размещение памятников койсугского типа и константиновской культуры. Соответственно, в низовьях р. Сал памятники константиновской культуры размещены обособлено, а на Правобережье Дона, на территории, ограниченной реками Миус, Мёртвый Донец и Тузлов, они располагаются чересполосно. На основе стратиграфических данных погребения койсугского типа легко разделяются на 4 горизонта (рис. 227). Особенно ясно указанная близость проявляется при сопоставлении кургана 1 Западного II с курганом 1 Кулешовки (1983) (рис. 207). Здесь два однозначных совпадения: во-первых, основное погребение 16 с ориентировкой на СВ, во-вторых, подхоронение в центр кургана могилы 15 в заплечиковой яме с продольным перекрытием. Таким же образом надо понимать погребения из Полякова кургана (рис. 115), где основное погребение было ограблено в XX веке. Отдельно нужно отметить ямки по углам могилы в п. 5 и п. 17. На рис. 226 приведена подборка доямных и раннеямных погребений с такими ямками или подбитыми углами. Как видно, столбовые конструкции применялись задолго до широкого распространения заплечиковых могил позднеямного времени.

Инвентарь группы погребений койсугского типа Правобережья, к сожалению, не просто скуден — его практически нет (таблица 5 — IVA, IVB, V). Он представлен тремя сосудами, кремневым наконечником стрелы с сильно вогнутым основанием (рис. 115), изделиями из целого клыка кабана (рис. 139), кремневыми ножами на пластинах (рис. 149), набором мастера-кожевника (рис. 152).

Все обрядово-стратиграфические группы до деталей совпадают с их левобережными аналогами (рис. 203, 210), ввиду их малочисленности (таблица 5) давать их отдельную характеристику нецелесообразно.

Вторая группа памятников расположена на территории, ограниченной реками Тузлов, Дон и Миус, т. е. это Правобережье Нижнего Дона без бассейна р. Северский Донец (рис. 236). Этот тип памятников хорошо представлен курганом 1 мог. Вертолётное поле (рис. 165), где вытянутое погребение было впущено над бо-

лее ранним скорченным и само было перекрыто погребением с ногами «ромбом». Всего в этой серии 8 вытянутых захоронений (рис. 235), и ещё несколько, по-видимому, составляют с ними единый культурный комплекс. Помимо вытянутого положения костяков, эти погребения выделяются инвентарём с керамикой майкопского типа. В то же время, их нельзя безоговорочно отнести к константиновской культуре, поскольку у последней имеется собственный ярко выраженный погребальный обряд. Кроме того, данный тип погребений отделён большой и хорошо исследованной территорией от основного района распространения памятников константиновской культуры. Вытянутые погребения встречены на узкой территории вдоль правого берега р. Мёртвый Донец, на участке длиной 30 км, от р. Морской Чулек до р. Темерник. В то же время, в нижнем слое Ливенцовского поселения встречена керамика, которую В.Я. Кияшко уверенно относит к константиновской культуре¹⁵⁰, а соответствующих погребений не найдено. Вероятно, именно эту серию погребений и нужно сопоставить с Ливенцовкой, как это уже указывал С.Н. Братченко¹⁵¹. В плане хронологии здесь противоречий нет.

Убедительно выглядит сравнение вытянутых погребений и константиновской культуры на рис. 237. В пользу отнесения этих комплексов к константиновской культуре говорит аналогичный характер погребений из Божоявленовки (рис. 135) и ТЭЦ-2 (рис. 167). В последнем сильно разрушенное впускное захоронение содержало глиняное колёсико, которое, по определению В.Я. Кияшко, относится к керамике майкопского типа. Наверное, самым убедительным сравнением представляются погребения из Нижнегниловского (рис. 169) и Кастырского VIII (рис. 136). Оба погребения совершены в ямах с заплечиками, причём камера по высоте едва вмещала погребённого. Инвентарь удивительно схож: сосуд майкопского типа, широкое медное тесло, кремневая пластина с желвачной коркой. Близкий инвентарь сопровождал погребение 7 из Вертолётного Поля (рис. 165), кремневый нож из него, вне всяких сомнений, аналогичен константиновским (например, рис. 67). Правильность отнесения В.Я. Кияшко погребения 1 к 3 могильника

¹⁵⁰ Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) // Донские древности. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. — Вып. 3. — С. 25.

¹⁵¹ Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. — Киев: Наукова думка, 1976. — С. 129.

«Ростовские курганы» (рис. 108) примерно ко времени константиновской культуры, вызывавшая сомнения из-за заплечиковой конструкции, подтвердилась аналогичным комплексом константиновской культуры с поперечным деревянным перекрытием из к. 23 могильника «Бессергеновский III» (рис. 121, п. 3). К константиновской культуре В.Я. Кияшко относил и сосуд из погребения 3 могильника ТЭЦ-2 (рис. 168). Аналогичное погребение с керамикой, близкой к константиновской, найдено близ Танаиса (рис. 148). Прямые соответствия в погребениях константиновской культуры (рис. 121, к. 23, п. 4; рис. 127, п. 9; рис. 131, п. 9) имеют детали обряда и сосуды из основного погребения 8 (рис. 164) из того же памятника. Последнее можно прямо отнести к рассматриваемой культуре.

Учитывая факт наличия в Ливенцовском поселении константиновской керамики, мы имеем достаточные основания для включения всей территории вдоль правого берега Дона в ареал распространения памятников константиновской культуры, т.е. окрестностей г. Ростова-на-Дону и северного побережья Таганрогского залива. Также представляются достаточными основания для отнесения серии вытянутых погребений к константиновской культуре, хоть и с некоторыми оговорками. Инвентарь этой группы погребений включает флажковидные накопечники стрел (рис. 138, 148), ножевидную пластину (рис. 159), гагатовые бусы (рис. 167).

Близки и некоторые статистические данные погребений III-V групп между речья рек Тузлов, Дон и Миус с памятниками константиновской культуры (таблицы 4 и 8). Процент инвентарности 71-80% у первых и 60-83% у вторых. Ориентировка на В и СВ: 50-80% у первых и 100% у вторых.

Группа вытянутых погребений Правобережья может быть аналогом обрядово-стратиграфической группы III на Левобережье (рис. 213). Ориентированы они на восток, погребение из Олимпиадовского кургана — на СЗ (рис. 159), т.е. головой вверх по течению р. Темерник. Такую постановку вопроса подтверждают и отклонения к С и Ю остальных погребений, что хорошо коррелирует с изгибами правого берега Дона. Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы выступает аналогичное погребение из Баранчука (рис. 58, рис. 213), ориентирован-

ное на запад, поскольку р. Рассыпная в данном месте течёт с запада на восток.

Как и на Левобережье, вытянутые погребения Правобережья не имеют однозначно установленной хронологической позиции, поэтому помещаются в рамках II-III (рис. 213) и III-IV групп (рис. 235). Имеющиеся стратиграфические данные не позволяют определить их соотношение с другими группами более точно. Весьма вероятно, что из-за естественности и очевидности данной позы, она использовалась в течение длительного времени в большей или меньшей степени.

О связи этой группы с происхождением ямной культуры на Нижнем Дону прямых данных нет. Однако такая связь прослеживается на территории самого близкого региона - Северного Приазовья. Так, И.Ф. Ковалева пишет¹⁵² о соотношении энеолитических и раннеямных погребений в кургане у с. Соколово: «Первичная насыпь возведена для двух одновременных постмариупольских погребений №16 и 17; высота в центре 0,9 м, диаметр 17 м. С её уровня впущено раннеямное погребение №12, по ряду признаков, включая «цилиндры» из каолина и охры, близкое основным».

Погребения константиновской культуры, которые можно довольно уверенно сопоставить с Константиновским поселением, имеющие свой выразительный погребальный обряд, распространены от р. Тузлов до р. Кагальник (Константиновский район), включая нижнее течение р. Северский Донец, а также в нижнем течении р. Сал на Левобережье. Основания для соотнесения таких погребений с Константиновским поселением базируются прежде всего на находках в погребальном инвентаре сосудов майкопского типа, флажковидных наконечников стрел и ромбовидных кремневых ножей¹⁵³. Погребальный обряд весьма разнообразен, кроме того, многие погребения ритуально разрушены. Основных типов два: погребения в прямоугольной яме скорченно на левом боку или спине с завалом ног налево, скорченные на спине, ноги завалены направо или подняты коленями вверх (рис. 238, IV), и погребения в округлых ямах с ногами, распавшимися ромбом, пятки у таза (рис. 238, V). Абсолютно преобладает ориентировка на В и СВ (табли-

¹⁵² Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке: учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — С. 21.

¹⁵³ Ильюков Л.С. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // Донские древности. Вып. 2. — Азов, 1994. — С. 45-54.

цы 3-4). Поза у последних - «полусидячая», что ещё раз подчёркивает правильность их отнесения к V обрядово-стратиграфической группе. Все имеющиеся данные показывают их более позднее положение (рис. 239). Подборка выразительных соотношений представлена на рис. 238. Судя по довольно широкому распространению погребений константиновской культуры, сама эта культура не была на Нижнем Дону кратковременным «пришлым» явлением. Напротив, ввиду отсутствия на территории ее распространения (нижнее течение р. Северский Донец) памятников других культур, можно сделать вывод, что она как раз и составляла основное содержание указанной эпохи на территории междуречья Дона и Северского Донца, а также прилегающей части долины Дона и в низовьях Сала. Как видно из материалов могильника Кастырский VIII и Танькин (рис. 127, 130, 131, 136), погребальный обряд в деталях весьма разнообразен.

Таким образом, погребальные памятники Правобережья Дона доямого периода, в отличие от левобережных, неоднородны и представлены койсугским типом погребений и погребениями константиновской культуры. Койсугские погребения весьма близки левобережным, и проявляют ту же тенденцию преемственности с ранееямыми памятниками. Погребения константиновской культуры представлены двумя основными группами: вытянутыми и скорченными на спине. Территория распространения памятников константиновской культуры охватывает Правобережье Нижнего Дона от Таганрогского залива и до г. Цимлянск, а также нижнее течение р. Сал.

4.2. Раннеямные погребения Правобережья

В ходе анализа и сравнения раннеямных комплексов из курганов Правобережья удалось разделить их на два типа:

I. Классические ранние погребения ямной культуры с восточной и западной ориентировками.

II. Погребения типа курганов Байков-Берданосовка.

Исходя из этого деления построены таблицы 5-6 и 7-8. Погребения типа

Байков-Берданосовка отнесены к группам VIIA, VIIБ и VIII. Последняя относится к позднему этапу ямной культуры и в работе представлена лишь на рис. 234.

Характеристика классических ранних погребений Левобережья и обоснование включения горизонта VIIA в ямную культуру даны в предыдущей главе. Отметим, что и здесь мы видим близкий состав инвентаря, включающий круглодонную керамику со шнуровым орнаментом (рис. 224). Всего к этому горизонту отнесены 26 комплексов. Статистические данные сведены в таблицы 3-6, в соответствии с разделением предшествующих памятников. Также, как и на Левобережье, правобережные раннеямные погребения имеют ориентировки на З, ЮЗ, В, СВ, иногда встречаются отклонения к ЮВ и СЗ. Поза погребённых аналогична: скорчено на спине, ноги стоят коленями вверх или завалены на бок, углы между бёдрами и позвоночником и между бёдрами и голеньями примерно 90 градусов; руки вытянуты вдоль корпуса, кисти около таза либо верхняя рука на тазу, реже обе руки на паху. Колени заваленных на бок ног почти всегда приподняты относительно дна могилы. В качестве наиболее ранних, переходных от погребений V группы с ногами «ромбом», рассматриваются четыре случая положения рук, значительно отведённых от корпуса (рис. 105, п. 16; 143, п. 15; 170, п. 15; 172, п. 6). Тем более, об этом свидетельствует общность обрядовых черт основных погребений из курганов могильника Каменнобродский (рис. 105, 106), например, все они сопровождалась круглой ямой с камнями и охрой. Иллюстрация преднамеренности того или иного положения ног уже приводилась на рис. 209.

Наиболее распространенная форма ям — прямоугольная со скругленными углами, встречаются ямы с подбитыми углами или даже с ямками от столбиков или кольев по углам, в одном случае яма была круглой (рис. 242). Как видно из приведённой таблицы, в плане поз костяков и форм ям, а также и по керамике (рис. 243), лево- и правобережные материалы удивительно близки. Другого инвентаря, кроме керамики, нет (не считая редких кремневых отщепов), что для раннего бронзового века — уникальный случай. В то же время на Левобережье встречены 3 погребения с «рогатыми» булавками (рис. 225), а один случай такой находки известен с Правобережья Дона (рис. 132).

На рис. 239 представлена схема эволюции погребального обряда на территории нижнего течения р. Северский Донец и нижнего течения р. Сал (Левобережье Дона). На данной территории совершенно отсутствуют случаи впускного положения раннеямных погребений по отношению к более ранним. Поэтому приведённое на таблице соотношение константиновской культуры и раннеямной установлено на основании сопоставления с аналогичными стратиграфическими колонками соседних территорий. В то же время, они неоднократно встречены в одних курганных группах, например, в Богоявленовке (рис. 133, 134) и Кастырском VIII (рис. 125, 127).

Как и на соседних территориях, здесь выделен горизонт VIIA, где погребённые, в основном, имеют западную ориентировку. Инвентарь раннеямных горизонтов очень скуден, что вынуждает дать его характеристику в совокупности. На примере кургана 1 мог. Богоявленовский I (рис. 133) видно хронологическое соотношение между типами орнаментации керамики: ранним является сосуд со шнуровым орнаментом и обратными жемчужинами, во впускных погребениях встречены сосуды с ёлочкой из оттисков зубчатого штампа и выпуклыми жемчужинами. Видимо, данный случай фиксирует не последовательность, а факт сосуществования этих способов орнаментации.

На территории распространения памятников константиновской культуры найдены 3 из 4 раннеямных погребений с «роговыми булавками» (рис. 225). Одно погребение, из могильника Алитуб, найдено близ впадения Маныча в Дон. В своей диссертации В.Я. Кияшко предположил, что эти комплексы можно сопоставить с константиновской культурой, сегодня многочисленные находки позволяют безоговорочно относить их к раннему этапу ямной культуры. Одно погребение нужно выделить особо (рис. 132, 225). К сожалению, отчёт о раскопках А.К. Гамаюновым не был написан, сохранилась только зарисовка в картотеке В.Я. Кияшко. Погребённые лежали с поднятыми вверх коленями, что является обычным для горизонта VIIA. Не имеет в регионе аналогии сосуд с ушками с двумя отверстиями. Это касается и трёх костяных подвесок, весьма схожих с упомянутыми «рогатыми» булавками. В то же время, они сильно напоминают короткие молоточковид-

ные булавки. Их переходное положение плохо соотносится с ранним типом поз костяков. Решение этого вопроса требует новых находок. Интересны две пронизки из листовой меди. Аналогии для них приведены на рис. 241. Но данные экземпляры имеют пуансонный орнамент, что также пока не находит ни аналогий, ни объяснения. Представляется, что роговые амулеты и сопровождающие их пронизки из свернутых в трубочку кусочков листовой меди являются ярким маркером раннего этапа ямной культуры.

Несколько курганов с раннеямными погребениями были окружены сплошными кольцевыми ровиками (рис. 78, 133). Впрочем, такие ровики встречены в курганах с койсугскими и константиновскими погребениями (рис. 79, 80, 83, 87 и др.). Один такой ровик окружал погребение в каменном ящике (рис. 145). Всего таких ящиков известно три (рис. 137, 144). Погребённые имеют раннеямную позу, т.е. руки вытянуты вдоль корпуса, ноги завалены набок или стоят коленями вверх. Впрочем, кроме позы, прямых оснований для отнесения этих комплексов к раннеямным нет.

На рис. 242 представлена подборка раннеямных погребений Лёво- и Правобережья. Несложно заметить, что левобережные имеют ямы более вытянутых пропорций, чем на правом берегу Дона. Т.е. ямы на левом берегу имеют пропорции в интервале от соответствующего длине костяка до длина костяка плюс 40 см. На противоположном берегу большинство ям имеют длину до длины костяка либо ещё менее. Такая тенденция совершенно очевидна на всей совокупности имеющихся погребений. Близкие пропорции демонстрируют и «доямные» погребения этих территорий. Таким образом, имеется косвенное свидетельство того, что пришлые носители раннеямных традиций в низовьях Северского Донца и Сала не происходили с Левобережья. К этому нужно добавить, что для Правобережья более характерны наконечники с сильно вогнутым основанием (рис. 221). Такими же, по-видимому, было уничтожено население Константиновского поселения.

Исходя из перечисленных фактов, можно предположить, что территорию константиновской культуры в нижнем течении Северского Донца заняли носители ямных традиций из районов выше по течению р. Северский Донец. Как будет по-

казано в следующей главе, мы пока не имеем свидетельств прямого проникновения носителей репинских традиций на Нижний Дон. Т.е. мы не имеем свидетельств появления в регионе комплексов с керамикой, идентичной Репинскому поселению. Имеющиеся находки близки, но не идентичны.

Колоссальную разницу в керамике константиновской культуры и раннего этапа ямной культуры видно из таблицы на рис. 240. Это ещё раз говорит об отсутствии генетической связи константиновской и ямной культур. Однако, некоторые факты преемственности всё же есть: это и своеобразный сосуд из погребения с поднятыми коленями (рис. 132) и нож майкопского типа из другого раннеямного погребения (рис. 125, п.5).

Второй тип (погребения типа курганов Байков-Берданосовка) представлен целой серией курганов с идентичным набором погребений с западной, северо-западной и реже северной ориентировками. Результаты статистической обработки этой серии представлены на таблицах 7 и 8. Их черты обряда весьма своеобразны и, как будет показано ниже, могут быть легко сопоставлены с памятниками Нижнего Поднепровья¹⁵⁴. Они исследованы от р. Миус до р. Тузлов (рис. 236). Примеры таких памятников приведены на рис. 91, 92, 101, 162, 163. На рис. 228 представлена сопоставительная таблица погребений из трёх курганов. Как видно, для этого типа погребений характерны 3 основные позы: 1) на спине, ноги сильно согнуты, правая рука на бедре, кисть левой — на предплечье правой; 2) на спине, ноги сильно согнуты, руки сложены предплечьями на животе; на правом боку, ноги сильно согнуты, правая рука прямая, сильно отведена от корпуса, кисть левой — на предплечье правой; 3) на боку, позвоночник скруглен, ноги сильно согнуты, руки выставлены перед корпусом, правая вытянута, левая кистью на предплечье правой.

Эта серия погребений традиционно считалась позднеямной, поскольку нетипичность поз некоторых погребений компенсировалась целым набором других схожих признаков: круговая планировка могил в кургане (напр., рис. 88), ориенти-

¹⁵⁴ Рассасакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита // Донецкий археологічний збірник. — 2009-2010. — № 13/14. — С. 7-29.

ровка в западный сектор, вполне «ямный» 1 тип позы (см. выше), круглодонная керамика (рис. 162), ямки в углах могилы (рис. 162, п. 10) и т.д.

Однако специфика этих комплексов сразу становится очевидной, если обратиться к материалам Нижнего Поднепровья (рис. 193-195). Сопоставительная таблица серии донских правобережных погребений и схемы периодизации Ю.Я. Рассамакина представлена на рис. 230. Конечно, сложно сравнивать столь разный материал, особенно это касается керамики. Однако особенности погребального обряда достаточно сходны, чтобы утверждать их хронологическую близость и принадлежность к общей погребальной традиции. Более подробная сопоставительная таблица материалов Нижнего Поднепровья и Нижнего Подонья представлена на рис. 232. Здесь картина была бы неполной без использования погребений Левобережья, поскольку, как отмечалось выше, второй тип погребальных комплексов Правобережья представлен всего тремя основными позами погребённых.

В то же время их нетрудно сопоставить с погребениями койсугского типа. Нам представляется, что речь идёт об эпохальном, а не культурном единстве погребального обряда. Особенно близким к описываемому типу погребального обряда нам видится курган 1 мог. Крепинский II (рис. 36). Здесь погребениями 12-15 представлен описанный выше третий тип позы (на правом боку), который не характерен для Левобережья, в частности, отсутствует в Койсугском могильнике.

На основе имеющихся довольно скудных прямых хронологических соотношений и сопоставления с аналогичными материалами койсугского типа Правобережья была составлена схема эволюции погребального обряда рассматриваемой погребальной традиции (рис. 234). Самыми ранними здесь являются погребения константиновской культуры. О правильности отнесения к столь раннему времени погребения 10 (рис. 162) говорит не только аналогия с упоминавшимся погребением Полякова (рис. 227), но и заметная распространённость среди погребений этого времени деревянных перекрытий могил, а также и отсутствие заплечиков, что было бы характерно для впускного погребения (рис. 170, п. 15). В двух случаях и здесь прослежена традиция аккуратного подзахоронения (рис. 101, 168).

Инвентарь этого типа погребений также весьма скуден. Он представлен четырьмя плоскодонными сосудами баночного типа и одним остродонным (рис. 234, 100, 101, 168); двумя кремневыми ножами на отщепах (рис. 101, 162). Плоскодонные сосуды не имеют аналогий на Левобережье. Также, как и такие кремневые ножи ножи не встречены в погребениях койсугского типа, но на левом берегу Дона представлены двумя кладами (рис. 31, 32).

Весьма скудный инвентарь не позволяет надёжно датировать эти комплексы, однако, материал для сопоставлений всё же есть. На рис. 241 (к. 2, п. 4) представлено погребение рассматриваемого типа. Содержащиеся в раннеямных погребениях медные пронизки заметно отличаются от таковых, встречающихся в позднеямных наборах с молоточковидными булавками. В четырёх случаях из пяти последние имеют небольшой диаметр и удлинённые пропорции, т.е. они очень тонкие. В одном случае (рис. 103) пронизки аналогичны раннеямным, но здесь и черты самого погребения говорят о его несколько более раннем положении относительно других позднеямных комплексов.

Исходя из приведённых фактов, есть основания датировать погребения на боку и с руками, вытянутыми перед корпусом, раннеямным временем. Также используя и ряд других аналогий, была составлена синхронистическая таблица для погребений этого типа (рис. 234). Описанные погребения с западной ориентировкой и вытянутыми перед корпусом руками отнесены к горизонту VIIА, погребения с руками на животе или груди — к горизонту VIIБ. А группа однотипных погребений с СЗ ориентировкой — к VIII группе.

Таким образом, описанный тип погребений представляет собой второй вариант появления и развития обряда ямной культуры, который стал собственно ямным по позе трупоположения и по инвентарю только к появлению VIII обрядово-стратиграфической группы, т.е. к началу позднего этапа ямной культуры.

Приведённые на рис. 232 сопоставления поз погребений Нижнего Подонья и комплексов «нижнемихайловского круга» (по Н.Я. Рассмакину) имеют и обратное следствие: нижнемихайловские погребения, по аналогии с Нижним Доном, должны относиться к широкому временному диапазону, охватывающему финал

энеолита, ранний и, частично, поздний этапы ямной культуры.

Подводя итог, можно сказать, что погребальные памятники раннего этапа ямной культуры Правобережья Дона представлены двумя типами: классические ранние погребения ямной культуры с восточной и западной ориентировками и погребения типа курганов Байков-Берданосовка. Также, как и на Левобережье, близость между стратиграфическими горизонтами IVA и VIIA ясно показывает генетическую преемственность между койсугскими и раннеямными памятниками. Погребения типа Байков-Берданосовка выделены впервые. Территория их распространения охватывает северное побережье Таганрогского залива, а к востоку — до бассейна р. Тузлов включительно. Они имеют мало стратиграфических соотношений с койсугскими и раннеямными памятниками, в основном они синхронны ямным VII и VIII обрядово-стратиграфическим группам. Они представляют собой особый путь генезиса памятников ямной культуры. Имеющиеся скудные факты указывают на их возможную генетическую связь с памятниками константиновской культуры. На остальной территории Правобережья константиновскую культуру сменяет ямная, без признаков преемственности.

4.3. Материалы поселений энеолита — ранней бронзы Правобережья

В двух шурфах на поселении **Квиткино II** был найден довольно насыщенный культурный слой (рис. 157). Керамика и кремневые изделия поселения, при всей малочисленности, находят убедительные аналогии в энеолитическом слое раскопа 2 на Ливенцовском поселении (рис. 142). Самый крупный фрагмент стенки лепного сосуда имеет также прямое сходство с фрагментом из сборов на местонахождении Мелиховское-Левобережное (рис. 257). На основании этих аналогий можно предположить, что поселение Квиткино II может относиться к ранним звеньям константиновской культуры на территории Северного Приазовья.

Материалы поселения **Мишкин I** (рис. 102) относятся к двум эпохам — неолиту и ранней бронзе. Керамика хорошо узнаваема — она имеет типичный раннеямный орнамент: отступающая лопаточка, елочка из зубчатого штампа,

скрещенные оттиски зубчатого штампа по венчику. Подобная керамика встречена в погребениях на Право- (рис. 138) и Левобережье (рис. 33; рис. 56).

Очень похожие немногочисленные материалы дало поселение **Октябрьское V** (рис. 118), здесь мы видим те же приёмы орнаментации, особенно выделяется орнаментация насечками закраины устья сосудов. Кремень весьма напоминает материалы из погребений койсугского типа — ножевидные пластины, наконечники со слегка вогнутым основанием и пр. Керамика по профилям венчиков и мотивам орнаментации схожа с материалом поселения Нижний Рогачик (рис. 198).

В 1962-64 гг. экспедицией под руководством С.Н. Братченко было исследовано многослойное поселение **Ливенцовка I**. Всего на 2 участках было вскрыто около 500 кв. м (рис. 142). Наибольший интерес традиционно привлекают находки из нижних слоёв памятника. В 1962 году был исследован раскоп 1, давший значительную коллекцию энеолитической керамики (рис. 141). Автор выделил в нижнем слое два горизонта. В статье¹⁵⁵ он уже не использует это деление. Также в статье не приведено деление по раскопам, несмотря на то, что они состояли из ряда участков и занимали разное положение на террасе.

На раскопе 2 в 1963 году С.Н. Братченко выделяет отдельный слой ямной культуры, перекрывавший весьма бедный энеолитический слой, последний объединяется с нижним слоем на раскопе 1. В 1964 году ранние слои не исследовались.

К сожалению, на поселении не было исследовано закрытых комплексов рассматриваемого времени, слои имели небольшую толщину, часто керамика разделялась лишь типологически. В отчётах отсутствует чёткая привязка находок к квадратам. Всё это значительно затрудняет определение их культурной принадлежности. Весьма немногочисленная керамика энеолитического слоя разделена С.Н. Братченко на 5 групп, ямного слоя — на 2 группы. В указанной статье он сближает материалы энеолитического слоя с памятниками типа Средний Стог II, Александрия, Фатъма-Коба, Кукрек, о. Похилый и о. Виноградный. Лощёную ке-

¹⁵⁵ Братченко С.Н. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. — 1969. — Т. XXII. — С. 211.

рамику третьей группы автор сопоставляет с нижним слоем Михайловского поселения. Таким образом, материалы энеолита и раннего бронзового века не составляют единый и надёжно стратифицированный комплекс, а исторические выводы, основанные на них, ненадёжны. Керамика поселения не может быть напрямую отнесена к нижнемихайловскому типу памятников, очевидно, представляя собой разновременные отложения, смывы и перекопы. Не случайно ранние находки дали квадраты именно у промоин.

На рис. 256 приведена попытка сопоставления материалов Ливенцовского и Михайловского поселений. Прямых аналогий среди керамики нижнего слоя Михайловки найти не удалось. В то же время, в материалах среднего слоя такие аналогии есть. Подводя итог этому короткому разбору, можно уверенно сказать, что культурную принадлежность, датировку и подлинное содержание ранних культурных слоев Ливенцовского поселения могут дать только новые масштабные раскопки на его территории. В то же время это отнюдь не исключает наличие на Донском Правобережье материалов нижнемихайловского типа, в частности, подкурганых погребений. Но пока что их атрибуция затруднена. Из инвентаря нижнедонских погребений удалось подобрать несколько аналогий нижнемихайловской керамике (рис. 231), в двух случаях находки происходят из раннеямных погребений, ещё в двух — из левобережных погребений койсугского типа, и в одном случае (Ливенцовский X) — из погребения типа Байков-Берданосовка, относимого к гориизонту VIIБ (рис. 234).

А.Н. Гей интерпретирует ранние материалы Ливенцовки как три последовательных слоя: «среднестоговский с инородными влияниями, развитый и поздний этапы ямной культуры и катакомбный»¹⁵⁶. В.Я. Кияшко видит в части материала нижнего слоя Ливенцовки керамику константиновской культуры¹⁵⁷.

На рис. 255 представлена сопоставительная таблица для керамики Ливенцовского, Репинского, Самсоновского поселений и погребений VII группы (один

¹⁵⁶ Гей А.Н. Самсоновское поселение // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. — Москва: Наука, 1983. — С. 21.

¹⁵⁷ Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) // Донские древности. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. — Вып. 3. — С.25.

сосуд — V группы). Сходство в орнаменте и морфологии, скорее, указывает на синхронность этих материалов в рамках одной эпохи, нежели на их однокультурность.

В 1976 - 1978 гг. А.Н. Гей исследовал **Самоновское поселение**, находящееся в 14 км к СВ от пос. Ракушечный Яр и пос. Раздорское I. Всего на памятнике была исследована площадь в 88 кв. м (два раскопа и три шурфа). По итогам раскопок 1976 - 1977 гг. опубликована статья¹⁵⁸. По результатам работ 1978 года опубликована вторая статья¹⁵⁹. Наиболее ранний 6 слой памятника автор сопоставляет со Съезженским и Хвалынским могильниками и датирует неолитом - ранним энеолитом. Автор относит его к местной ракушечной культуре¹⁶⁰. Керамику первой группы 5 слоя А.Н. Гей соотносит с материалами поселений Деревка и Александрия, т.е со вторым этапом среднестоговской культуры по Д.Я. Телегину. Вторую группу 5 слоя автор сближает с 3 и 2 слоями Ракушечного Яра, а также с сосудом из кургана Мокрый Чалтырь (рис. 144). Слои 4 и 3 сливались на большей части раскопа и охарактеризованы совместно. Керамика прямо сопоставляется с поселением у хут. Репина. Второй аналогией названо погребение из мог. Донской (рис. 117а, п. 14). Слой 3 предварительно отнесён к началу позднего этапа ямной культуры. К нему же отнесён и ямный сосудик из ямы 11 (рис. 122). Слой 2 состоит из находок из нижележащих слоёв, слой 1 относится к поздней бронзе.

Сравнение слоя 5 и 4 даёт однозначное представление о том, что у нижнедонского варианта керамики репинского типа была местная основа, обладавшая многими характерными признаками: жемчужный орнамент, отступающая лопаточка и ёлочный штамп, перемежающиеся с горизонтальными поясками, схожая морфология сосудов.

Самым значимым стратифицированным памятником для изучения энеолита Нижнего Подонья является поселение **Раздорское I**. Стратиграфию поселения автор раскопок опубликовал в 1987 году¹⁶¹ (рис. 254). Основная часть коллекции

¹⁵⁸ Гей А.Н. Самоновское многослойное поселение на Дону // СА. — 1979. — № 3. — С. 119-131.

¹⁵⁹ Гей А.Н. Самоновское поселение // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. — Москва: Наука, 1983 — 256 с.

¹⁶⁰ Там же. С. 13.

¹⁶¹ Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. — 1987. — №192. — С. 73-80.

до сих пор не опубликована. К константиновской культуре автор относит 7 слой, следующий, 8 слой, содержит легко узнаваемую репинскую керамику, 9 слой относится к позднему этапу ямной культуры. Работа над коллекцией Раздорского поселения затруднена фактом её хранения в помещениях Южного Федерального Университета, где нет ни малейших условий для работы, а также значительным объёмом материалов.

Самый известный поселенческий памятник неолита-энеолита Нижнего Подонья - поселение **Ракушечный Яр**. Оно располагается на северной оконечности острова Поречный, в низкой пойме Дона, напротив Раздорского поселения. Добытые яркие и многочисленные материалы памятника относятся преимущественно к неолиту и раннему энеолиту. К сожалению, публикация Т.Д. Белановской¹⁶² мало касается верхних слоёв памятника, наиболее интересных для нашей работы. Ввод в научный оборот материалов из энеолитических слоёв — дело предстоящих лет. По результатам нашей работы с коллекцией из второго слоя этого поселения, его можно уверенно отнести к константиновской культуре. Материалы этого слоя неотличимы от находок Константиновского поселения.

Вниз по течению р. Дон от поселения Ракушечный Яр краевед из г. Семикакорска С.Ф. Токаренко открыл несколько местонахождений с энеолитической керамикой. Мы получили от него для обработки и введения в научный оборот материалы местонахождения **Мелиховское-Левобережное**, собранные на песчаном пляже напротив ст. Мелиховской. Материалы можно типологически разделить на три хронологические группы. Первая — представлена четырьмя донцами и одним венчиком от неолитических сосудов. Вторая группа наиболее многочисленна - это энеолитическая керамика с обязательной и обильной примесью ракушки в тесте, с прочерченным и зубчатым орнаментом, которую прямо можно сопоставить со среднестоговской культурой (рис. 257-259). Именно к этому периоду мы относим основную часть находок кремня и костяных и каменных изделий (рис. 259-260). Третья группа — керамика с орнаментом в виде жемчужин, отступающей лопаточки и оттисков крупного шнура, с примесью шамота или малого количества ра-

¹⁶² Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ. — 1995. — 200 с.

кушки в тесте (рис. 261). Эти находки можно отнести к раннему (репинскому) этапу ямной культуры.

Константиновское поселение - замечательный однослойный энеолитический памятник, к тому же раскопанный В.Я. Кияшко почти полностью. Основная часть материала поселения до сих пор не опубликована, автор использовал в диссертации и более поздних публикациях только наиболее яркие находки. Важным моментом для нашей работы стала находка впущенного в культурный слой раннеямного погребения 1. Этот пример, также как и картографирование других раннеямных и энеолитических погребений на территории распространения константиновской культуры показали, что раннеямные памятники сменяют здесь константиновскую культуру и представлены в уже сформировавшемся виде (рис. 125, 133, 136).

Кремневая индустрия константиновского поселения подробно рассмотрена в диссертации Г.Н. Поплевко¹⁶³. В работе проведён глубокий анализ кремневого производства, выделены множество новых типов орудий. Однако тезис о том, что смена качественного халцедонового кремня на низкокачественный меловой произошла вследствие возникшего дефицита из-за перекрытия доступа к нему, должен быть подвергнут сомнению. Во-первых, курганы константиновской культуры располагаются в местах незначительно удалённых от выходов кремня. Само Константиновское поселение находится всего в десяти километрах от выходов аллювиального кремня у впадения р. Северский Донец в р. Дон. Во-вторых, перекрыть доступ к выходам кремня очень проблематично, учитывая, что кремне-несущие слои известняков опоясывают Донецкий Кряж ввиду характера геологии этого объекта. В-третьих, на восточных отрогах Донбасса выходы кремня различных сортов располагаются достаточно близко, часто непрозрачный низкокачественный меловой и халцедоновый кремень происходят из одного обрыва, но с разных глубин. В-четвёртых, никакие препятствия и удалённость от выходов кремня не мешали класть в погребения койсугского типа на Левобережье пласти-

¹⁶³ Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий и реконструкция древнего хозяйства поселений. На материалах энеолитического поселения Константиновское: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Санкт-Петербург: 2000. — 30 с.

ны из качественного кремня на всех хронологических этапах. Как уже отмечалось (рис. 220), техника обработки кремня в позднем энеолите имеет культурное значение, тем более, что в погребениях и на Константиновском поселении мы видим одинаковый кремень. Вероятно, что сложившиеся в константиновской культуре традиции форм и функционального назначения орудий требовали использования именно низкокачественного сырья, поскольку нужный результат мог стоить слишком больших усилий при использовании халцедонового кремня.

Подлинной причиной сложившейся на Константиновском поселении ситуации с кремнем мог быть дефицит не качественного кремня, а металла. Это легко представить, если предположить, что между константиновской культурой и майкопской, т.е. на Донском Левобережье, обитало враждебное население. В пользу этой гипотезы есть несколько косвенных доказательств. Во-первых, почти полное отсутствие металла на самом поселении (найденны только шилья), что говорит о том, что его сильно берегли. Во-вторых, как мы знаем, поселение, вероятно, погибло в результате штурма (что ещё более увеличивает шансы найти металлические предметы, за которыми не вернулись владельцы). Соответственно, над носителями константиновской культуры была военная опасность. Дополнительно в пользу этого свидетельствуют многочисленные находки флажковидных кремневых наконечников на поселении, в погребениях и, около сотни штук — на развееваемых песках у ст. Кундрюченской. В-третьих, как мы выяснили выше, всё Левобережье Дона и часть Правобережья занимало население, оставившее памятники койсугского типа. И именно потомки этого или родственного населения, по нашему мнению, позже заняли территорию константиновской культуры в низовьях Северского Донца. Дополнительным аргументом в пользу этой версии служит однотипность треугольных наконечников с территории Константиновского поселения и из погребений койсугского типа Правобережья. Разумеется, на данную аргументацию найдутся и свои возражения, однако, такой подход всё же многое объясняет. Решение в пользу гипотезы о дефиците качественного кремня или в пользу версии о дефиците металла может дать сравнение кремневых индустрий Константиновки и синхронных поселений, например, майкопской культуры, которые не

испытывали недостатка меди.

Дискуссионным вопросом остаётся интерпретация находок кремневых наконечников на Константиновском поселении и в погребальных памятниках. Приведём перевод цитаты Ю.Я. Рассасакина по данному вопросу: «Но наиболее представительным по наличию майкопских наконечников стрел считается Константиновское поселение на Нижнем Дону, где найдено 170 экземпляров, хотя еще больше там найдено подтреугольных наконечников с выемкой в основании (514 экз.). Именно последние рассматриваются некоторыми исследователями как наконечники потенциального противника обитателей поселения, от нападения которого оно и погибло. По мнению ученых, этим противником были среднестоговские племена (по терминологии Д.Я. Телегина), но это достаточно дискуссионный вывод, учитывая, во-первых, явно ошибочную датировку поселения временем Триполье В/1, во-вторых, на синкретический материальный комплекс поселения с преобладанием степных, а не майкопских элементов, тем более, что и острия дротиков и копий никак нельзя назвать «среднестоговскими». Значительное количество майкопско-новосвободненских материалов на поселениях и в погребениях Нижнего Подонья и степного Предкавказья достаточно определенно указывает на экспансию (возможно, и военную) майкопско-новосвободненского сообщества и ее значительное культурное влияние на степное население»¹⁶⁴. В данном фрагменте содержится явное противоречие, поскольку ассиметричные наконечники принадлежат обитателям константиновского поселения, а уничтожившие его использовали треугольные формы. Поэтому приписывание уничтожение поселения носителям майкопской или новосвободненской культур совершенно точно противоречит фактам.

Известные на сегодняшний день поселенческие материалы энеолита — ранней бронзы Правобережья представлены как раскопанными на широкой площади поселениями, так и известными лишь по шурфовочным работам и сборам. К сожалению, важнейшие из них — Константиновское, Раздорское I и Ракушечный Яр — не опубликованы, а сами находки остаются пока без должной научной обра-

¹⁶⁴ Рассасакин Ю.Я. Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. — № 2. — 2004. — С. 13.

ботки.

К константиновской культуре относятся слои из поселений Константиновское, Раздорское I, Ракушечный Яр, Ливенцовка I, местонахождения Мелиховское-Левобережное. Все перечисленные, а также поселения Мишкин I и Самсоновское содержат материалы репинского типа, которые мы связываем с комплексами ямной культуры раннего этапа. Керамику других типов и культур рассматриваемой эпохи вычленить пока не удалось.

Глава 5. Погребения энеолита — раннего бронзового века Нижнего Подонья в системе памятников соседних территорий

В предыдущей главе мы не рассмотрели большой участок донского Правобережья, включающий левые притоки р. Северский Донец, р. Чир и прилегающий к ним бассейн р. Тихая. По большому числу черт местные погребальные памятники весьма близки к среднедонским. Тем более, погребений эпохи энеолита и раннеяменных из рассматриваемого района Правобережья и Среднего Дона известно сравнительно немного — всего около 80. Поэтому они будут рассмотрены вместе.

В количественном отношении информативность стратиграфии курганов Среднего Дона сильно отстаёт от Нижнего Дона и весьма близка к памятникам Поволжья и Приуралья. В то же время, количество хронологической информации из среднедонских памятников напоминает ситуацию, в которой создавалась диссертация В.Я. Кияшко 1974 года. Поэтому с накоплением новых данных представленная схема будет существенно уточняться.

В административном отношении этот регион разделён на три части: излучина Дона и бассейн рек Чир, Иловля, Медведица и Хопёр в западной части Волгоградской области; бассейн правых притоков Северского Донца, среднее и верхнее течение р. Чир и небольшой участок долины Среднего Дона с мелкими притоками на севере Ростовской области; Верхний Дон с многочисленными притоками в южной половине Воронежской области.

5.1. Ивановбугорский могильник и энеолит Среднего Дона

Для решения вопроса о происхождении ямной культуры Среднее Подонье имеет ключевое значение. Именно здесь находятся эталонные памятники репинской культуры: Репинское поселение, поселение Затон (Шолоховский район Ростовской области), стоянка Университетская III, могильники Подгорненский и Павловский.

Вопрос о происхождении ямной культуры мы считаем тождественным проблеме сложения репинской культуры. В первую очередь необходимо выяснить сущность погребальных памятников предшествующей эпохи. В этом плане ключевое значение имеет Ивановбугорский могильник на Левобережье Среднего Дона.

В 1981 году экспедицией под руководством А.Т. Синюка был исследован Ивановбугорский могильник, представленный одним курганом на узкой мысовой площадке склона высокого правого берега р. Битюг в Павловском районе Воронежской области. Всего в кургане выявлено 35 погребений разных эпох (рис. 174). Среди них исследовано 18 вытянутых захоронений, о датировке которых и пойдёт речь.

К сожалению, научный отчёт по результатам раскопок этого памятника пока не доступен, поэтому данная работа основывается на публикации¹⁶⁵. Иные публикации не дают никакой иной информации по содержанию памятника. Ниже рассмотрим основные вопросы атрибуции погребений кургана.

Принадлежность насыпи кургана. В статье¹⁶⁶ автор пишет, что вытянутые погребения имеют прямое отношение к курганной насыпи, подкрепив это мнение следующими фактами: 1) погребение 18 находилось в насыпи кургана; 2) погребения 5, 13, 25, 27, 28 и 30 были едва впущены в погребённую почву; 3) наблюдалась тенденция к радиальному размещению могил, особенно это заметно для самых ранних с восточной и юго-восточной ориентировкой.

Погребения поздней бронзы 2 и 15 располагались над вытянутыми погребениями и совершены в насыпи. Примерно на том же уровне, судя по нивелировкам, совершены и другие погребения поздней бронзы (1, 3, 4, 7, 11, 14, 33), кроме детского погребения 24, впущенного в материк более чем на метр. Правда, последнее располагается не в центре кургана. По-видимому, погребение 33 разрушило часть деревянной конструкции п. 29, относимого автором к древнеямной традиции. Это позволяет утверждать малую вероятность принадлежности насыпи кургана одно-

¹⁶⁵ Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) // СА. — 1984. — № 3. — С. 103-121.

¹⁶⁶ Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) // СА. — 1984. — № 3. — С. 114.

му из погребений поздней бронзы. То же касается и серии слабоскорченных¹⁶⁷ захоронений 17, 19 и 29, поскольку они найдены в насыпи и перекрывали вытянутые погребения. Это же исключает возведение насыпи в эпоху поздней бронзы. Таким образом, можно с высокой вероятностью утверждать, что вытянутые погребения являются самыми ранними в кургане и должны датироваться временем, предшествующим погребениям древнеямной традиции.

Стратиграфия кургана. В кургане имеется 4 связки погребений (рис. 174, 3). Группа погребений 31, 30, 28, 29 находилась к югу от центра кургана. В ней установлена последовательность: самым ранним в связке и, возможно, в кургане являлось погребение 31 с ориентировкой на ВЮВ. Далее следует погребение 30 с восточной ориентировкой, которое перекрыто погребением 28, также как и захоронение 20. Последним совершено погребение 29 в деревянной конструкции, которую, как упоминалось, повредило погребение 33 эпохи поздней бронзы. Связка погребений 10 и 6 повторяет уже установленное предшествование юго-восточной ориентировки в могильнике. В самом центре кургана детское погребение 35 с северной ориентировкой перекрыто скорченным безынвентарным погребением 19 ямной культуры. Последняя связка: вытянутое погребение 22 перекрыто костяком 17, выше которых располагался комплекс иванобугорской культуры 34. В итоге, курган оказался беспрецедентно насыщен хронологической информацией. Совершенно очевидно предшествование вытянутых комплексов всем остальным, в т.ч. безынвентарным погребениям, связываемым с ямной культурой эпохи ранней бронзы (рис 174, 2).

Датировка погребения № 34. В указанной публикации А.Т. Синюк особенно выделяет «перезахоронение» № 34, представленное компактно лежащими диафизами (трубчатыми костями) взрослого человека. В тексте имеется разночтение: на стр. 116 оно обозначено номером 33. Указывается, что его следует отнести к третьей группе вытянутых погребений, сопровождаемых керамическими сосудами. Подробного описания нет, но упоминается, что он «при определённом своеобразии, несомненно, близок сосудам из выше рассмотренных погребений». Данный

¹⁶⁷ Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) // СА. — 1984. — № 3. — С. 111.

тезис может быть оспорен: 1) на данном сосуде использовалось три приёма орнаментации вместо одного, как на сосудах из вытянутых погребений; 2) основной приём орнаментации на сосуде погребения 34 — ромбический штамп — не имеет ничего общего с отступающей лопаточкой других сосудов; 3) венчик сосуда утолщается, а у двух других — сужается к краю; 4) на сосуде из погр. 35 у дна использовался мелкогребенчатый штамп, при незатронутом венчике.

Погребение 34 было совершено в насыпи на небольшой глубине, выше погребения 17, «принадлежащего не к самым ранним ямным памятникам»¹⁶⁸, и перекрывавшего, в свою очередь, вытянутое погребение 22. Соответственно, погребение занимало самое верхнее положение в стратиграфической колонке кургана. Никаких примеров подобного обряда «перезахоронения» среди группы вытянутых костяков нет. Таким образом, нет достаточных оснований утверждать связь между ранними вытянутыми и погребением 34.

Инвентарь вытянутых погребений. Погребения 5, 13, 25, 27, 28, 30, 31 не имеют следов охры, угля или мела, и лишь у костяка 31 у пояса находились 70 раковинных бус диаметром до 1,5 см, и 41 бусина до 0,7 см на запястье левой руки. Аналогичные перламутровые бусы в количестве 30 экземпляров сопровождали п. 22. Такие бусы имеют аналогии в могильниках мариупольского и новоданиловского типа. В Нижнем Подонье круглые бусы из раковин встречаются только в энеолитических погребениях, например: грунтовый могильник Золотые Горки I, п. 4 (рис. 116), Баранчук, к. 1, п. 8 (рис. 58).

Наиболее близким аналогом обряду и керамике из вытянутых захоронений является основное погребение 5 кургана 3 могильника Золотые Горки V на Нижнем Дону (рис. 118). Ту же последовательность смены ориентировки демонстрирует курган 3 могильника Семёнкин на Левобережье Дона (рис. 81), в инвентаре которого имеется близкий по морфологии сосуд с обильной раковинной примесью. Другие примеры похожей формы и орнаментации мы видим в погребениях койсугского типа из могильников: Лысый курган (рис. 53), Дюнное I (рис. 12) и Койсуг (рис. 2). На Среднем Дону аналогичным по содержанию памятником яв-

¹⁶⁸ Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) // СА. — 1984. — № 3. — С. 116.

ляется курган 7 Сасовского могильника, где при основном вытянутом погребении, такое же впускное перекрыто, по-видимому, позднеямным комплексом¹⁶⁹. Сводная таблица аналогий для энеолитической керамики Ивановбугорского могильника представлена на рис. 244.

На памятнике иванобугорской культуры поселении Мастище 1¹⁷⁰ встречены два однозубых гарпуна (костяные острия), напоминающие предмет из погребения 35 Ивановбугорского могильника. Изделия с поселения Мастище 1 имеют заметные отличия: мало выступающий «зуб», прямоугольная форма поперечного разреза, зуб для крепления, в то время как гарпун из п. 35 имеет сильно выступающий «зуб», округлый профиль, конусовидный насад для крепления. Эти признаки сближают его с изделиями из ямного погребения 6 кургана 7 могильника Донской и погребения 6 кургана 1 могильника Хапры на Донском Правобережье.

На Среднем Дону есть и другие примеры безынвентарных вытянутых энеолитических погребений, датировка которых не оспаривается: Стоянка Копанице II, Дренихинский могильник, Павловский могильник, курган 11, Сасовские курганы, курган 7. На Нижнем Дону известно около 20 подкурганых и грунтовых вытянутых энеолитических погребений, в то время как количество вытянутых костяков для других стадий эпохи палеометалла ничтожно мало. Рассматриваемые энеолитические захоронения имеют прямые аналогии в т.н. «постмариупольской» группе памятников Приазовья¹⁷¹.

Таким образом, несмотря на наличие бесспорных свидетельств вытянутого положения костяков в погребениях иванобугорской культуры, гораздо более обоснованным выглядит отнесение вытянутых погребений Ивановбугорского могильника к эпохе энеолита. Погребение 34 с сосудом иванобугорской культуры не связано достоверно с вытянутыми погребениями и занимает самую позднюю хронологическую позицию в кургане. Погребения 29 и 19 совершены в соответствии с

¹⁶⁹ Синюк А.Т. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. — Воронеж, 1983. — С. 108.

¹⁷⁰ Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мастищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы — ранний железный век). — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. — С. 70.

¹⁷¹ Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке: учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — С. 4-63.

неоднократно прослеженной в энеолите Нижнего Подонья традицией «неразрушающего подхоронения в центр кургана». Вероятно, эти комплексы относятся к раннеямному времени.

5.2. Стратиграфия курганов. Памятники раннего этапа ямной культуры и репинская культура

Важно разобраться, на чём основано мнение А. Т. Синюка о возможности отнесения вытянутых погребений к репинской культуре. В 1981 году он опубликовал ключевую работу по репинской культуре, впервые дав ей развёрнутую характеристику¹⁷². Керамику репинского поселения он связал с вытянутыми погребениями из Бережновки. Именно из этого факта делается вывод об особой репинской культуре¹⁷³. Как известно, впоследствии эта гипотеза не подтвердилась¹⁷⁴. Таким образом, тезис А.Т. Синюка о вытянутом обряде репинской культуры не может быть принят ни по материалам Ивановбугорского могильника, ни по керамике и погребениям Бережновского могильника. Вторая ключевая точка опоры гипотезы о раннем возникновении репинской культуры на Среднем Дону — материалы из раскопок стоянки Университетская-3.

Л.А. Спицына по поводу происхождения репинской культуры пишет, что «изучение стратиграфии и коллекции керамики поселения Университетское-3, а также всей репинской культуры показало, что предложенная им [А.Т. Синюком — авт.] периодизация не подтверждается археологическим материалом. В настоящее время не найдено ни одного однослойного поселения с материалами каждого из периодов или поселения с чёткой стратиграфией, на котором были бы представле-

¹⁷² Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. — 1981. — № 4. — С. 8–20.

¹⁷³ Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. — 1981. — № 4. - С.15.

¹⁷⁴ Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. (Материалы международной конференции). — Самара, 2001. — С. 125–129.

ны культурные слои, отвечающие двум периодам в развитии этой культуры»¹⁷⁵. Значит, и этот аргумент о раннем происхождении репинской культуры на Среднем Дону не подтверждается.

Третья стратиграфическая группа (рис. 174, 4) Ивановбугорского могильника имеет прямые аналогии среди раннеямных погребений с репинской керамикой. Это «слабоскорченные» захоронения, сделанные, по мнению автора раскопок, в древнеямной традиции. В обоих случаях они перекрывают вытянутые костяки. Аналогии этим погребениям легко увидеть в подборке раннеямных комплексов на рис. 245.

Таким образом, как ранняя концепция А.Т. Синюка о двухэтапной репинской культуре, плавно переходящей в ямную (рис. 246), так и поздняя - о длительном существовании репинской культуры параллельно со среднестоговской и ямной, с плавным переходом в иванобугорскую, не находят подтверждения ни в известных нам на сегодняшний день материалах, ни в работах Н.С. Котовой, А.М. Скоробогатова, Л.А. Спициной.

Также на Среднем Дону известны ещё несколько грунтовых энеолитических могильников: Дренихинский (рис. 175), Терешковский Вал (рис. 176), Таганский (рис. 185-186). Для Дренихинского составлена таблица (рис. 249) сопоставления типов погребального обряда с курганами могильников Власовский I и III (рис. 177). Всего в Дренихинском изучено 14 могил, во Власовском — 9, т.е. в сравнении использованы почти все могилы, а единственным отличием является вытянутый обряд труположения погребений 7 и 8 Дренихи. Такое однозначное совпадение позволяет утверждать синхронность указанных грунтовых и курганных могильников. Выше уже отмечалось, что вытянутые погребения из Ивановбугорского могильника имеют прямые аналогии в курганах. Это означает, что грунтовые могильники и на соседних территориях могут быть синхронны курганному (что подтверждено прямыми соответствиями между могильниками Койсугский и Дюнное I). Тот же набор поз погребённых представлен в могильнике Терешковский Вал (рис. 176). К тому же, одно из погребений вытянутое. Для последнего это важно в

¹⁷⁵ Спицына Л.А. Северскодонский ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Сборник. — Луганск: Шлях, 2000. — С. 58.

том плане, что погребальный обряд здесь ничем не отличается от местного курганного, а значит, нет оснований утверждать пришлый характер этих материалов. Надо признать, что вывод¹⁷⁶ А.Т. Синюка о том, что данные захоронения принадлежат мастерам по изготовлению кремневых наконечников из соседних лесных регионов, не имеет пока надёжного обоснования. Таким образом, все перечисленные энеолитические могильники Среднего Подонья включали в свой состав на позднем этапе захоронения, прямо относимые нами к раннеямным (рис. 174, п. 34; рис. 175, п. 20; рис. 176, п. 10; рис. 177, к. 1, п. 1 и т.д.).

По материалам среднедонских курганов также была создана таблица стратиграфического соотношения обрядово-хронологических групп энеолита — ранней бронзы (рис. 248). К сожалению, здесь намного меньше стратиграфических соотношений в сравнении с Нижним Доном, и как заслуживающих внимания мы выделим 10. Для лучшего иллюстрирования нашей схемы к этим материалам добавлен курган из мог. Семёнкин нижнедонского Левобережья — самый северный стратифицированный комплекс на указанной территории. Общая стратиграфическая схема Ивановбугорского могильника представлена на рис. 174. На основе сопоставления с аналогичными курганными комплексами погребение 29 можно выделить в отдельную группу. Нумерация (наименование) групп не совпадает с аналогичной нижнедонской схемой как из-за значительно меньшего количества и разнообразия погребений, так и из-за лакун в обрядово-стратиграфических группах, которые, вероятно, не будут заполнены. Речь идёт о III нижнедонской группе «с руками у лица» и о VI группе «типа Радутки».

I группа представлена самыми ранними погребениями Ивановбугорского могильника с ориентировкой в восточный сектор. Ориентированы они в соответствии с традицией мариупольских могильников — головой вверх по склону берега реки. Инвентаря нет, но, вероятно, он близок ко второй группе, по крайней мере, фрагмент керамики из основного погребения Семёнкина аналогичен сосудам из впускного погребения 10 (рис. 81).

II группа представлена вытянутыми и скорченными на спине костяками в

¹⁷⁶ Синюк А.Т. Памятники ямной культуры Донской Лесостепи. Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. — Оренбург, 2006. — С. 81-83.

крупных ямах. Погребения из иванобугорского могильника ориентированы на С и СЗ, т.е. вверх по течению реки. Однако, это совсем не так для упомянутого п. 10 Семёнкина и п. 3 из Павловского могильника (рис. 187, к. 11, п. 3). Инвентарь представлен сосудами с приострѣнным дном и сильно отогнутым венчиком, с обильной примесью ракушки в тесте. В одном случае (рис. 176, п. 2) кремневые наконечники аналогичны инвентарю из прочих (скорченных) погребений мог. Терешковский Вал.

Скорченные на спине костяки с поднятыми коленями — типичные комплексы новоданиловского типа. Такая их хронологическая позиция определяется как исходя из аналогий со схемами Нижнего Дона и Северного Приазовья, так и отталкиваясь от обряда впускных погребений.

III группа представлена слабоскорченными на спине погребениями в крупных ямах, с СВ и СЗ ориентировками. Ноги погребѣнных завалены набок или стоят коленями вверх, руки на тазу. Всего таких комплексов 17. К ним мы относим почти все погребения Власовского и Дренихинского могильников (рис. 249), за исключением вытянутых и с руками у таза. Их можно напрямую сопоставить с основной массой погребений койсугского типа (рис. 210, группы IVA, IVB, V).

IV группа насчитывает 20 комплексов с СВ ориентировкой. Эту группу можно прямо сопоставить с горизонтом VIIA (рис. 203), т.е. она представляет самое начало раннего этапа ямной культуры. Инвентарь фактически имелся лишь в одном погребении (рис. 182, п. 4). Сосуд из него, как указывал А.Т. Синюк, имеет смешанные среднестоговские и репинские черты¹⁷⁷. К слову, впускное положение раннеямного погребения с восточной ориентировкой к такому же аналогично стратиграфии Новопалестинского II (рис. 56, п. 2, 4).

V группа представлена как типичными раннеямными погребениями с ориентировкой на В и СВ, так и слабоскорченными на спине западниками. Руки лежат около таза или на нём. Инвентарь ярко представлен погребением из того же кургана Павловского могильника (рис. 182, п. 5). Однако, инвентарь из него имеет аналогии и в других среднедонских комплексах. Так, кремень очень близок находкам

¹⁷⁷ Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). — Воронеж, 1983. — С. 125.

в насыпи кургана Круча (рис. 183). Широкий медный нож имеет прямые аналогии в раннеямных материалах Нижнего Дона (рис. 47, рис. 77). Также среди 19 таких погребений известны: медный нож с треугольным клинком (рис. 189) и нож типичной листовидной формы (рис. 192). Керамика из этой группы представлена в одном случае (рис. 182, п. 5) сосудом, близким к хвалынской традиции, во всех остальных случаях — типичными репинскими круглодонными горшками (рис. 247).

VI и VII группы — типичные позднеямные погребения с западной ориентировкой. Удивительна их малочисленность — нам удалось выделить всего 22 шт. Второе отличие: 50% из них — левобочные, в то время как на Нижнем Дону позднеямных левобочных не встречено ни разу. Керамика малочисленна и представляет собой типичные ямные круглодонные горшки.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что на территории северо-восточной части бассейна Нижнего Дона и на Среднем Дону выделены два этапа раннеямных погребений, а также показана их возможная генетическая подоснова в виде групп I, II и III. Особенно ясно это видно по хронологически близкой ямникам III группе, аналогичной поздним погребениям койсугского типа, которые, как мы показали выше, прямо связаны с происхождением ямного обряда. Другими словами, на Среднем Дону мы видим памятники, которые с достаточно большой вероятностью стали основой формирования местной погребальной традиции ямной культуры.

5.3. Поселенческие материалы энеолита — ранней бронзы Среднего Подонья и Нижнего Поднепровья

Самое значительное место в историографии ямной культуры занимает небольшая коллекция поселения **Репин Хутор** (рис. 173). Керамика имеет довольно однородную орнаментацию, состоящую из жемчужин, поясков из зубчатого штампа, верёвочки, отступающей лопаточки, зигзага по плечу и венчику. Причём жемчужины присутствуют на всех сосудах. Тесто с примесью ракушки. Первую

публикацию произвёл¹⁷⁸ А.Т. Синюк, в 2008 году на поселении были проведены небольшие раскопки¹⁷⁹ Н.М. Маловым. Результаты радиоуглеродного датирования приведены в следующем параграфе.

Стоянка **Черкасская**¹⁸⁰ (рис. 262) располагалась на первой надпойменной террасе р. Битюг, на Левобережье Среднего Дона. Памятник раскапывался в 1979 и 1981 гг. на общей площади 424 кв. м. Состав находок А.Т. Синюк охарактеризовал следующим образом: «Опуская характеристику неолитических комплексов, более подробно остановимся на рассмотрении энеолитических материалов. Они представлены, главным образом, керамикой раннеэнеолитической нижнедонской культуры, небольшими группами керамики среднестоговской, репинской, ямной культур, а также пережиточно-энеолитической керамикой, выделяемой нами в «иванобугорский» тип»¹⁸¹.

Стоянка **Университетская 3** (рис. 263) располагалась в нижнем течении р. Воронеж, на территории г. Воронеж, раскопана практически полностью, площадь составила 1576 кв. м¹⁸². В нижнем слое содержались находки неолита и энеолита и ранней бронзы. Как уже отмечалось выше, стратиграфия на данном памятнике отсутствует, материал разделён А.Т. Синюком типологически.

Шиловское поселение¹⁸³ (рис. 264) раскопано близ г. Воронежа, на бортовой террасе левого берега р. Воронеж. Культурные наслоения памятника подверглись значительным разрушениям, ранние материалы вычленяются типологически. Памятник единственный на Среднем Дону, давший обширную коллекцию керамики «ямно-репинского» облика.

¹⁷⁸ Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. — 1981. — № 4. — С. 8–20.

¹⁷⁹ Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. — Саратов: Научная книга, 2008. — С. 32-134.

¹⁸⁰ Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди Юга Восточной Европы. — Куйбышев, 1984. — С. 102-129.

¹⁸¹ Там же. С. 104.

¹⁸² Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетской-3 // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам восточно-европейской лесостепи). — Воронеж: ВГПИ, 1978. — С. 26-62.

¹⁸³ Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Межвузовский сборник научных статей. Том. 235. — Куйбышев: КГПИ, 1980. — С. 73-92.

На трёх последних рассмотренных памятниках выделены материалы среднестоговской культуры. А репинская керамика проявляет совершенно очевидное сходство со среднестоговской, что свидетельствует об автохтонном происхождении репинской культуры. Но подобную же преемственность демонстрируют керамика репинского облика из раннеямных захоронений и керамика из погребений койсугского типа на Левобережье Нижнего Дона. Это свидетельствует в пользу предположения как о полицентричности процесса возникновения ямной культуры, так и о естественном, эволюционном, характере её возникновения.

Материалы стоянок и поселений Университетская 1, Копанице, Северо-Восточная I, Дренихинское, Курино I не приводятся из-за сравнительной малочисленности находок рассматриваемой эпохи.

Поселение **Михайловское** (рис. 197) является важнейшим стратифицированным памятником энеолита - ранней бронзы Поднепровья. На приведённой таблице материалы приведены послойно, в соответствии с публикацией¹⁸⁴. Материалы среднего слоя изначально уверенно соотносились авторами раскопок с Репинским поселением. Однако, материал среднего слоя явно хронологически неоднороден, например, это касается сосудов с псевдошнуровым орнаментом.

Нижний слой Михайловского поселения стал основой для выделения нижнемихайловской культуры — интересного и сложного исторического явления. На Нижнем Дону прямых аналогий для этой культуры не найдено. Средний слой представляет собой местный вариант материальной культуры памятников раннего этапа ямной культуры.

Поселение **Нижний Рогачик** (рис. 198) в Нижнем Поднепровье дало довольно однотипные керамические материалы, которые автор раскопок соотносит с верхним горизонтом среднего слоя Михайловского поселения, выделяя в особую рогачикскую культуру¹⁸⁵. Эта концепция противоречит нашему видению происхождения ямной культуры. Очевидно, что дальнейшее развитие концепции рогачик-

¹⁸⁴ Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). — Санкт-Петербург: 2005. — 316 с.

¹⁸⁵ Спицина Л.А. Поселення Нижній Рогачик (Nyzhiy Rohachyk settlement) // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. Вип. 2. — Киев: ІА НАН України, 2010. — С. 5-12.

ской культуры натолкнется на непреодолимые трудности с обоснованием вычленения её погребальных памятников из ямного массива. Ситуация здесь полностью аналогична выделению А.Т. Синюком репинской культуры на довольно скудных поселенческих материалах, что также приведёт лишь к путанице и бесплодным спорам о терминологии. Чтобы в будущем избежать таких спорных ситуаций, необходимо неукоснительное соблюдение простых правил для выделения новой археологической культуры: 1) тщательная характеристика материальной культуры; 2) описание погребального обряда; 3) определение территории распространения памятников и приведение более-менее полного свода источников; 4) выявление отличий от синхронных культур.

На поселении **Дурна Скеля** (рис. 199) на р. Днепр выделено 3 слоя. Верхний — полный аналог верхнего слоя Михайловки (рис. 197), средний и нижний — находят прямые аналогии в среднем слое (рис. 197). Два маленьких целых сосуда из нижнего слоя (рис. 199) можно сопоставить с Койсугским могильником (рис. 6, п. 23).

5.4. Петроглифы и изваяния-идолы

Особую категорию находок представляют каменные изваяния эпохи ранней бронзы. Всего в междуречье Дона и Северского Донца найдено три таких предмета (рис. 251). Один из них обнаружен в насыпи кургана могильника "Круча" (рис. 251) и может быть надёжно отнесен ко времени совершения основного в кургане раннеямного захоронения. Два других происходят из разрушенных комплексов междуречья Дона и Северского Донца. Все три изваяния объединяет чисто символическое изображение головы, "ребра" на корпусе, схожие пропорции и размеры. Убедительной аналогией для этих предметов является известный "керносовский идол".

В 2010-2013 гг. были открыты и изучены высеченные на камнях древние изображения — петроглифы. Самый важный из этих объектов - грот у х.

Скельновский, прекрасно опубликованный¹⁸⁶. Благодаря небольшому раскопу у входа в грот, памятник удалось продатировать, поскольку вперемешку с гравировальными инструментами был найден орнаментированный сосуд. Приведём его описание по публикации: «Найден развал лепного круглодонного сосуда и невыразительные обломки ещё двух лепных горшков. [...] Сосуд яйцевидной формы имеет зауженное устье. Слабо отогнутая короткая горловина небольшим уступом расширяется к округлым плечам тулова, которое плавно сужается к закругленному днищу. Вся наружная поверхность орнаментирована. По овальному венчику отснута «ёлочка» мелких насечек, а по всему тулову и дну однородные чёткие горизонтальные ряды уголковой «отступающей лопаточки» (на завершении дна направление рядов ломается). Ещё до обжига под венчиком по периметру горловины изнутри был проделан через равные промежутки ряд аккуратных сквозных круглых отверстий, возможно для последующего крепления кожаного, либо растительного шнура. Мелкие многочисленные обломки другого сосуда с аналогичным тестом (невыразительные фрагменты стенок) орнамента не имеют»¹⁸⁷. Сосуд можно надёжно атрибутировать раннеямным временем (рис. 247).

В 2013-2014 гг. автором найдены пять каменных плит-стел на территории курганных могильников Нижнего и Среднего Дона (рис. 252). Изображённые на них знаки могут пролить свет на доселе неизвестные страницы истории бронзового века Восточной Европы.

1. Курганный могильник Варваринский I. Шолоховский район. Плита найдена в 30 м от кургана 1, на поле, засеянном лесом. Масса примерно 70 кг. Сливной крупнозернистый песчаник красно-коричневого цвета, твёрдый. Петроглифы средней степени сохранности (рис. 252).

2. Курганный могильник Яшкина гора II. Верхнедонской район. Плита найдена на отвале карьера по добыче крупного камня, и в то же время в 20 м от кургана. Масса примерно 200 кг. Плита из кварцита, твёрдого, но хрупкого. Средней степени сохранности

¹⁸⁶ Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В., Цыбрий Т.В., Захариков А.П., Орленко А.В., Озеров А.А., Абакумов Г.Н., Абакумов Т.Н. Петроглифы у хутора Скельновский. — Ростов-на-Дону. 2010. — 112 с.

¹⁸⁷ Там же. С. 14.

3. Курганный могильник Кудин I. Верхнедонской район. Плита из кварцита найдена на насыпи выявленного кургана 4. Петроглифы плохой сохранности. Около половины поверхности плиты отслоилась и не найдена.

4. Курганный могильник Полосачи. Миллеровский район. Плита из очень твёрдого кварцита найдена на северной поле нераспахиваемого кургана 1. Её вес примерно 150 кг. Сохранность хорошая.

5. Курганный могильник Таловатая Балка I, выявленный. Каменский район. Нижняя часть плиты из очень твёрдого (стекловидного) кварцита найдена в скоплении камней из разрушенной южной полы кургана. Разрушения имели место ориентировочно в 1970-х гг. при рытье силосной ямы, этим фактом хорошо объясняется сохранность столь неглубоких петроглифов. Ещё 4 фрагмента были найдены в скоплении камней в 170 м к югу. Общий вес примерно 70 кг. Сохранность стороны А хорошая, стороны Б — плохая.

Особенностью данных находок стало то, что первые четыре описанные плиты были единственными на поверхности на курганном могильнике. Как ни странно, на могильниках со множеством плит петроглифов до сих пор не найдено.

Интерпретация изображений на плитах весьма сложна. Однако уже сейчас можно сказать, что на плитах изображено множество схожих знаков, позволяющих утверждать их сходство с открытыми в 2010 году петроглифами у х. Скельновский (рис. 253). Главной особенностью открытых петроглифов является их крайняя условность, т.к. обычно петроглифы изображают людей, животных и предметы в их взаимосвязи; здесь же мы видим некие символы, за которыми скрыт определенный смысл. В верхней части плит 1, 2 и 3 виден схожий знак. Подобный же знак есть и среди петроглифов х. Скельновский, находящийся рядом со знаком, интерпретированным как повозка. Ещё один похожий есть в нижней части стороны Б плиты 5, в котором, вероятно, можно видеть оленя. Можно предположить, что указанные знаки на плитах 1, 2 и 3 могут изображать быка. А находящиеся рядом с ними линии могут изображать повозку-волокушу. Вероятно, перевёрнутое положение фигур объясняется их отношением к загробному миру. Дальнейшие исследования данного феномена требуют новых находок.

Открытые на данной территории петроглифы и каменные изваяния являются ярким свидетельством «культурного взрыва» в начале эпохи ранней бронзы, как выражение формировавшейся ямной культуры. Новая культурно-религиозная система могла стать основой для объединения племён в борьбе за расширение своих владений, выразившееся в уничтожении или изгнании носителей константиновской культуры из низовьев Северского Донца. Эта тема настоятельно требует новых находок, особенно из раскопок.

5.5. Радиоуглеродное датирование

Данные по абсолютной хронологии ямной культуры постоянно получает и публикует, не забывая отслеживать информацию по другим регионам, Н.Л. Моргунова. В монографии 2014 года, на основе анализа имеющихся серий дат, она дала следующую датировку: «В итоге рассмотрения имеющихся радиоуглеродных определений по памятникам репинского круга следует заключить, что хронологические рамки раннего этапа ЯК определяются в среднестатистическом калиброванном возрасте от 3800 до 3300 лет ВС, хотя не исключается и удревнение этапа до начала IV тыс. до н.э.»¹⁸⁸. И далее: «Верхняя граница репинского этапа в настоящее время определяется достаточно уверенно радиоуглеродными датами для памятников развитого этапа А (Полудни II 2/7; Мустаево V 8/2, 9/2; Кутулук I 4/1 и другие), калиброванный возраст которых определяется в пределах от 3300 до 2900 лет ВС (Моргунова, 2006а; 2006г; 2007; 2008; 2013а; 2013в). Причем 14С даты для этих памятников проверялись по разным материалам и в разных лабораториях»¹⁸⁹.

Основываясь, по сути, на тех же данных, т.е. материалах датирования Репинского поселения и тех же самых погребений с репинской керамикой Поволжья и Приуралья, П. Ф. Кузнецов пришел к иным выводам: «На графике интервал пересечения калибровок определяется в пределах 3350–2900 гг. до н.э. Таким образом, время существования памятника возможно определить в пределах XXXIV–

¹⁸⁸ Моргунова Н.Л. Истоки и культурная основа формирования ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 11. — Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014. — С. 184

¹⁸⁹ Там же. С. 185.

XXX вв. до н.э.». И на той же странице: «Таким образом, большая часть погребений с керамикой репинского облика имеется в погребениях ямной культуры Волго-Уралья всех её этапов и определяется в интервале XXXV–XXIX вв. до н.э. Это даёт нам основания предполагать синхронность ямной культуры Волго-Уральского региона и описываемого памятника»¹⁹⁰.

Радиоуглеродное датирование керамики имеет очевидный недостаток: согласно исследованиям Н.П. Салугиной,¹⁹¹ репинская керамика изготовлена из илистых глин, т.е. датируется органика более раннего времени, нежели были изготовлены сосуды. А значит, полученная дата зависит от глубины, с которой взята глина, здесь ярко представлен «эффект датирования водной среды». Поэтому данные датирования по керамике нужно использовать крайне аккуратно. Для иллюстрации проблем радиоуглеродного датирования нами составлена таблица 13.

Полученные Н.Л. Моргуновой и П.Ф. Кузнецовым интервалы дат почти не пересекаются. К тому же, они не сопоставимы не только между собой, но и с прекрасно атрибутируемыми комплексами из могильника Кремневка в Северном Приазовье, близ Мариуполя (рис. 196). Здесь раскопаны погребения с раннеямным обрядом и типичными репинскими сосудами. Радиоуглеродные даты представлены на Таблице 9.

Согласно приведённым данным, даты приходятся, в основном, на начало третьего тысячелетия до н.э. Они лишь немного пересекаются даже с довольно поздним интервалом дат по П. Ф. Кузнецову, а от датировки по Н.Л. Моргуновой отличаются на значения до 900 лет. Исходя из имеющихся фактов, погребения из Кремневки необходимо датировать XXX в. до н.э. Такая дата для керамики репинского типа нам представляется очень поздней и недостоверной.

Исходя из перечисленных фактов, мы предпочтём пока воздержаться от построения однозначных выводов на основании абсолютного датирования памятников репинского типа. Перейдём к имеющимся радиоуглеродным датам рассмат-

¹⁹⁰ Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. — 2013. — № 1. — С. 18.

¹⁹¹ Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. — 2005. — № 3. — С. 85–92

риваемого нами бассейна Дона (Таблица 10).

Погребение из могильника Усьман (рис. 37, п. 13) относится к позднему этапу ямной культуры. Дата вполне соответствует современным представлениям о возрасте таких памятников. В погребении из Павловска (было основным в кургане) не было костяка, в инвентаре был медный нож, нетипичной формы (рис. 192). Дата соответствует раннему этапу ямной культуры. Несмотря на большое расхождение между датами новоданиловского погребения из Перегрузного, обе даты согласуются с имеющимся представлением. Первая дата из Вертолётного поля также укладывается в новоданиловский тип погребений (рис. 165). Вторая дата для погребения константиновской культуры представляется моложе на 300-500 лет.

Нами так же были получены три даты по погребениям интересующей нас эпохи (рис. 87) (Таблица 10). Однако, во-первых, полученные интервалы дат не отвечают современным требованиям точности, и калибровка не улучшает ситуацию. Во-вторых, погребения 11 и 13 довольно близки, а разница между ними в 400-500 лет недостоверна. В-третьих, интервал дат позднеямного п. 15 оказался древнее энеолитического п. 13. В-четвёртых, сравнение полученных дат с аналогичными на соседних территориях показывает очень большие различия. Таким образом, этот опыт датирования нужно признать неудовлетворительным.

Значительная серия радиоуглеродных дат была получена Н.И. Шишлиной по ямным погребениям верховьев р. Сал и Калмыкии. Два, по нашему мнению (на основании аналогий на рис. 94, 124, 146, 151, 178, 179, 180, а также учитывая известные нам каменные кольца катакомбного времени из могильников Чалтырский XII, Ливенцовский I, Федоровка I), однотипных раннеямных погребения были продатированы по древесине в интервале 2630-2196 и 2875-2619 до н.э. По кости человека дата оказалась древнее на 850-640 лет¹⁹². По мнению Н.И. Шишлиной, это вызвано резервуарным эффектом из-за употребления речных продуктов. Данное предположение представляется сомнительным, поскольку ресурсы столь малой реки как Джурак-Сал не могли быть основой питания древнего общества. А

¹⁹² Шишлина Н.И. Погребения ямной культуры с каменными кольцевыми обкладками в Подонье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3. — 2014. — С. 290.

если, всё-таки, такая маленькая река могла обеспечить выживание коллективов в ямное время, то совершенно непонятным остаётся скотоводческий характер хозяйства населения долин Дона и Волги, ведь объём и разнообразие водных ресурсов этих рек громадны.

Обобщение накопленного объёма радиоуглеродных дат произведено в недавней работе Е.Н. Черныха и Л.Б. Орловской. Суммирование данных дало следующий результат: «хронологические диапазоны пяти основных групп ямной АО, за исключением Волго-Уральской, могут быть ограничены рамками 3100–2200 гг. до н.э.»¹⁹³. Датировка Волго-Уральской группы в пределах 3350–2550 гг. до н.э. почти совпадает со выводами П.Ф. Кузнецова.

Помимо недостаточной точности, второй главной проблемой радиоуглеродного датирования является несовершенство культурно-хронологической атрибуции погребальных памятников. Безынвентарность погребений выдвигает на первый план особенности конструкции и позу погребённого, а такой подход влечёт за собой множество неизбежных ошибок.

Как показано в нашей работе, «раннеямная» поза использовалась и в более раннее и в более позднее время (рис. 206). На Нижнем Дону это компенсируется стратиграфическими наблюдениями, ярким примером служит основное погребение кургана Кулешовка (рис. 207).

В то же время для Волго-Уралья стратиграфических данных крайне мало. А значит, до тех пор, пока раннеямные комплексы не будут чётко отделены от хвалынско-бережновских (энеолитических), говорить о хронологическом приоритете волгоуральских памятников нет достаточных оснований. В меньшей степени, но всё же, эта проблема касается и погребального инвентаря, который также может широко атрибутироваться. Соответственно, на данный момент точно установить хронологический приоритет одной из региональных групп ямных памятников не представляется возможным.

Обобщая имеющиеся данные, ранний этап ямной культуры можно датиро-

¹⁹³ Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология ямной и катакомбной археологических общностей // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — С. 24.

вать в широком интервале 3500-3000 лет до н.э. Поздний этап в интервале 3000-2700 лет до н.э. Эти диапазоны дат в будущем, несомненно, будут серьезно уточнены.

Заключение

В настоящем исследовании проведена реконструкция эволюции погребального обряда в эпоху энеолита, конечным результатом которого стало формирование единой устойчивой традиции — погребального обряда ямной культуры. Нижнее Подонье имеет ключевое положение в рамках ямной культуры, находясь на стыке важнейших регионов её распространения: Поднепровья, Поволжья, Предкавказья и Среднего Подонья. Создавшееся культурное единство ямной общности основывалось на общих природно-климатических условиях степных зон, языковом и, возможно, этническом единстве, а также особенностях хозяйственного уклада, подстёгивавшего население к постоянным контактам.

Памятники раннего этапа ямной культуры Нижнего Подонья представлены курганами и поселениями. В работе проанализированы погребальные комплексы, проведен подробный анализ стратиграфии, обряда и инвентаря, произведено сопоставление с памятниками соседних территорий.

Эпоха ранней бронзы имеет в археологической науке весьма обширную историографию, несмотря на очевидный недостаток материалов. Причин интереса исследователей две: эти погребения являются одними из самых ранних в курганах, и их исследование помогает понять происхождение степных народов и курганного обряда захоронения; начало эпохи отличает удивительное разнообразие погребальных обрядов, курганных конструкций, керамических комплексов, другого инвентаря. Однако, несмотря на несомненные успехи, налицо стремление исследователей забежать вперёд и на довольно скудных сведениях построить универсальные схемы эволюции, путём построения сложной системы взаимосвязанных археологических культур или даже этно-географических общностей. Подобным образом выглядит историография происхождения ямной культуры, которая тесно переплелась с развитием представлений об энеолитических культурах и проблемой принадлежности материалов Репинского поселения.

Для отечественной историографии ямной культуры можно выделить в це-

лом 4 периода:

1. Первоначальный период, который пришёлся на 1890-1950-е гг.
2. Миграционистский период. Связан с успехами обширных новостроечных работ в 1960-70-е гг.
3. «Лесостепной» этап пришёлся на 1980-90-е гг. В этот период наибольшие успехи в разработке проблемы происхождения ямной культуры связан с открытием лесостепных памятников.
4. Современный этап (преимущественно автохтонистский).

На основе стратиграфии курганов построена шкала относительной хронологии, состоящая из 10 групп, в рамках которых дополнительно выделены хронологические горизонты. Представленная колонка относительной хронологии демонстрирует постепенную эволюцию курганного погребального обряда, представлено скорченными погребениями. Выявлено, что на раннем этапе параллельно с ними совершались и вытянутые захоронения.

Анализ памятников энеолитических могильников Нижнего и Среднего Подонья выявил параллельное использование курганных и грунтовых могильников. Также установлено сосуществование погребений койсугского типа и типа Радутки. Последние сопровождались керамикой новосвободненского типа.

Для объединения энеолитических погребений Левобережья в единую структуру (тип погребений) существует несколько аргументов:

— Все энеолитические погребения Левобережья укладываются в единую схему эволюции погребального обряда и проявляют очевидное единство обрядности.

— Различные типы труположения всегда встречаются совместно, т. е. представляют собой часть взаимосвязанных ритуалов, а последовательность использования типов труположения тоже всегда совпадает. Между типами труположения имеется множество переходных форм.

— Памятники койсугского типа занимают всё Левобережье и узкую полосу Правобережья вдоль долины Нижнего Дона. Вдоль границы этой территории

встречаются памятники константиновской и майкопской культуры.

— Для памятников койсугского типа характерна пластинчатая техника расщепления кремня, треугольная с вогнутым основанием форма наконечников стрел.

Выделенный в работе энеолитический койсугский тип погребений рассматривается нами в контексте дальнейшего развития концепции эпохальных историко-культурных общностей, где среднестоговско-хвалынская общность сменяется ямной. Возможно, в будущем на основе части памятников Среднего Подонья, погребений койсугского типа и части памятников Предкавказья будет выделена ещё одна общность, представшая параллельную ветвь развития степного энеолита, наряду с майкопской, среднестоговской и хвалынской культурами. Важно, что выделение этой общности поможет понять специфику степных майкопских памятников. Но для этого необходима прежде всего проработка уже имеющихся материалов Прикубанья и Ставрополя.

Формирование раннеямных памятников Нижнего Подонья происходило на местной основе. Основную роль сыграло население, оставившее памятники койсугского типа, население константиновской культуры, вероятно, было изгнано или ассимилировано, всё же оставив заметный культурный след. Памятники койсугского типа и раннеямные комплексы проявляют хорошо видимое единство, при этом внутри имеющейся выборки раннеямных памятников Левобережья не удалось выявить значимых различий. Особую роль в обосновании преемственности играет особенность нижнедонских памятников — неразрушающее подхоронение в центр кургана.

Погребения раннего этапа ямной культуры Левобережья Нижнего Подонья представляют собой целостный культурно-хронологический комплекс. Стратиграфический горизонт VIIA демонстрирует преемственность между койсугскими и раннеямными памятниками. Для койсугских и раннеямных погребений имеются 5 общих типов керамики. В морфологии и орнаментации керамики материалы памятников койсугского типа и раннего этапа ямной культуры имеется целый ряд общих черт: жемчужины и защипы по горлу, сочетание желобков и зигзагов по

горлу, насечки по краю устья, ряды «отступающей лопаточки» и оттисков гребенчатого штампа, свисающие треугольники из верёвочного орнамента; схожая морфология сосудов: невысокий слегка отогнутый венчик, яйцевидное или шаровидное тулово, округлое дно.

Значительно расширен ареал константиновской культуры, впервые найдены памятники, генетически связанные с нею, но существовавшие в рамках ямной культуры. Для памятников репинской культуры Нижнего и Среднего Подонья приведено обоснование их тождества с ранним этапом ямной культуры, а сам этот этап, вслед за Н.Л. Моргуновой, предлагается называть «репинским».

На Правобережье мы видим два варианта погребений раннего этапа ямной культуры: классические, неотличимые от левобережных, и тип Байков-Бердановка, которые проявляют признаки преемственности с константиновской культурой. Между указанными группами памятников установлены различия в керамических материалах, кремневой индустрии, особенностях погребального обряда. Несмотря на объединяющие материальную культуру стадиальные признаки, различия между ними столь существенны, что практически не оставляют сомнений при размежевании памятников.

Пропорционально, большая часть стратиграфических данных относится к доямному времени, поэтому для этого времени схема выглядит наиболее подробной. Возможно, для обрядовых групп ямного времени, с появлением новых данных, будет создана такая же стратиграфическая колонка, как показал нам курган 9 могильника «Тузлуки». Пока данные стратиграфии для ямного времени противоречивы и не полны, поэтому здесь выделено всего 3 стратиграфических горизонта. На основе полученных результатов автор предпринял попытку создания периодизационной схемы в рамках общепринятого взгляда на развитие ямной культуры. Трехчастная структура является основным содержательным стержнем любой периодизации: каждое явление имеет свое начало - период формирования (выделяются предшествующие типы памятников, имеющие характерные для культуры черты); период расцвета - время наибольшей концентрации присущих ему особенностей (обычно выделяются её локальные варианты); конец - период

исчезновения культурных признаков и упадка, реже — последнего взлёта «творческих сил» данной культурной традиции перед гибелью (главным является поиск комплексов, отражающих дальнейшую трансформацию культурной традиции), при этом поздний этап часто прослеживается с большим трудом. Однако, для ямной культуры выделение второго «развитого» этапа оказалось практически невыполнимой задачей. Нет никаких деталей обрядности, которые позволяли бы твёрдо отделить погребения этого этапа от ранних или поздних. То же самое касается и инвентаря, в частности керамики, поскольку зачастую трудно с уверенностью сказать, к какому этапу принадлежит тот или иной сосуд. Это касается и керамики раннекатакомбного времени, зачастую несущую раннеямные (репинские) черты. Нам представляется, что причина этого — в глубокой внутренней целостности культуры, как следствие, это единство позволяет говорить только о ранних и поздних чертах. Поэтому в нашей работе используется деление ямных погребений только на ранние (группа VII, горизонты А и Б) и поздние (VIII и IX группы).

Несмотря на естественное положение материальной культуры как основного источника информации в археологии, в этой работе она имеет ограниченное значение, прежде всего, по причине безынвентарности большинства погребений. Доля инвентарных погребений достаточно высока — около 40 % для ямных погребений и значительно выше для более ранних. Но в половине из них обнаружены лишь кремневые отщепы или иной малоинформативный материал. Всего в сводке источников представлены более 300 сосудов, которые относятся к большому хронологическому промежутку, даже к разным эпохам, и не все из них поддаются типологизации и атрибуции.

Впервые для региона описаны предметы искусства, появление которых связано с «культурным взрывом» во время формирования культурного кода ямной общности.

Для раннего этапа ямной культуры произведено сопоставление со шкалой абсолютной хронологии, показавшее время существования данных памятников в широком интервале дат между 3500-2900 лет до н.э.

В анализе рассматриваемого материала имеются существенные трудности,

которые менее характерны для следующих этапов бронзового века. Например, погребения катакомбной культуры прекрасно делятся по типам конструкций, яркому и многочисленному инвентарю и даже по выбранному сектору кургана, а их число только в нижнедонском регионе уже превысило пять тысяч. В рассматриваемую нами эпоху конструктивно предельно простые ямы, малое количество инвентаря и его невыразительность, а также на порядок меньшее число известных комплексов не дают возможности создать схожие по уровню обоснованности и подробности схемы эволюции погребального обряда и материальной культуры.

Рекомендации к дальнейшей работе касаются необходимости проработки и введения в научный оборот материалов поселенческих памятников, с обязательным использованием статистических и естественнонаучных методов. Изучение поселенческих памятников позволит в дальнейшем разрешить многие из оставшихся проблем культурной принадлежности энеолитического населения региона. Основное внимание должно быть уделено поселениям Раздорское I и Ракушечный Яр, а также выявлению аналогичных памятников на Левобережье, соответствующих погребениям койсугского типа.

Перспективы дальнейшей разработки темы исследования. Ключевое значение памятники ямной культуры Нижнего Подонья имеют для исследования проблематики происхождения катакомбной общности. Общеизвестно, что культурное развитие в эпоху бронзы на юге Восточной Европы во многом определялось теми процессами, которые происходили в Предкавказье - зоне, непосредственно примыкающей к кавказскому очагу металлургии. Этот фактор является значимым не только для датировки степных комплексов, но и при выяснении характера новаций - в обряде, керамике и т.д. Последнее непосредственно связано с вопросом о происхождении археологических культур. Необходимо выявить те элементы, которые привели к столь глобальной трансформации культуры населения в раннекатакомбное время.

Кроме того, существует ряд проблем, требующих более углубленного изучения. Так, в детальной реконструкции нуждается вопрос появления в регионе памятников с керамикой репинского типа, а также дальнейшей судьбы носителей

константиновской археологической культуры, имеющей множество аналогий в материалах донецкой катакомбной культуры эпохи средней бронзы.

Список использованных источников и литературы

І. Источники

1. Неопубликованные источники

1. Максименко, В.Е. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3239. — 40 л.
2. Максименко, В.Е. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3449. — 61 л.
3. Максименко, В.Е. Отчет о работах 2-го отряда археологической экспедиции Ростовского университета в Константиновском и Азовском районах Ростовской области в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3876. — 39 л.
4. Максименко, В.Е. Отчет о раскопках Койсугского отряда в 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 4078. — 37 л.
5. Максименко, В.Е. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 5725. — 27 л.

2. Опубликованные источники

1. Братченко, С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников) / С.Н. Братченко. — Киев: Наукова думка, 1976. — 254 с.
2. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А.В. Файферт. — Ростов-на-Дону, 2014. — 500 с.
3. Гудименко, И.В., Файферт, А.В. Погребения эпохи энеолита — ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное I» / И.В. Гудименко, А.В. Файферт // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 246 / Ин-т ар-

хеологии РАН; Гл. ред. Н.А. Макаров. — Москва: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — С.251-260.

4. Ляпушкин, И.И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища / И.И. Ляпушкин // МИА № 62. Т.1. — Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958. — С.227-263.

II. Исследования

1. Алексеева, И.Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье / И.Л. Алексеева. — Киев: Наукова думка, 1992. — 132 с.
2. Андросов, А.В. Курганы энеолита — бронзового века Каменского поля / А.В. Андросов, И.И. Яременко, Д.В. Мартющенко // Исследование по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. — 138 с.
3. Археология Украинской ССР. Том 1. Первобытная археология. — Киев: Наукова Думка, 1985. — 568 с.
4. Барынкин, П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дисс. канд. ист. наук / Ин-т археологии. — Москва, 1992. — 26 с.
5. Белановская, Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр / Т.Д. Белановская. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1995. — 200 с.
6. Беседин, В.И. Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника / В.И. Беседин, Ю.П. Матвеев // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж: ВГУ, 2003. — С. 134-141
7. Богданов, С.В. Эпоха меди степного Приуралья / С.В. Богданов. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — 286 с.
8. Васильев, И.Б. Ямная и полтавкинская культуры / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, М.А. Турецкий // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. — 336 с.

9. Васильев, И.Б. Черкасская стоянка на Среднем Дону / И.Б. Васильев, А.Т. Синюк // Эпоха меди Юга Восточной Европы. — Куйбышев: Издательство КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. — С. 102-129.
10. Васильев, И.Б. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (учебное пособие к спецкурсу) / И.Б. Васильев, А.Т. Синюк. — Куйбышев: Издательство КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1985. — 118 с.
11. Гей, А.Н. Новотиторовская культура / А.Н. Гей. — Москва: Старый Сад, 2000. — 223 с.
12. Гей, А.Н. Самсоновское поселение / А.Н. Гей // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю.А. Краснов. — Москва: Наука, 1983 — 256 с.
13. Гей, А.Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону / А.Н. Гей // СА. — 1979. — № 3. — С. 119-131.
14. Даниленко, В.Н. Энеолит Украины: Этноисторическое исследование / В.Н. Даниленко. — Киев: Наукова Думка, 1974. — 176 с.
15. Дергачев, В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы / В.А. Дергачев. — Кишинев: Штиинца, 1986. — 222 с.
16. Дергачев, В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы. Автореферат дисс. док. ист. наук по специальности 07.00.06 — археология / В.А. Дергачев. — Ленинград: Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, 1989. — 44 с.
17. Епимахов, А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дисс. канд. ист. наук / А.В. Епимахов. — Екатеринбург: Отделение археологии и этнографии Учреждения Российской академии наук Института истории и археологии Уральского отделения РАН, 2010. — 55 с.
18. Збенович, В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья / В.Г. Збенович. — Киев: Наукова думка, 1974. — 176 с.
19. Иванова, С.В. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе / С.В. Иванова // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степ-

- ной зоны Восточной Европы. — Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. — С.49-58.
20. Иванова, С.В. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад-Восток / С.В. Иванова // *Stratum plus*. — 2013. — №2. — С. 1-59.
 21. Иванова, С.В. Ямная культура Северо-Западного Причерноморья: Стратиграфия и хронология / С.В. Иванова // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: Тезисы конференции / Отв. ред. Н.И. Шишлина. — Москва: Гос. ист. музей, 2003. — Ч.1. — С. 87 — 89.
 22. Ильюков, Л.С. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита / Л.С. Ильюков // *Донские древности*. Вып. 2. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. — С. 45-54.
 23. Иноземцев, Г.А. Бронзовый век Нижнего Дона: Автореф. дисс. канд. ист. наук / Г.А. Иноземцев. — Ростов-на-Дону, 1955. - 19 с.
 24. Кияшко, А.В. Полтавкинские подбойные погребения низовий Волги и Дона / А.В. Кияшко // *Нижневолжский археологический вестник*. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1998. — Вып. 1. - С. 17 - 28.
 25. Кияшко, А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья / А.В. Кияшко — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. — 182 с.
 26. Кияшко, В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону / В.Я. Кияшко, // *КСИА*. — 1987. — №192. — С. 73-80.
 27. Кияшко, В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дисс. канд. ист. наук / В.Я. Кияшко. — Ростов-на-Дону, 1974. — 20 с.
 28. Кияшко, В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) / В.Я. Кияшко // *Донские древности*. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. — Вып. 3. — 132 с.

29. Кияшко, В.Я. Петроглифы у хутора Скельновский / В.Я. Кияшко, В.В. Цыбрий, А.В. Цыбрий, Т.В. Цыбрий, А.П. Захариков, А.В. Орленко, А.А. Озеров, Г.Н. Абакумов, Т.Н. Абакумов. — Ростов-на-Дону, 2010. — 112 с.
30. Ковалева, И.Ф. «Вытянутые» погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурной общности / И.Ф. Ковалева // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 26-27.
31. Ковалева, И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке: учебное пособие / И.Ф. Ковалева. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — 116 с.
32. Константинеску, Л.Ф. О памятниках ямной культуры Северо-Восточного Приазовья / Л.Ф. Константинеску // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 30-32.
33. Корневский, С.Н. Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободненской общности / С.Н. Корневский // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург, 2009. — С. 27-49.
34. Коробкова, Г.Ф. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура) / Г.Ф. Коробкова, О.Г. Шапошникова. — Санкт-Петербург: Европейский дом, 2005. — 316 с.
35. Котова, Н.С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа / Н.С. Котова. — Киев; Харьков: Майдан, 2013. — 486 с.
36. Кузнецов, П.Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы / П.Ф. Кузнецов // РА. — 2013. — № 1. — С. 13-21.
37. Кузнецов, П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хроно-

- логия, межрегиональный контекст / П.Ф.Кузнецов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. — Суздаль, 2008. — Т. I. — С. 358—360.
38. Максименко, В.Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону / В.Е. Максименко // СА. — 1973. — №1. — С. 249-253.
39. Малов, Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья / Н.М. Малов // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. В.А. Лопатина. — Саратов: Научная книга, 2008. — 368 с.
40. Марина, З.П. Культурно-хронологическое положение ямных памятников Днепровского левобережного предстепья в системе культур энеолита-раннего бронзового века Евразии / З.П. Марина // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. (Материалы международной конференции). — Самара: Изд-во ООО “НТЦ”, 2001. — С. 101-103.
41. Марина, З.П. Раннеямные погребения на Левобережье Днепра / З.П. Марина // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 27-28.
42. Мерперт, Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.): Автореф. дисс. д-ра. ист. наук / Ин-т археологии АН СССР. — Москва: [б. и.], 1968. — 84 с.
43. Мерперт, Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья / Н.Я. Мерперт. — Москва: Наука, 1974. — 152 с.
44. Мимоход, Р.А. Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Р.А. Мимоход. — Москва: Таус, 2009. — 292 с.
45. Михайлов, Б.Д. Ямное погребение с полисуаром на Мелиотопольщине / Б.Д. Михайлов // СА. — 1976. — №1. — С. 255-257.
46. Мовша, Т.Г. Взаимосвязи Триполья и степных культур / Т.Г. Мовша //

- Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 24-26.
47. Моргунова, Н.Л. Истоки и культурная основа формирования ямной культуры / Н.Л. Моргунова // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 11 / под ред. Н.Л. Моргуновой. — Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014. — 231 с.
48. Моргунова, Н.Л. О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье / Н.Л. Моргунова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3(2), 2014. — С. 585-591.
49. Моргунова, Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области / Н.Л. Моргунова. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. — 348 с.
50. Моргунова, Н.Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья / Н.Л. Моргунова // КСИА. — 2013. — Вып. 230. — С. 5-22.
51. Моргунова, Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009.
52. Нечитайло, А.Л. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье / А.Л. Нечитайло, Е.В. Козюменко, С.Е. Жеребилов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. конф. — Саратов: Саратовский государственный педагогический институт, 1997. — Ч. 2. — С. 40-57.
53. Нечитайло, А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита / А.Л. Нечитайло // РА. — 1996. — №4. — С. 18-30.
54. Николова, А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: Автореф. дисс. канд. ист. наук / А.В.

- Николова. — Киев, 1992. — 21 с.
55. Поплевко, Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий и реконструкция древнего хозяйства поселений. На материалах энеолитического поселения Константиновское: Автореферат дисс. на соиск. степени канд. ист. наук / Г.Н. Поплевко. — Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры, 2000. — 30 с.
56. Пряхин, А.Д. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения / А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк // Энеолит Восточной Европы. Межвузовский сборник научных статей. Том. 235. — Куйбышев: КГПИ, 1980. — С. 73-92.
57. Рассамакин, Ю.Я. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита / Ю.Я. Рассамакин, Г.Л. Евдокимов // Донецкий археологічний збірник. — 2009-2010. — № 13/14. — Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. — С. 7-29.
58. Резепкин, А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады») / А.Д. Резепкин. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. — 344 с.
59. Салугина, Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья / Н.П. Салугина // РА. — 2005. — № 3. — С. 85–92
60. Самохин, А.Ф. Река Дон и его притоки / А.Ф. Самохин. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1958. — 124 с.
61. Санжаров, С.Н. Поселения неолита-ранней бронзы Северского Донца / С.Н. Санжаров, А.А. Бритюк, Н.С. Котова, Е.А. Черных. — Луганск: ВНУ, 2000. — 128 с.
62. Сафронов, В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века Юга Восточной Европы / В.А. Сафронов // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 13-15.

63. Сеницын, И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем / И.В. Сеницын // КСИА АН УССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 32-35.
64. Синюк, А.Т. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита / А.Т. Синюк // Археология восточно-европейской Лесостепи. № 13. — Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1999. — С. 23-44.
65. Синюк, А.Т., Березуцкий В.Д. Мастищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы — ранний железный век) / А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. — 192 с.
66. Синюк, А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Монография / А.Т. Синюк. — Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1996. — 350 с.
67. Синюк, А.Т. К оценке результатов использования курганных погребений эпохи бронзы в палеодемографии / А.Т. Синюк // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). — Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. — С. 9-21.
68. Синюк, А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А.Т. Синюк. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. — 193 с.
69. Синюк, А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) / А.Т. Синюк // СА. — 1984. — №3. — С. 103-121.
70. Синюк, А.Т. Памятники ямной культуры Донской Лесостепи / А.Т. Синюк // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. — Оренбург, 2006. — С. 81-83.
71. Синюк, А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона / А.Т. Синюк // СА. — 1981. — №4. — С. 8-20.
72. Синюк, А. Т. Сасовские курганы на реке Потудани / А.Т. Синюк // Древние памятники на территории Восточной Европы. — Воронеж:

ВГПИ, 1983. — С. 91-111.

73. Синюк, А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетской-3 / А.Т. Синюк // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам восточно-европейской лесостепи). — Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1978. С. 26-62.
74. Скоробогатов, А.М. Еще раз о происхождении репинской культуры (по материалам Среднего Дона) / А.М. Скоробогатов // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. — Санкт-Петербург: «Скифия-принт», 2013. — С. 21-25.
75. Скоробогатов, А.М. История изучения раннего энеолита Донской лесостепи / А.М. Скоробогатов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (8). — Тамбов: Грамота, 2011. — С. 182-186.
76. Смирнов, К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // МИА №60. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. — С. 206-322.
77. Спицына, Л.А. Северскодонецкий ареал репинской культуры / Л.А. Спицына // Древности Северского Донца. Сборник. — Луганск: Шлях, 2000. — С.53-75.
78. Ставицкий, В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур Севера и Юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. д-ра ист. наук / В.В. Ставицкий. — Ижевск: Пензенский государственный педагогический университет, 2006. — 46 с.
79. Ставицкий, В.В. Процессы взаимодействия культур позднего энеолита в лесостепной зоне Волго-Донского бассейна / В.В. Ставицкий // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/12/8504>.

80. Телегин, Д.Я. Об абсолютном возрасте и периодизации памятников ямной культуры по радиоуглеродным данным / Д.Я. Телегин, Н.Н. Ковалюх // Археологические записки. — Ростов-на-Дону, 2005. — С. 24-29.
81. Тесленко, Д.Л. Погребения в каменных гробницах из кургана у с. Весняное на Николаевщине / Д.Л. Тесленко, Ю.С. Гребенников // Проблеми археології Подніпров'я: міжвуз. збірник наук праць / Відп. ред. І.Ф. Ковальова. — Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2002. — С. 82-90.
82. Трифонов, В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа / В.А. Трифонов // Между Азией и Европой. — Санкт-Петербург: ГЭ, 1996. — С. 43-49.
83. Трифонов, В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) / В.А. Трифонов // Древние культуры Прикубанья. — Ленинград: Наука, 1991. — С. 93-166.
84. Трифонов, В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) / В.А. Трифонов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. (Материалы международной конференции). — Самара: Изд-во ООО “НТЦ”, 2001. — С. 71-82
85. Турецкий, М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья / М.А. Турецкий // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. — Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2009. — С. 59-64.
86. Турецкий, М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья / М.А. Турецкий // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. (Материалы международной конференции). — Самара: Изд-во ООО “НТЦ”, 2001. — С. 125-129.
87. Файферт, А.В. О культурно-хронологической принадлежности Ивановбургского могильника эпохи бронзы / А.В. Файферт // Археология вос-

- точноевропейской лесостепи: Материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года. / Отв. ред. А.М. Скоробогатов. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. — С. 157—160.
88. Файферт, А.В. Топография, способы возведения и количественные характеристики курганов эпохи бронзы на территории бассейнов Дона и Маныча / А.В. Файферт // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2015. — № 1. — С. 47-53.
89. Фоменко, В.Н. О периодизации погребений ямной культуры в степном Побужье / В.Н. Фоменко // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 33-34.
90. Черных, Е.Н. Радиоуглеродная хронология ямной и катакомбной археологических общностей / Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей / Ред. В.Н. Глазьева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — С. 17-32.
91. Шапошникова, О.Г., Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) / О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко. — Киев: Наукова думка, 1986. — 160 с. — (Археология СССР. Свод археологических источников).
92. Шапошникова, О.Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины. / О.Г. Шапошникова // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Сборник научных трудов. — Киев: Наук. Думка, 1987. — 196 с.
93. Шилов, Ю.А. Исторический процесс в Нижнем Поднепровье середины III — середины II тыс. до н.э. / Ю.А.Шилов // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. — Донецк: Донецкий государственный университет, 1979. — С. 16-18.
94. Шишлина, Н.И. Погребения ямной культуры с каменными кольцевыми обкладками в Подонье / Н.И. Шишлина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3. — Самара: Из-

- д-во СНЦ РАН, 2014. — С. 285-290.
95. Шишлина, Н.И. К вопросу о начале бронзового века в Северо-Западном Прикаспии / Н.И. Шишлина // Проблемы археологии Евразии. — Москва: Языки славянской культуры, 2002. — С. 68-86.
 96. Шмаглий, Н.М., Черняков, И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков // МАСП. Вып. 6. — Одесса, 1970. — С. 5-90.
 97. Юдин, А.И. Исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дис. д-ра истор. наук / А.И. Юдин. — Саратов, 2006. — 46 с.
 98. Яровой, Е.В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда) / Е.В. Яровой. — Кишинев: Штиинца, 1985. — 124 с.
 99. Яценко, В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи / В.С. Яценко. — Ростов-на-Дону, 2015. — 256 с.
 100. Яценко, В.С. Энеолитическое поселение Батай I / В.С. Яценко // ИА-ИАНД в 2009 г. Вып. 25. — Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. — С. 190-235.
 101. Братченко, С. Н. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону / С. Н. Братченко // Археологія. — 1969. — Т. XXII. — С. 216-231.
 102. Кузнецов, П.Ф. Етнокультурні зв'язки степового населення східної Європи за доби ранньої бронзи. / П.Ф. Кузнецов, О.О. Хохлов // Археологія. — 2011. — № 1. — С. 3-11.
 103. Лагодовська, О.Ф., Шапошникова, О.Г., Макаревич, М.Л. Михаїлівське поселення / О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапошникова, М.Л. Макаревич. — Киев: Вид-во АН УРСР, 1962. — 248 с.
 104. Константинеску, Л.Ф. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння / Л.Ф. Константинеску // Археологія. — 1984. — №45. — С. 61-67.

105. Рассмакін, Ю. Я. Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств / Ю. Я. Рассмакін // Археологія. — 2004. — № 2. — С. 3-26
106. Спіцина, Л.А. Археологічні культури пізнього енеоліту-ранньої бронзи Дніпро-Донського межиріччя (за матеріалами поселень: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук / Л.А. Спіцина. — Київ: Інститут археології НАН України, 2002. — 14 с.
107. Спіцина, Л.А. Поселення Нижній Рогачик (Nyzhiy Rohachyk settlement) / Л.А. Спіцина // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. — Київ: ІА НАН України, 2010. — Вип. 2. — С. 5-12.
108. Спіцина, Л.А. Поселення репінської культури на сході України / Л.А. Спіцина // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 60-63.
109. Тесленко, Д.Л. Ямна культура Дніпрівського Надпоріжжя та правобережного Передстепу: Автореф. дис. канд. ист. наук / Д.Л. Тесленко. — Київ: ІА НАН України, 1999. — 19 с.
110. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan. / C., Gerling; E., Banffy; J., Dani; K., Köhler; G., Kulcsár; Pike, AWG; V., Szeverényi; Heyd, VM. In: *Antiquity*, Vol. 86, No. 334, 11.2012, p. 1097-1111.
111. Frînculeasa Alin, Preda Bianca, Nica Tiberiu, Sofîcaru Andrei-Dorian, Un nou tumul preistoric cercetat la Ariceştii-Rahtivani (jud. Prahova), *Studii de Preistorie*, 11, p. 189-227.
112. Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit/DAI. *Archäologie in Eurasien*. Band 17. — Teil I. — Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
113. V. Heyd, Yamnaya Groups and Tumuli west of the Black Sea. In: *Ancestral Landscapes*. Ed. by E. Borgna & S. Müller Celka. TMO 58 (Lyon), p. 536-555.

Список сокращений

- ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт.
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ВНУ – Восточный национальный университет.
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДГУ – Днепропетровский государственный университет.
ДНУ – Днепропетровский национальный университет.
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт.
КСИА – Краткие сообщения института археологии.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.
СпбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ССР – Советская Социалистическая Республика.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Файферт Анатолий Владимирович

**РАННИЙ ЭТАП ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ**

07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2
Приложения

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Кияшко А.В.

Ростов-на-Дону — 2017

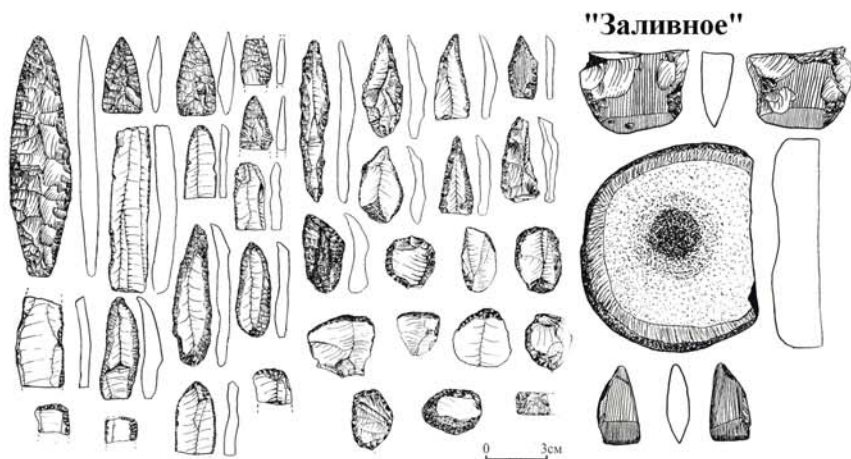
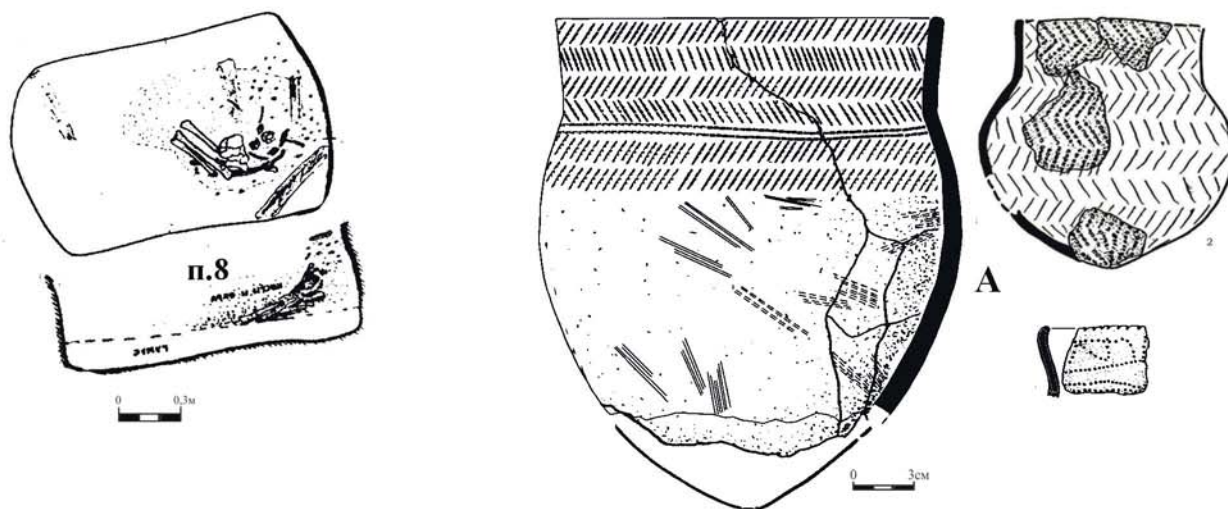

Рис. 2. Койсугский курганный могильник, к.1, п.8; А - сосуды из первой насыпи. Местонахождение Заливное.

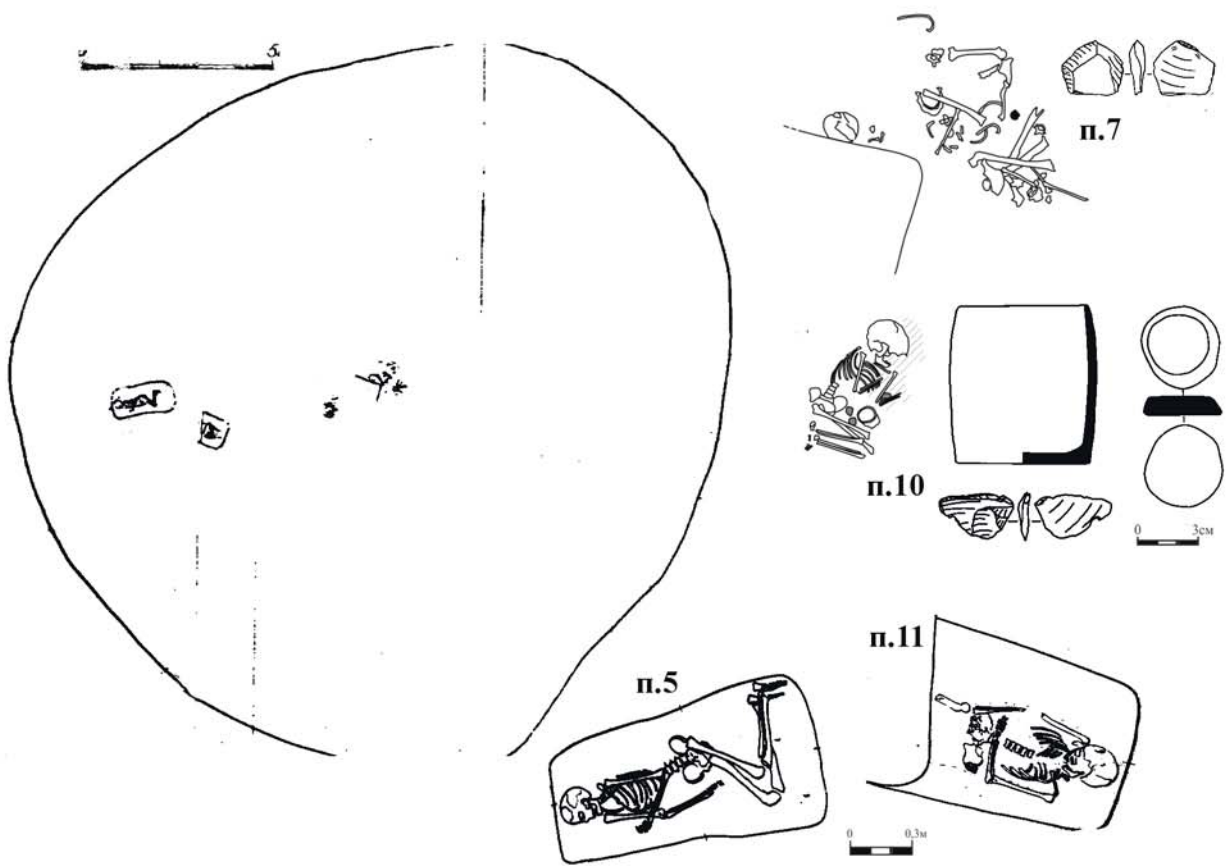

Рис. 3. Койсугский курганный могильник, к.2, п.5, 7, 10, 11.

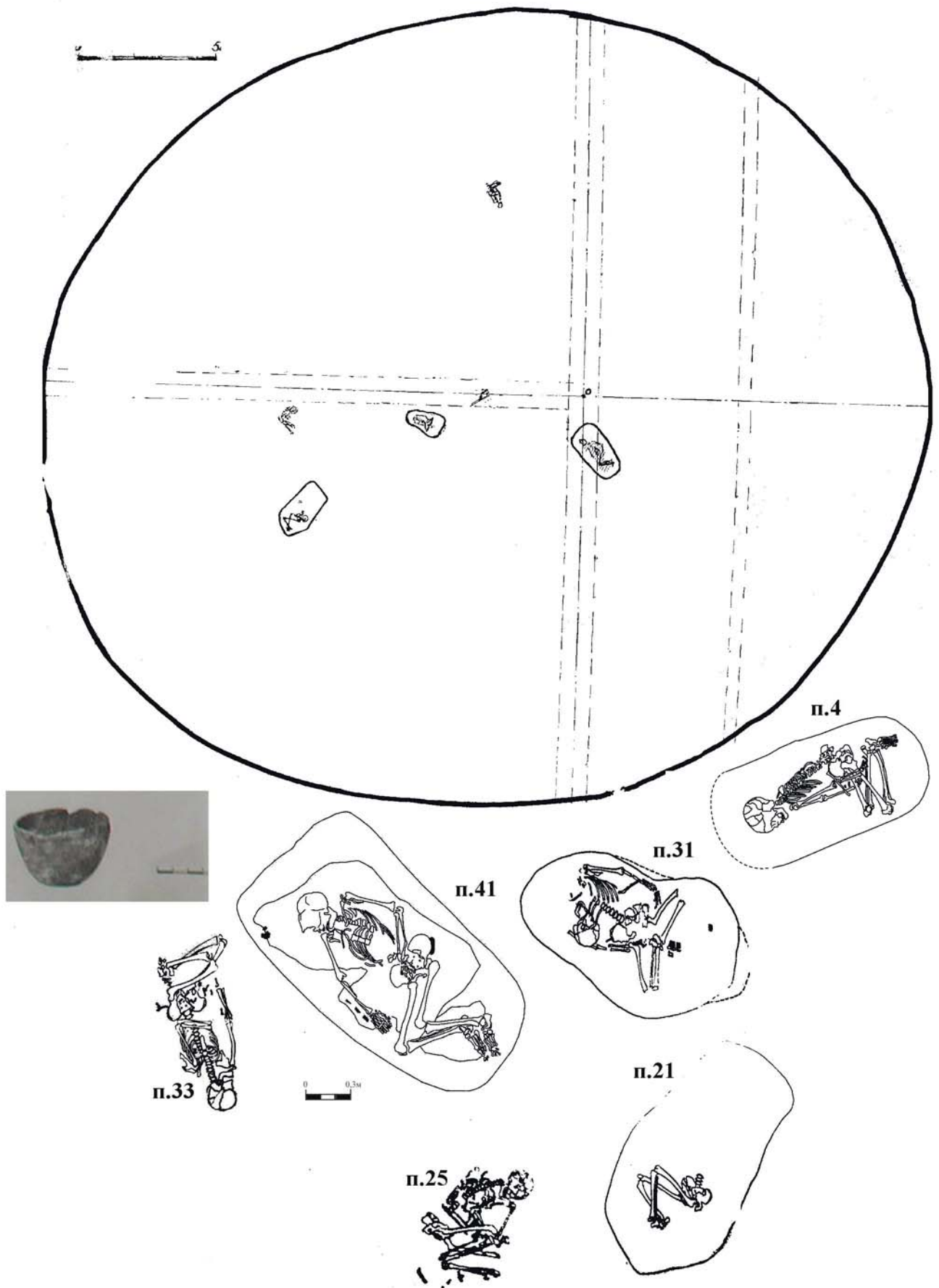

Рис. 4. Койсугский курганный могильник, к.4, п.21, 25, 31, 33, 41.

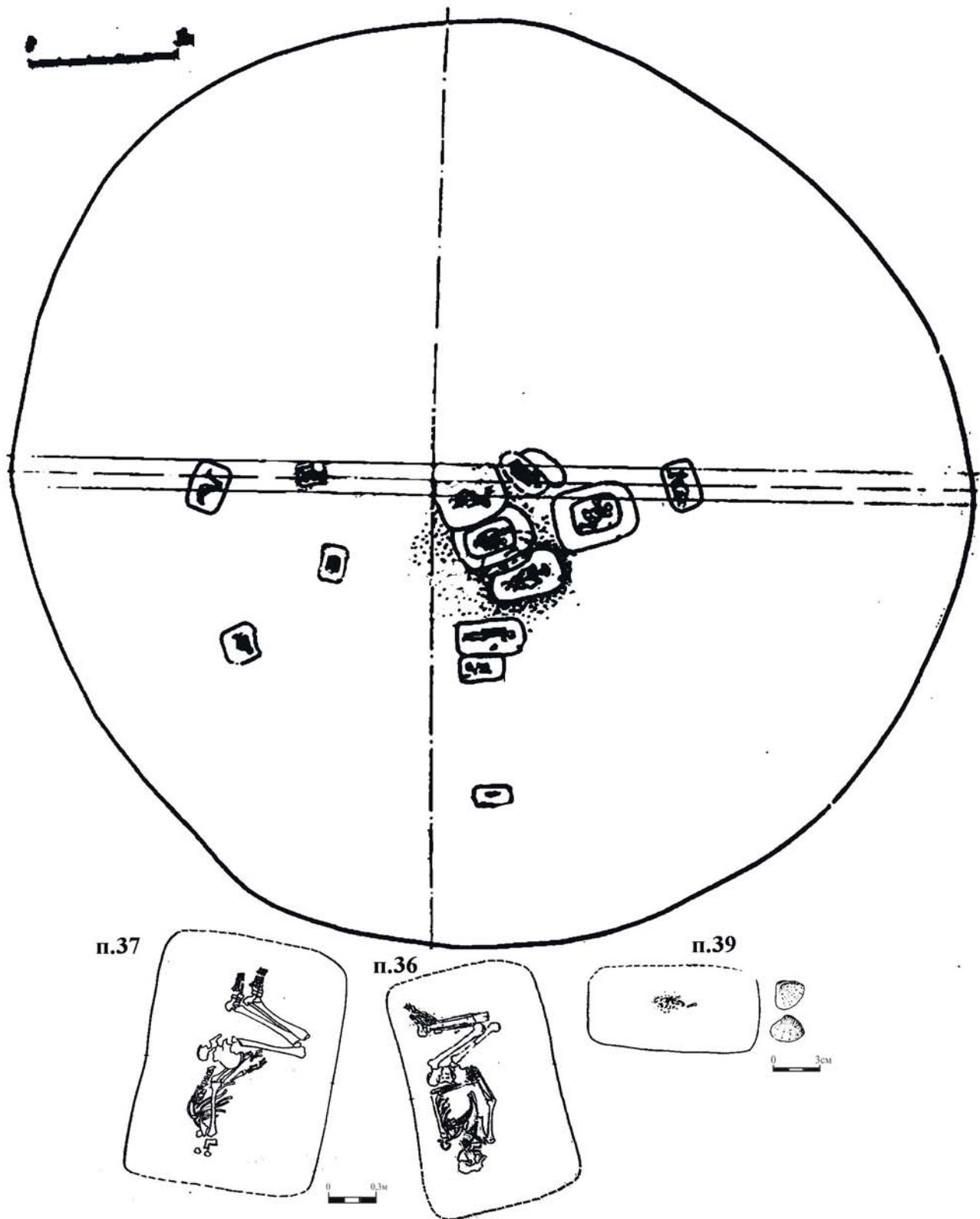

Рис. 5. Койсугский курганный могильник, к.5, п.36, 37, 39.

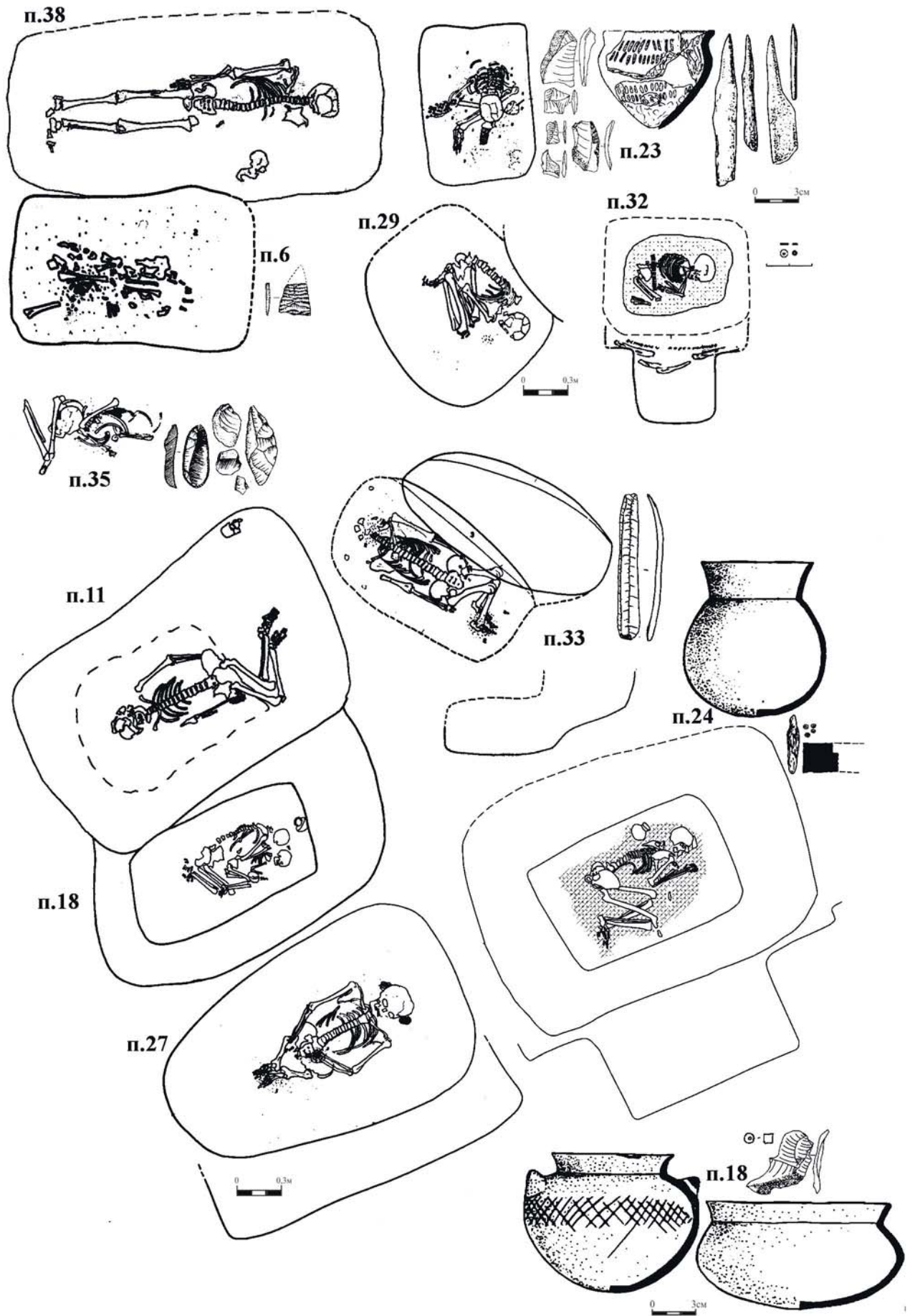

Рис. 6. Койсугский курганный могильник, к.5, п. 6, 11, 18, 23, 24, 27, 29, 33, 35, 38.

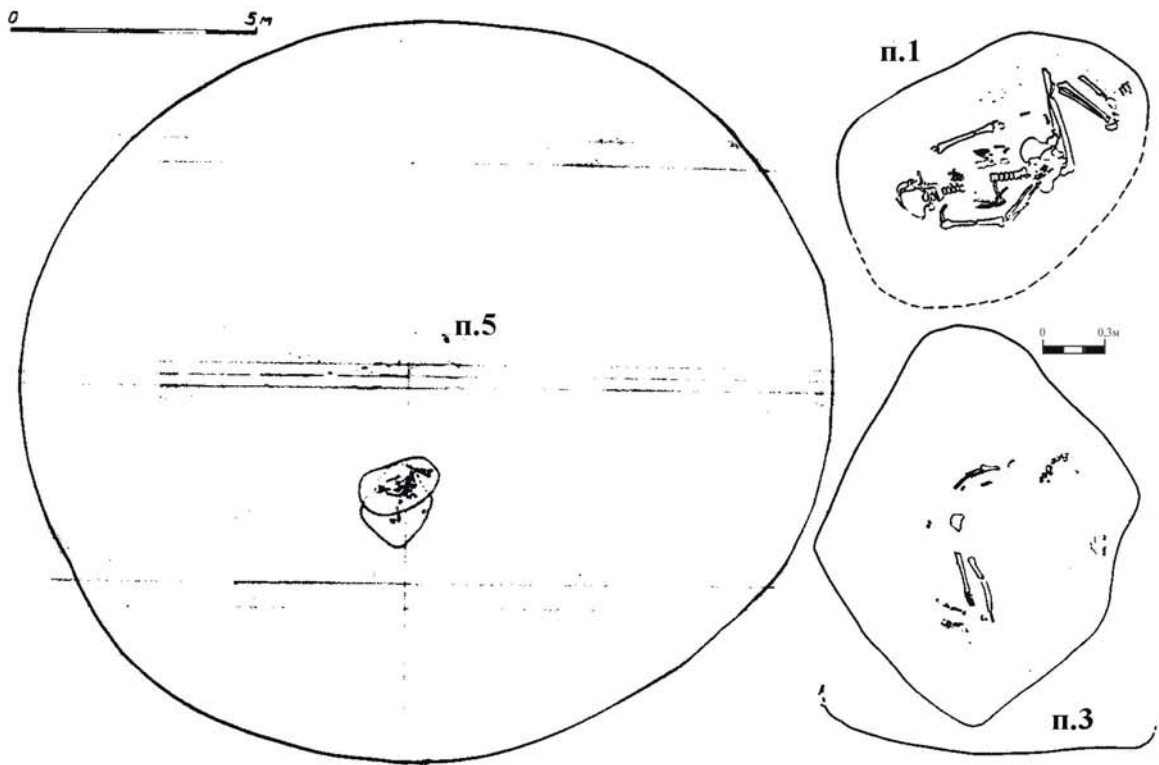

Рис. 7. Койсугский курганный могильник, к.6, п.1, п.3, п.5;

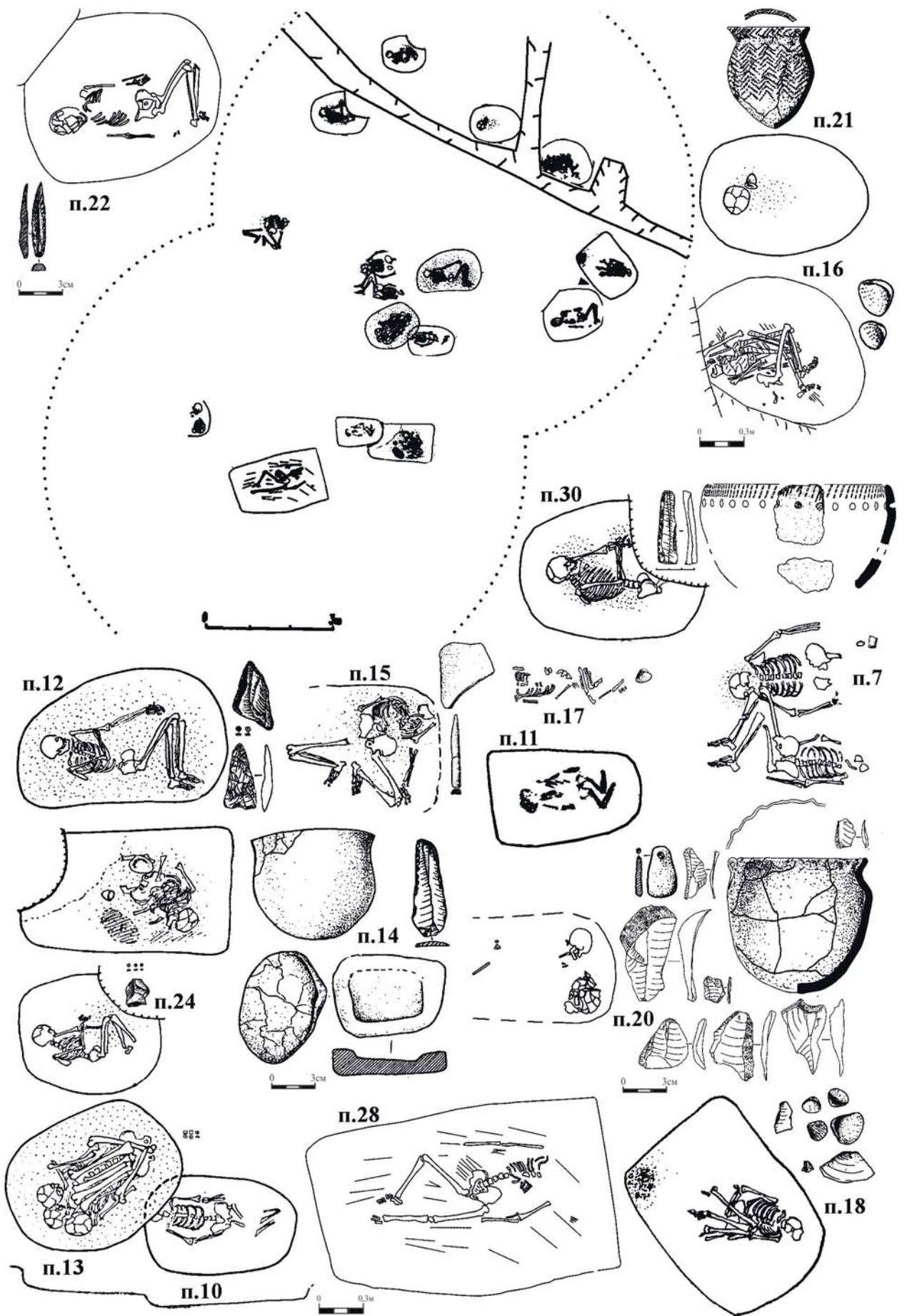

Рис. 8. Койсугский курганный могильник, к.7, п.7, 10-14, 16-18, 20-22, 28, 30.

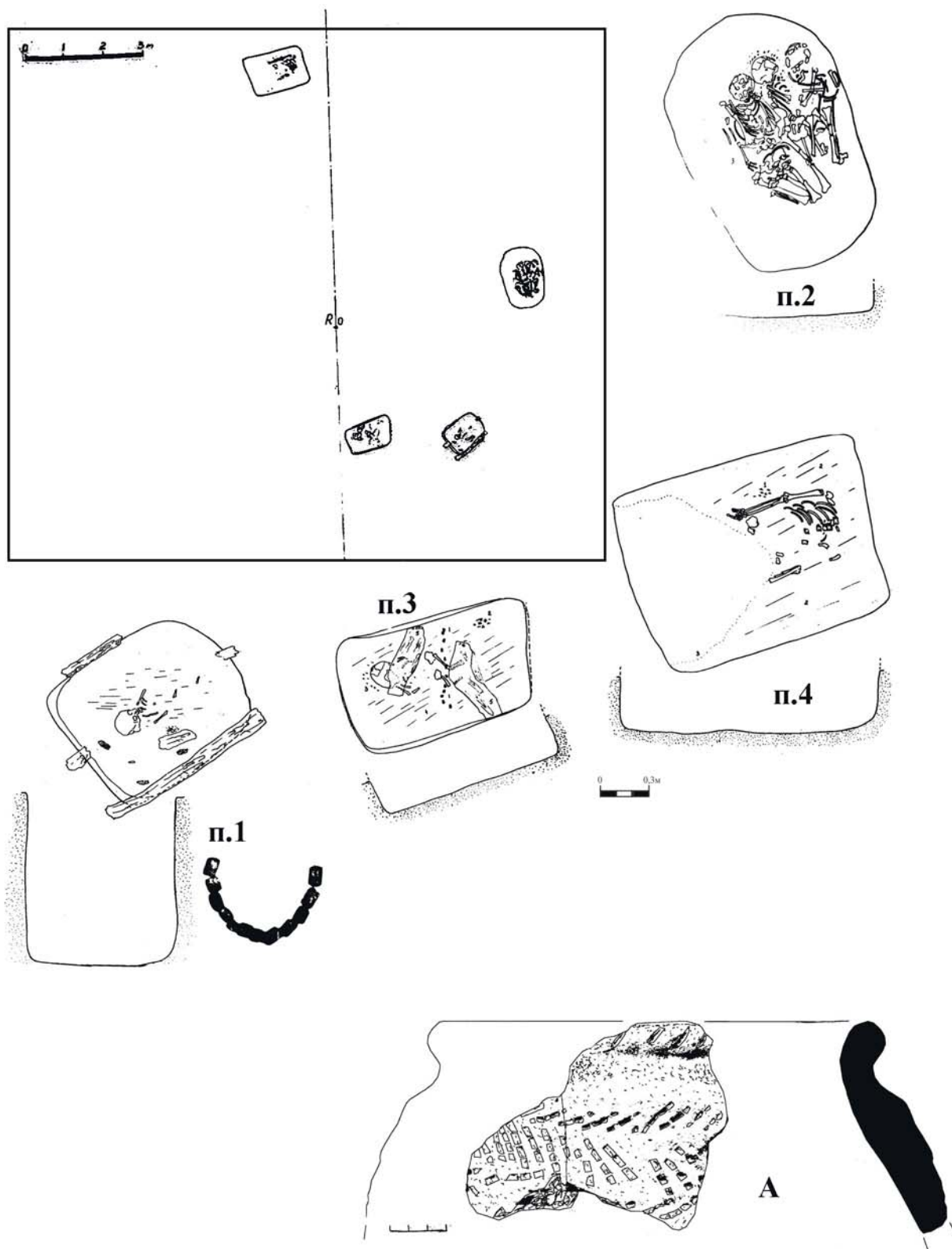

Рис. 9. Курганный могильник Кулешовка (1971), к.4, п.1-4, А - сосуд из насыпи кургана 1.

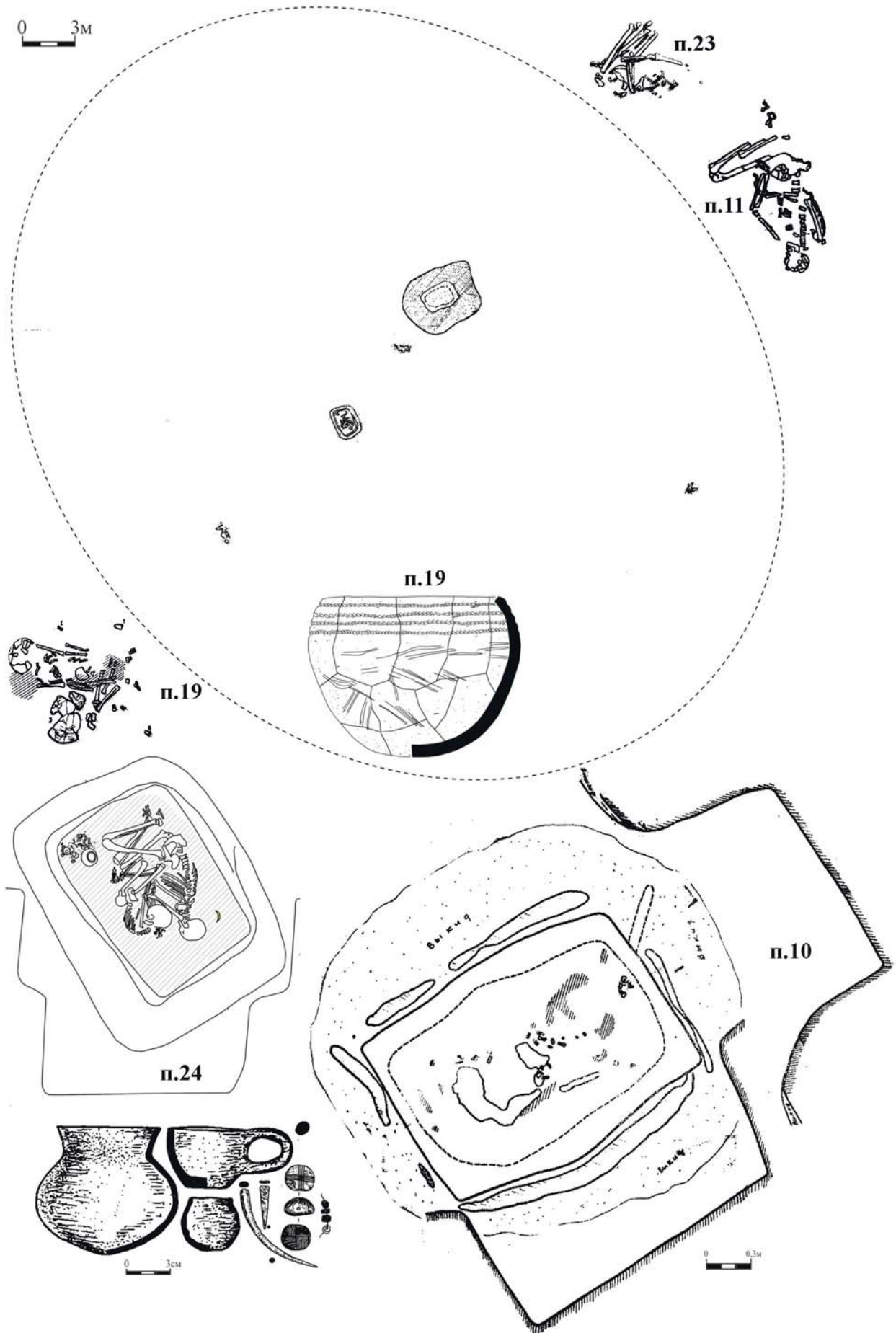

Рис. 10. Курганная группа Радутка, к.1, п.10, 11, 19, 23, 24.

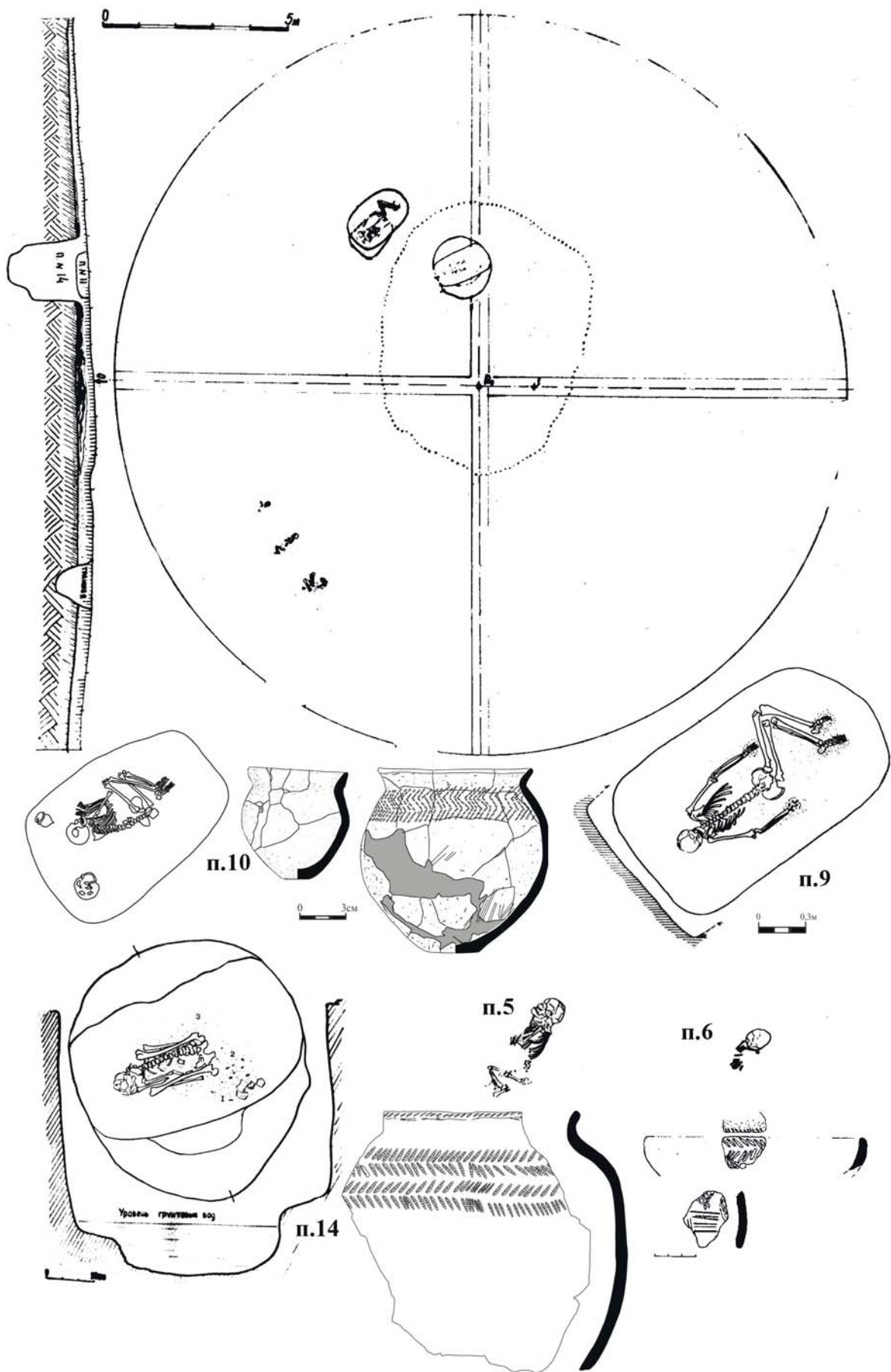

Рис. 10. Курганная группа Радутка, к.3, п.4-6, 9, 10, 14.

С ↑									п.28	п.26
				п.17	п.1	п.13			п.24	
	п.37	п.32	п.19		п.16	п.14				
	п.34		п.18							
п.20 п.21										

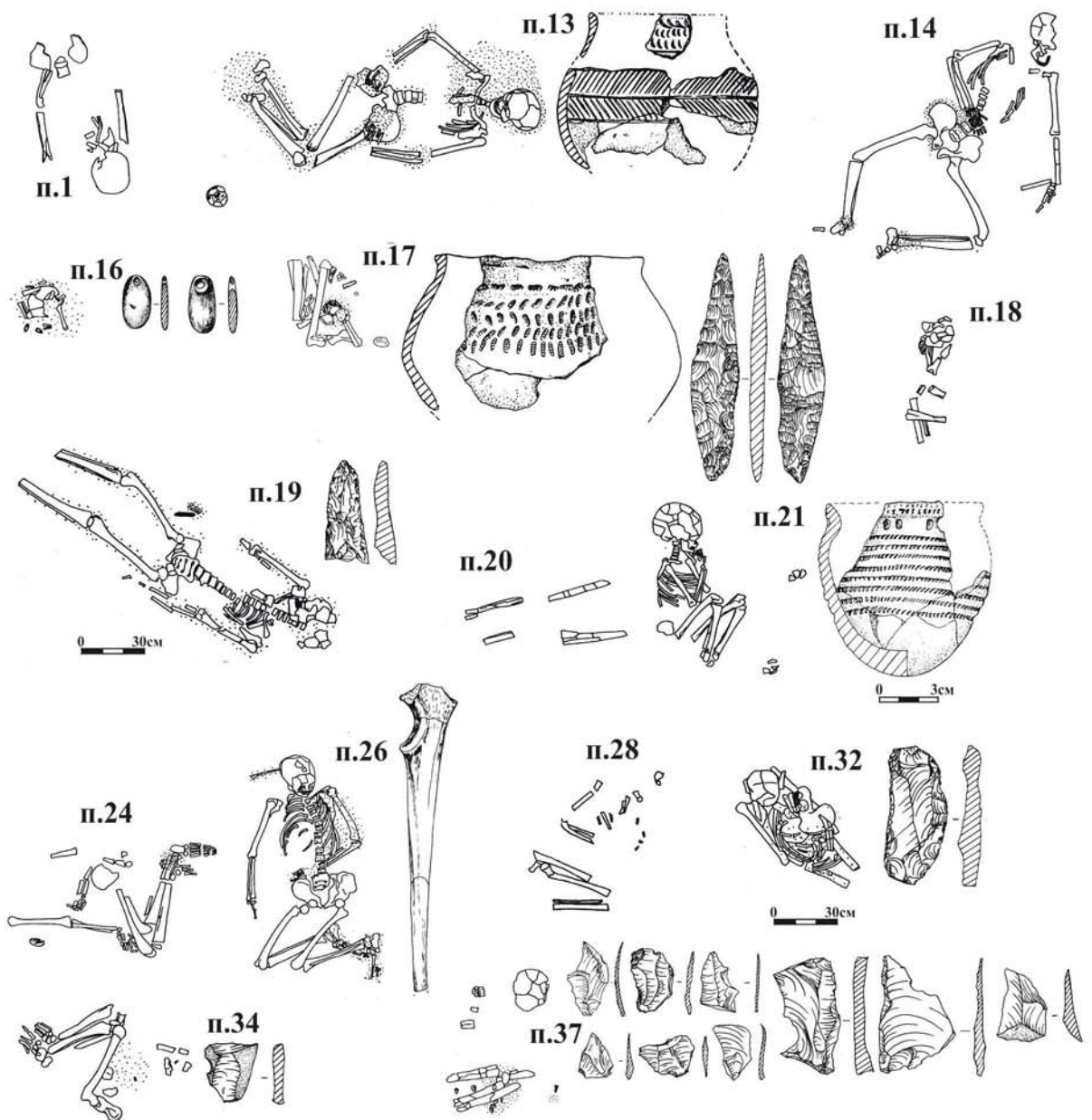

Рис. 12. Грунтовый могильник Дюнное I, п.13, 14, п.16-21, 24, 26, 28, 32, 34, 37.

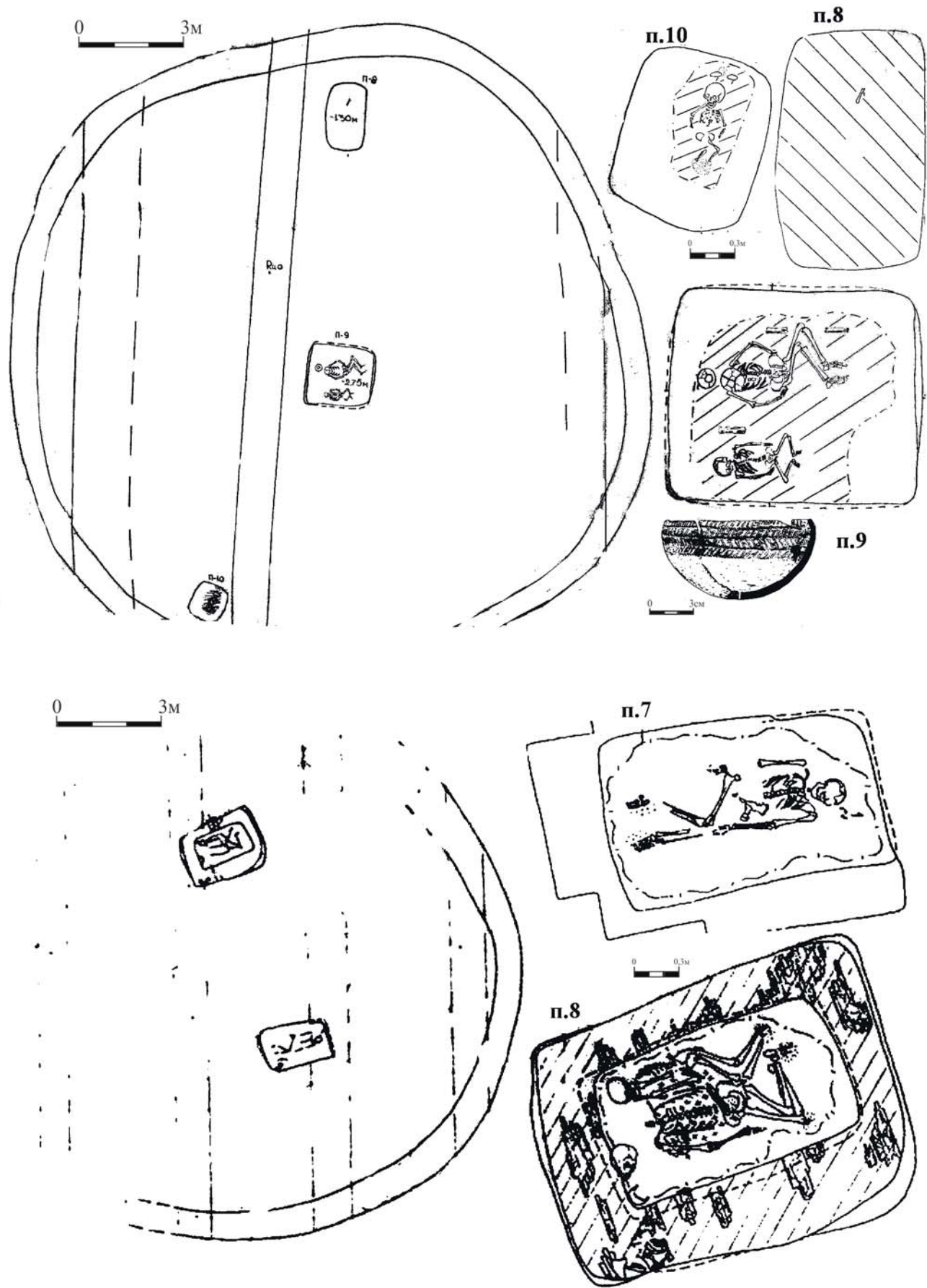

Рис. 13. Курганный могильник "Красногоровка III", к.12, п.8, п.9, п.10.
Курганный могильник "Красногоровка I", к.22, п.7, п.8.

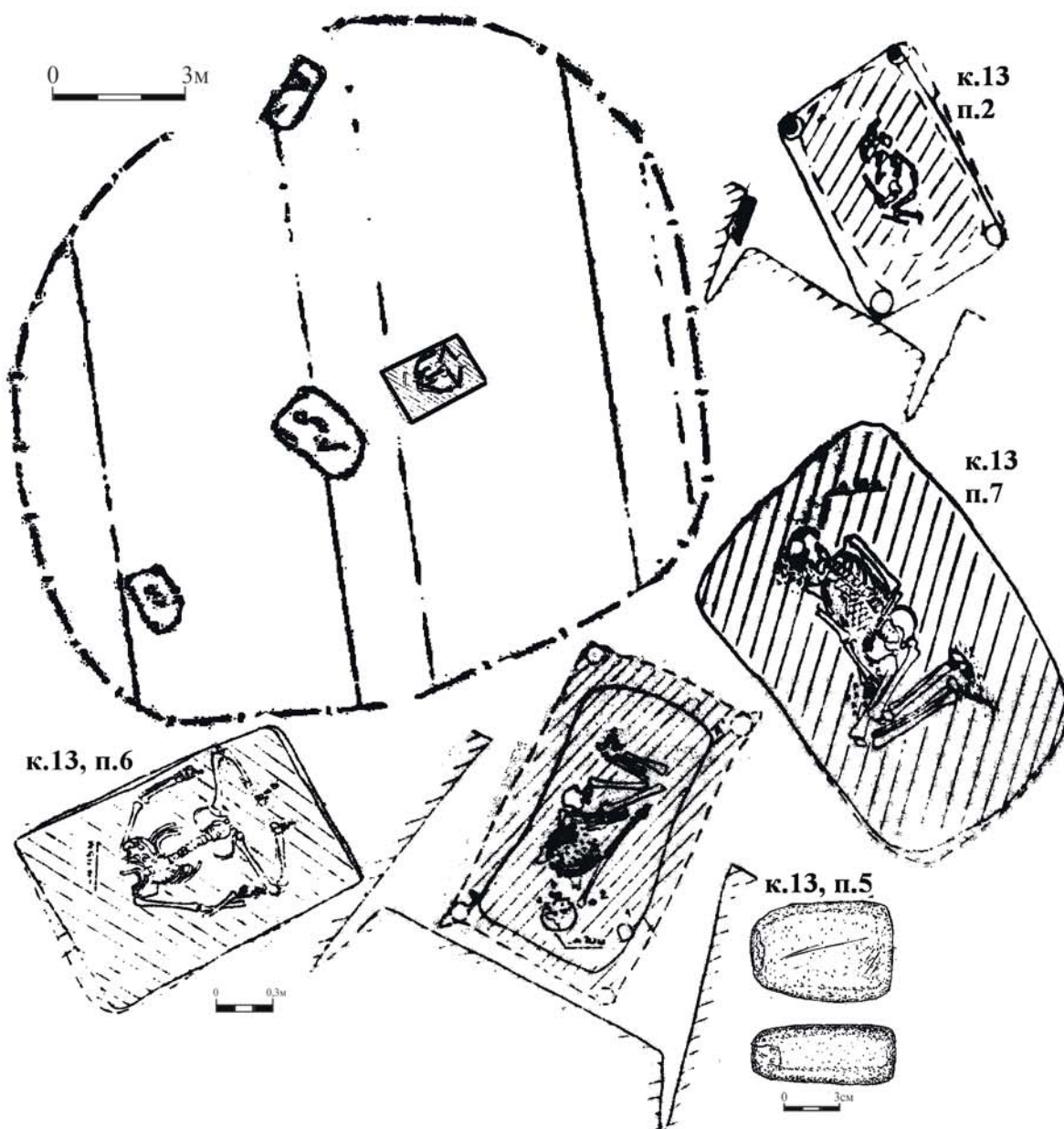

Рис. 14. Курганный могильник "Красногоровка", к.13, п.2, п.5, п.6, п.7.

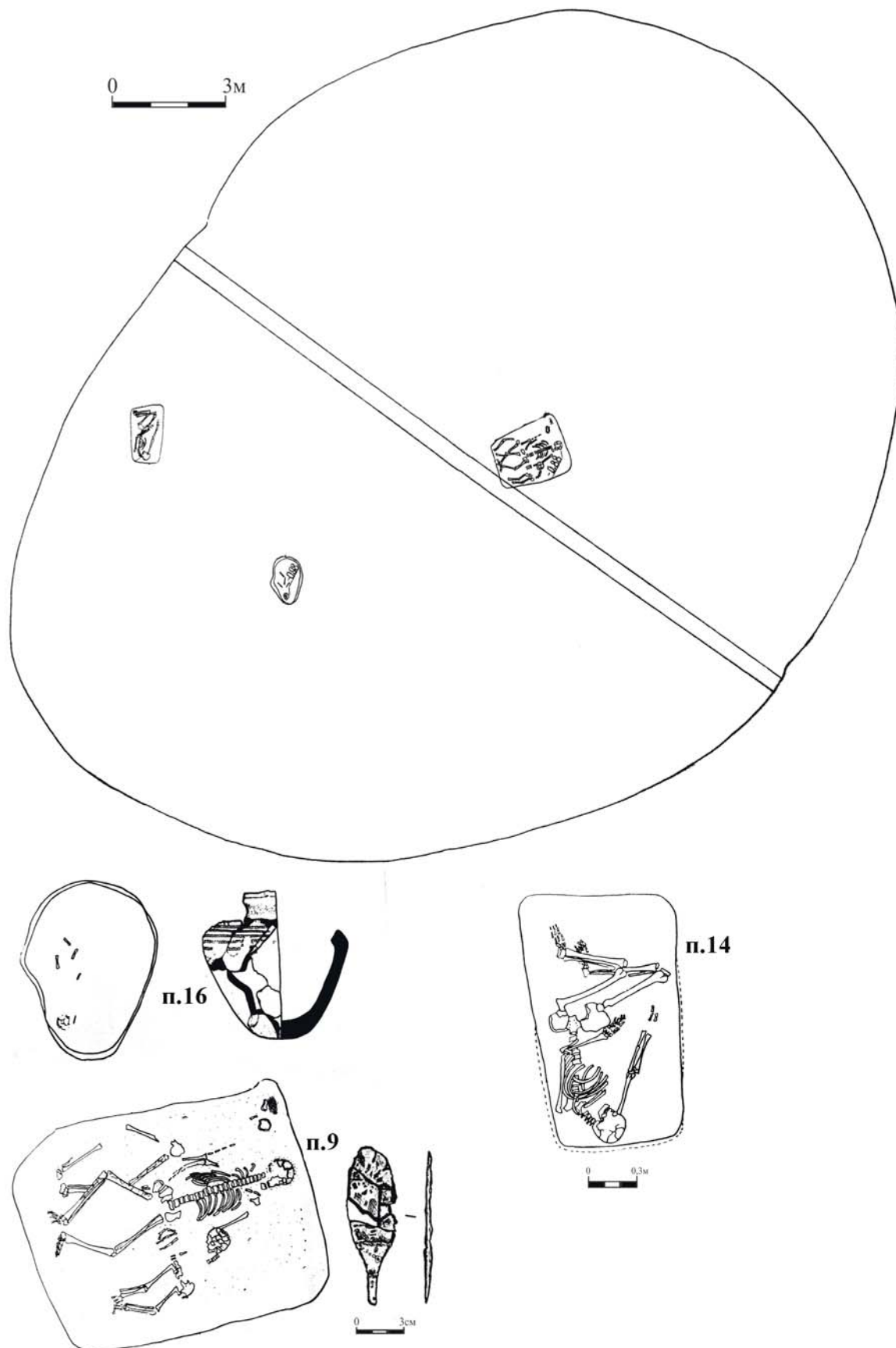

Рис. 15. Курганный могильник "Кулешовка-Дачи", к.1, п.9, п.14, п.16.

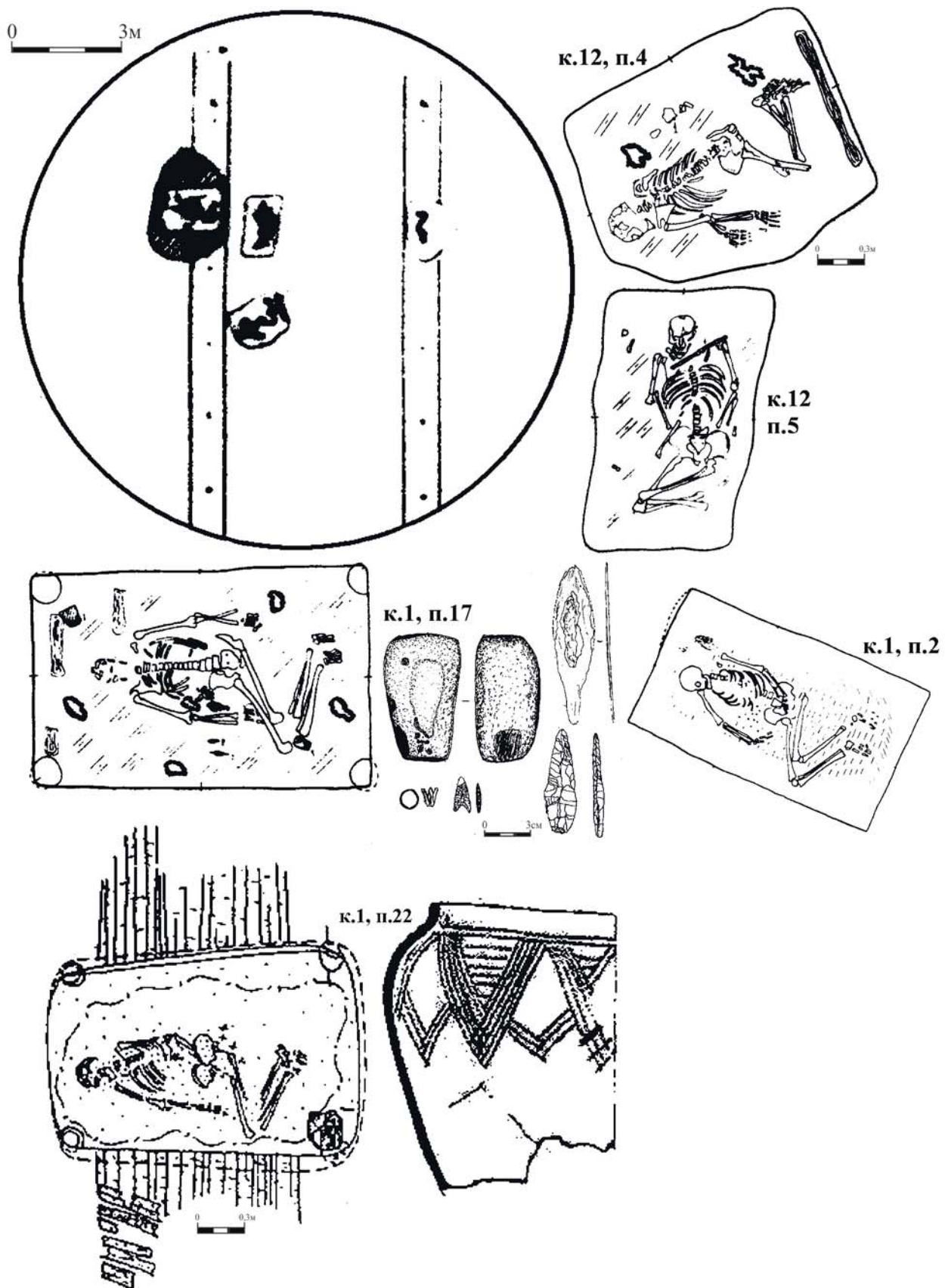

Рис. 16. Курганный могильник Спичаковка, к.11, п.22.
 Курганный могильник Новоалександровка I, к.12, п.4, п.5, п.17.
 Курган на территории крепости г. Азова, к.1, п.2.

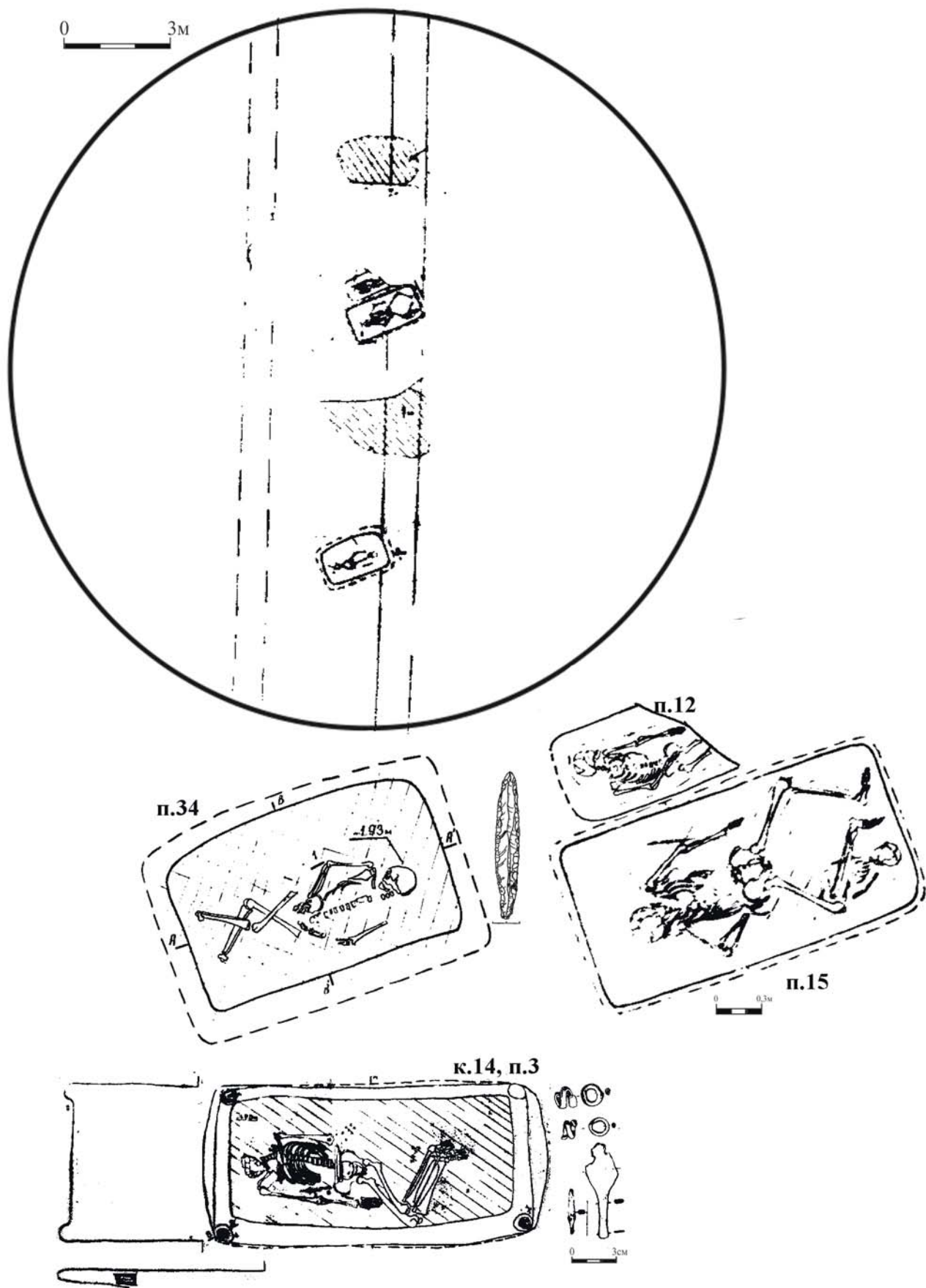

Рис. 17. Курганный могильник Кулешовка, к.1, п.12, 15, 34.
 Курганный могильник Красногоровка I, к.14, п.3.

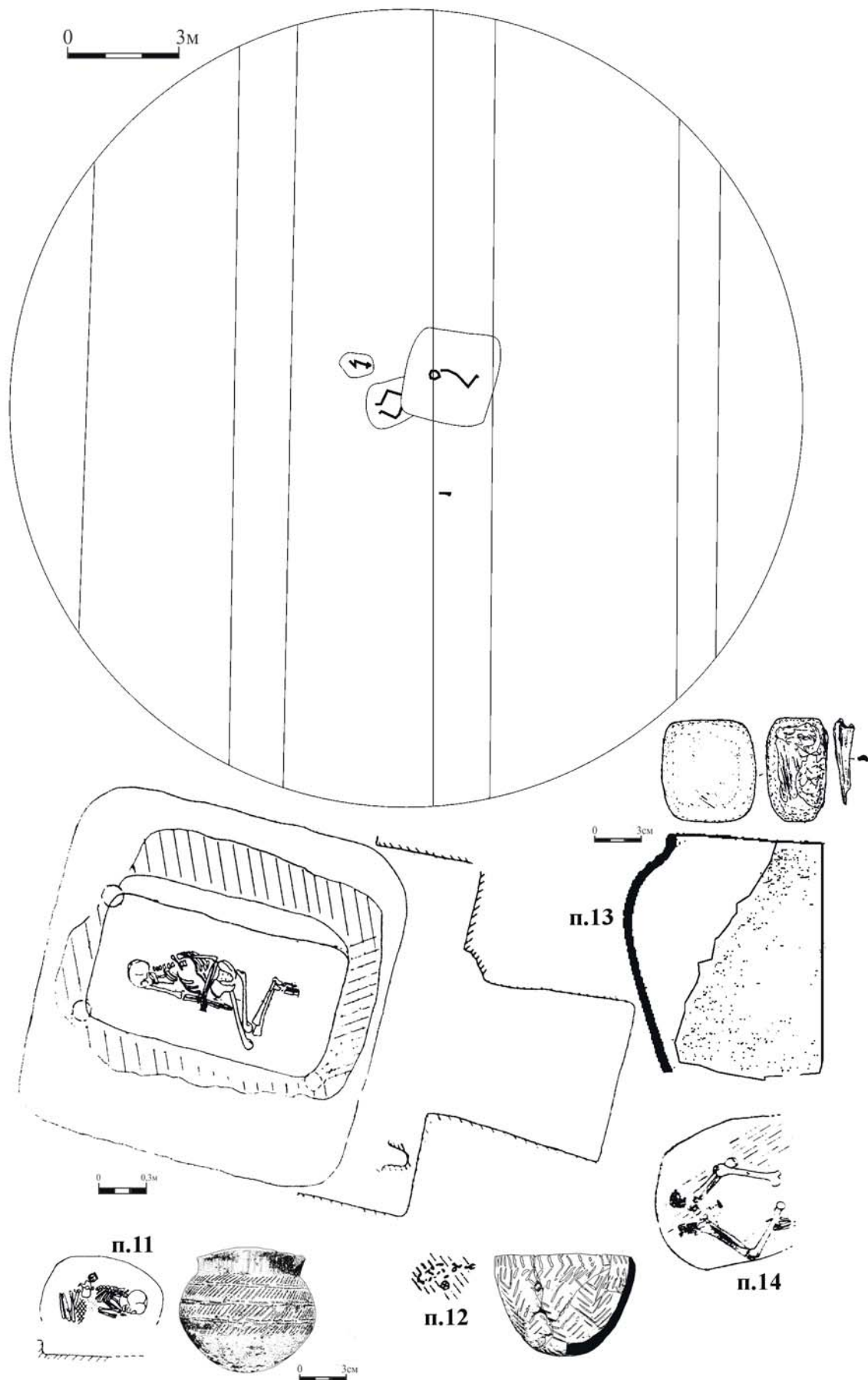

Рис. 18. Курганный могильник Красногоровка I, к.1, п.11-14.

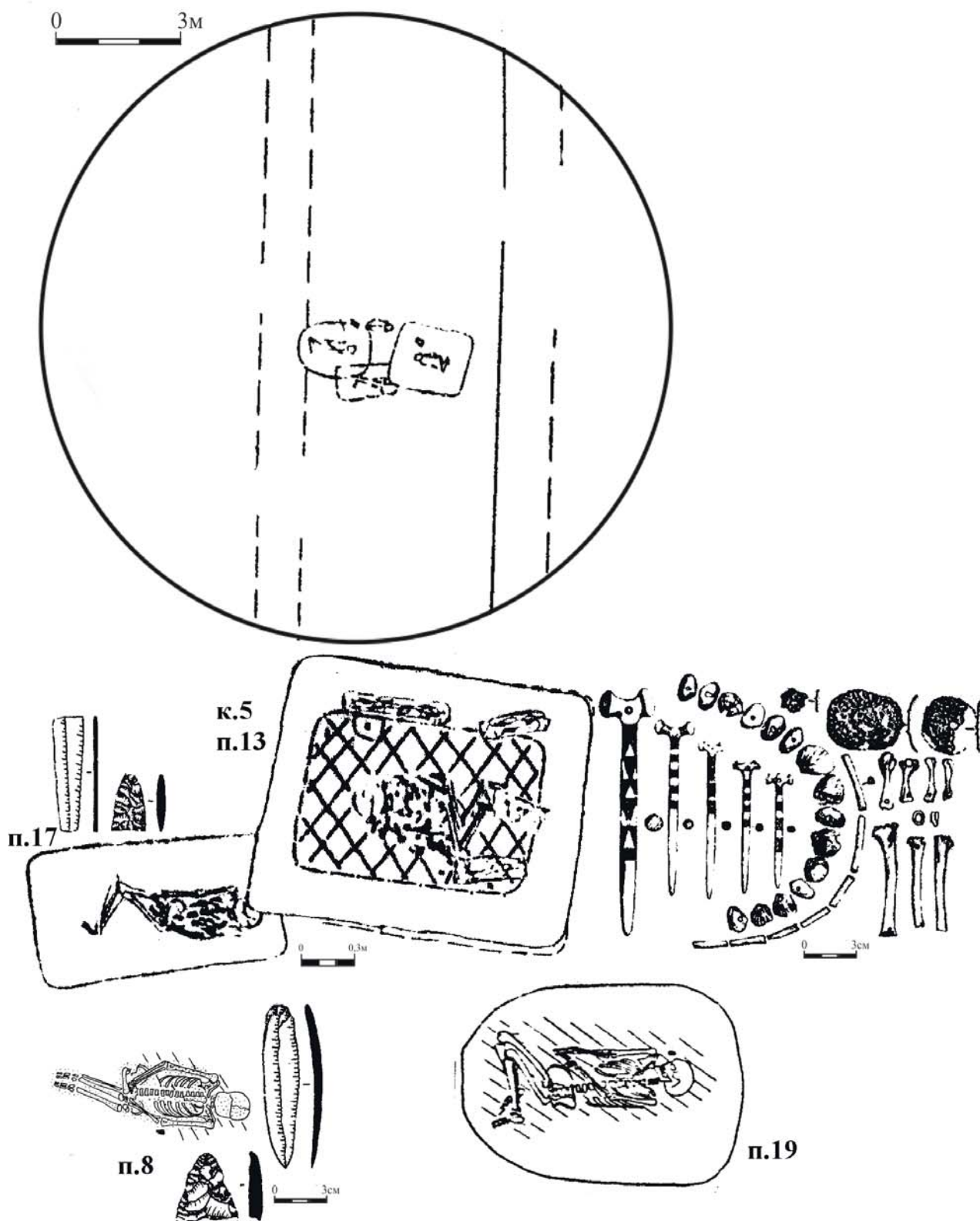

Рис. 19. Курганный могильник Красногоровка Ш, к.5, п.8, 13, 17, 19.

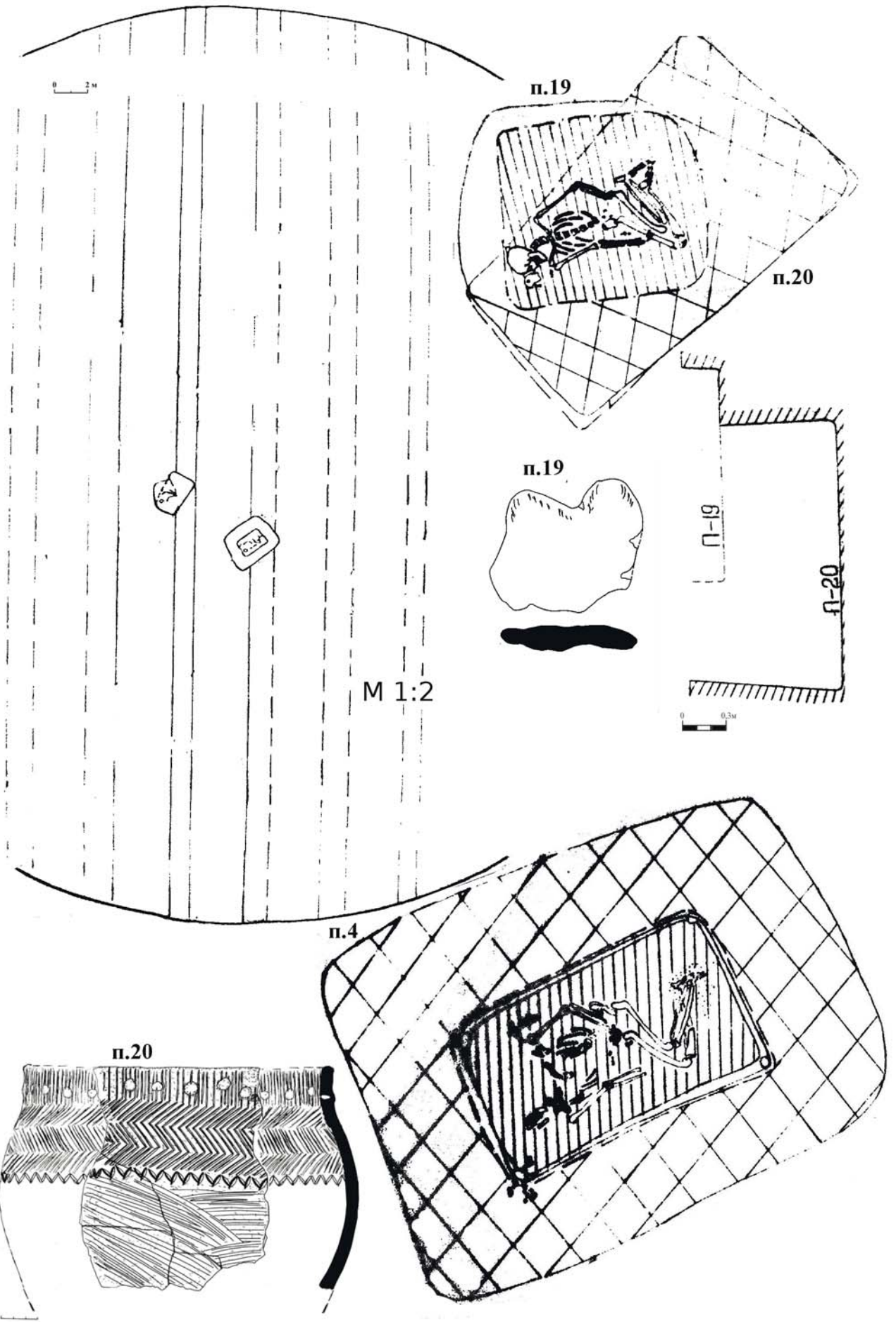

Рис. 20. Курганный могильник Кулешовка (1986), к.3, п.4, 19, 20.

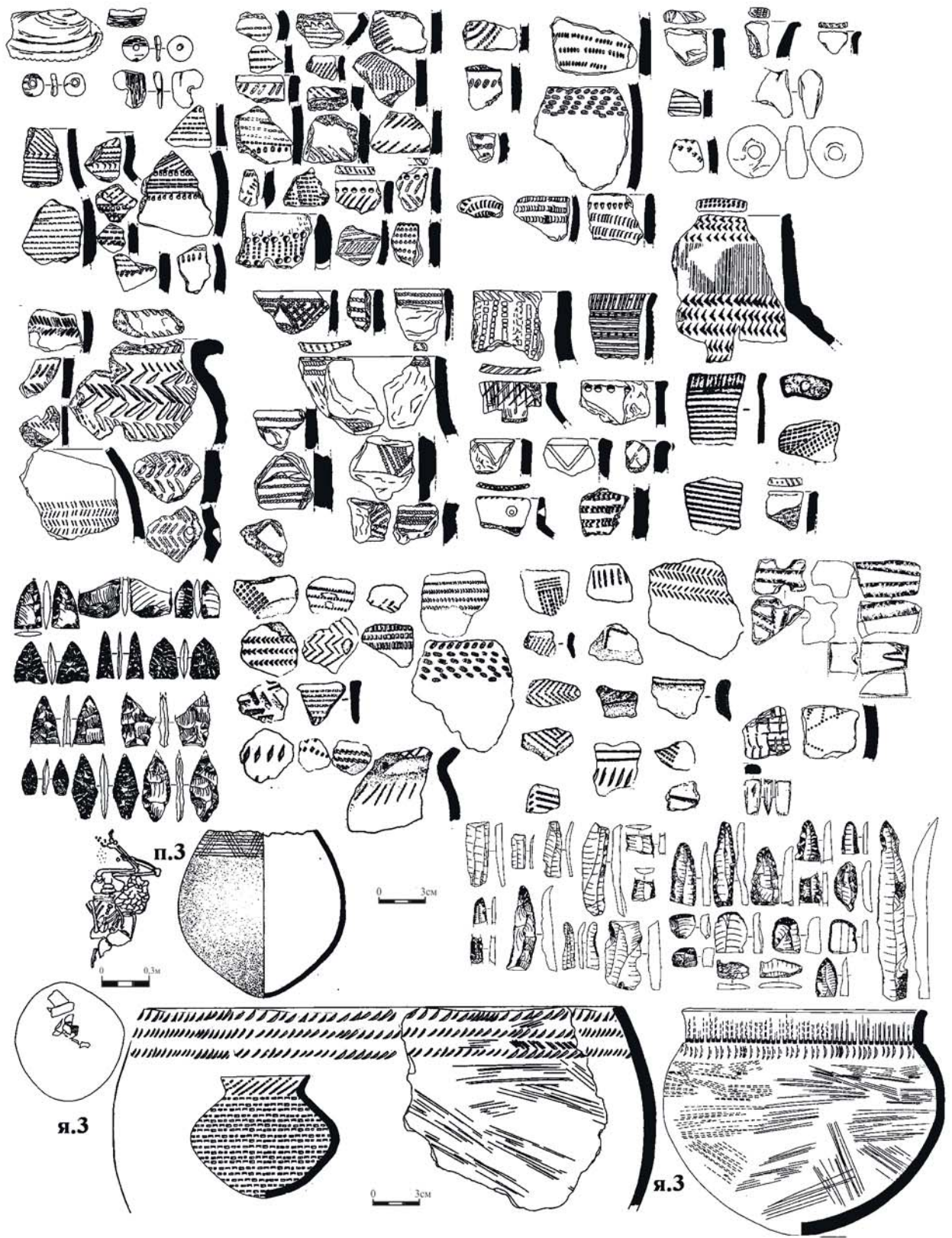

Рис. 21. Поселение Батай I, керамика, кремнь. Яма 3, п.3.

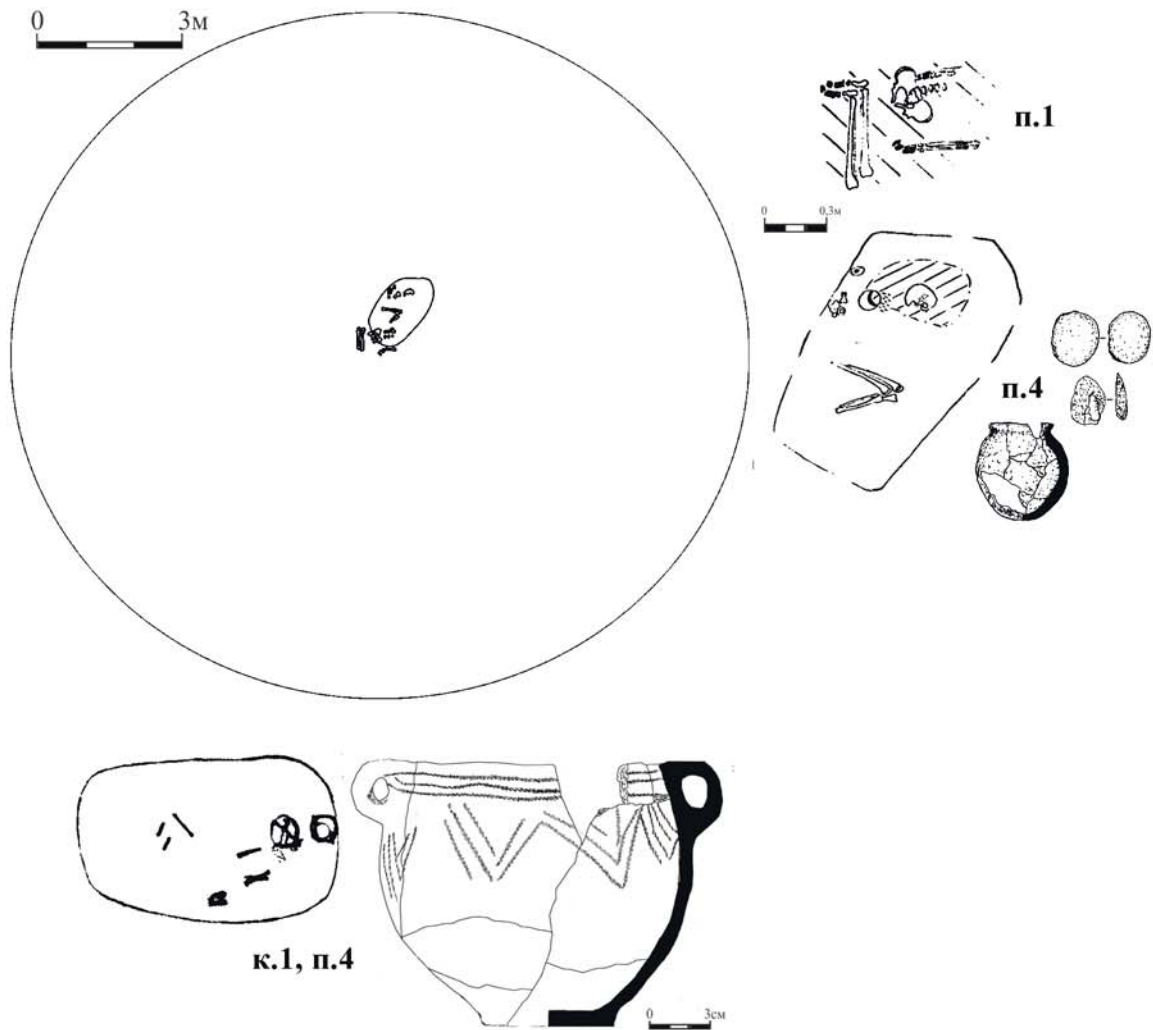

Рис. 22. Курганный могильник Красногоровка III, к.1, п.4, к.11, п.1, 4.

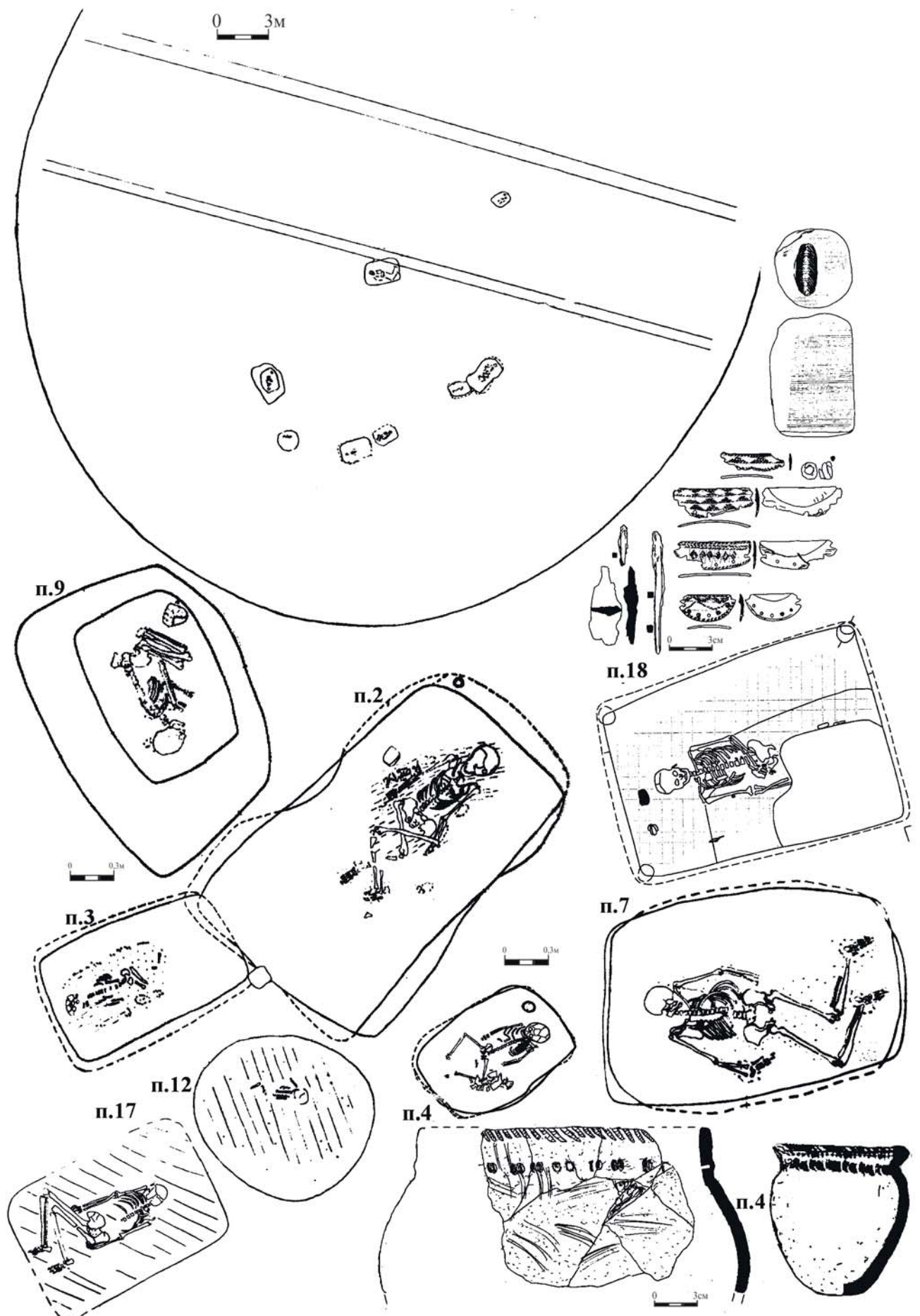

Рис. 23. Курганный могильник Петровка (Васильево-Петровка), к.1, п.2-3, 4, 7, 9, 12, 17, 18.

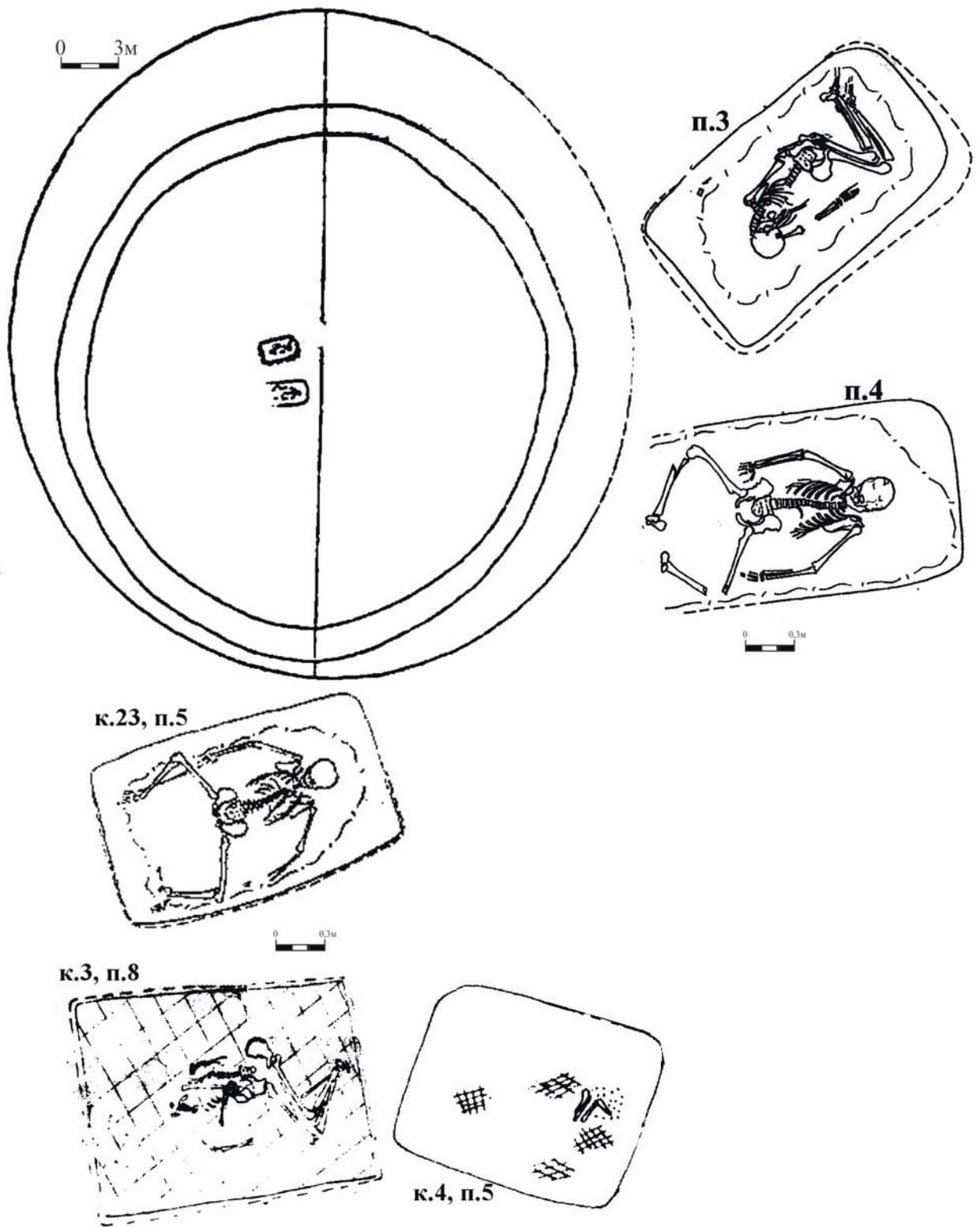

Рис. 24. Курганный могильник Красногоровка I, к.4, п.5; к.16, п.3-4; к.23, п.5.

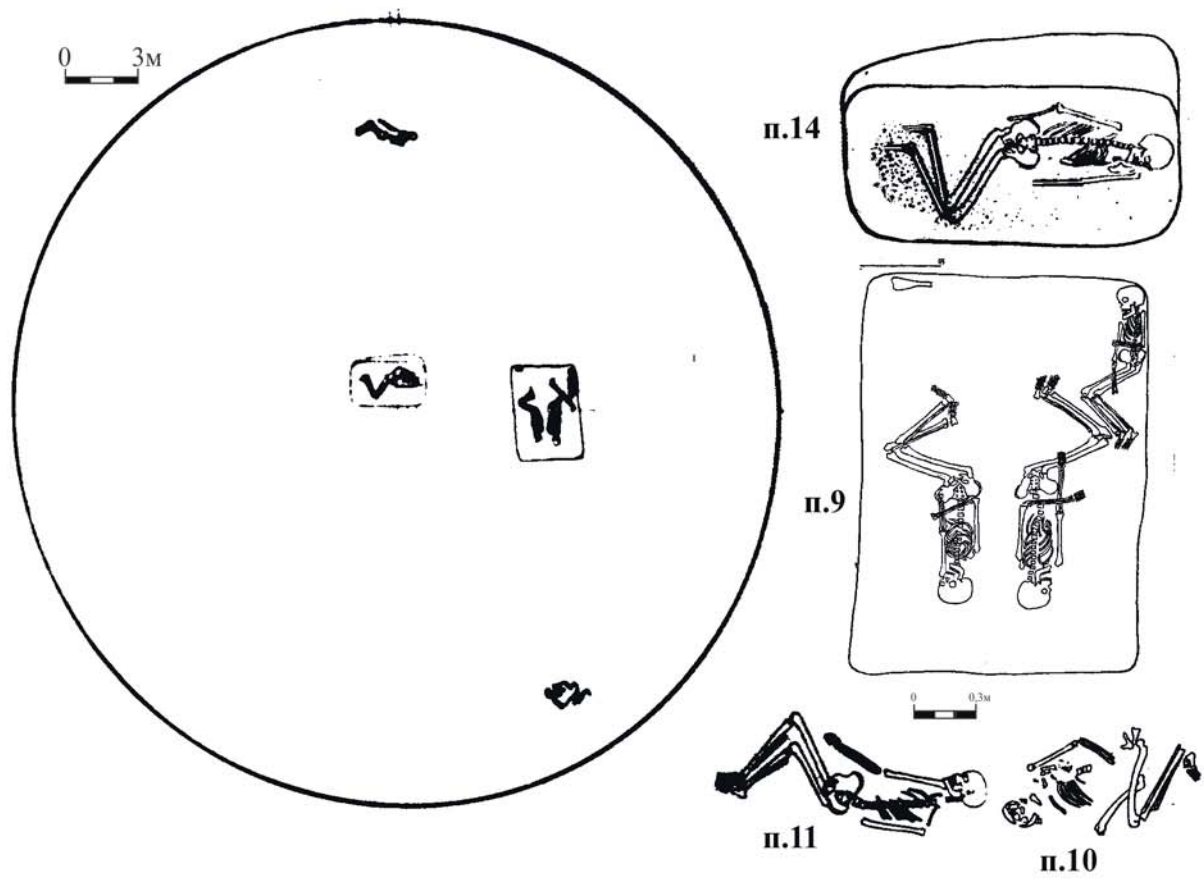

Рис. 25. Курганный могильник Сонино, к.1, п.9-11, п.14.

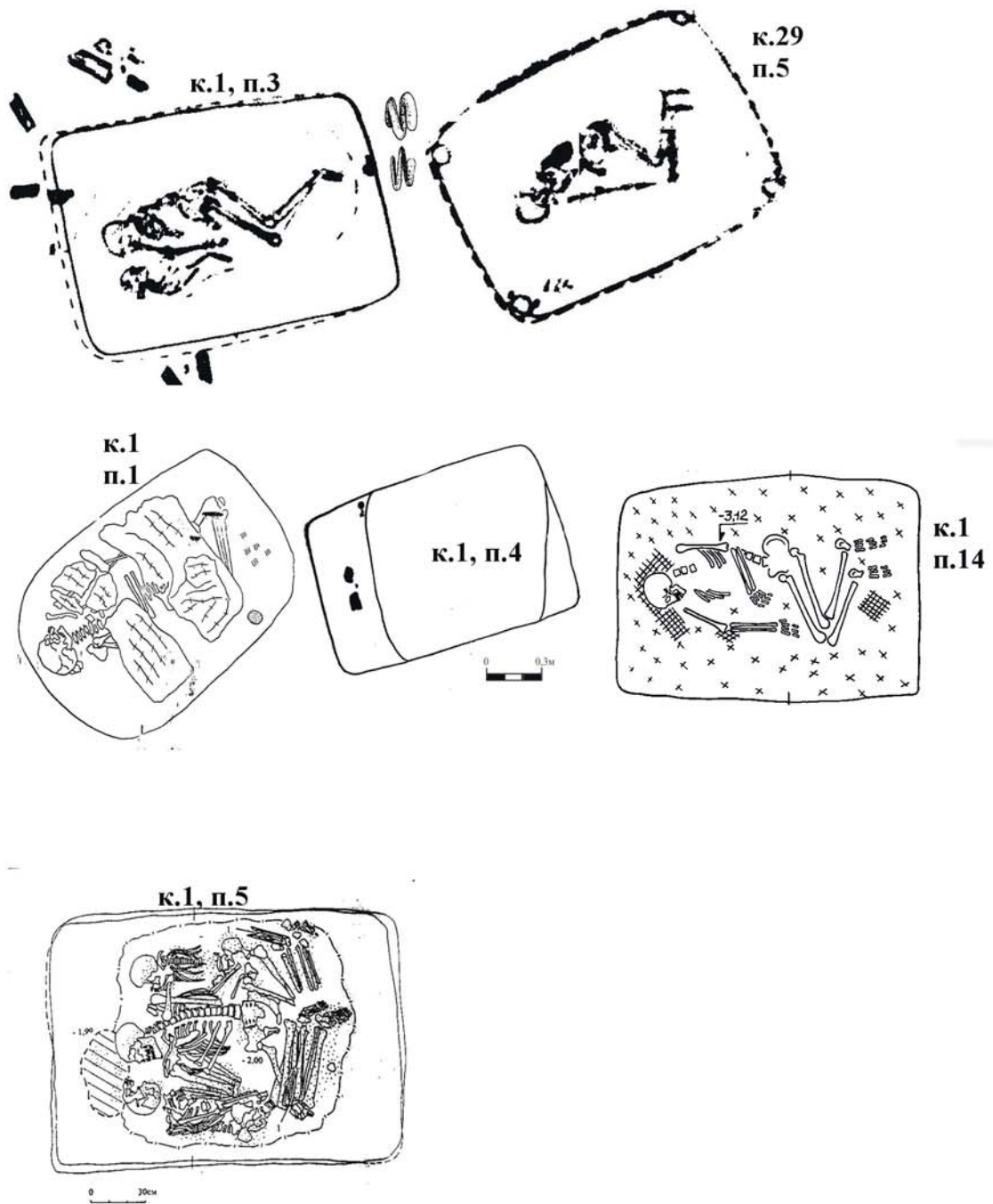

Рис. 26. Курганный могильник Высочино VII, к.1, п.3; к.29, п.5. Курганный могильник Кагальник, к.1, п.1. Курганный могильник Рясни, к.1, п.14. Курганный могильник Степнянский II, к.1, п.5.

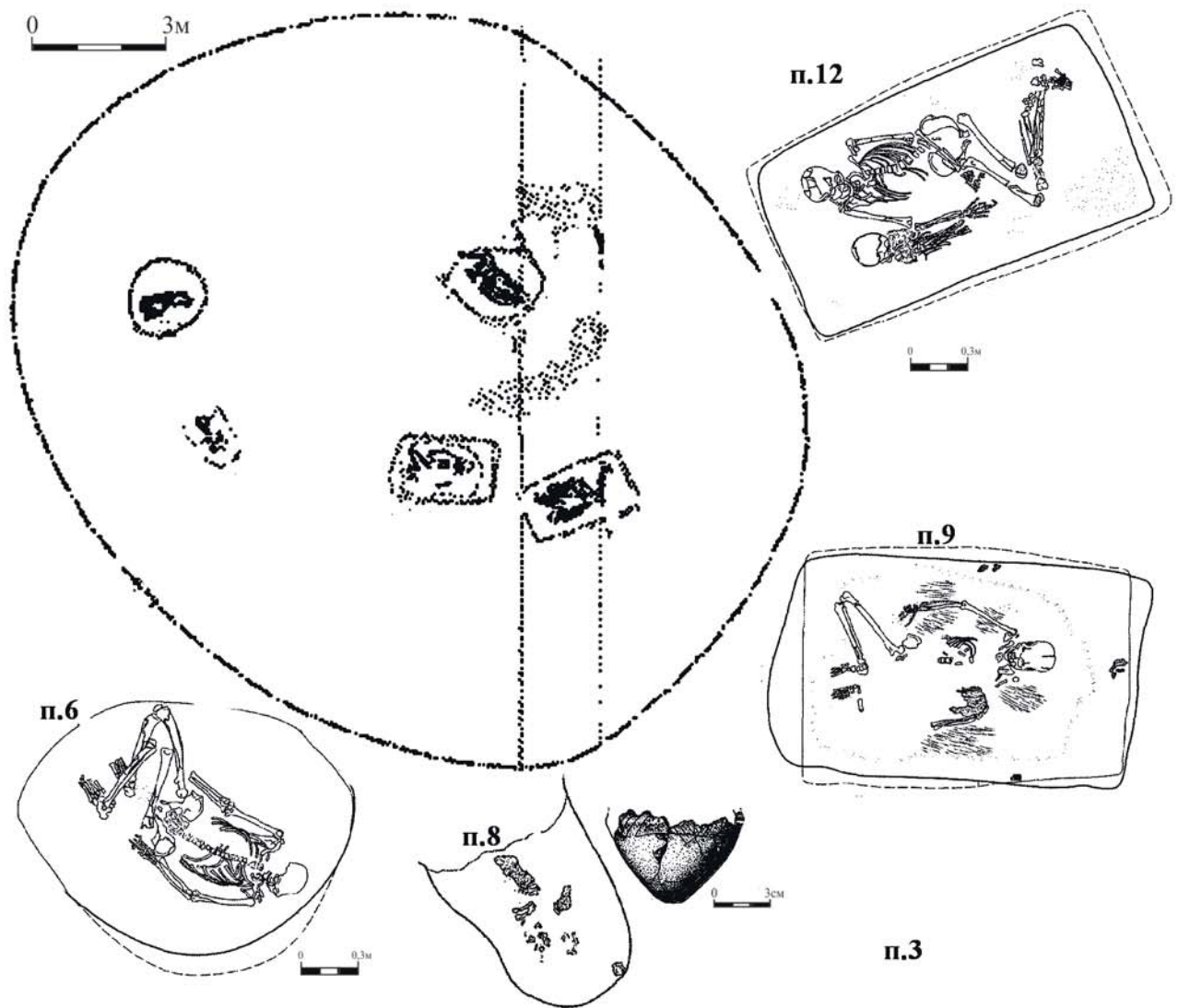

Рис. 27. Курганный могильник Приморский, к.1, п.3, 6, 8, 9, 12.

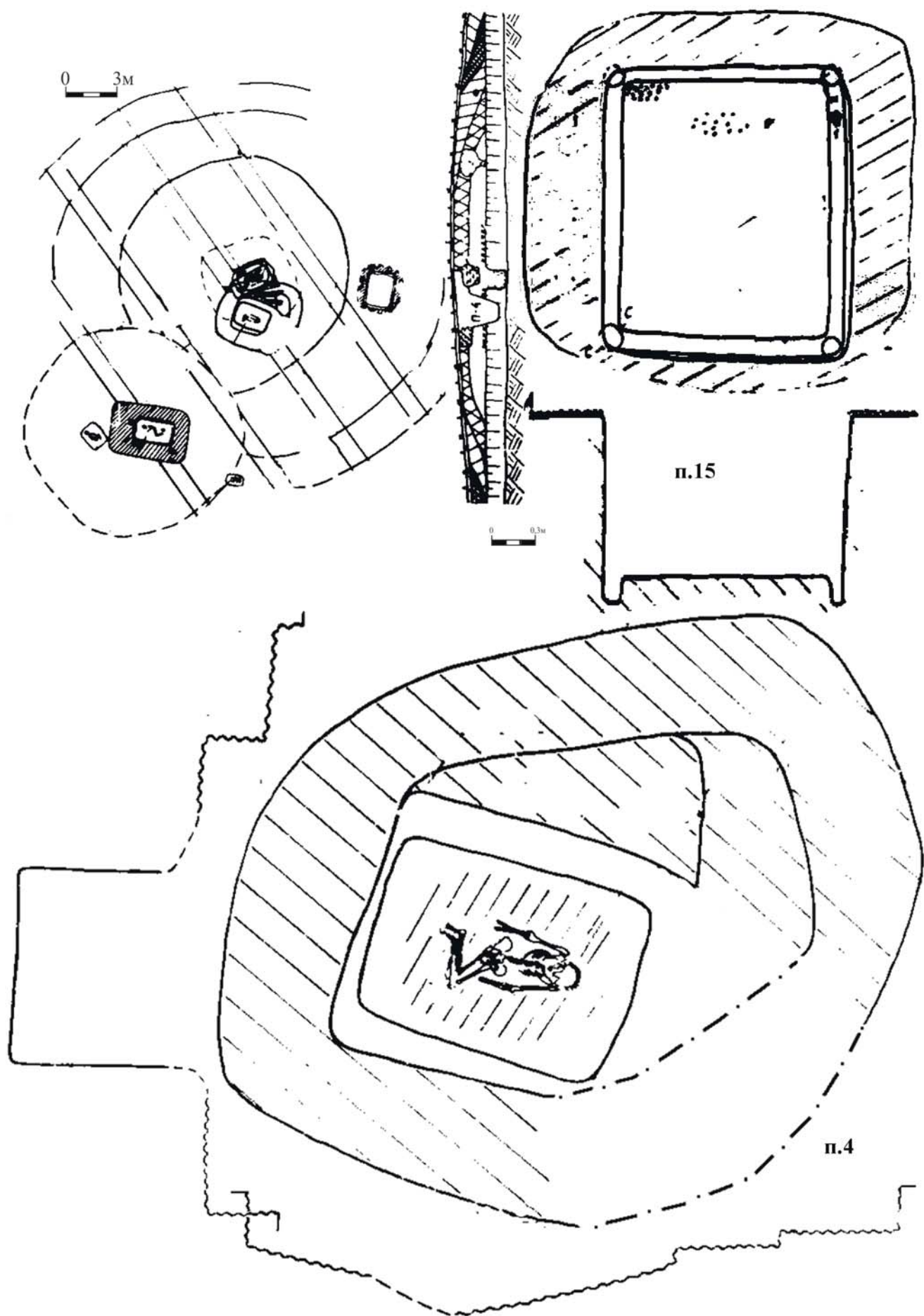

Рис. 28. Курганный могильник Кулешовка (1983), к.1, п.3, 4.

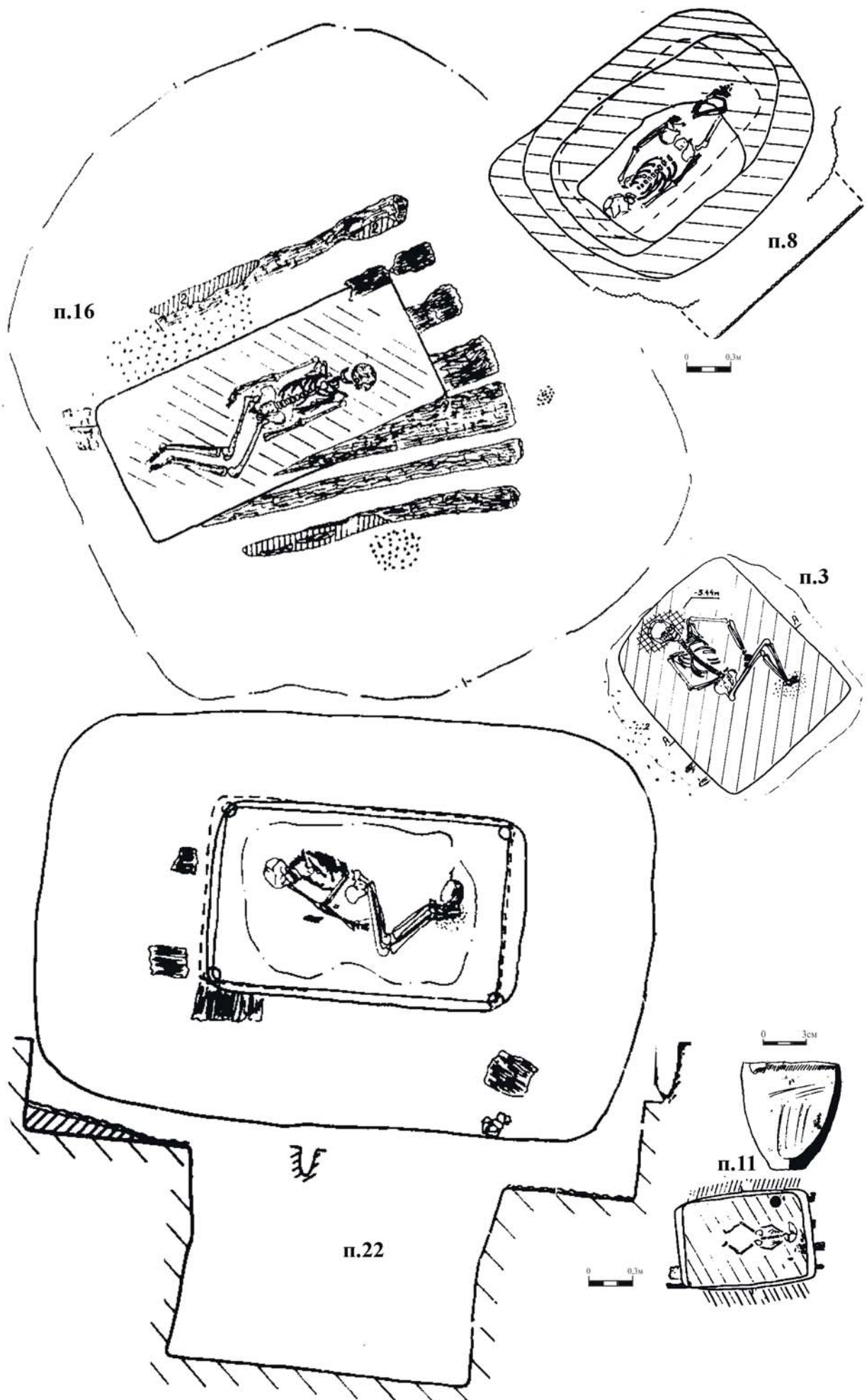
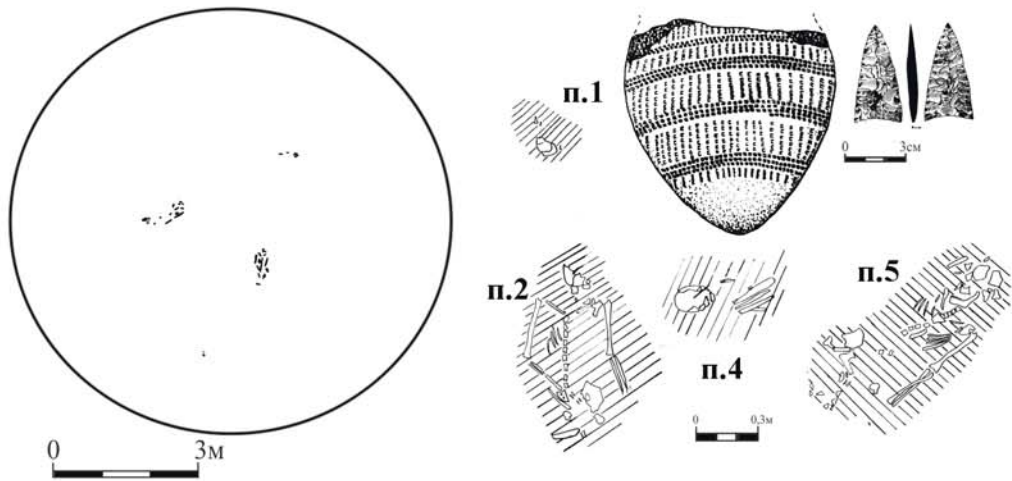

Рис. 29. Курганный могильник Кулешовка (1983), к.1, п.8, 11, 15, 16, 22.

"Лисовин"

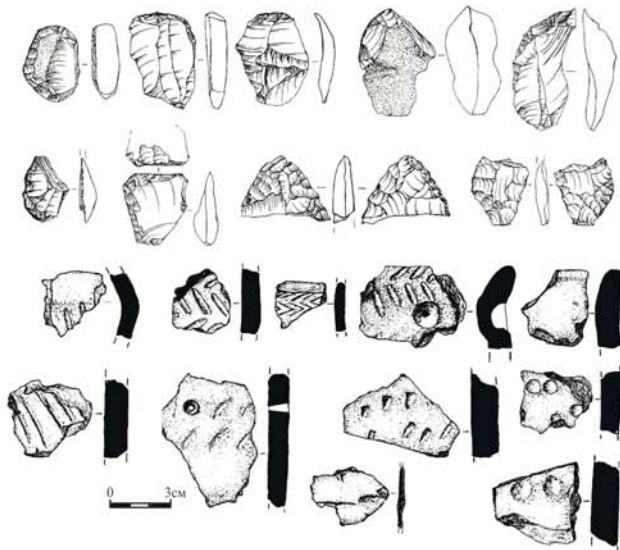

Рис. 30. Курганный могильник Елизаветовского городища, к.131, п.1, 2, п. 4, 5. Поселение Лисовин, раскоп 2000 года.

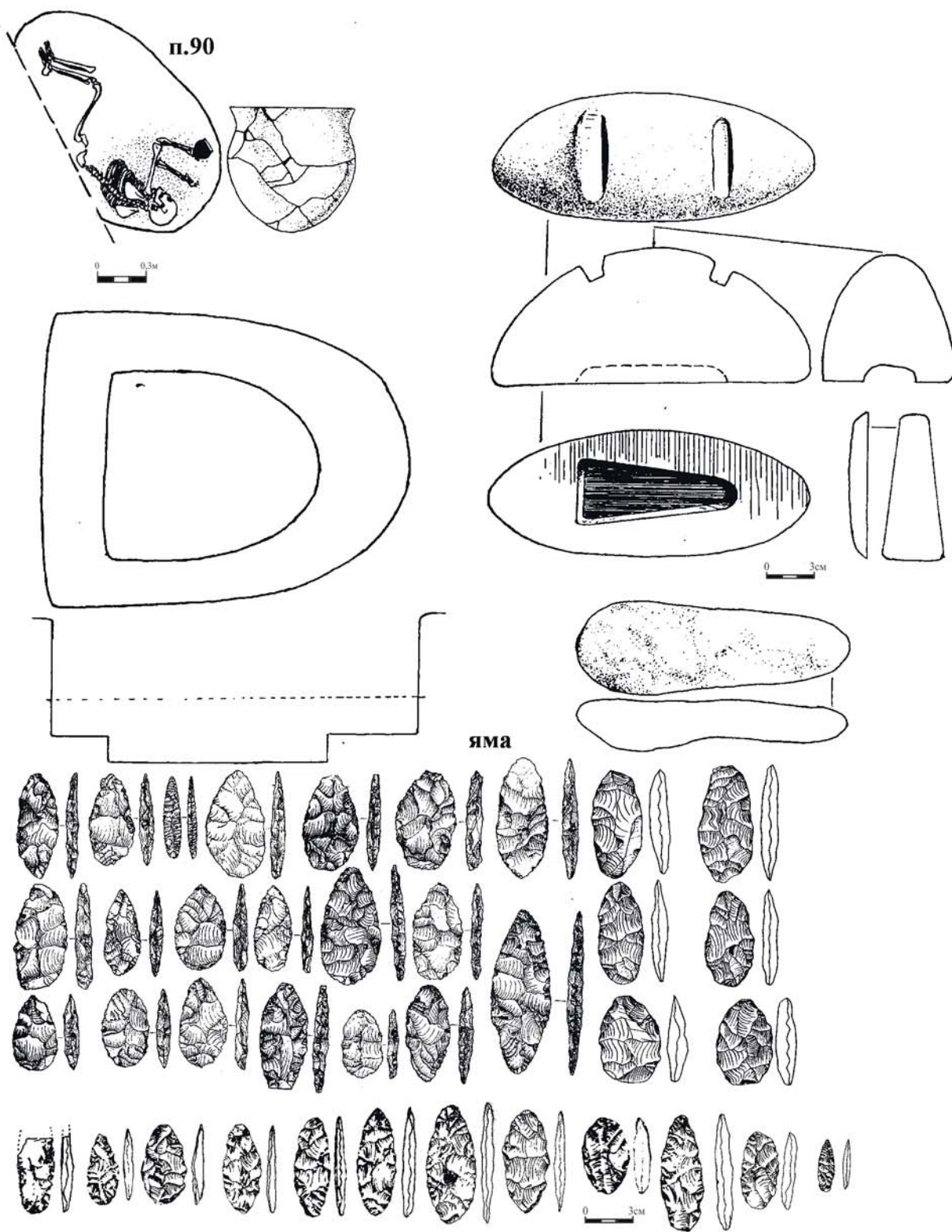

Рис. 31. Грунтовый могильник Мартышкина Балка, яма, п.90.

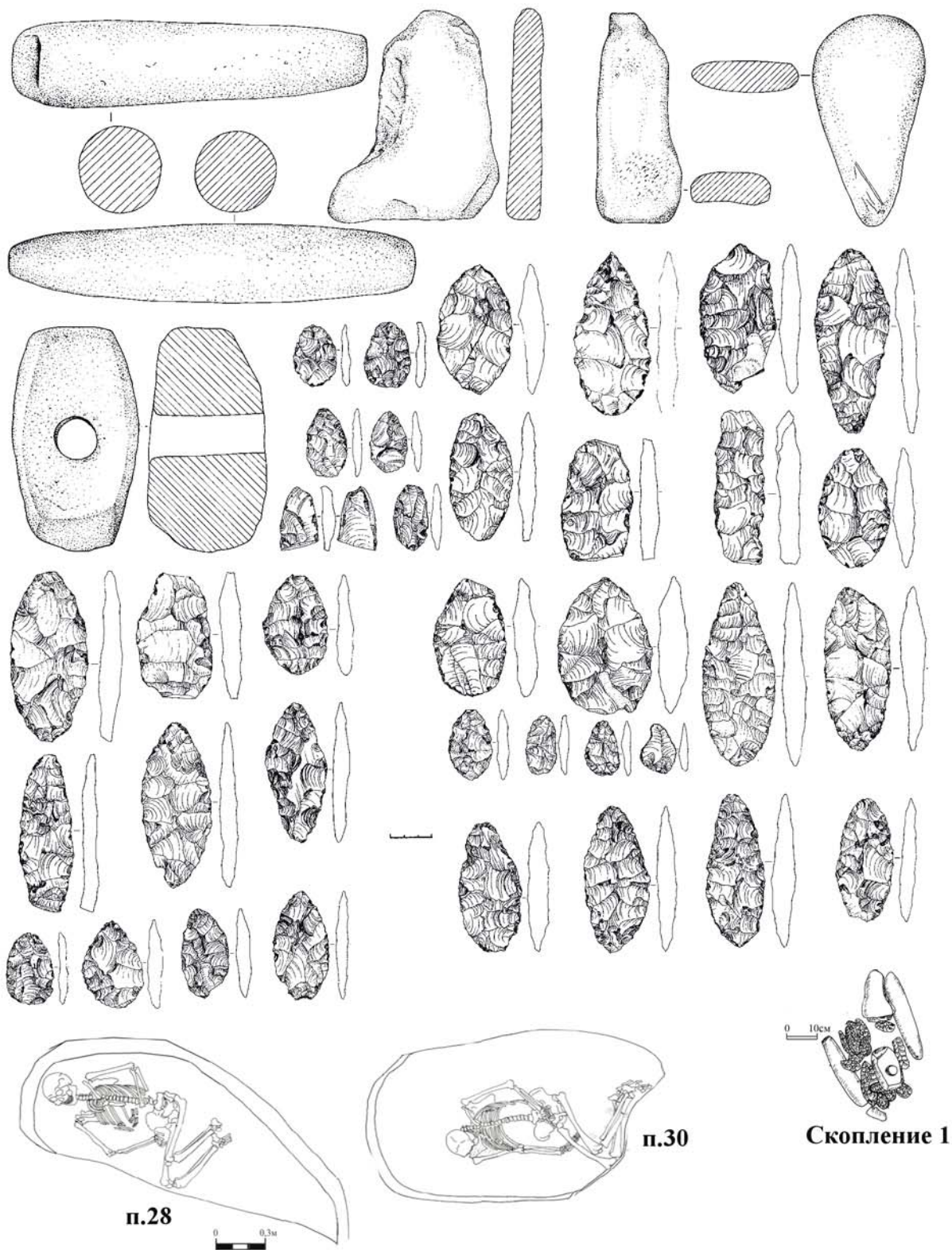

Рис. 32. Поселение "Дюнное-5". Квадрат X-23. Скопление 1, п.28, п.30.

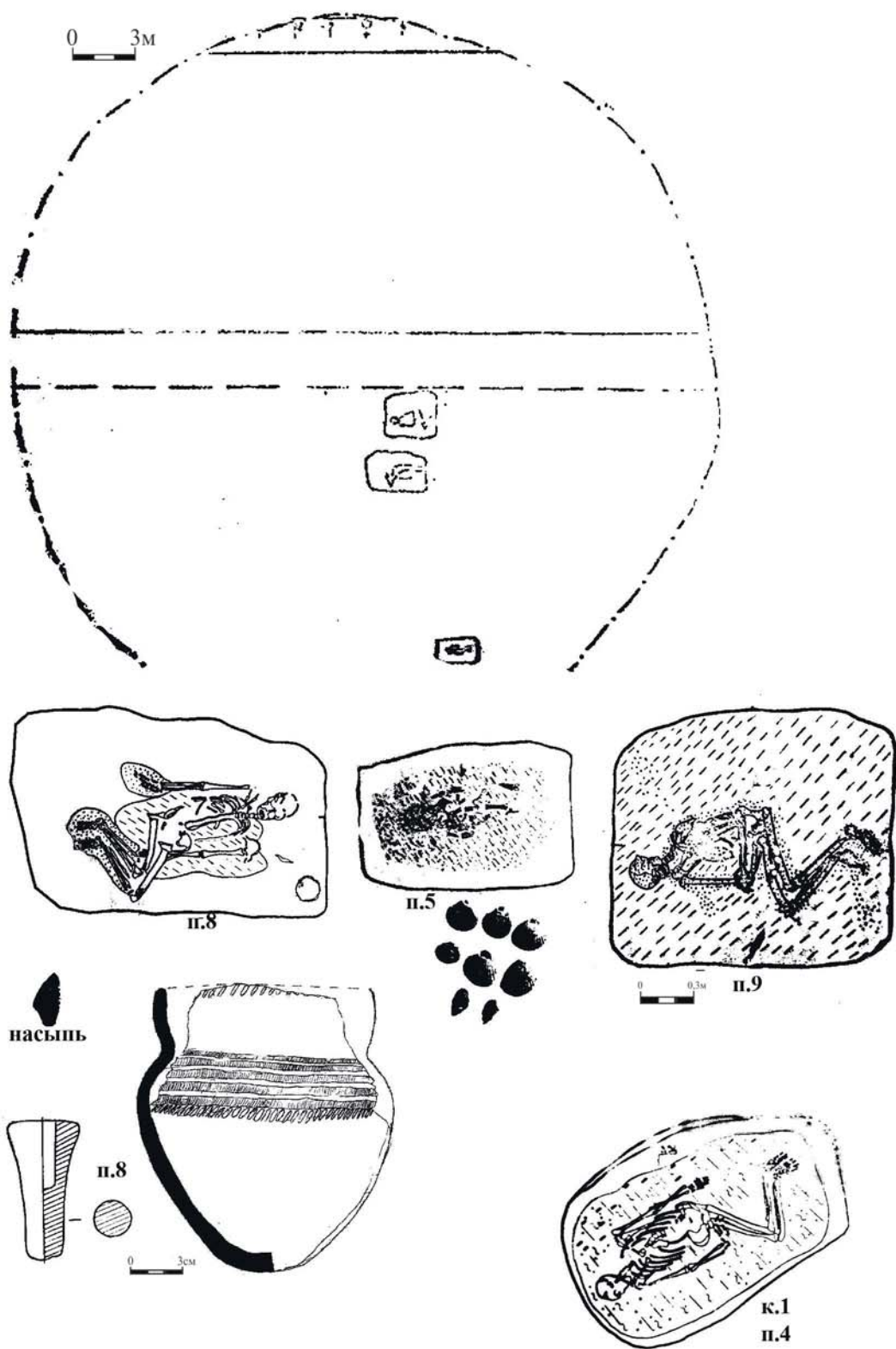

Рис. 33. Курганный могильник "Пустошкин I", к.1, п.5, 8, 9.
Курганный могильник "Пустошкин III", к.1, п.4.

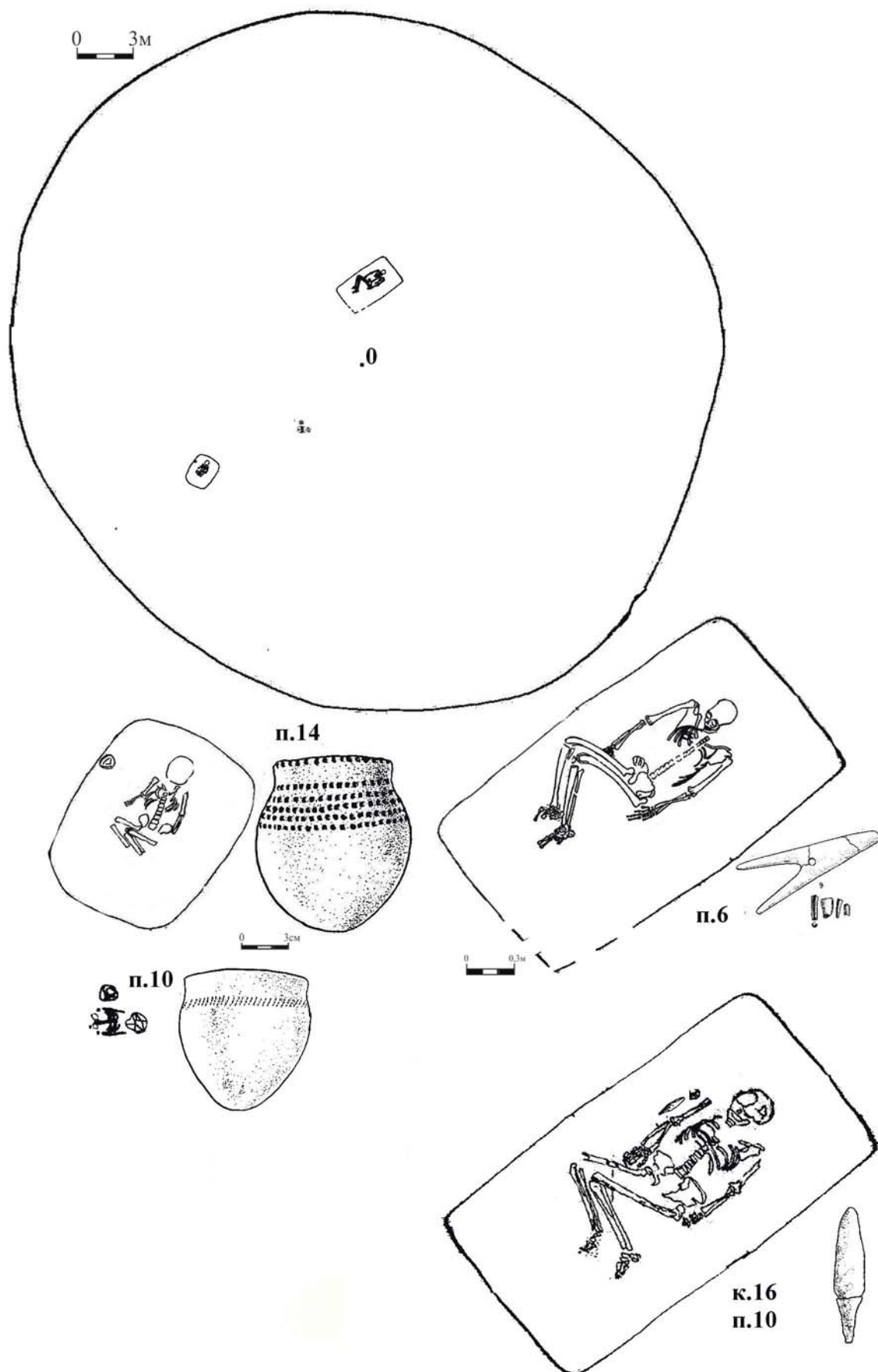

Рис. 34. Курганный могильник "Алитуб" (1971) к.17, п.6, п.14, п.10; к.16, п.10, реконструкция.

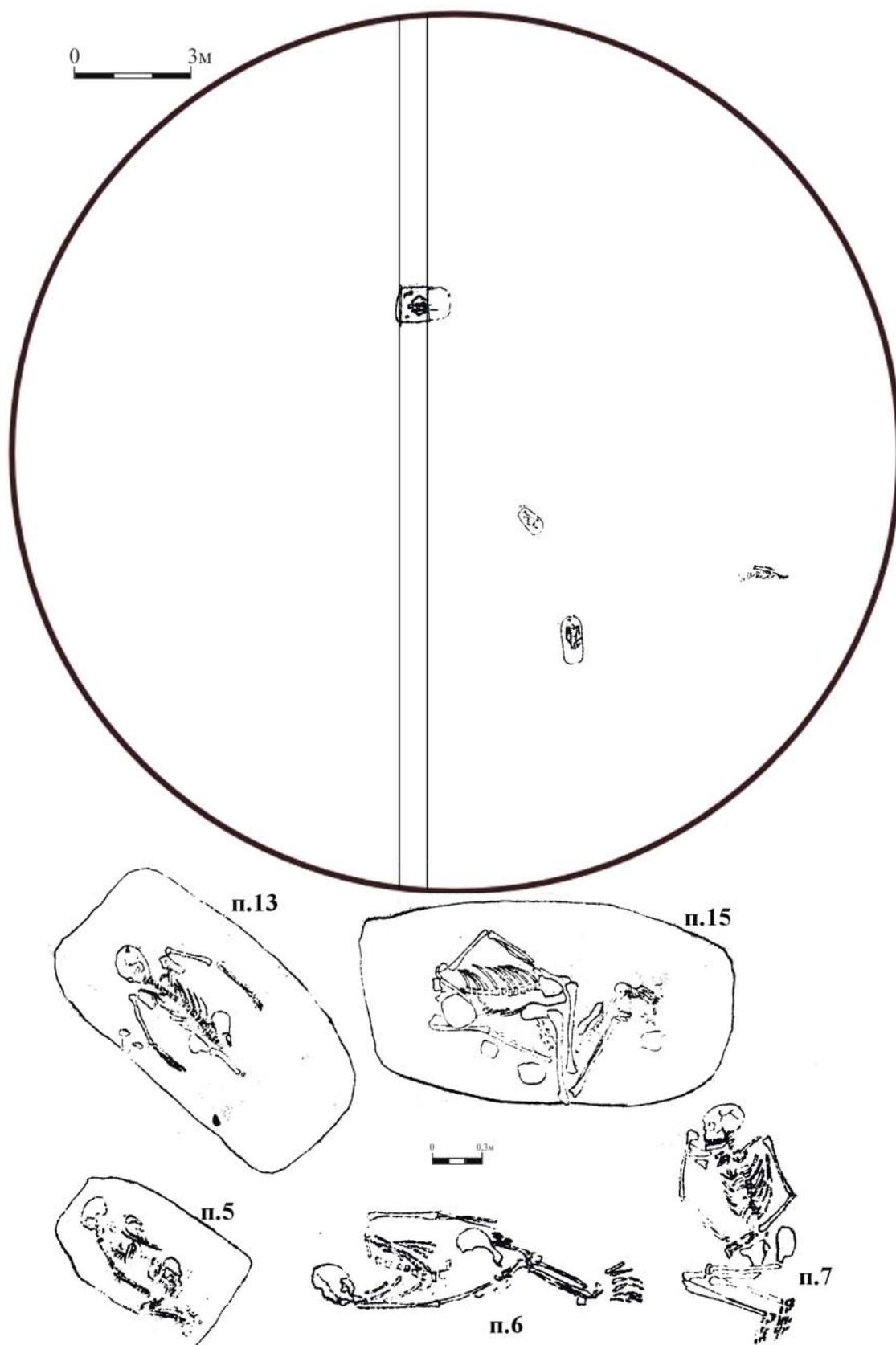

Рис. 35. Курганный могильник "Крепинский II", к.5, п.5-7, п.13, п.15.

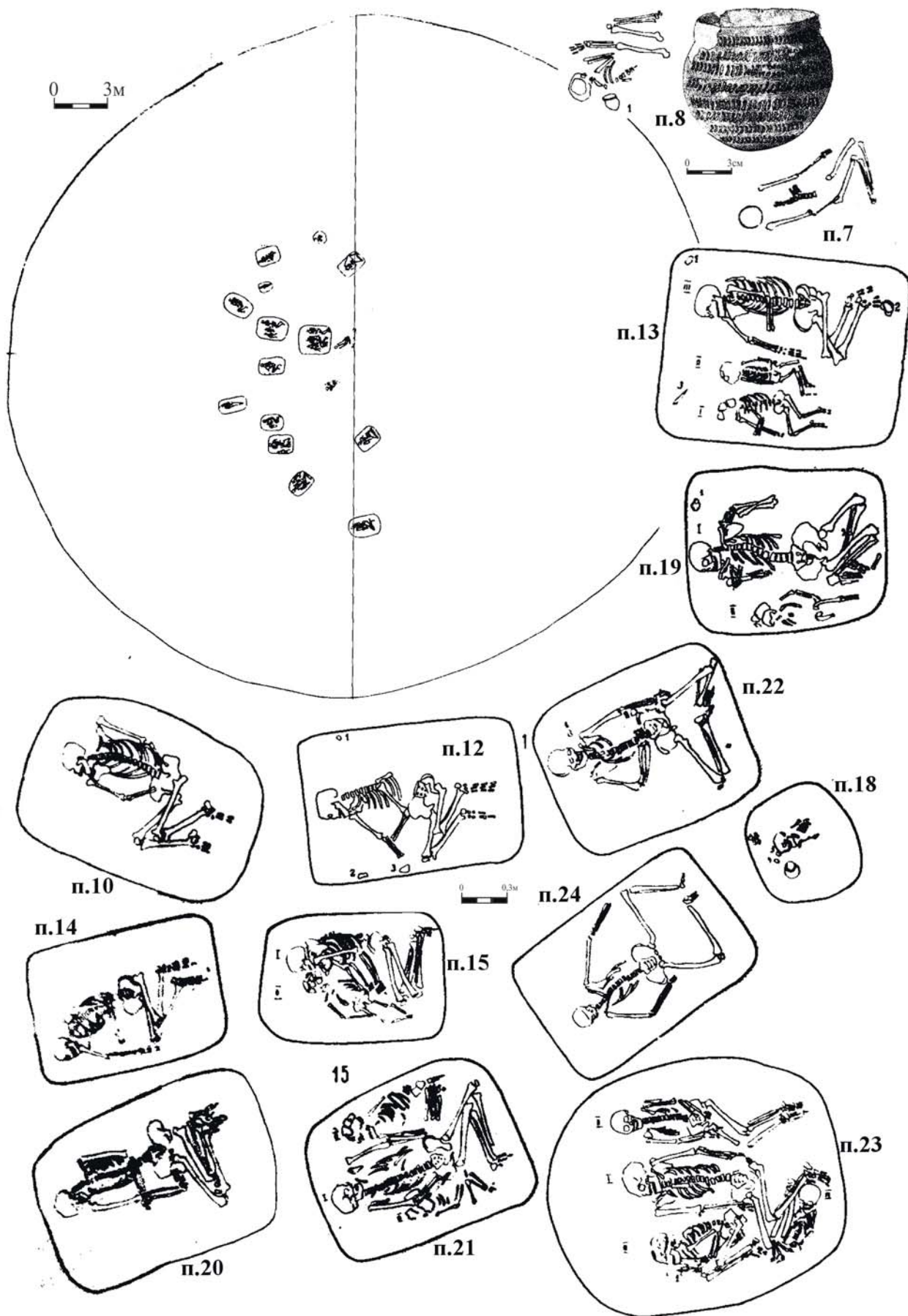

Рис. 36. Курганный могильник "Крепинский I", к.1, п.7, п.8, п.10, п.12-15, п.18-21, п.23, п.24.

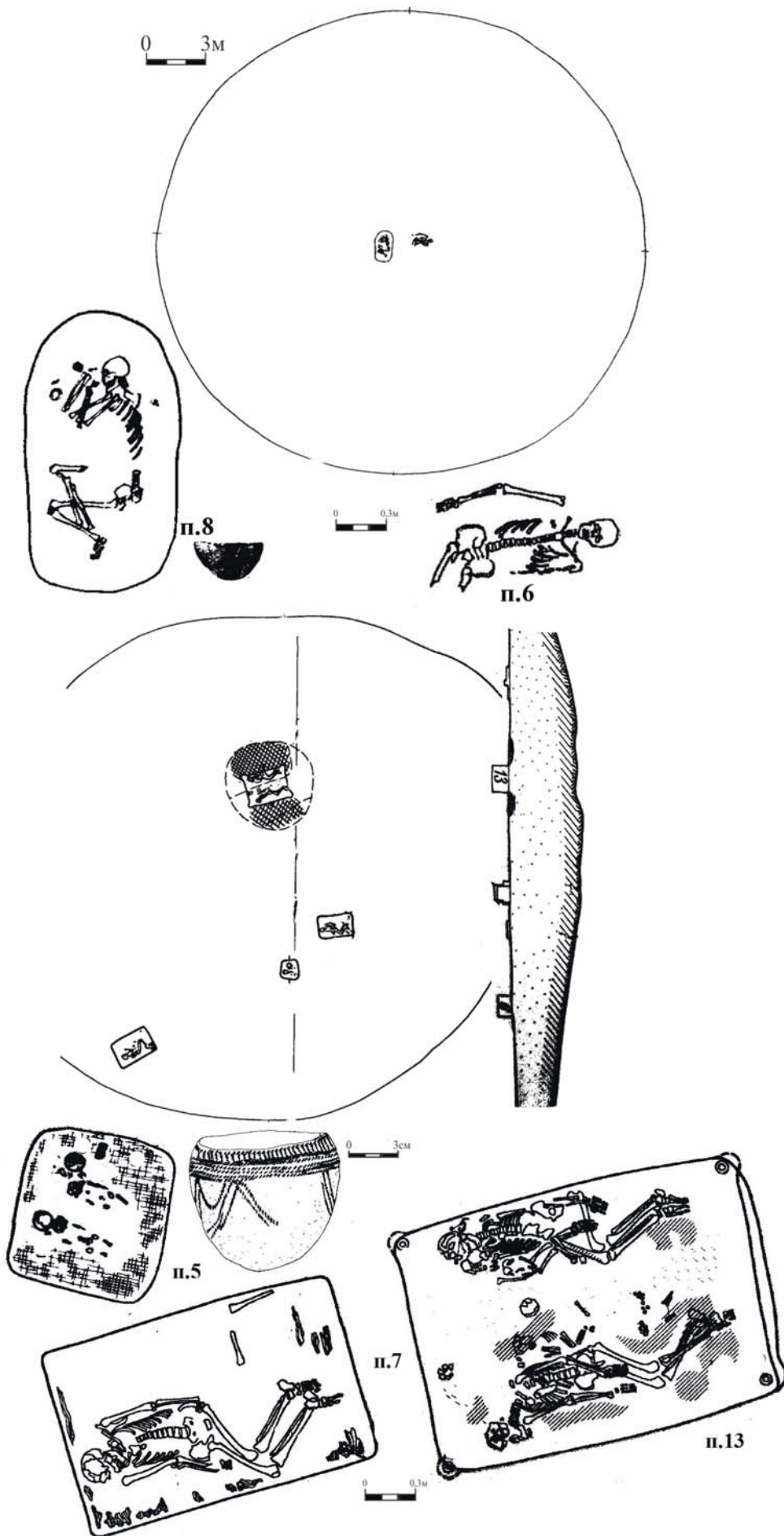

Рис. 37. Курганный могильник "Усьман", к.1, п.5,7,13.
 Курганный могильник "Крепинский II", к.1, п.6, п.8.

Рис. 38. Курганный могильник "Алитуб", к.3, п.21, 28-30.

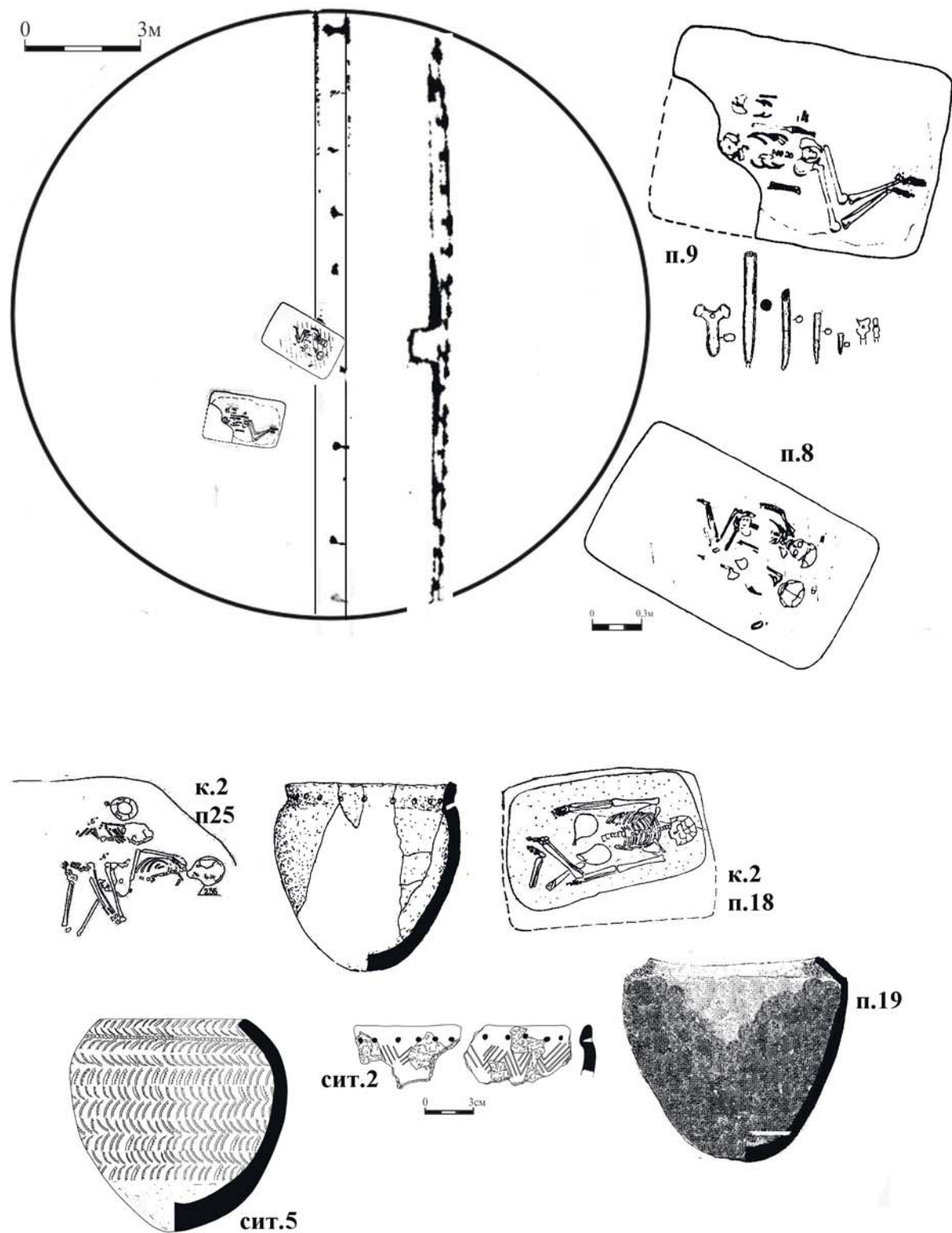

Рис. 39. Курганный могильник "Колдыри", к.20, п.8, п.9.
 Курганный могильник "Искра I", к.2, п.18, п.25, п.19, сосуд, сит.2, сит.5.

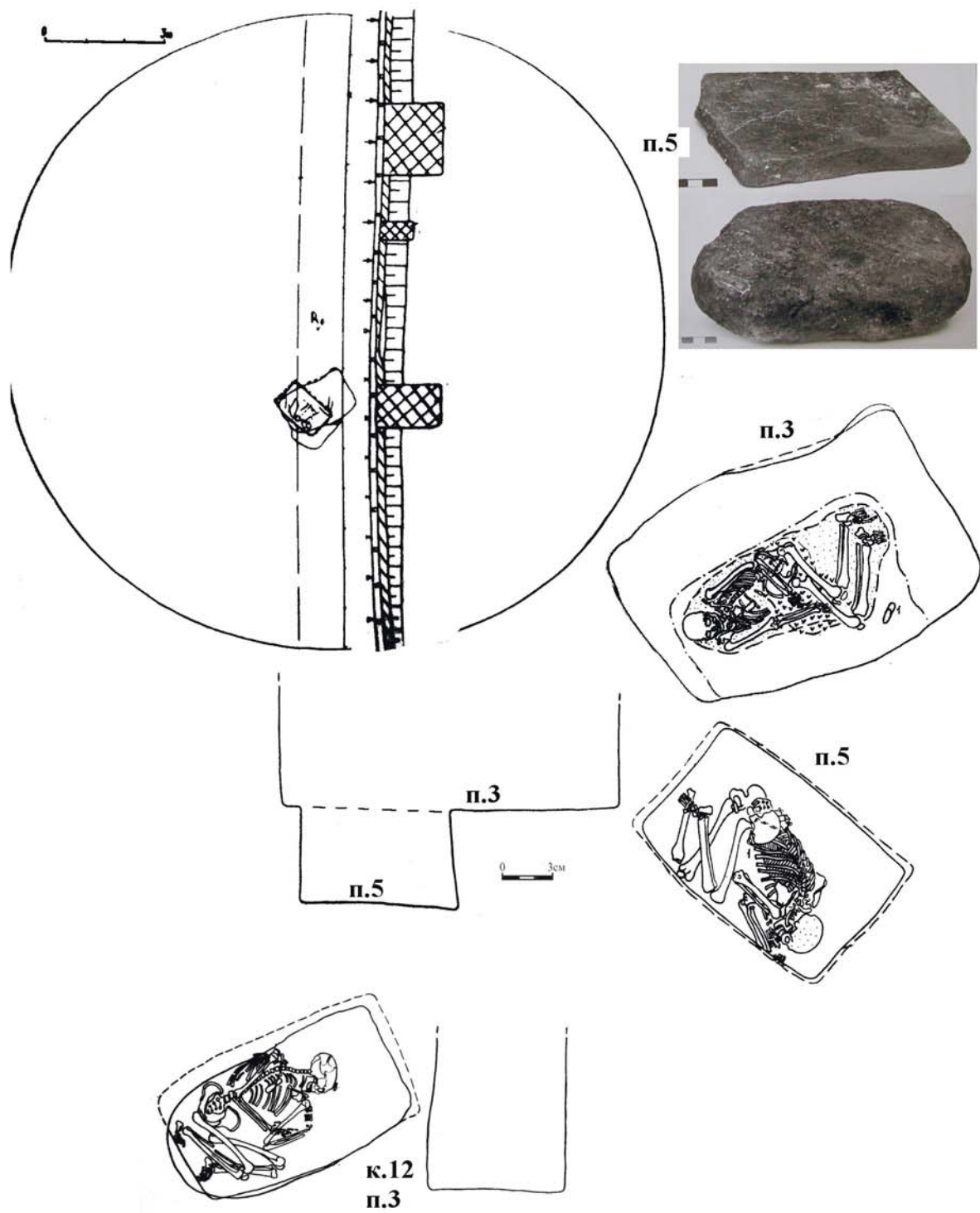

Рис. 40. Курганный могильник Отрадный II, к.11, п.3, 5; к.12, п.3.

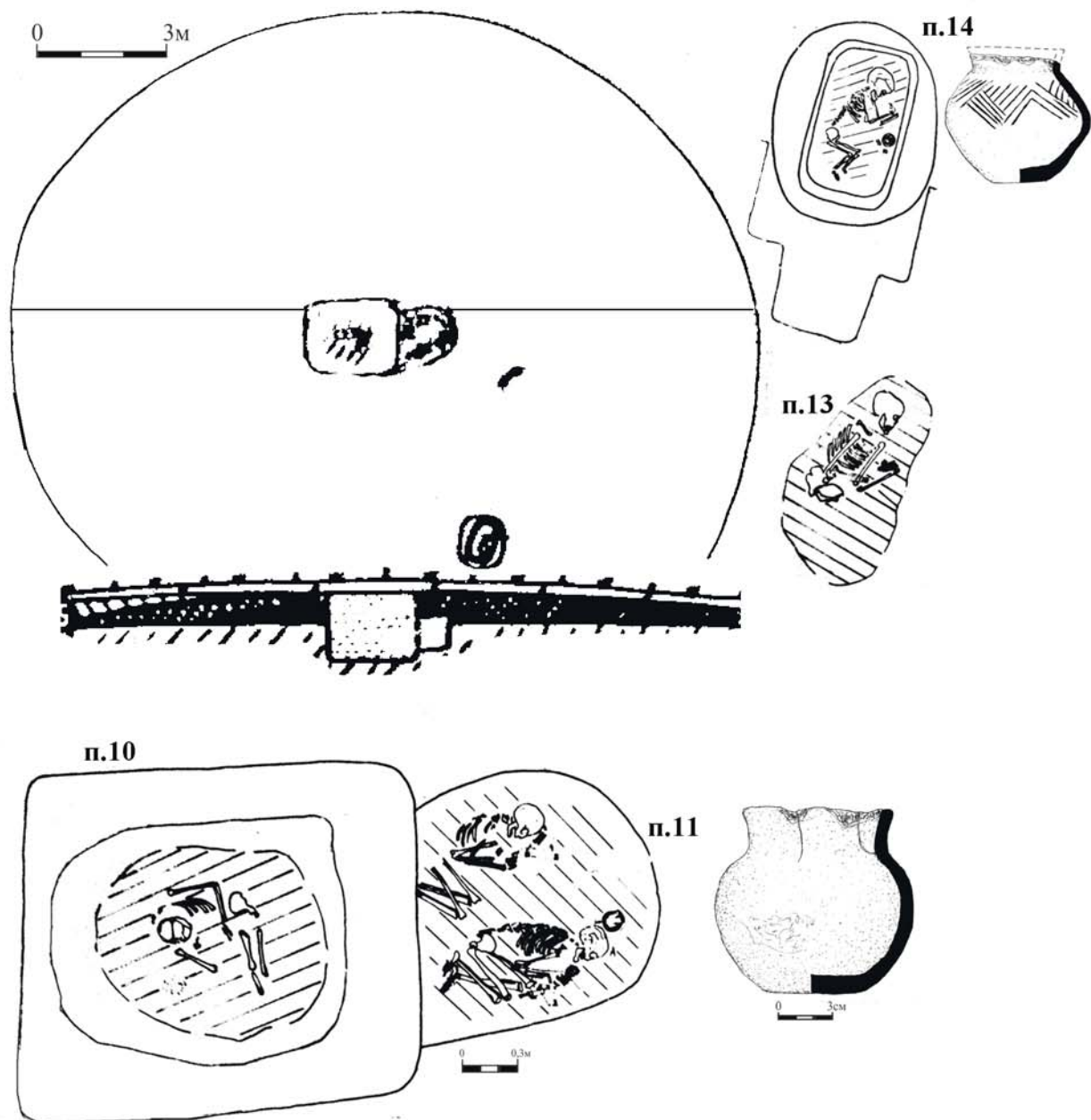

Рис. 42. Курганный могильник "Западенка", к.1, п.10, п.11, п.13, п.14.

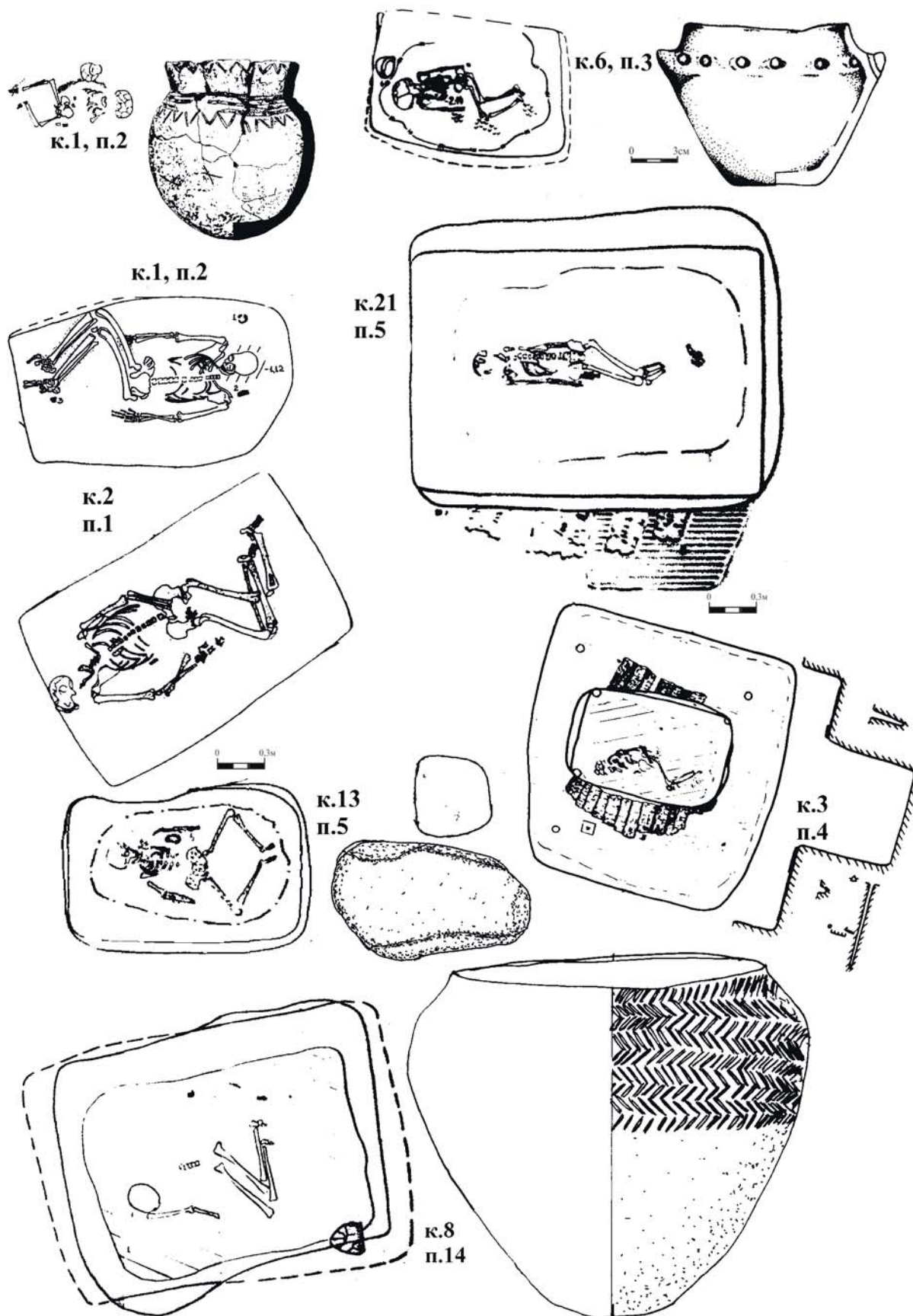

Рис. 43. Курганный могильник "Колдыри", к.13, п.5; к.21, п.5; к.23, п.5. Курганный могильник "Тузлуки", к.8, п.14; к.3, п.4. Курганный могильник "Красный Кут", к.1, п.2, к.2, п.1. Курганный могильник "Каракашево", к.1, п.2. Курганный могильник "Отрадный II", к.6, п.3.

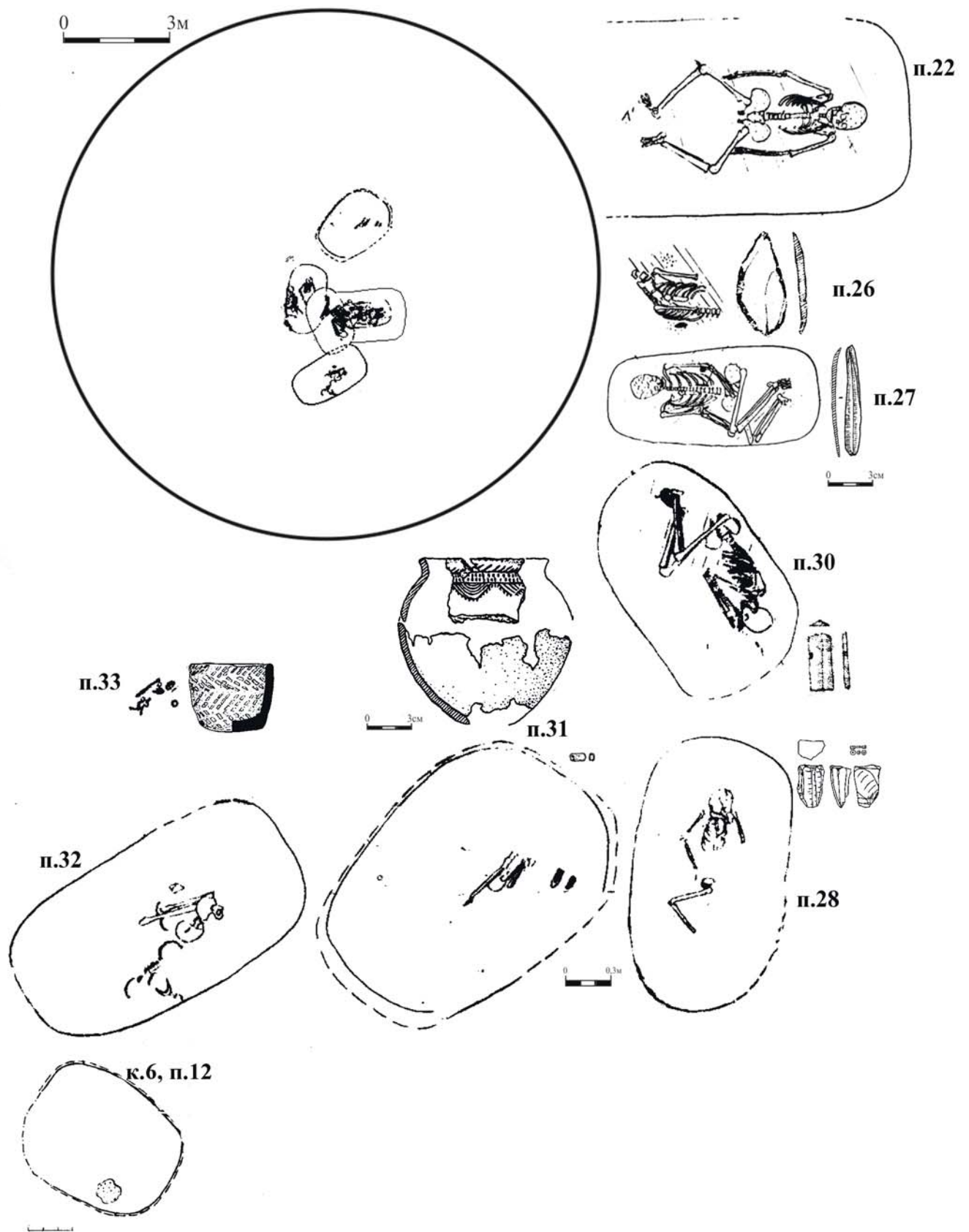

Рис. 44. Курганный могильник "Тузлуки", к.9, п.22, п.26-28 п.30-33, к.6, п.12.

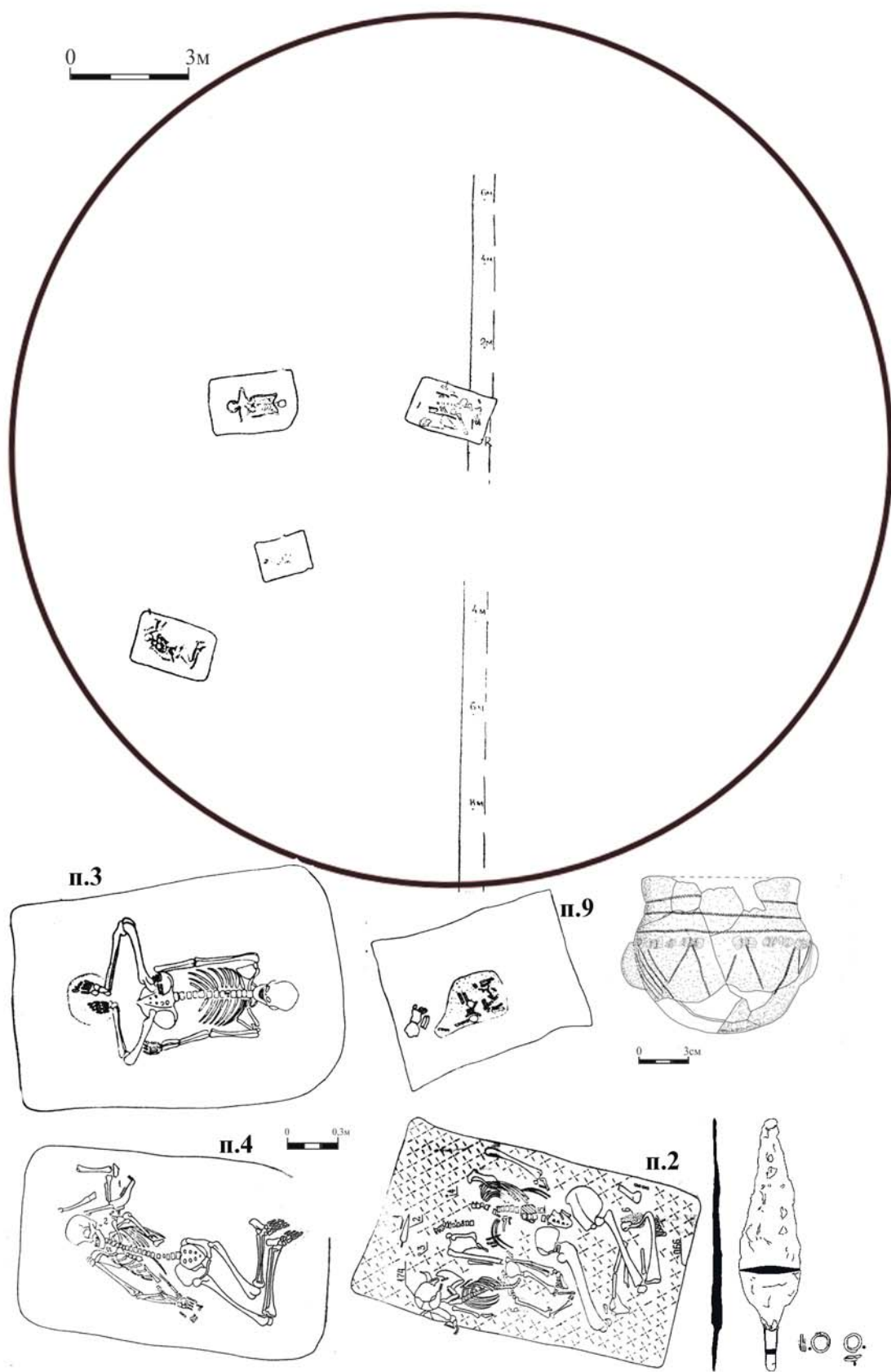

Рис. 45. Курганный могильник "Отрадный XIII", к.9, п.2-4, п.9.

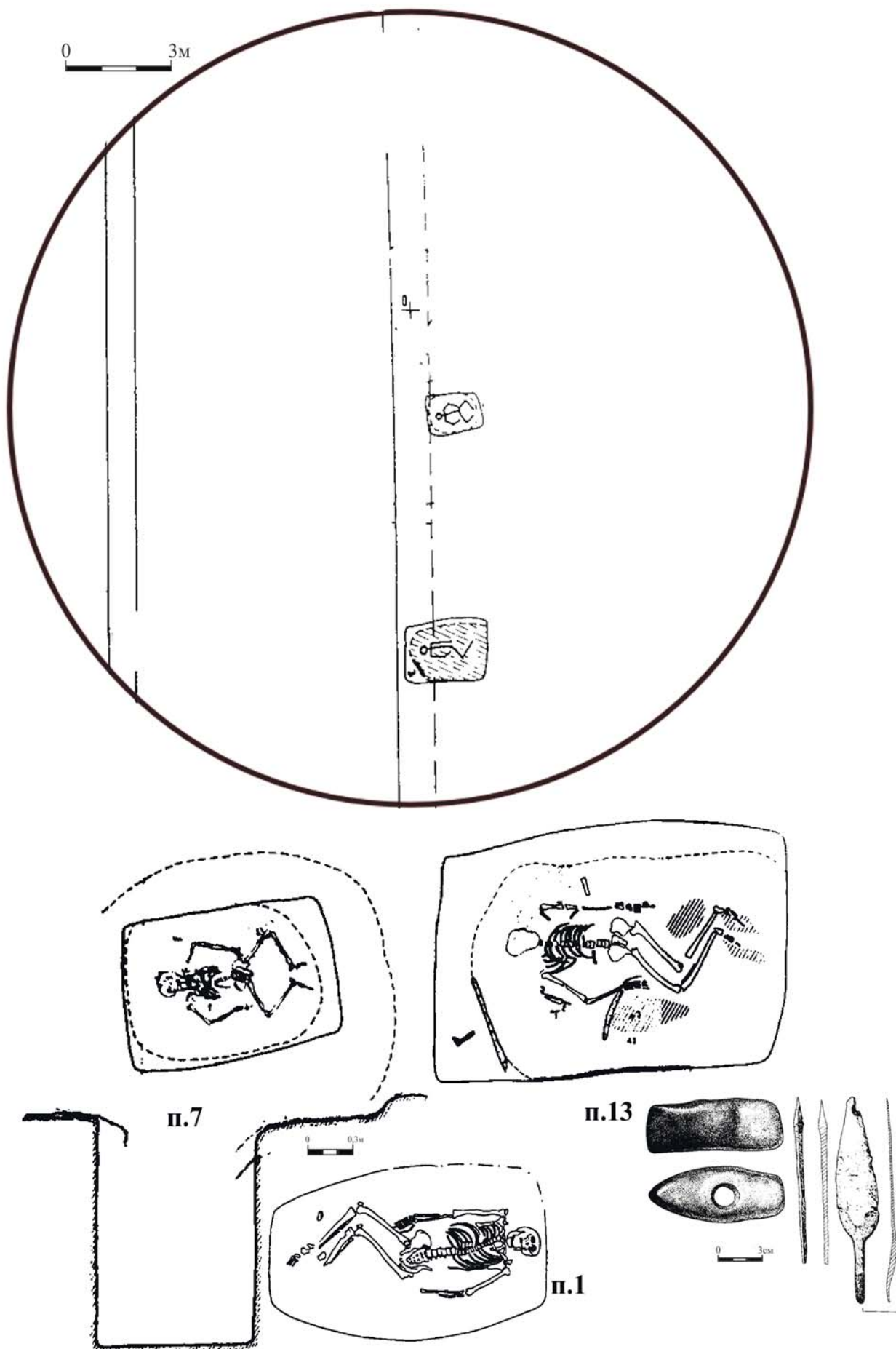

Рис. 46. Веселовская группа курганов, к.3, п.7, п.13; к.4, п.1.

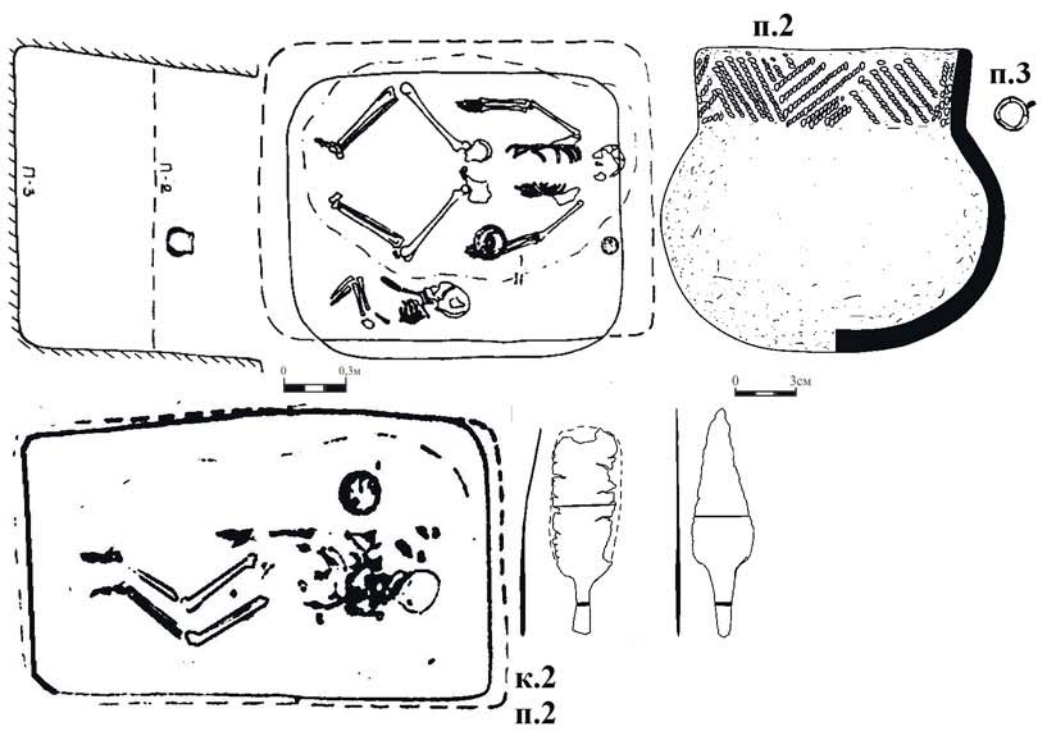

Рис. 47. Местонахождение у пос. Красный Октябрь. Курганный могильник "Колдыри", к.2, п.2; к.5, п.2-3.

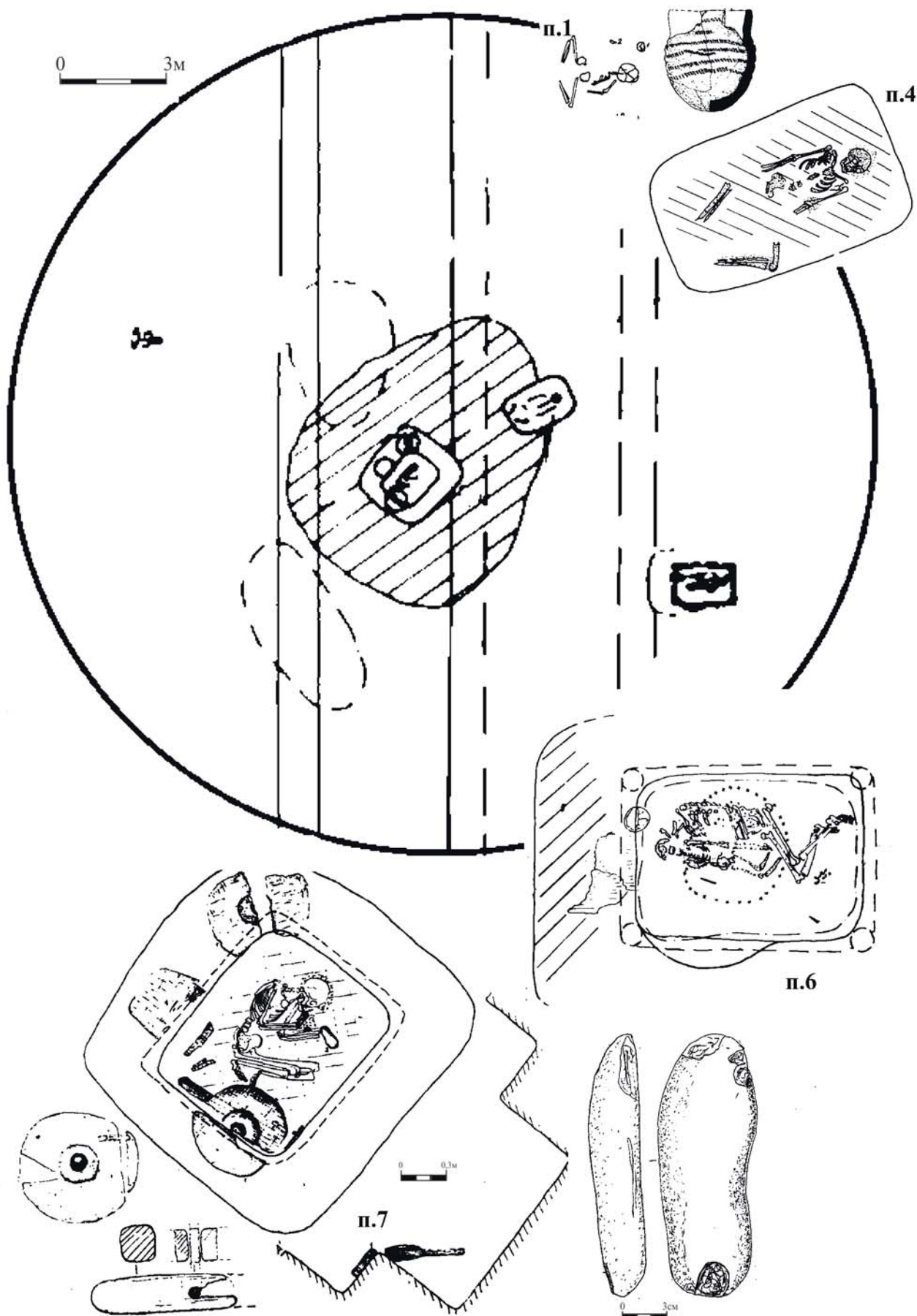

Рис. 48. Курганный могильник "Колдыри", к.14, п.1, п.4, п.6, п.7.

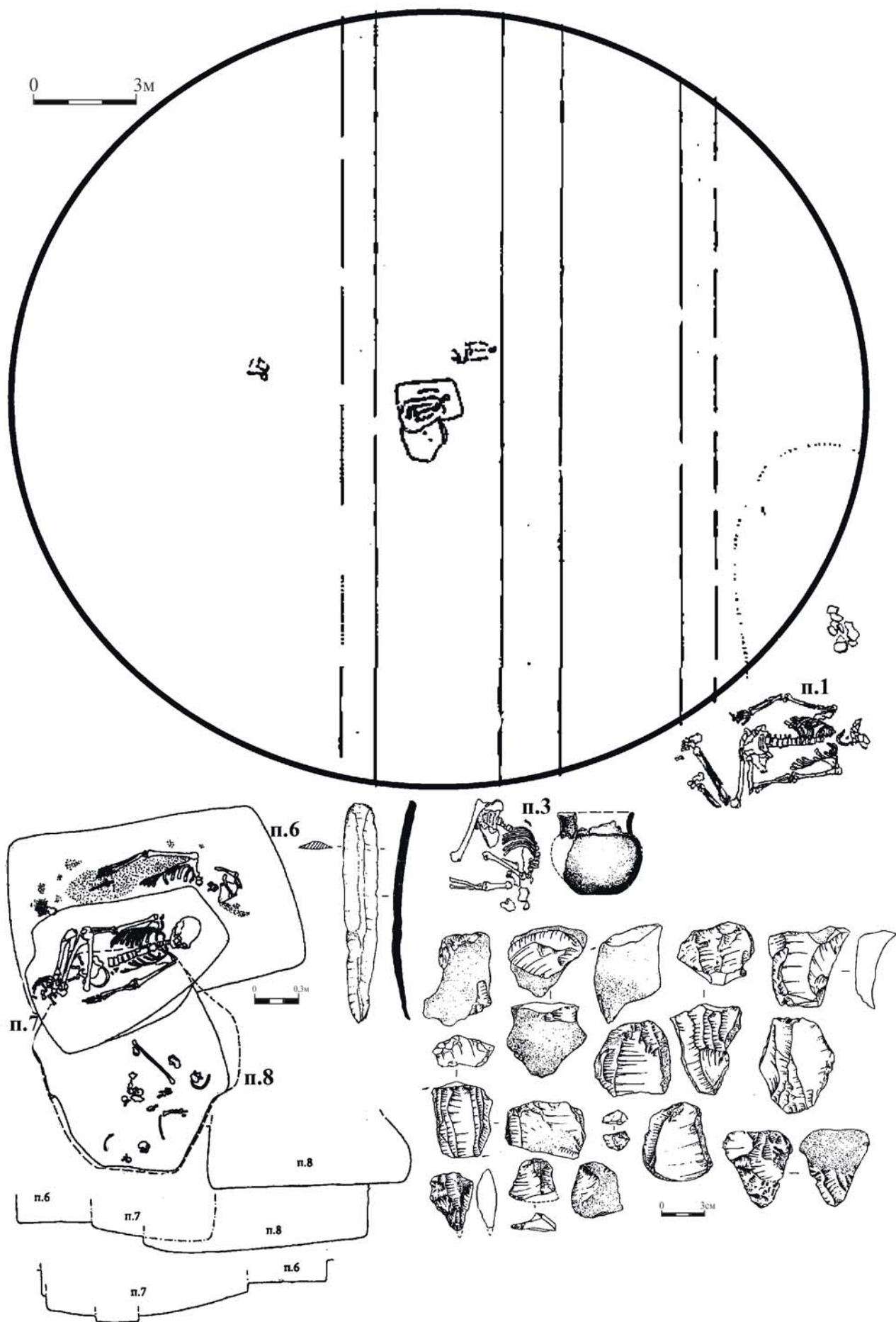

Рис. 49. Курганный могильник "Москва I", к.1, п.1, п.3, п.6-8, кремь из насыпи.

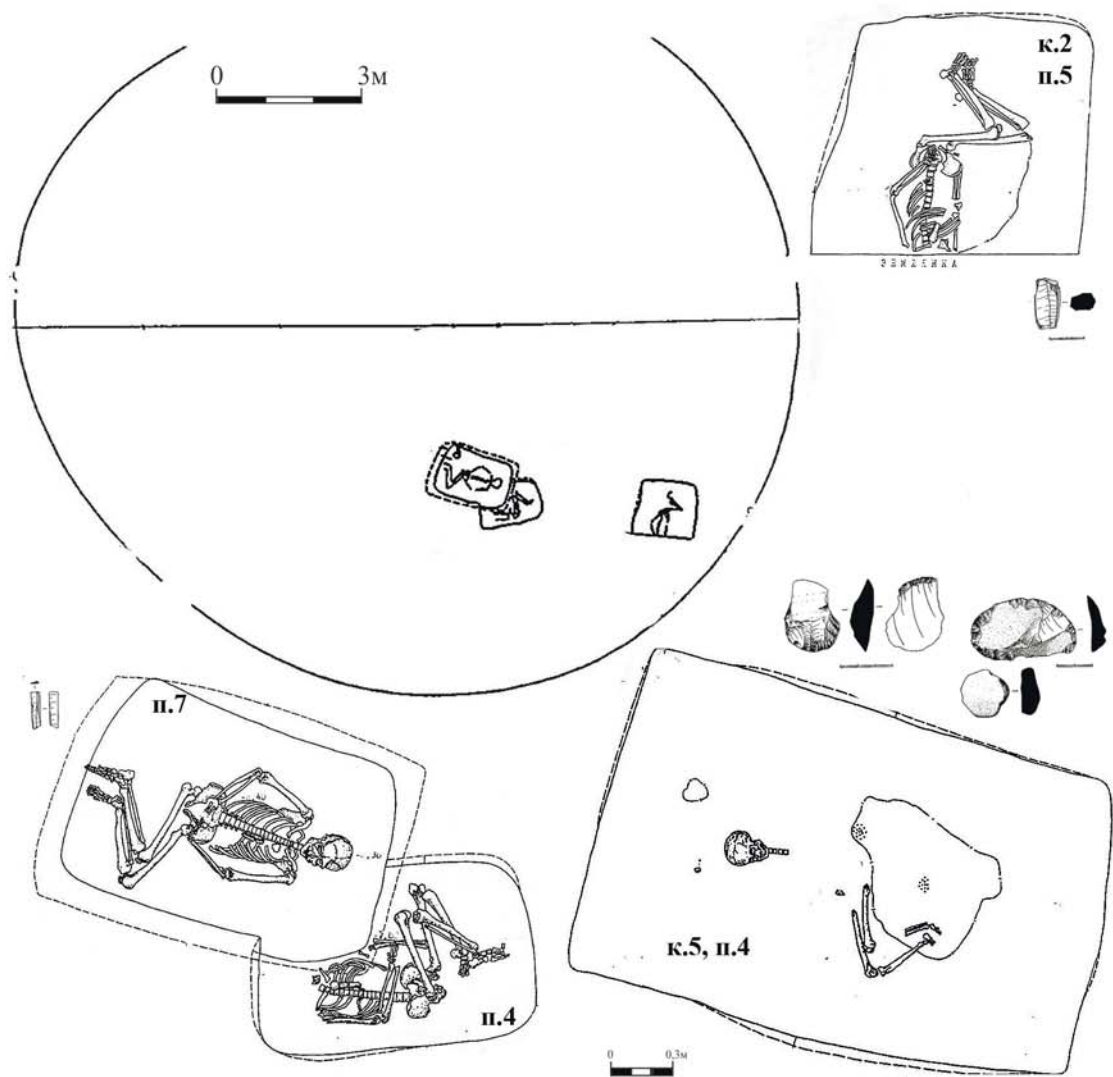

Рис. 50. Курганный могильник "Каменный II", к.2, п.4, 5, 7; к.5, п.4.

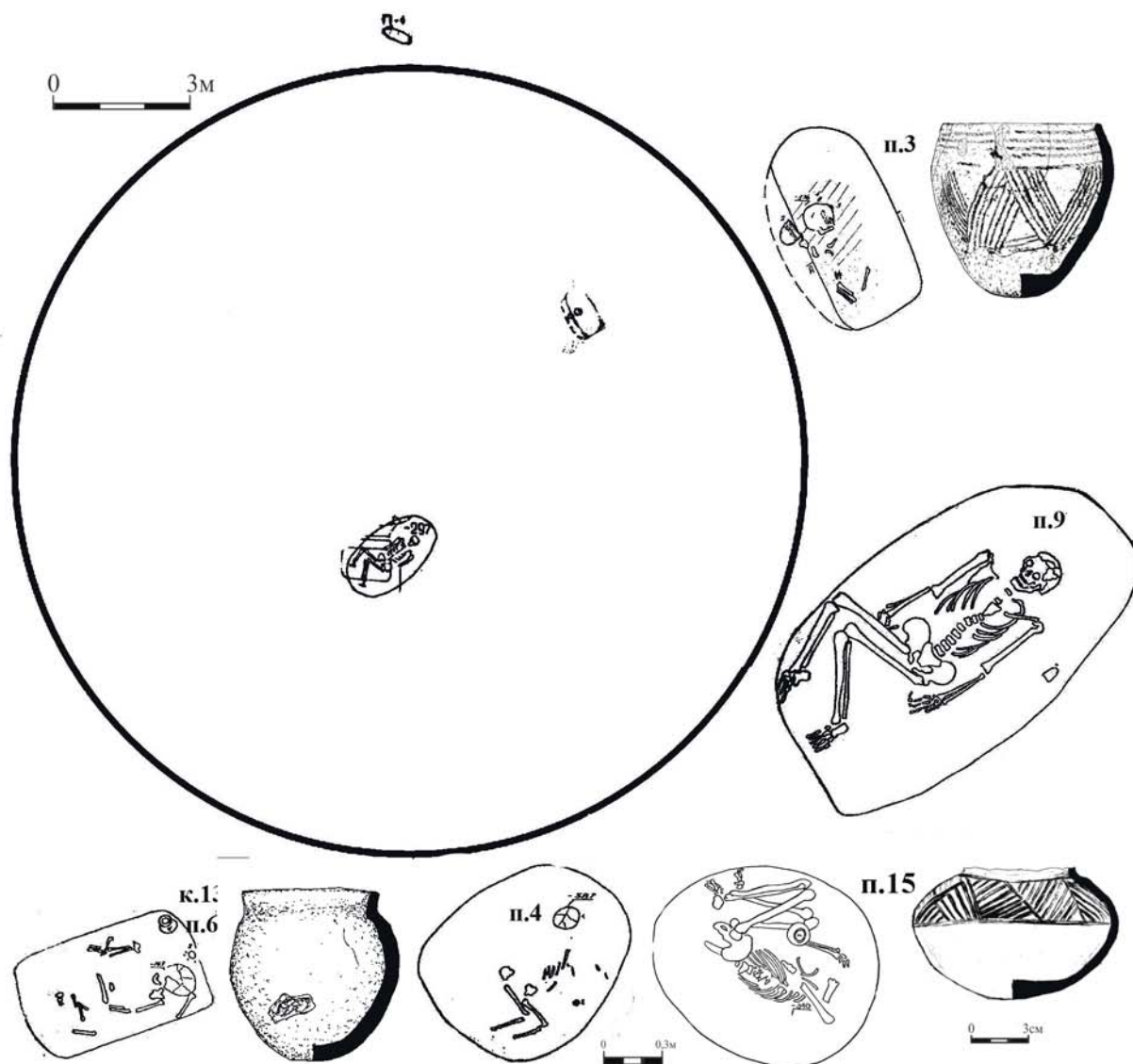

Рис. 51. Курганный могильник "Козинка I", к.13, п.6; к.17, п.15, 3, 4, 9.

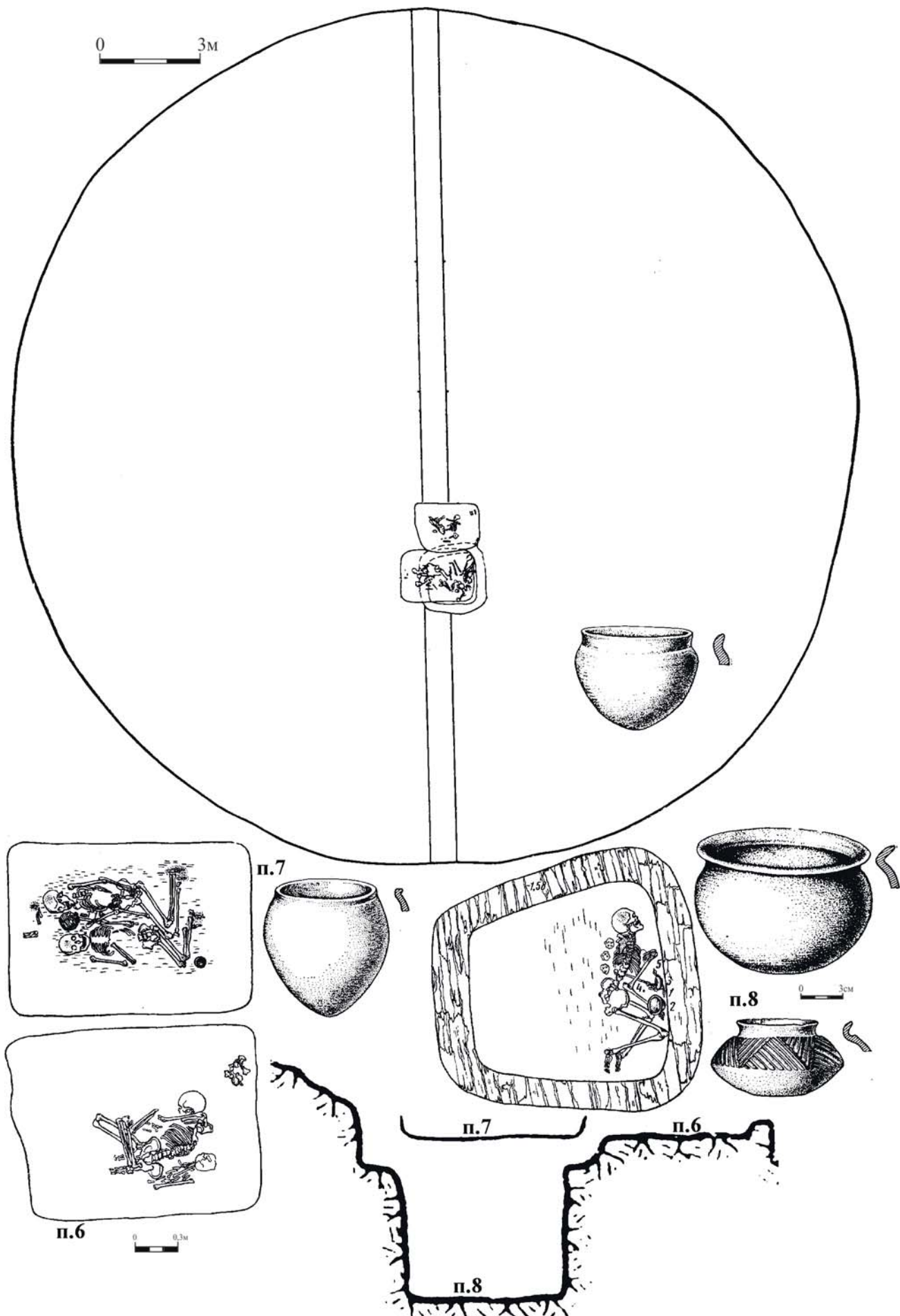

Рис. 52. Курганный могильник "Шахаевский II", к.3, п.6-8, сосуд из насыпи.

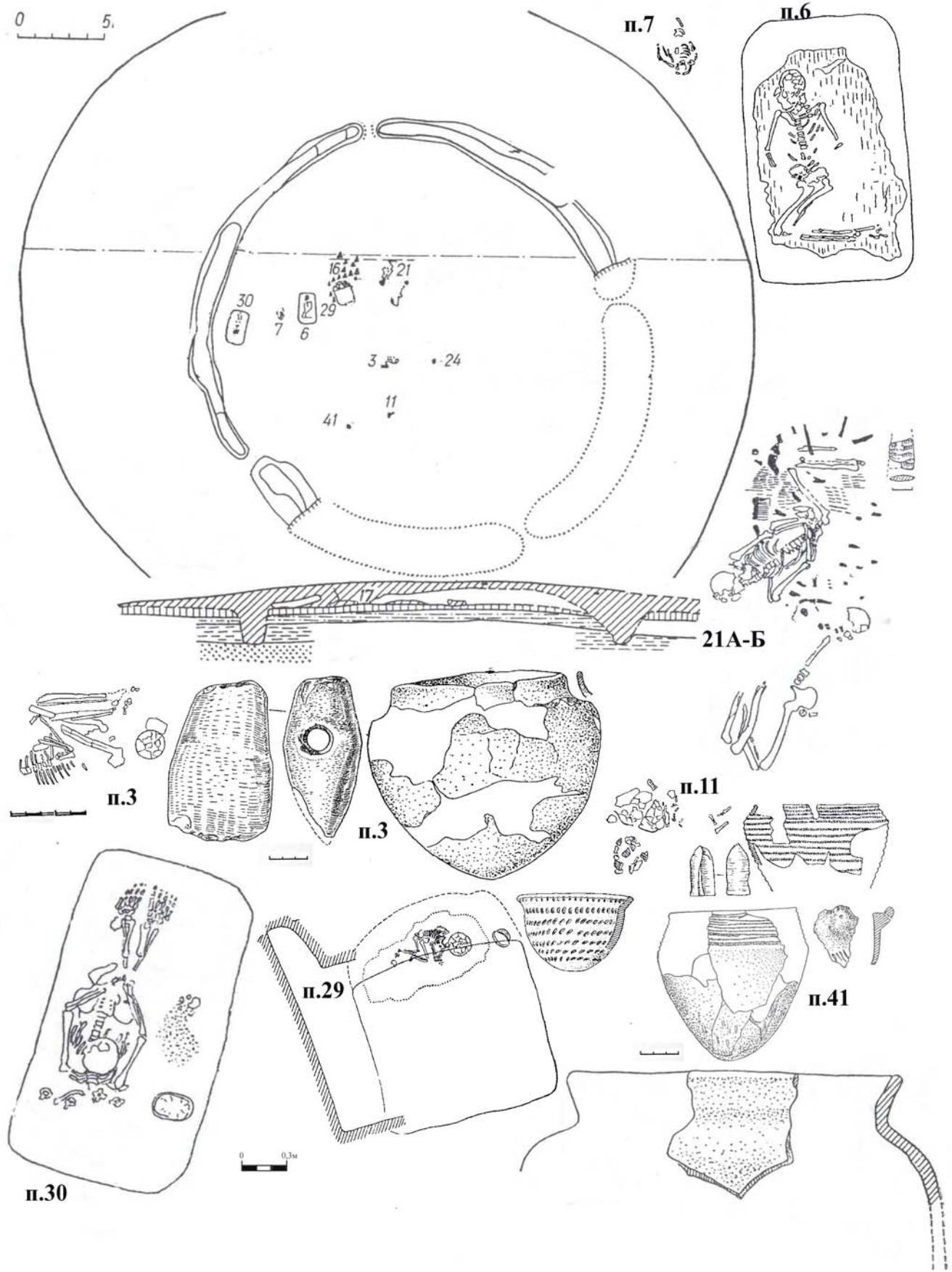

Рис. 53. Курган Лысый, п.3, п.6, п.7, п.11, п.21А, 21Б, п.29, п.30, п.41.

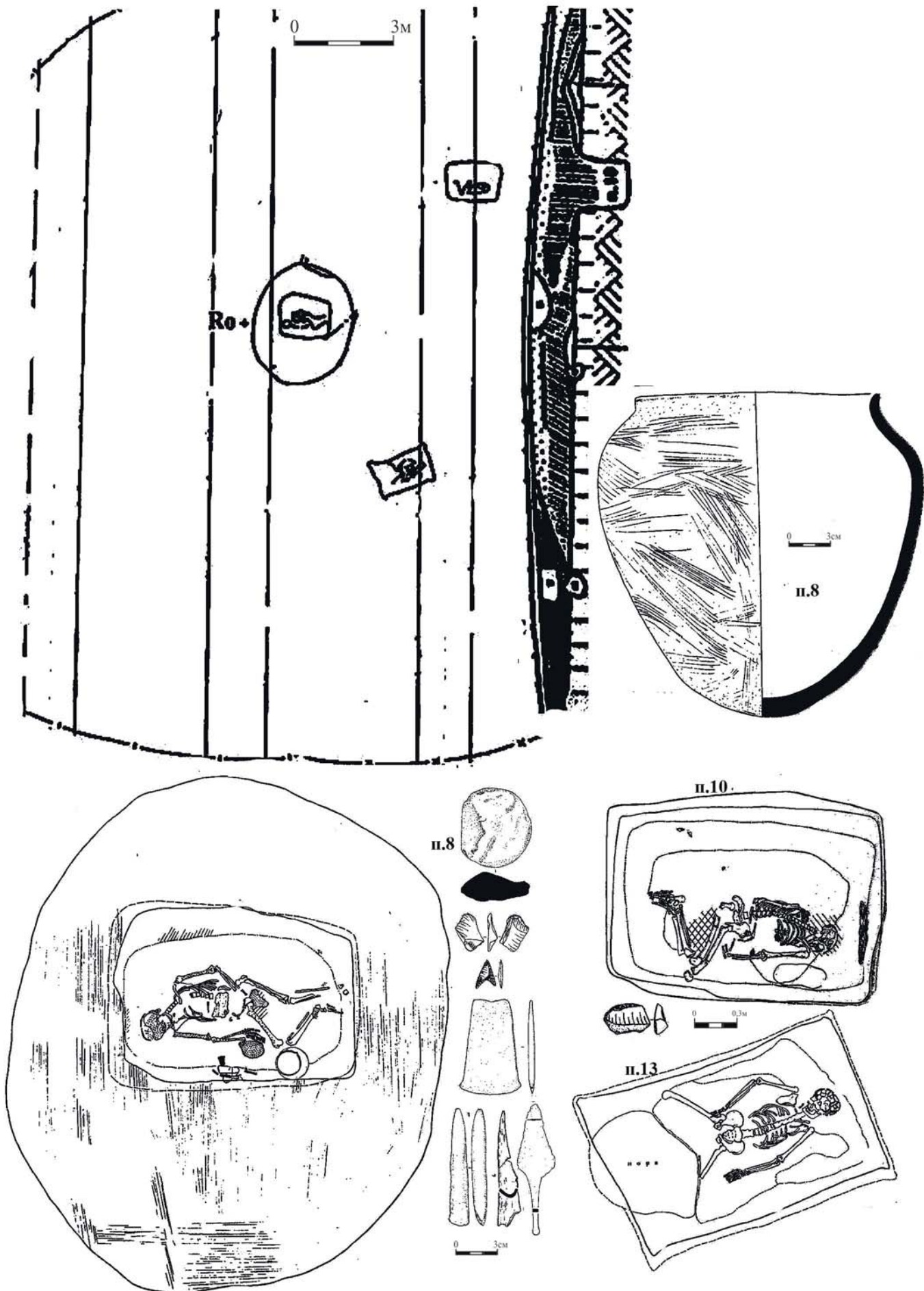

Рис. 54. Курганный могильник "Новопалестинский II", к.1, п.8, п.10, п.13.

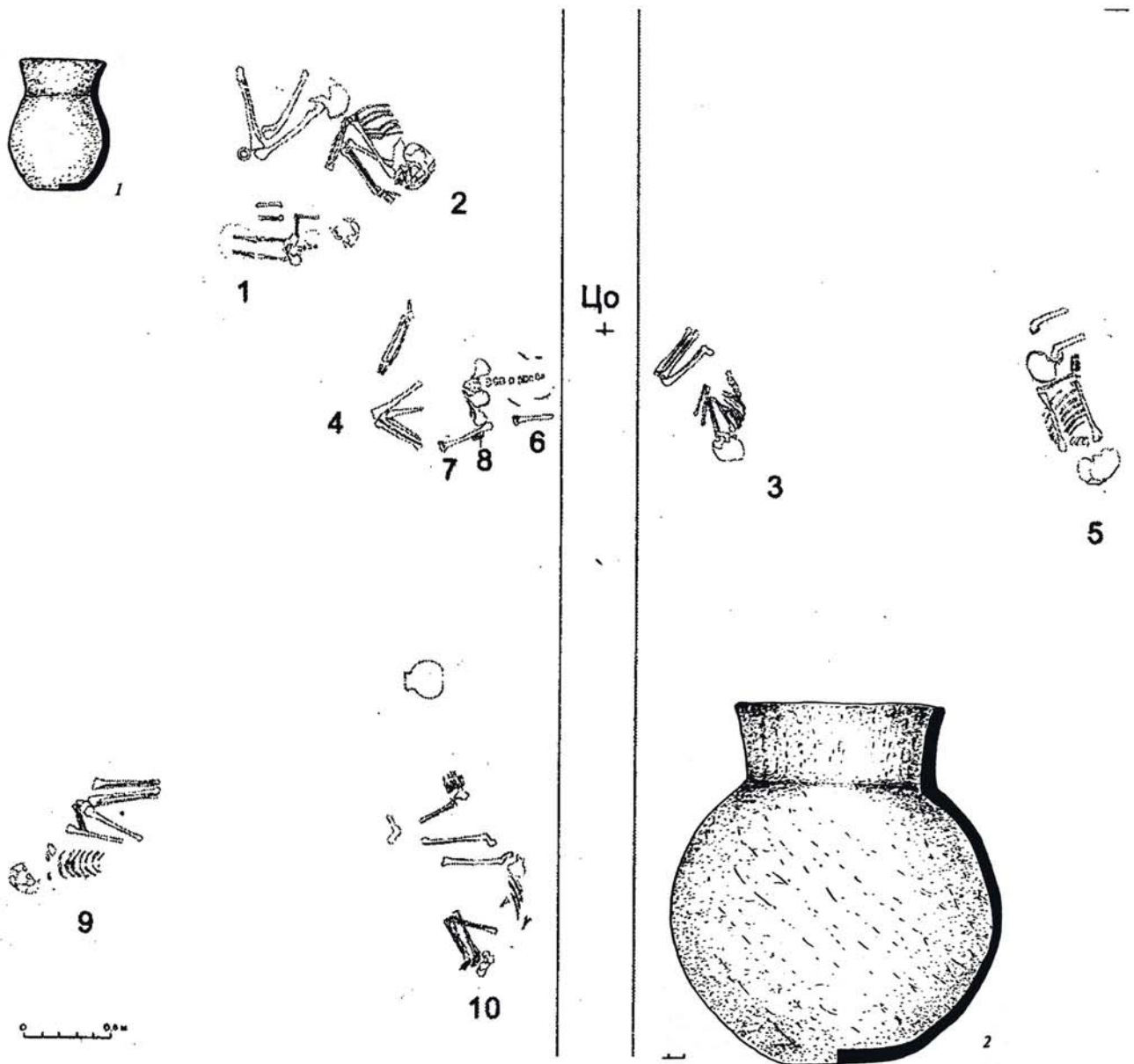

Рис. 55. Курганный могильник Первомайский, к.5, п.1-10.

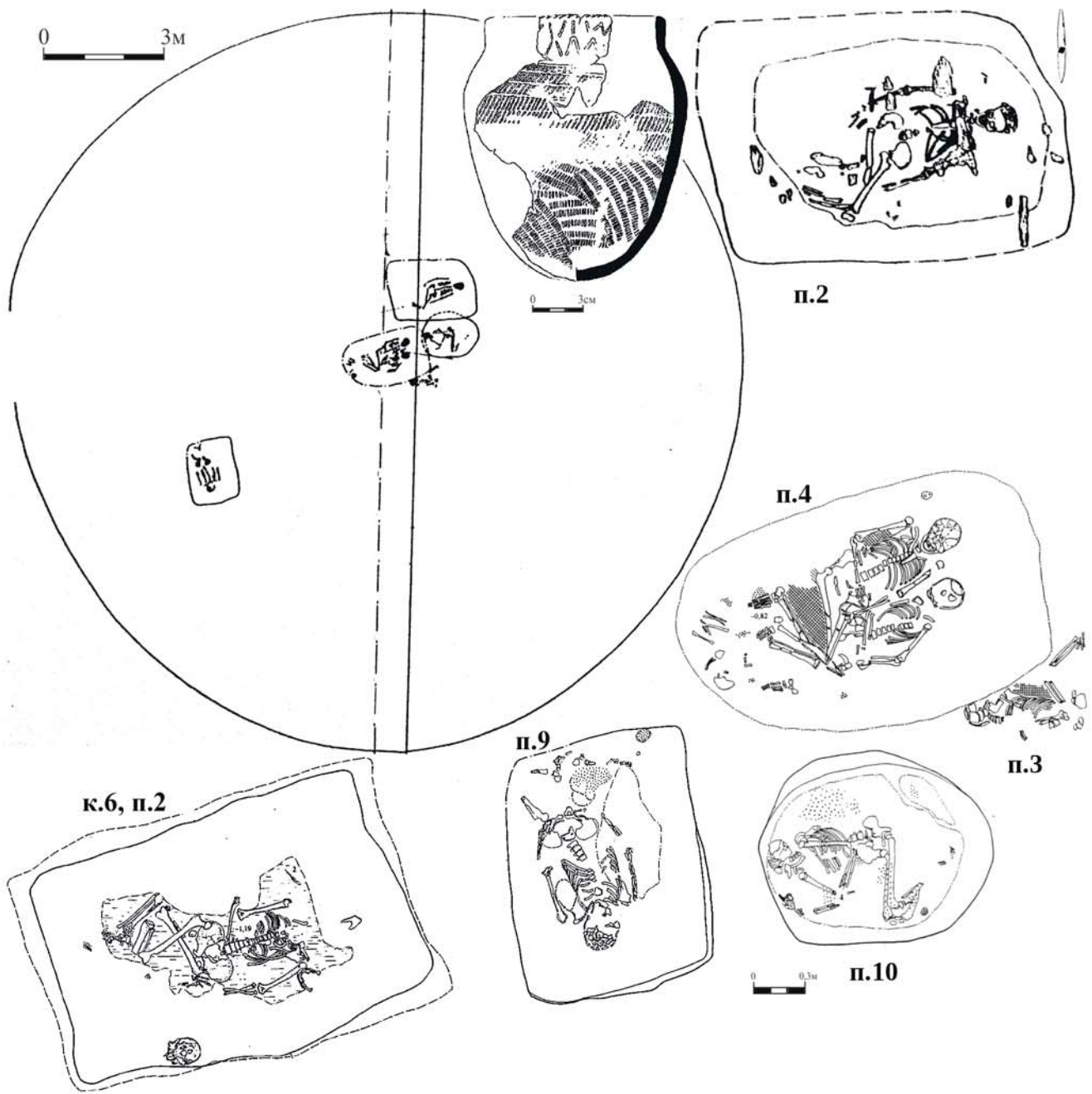

Рис. 56. Курганный могильник "Новопалестинский II", к.3, п.2, п.9;
к.6, п.2.

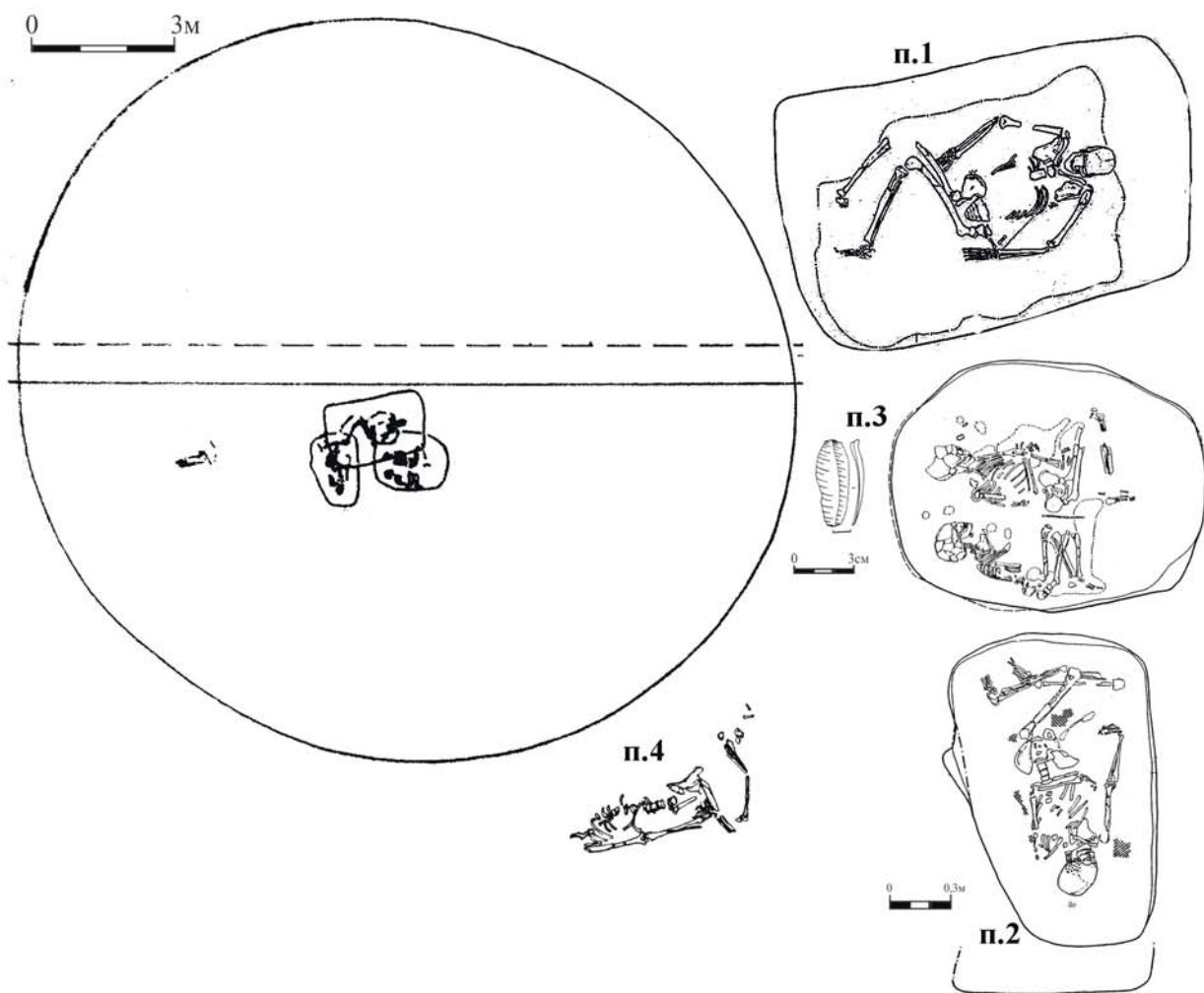

Рис. 57. Курганный могильник "Новопалестинский II", к.4, п.1-4.

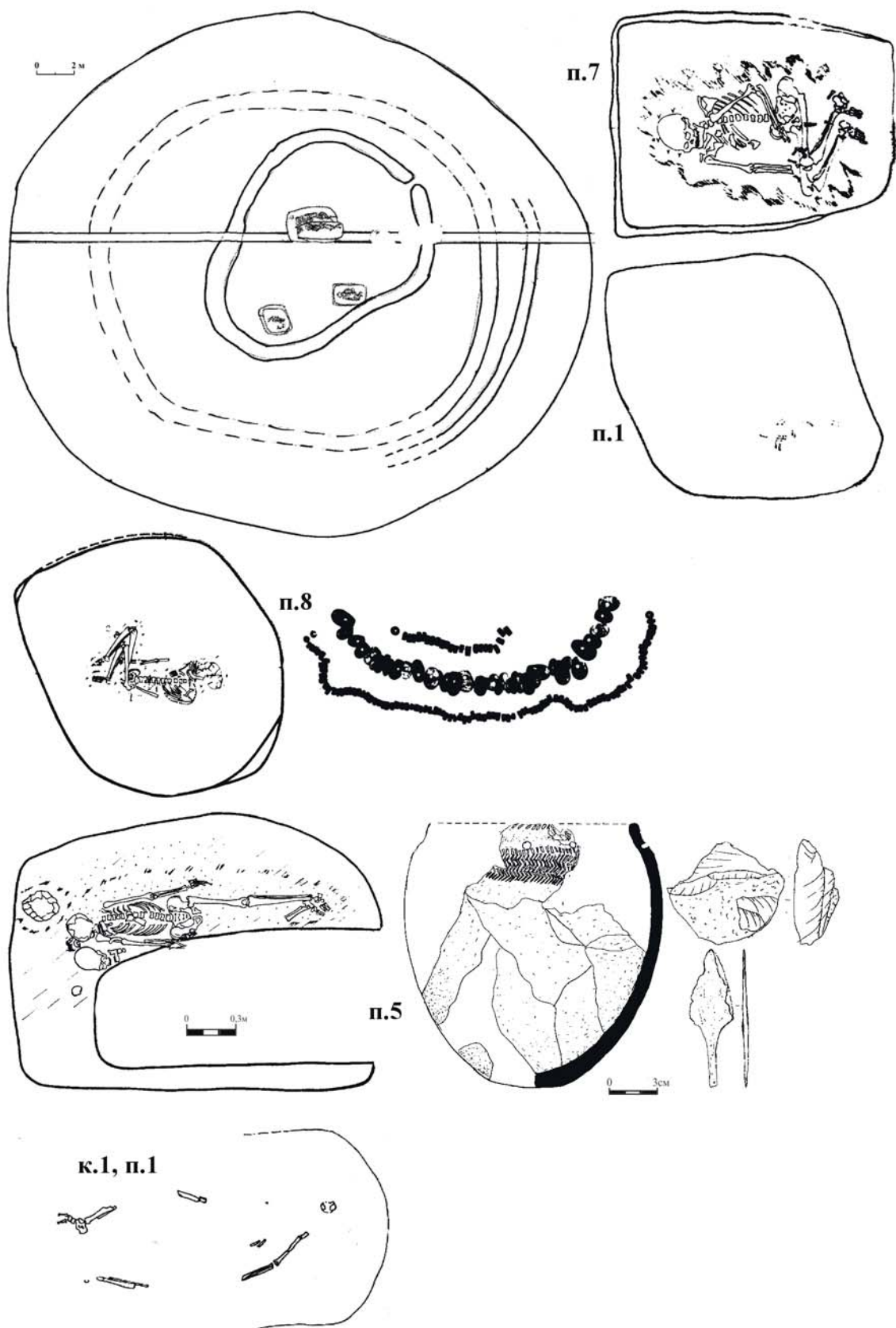

Рис. 58. Курганный могильник "Баранчук", к.3, п.1, п.5, п.7, п.8.
 Курганный могильник «Целинский II», к.1, п.1.

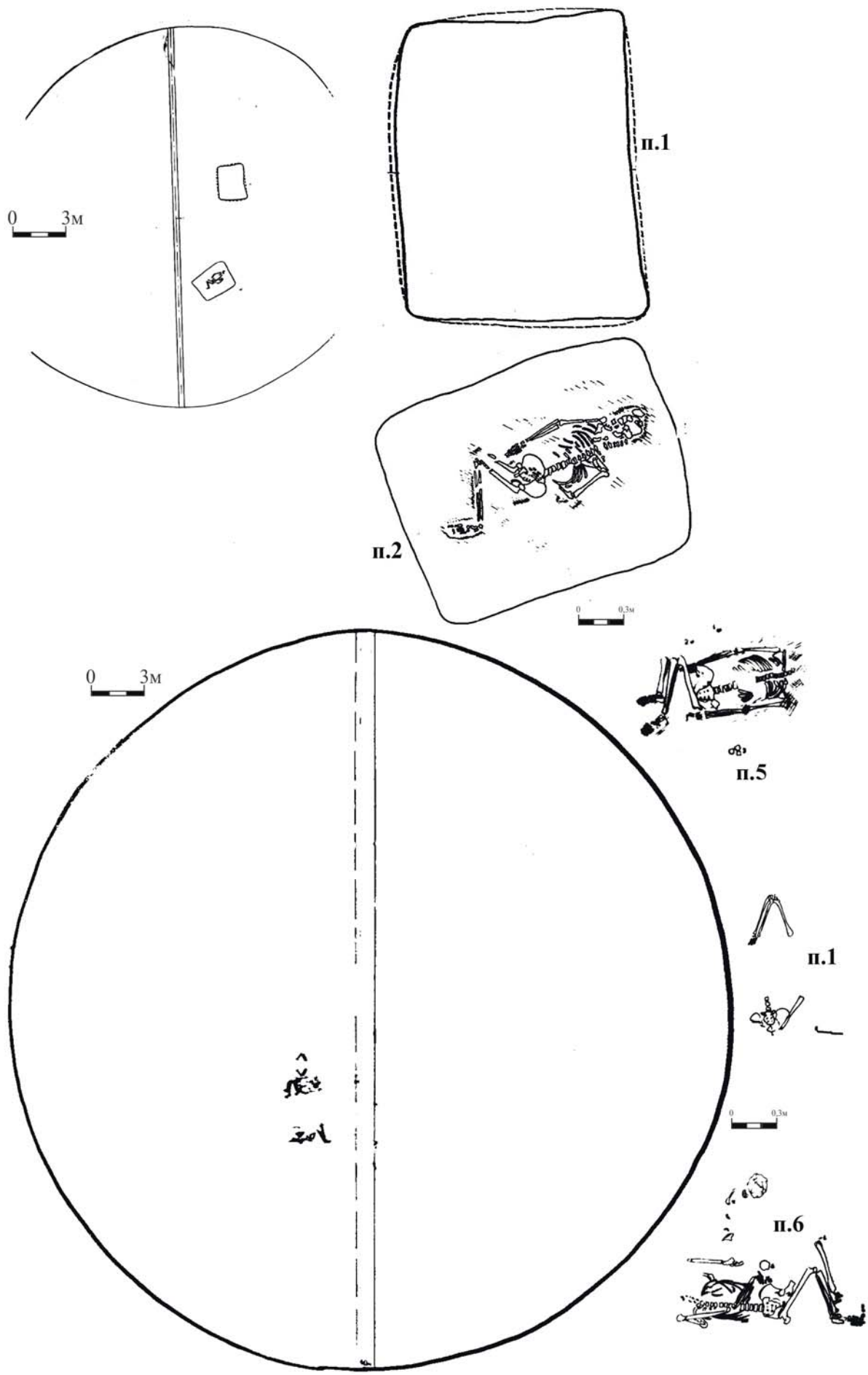

Рис. 59. Курганный могильник "Северный II", к.7, п.1, п.2.
 Курганный могильник "Первомайский", к.2, п.1, п.3, п.6.

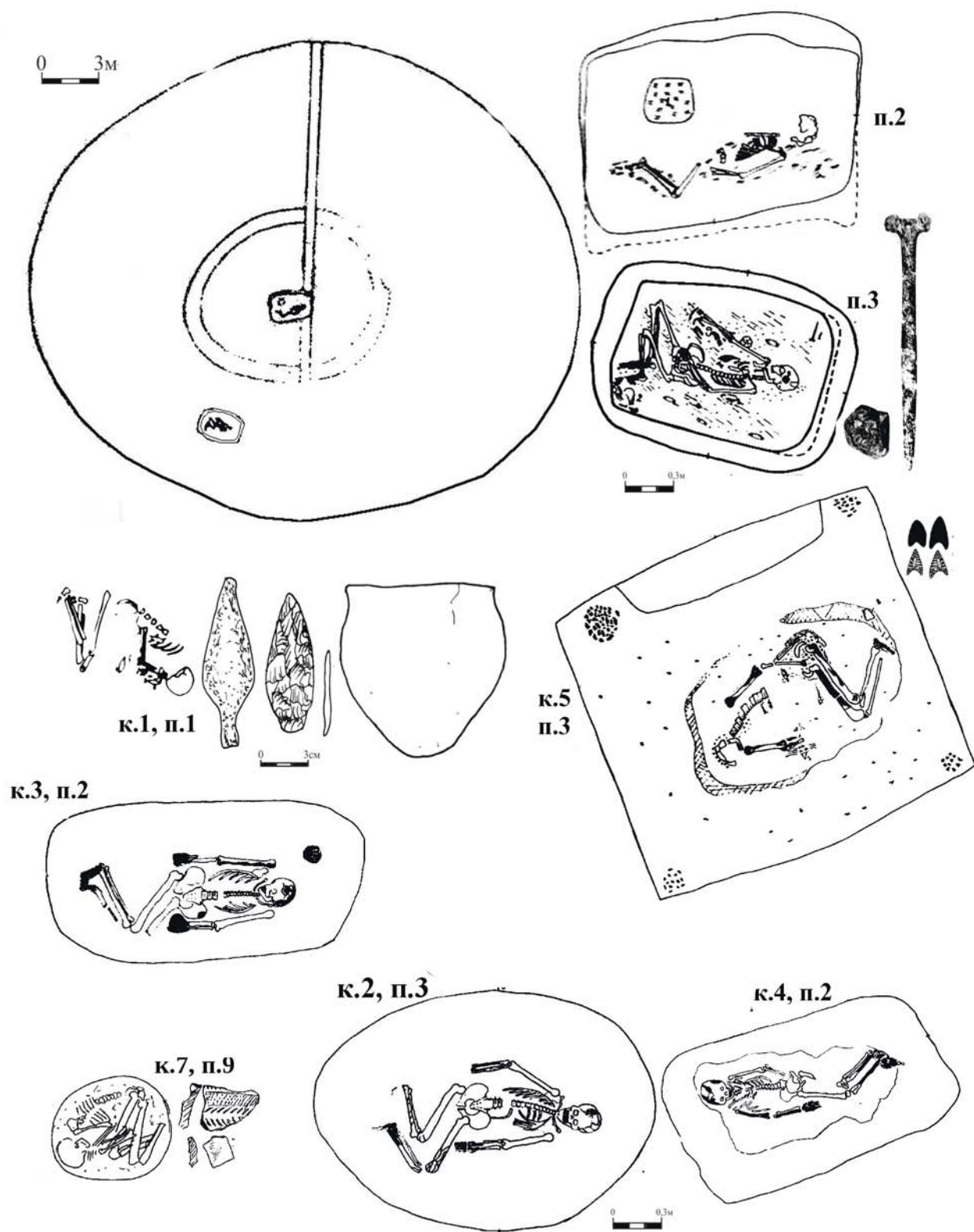

Рис. 60. Курганный могильник "Первомайский", к.4, п.2, п.3.
 Курганный могильник "Соленка", к.7, п.9.
 Курганный могильник "Баранчук II", к.5, п.3.
 Курганный могильник "Баранчук II", к.2, п.3; к.3, п.2; к.4, п.2.
 Курганный могильник "Первомайский", к.1, п.1.

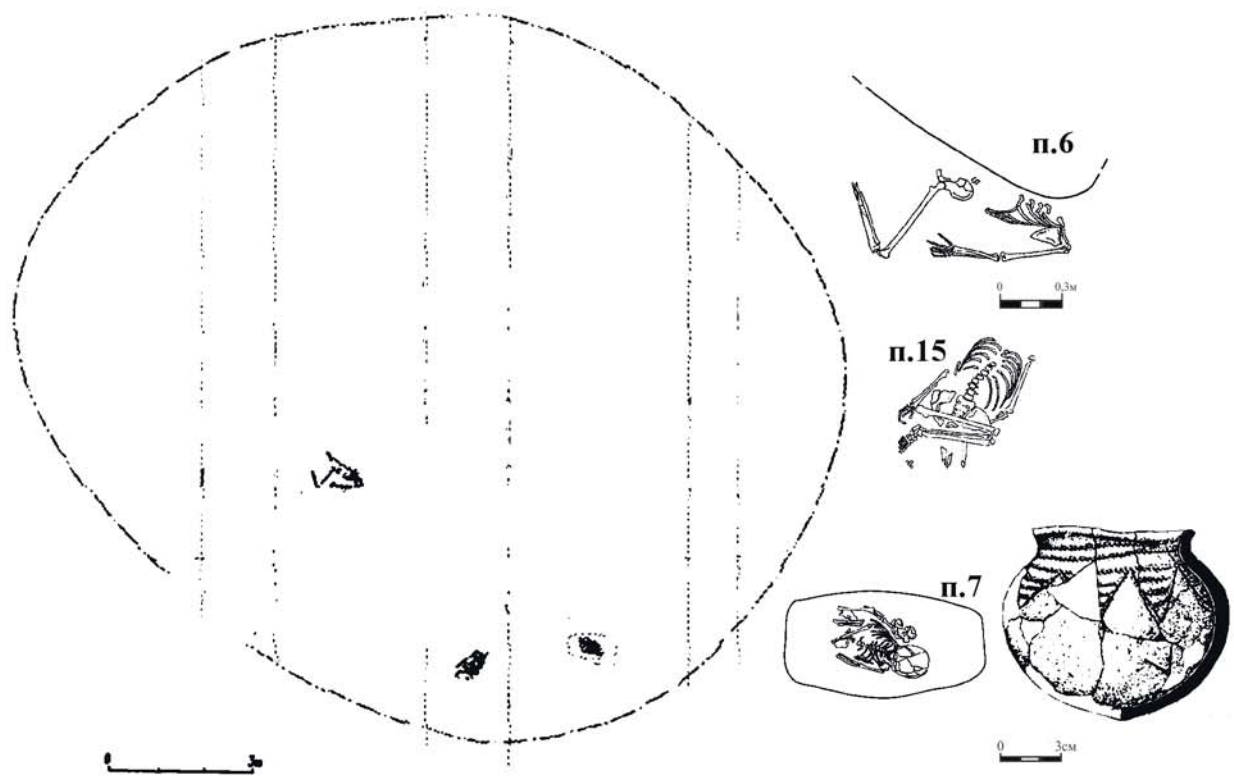

Рис. 61. Курганный могильник "Глубокая II", к.1, п.6, п.7, п.15.

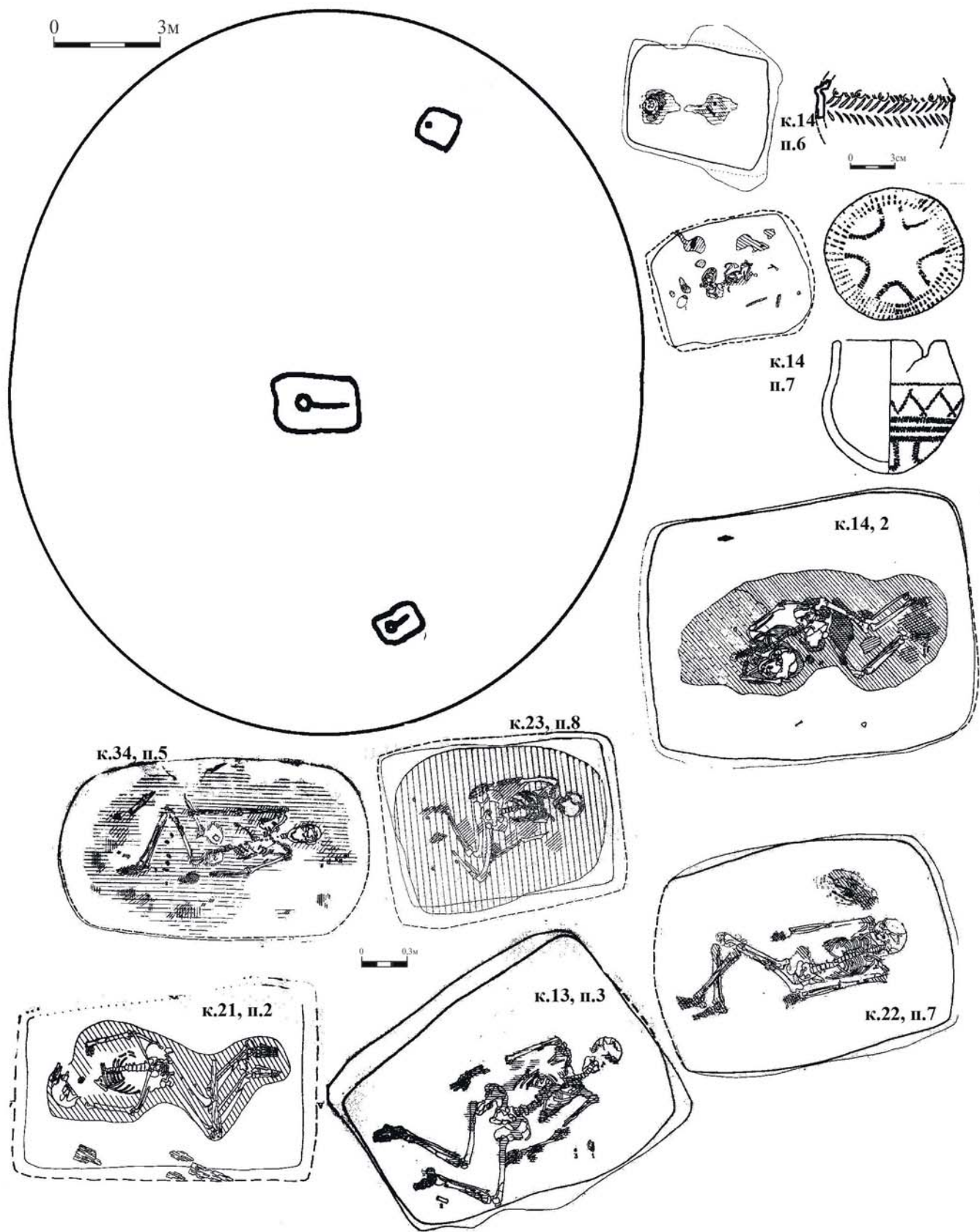

Рис. 62. Курганный могильник "Балабинский I", к.14, п.2, 6, 7; к.34, п.5; к.23, п.8; к.22, п.8; к.13, п.3; к.21, п.2

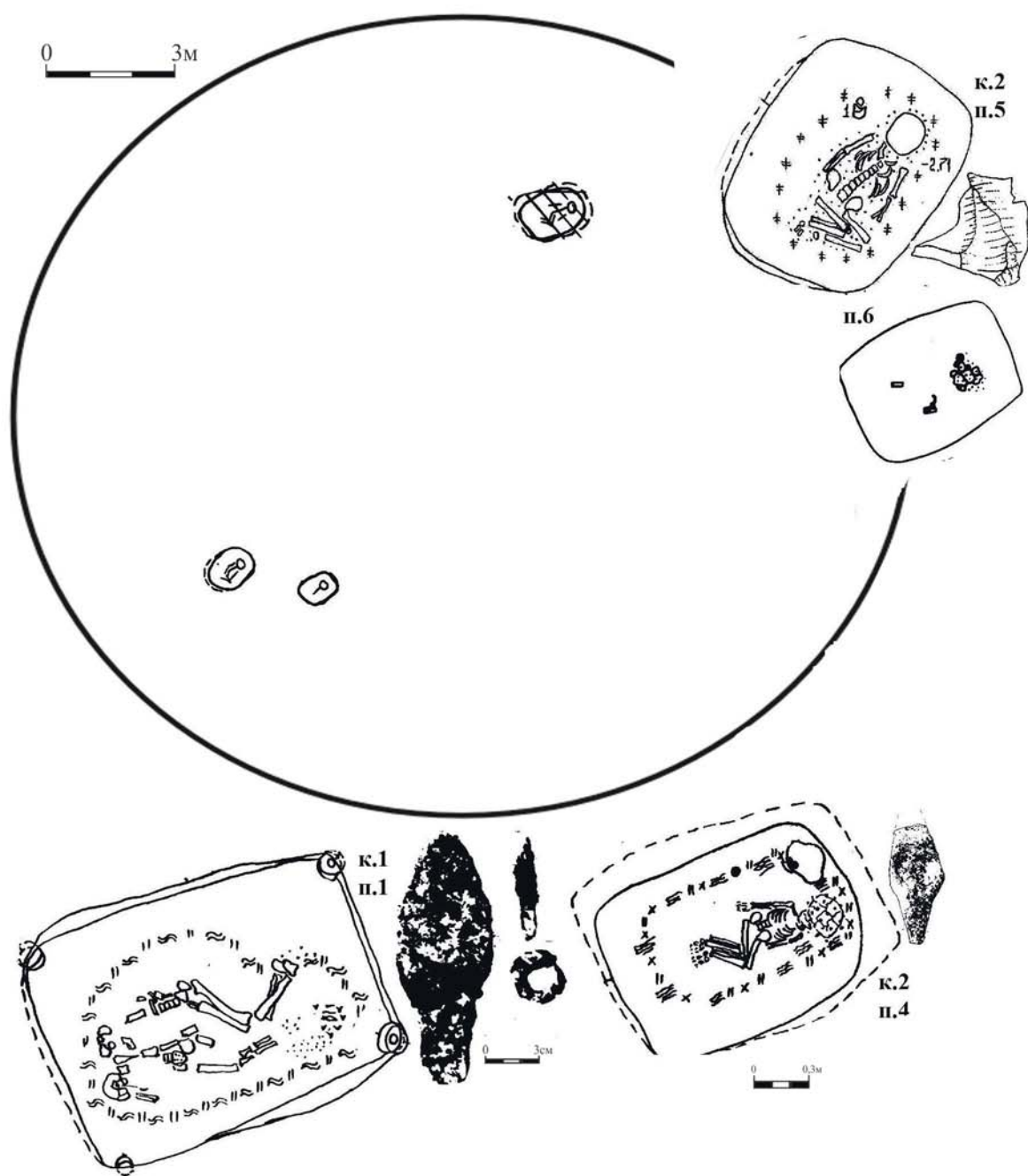

Рис. 63. Курганный могильник "Малая Мартыновка", к.1, п.1; к.2, п.4-6.

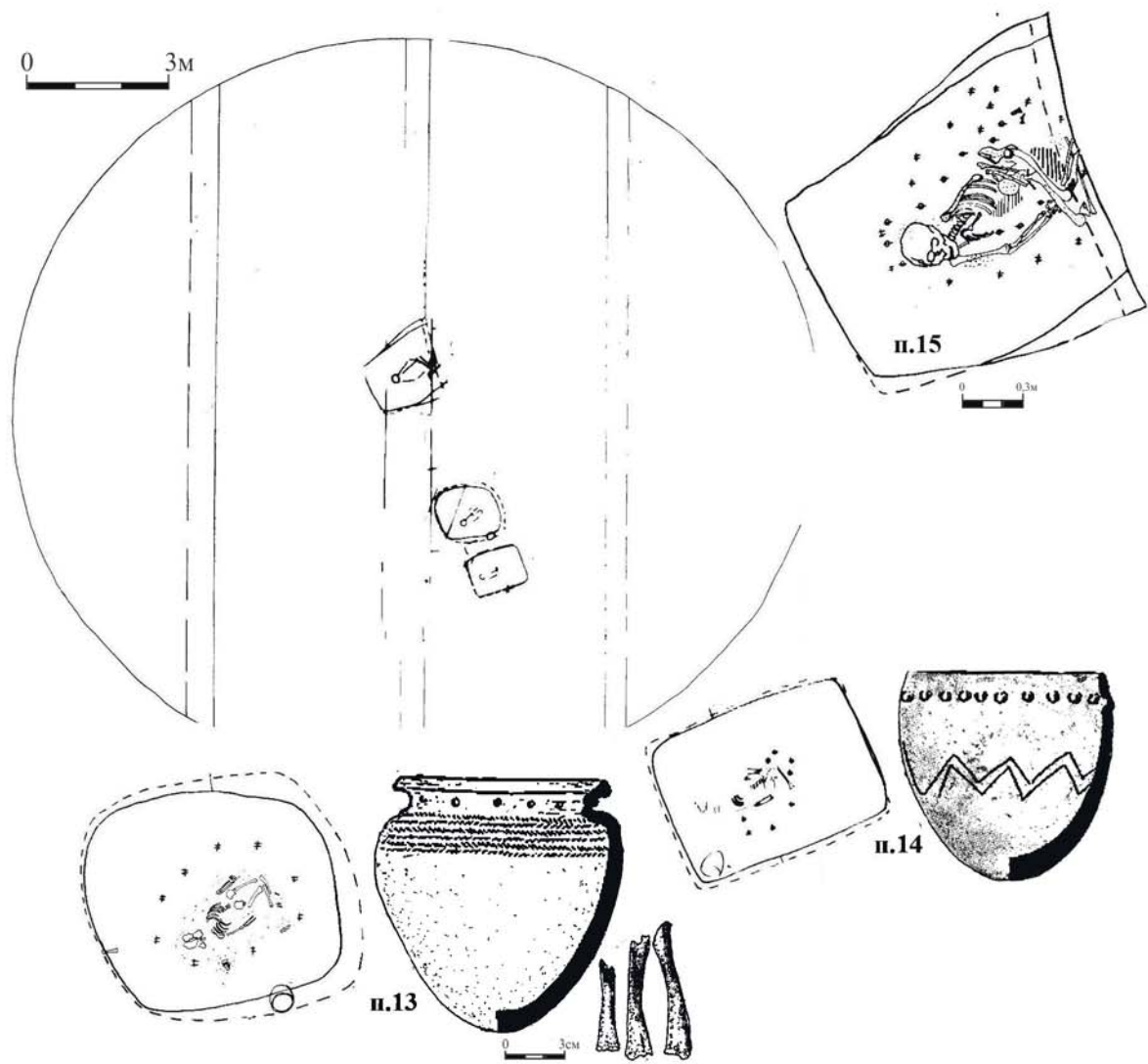

Рис. 64. Курганный могильник "Ильинов", к.1.

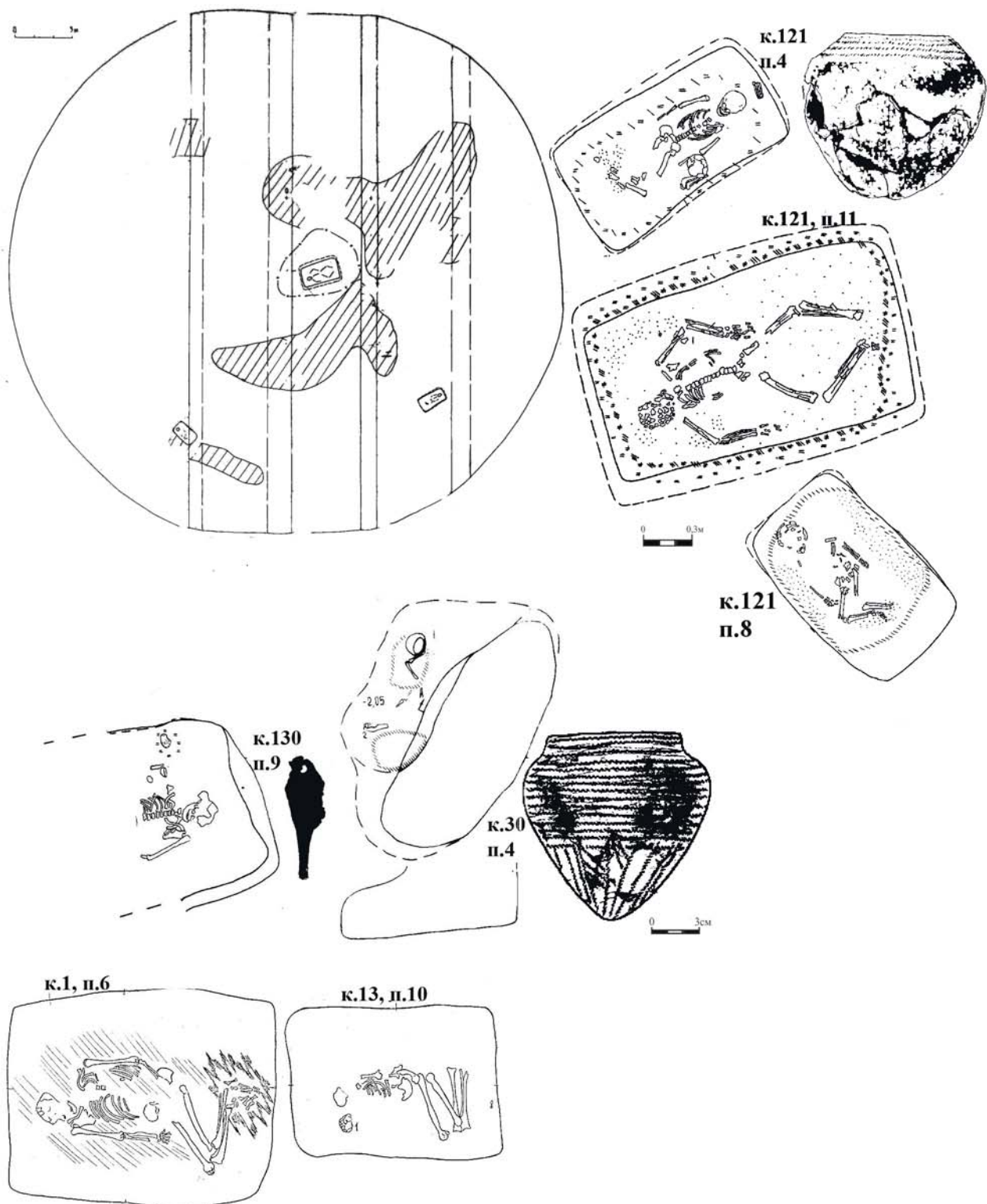

Рис. 65. Курганный могильник "Новый", к.121; к.30, п.4; к.130, п.9.
 Курганный могильник "Комаров I", к.1, п.6.
 Курганный могильник "Комаров II", к.13, п.10.

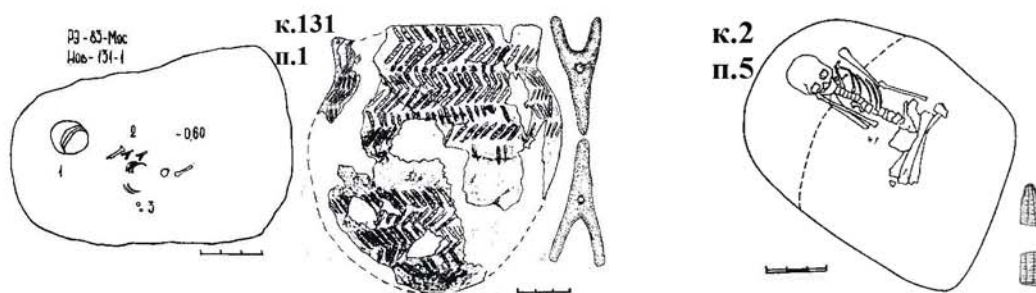
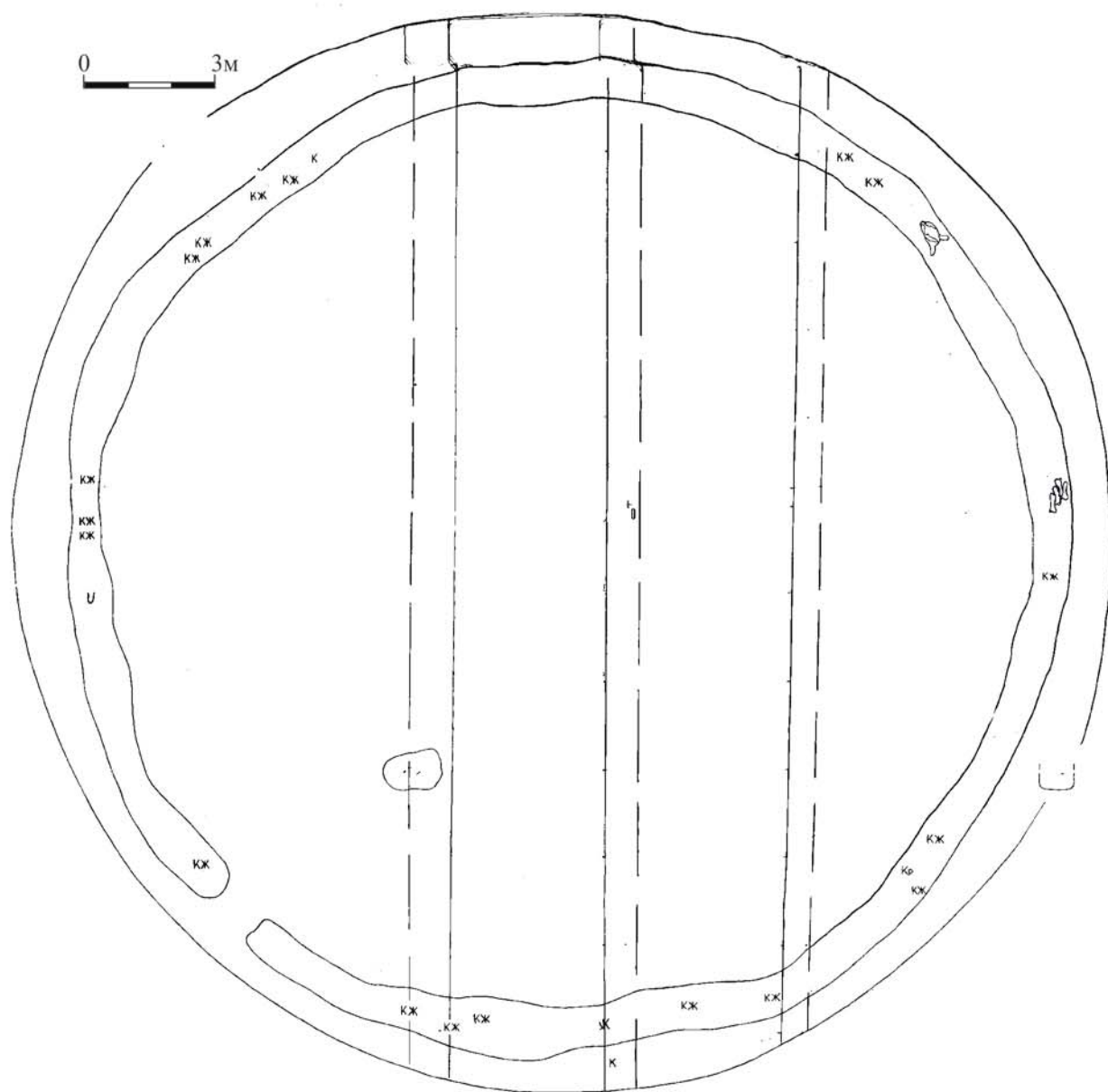

Рис. 66. Курганный могильник "Новый", к.131, п.1.
 Курганный могильник "Ажинов I", к.2, п.5.

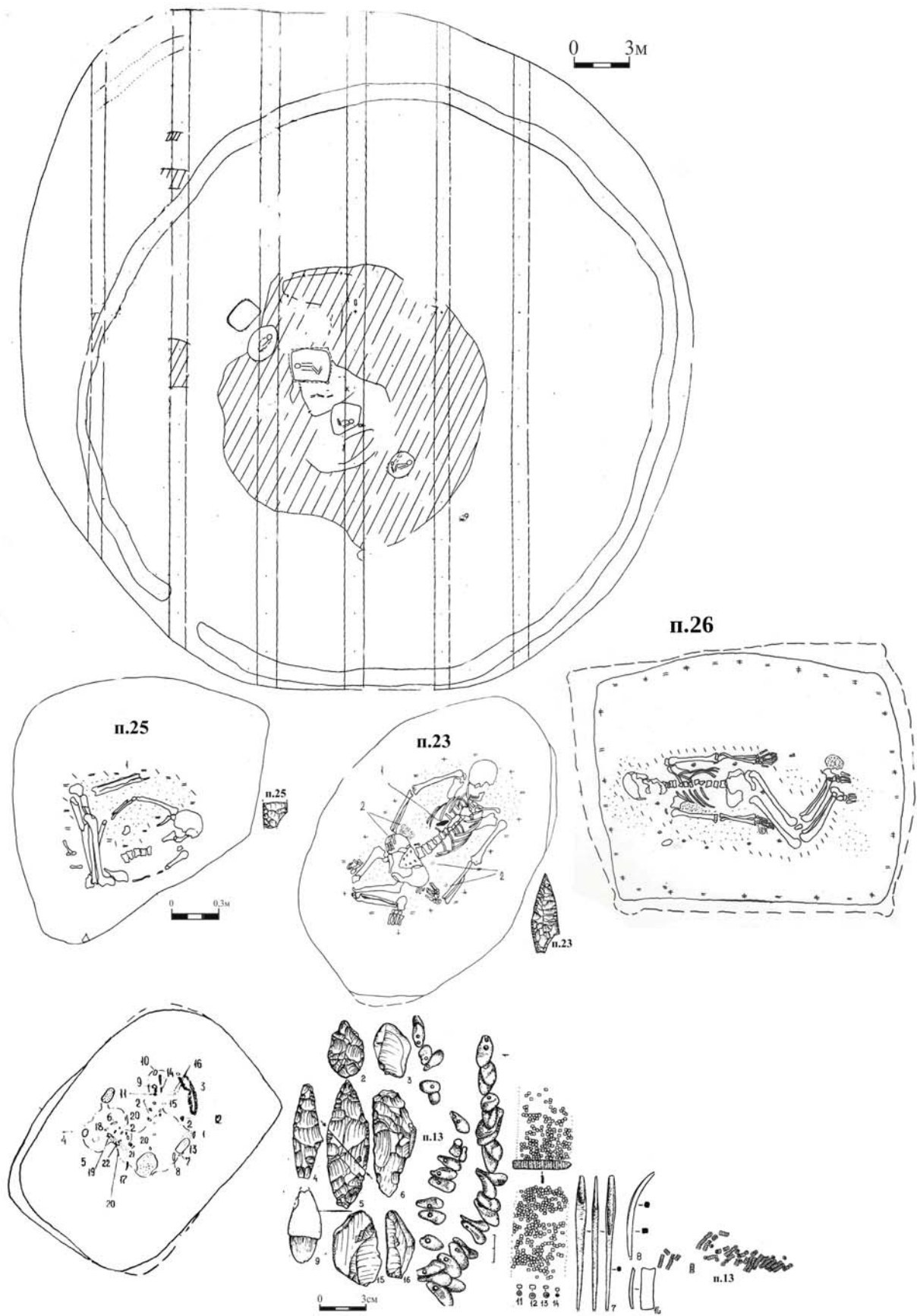

Рис. 67. Могильник «Новый», курган 132.

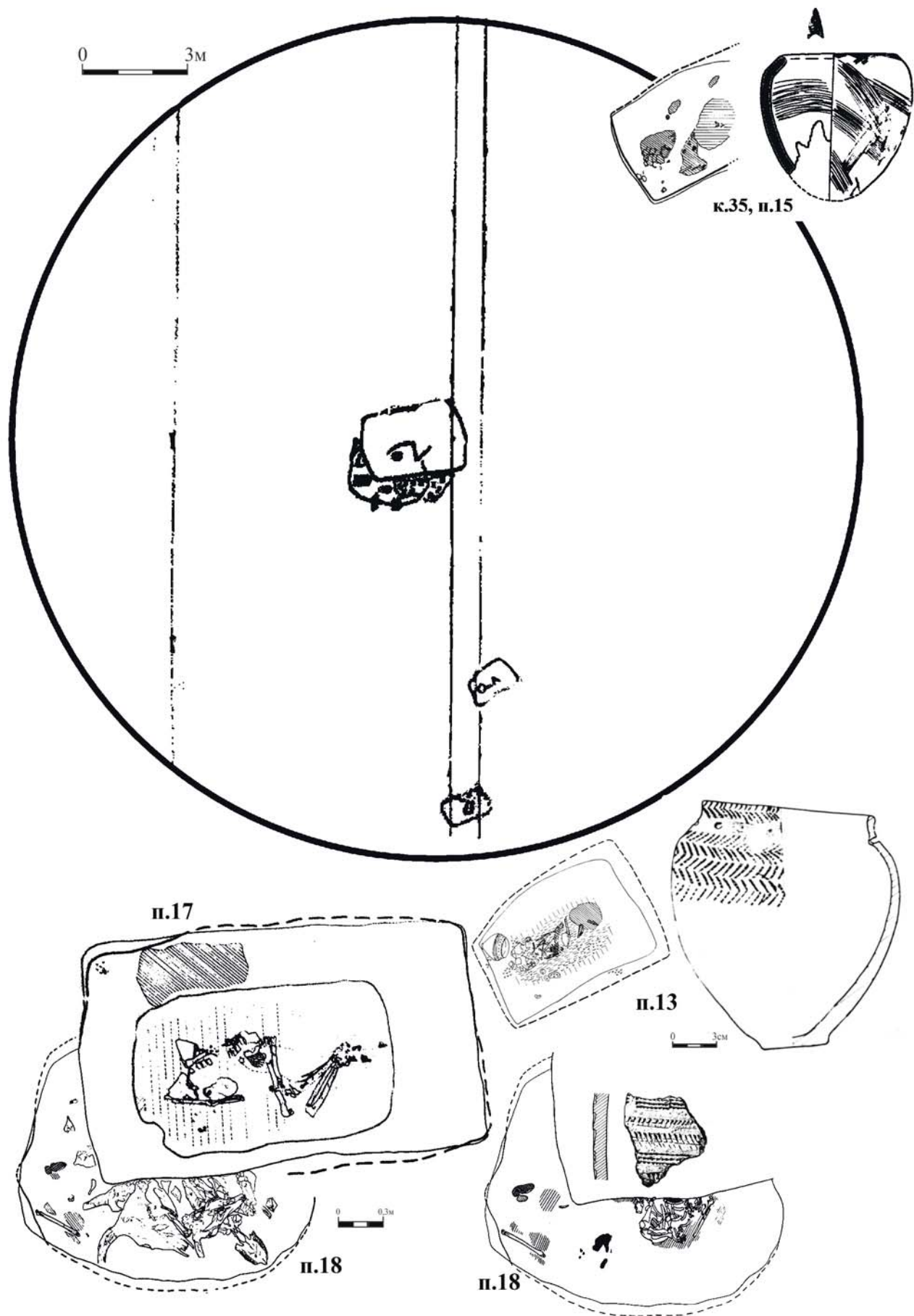

Рис. 68. Курганный могильник "Балабинский I", к.35, п.13, п.15, п.17, п.18.

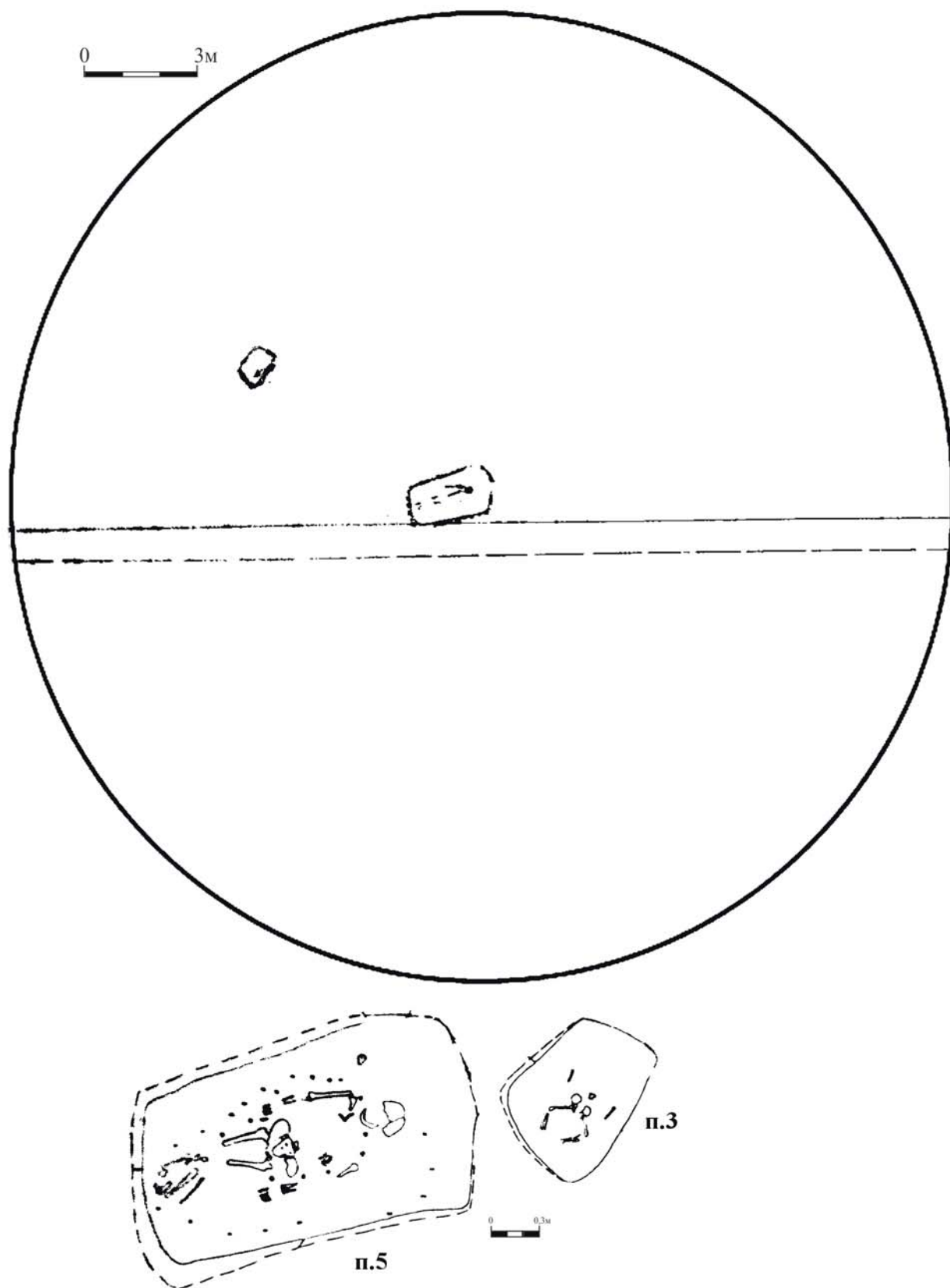

Рис. 69. Курганный могильник "Новый", к.34, п.3, п.5.

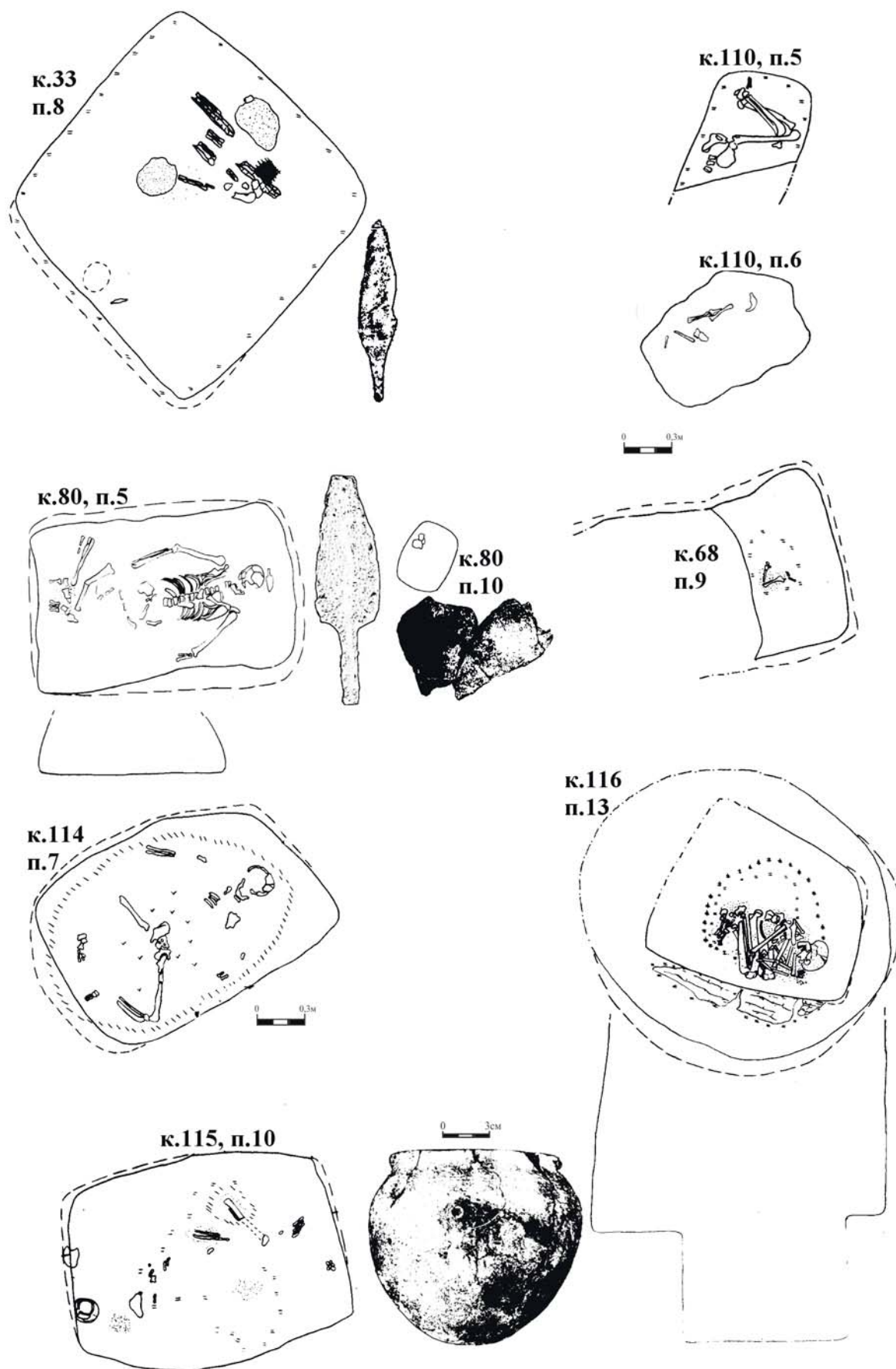

Рис. 70. Курганный могильник "Новый", к.33, п.8; к.68, п.9; к.80, п.5, п.10; к.110, п.5, п.6; к.114, п.7; к.115, п.10; к.116, п.13.

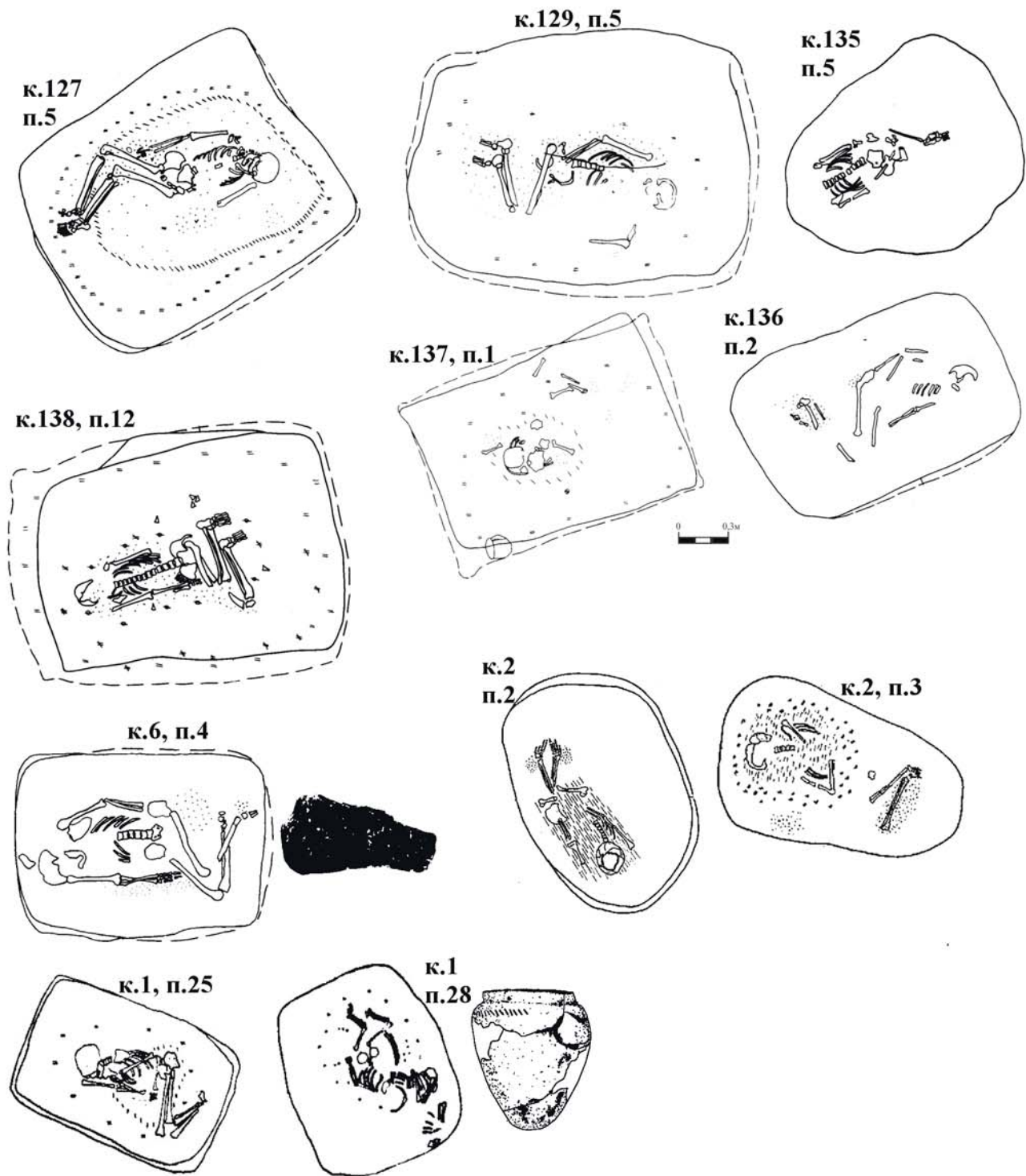

Рис. 71. Курганный могильник "Новый", к.127, п.5; к.129, п.5; к.135, п.5; к.136, п.2; к.137, п.1; к.138, п.12. Курганный могильник "Долгий", к.6, п.4; Курганный могильник "Центральный VI", к.2, п.2, п.3. Курганный могильник "Донской", к.1, п.25, п.28.

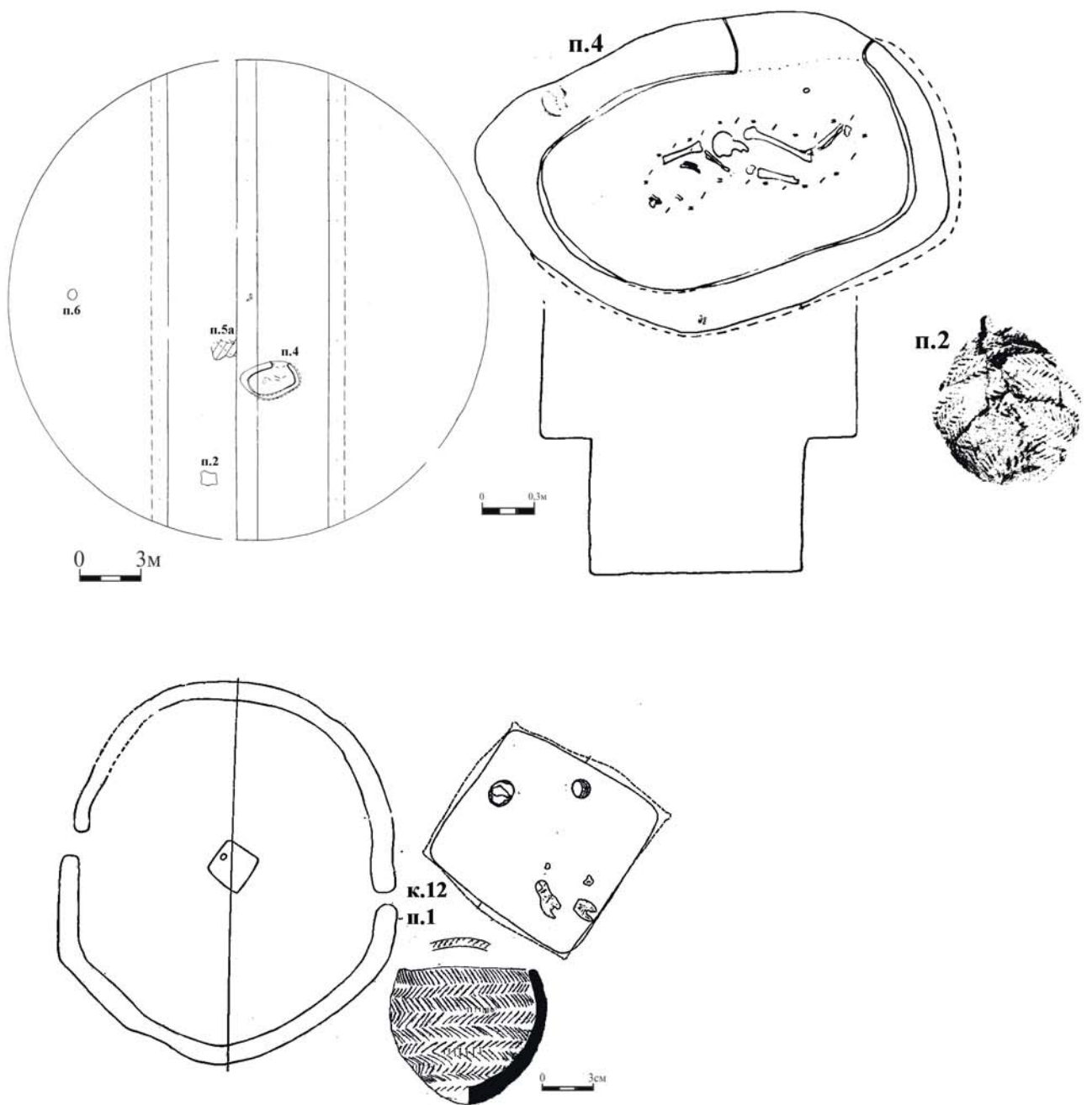
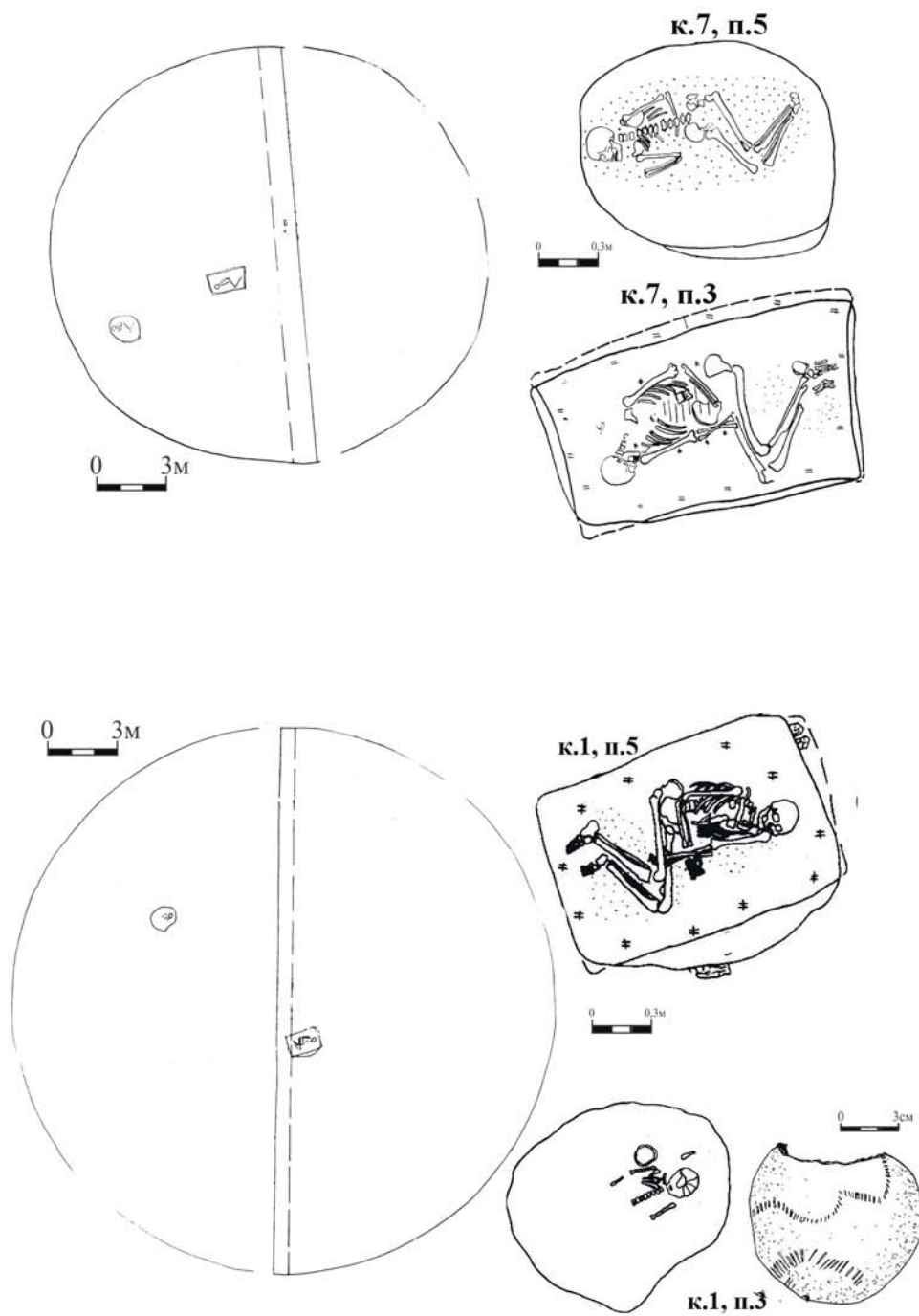

Рис. 72. Курганный могильник "Новый", к.79, п.2, п.4, п.5а, п.6.
 Курганный могильник "Ериковский I", к.12, п.1.

**Рис. 73. Курганный могильник "Долгий", к.7, п.3, п.5.
Курганный могильник "Долгий I", к.1, п.3, 5.**

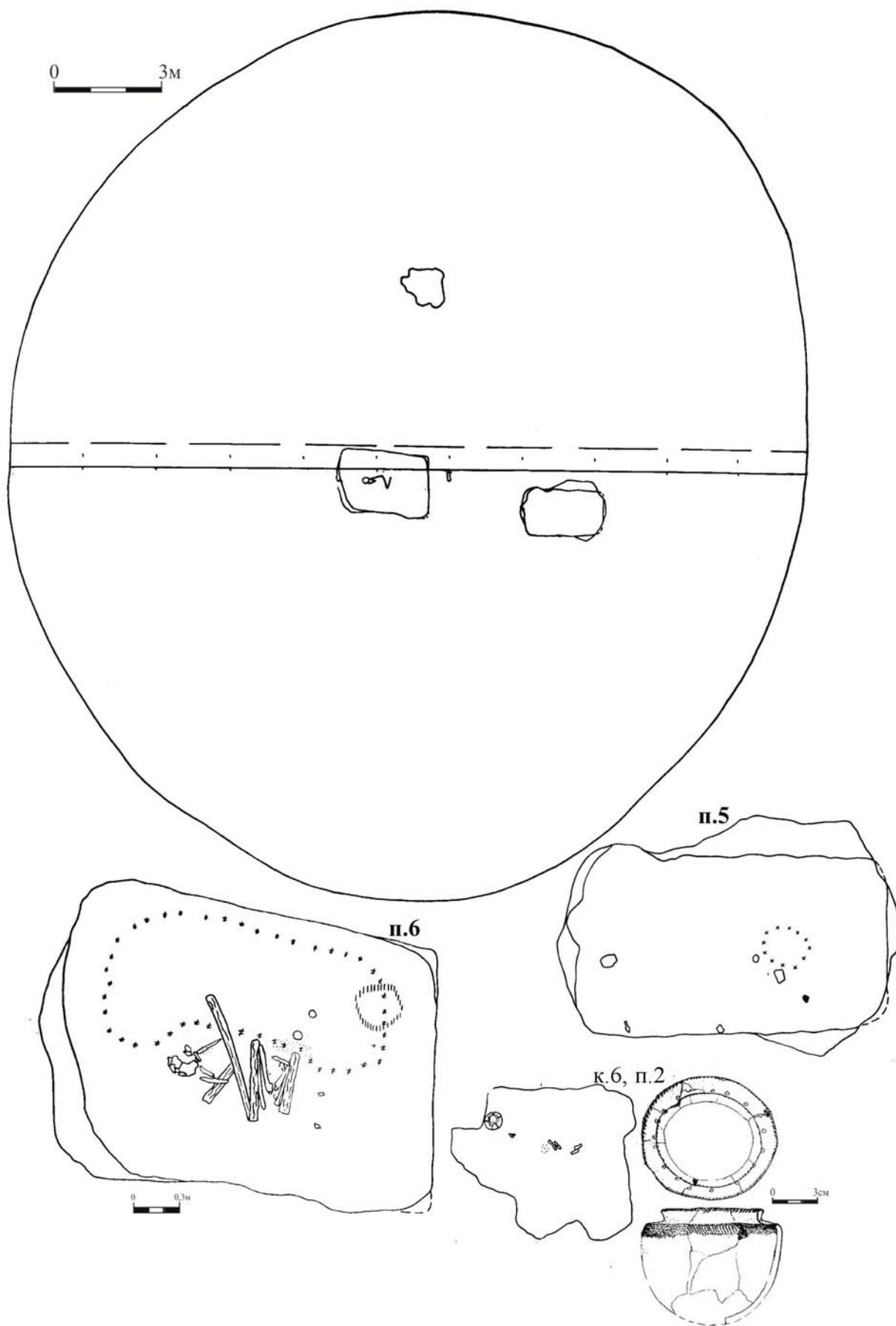

Рис. 74. Курганный могильник "Кировский I", к.6, п.2, 5, 6.

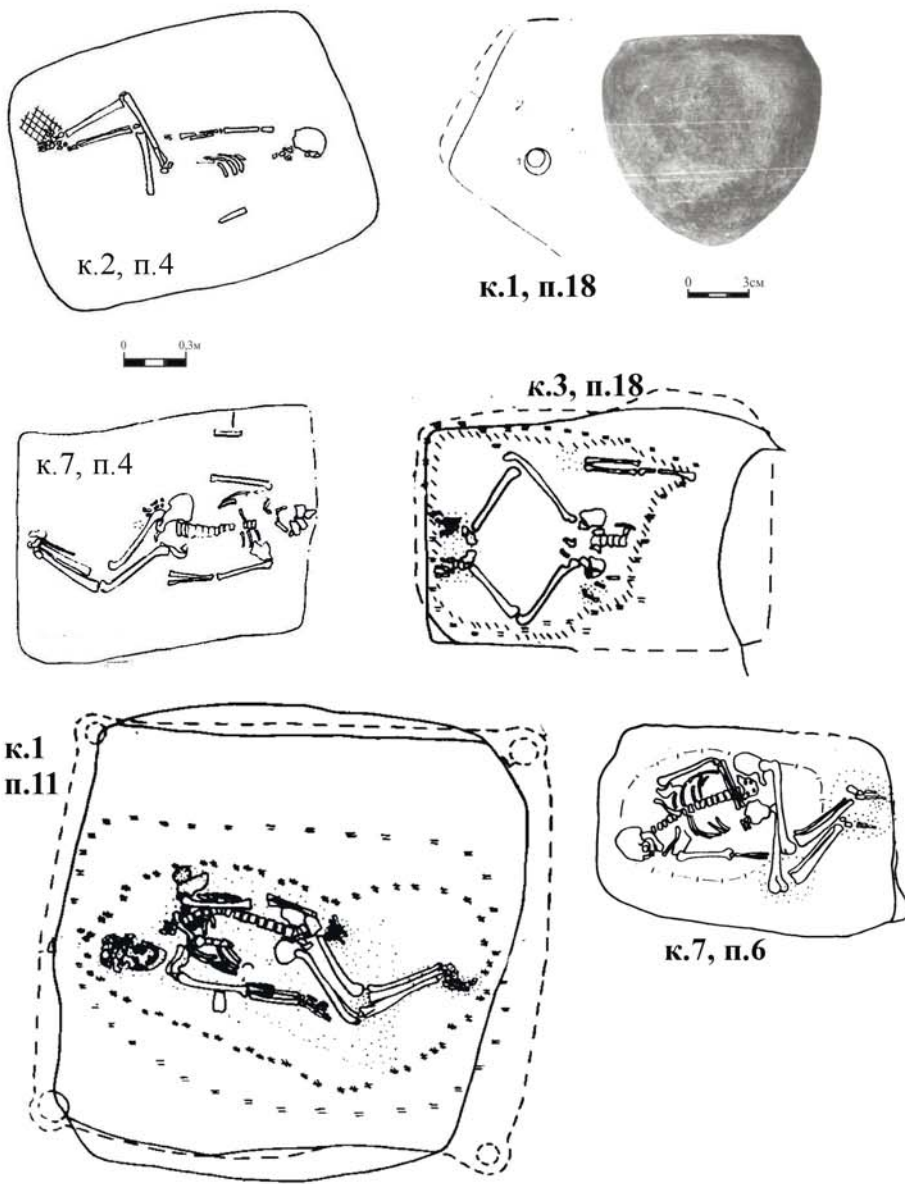

Рис. 75. Курганный могильник Кировский IV, к.1, п.11, 18; к.2, п.4; к.3, п.18; к.7, п.4. Курганный могильник Арбузов, к.7, п.6.

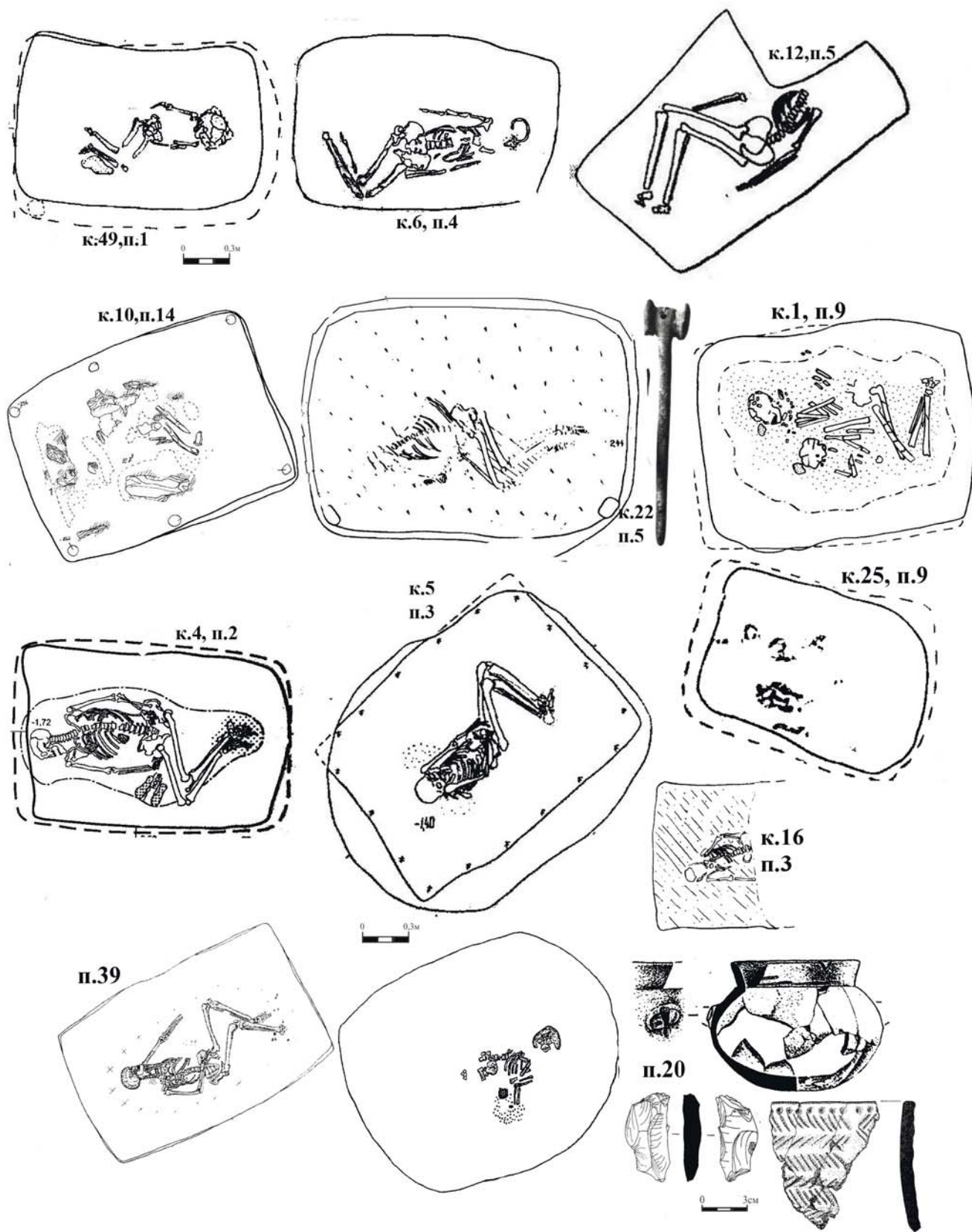

Рис. 76. Курганный могильник "Криволиманский I", к.49, п.1, к.12, п.5; к.25, п.9; к.22, п.5, к.16, п.3.

Курганный могильник "Криволиманский III", к.6, п.4, к.10, п.14.

Курганный могильник "Криволиманский VI", к.1, п.9.

Курганный могильник "Засальский II", к.4, п.2. Курганный могильник "Пробуждение", к.5, п.3. Могильник "Салок I", п.20, п.39.

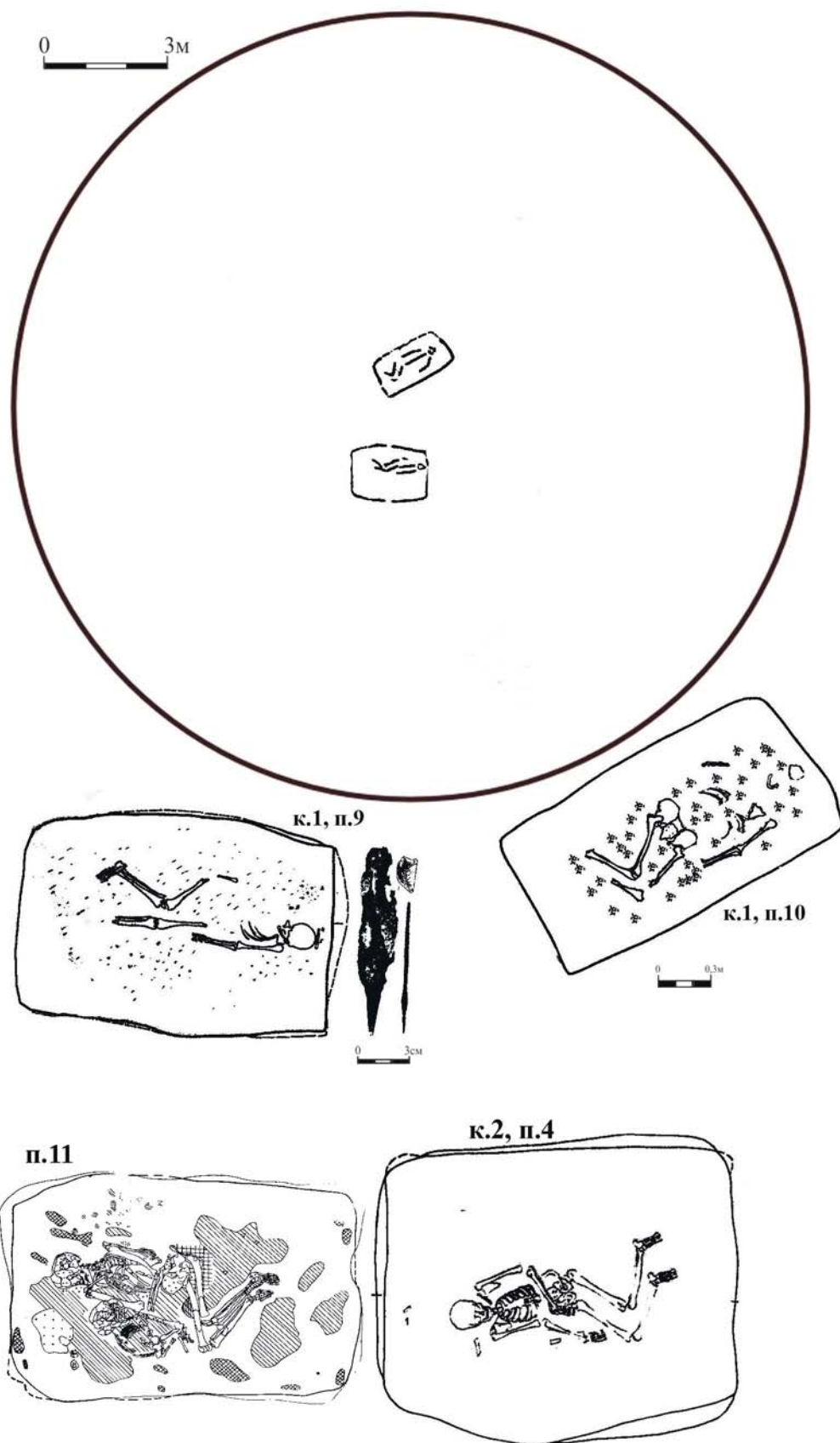

Рис. 77. Курганный могильник "Дубенцы V", к.1, п.9, п.10. Курганный могильник "Пирожок", к.2, п.4.

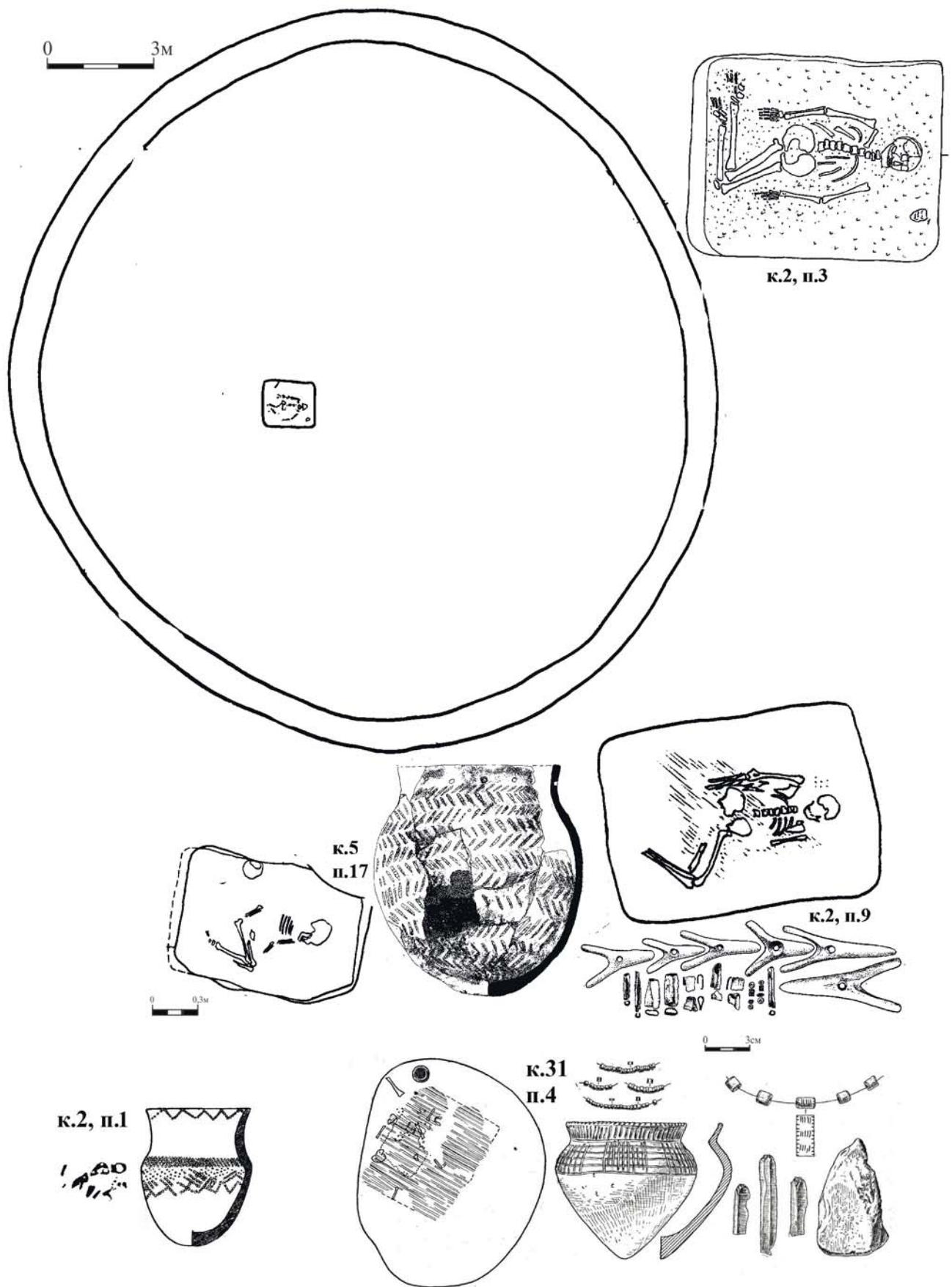

Рис.78. Курганный могильник "Холодный I", к.2, п.3.
 Курганный могильник "Дубенцы III", к.5, п.17.
 Курганный могильник "Холодный IV", к.2, п.9.
 Курганный могильник "Лагутники", к.2, п.1. Курганный могильник
 "х. Попов", к.31, п.4.

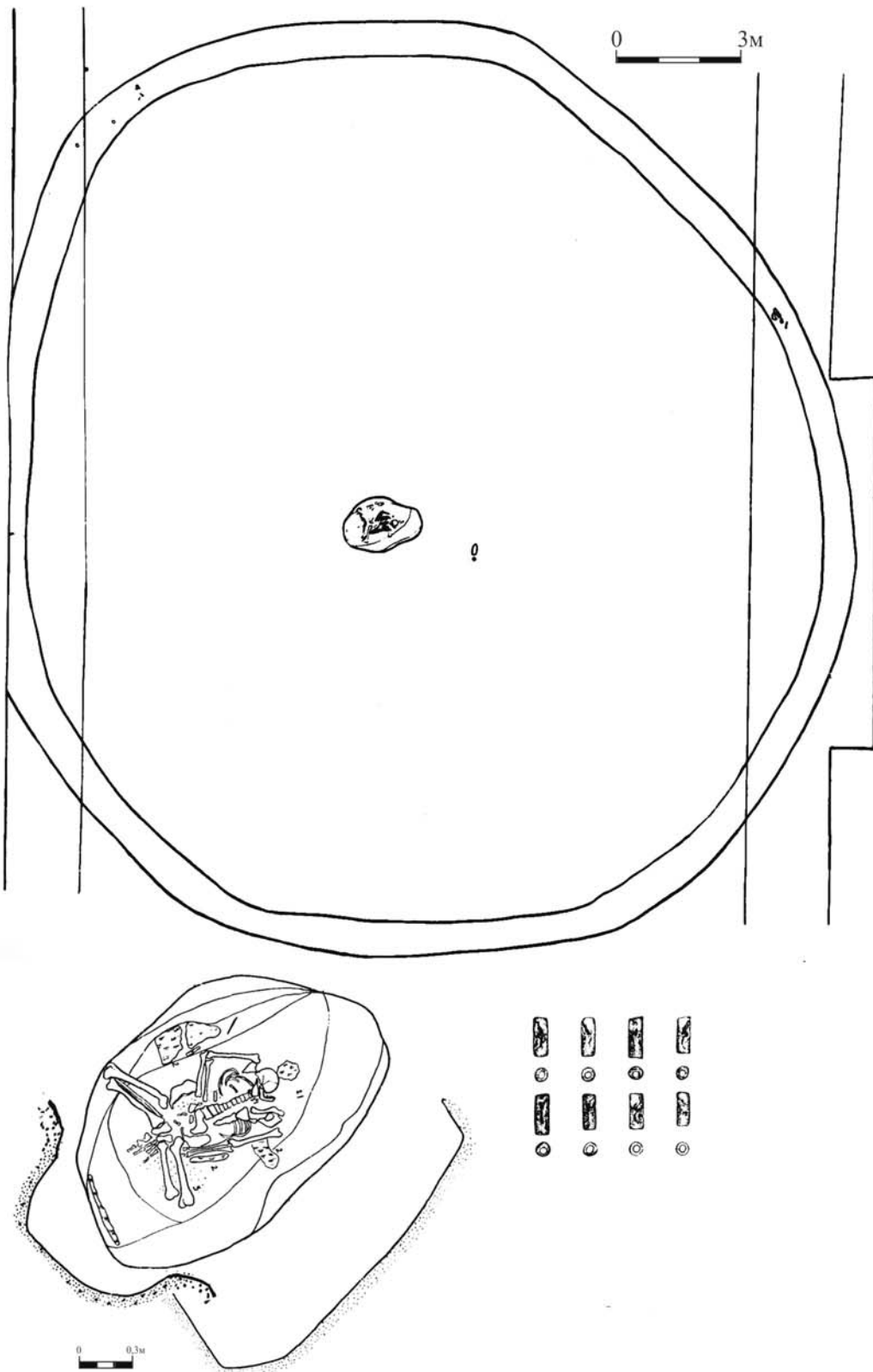

Рис. 79. Курганный могильник Холодный III, к.1, п.3.

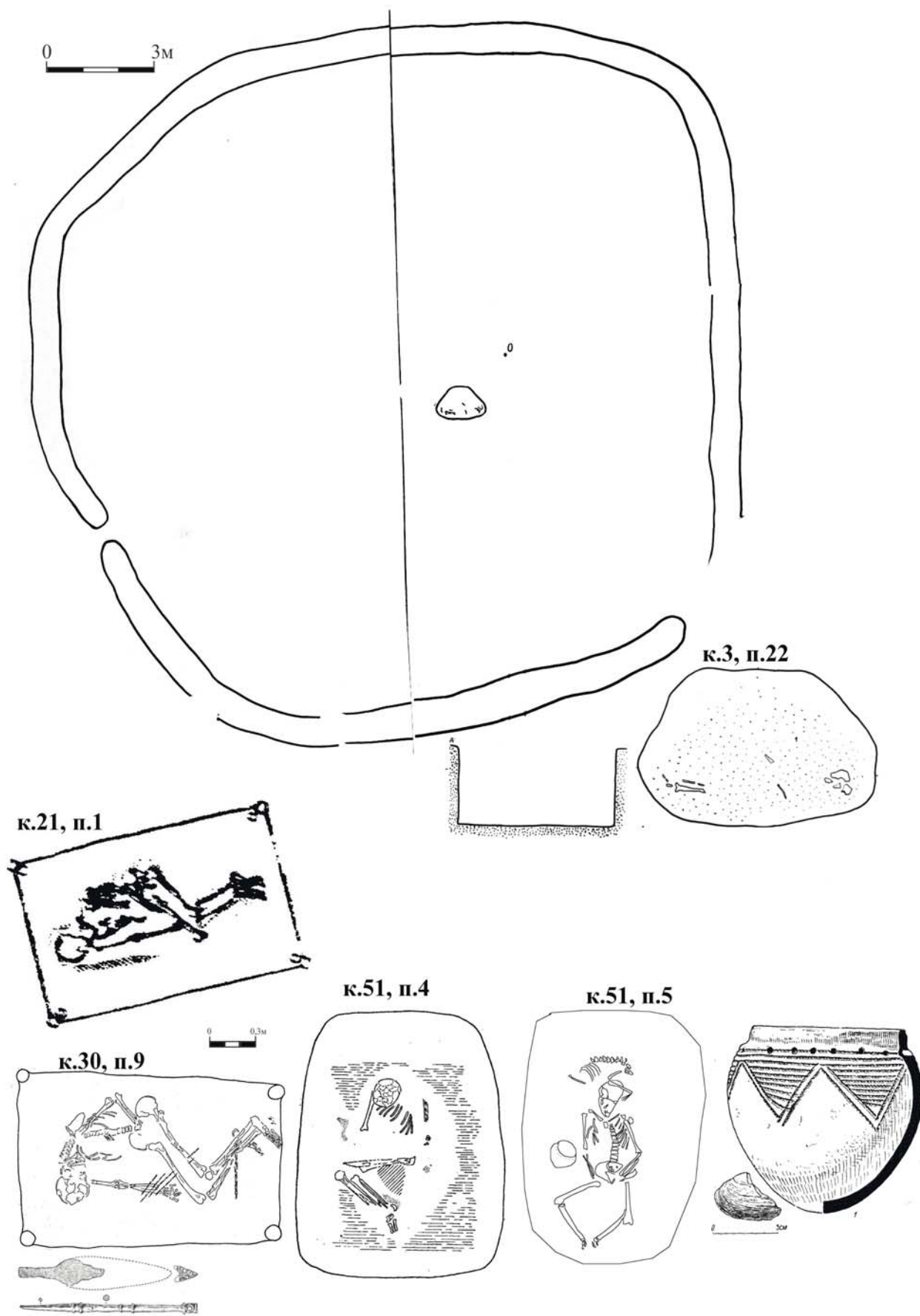

Рис. 80. Курганный могильник "Дубенцы III", к.3, п.22.
 Курганный могильник "х. Попов", к.30, п.9; к.51, п.4, п.5, к.21, п.1.

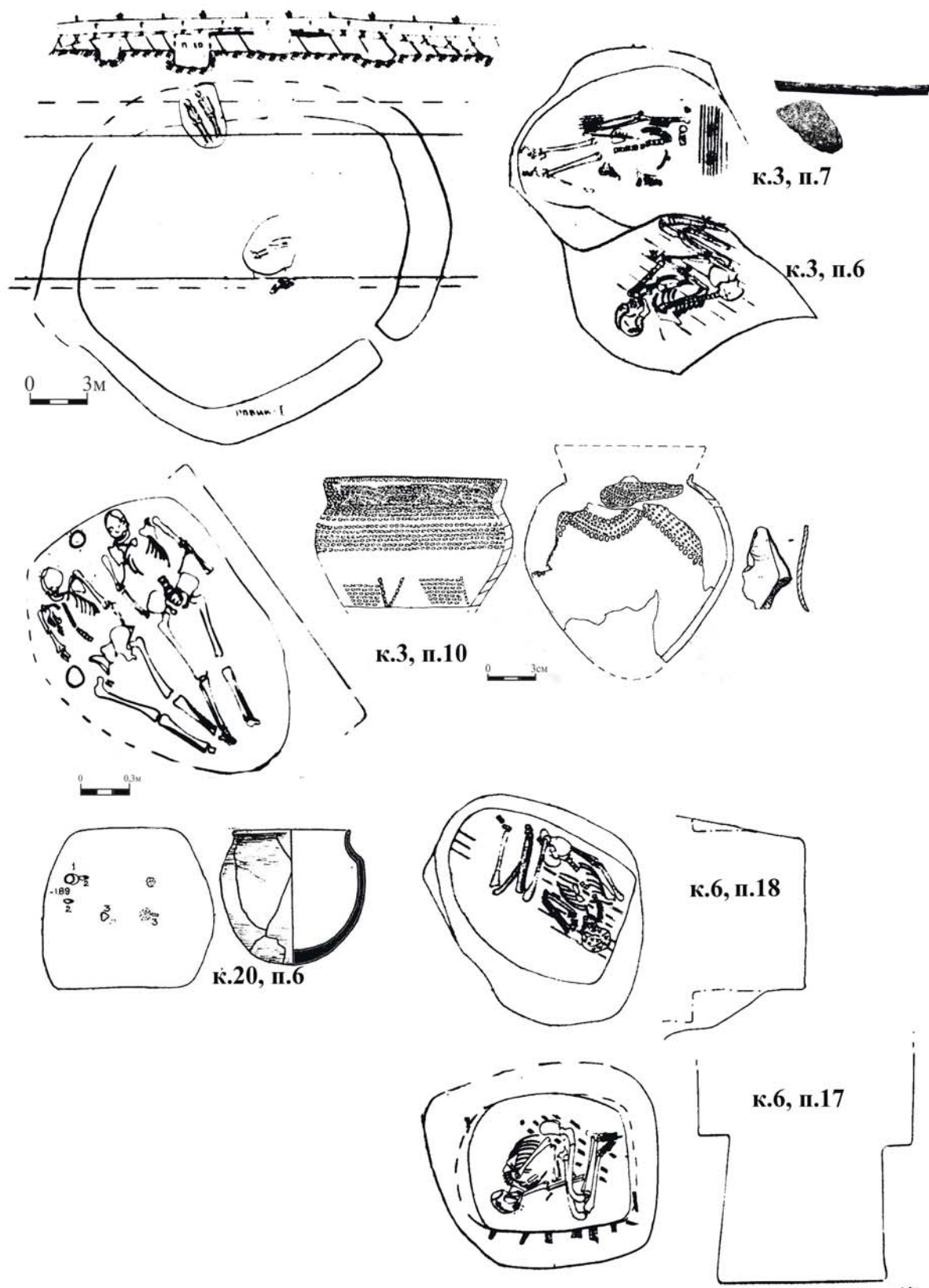

Рис. 81. Курганный могильник "Семенкин", к.3, п.6, п.7, п.10; к.6, п.17,18; к.20, п.6.

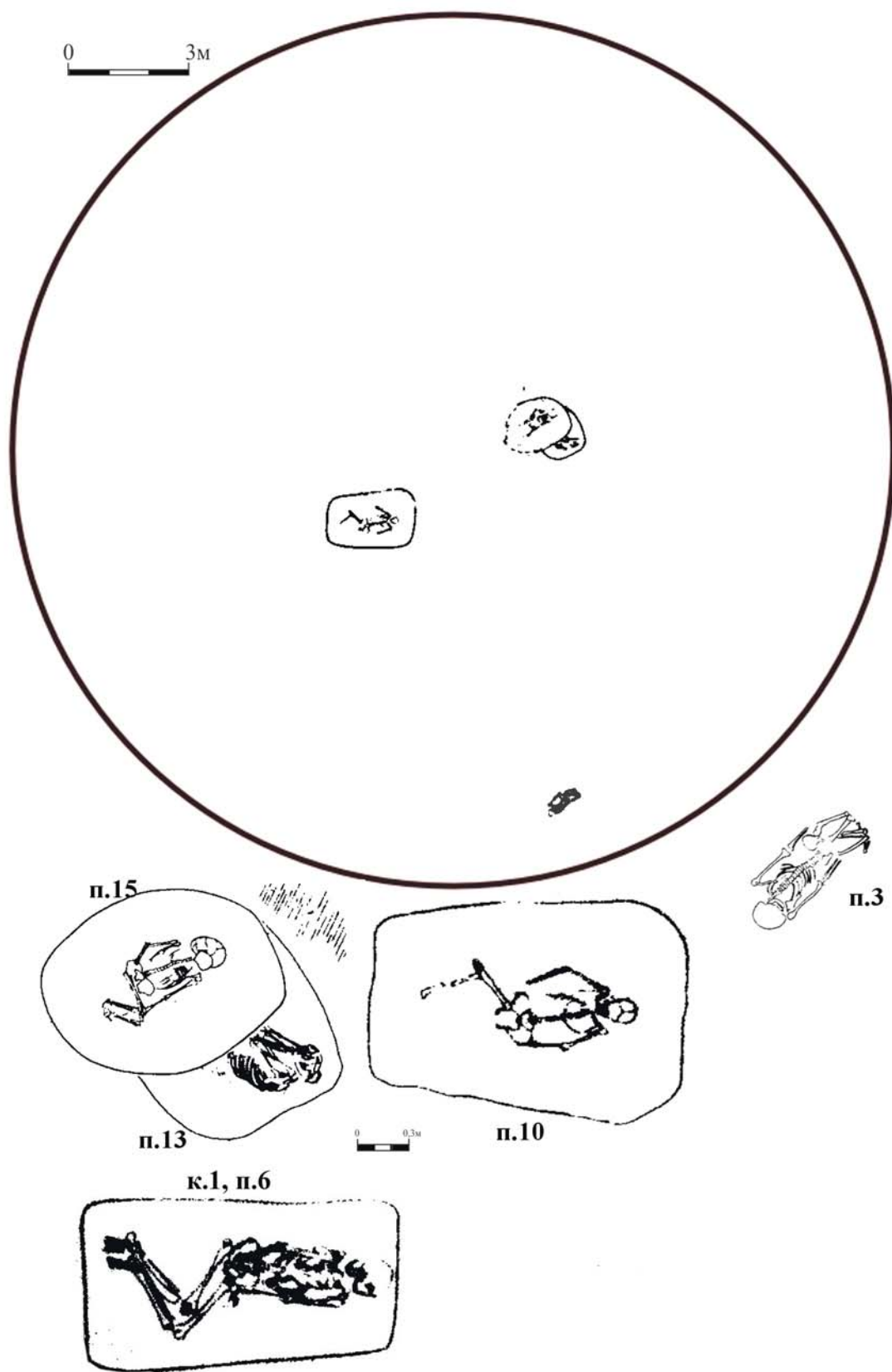

Рис. 82. Курганный могильник Ясырев I, к.8, п.3, п.10, п.13, п.15, к.1, п.6.

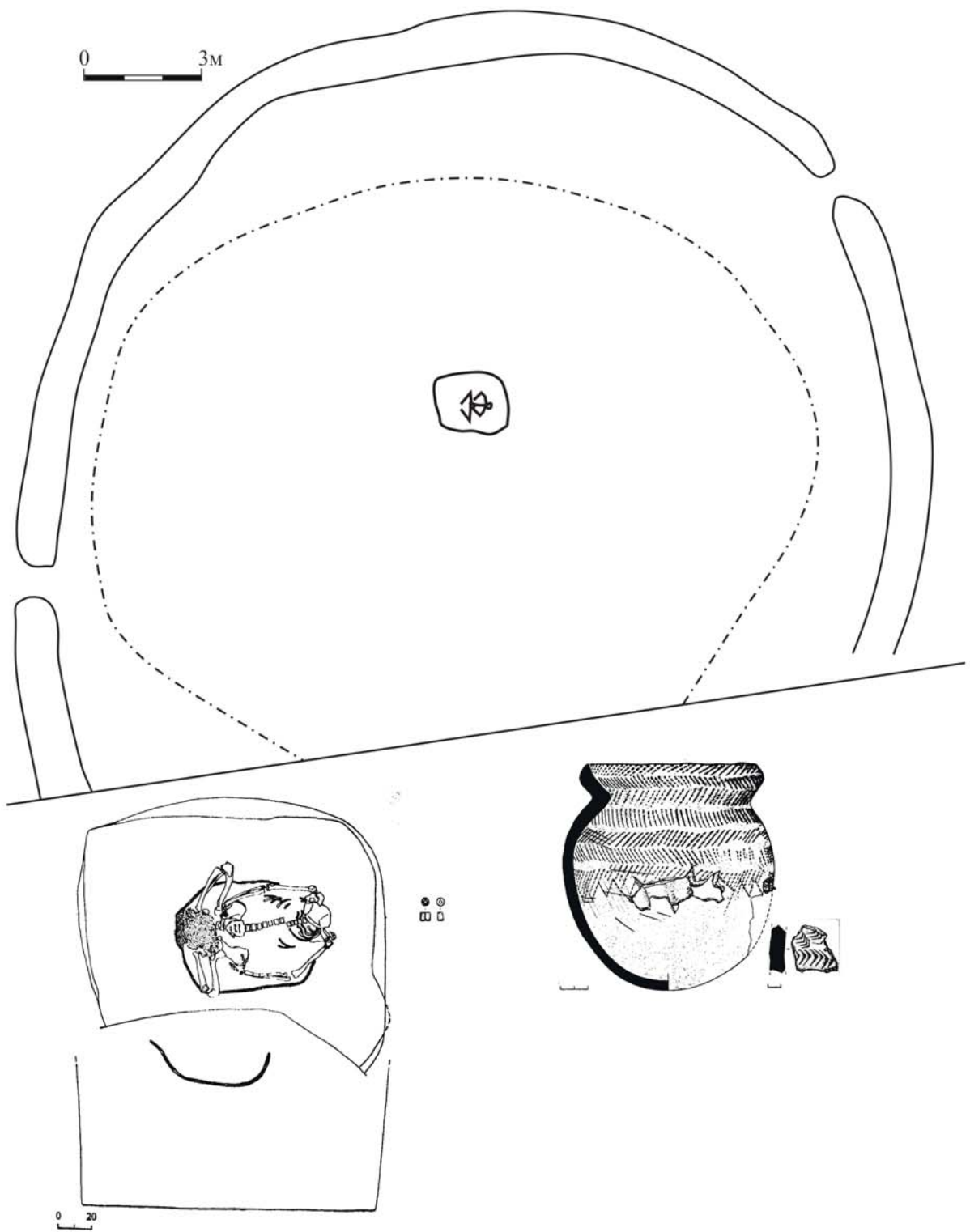

Рис. 83. Курганный могильник Холодный I, к.1, п.12, сит.2.

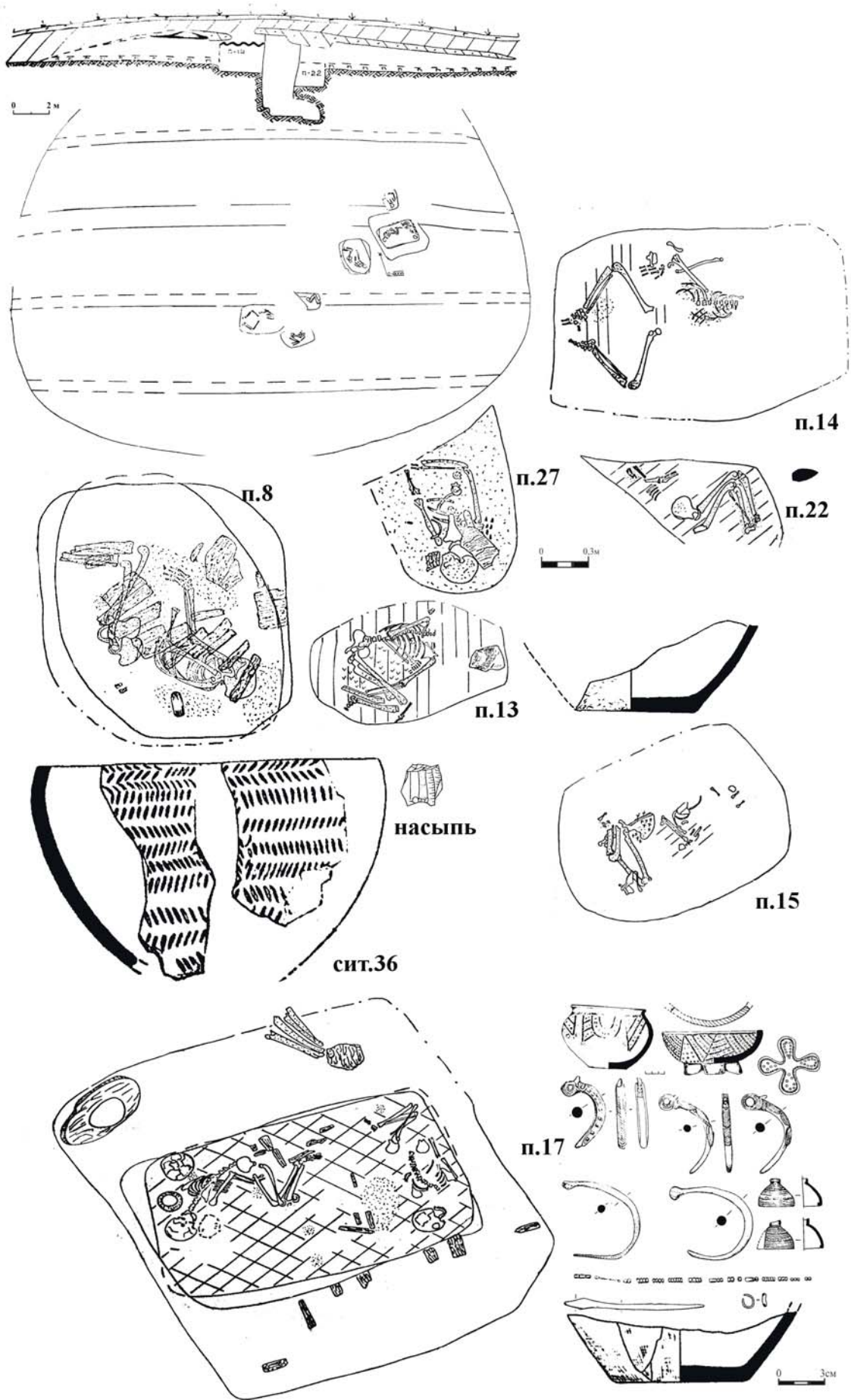

Рис. 84. Курганный могильник Семенкин, к.10, сит.36, насыпь, п.8, п.13, п.14, п.15, п.17, п.22, п.27.

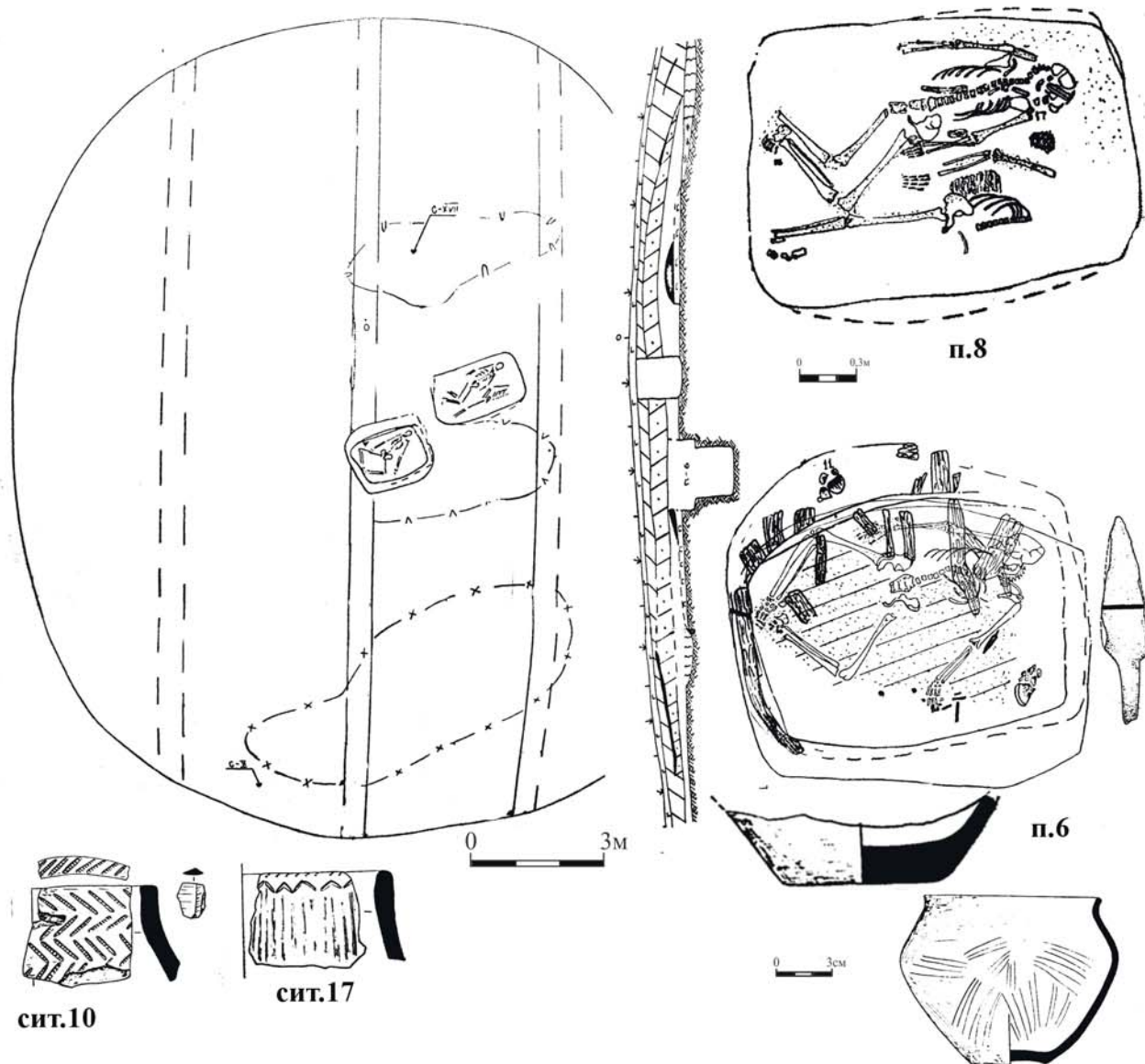

Рис. 85. Курганный могильник Семенкин, к.22, п.6, п.8, сит.10, сит.17.

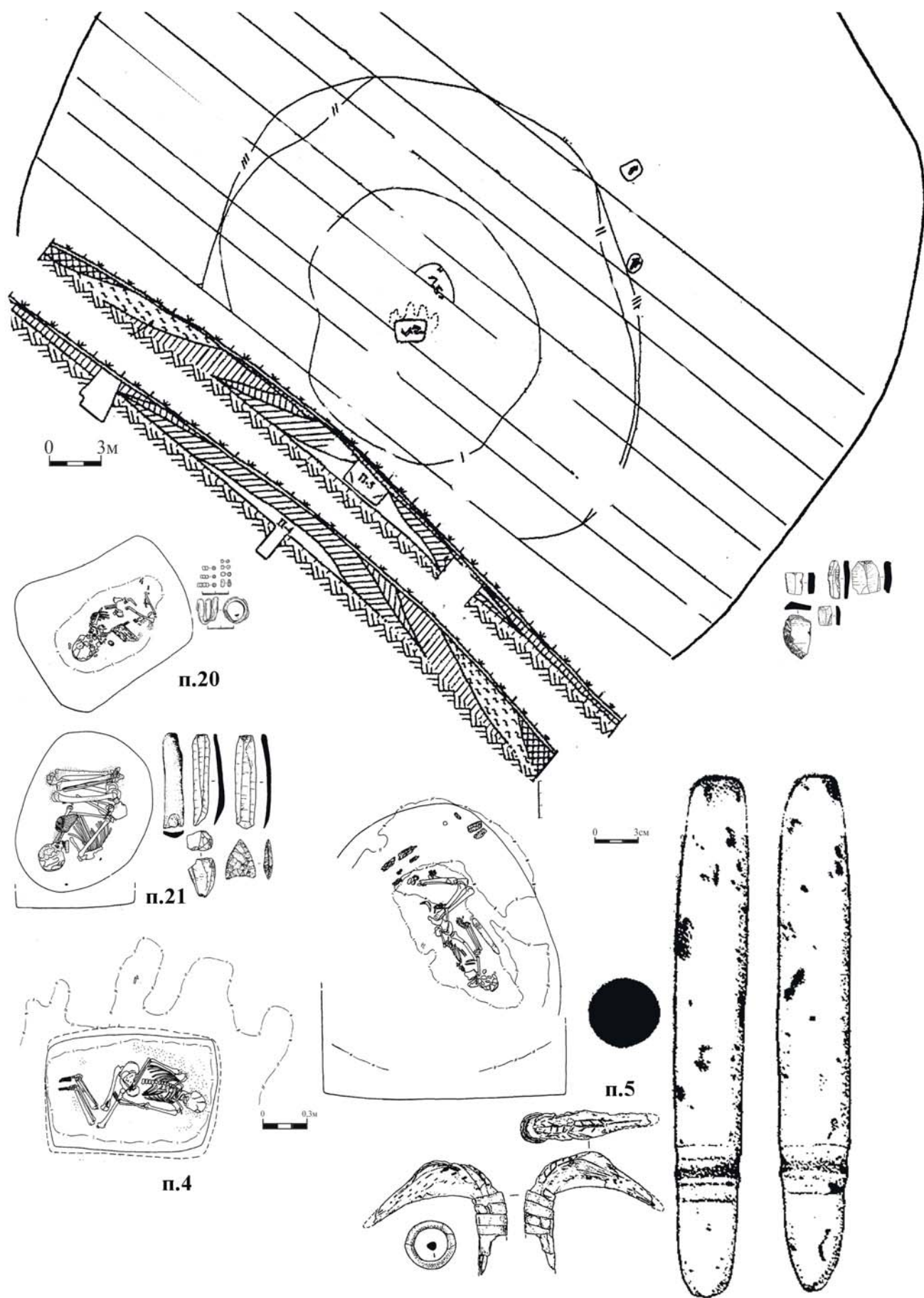
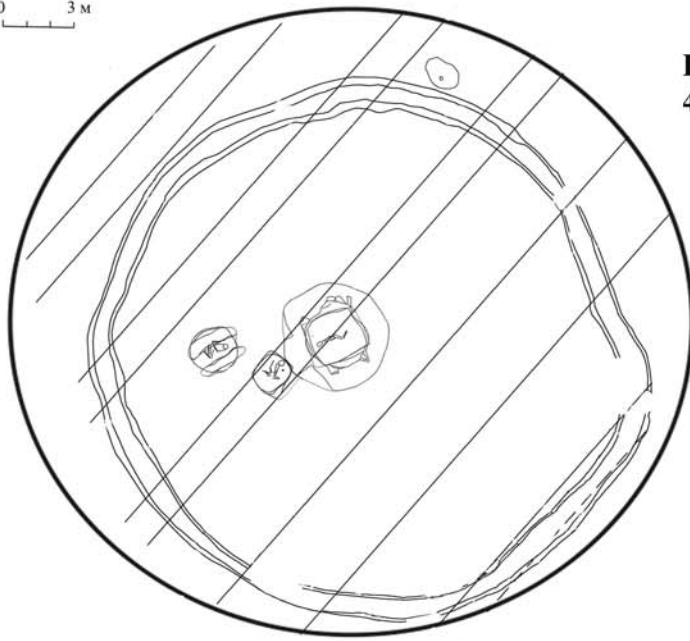
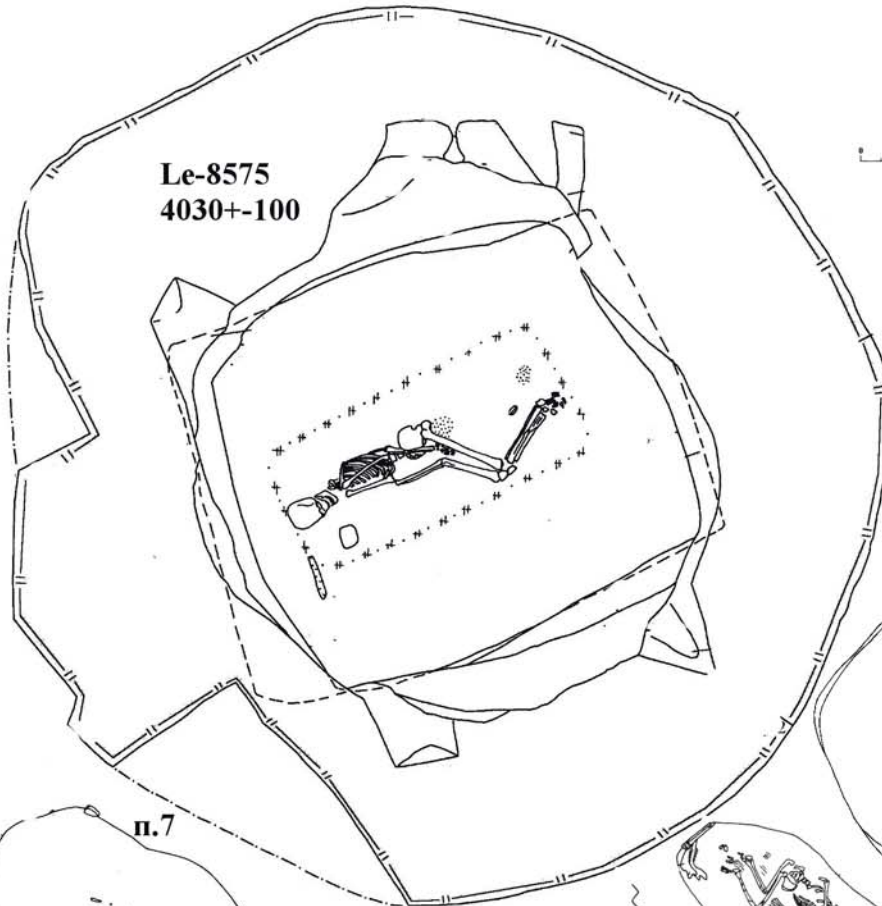
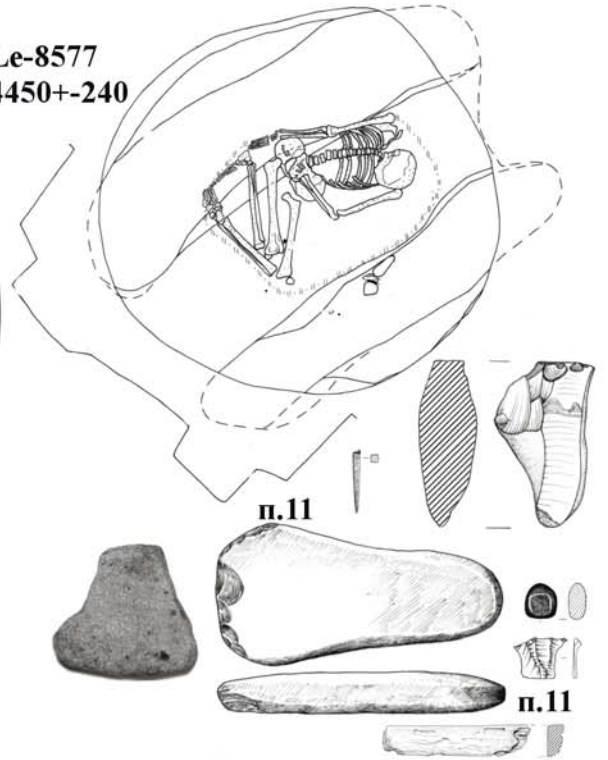

Рис. 86. Курганный могильник Рябичев, к.3, п.4, п.5, п.20, п.21.

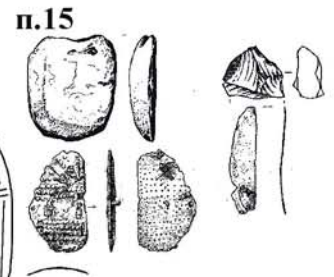
0 3 м

Le-8577
4450+-240

Le-8575
4030+-100

Le-8576
3910+-230

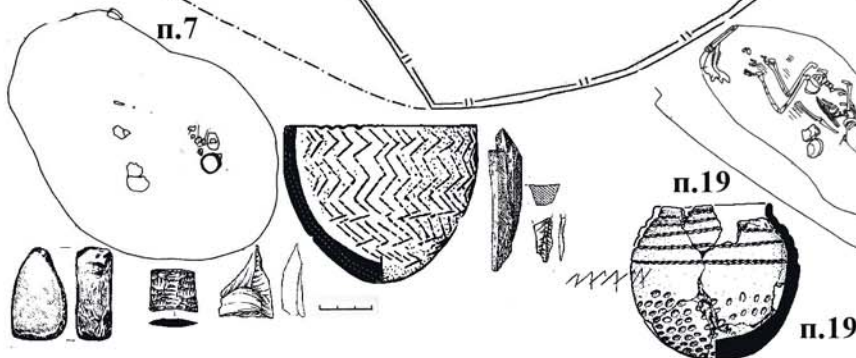
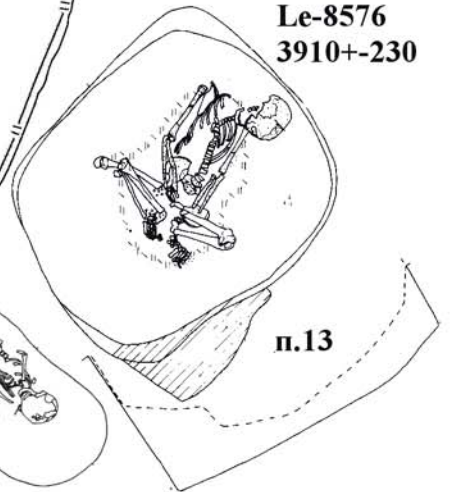

Рис. 87. Курганный могильник Лагутник II, к.1, п.1, п.7, п.11, п.13, п.15, п.19.

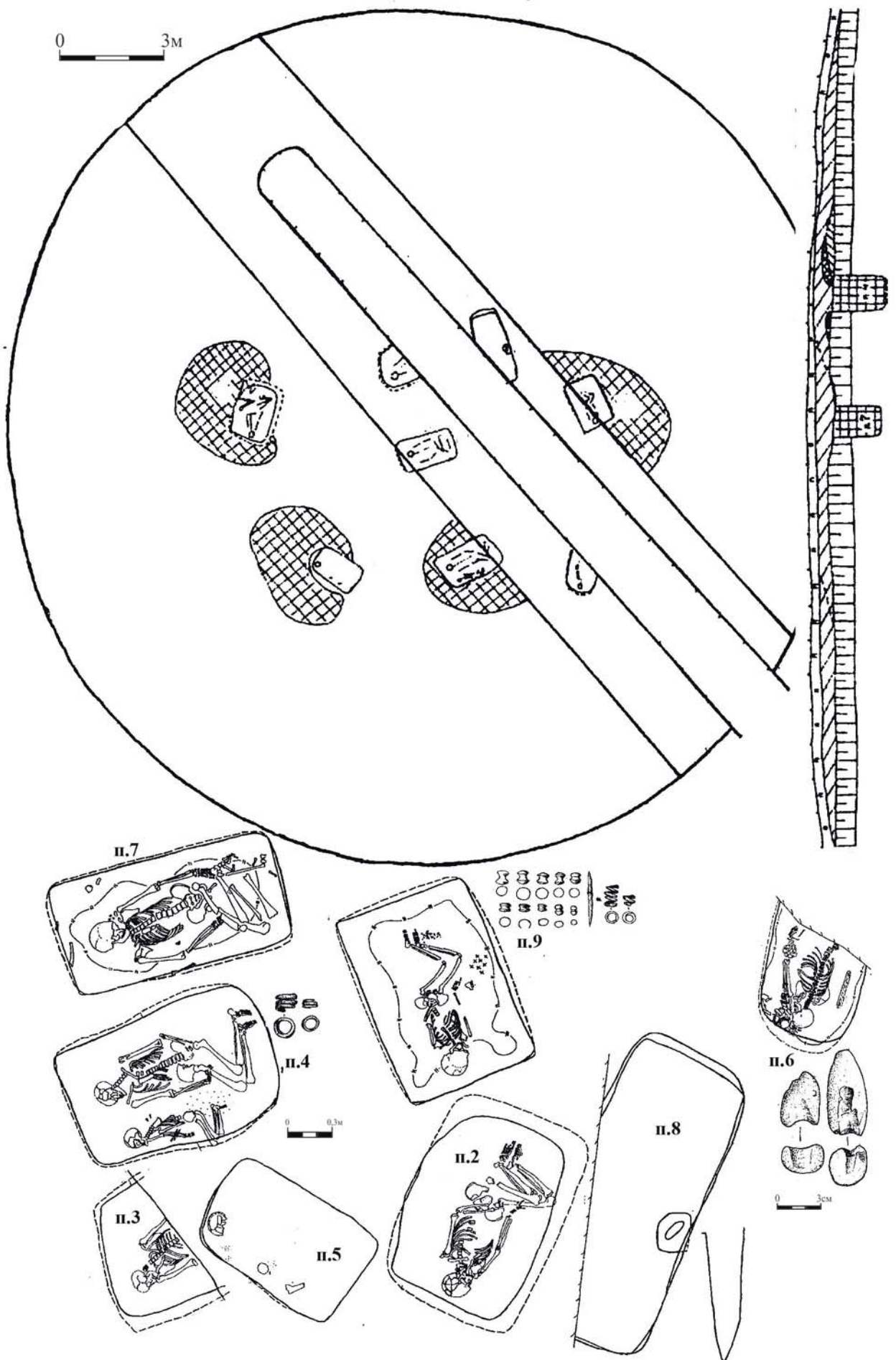

Рис. 88. Курганный могильник "Аглицкий I", к.1.

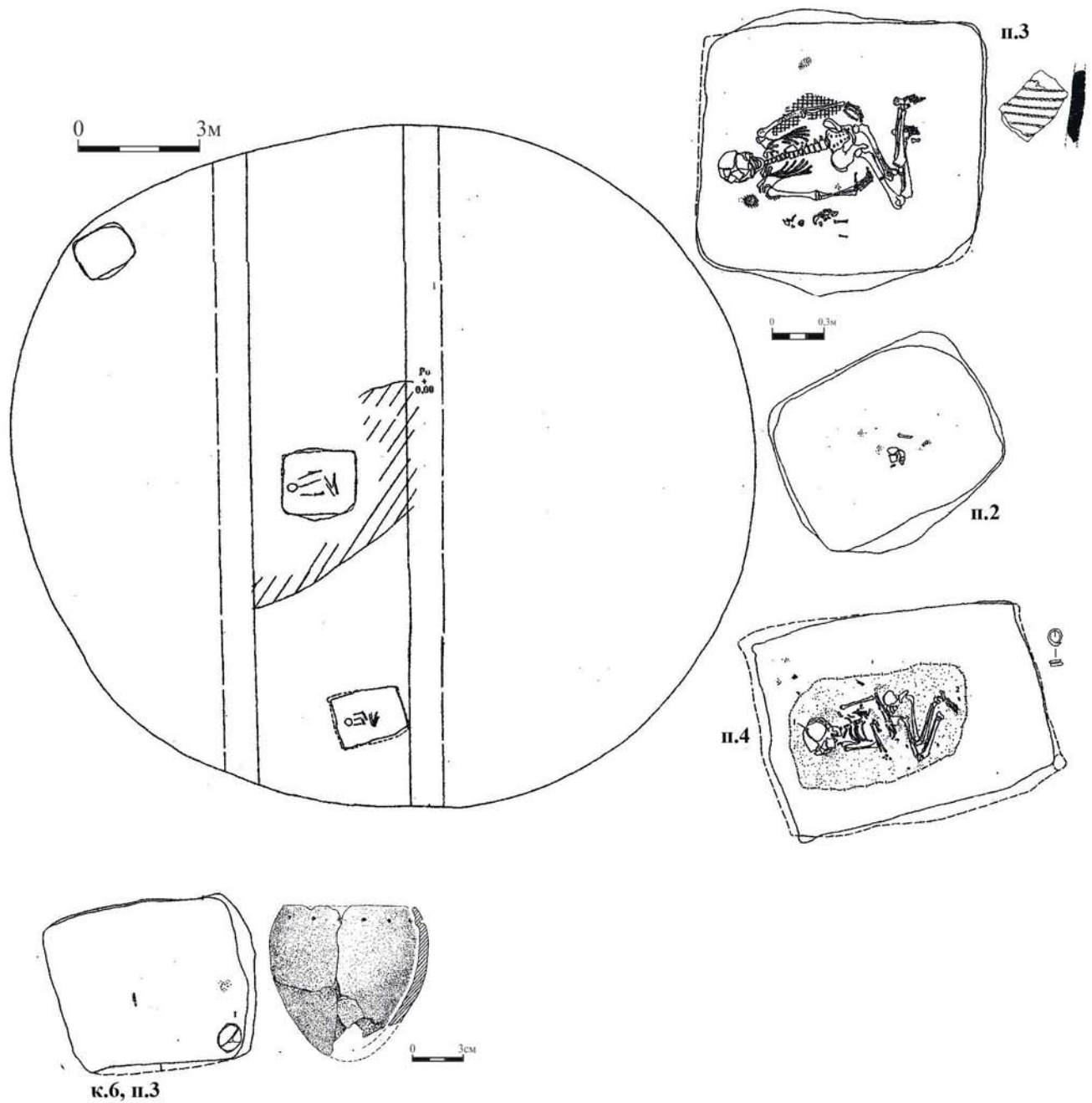

Рис. 89. Курганный могильник "Мухин I", к.6, п.3; к.8, п.1, 2, 4.

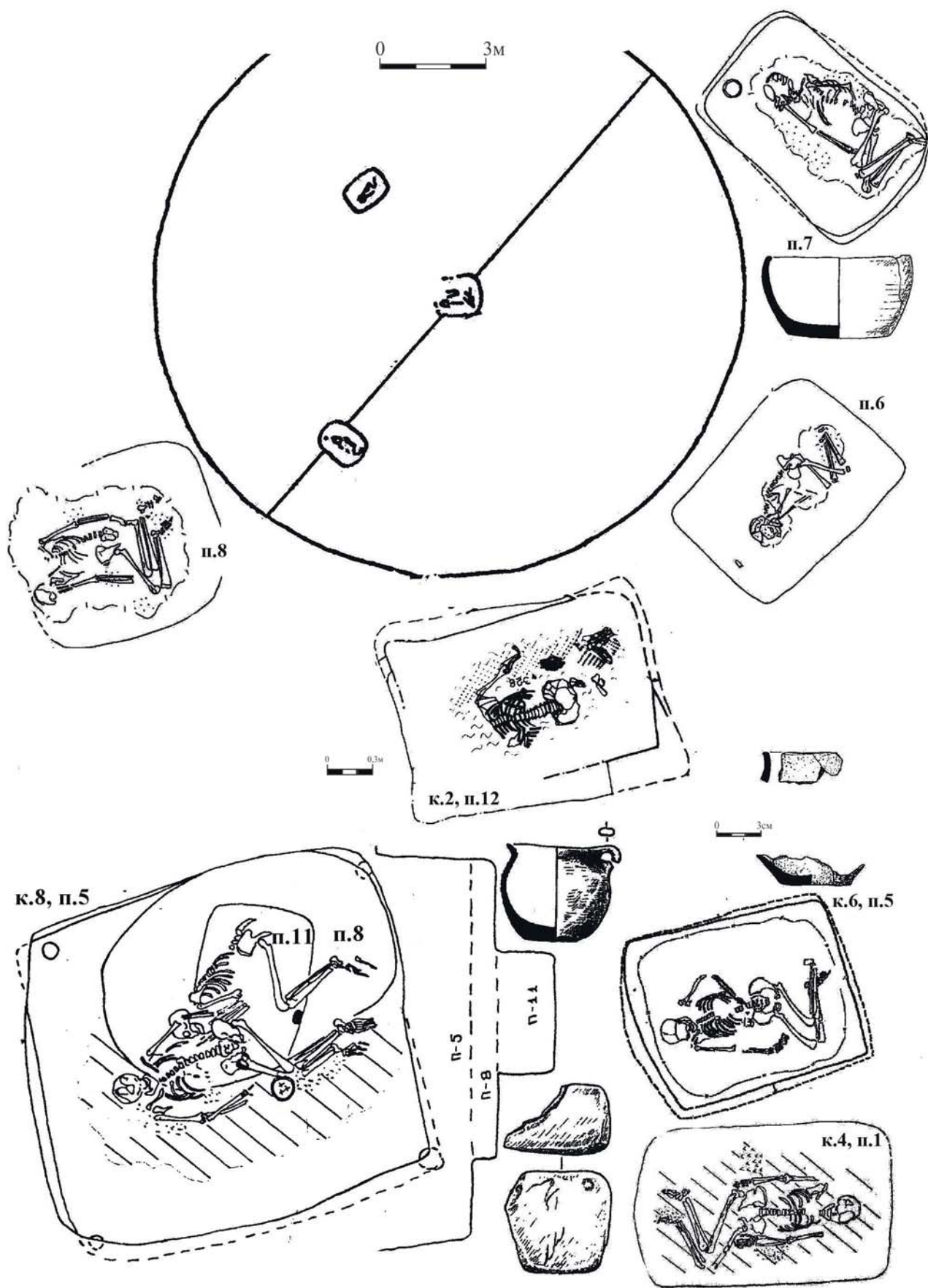

Рис. 90. Курганный могильник "Берданосовка", к.1, п.6-8.
 Курганный могильник "Крутенький I", к.2, п.12.
 Курганный могильник "Октябрьский II", к.6, п.5.
 Курганный могильник "Мухин II", к.4, п.1, к.8, п.5, 8, 11.

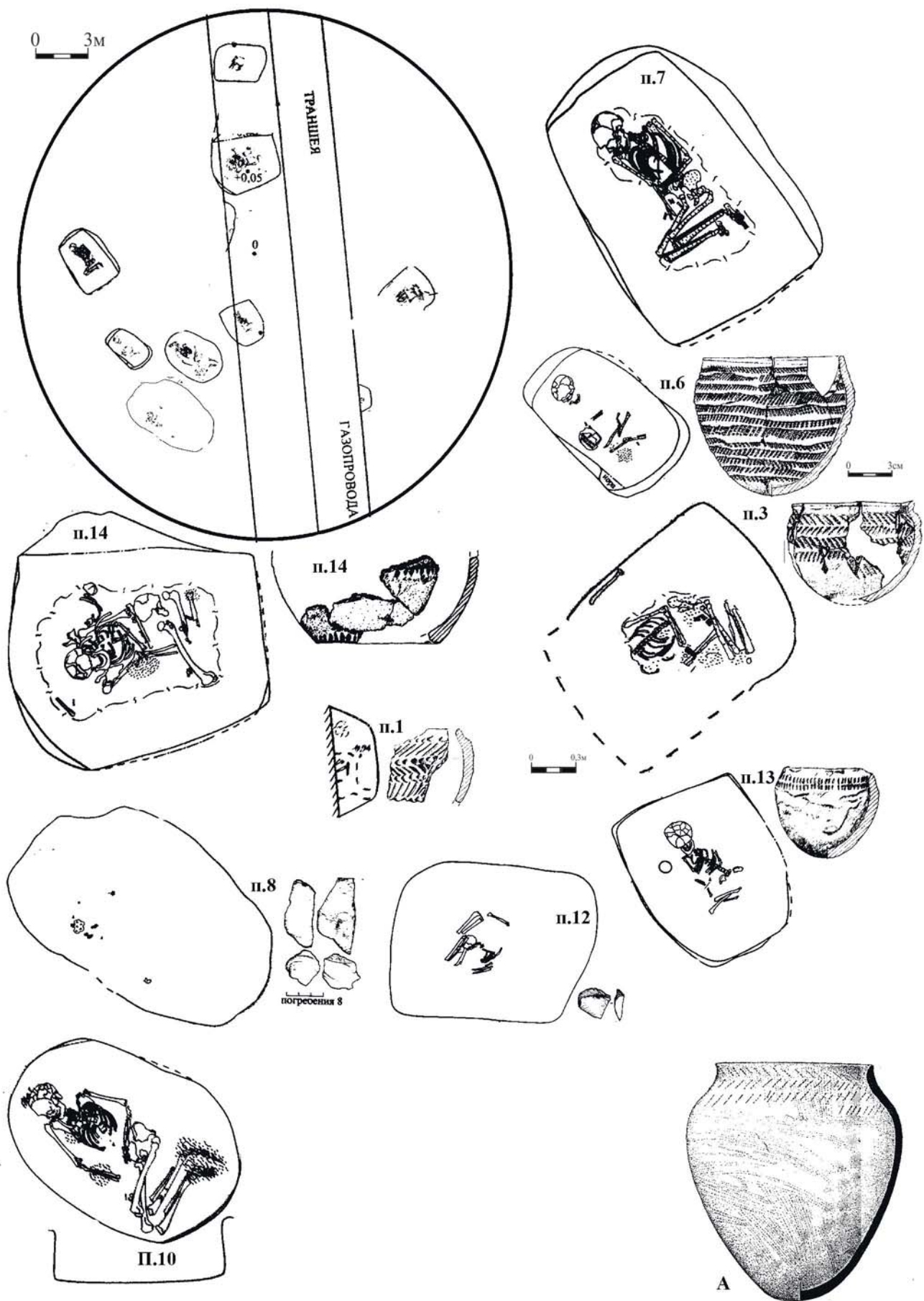

Рис. 91. Курганный могильник "Реко́нструктор IV", к.11.
 А - Случайная находка в размыве берега реки у г. Аксай.

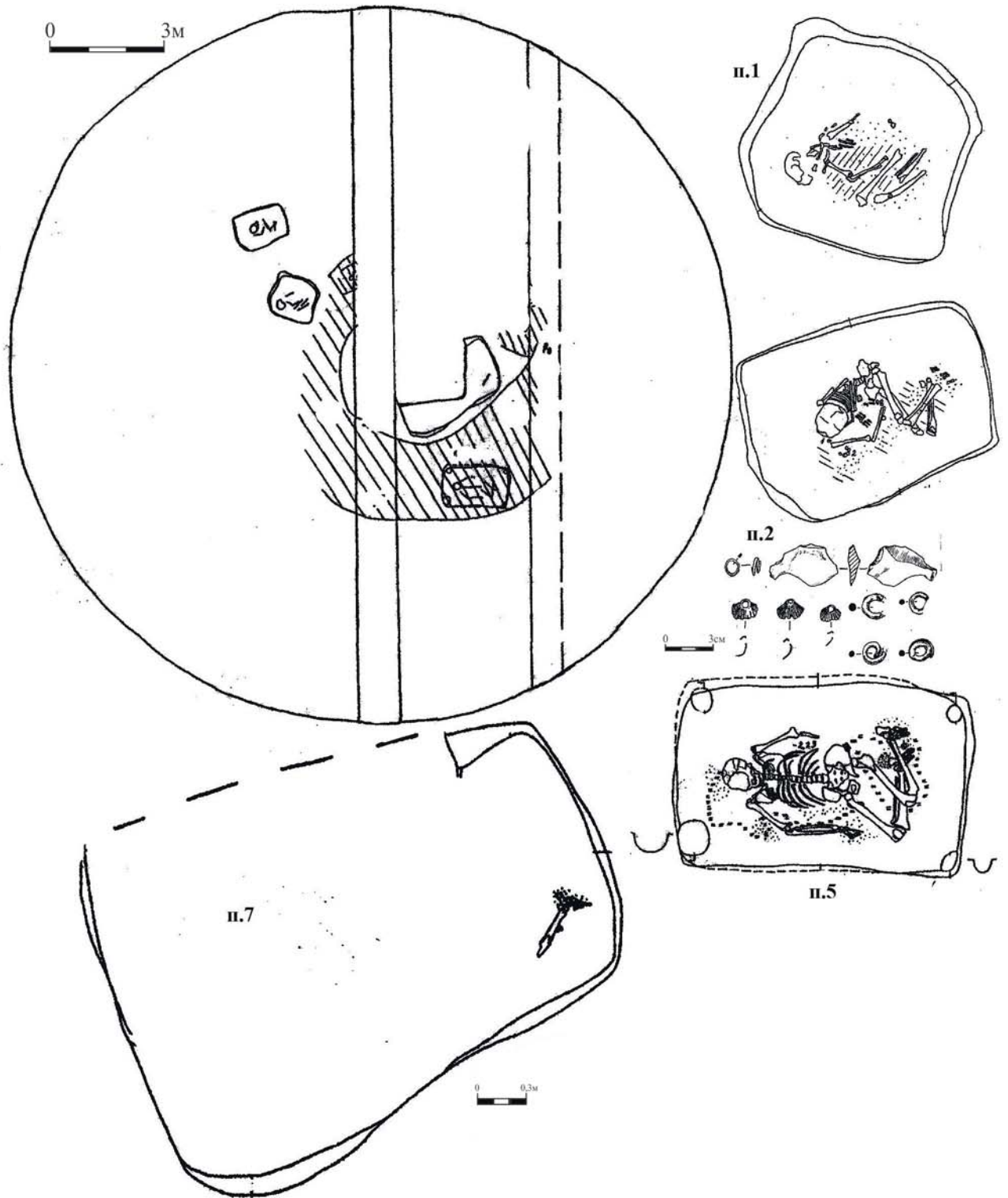

Рис. 92. Курганный могильник "Мухин I", к.2, п.1, 2, 5, 7.

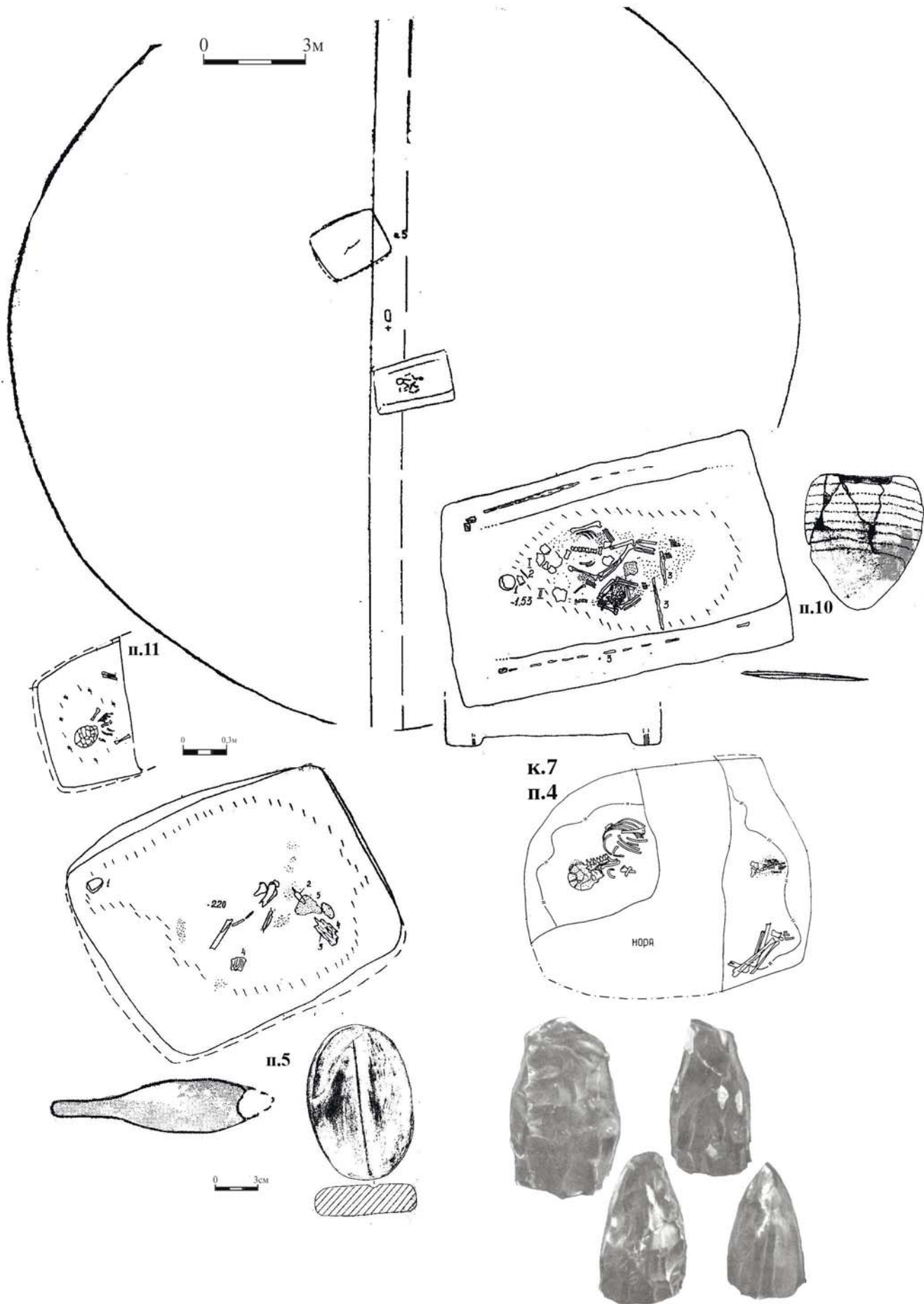

Рис. 93. Курганный могильник "Северо-Восточный I", к.10, п.5, 10, 11.
 «I курганный могильник у Аксайского поворота», к.7, п.4.
 Кремневые нуклеусы из Берданосовки

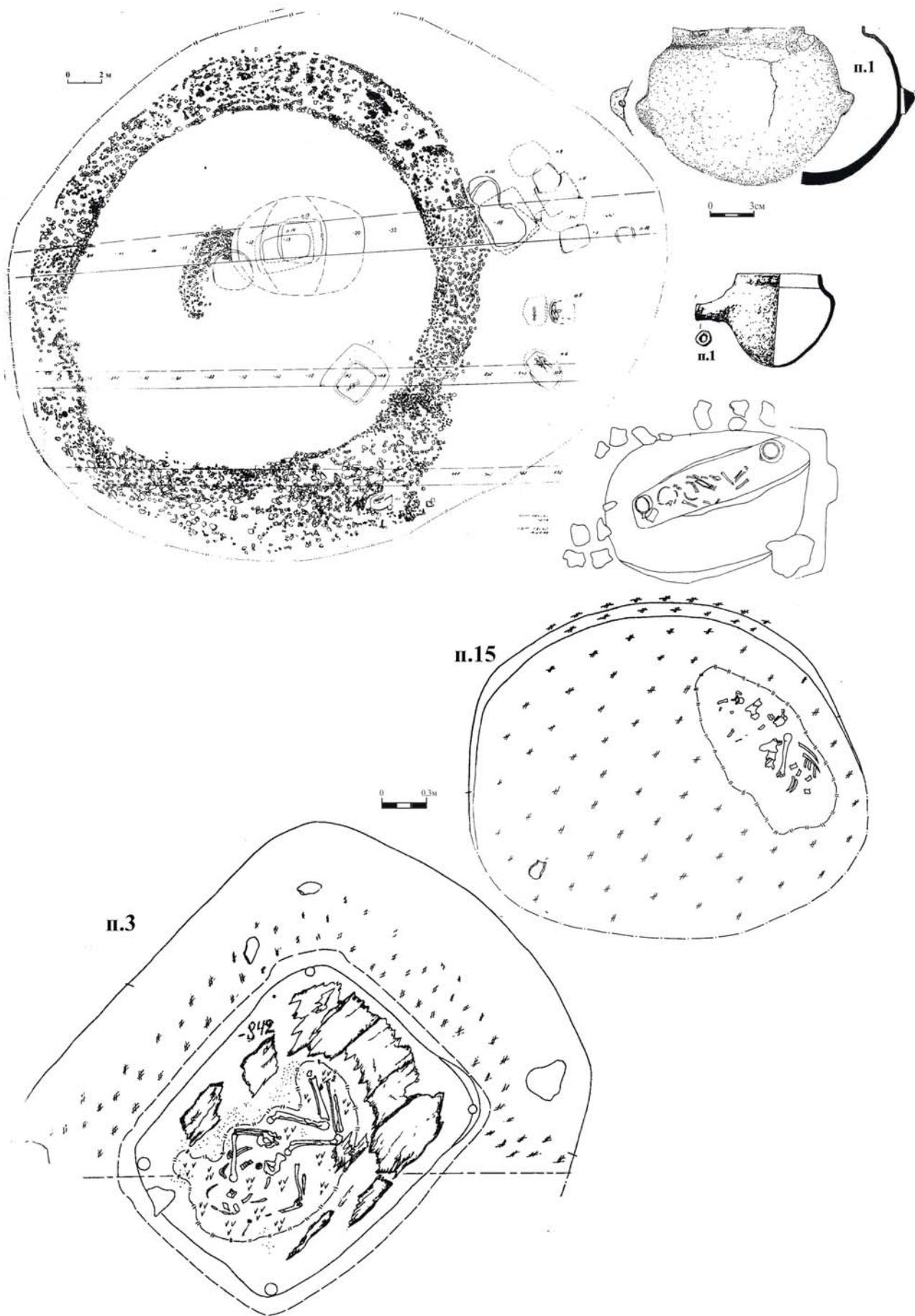

Рис. 94. Коб'яковський курганний могильник, к.15, п.1, п.3, п.15.

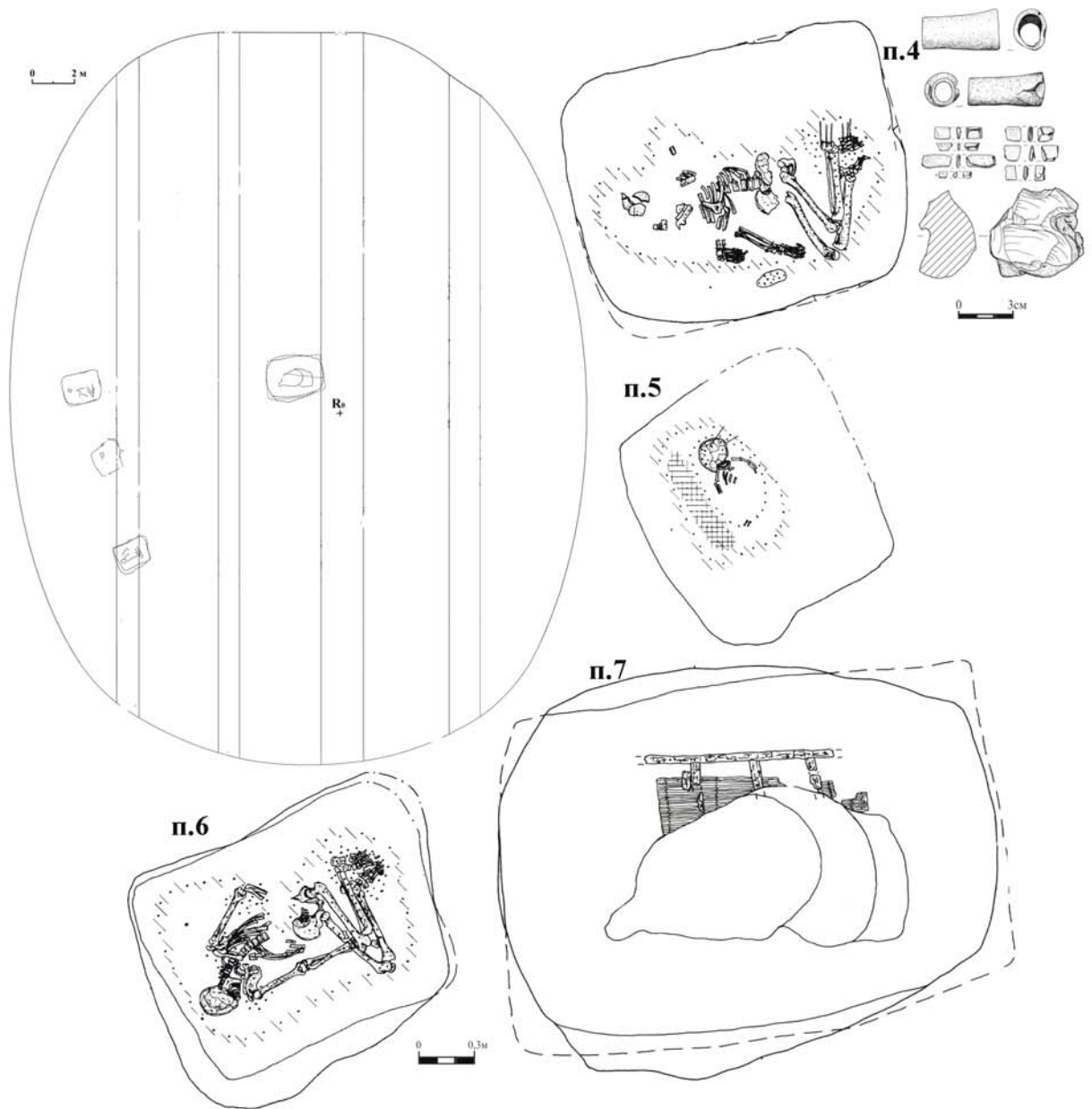

Рис. 95. II курганный могильник у Аксайского поворота, к.2, п.4-7.

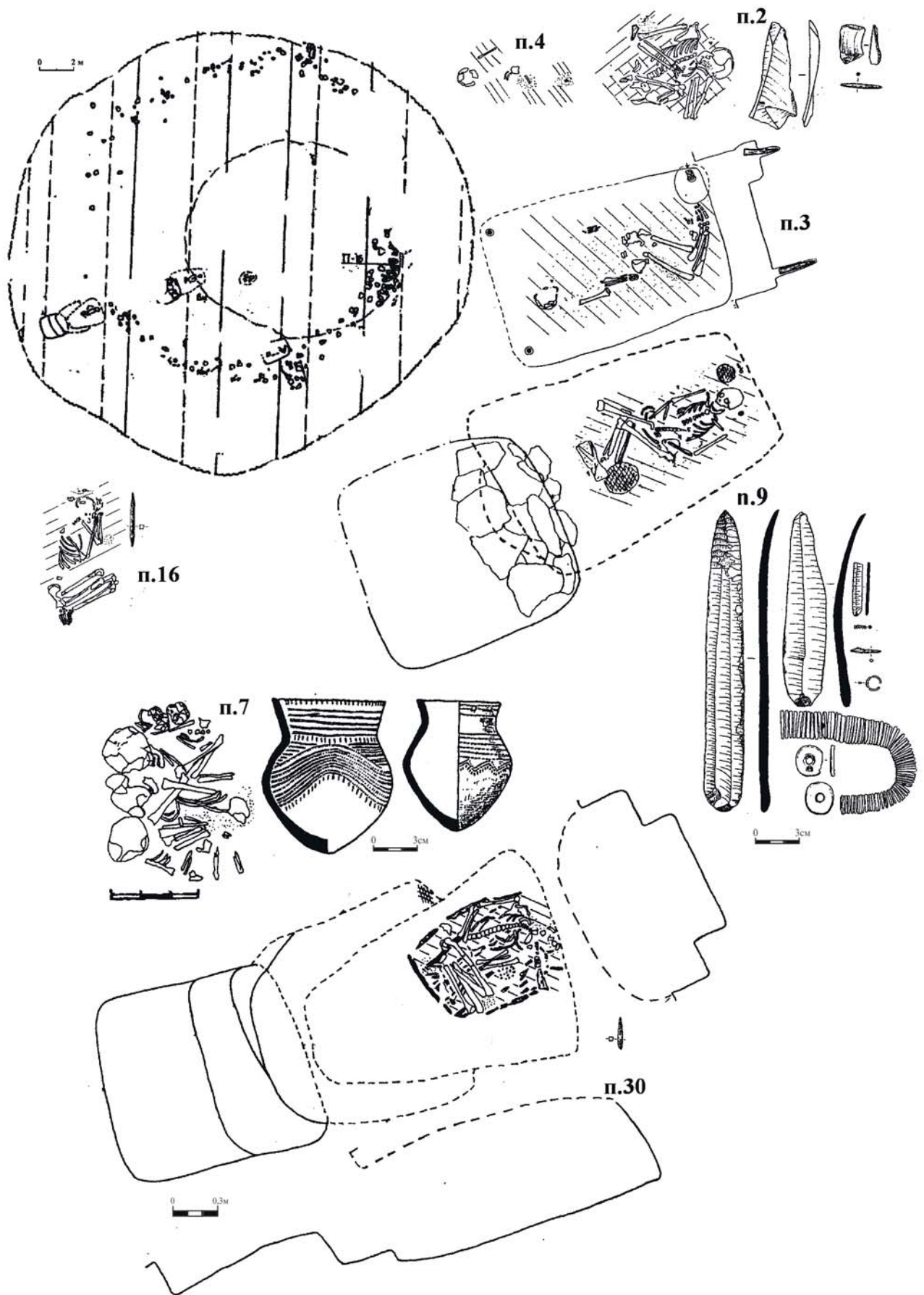

Рис. 96. Курганный могильник "Мухин II", к.5, п.2-4, п.7, п.9, п.16, п.30.

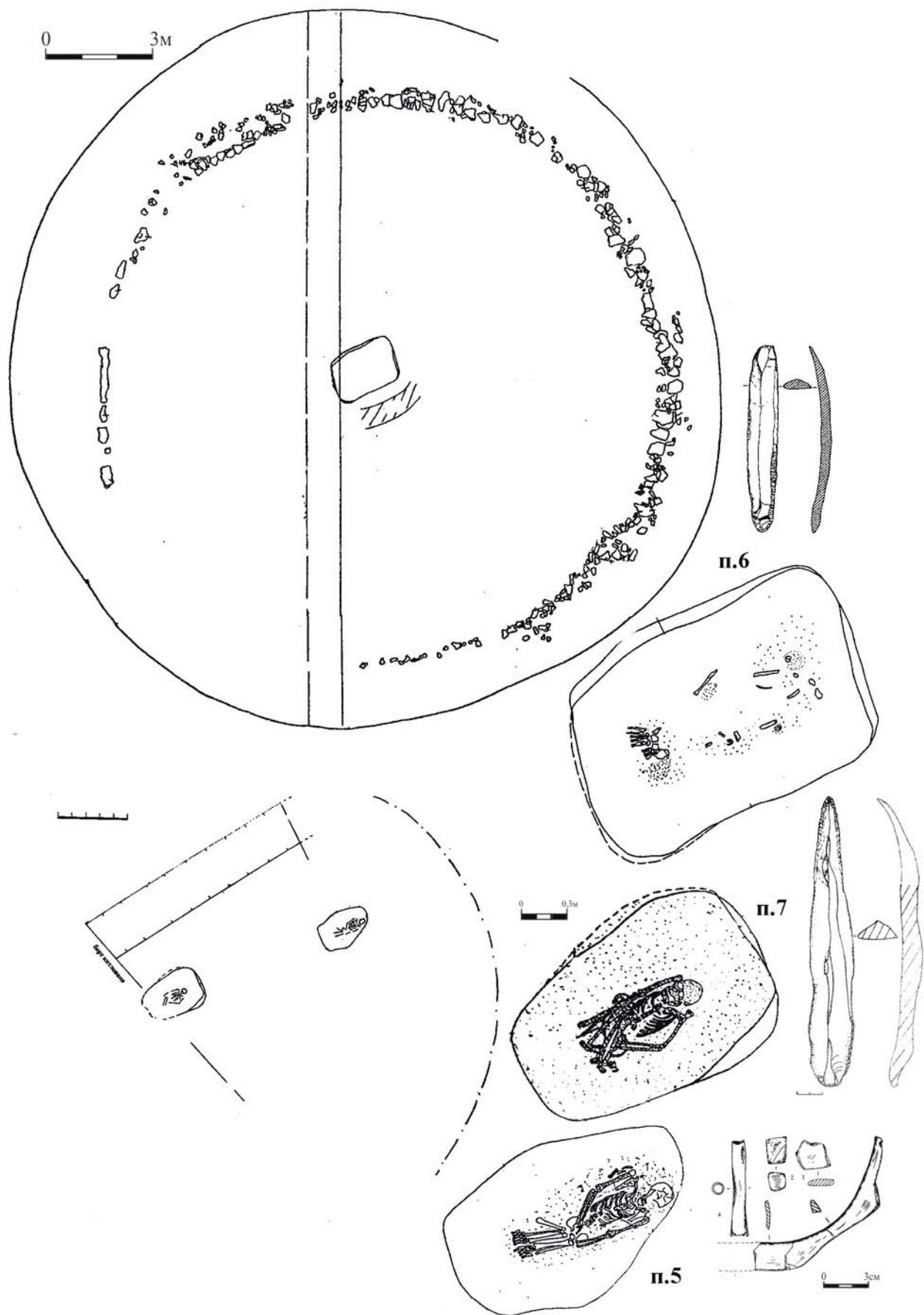

Рис. 97. Курганный могильник "Мухин I", к.3, п.6.
 Курганно-грунтовый некрополь Кобякова городища, к.1, п.5, п.7.

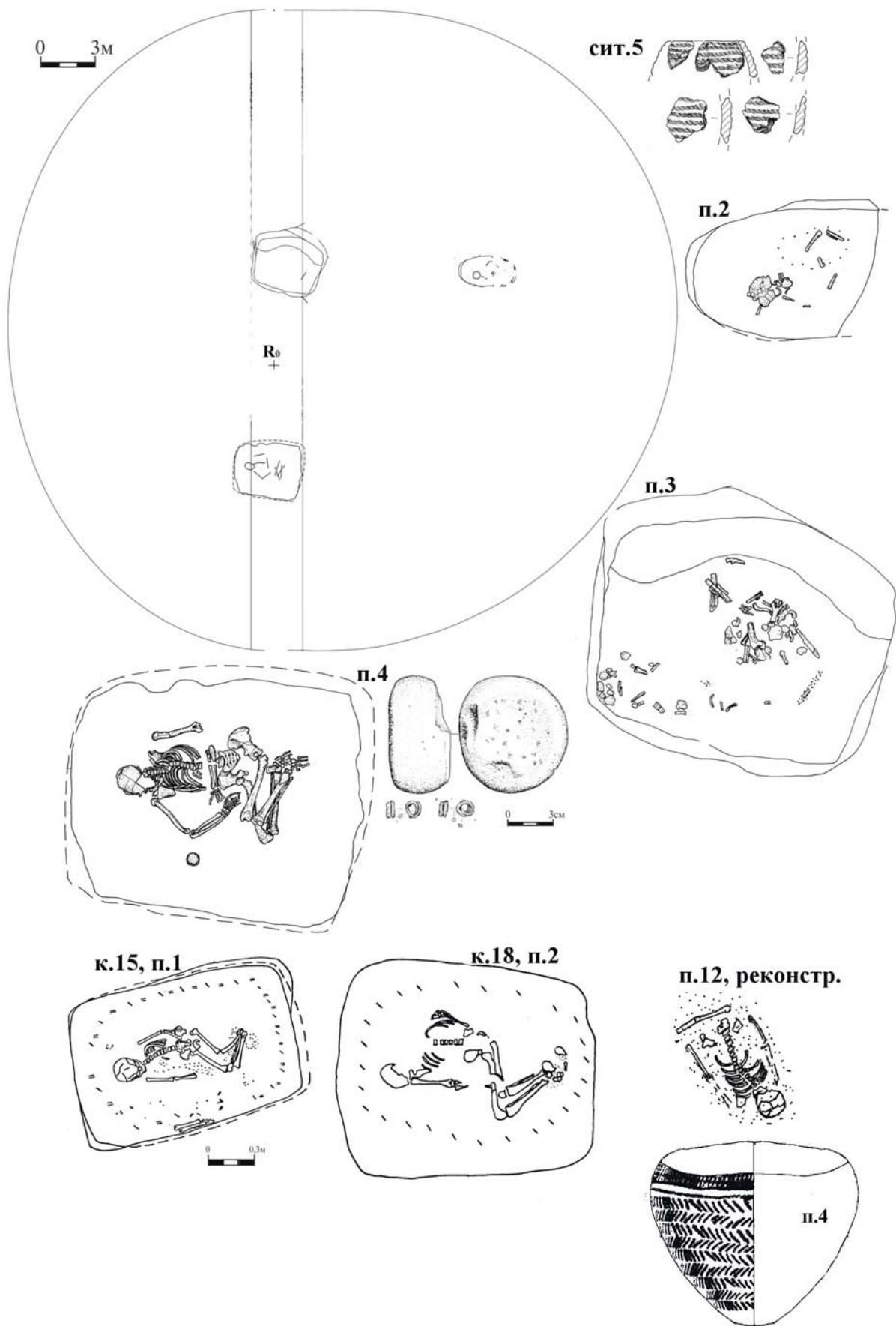

Рис. 98. Курганный могильник "Садовый II" ("Северо-Восточный"), к.51, п.2-4. Курганный могильник "Северо-Восточный", к.15, п.1, к.18, п.2. Курган "Гиреева Могила", п.12, п.4.

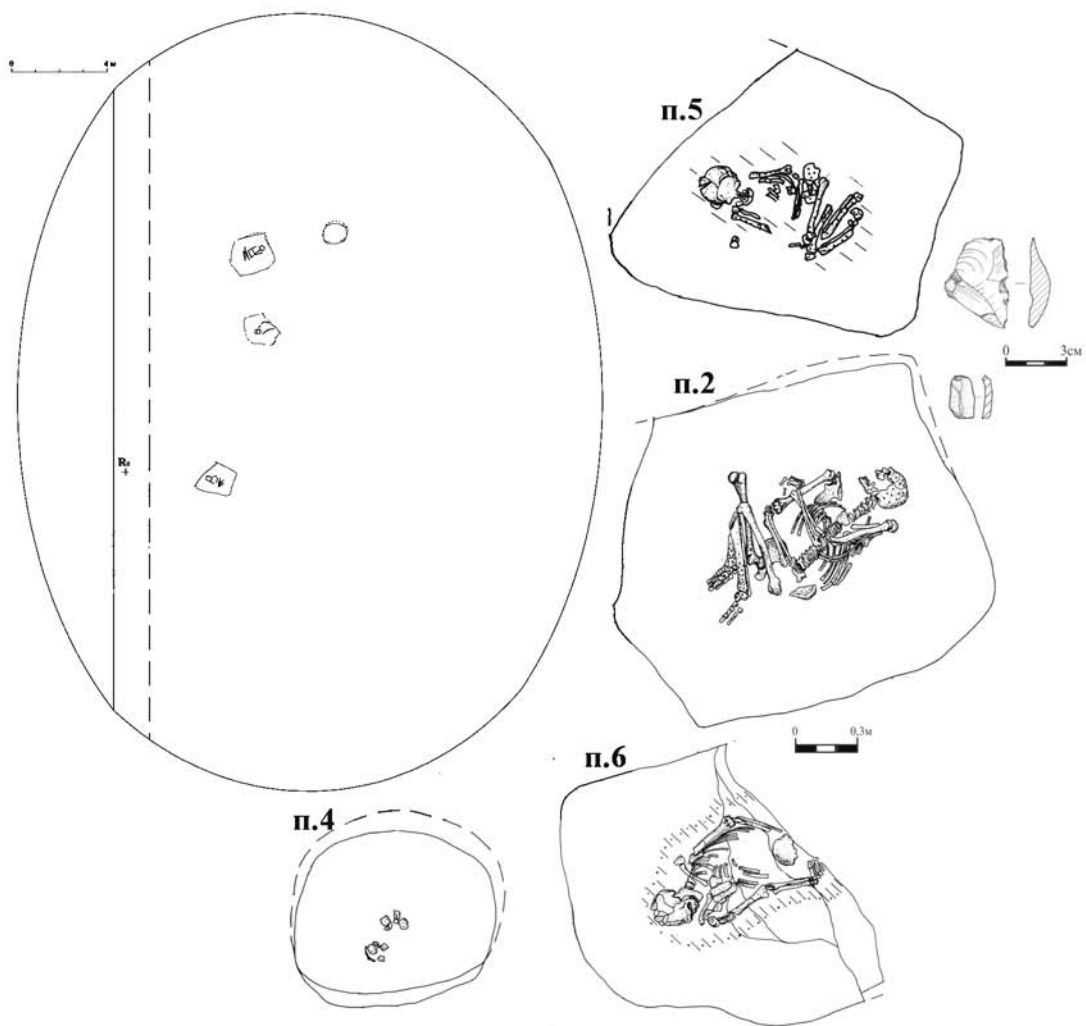

Рис. 99. Курганный могильник Садовый II (Северо-Восточный), к.52, п.2, 4-6.

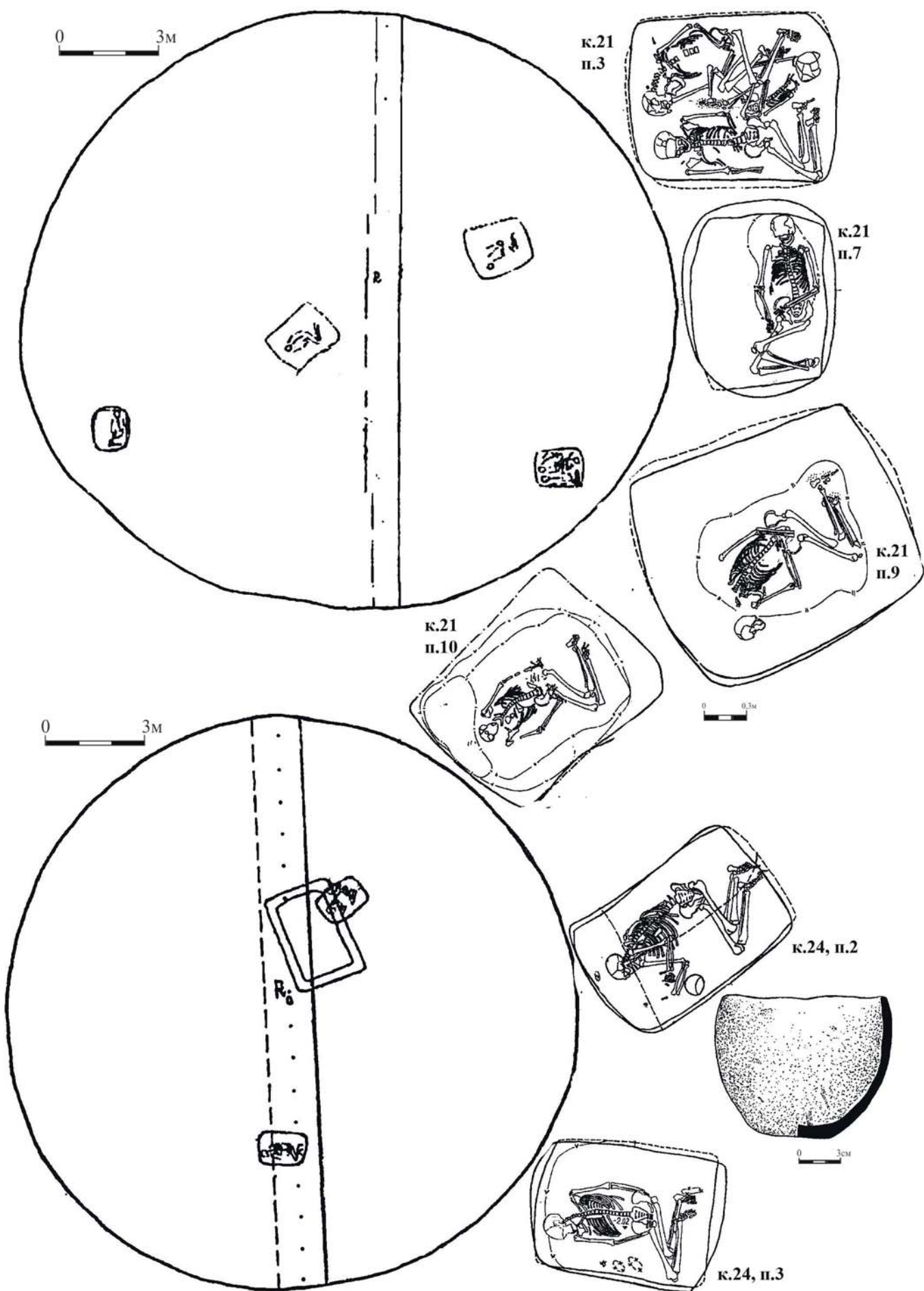

Рис. 100. Курганный могильник "Аглицкий I", к.21, п.3, 7, 9, 10; к.24, п.2, 3.

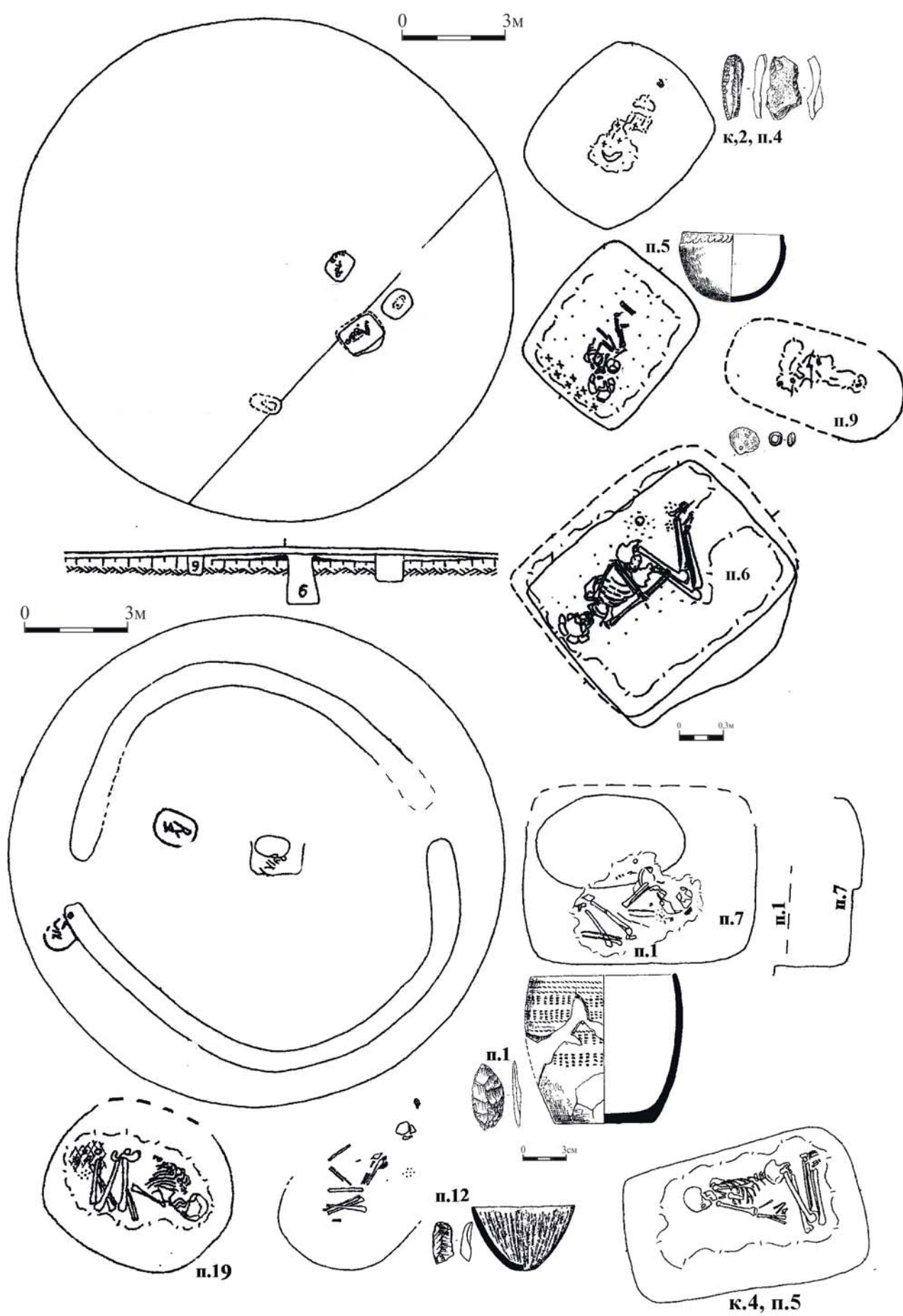

Рис. 101. Курганный могильник "Берданосовка", к.3, п.4-6, 9; к.5, п.1, 7; п.12, п.19; к.4, п.5.

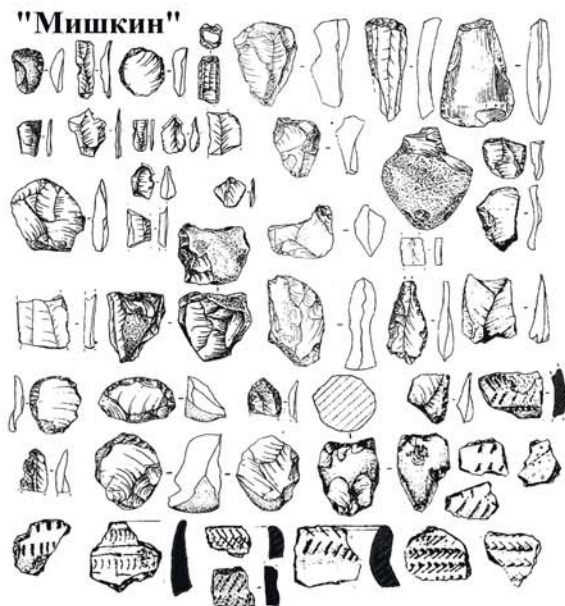
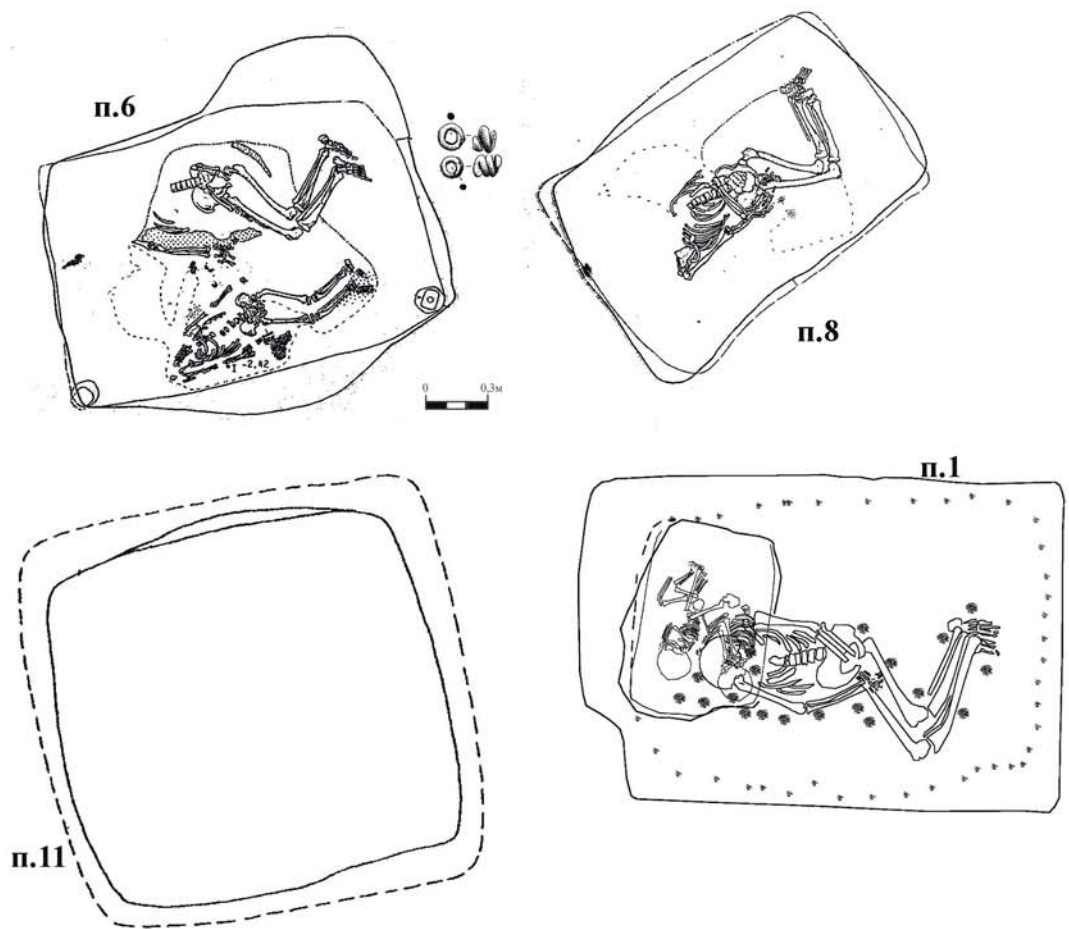

Рис. 102. Курганный могильник "Юдинский III", к.1, п.6, к.2, п.8. Курганный могильник "Тузлов", к.1, п.11. Курган "Остапов", п.1. Поселения «Мишкин I», «Большой Лог», «Мыс», «Монастырское II», сборы.

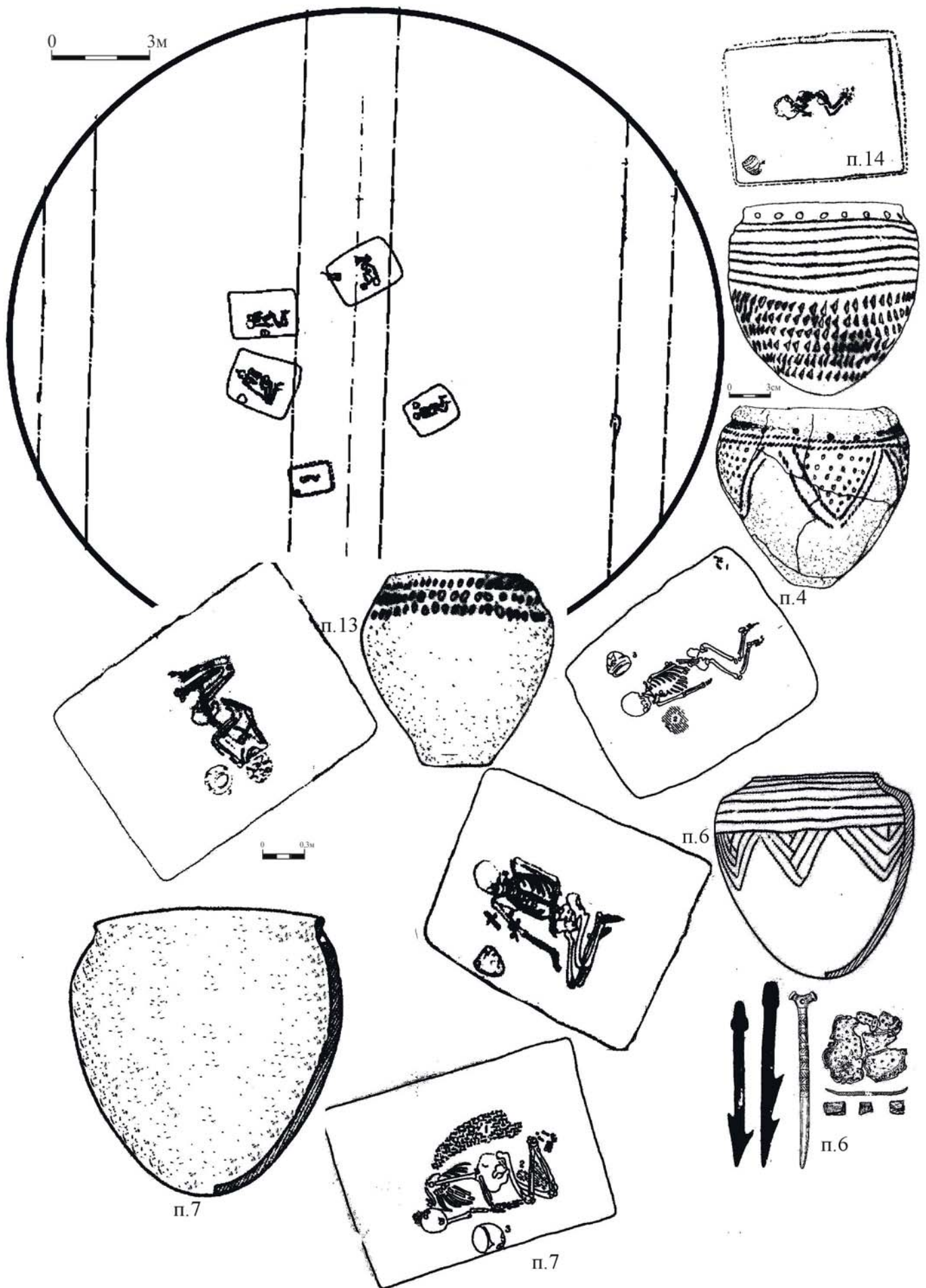

Рис. 103. Курганный могильник Донской, к.7, п.4, 6, 7, 13, 14.

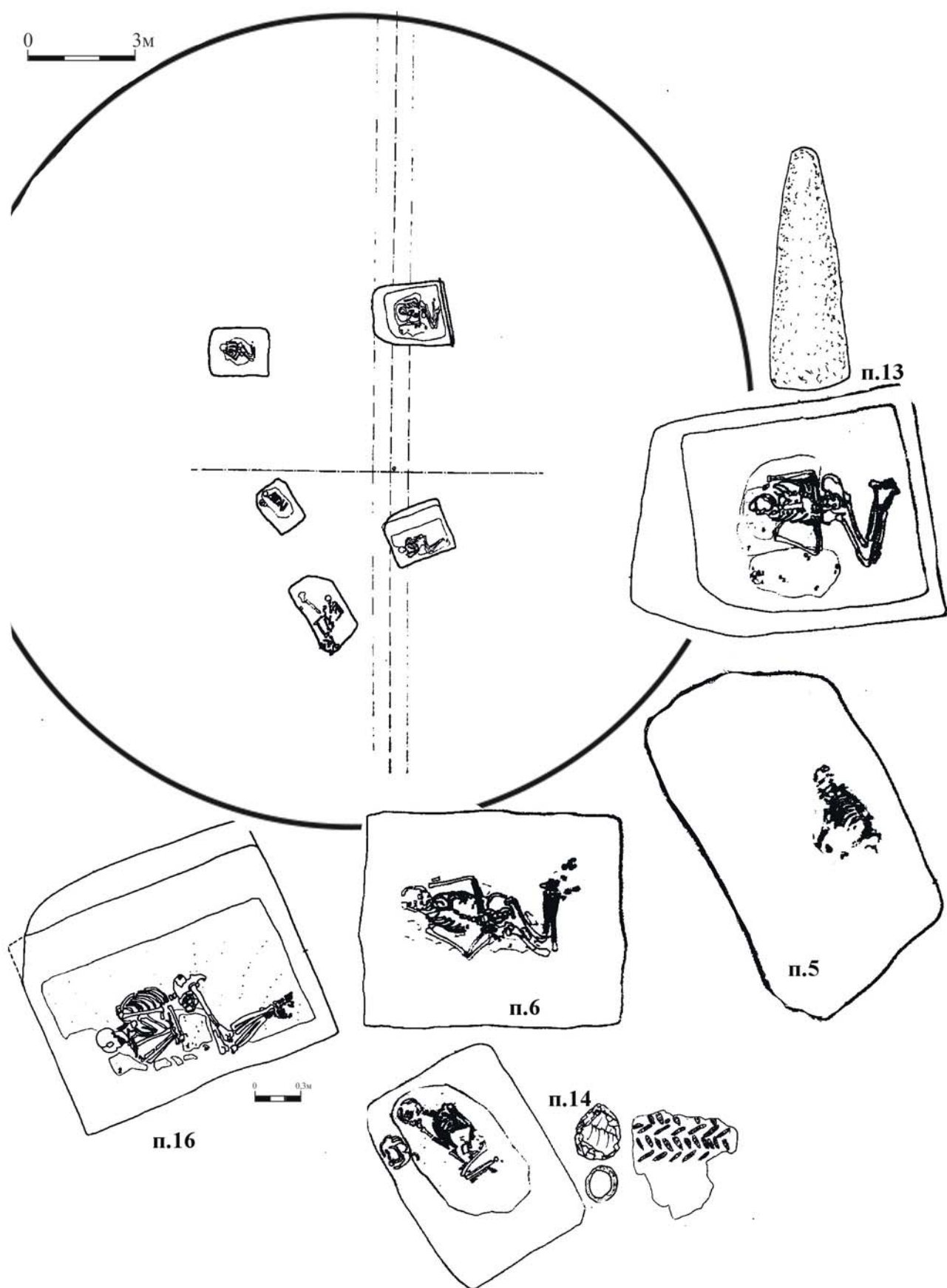

Рис. 104. Курганный могильник "Донской", к.3, п.5, п.6, п.13, п.14, п.16.

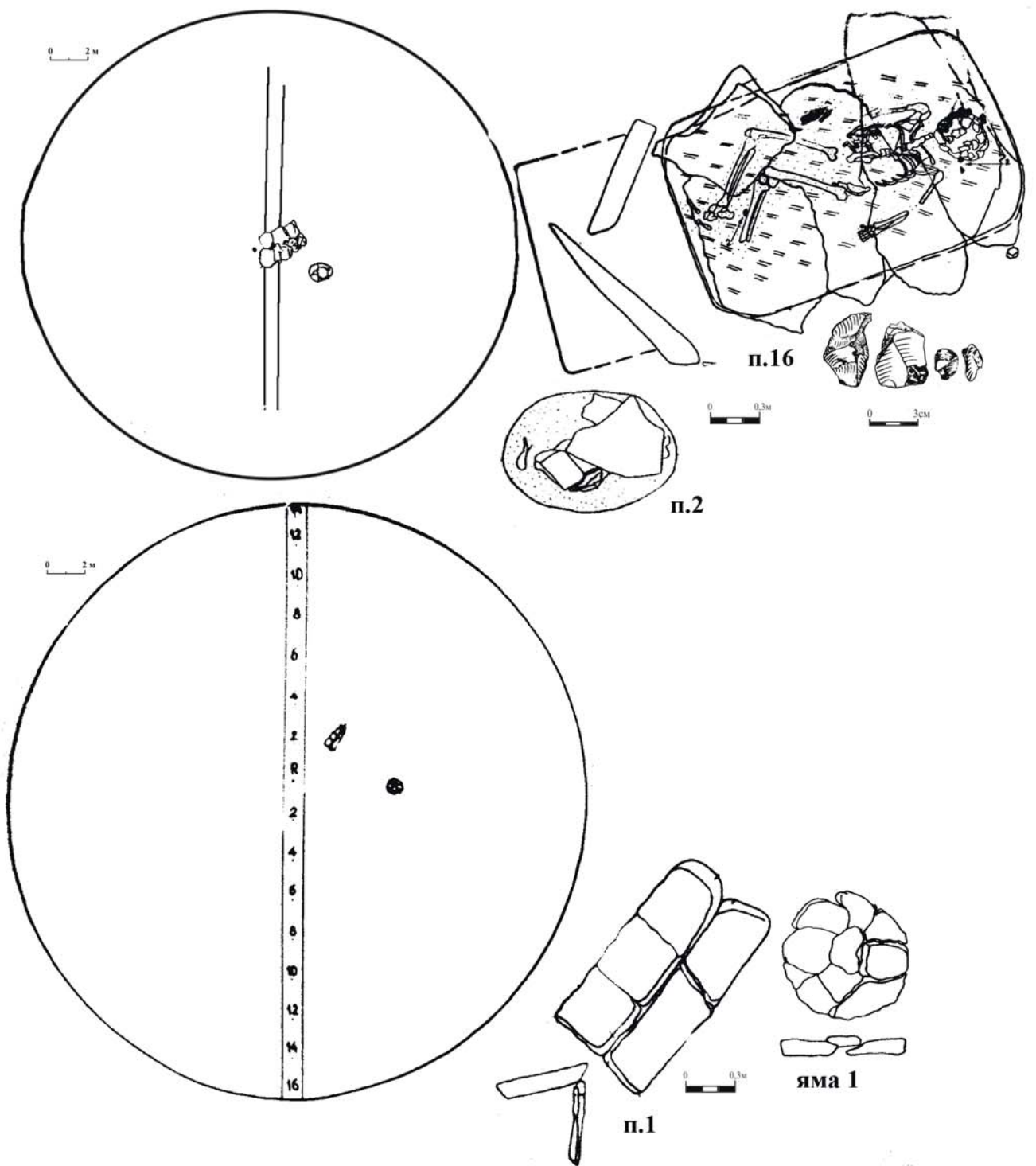

Рис. 105. Курганный могильник "Каменнобродский", к.1, п.2, п.16; к.3, п.1, яма 1.

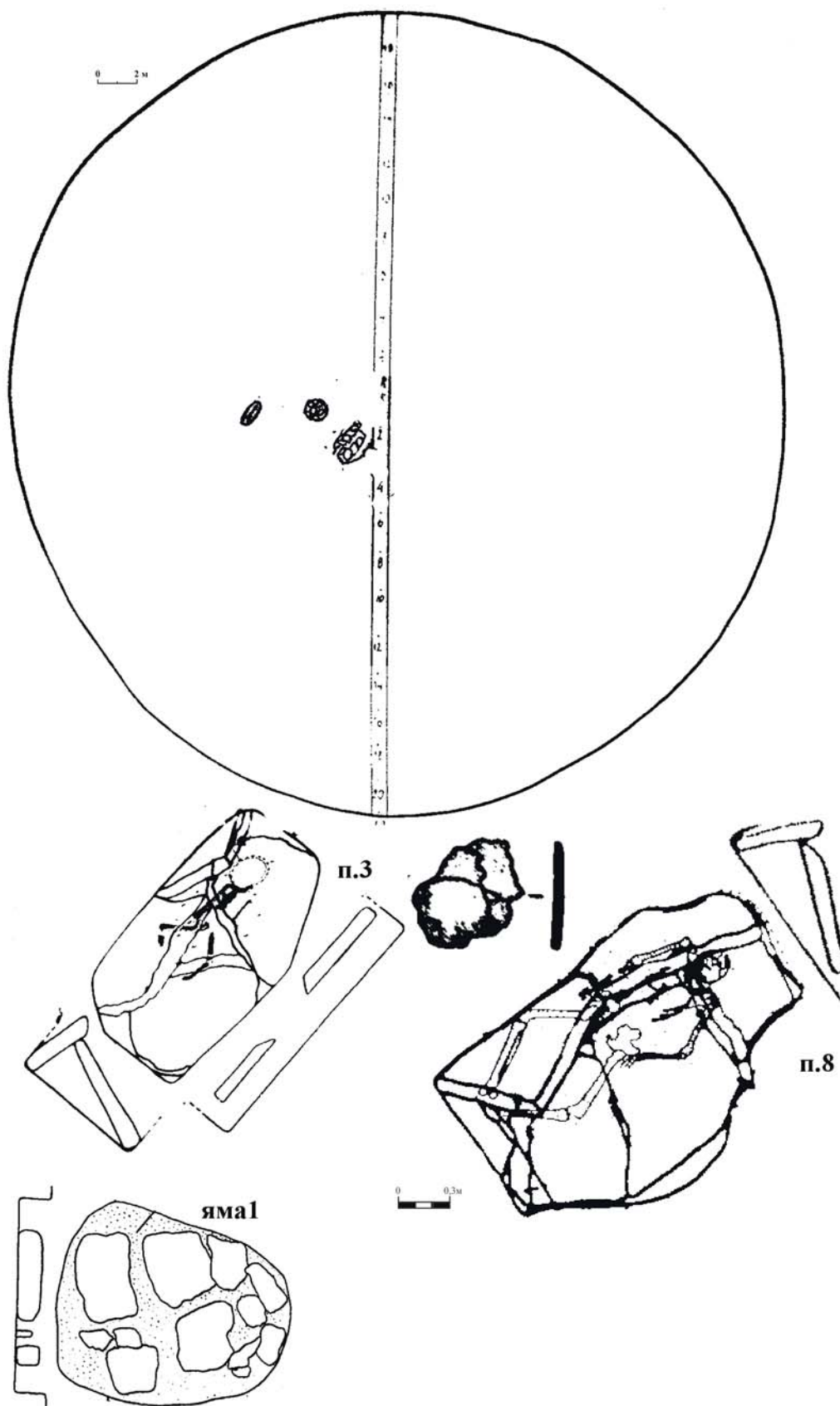

Рис. 106. Курганный могильник "Каменнобродский", к.2, п.3, п.8, яма 1.

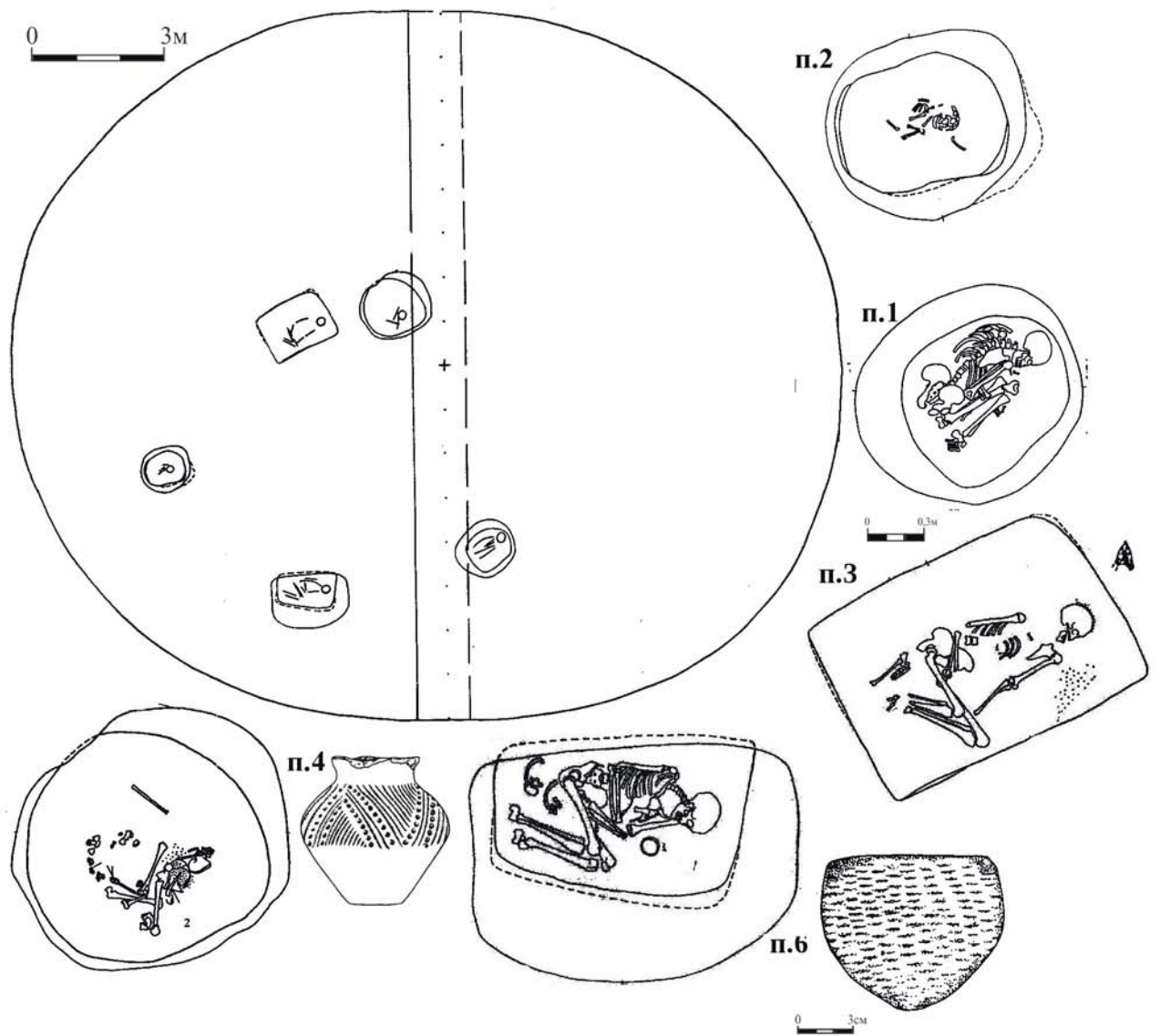

Рис. 107. Курганный могильник "Камышевский", к.20, п.1-4, п.6.

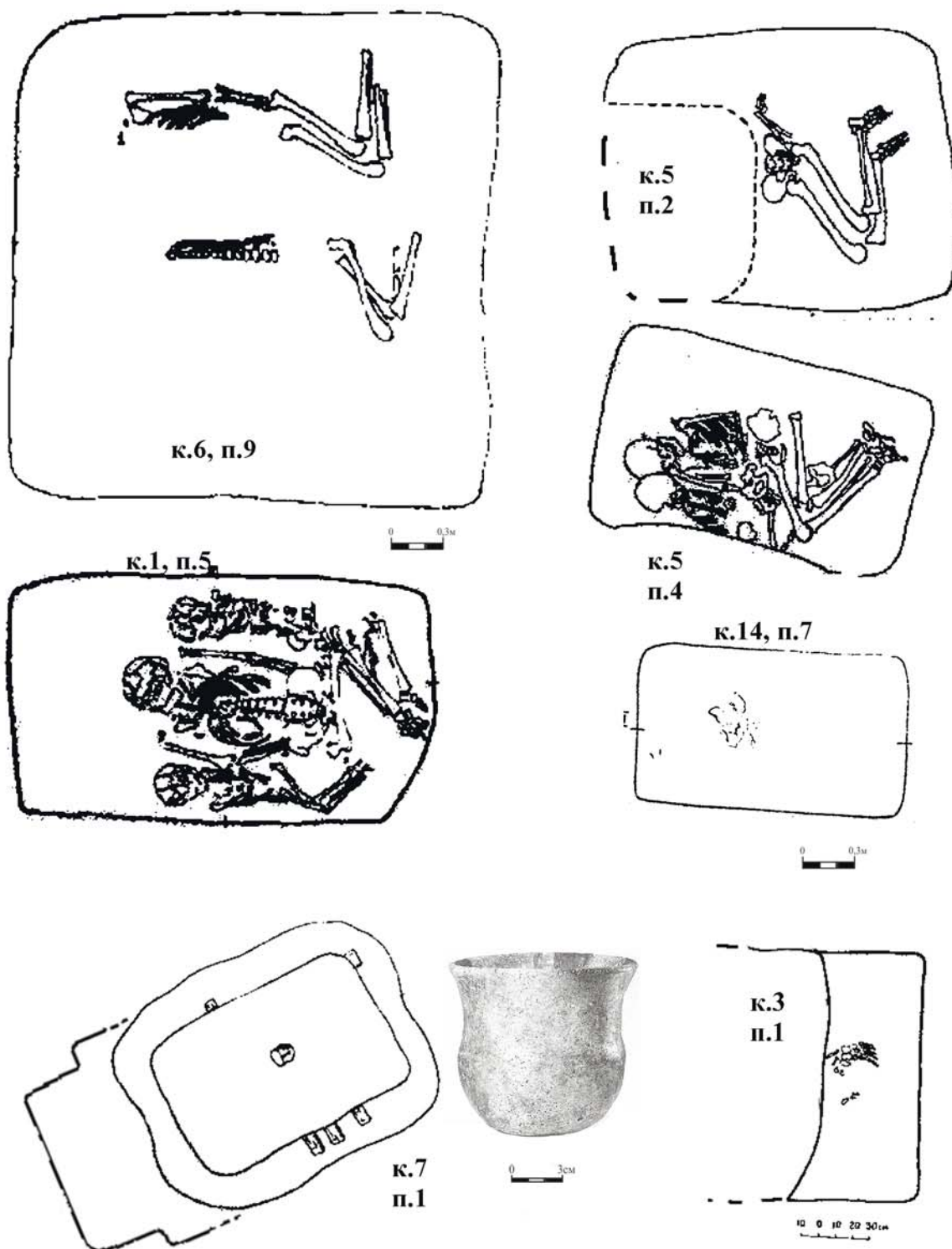

Рис. 108. Ростовские курганы, к.1, п.5; к.3, п.1; к.5, п.2, п.4; к.6, п.9; к.7, п.1; к.14, п.7.

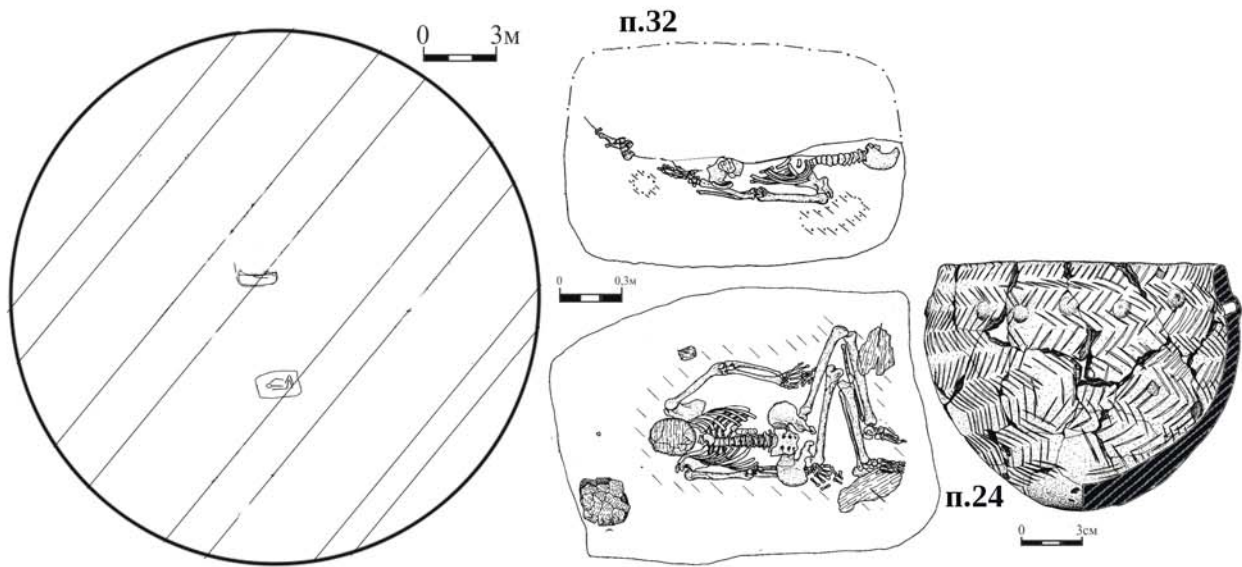
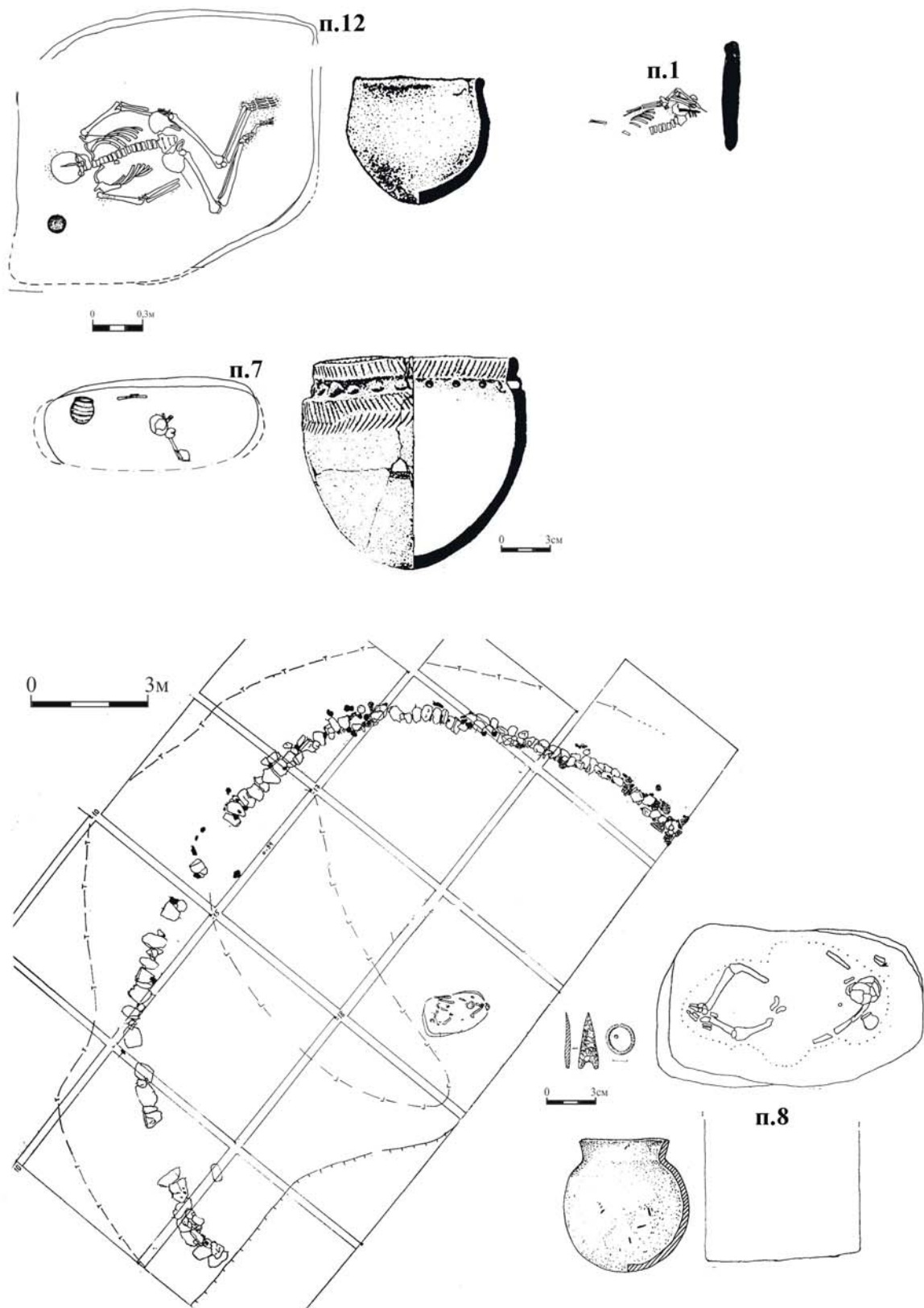

Рис. 109. Курганный могильник Ясеновый II, к.1, п.24, 32.

**Рис. 110. Поселение «Закатное II». Раскоп 2, п.1, п.7, п.12.
Поселение "Закатное I", к.1, п.8.**

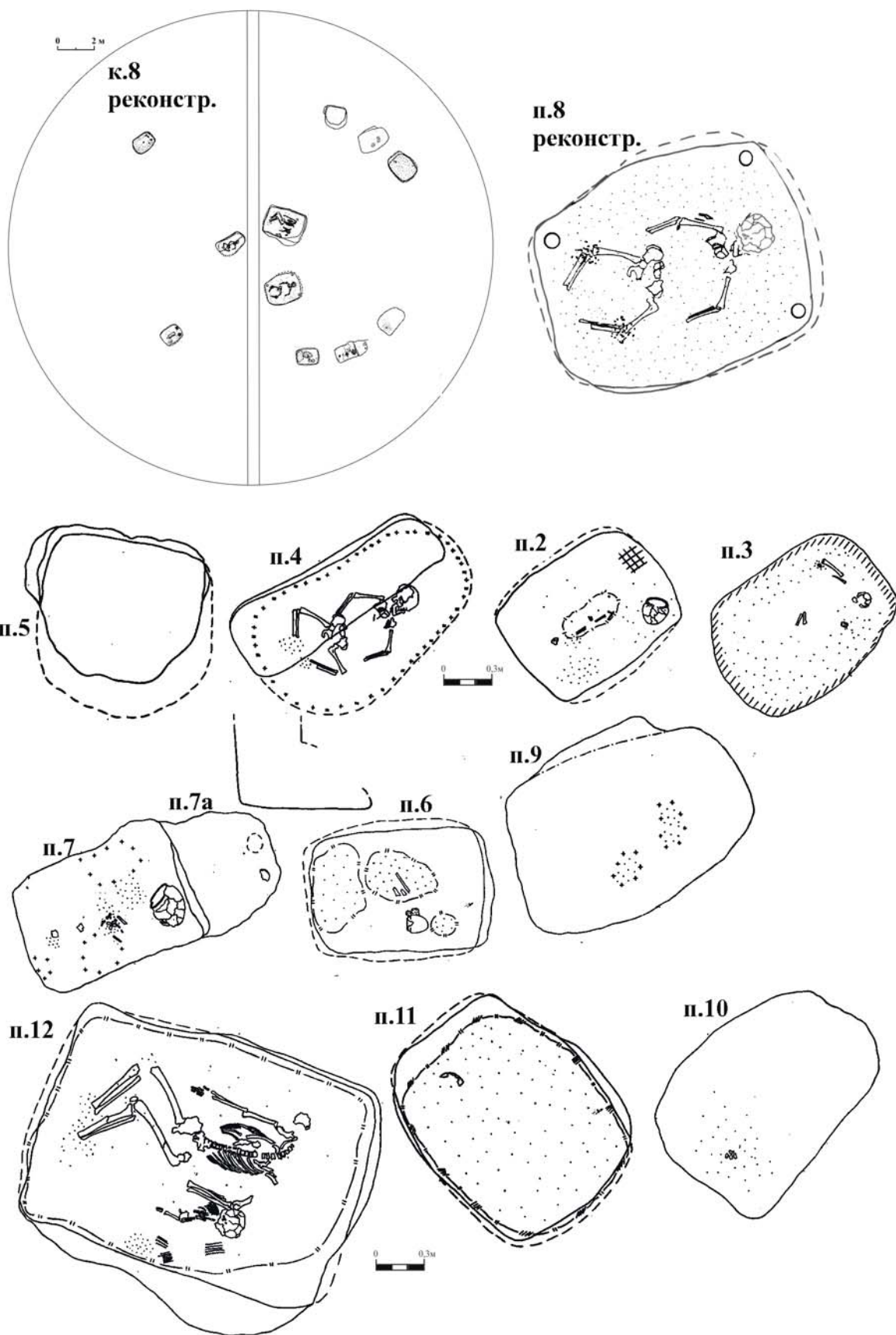

Рис. 111. Курганный могильник "Полевой Стан I", к.8, п.2-12.

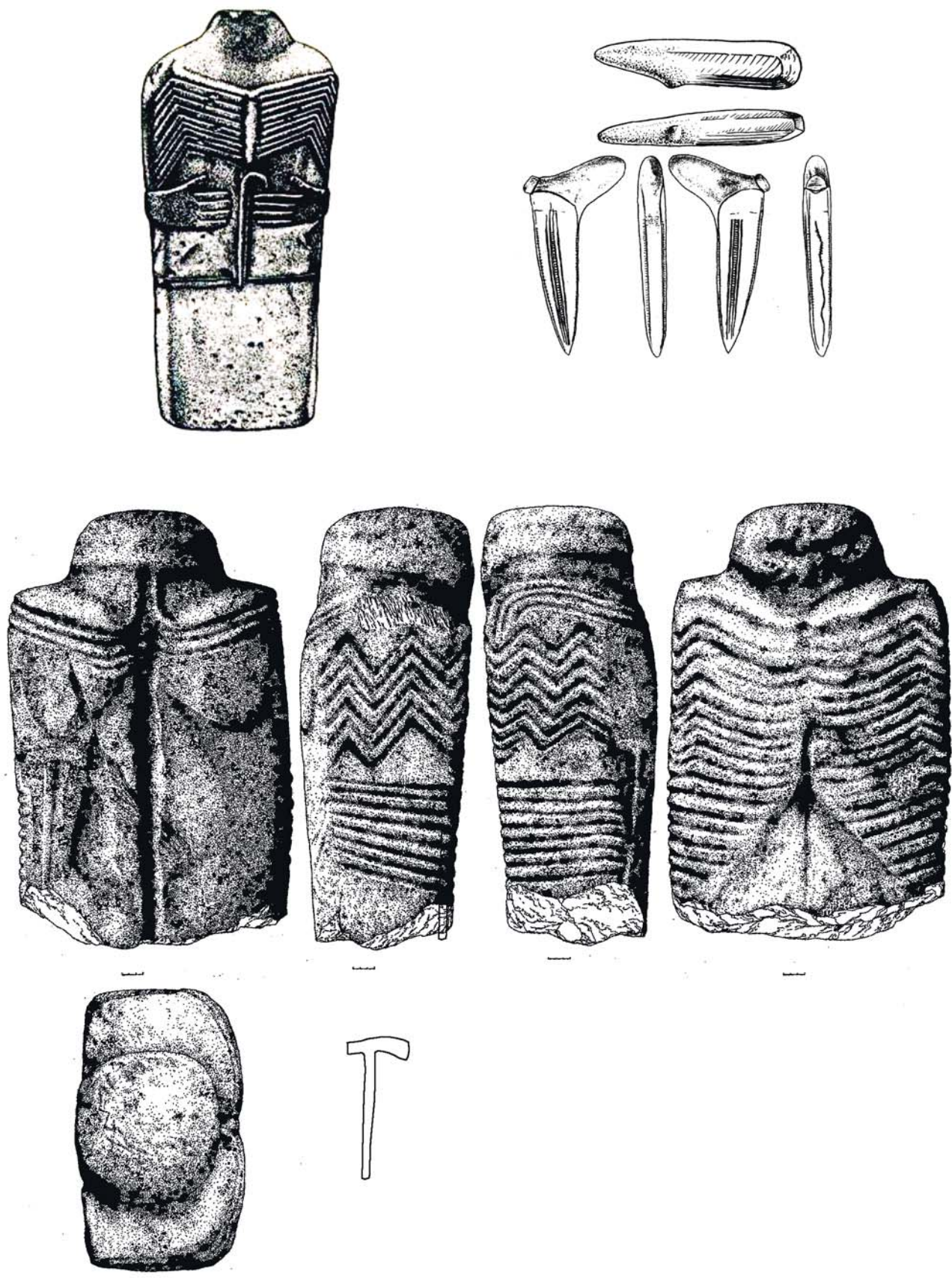
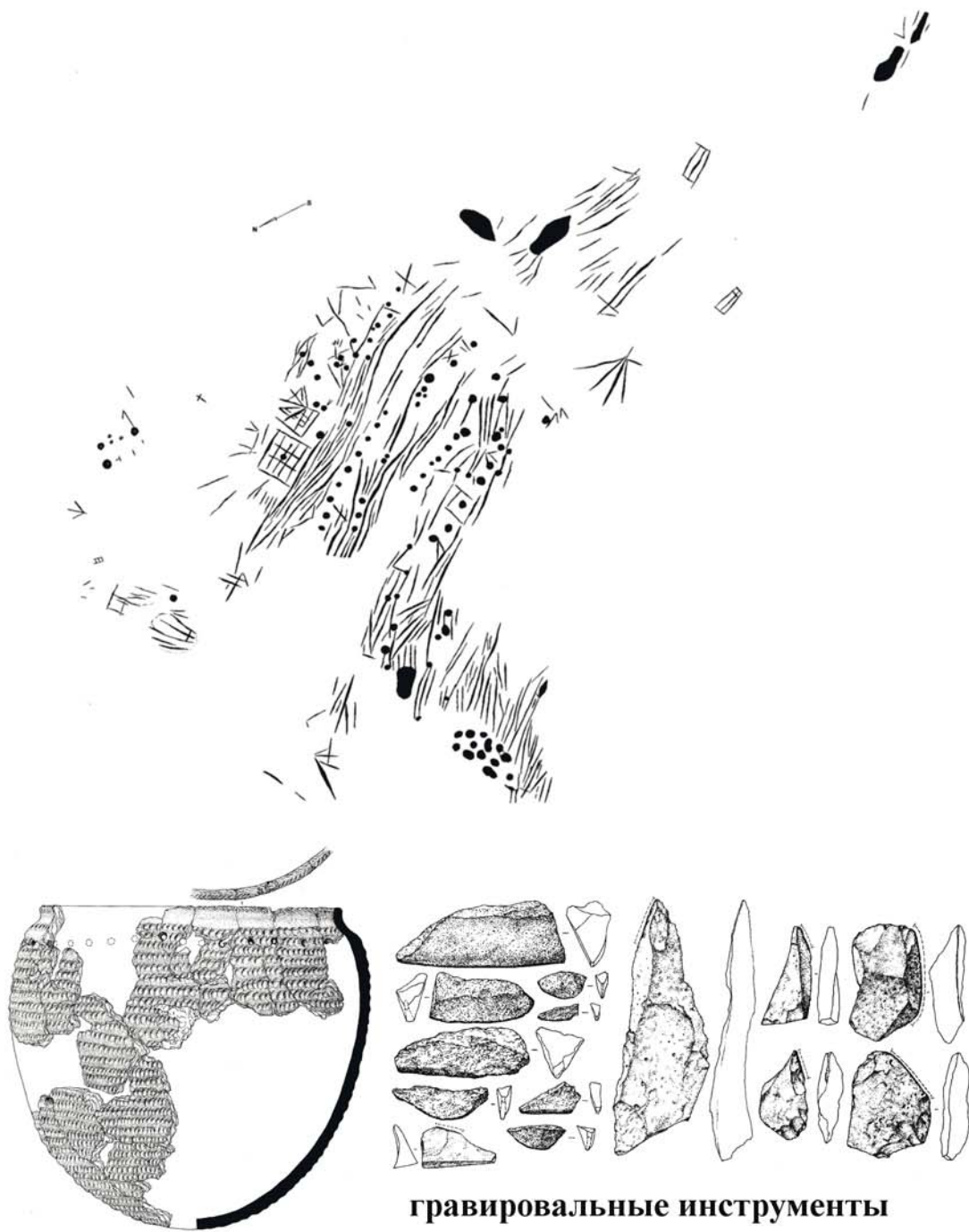

Рис. 112. Антропоморфное изваяние из окрестностей х. Араканцев.
 Клевец-скипетр из окрестностей станицы Мариинской.
 Антропоморфное изваяние из окрестностей станицы Скосырской.

гравировальные инструменты

Рис. 113. Петроглифы у хутора Скельновский.

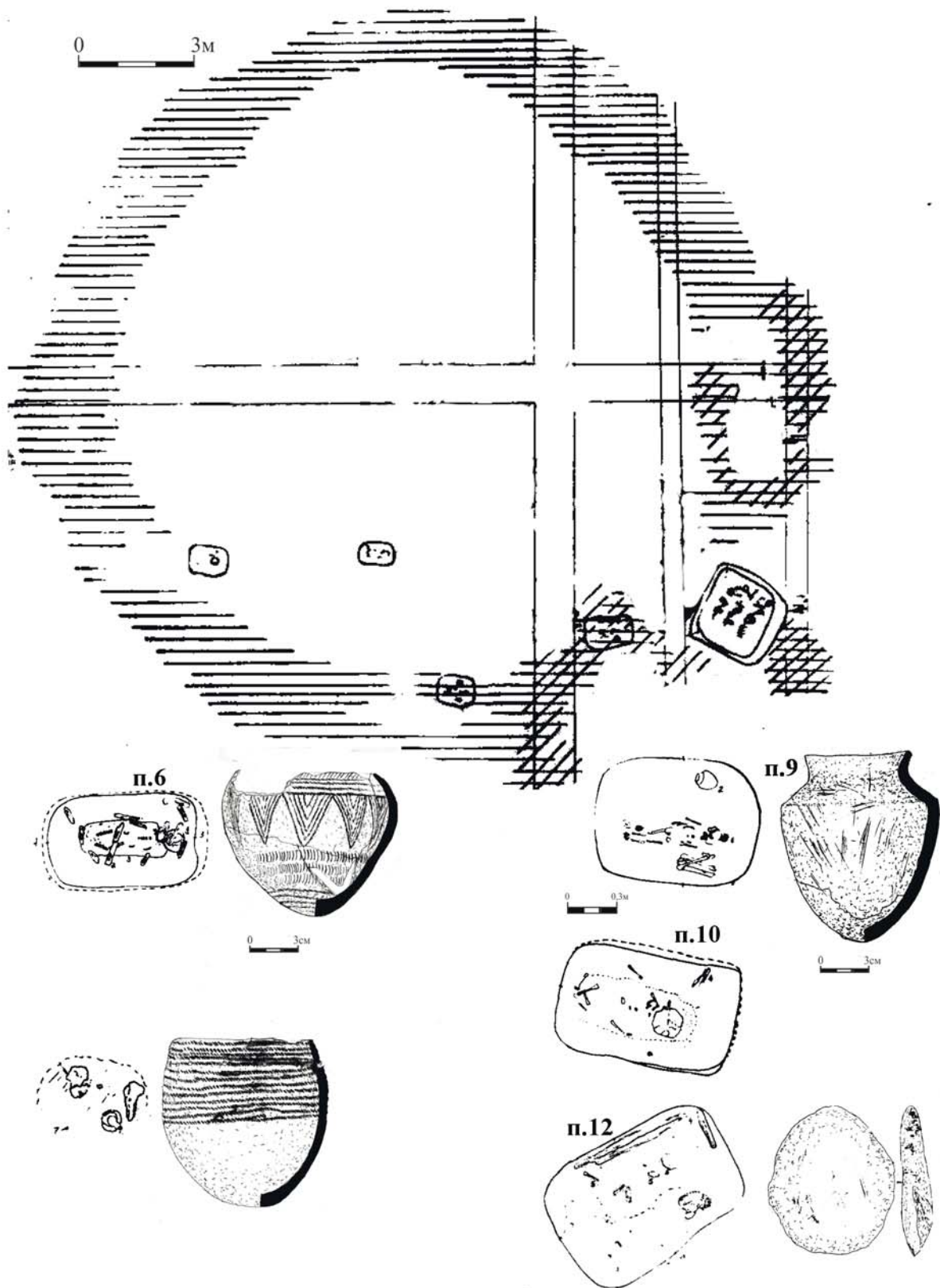

Рис. 114. Курганный могильник "Сладковский", к.26, п.6, п.7, п.9, п.10, п.12.

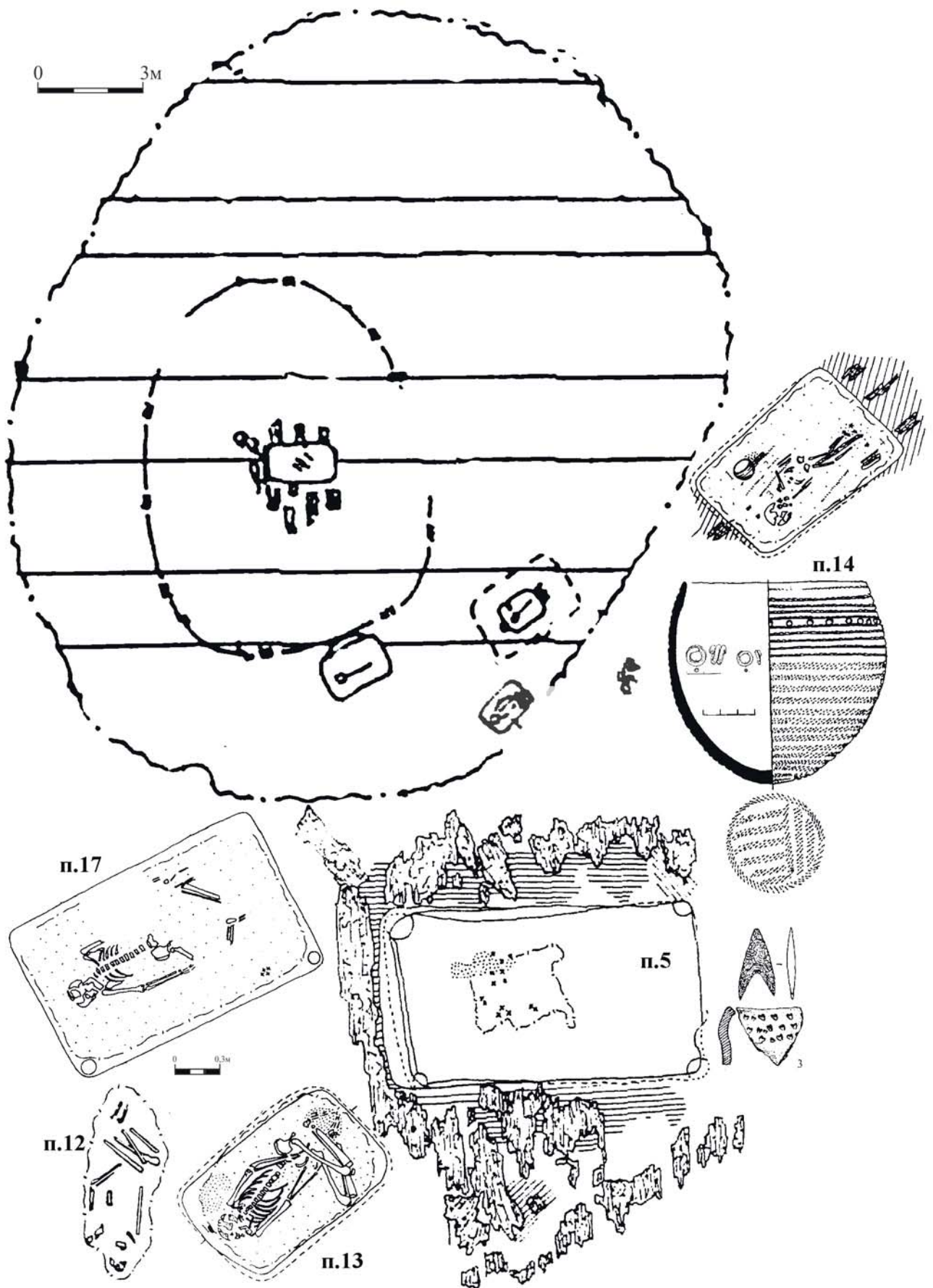

Рис. 115. Курганный могильник "Поляков", к.1, п.5, п.12, п.13, п.14, п.17.

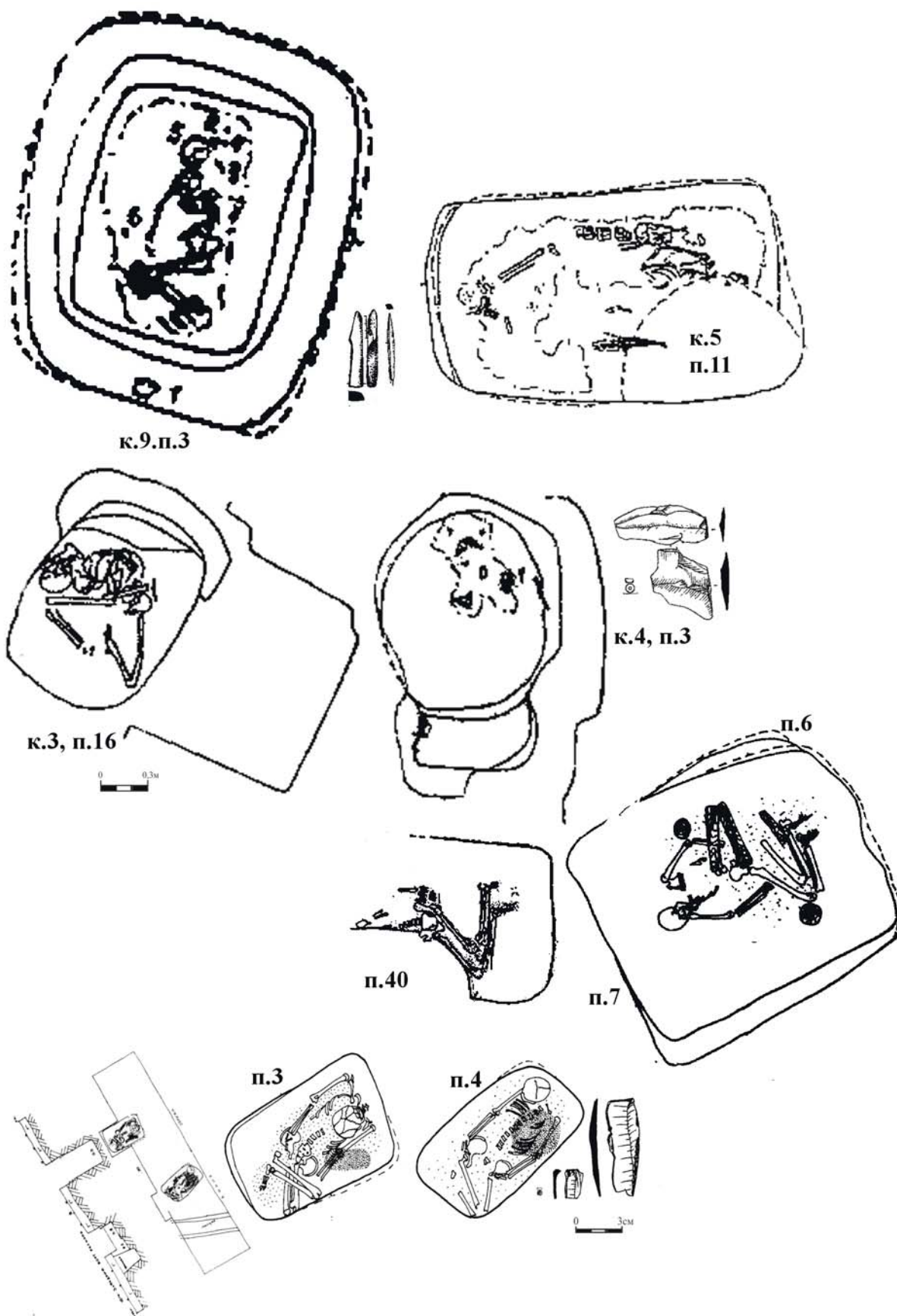

Рис. 116. Курганный могильник Мокрый Керчик I, к.3, п.16; к.4, п.3; к.5, п.11; к.9, п.3. Курганный могильник Золотые Горки II, к.2, п.40. Курганный могильник Раздорский, к.5, п.6-7. Грунтовый могильник Золотые Горки I, п.3-4.

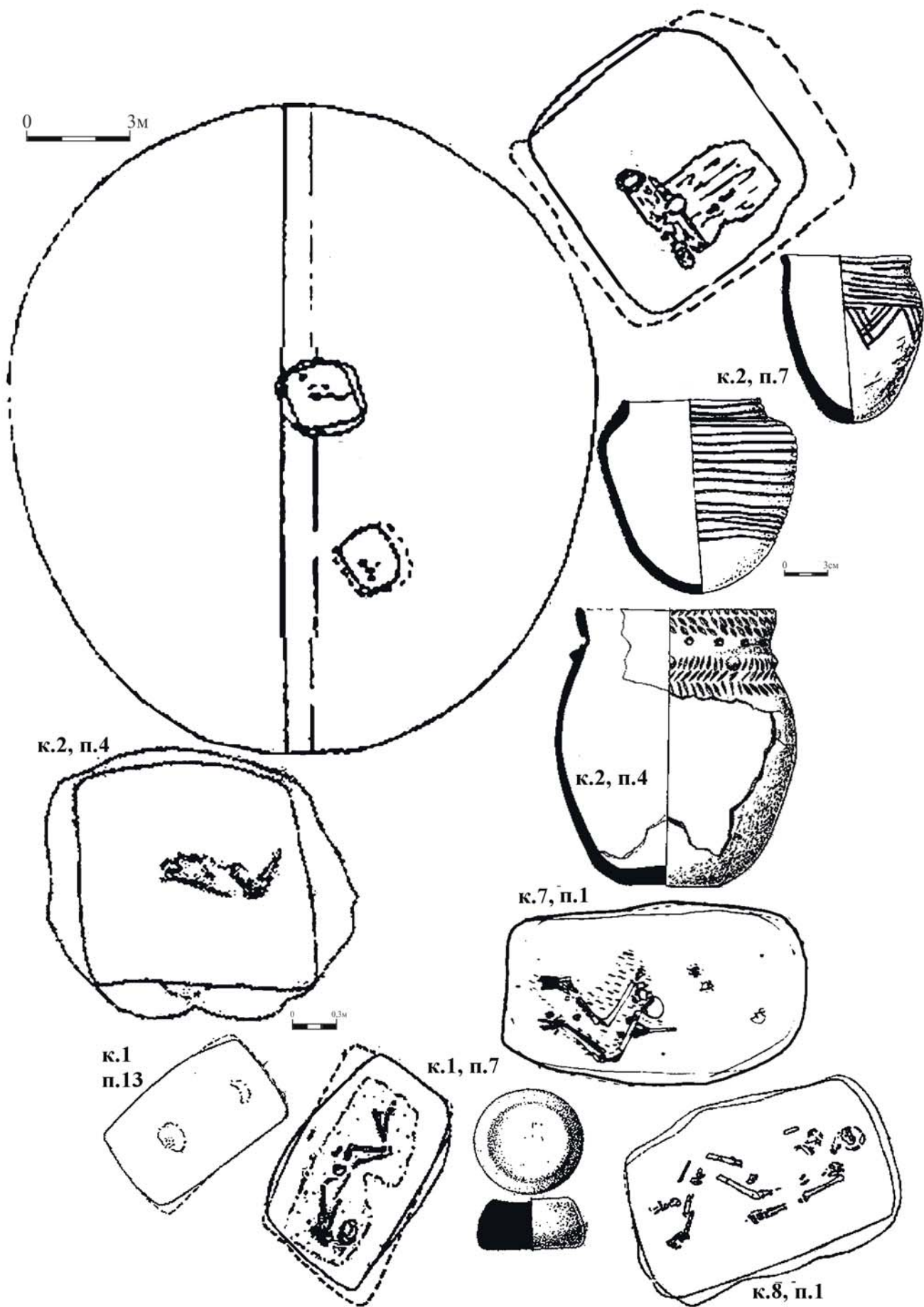

Рис. 117. Курганный могильник Мокрый Керчик I, к.1, п.7, 13; к.2, п.4, 7; к.7, п.4; к.8, п.1.

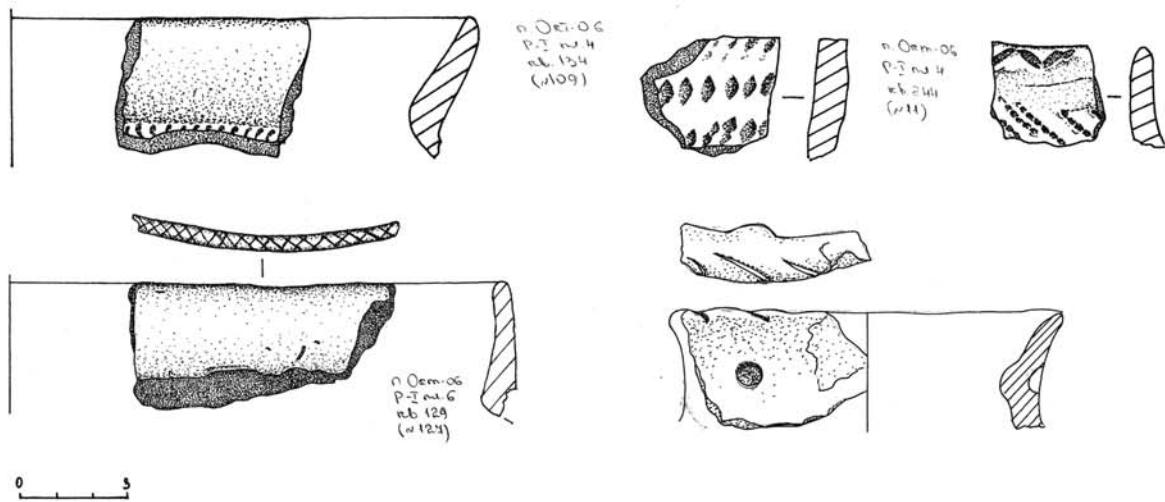
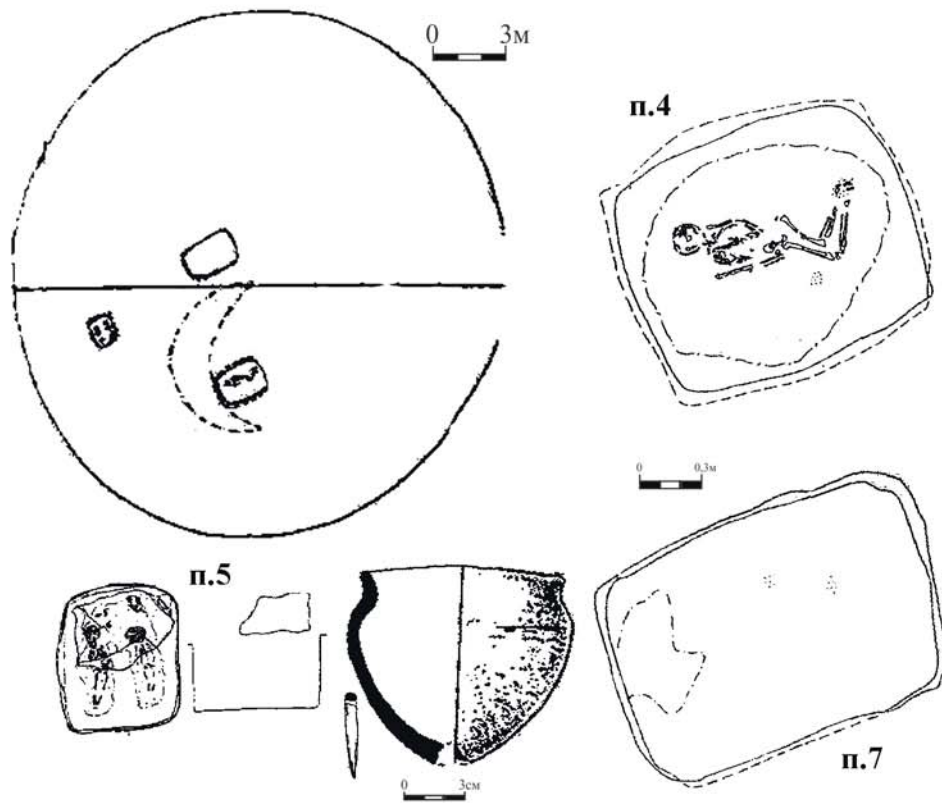

Рис. 118. Курганный могильник Золотые Горки, к.3, п.4, 5, 7.

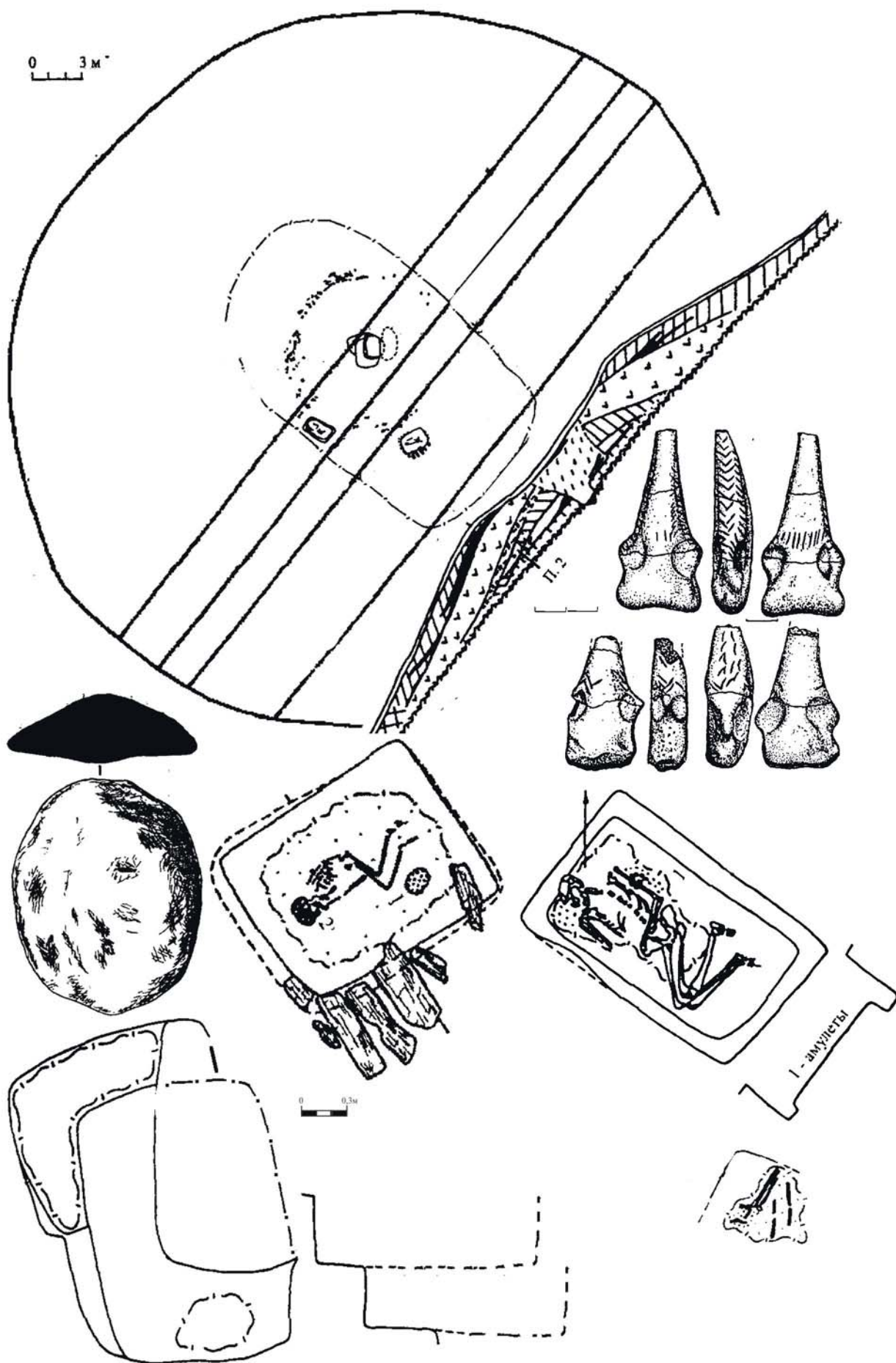

Рис.118а . Курганный могильник Поляков, к.4.

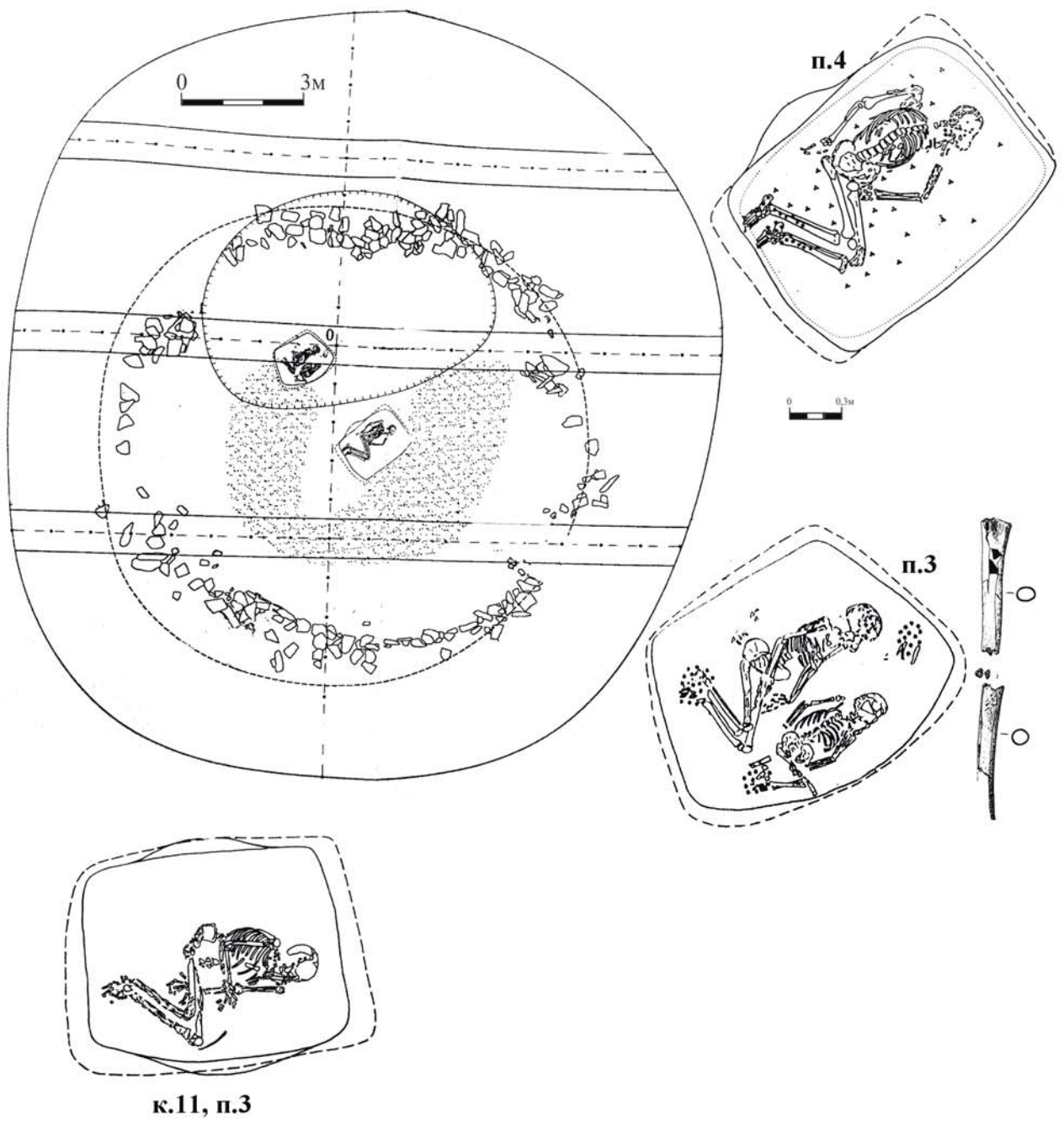

Рис. 119. Курганный могильник "Семимаячный III", к.10, п.3-4; к.11, п.3.

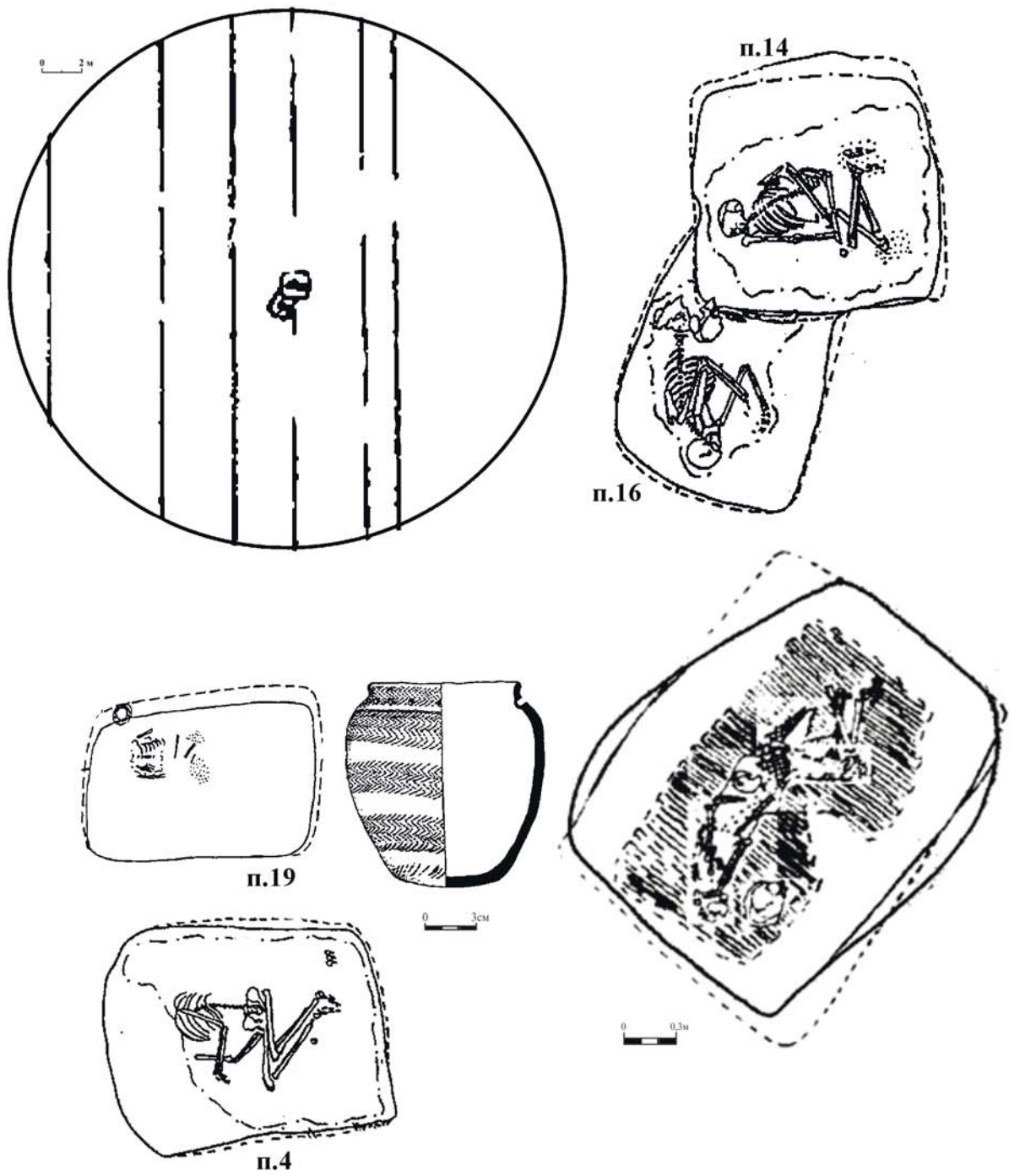

Рис. 120. Курганный могильник "Гать III", к.16, п.14, п.16, к.23, п.4. Курганный могильник "Озерки X", к.20, п.19.

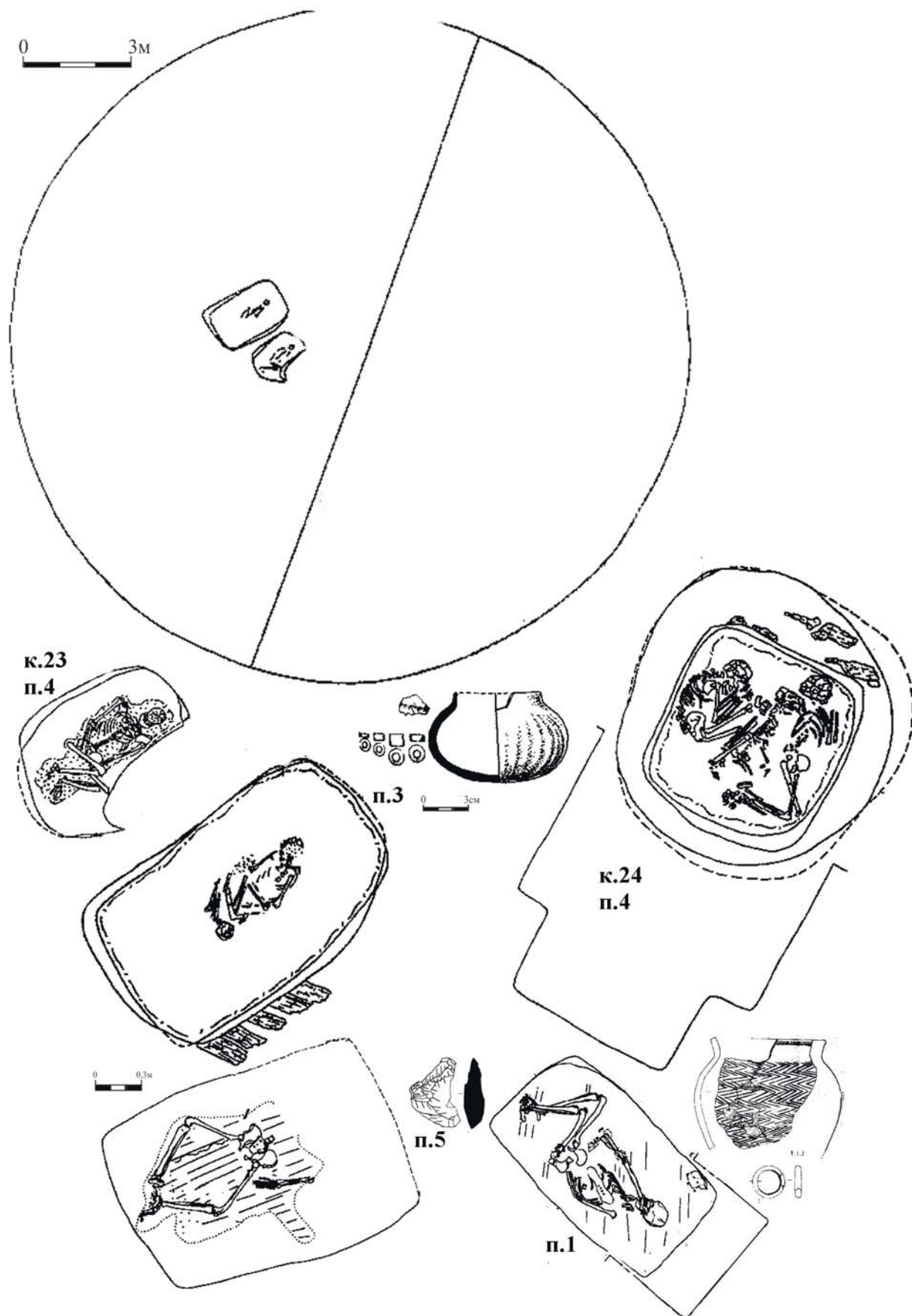

Рис. . Курганный могильник Бессергеновский III, к.23, п.3, 4; к.24, п.4.
 Курганный могильник Гуково-Водокачка, к.2, п.1, 5.

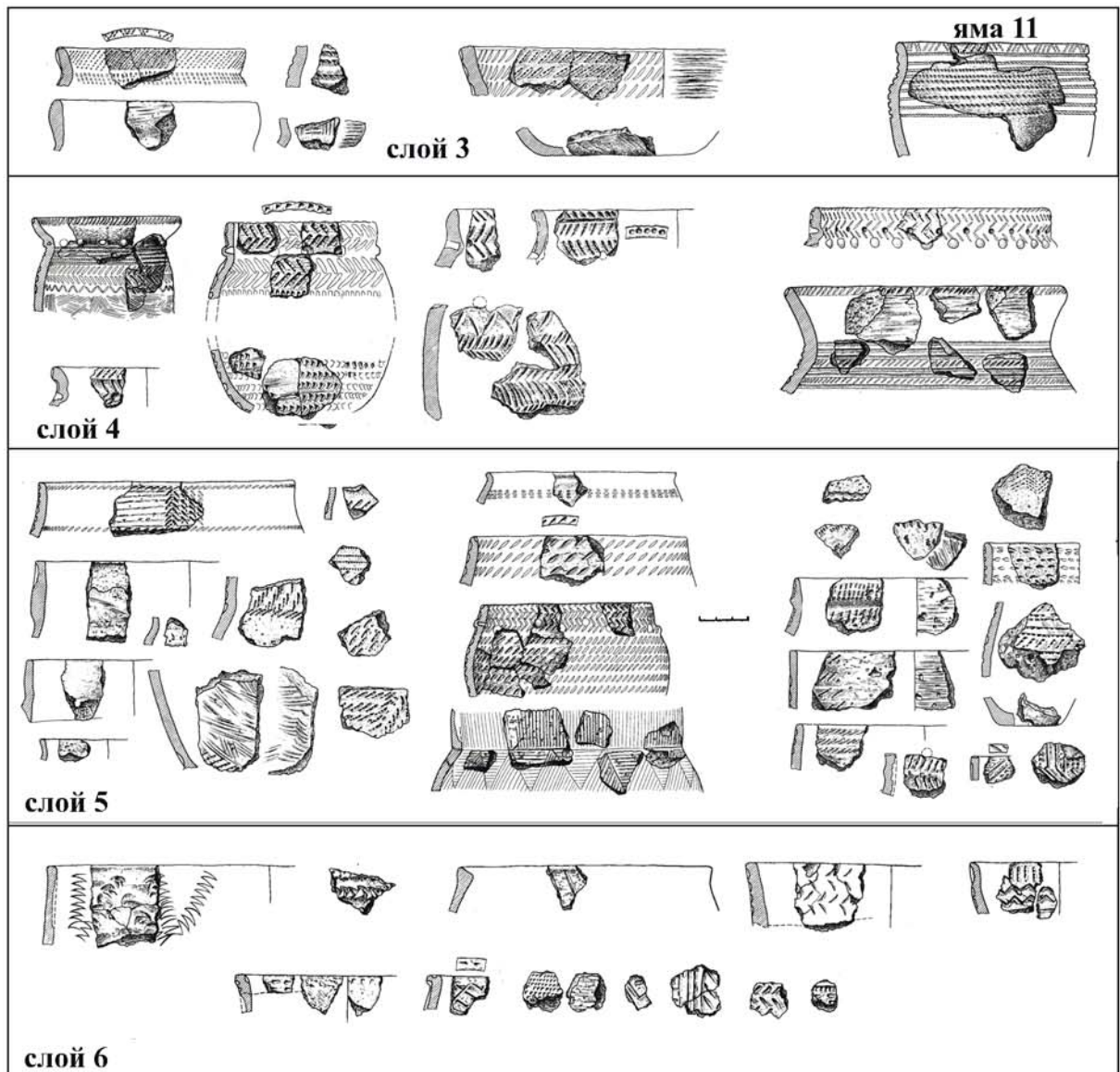

Рис. 122. Поселение Самсоновское.

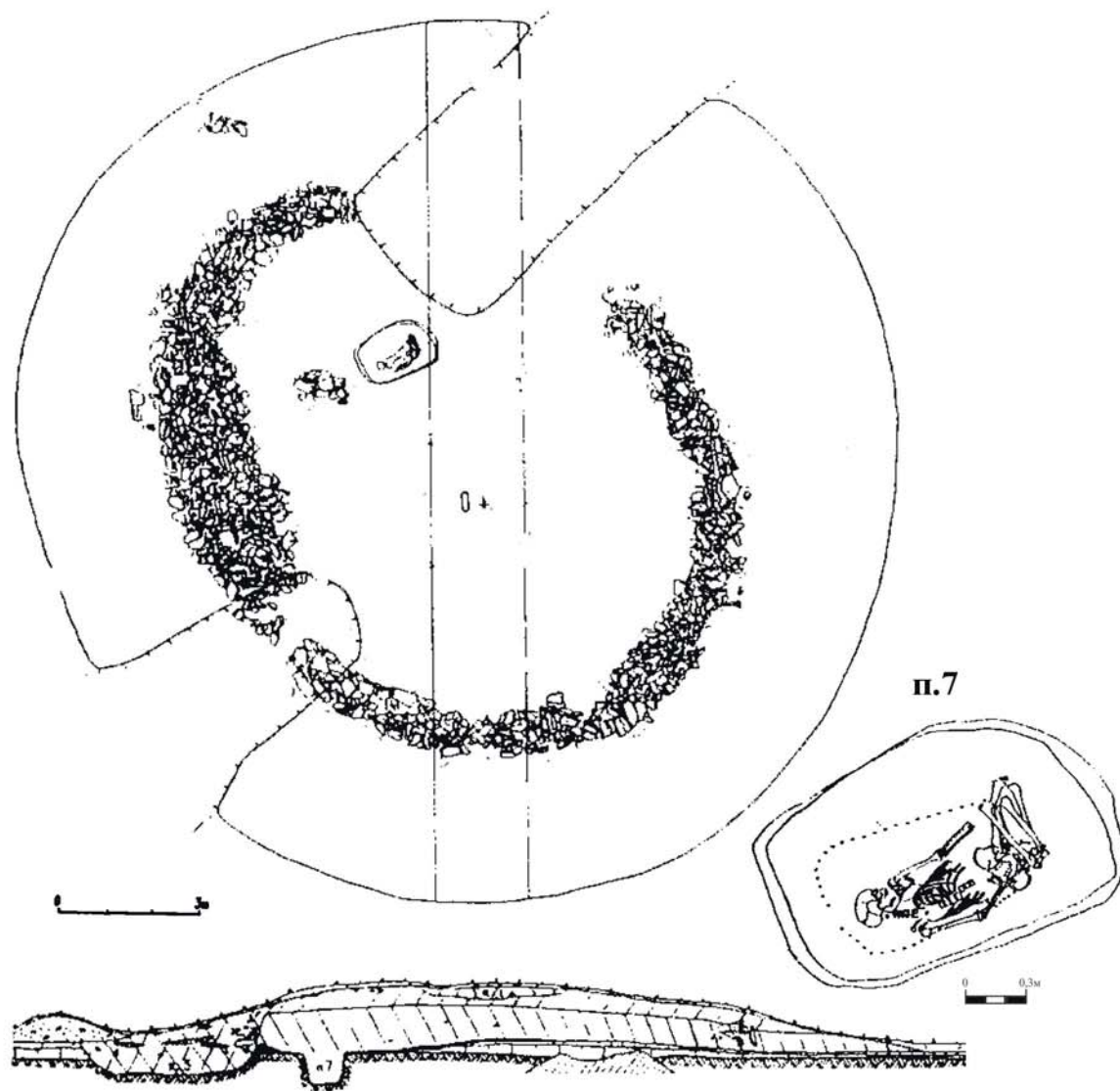

Рис. 123. Курганный могильник Божковка I, к.1 п.7.

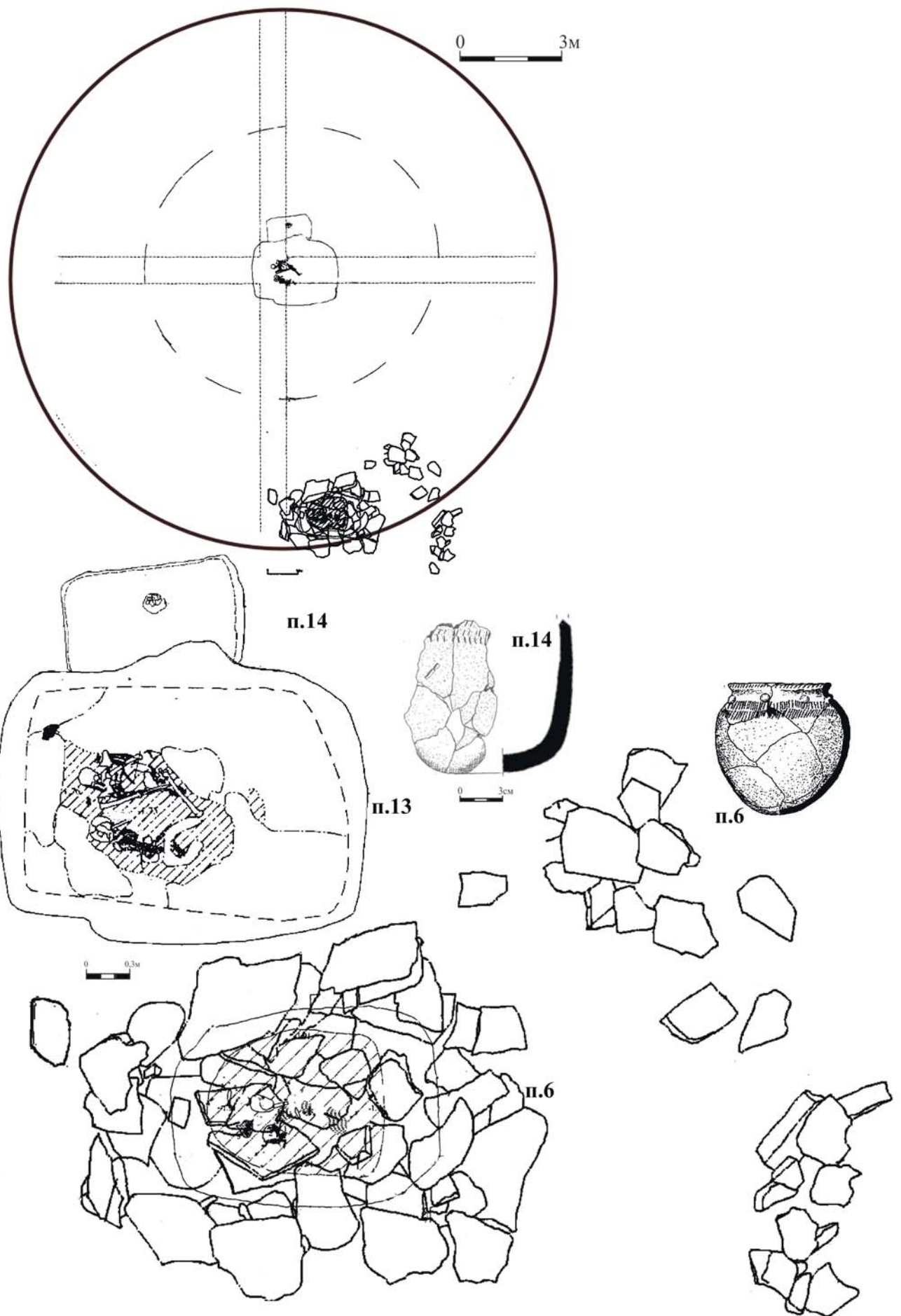

Рис. 124. Курганный могильник "Черевково I", к.2, п.6, п.13, п.14.

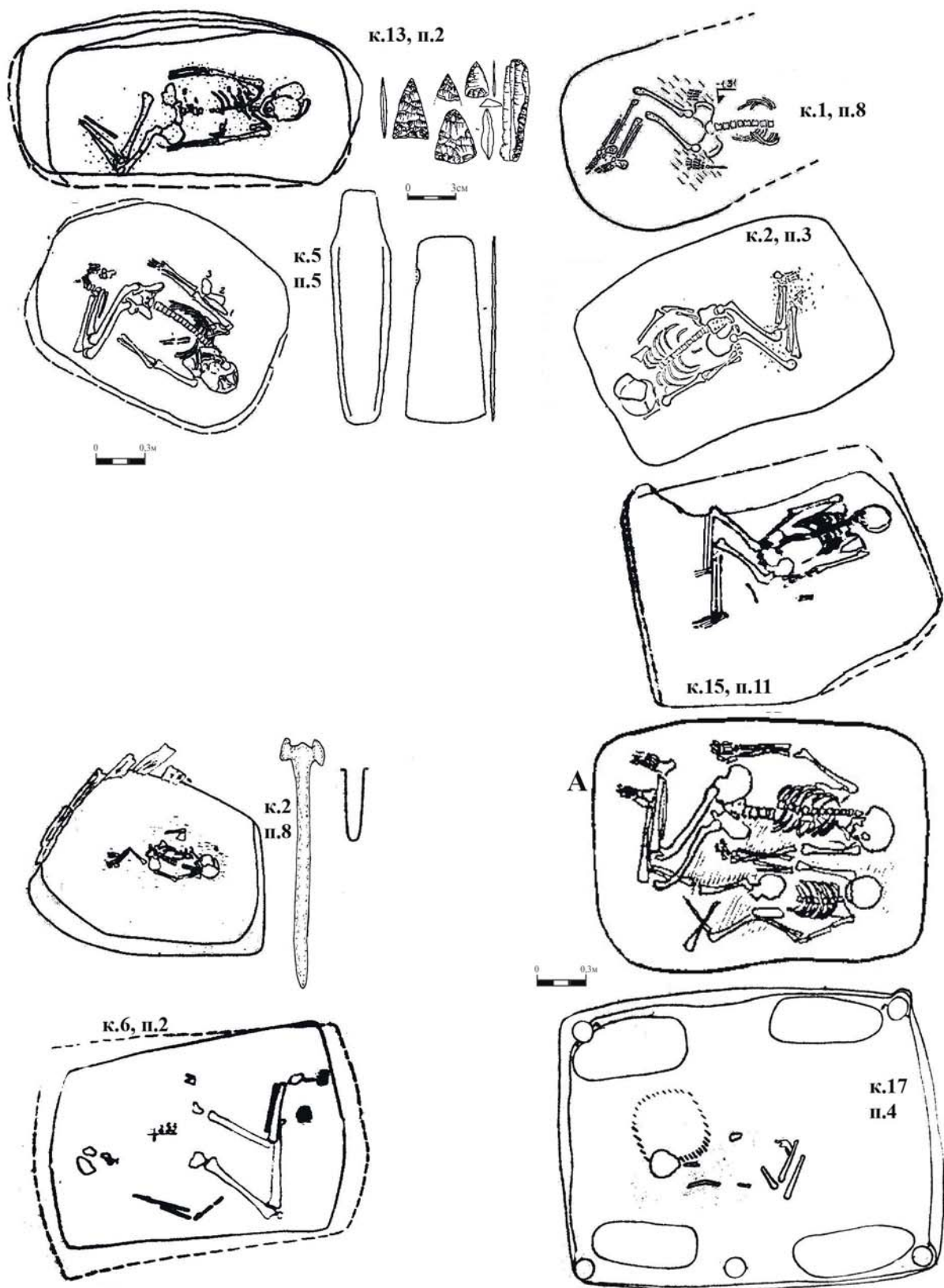

Рис. 125. Курганный могильник "Кастырский VIII", к.13, п.2, к.5, п.5. Курганный могильник "Богоявленовка", к.2, п.8. Курганный могильник "Богоявленовский VII", к.1, п.8. Курганный могильник "Ближнероссошский I", к.17, п.4. Курганный могильник "Мокро-Дюдеревский I", к.2, п.3. Курганный могильник "Кастырский V", к.15, п.11. Курганный могильник "Кастырский II", к.6, п.2. А-Константиновское поселение.

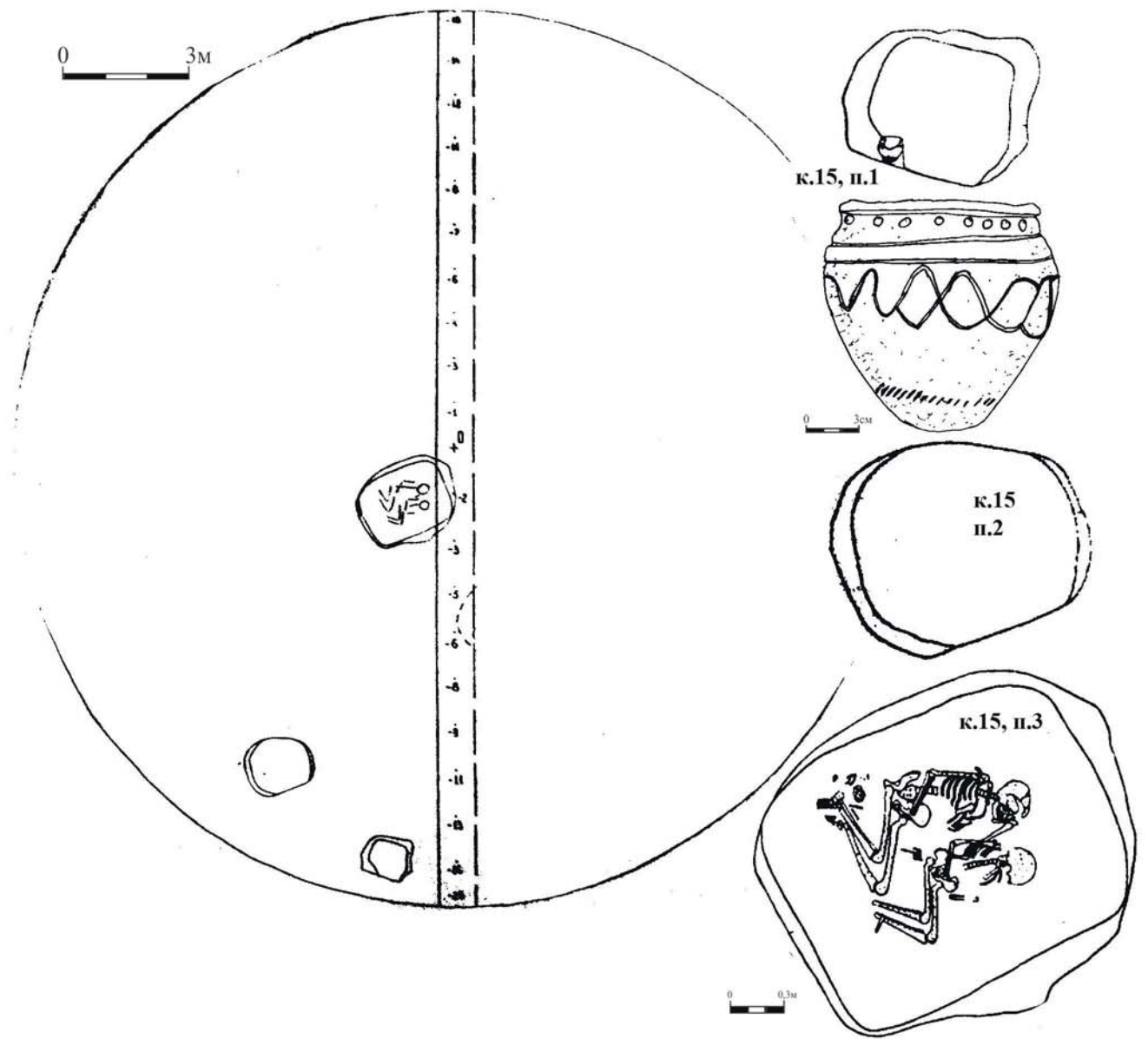

Рис. 126. Курганный могильник "Ближнероссошский I", к.15.

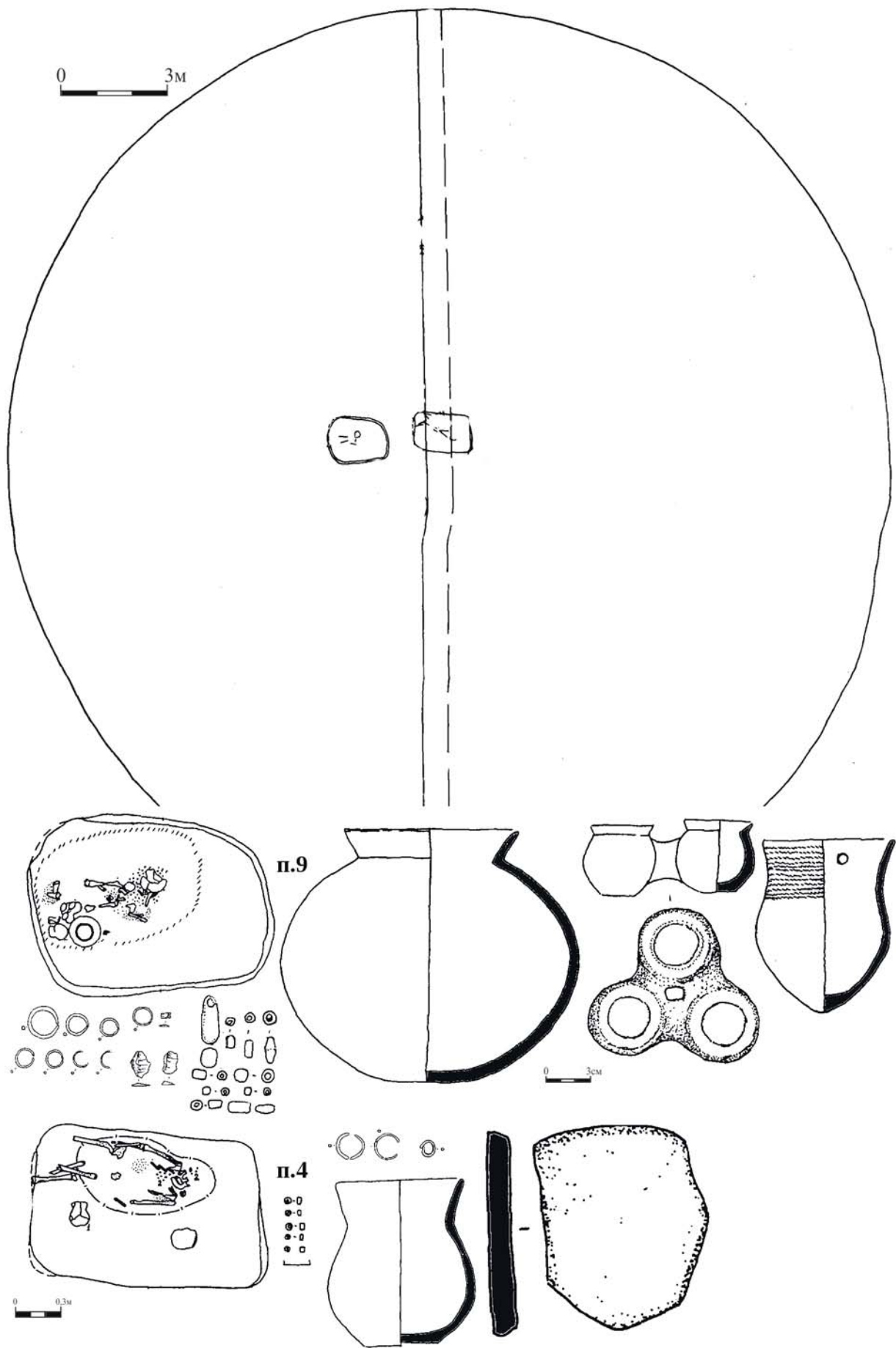

Рис. 127. Курганный могильник Кастырский VIII, к.3, п.4, п.9.

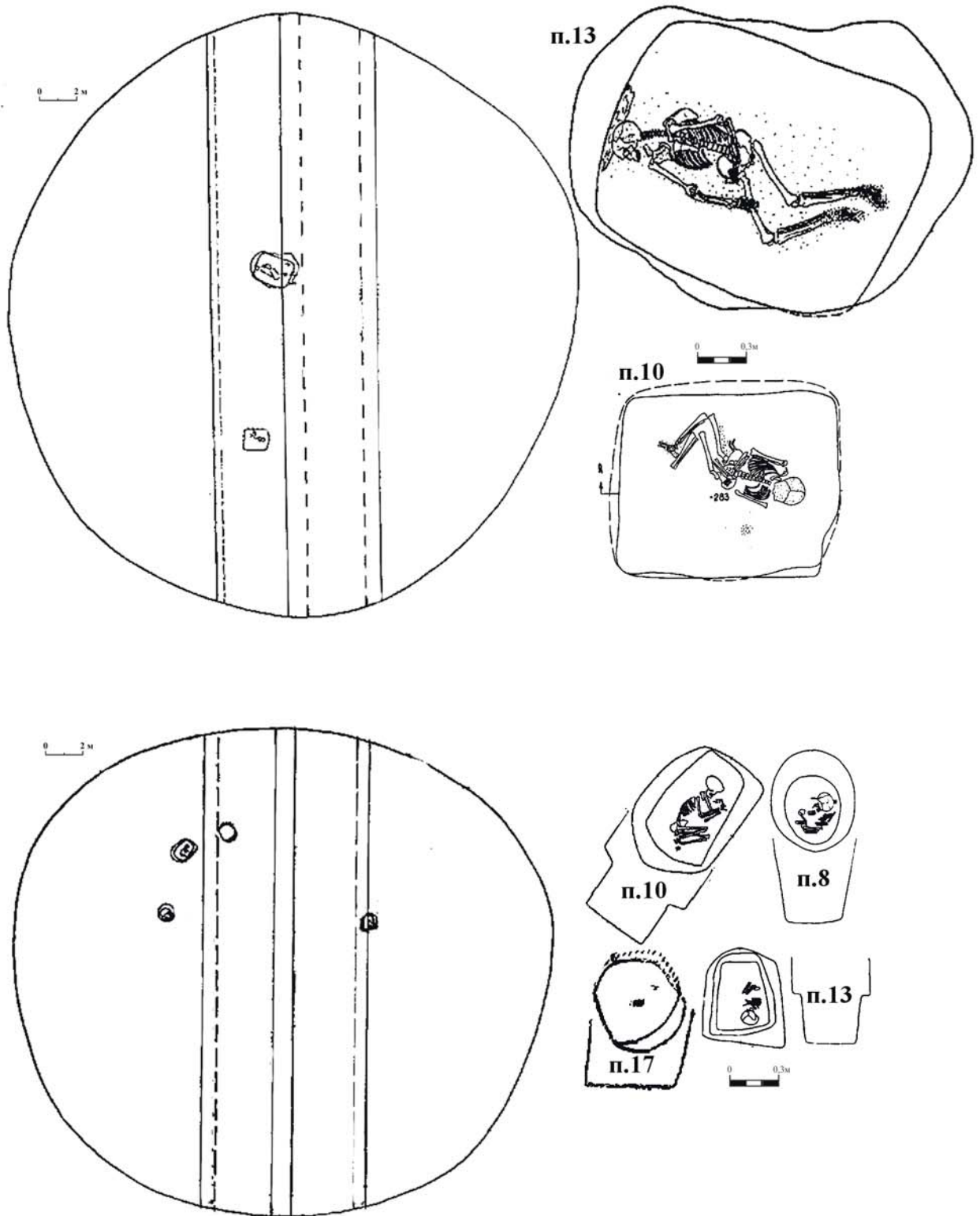

Рис. 128. Курганный могильник "Кастырский V", к.4, п.10, п.13.
 Курганный могильник "Кастырский VI", к.4, п.8, п.10, п.13, п.17.

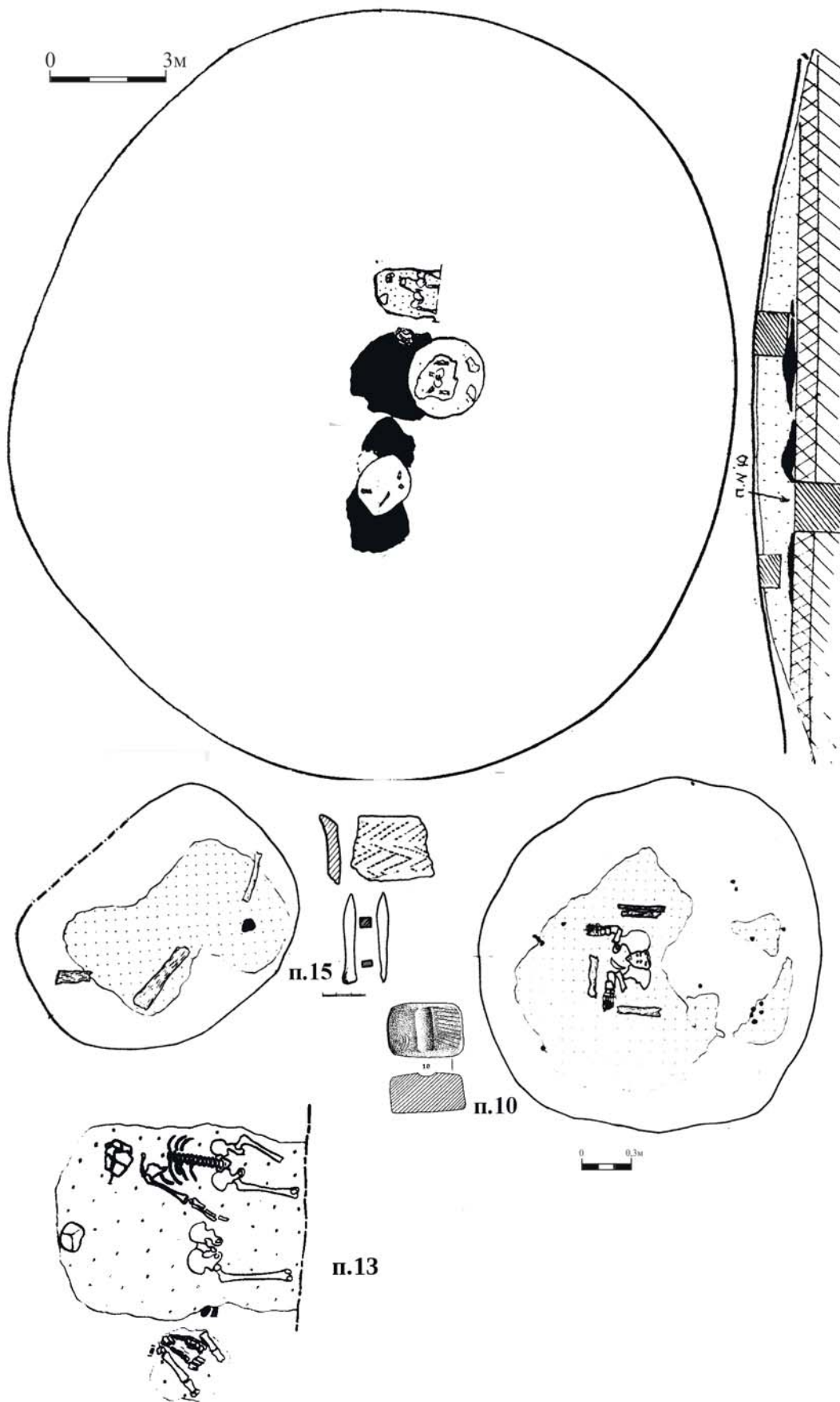

Рис. 129. Курганный могильник "Константиновский", к.1, п.10, п.15.

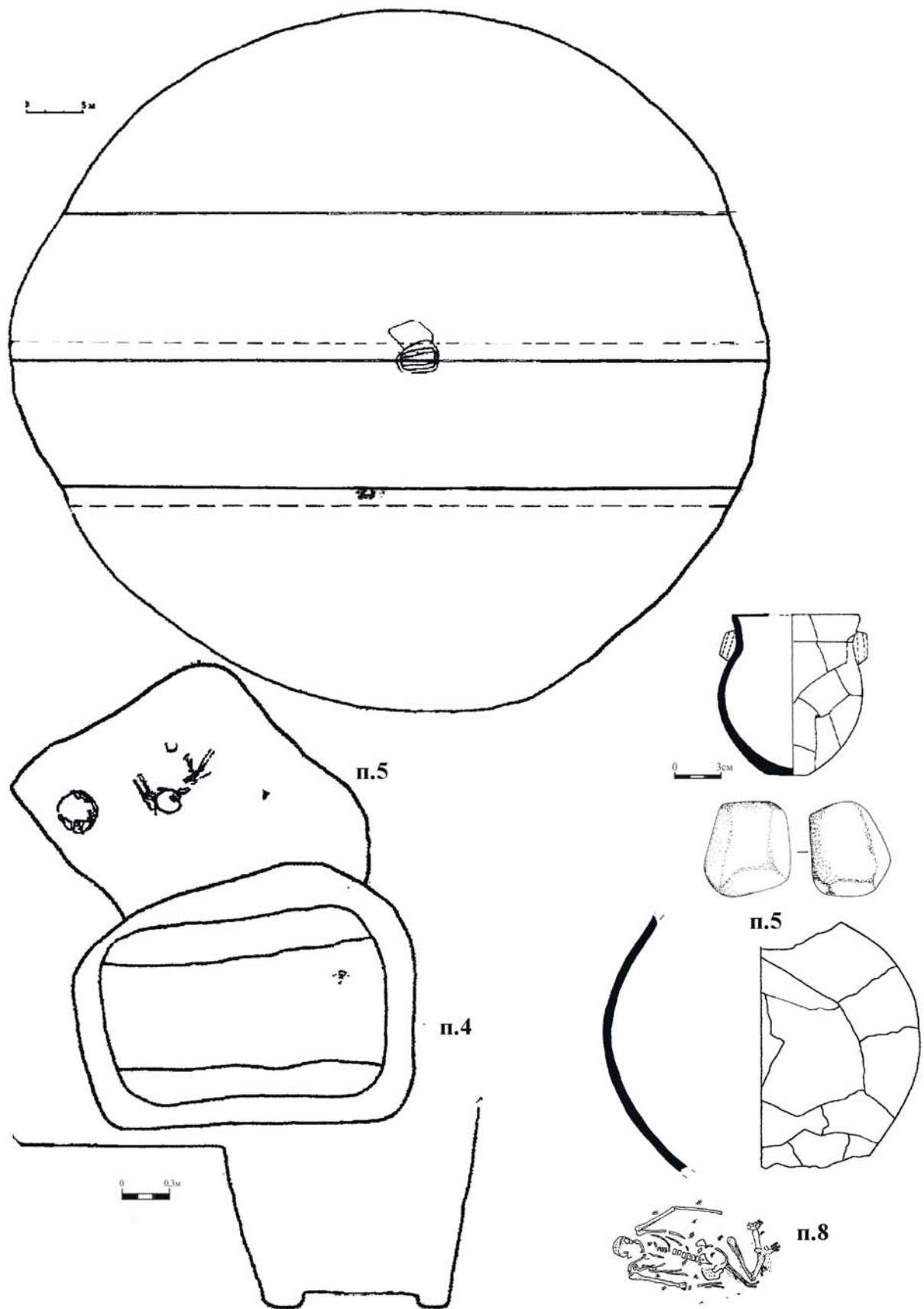

Рис. 130. Курганный могильник "Танькин", к.1, п.4-5, п.8

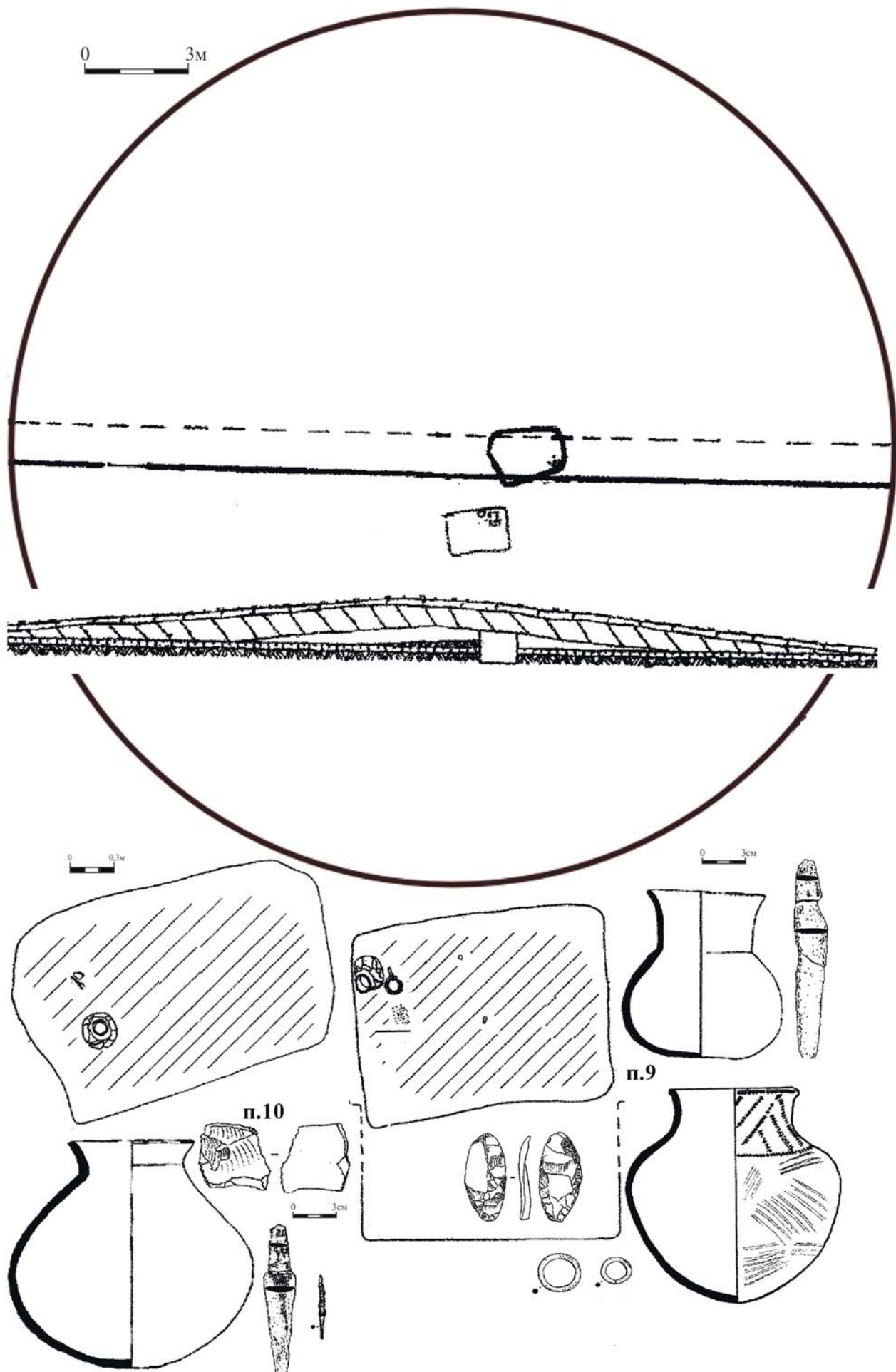

Рис. 131. Курганный могильник "Танькин", к.2, п.9, п.10.

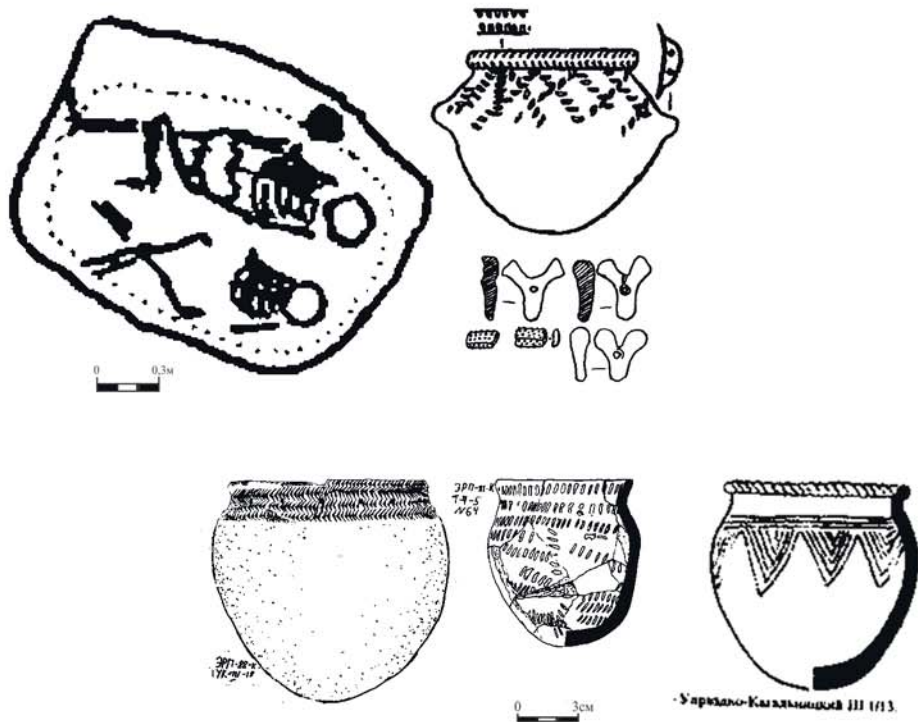

Рис. 132. Курганный могильник «Ураздано-Кагальницкий III».

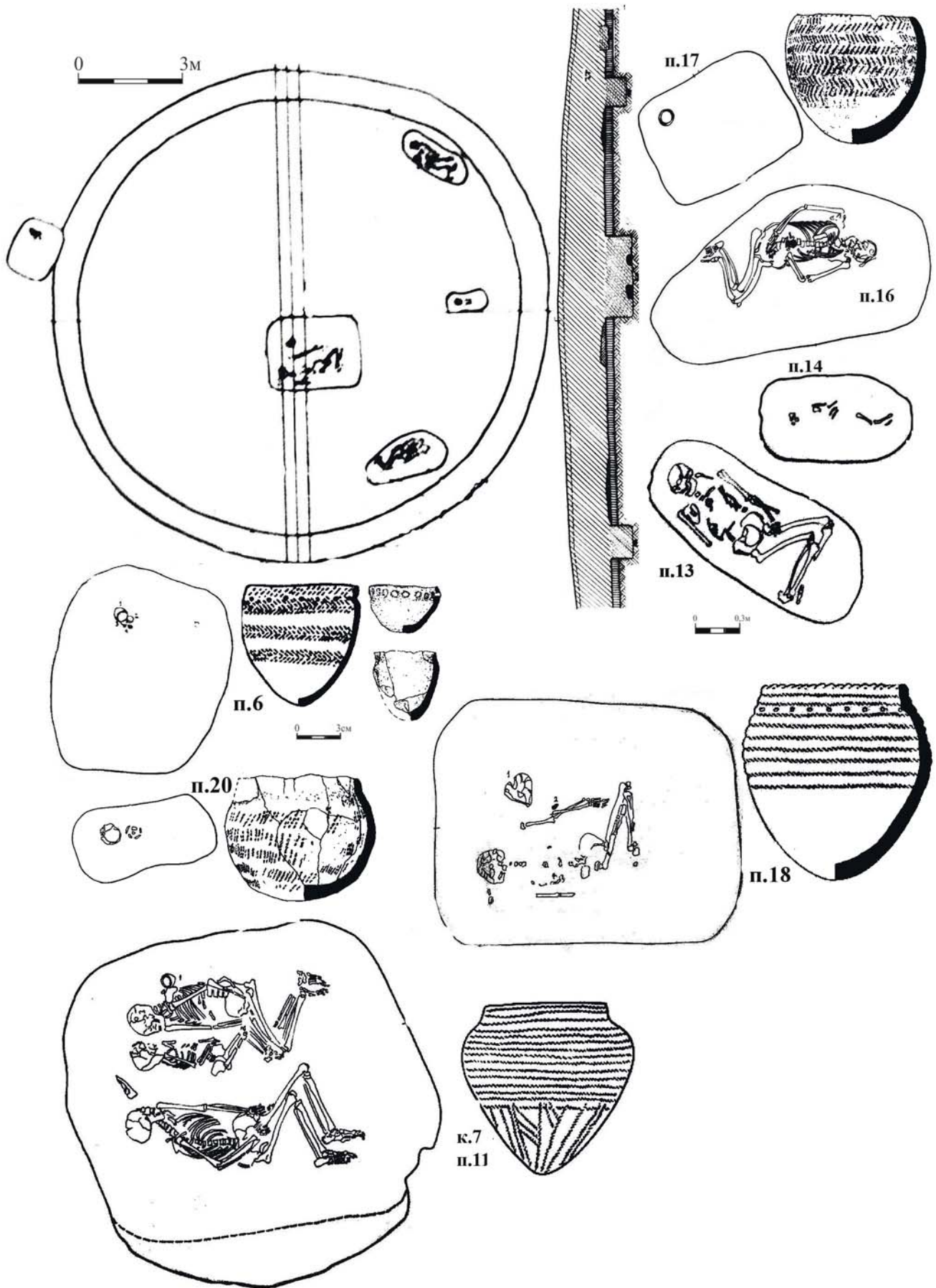

Рис. 133. Курганный могильник "Богоявленовский I", к.1, п.6, п.13, п.14, п.16, п.17, п.18, п.20; к.7, п.11.

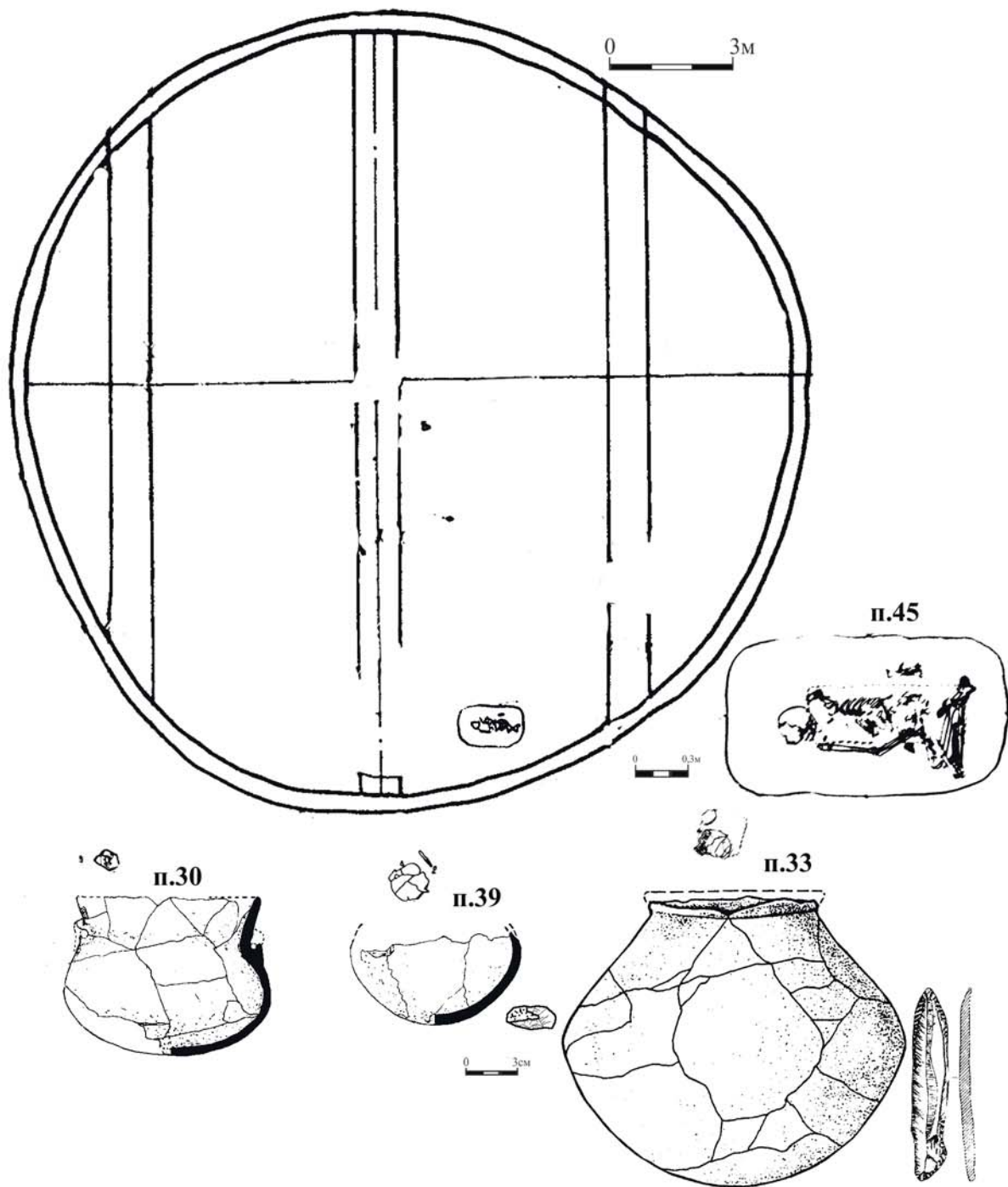
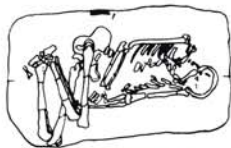
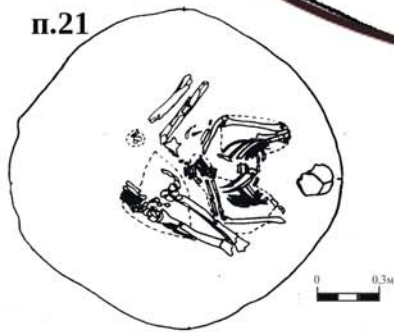
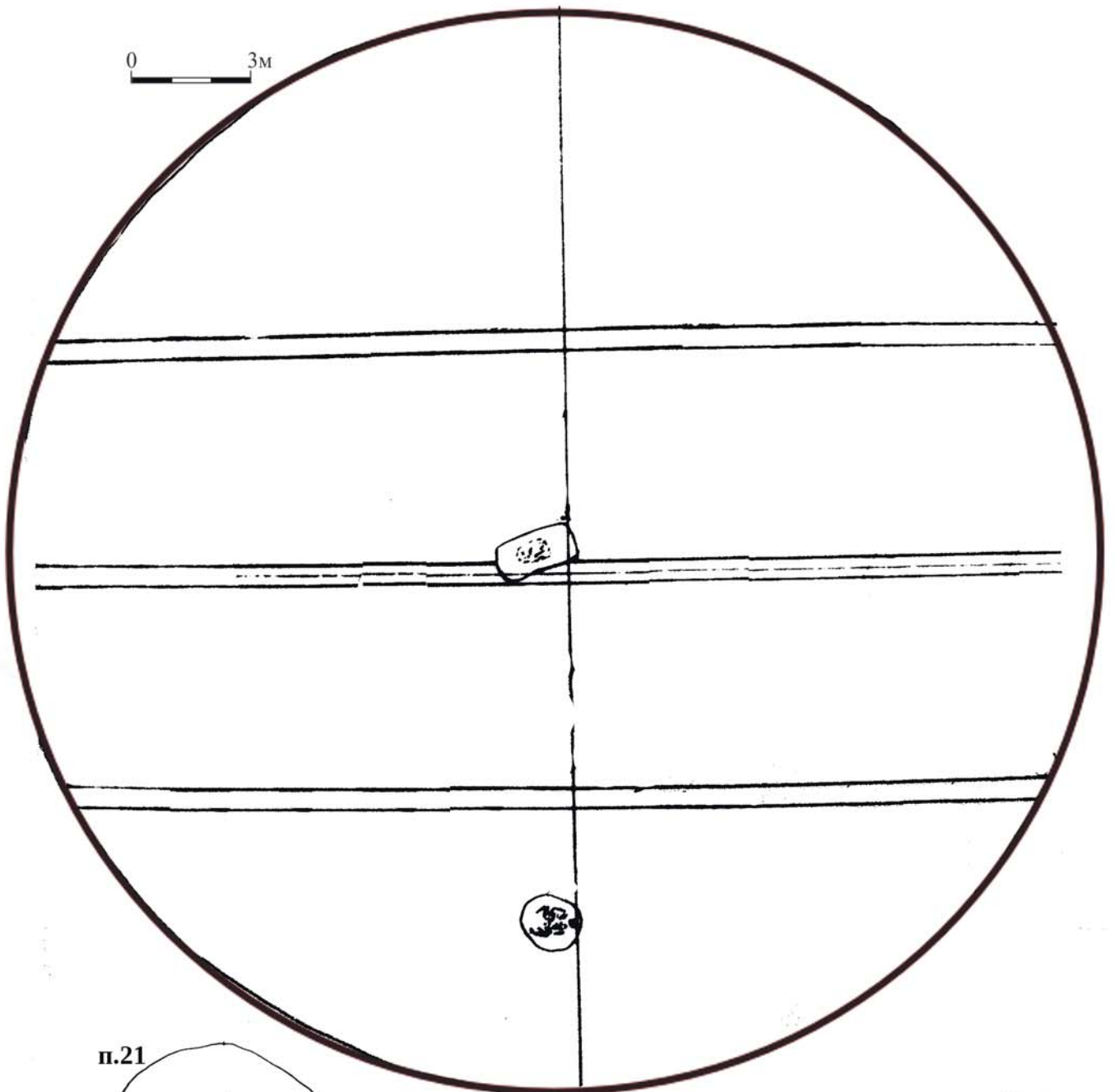

Рис. 134. Курганный могильник "Богоявленовский I", к.26, п.30, п.33, п.39, п.45.

п.3

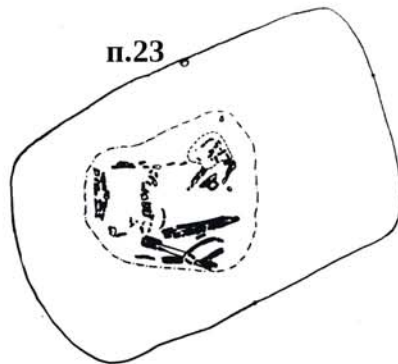

Рис. 135. Курганный могильник Богоявленовский I, к.31, п.21, 23; к.30, п.3.

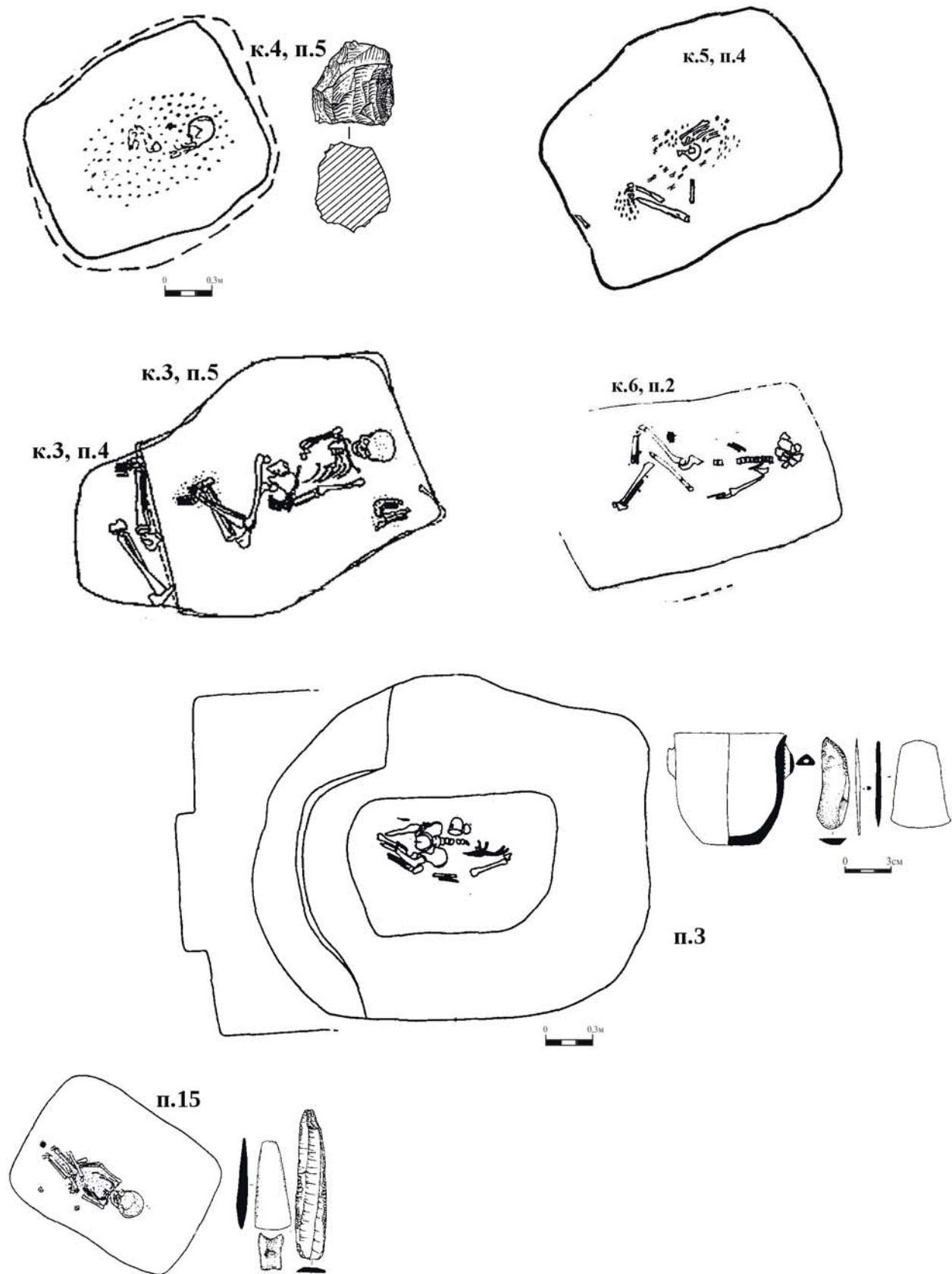

Рис. 136. Курганный могильник Кастырский VIII, к.4, п.3; к.14, п.15. Курганный могильник Упраздно-Кагальницкий II, к.4, п.5; к.5, п.4. Курганный могильник Упраздно-Кагальницкий I, к.3, п.4-5; к.6, п.2.

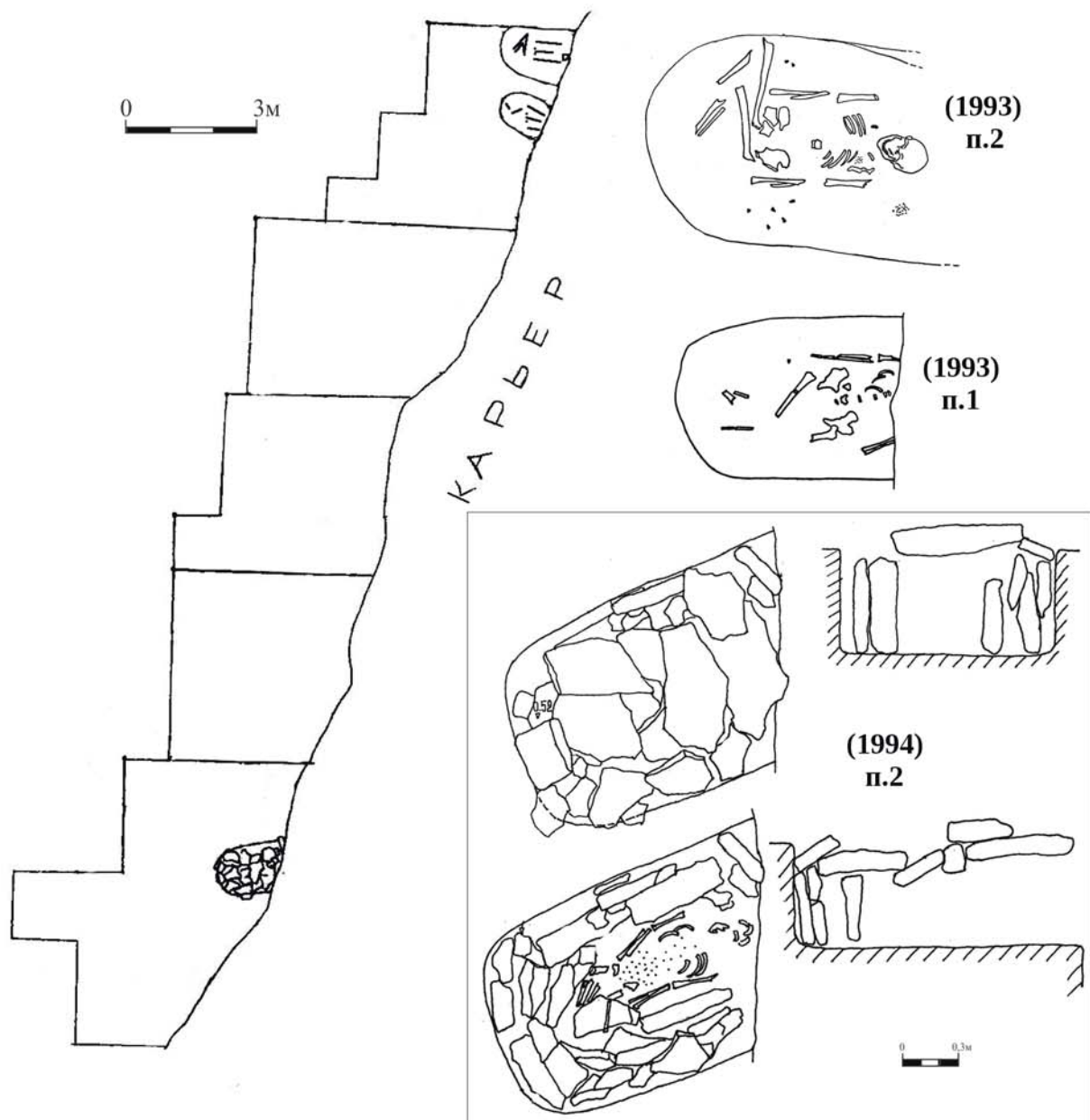

Рис. 137. Грунтовый могильник "Ливенцовский I", раскоп 1993 г. п.1, п.2. Раскоп 1994 г., кв.1, п.2.

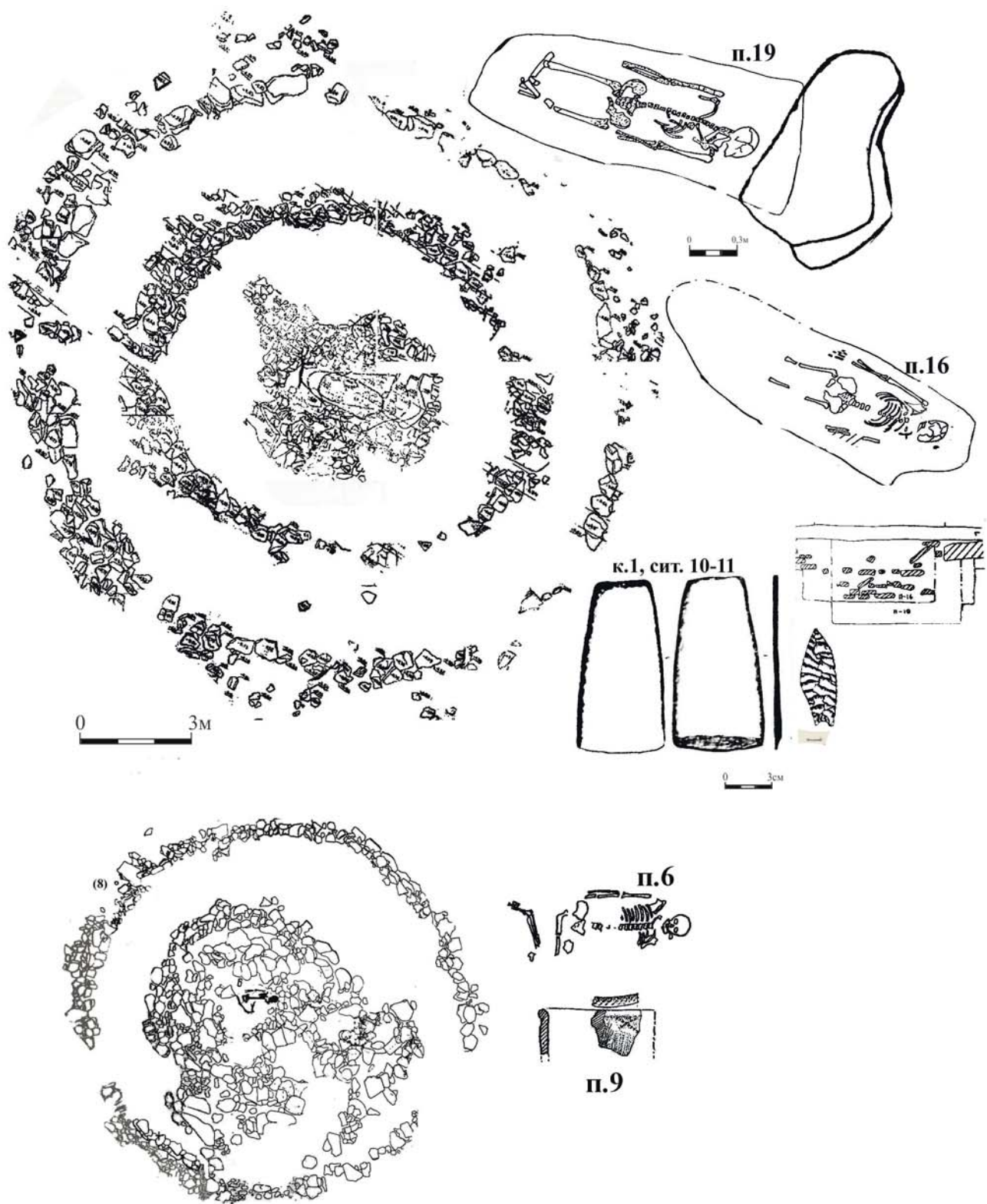

Рис. 138. Ливенцовский курганный могильник, курган 10 (у стены крепости), п.6, керамика из п.9. Курганный могильник “Каратаево-Сады”, к.1, п.16, п.19, сит. 10-11.

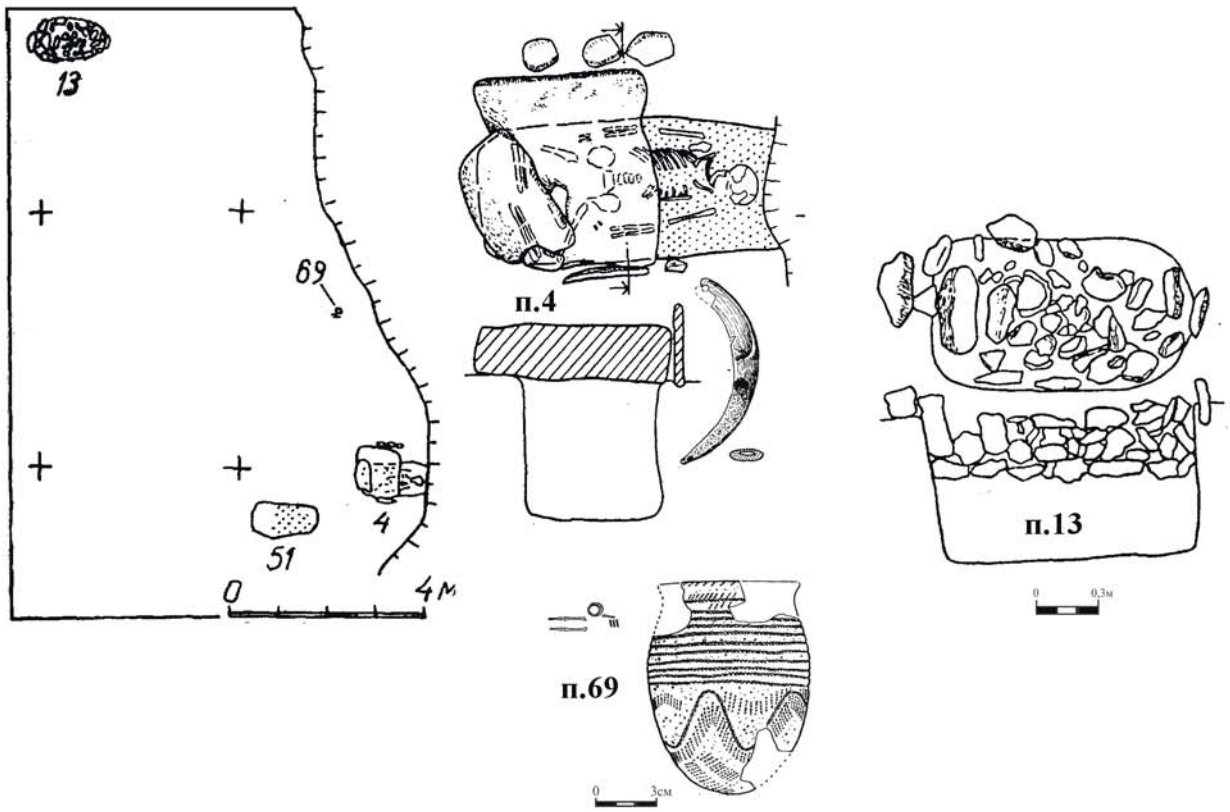

Рис. 139. Ливенцовский грунтовый могильник, п.4, п.13, п.51, п.69.

Рис. 140. Ливенцовский курганный могильник, к.11, п.21, яма.

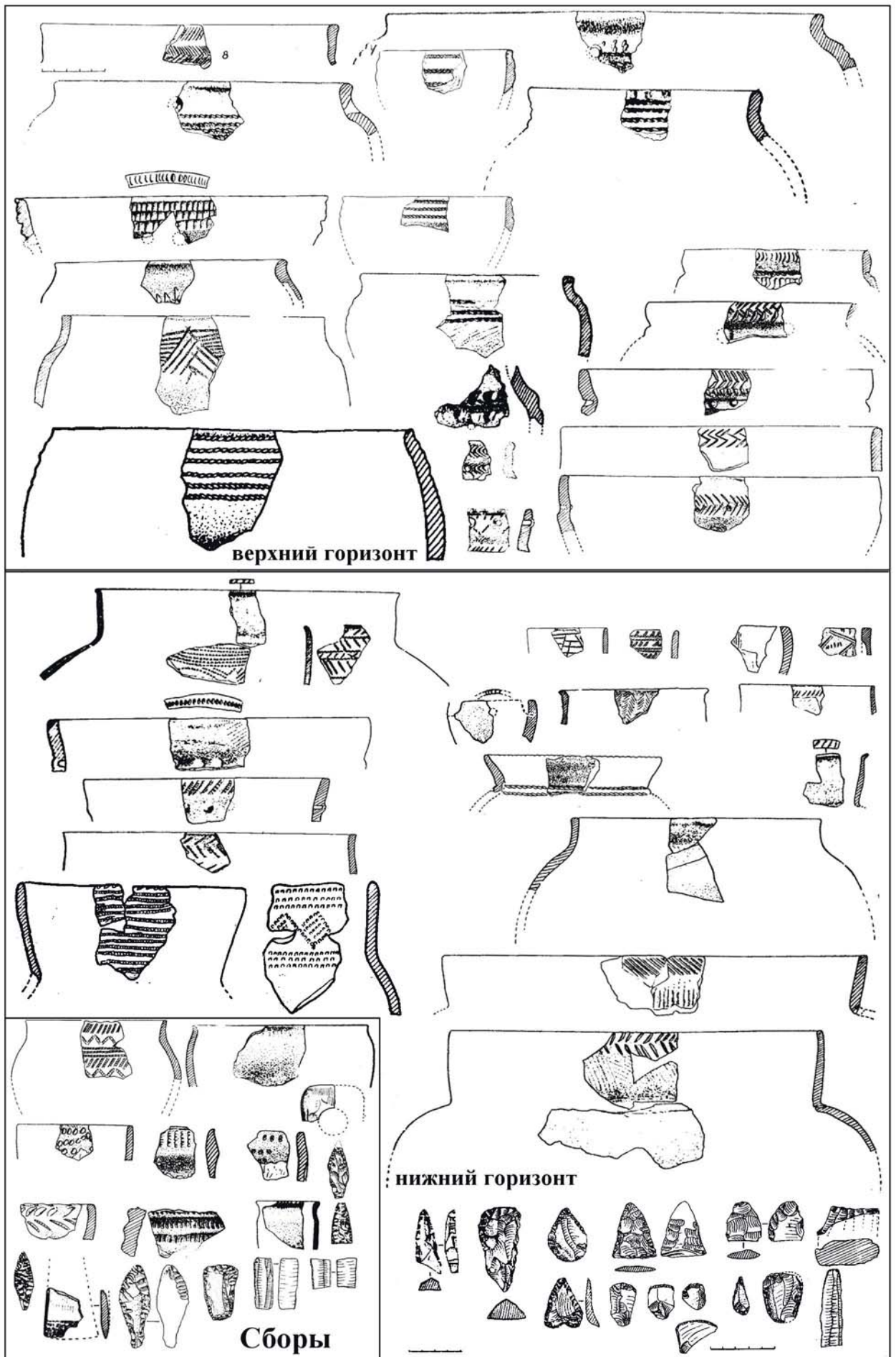

Рис. 141. Поселение Ливенцовка I, раскоп 1.

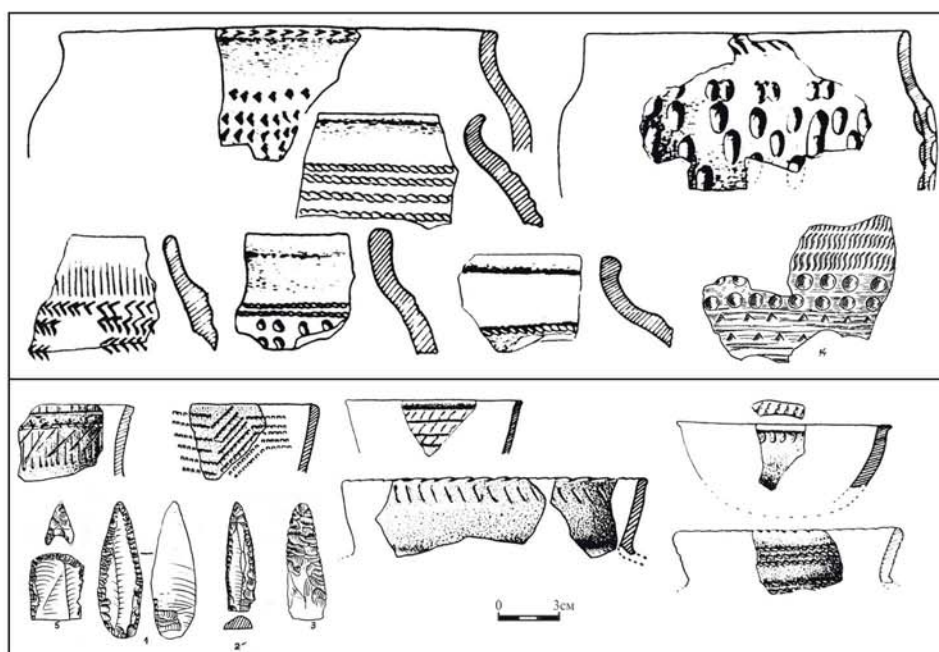
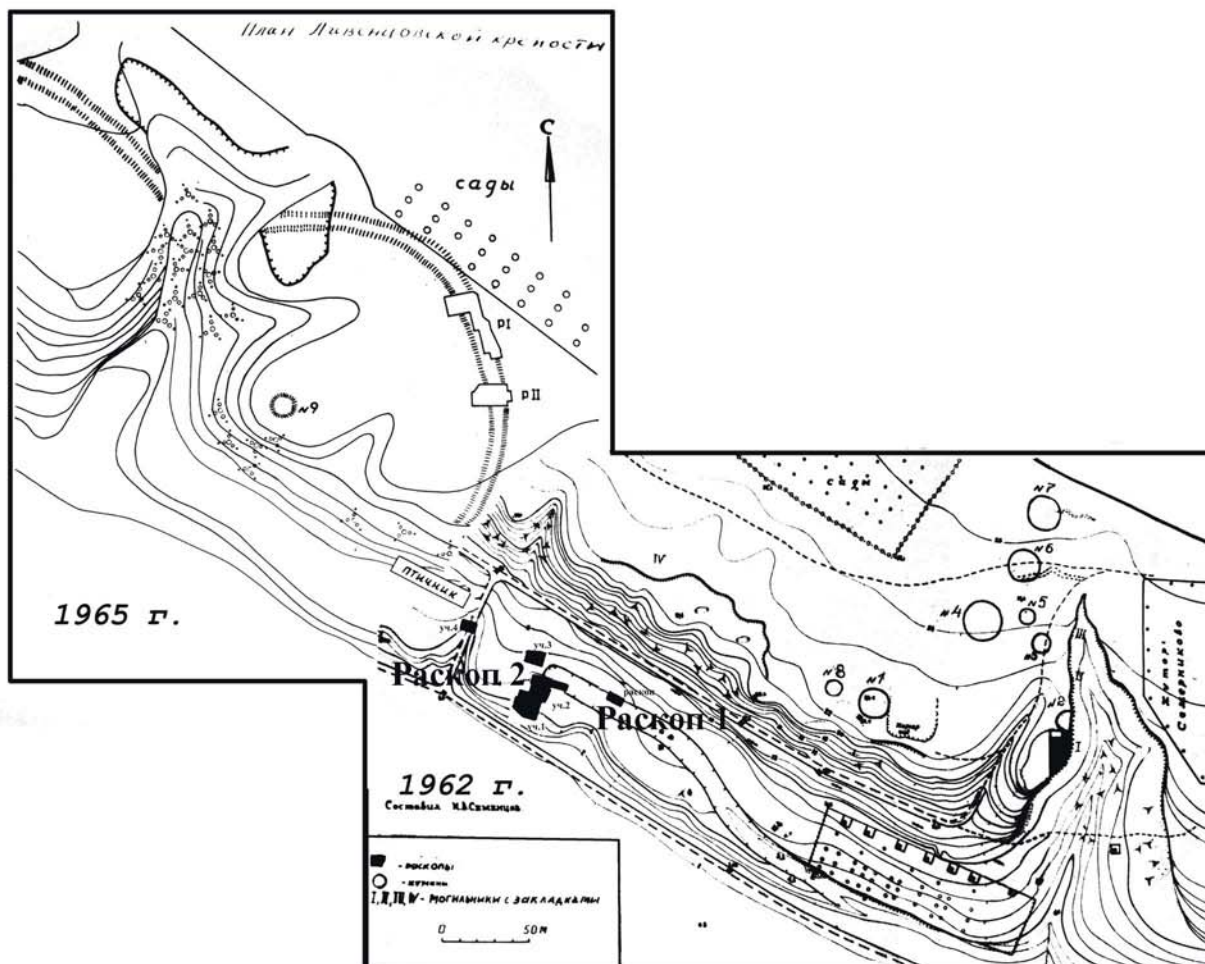

Рис. 142. Поселение Ливенцовка I, раскоп 2.

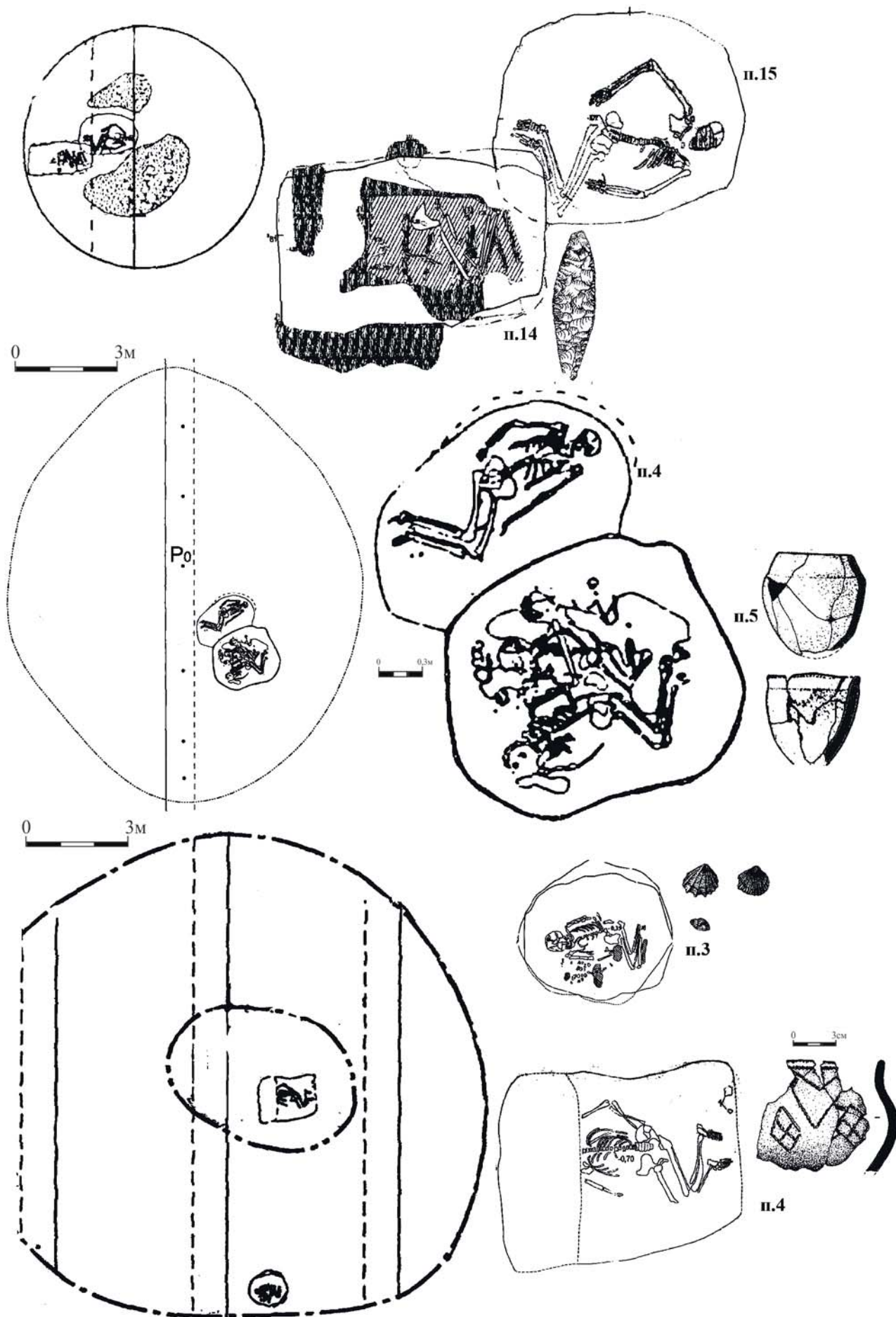

Рис. 143. Курганный могильник "Хавалы II", к.1, п.14-15; к.3, п.4-5. Курганный могильник "Хавалы IV", к.1, п.3-4.

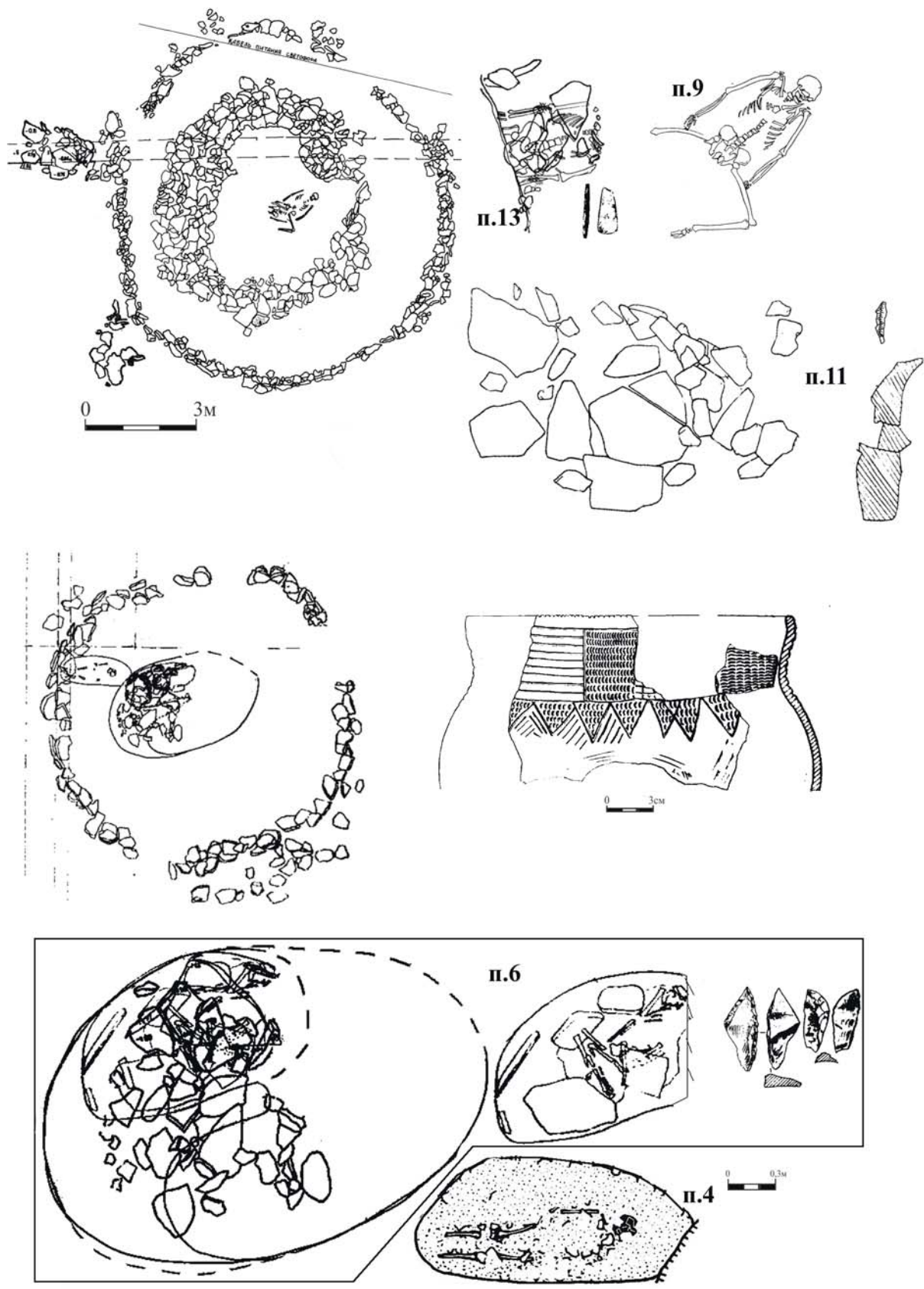

Рис. 144. Курганный могильник "Хапры" (1979), к.3, п.9, п.11, п.13. Курганный могильник "Мокрый Чалтырь" (1961), к.2, п.4, п.6, сосуд из насыпи.

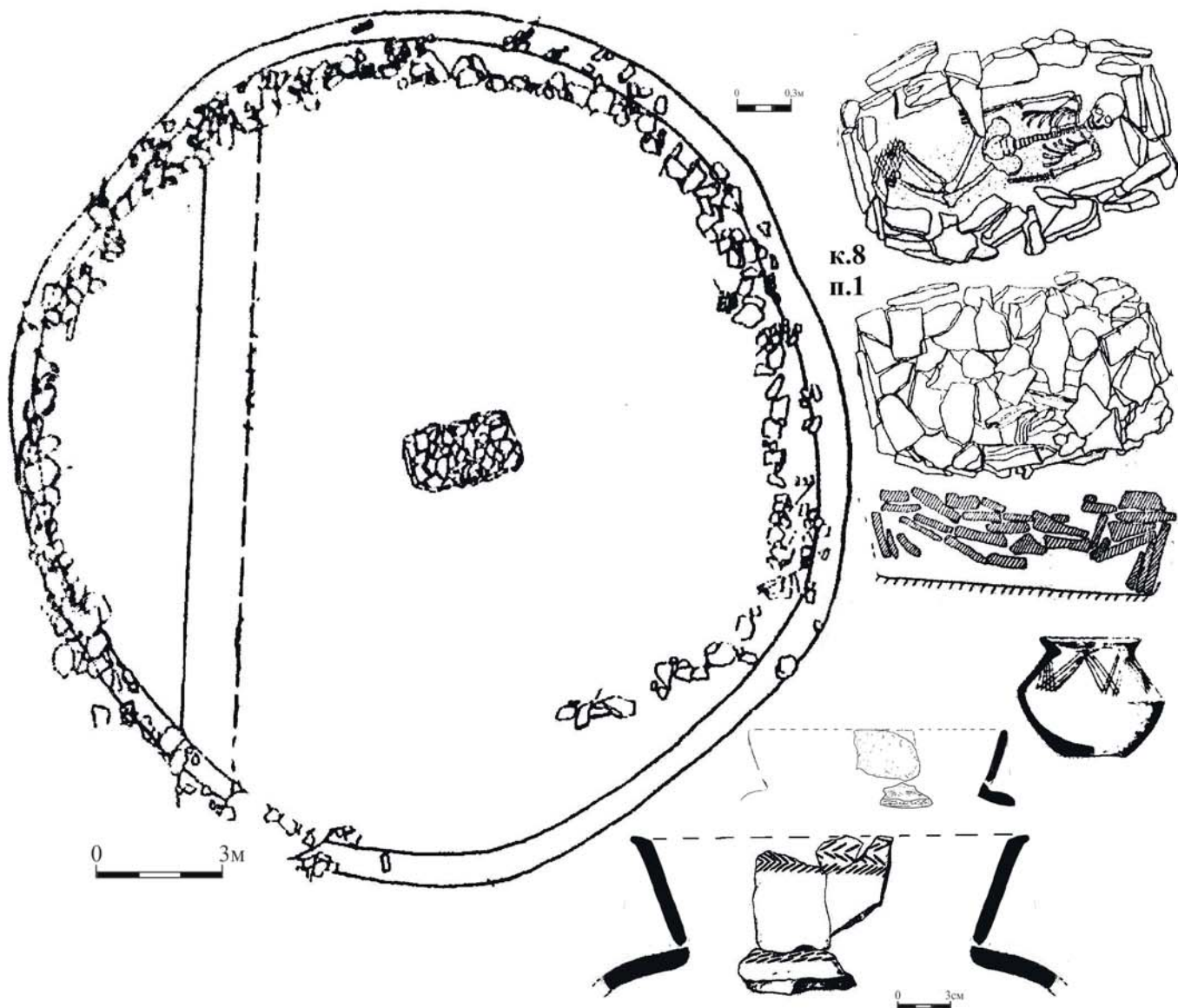

Рис. 145. Курганный могильник "Хапры", к.8, п.1, находка сосуда в насыпи.

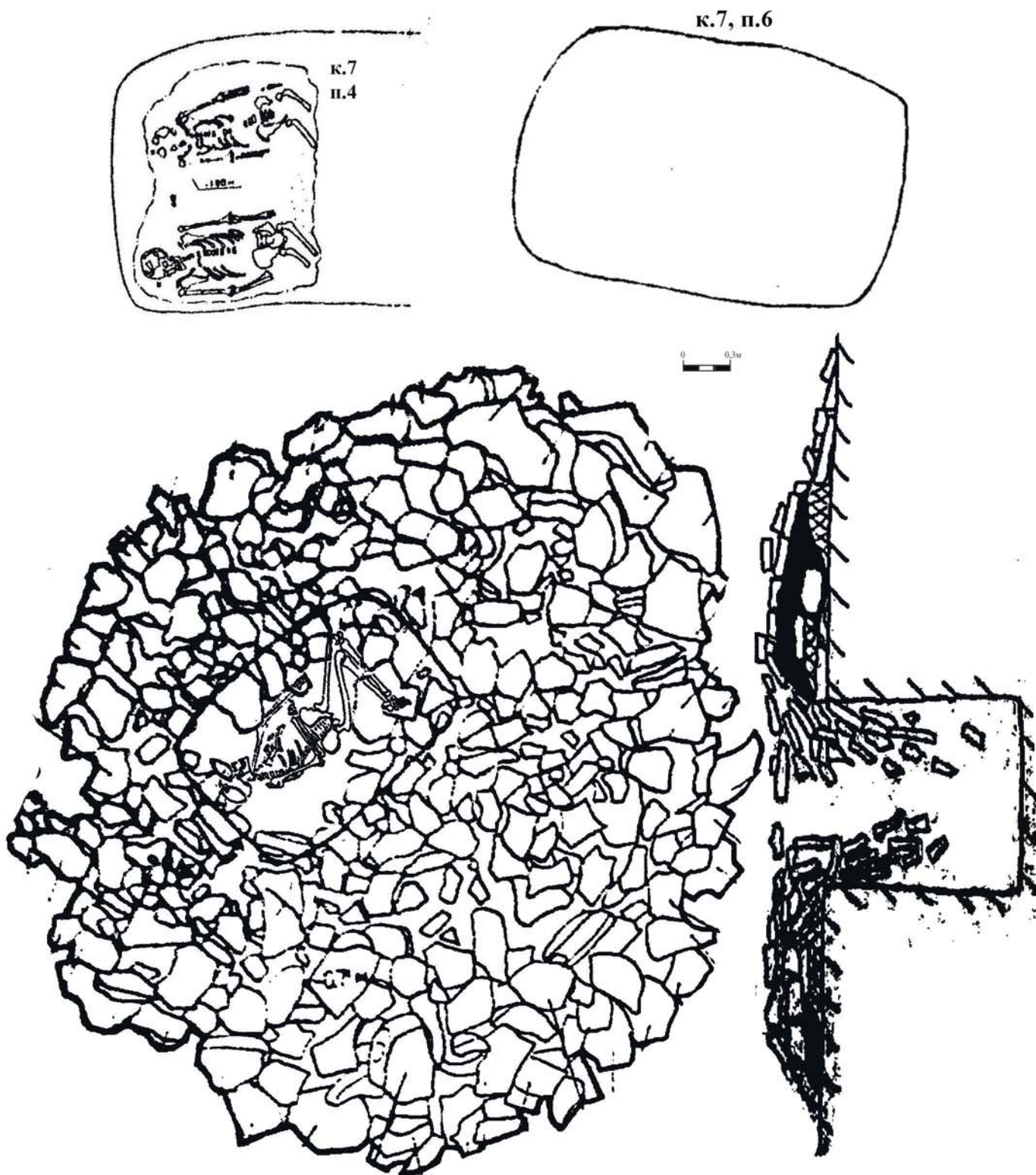

Рис. 146. Курганный могильник "Хапры" (1987), к.7,п.4,п.15, п.6.

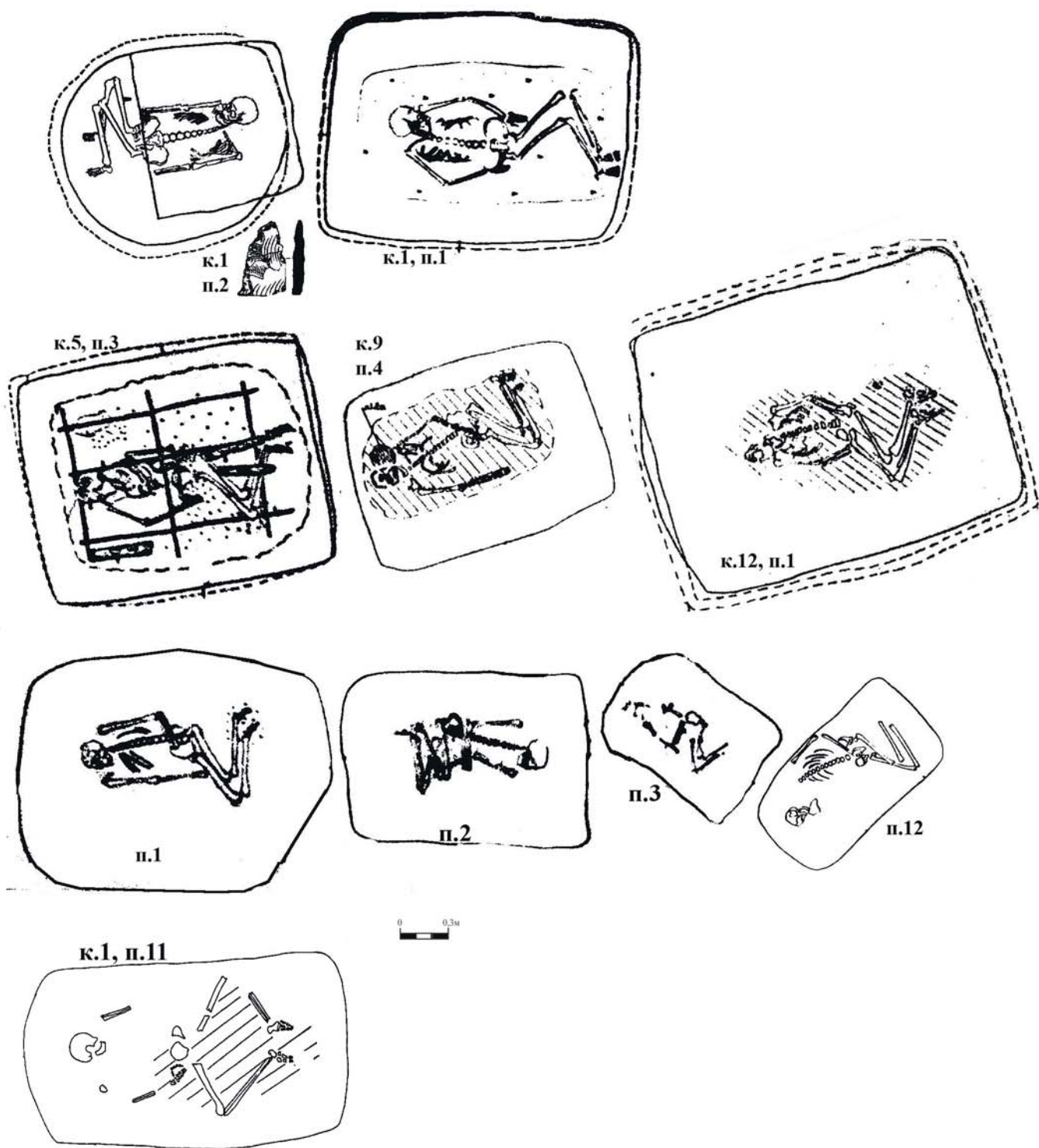

Рис. 147. Курганный могильник "Хапры" (1987), к.5, п.3; к.7, п.4; к.9, п.4, к.12, п.1. Курганный могильник "Чалтырь", к.1, п.1, п.2, п.12, п.3. Курганный могильник "Чалтырский II", к.1, п.11.

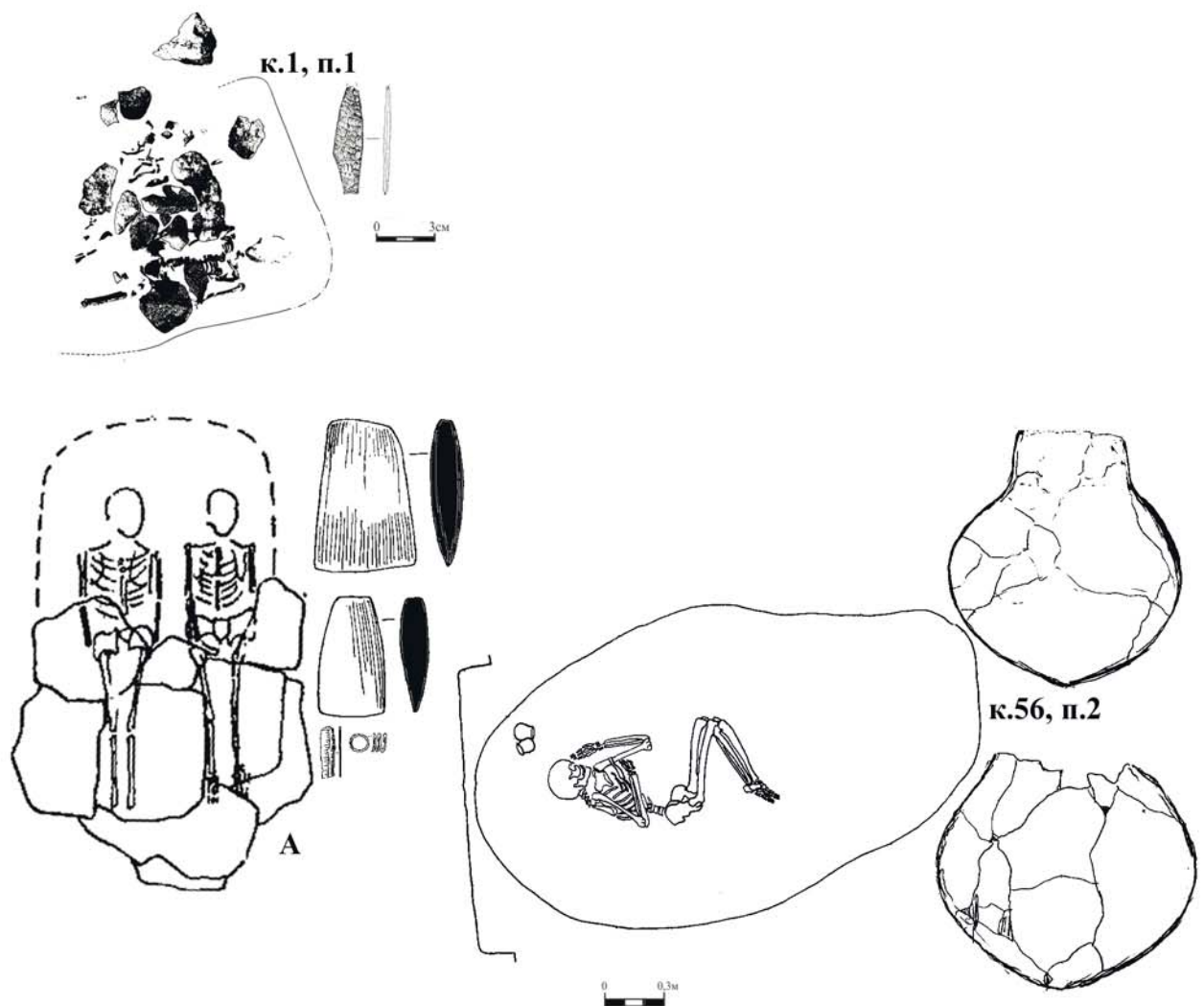

Рис. 148. Курганный могильник Недвиговский III, к.1, п.1.
 Курганно-грунтовый могильник Танаиса, к.56, п.2.
 А - х. Недвиговка (1979).

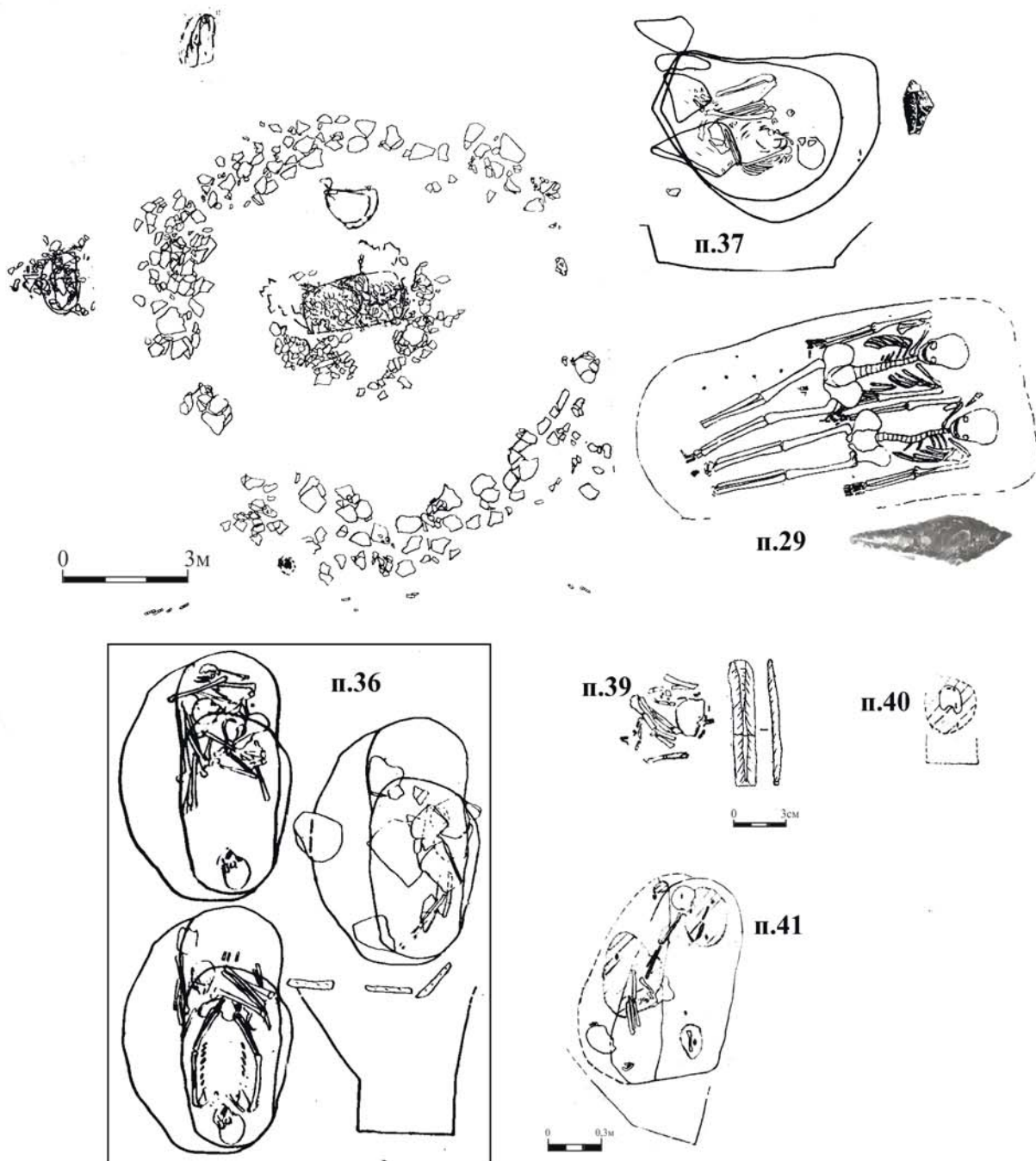

Рис. 149. Курганный могильник "Хары" (1979), к.2, п.29, п.36, п.37, п.39-41

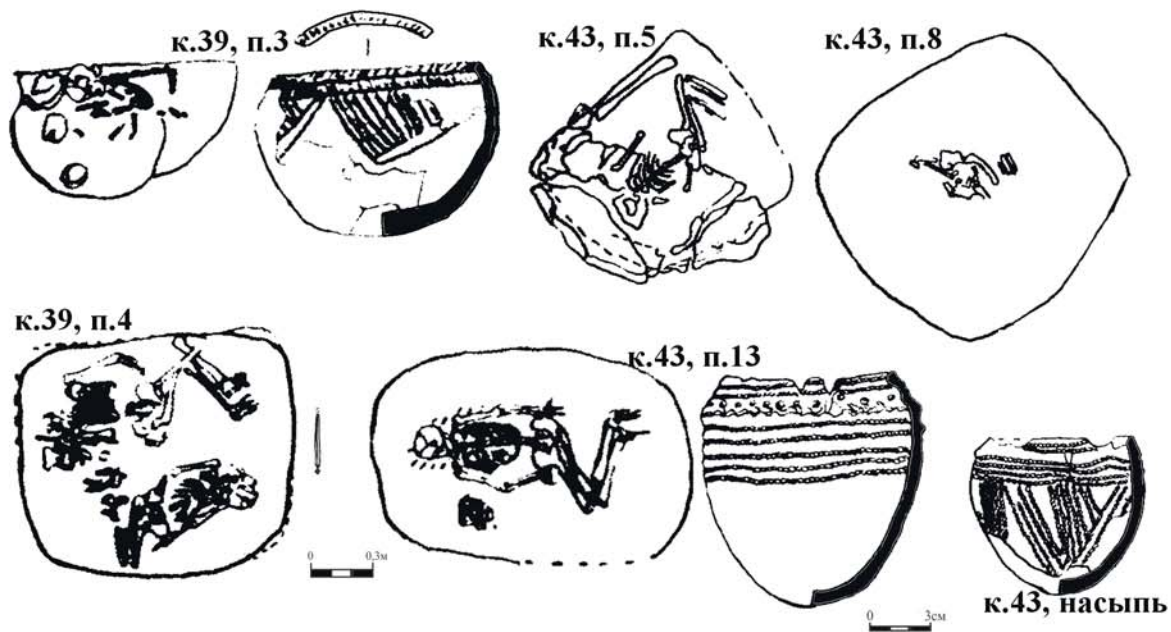

Рис. 150. Курганный могильник Валовый, к.39, п.3-4; к.43, п.5, 8, 13, насыпь.

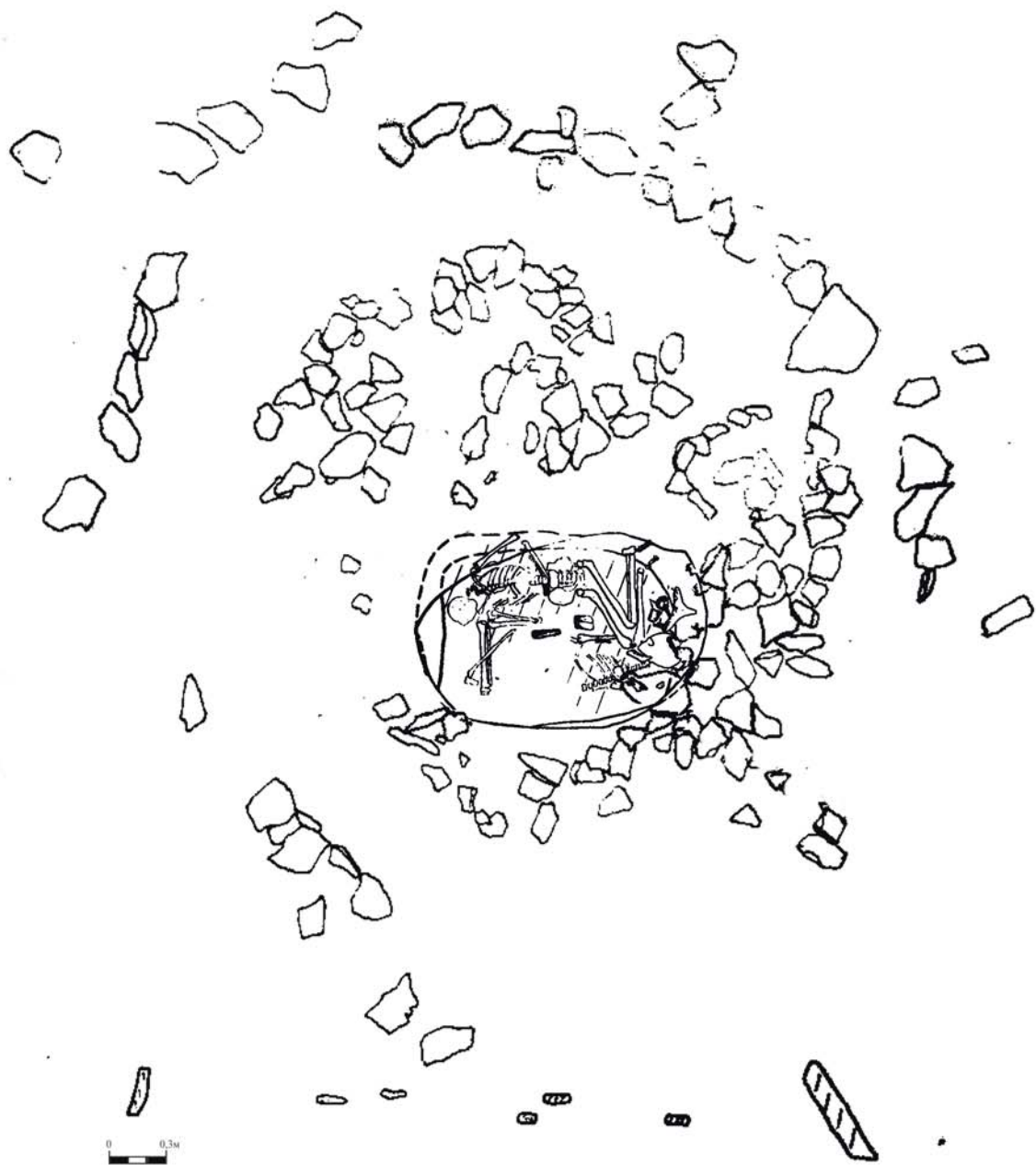

Рис. 151. Курганный могильник "Хапры" (1979), к.1, п.6, кромлех и панцирь.

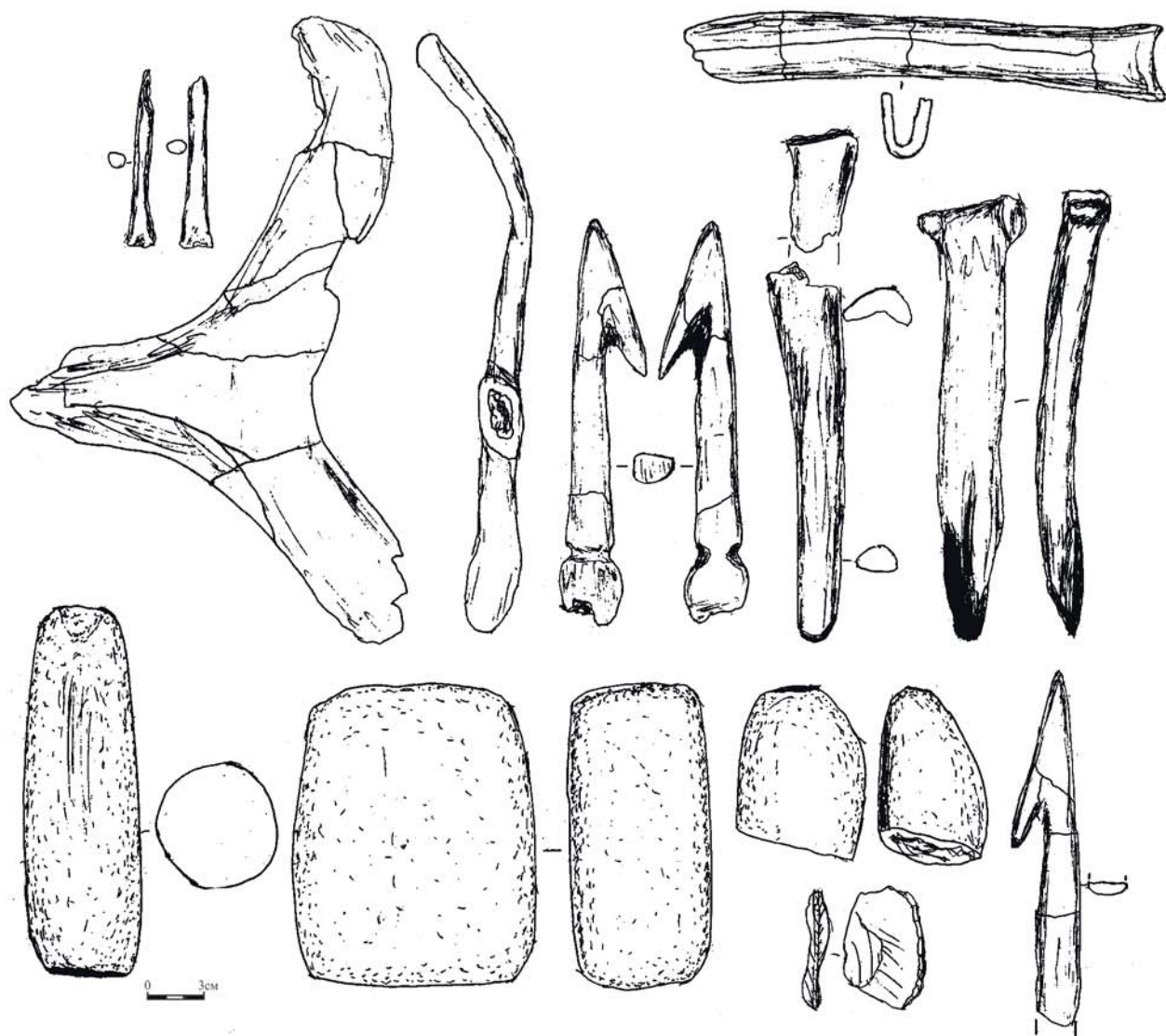

Рис. 152. Курганный могильник "Хары" (1979), к.1, п.6, инвентарь.

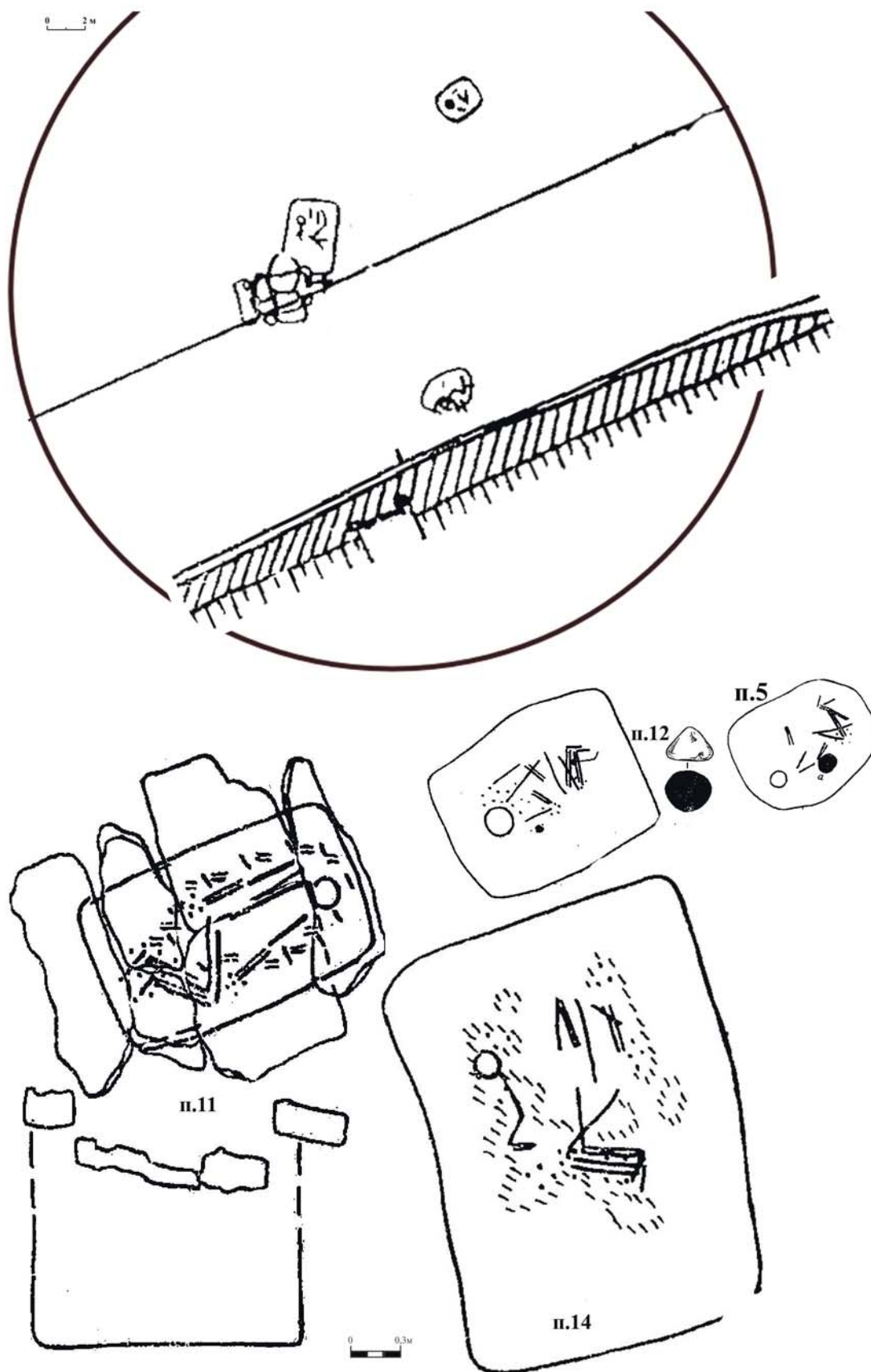

Рис. 153. Курганный могильник "Лакедемоновка", к.3, п.5, п.11, п.12, п.14.

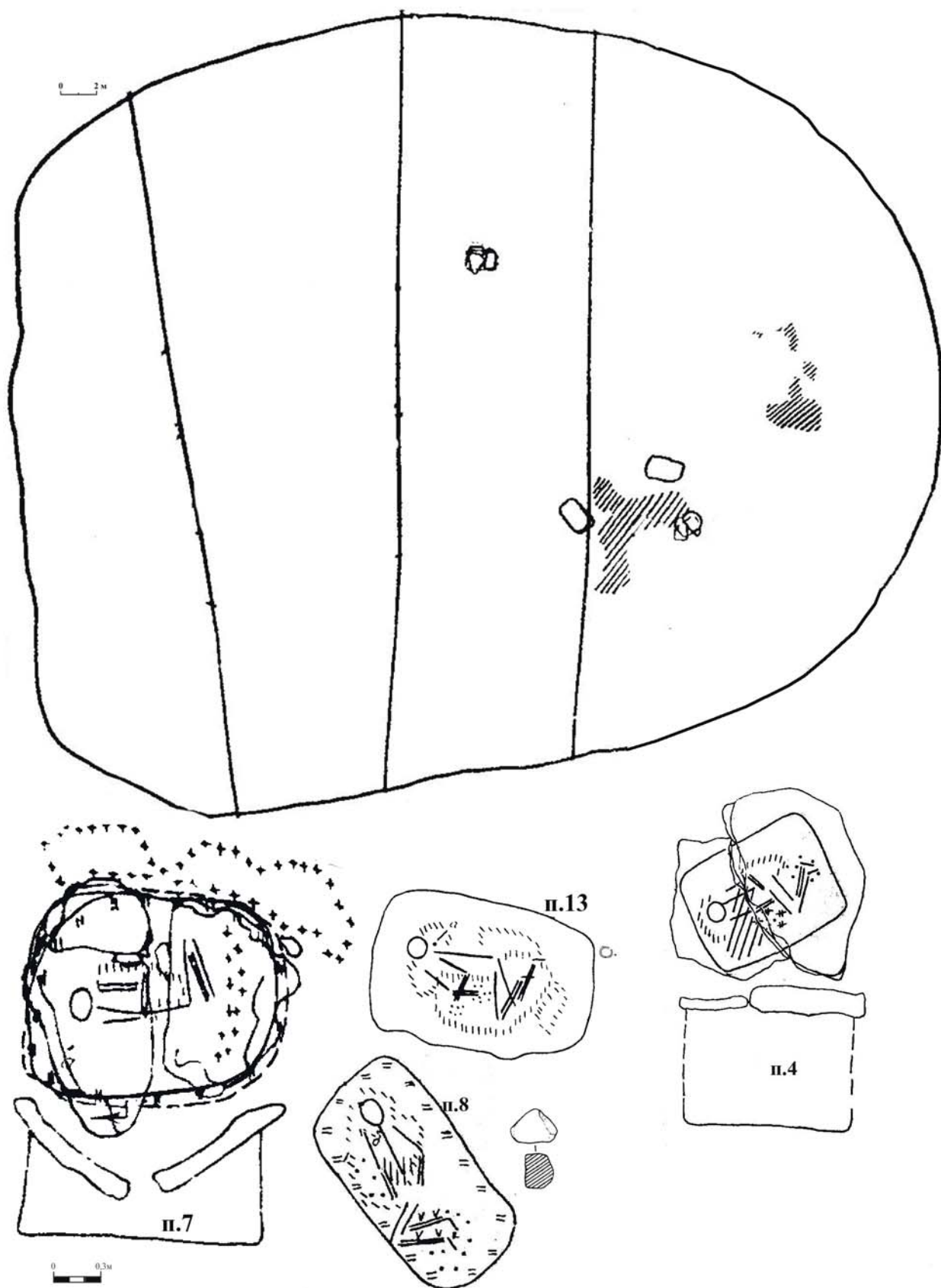

Рис. 154. Курганный могильник "Новолакедемоновка", к.1, п.4, п.7, п.8, п.13.

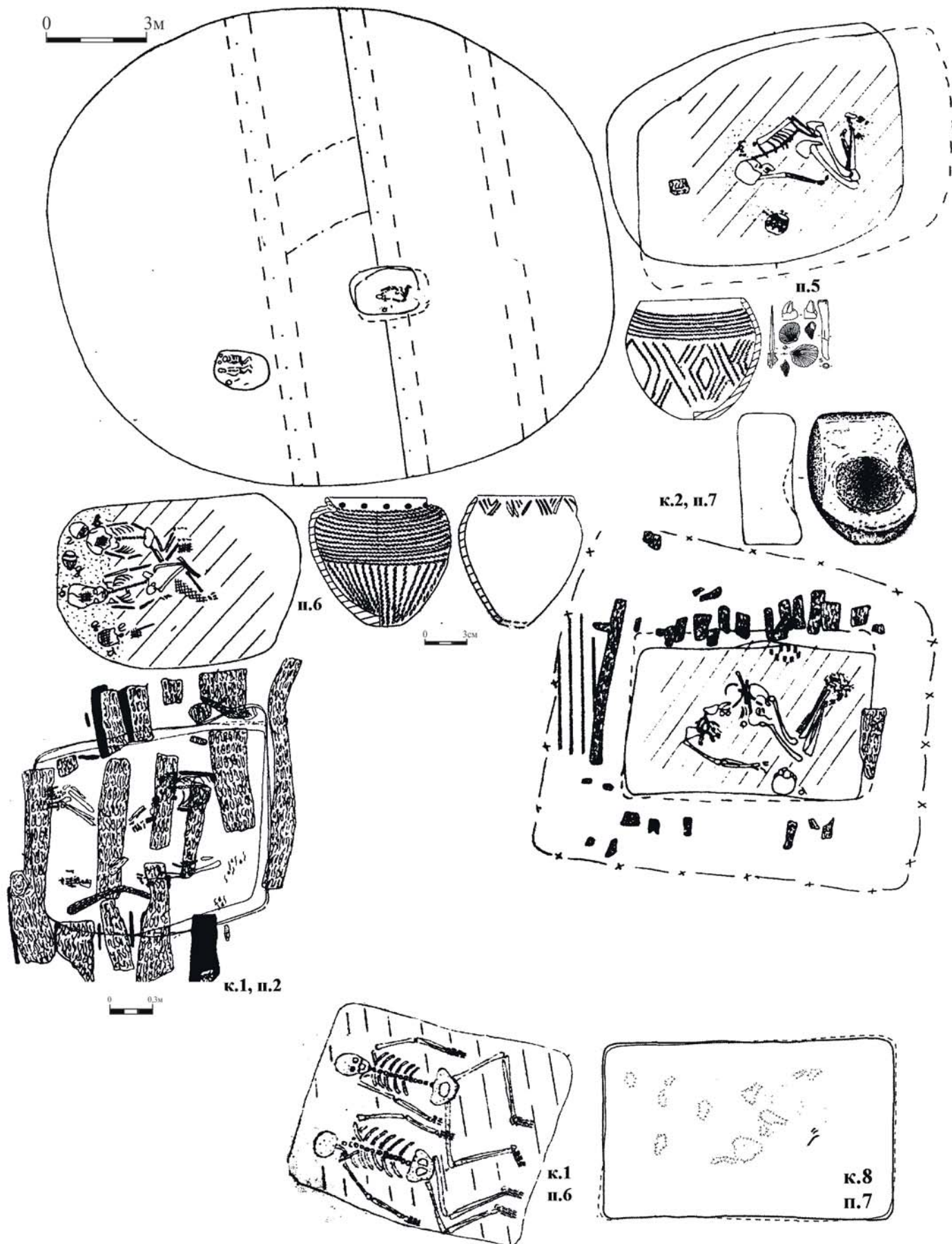

Рис. 155. Курганный могильник "Рясный II", к.2, п.7; к.3, п.5, 6. Курганный могильник "Рясный I", к.1, п.2. Курганный могильник "Малая Лощина", к.1, п.4. Курганный могильник "Куричи", к.1, п.6. Курганный могильник "Бессергеновка III", к.8, п.7.

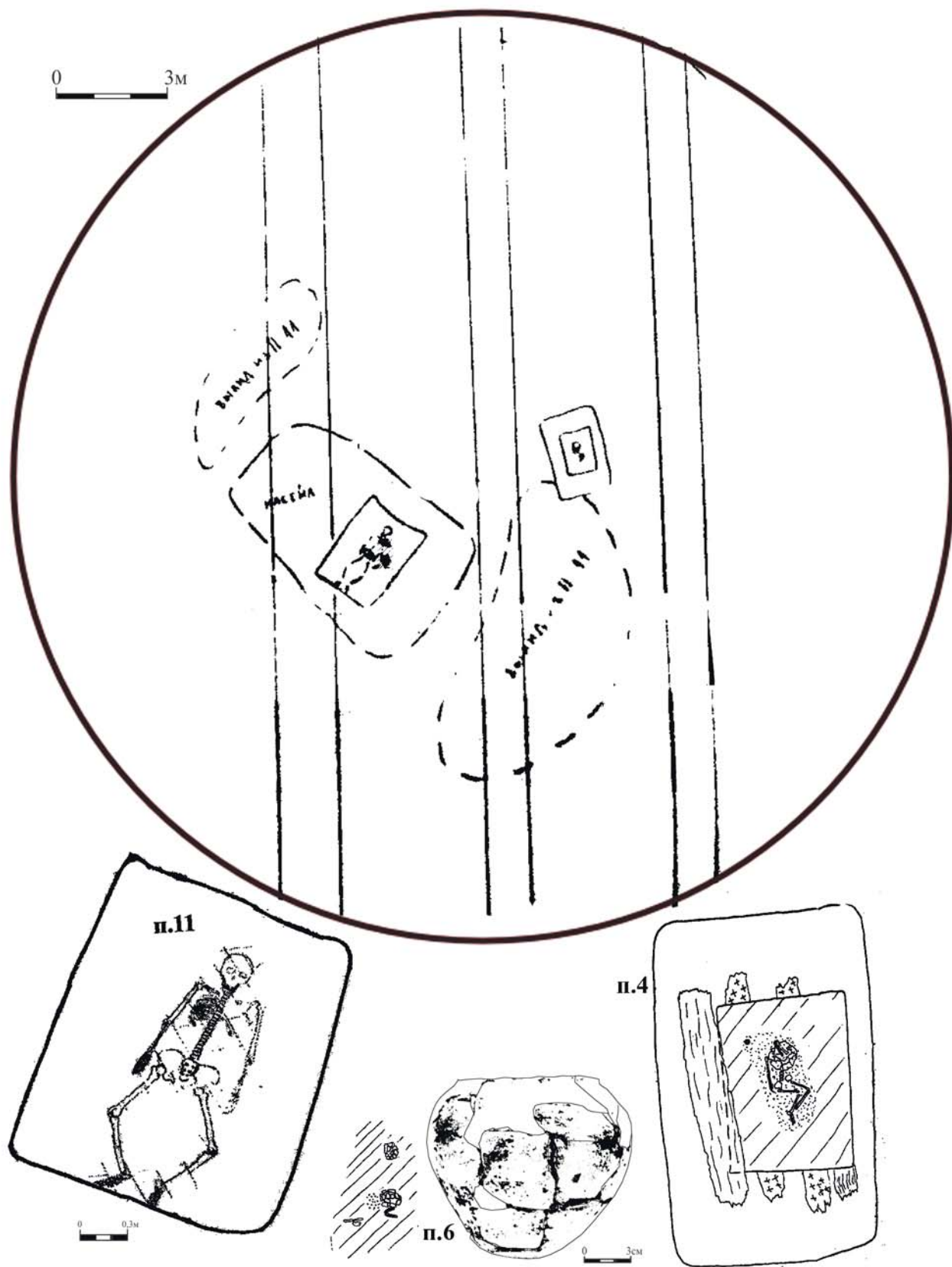

Рис. 156. Курганный могильник “Малая лощина”, к.1, п.4,п.6,п.11.

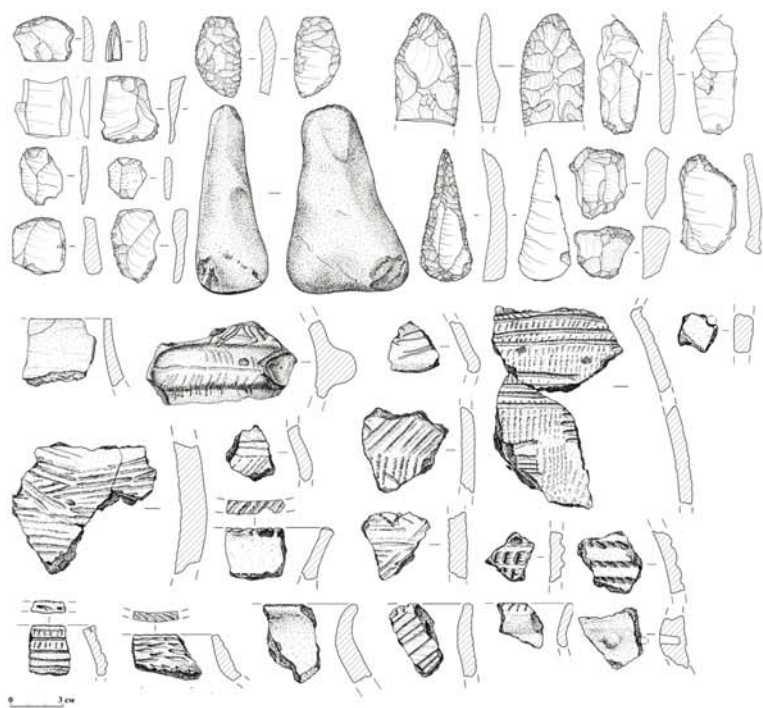

Рис. 157. Поселение "Квиткино II", шурф 1.

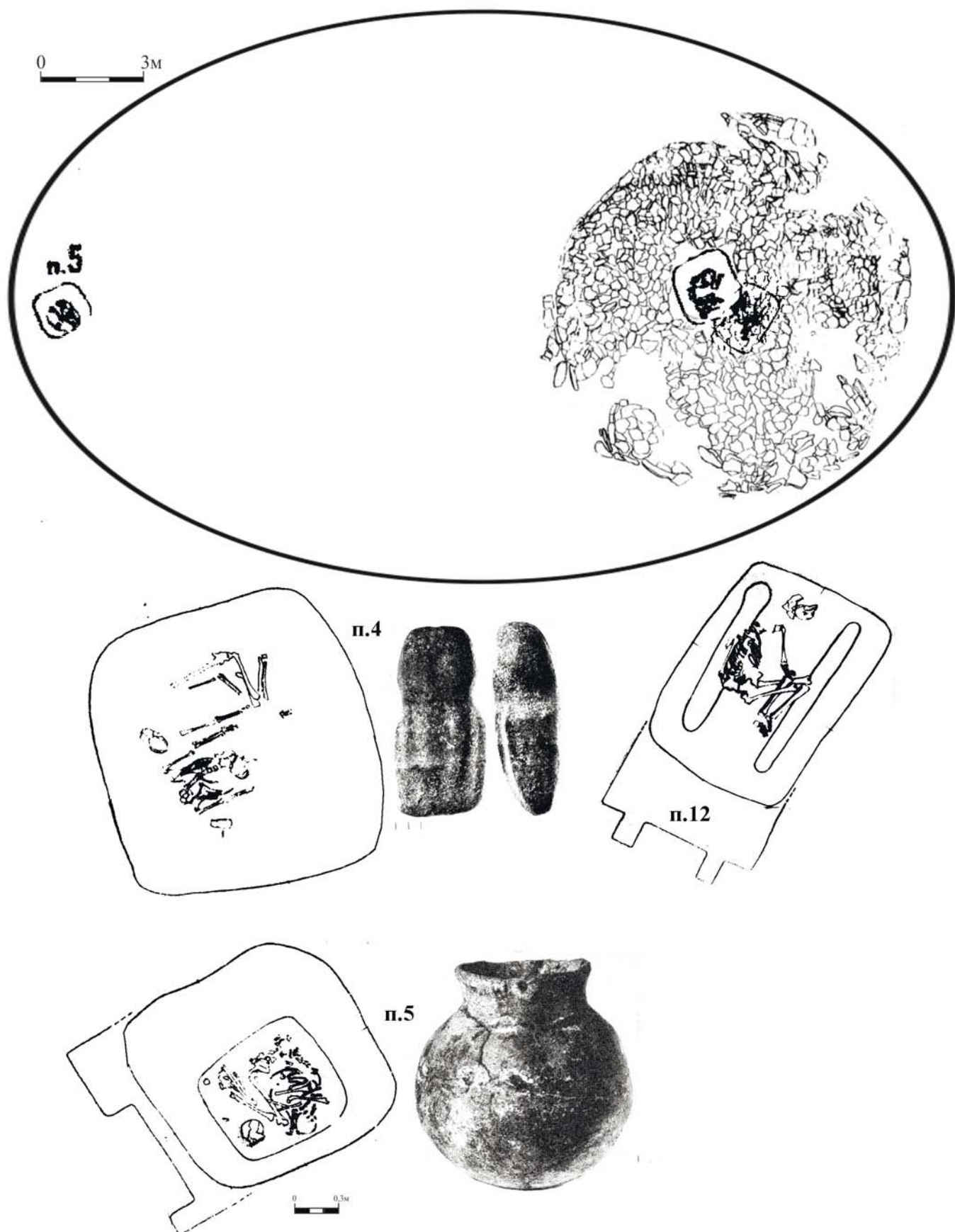

Рис. 158. Ростовские курганы, к.11, п.4, п.5, п.12.

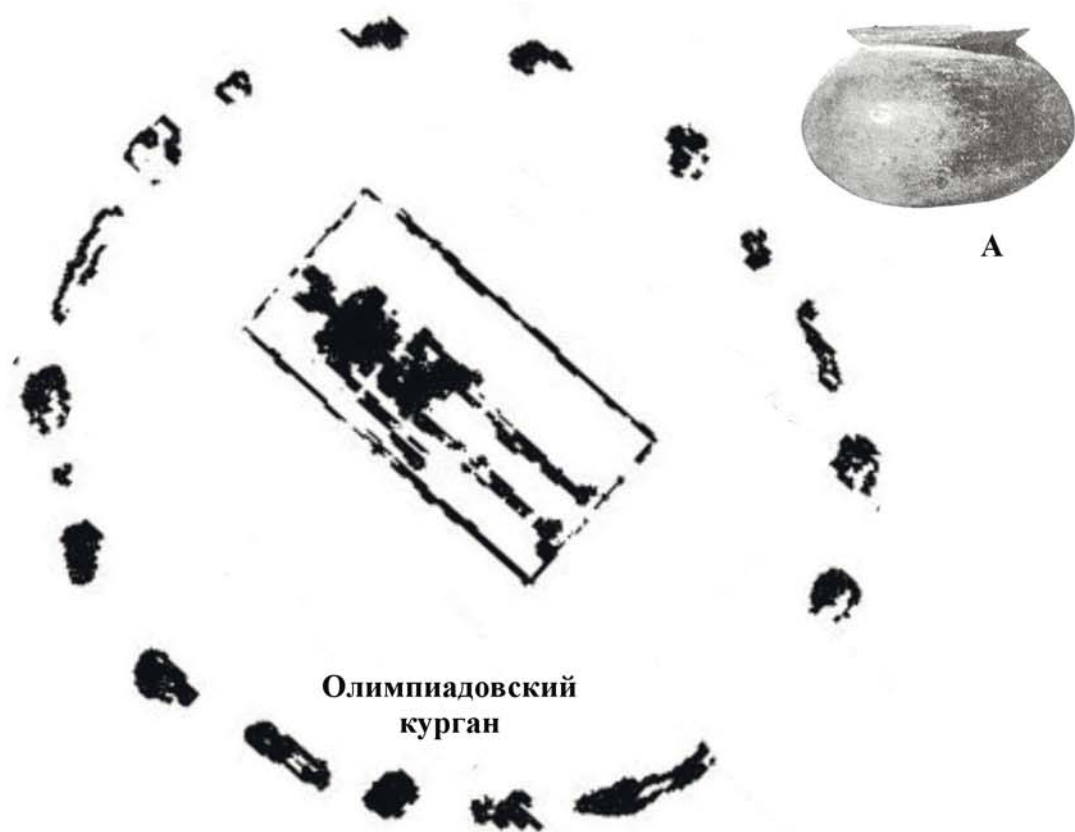

Рис. 159. Олимпиадовский курган, п.1. А - случайная находка сосуда в окрестностях Темерницкого городища. Курган "Низнегниловской", п.1.

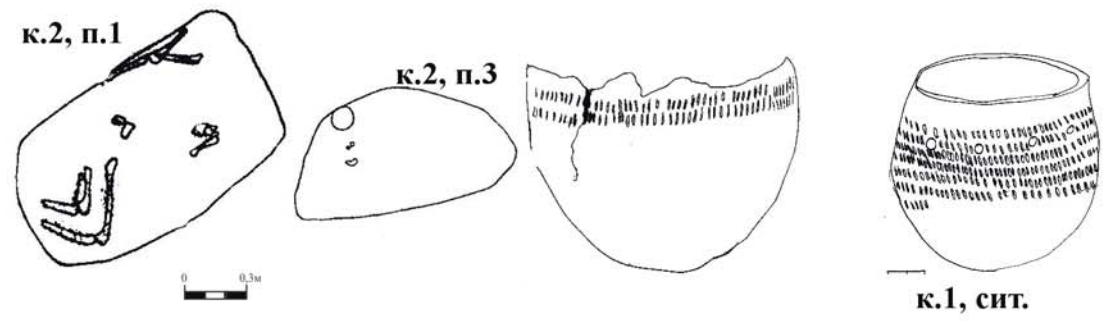
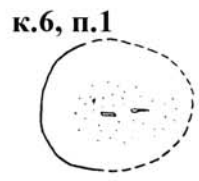
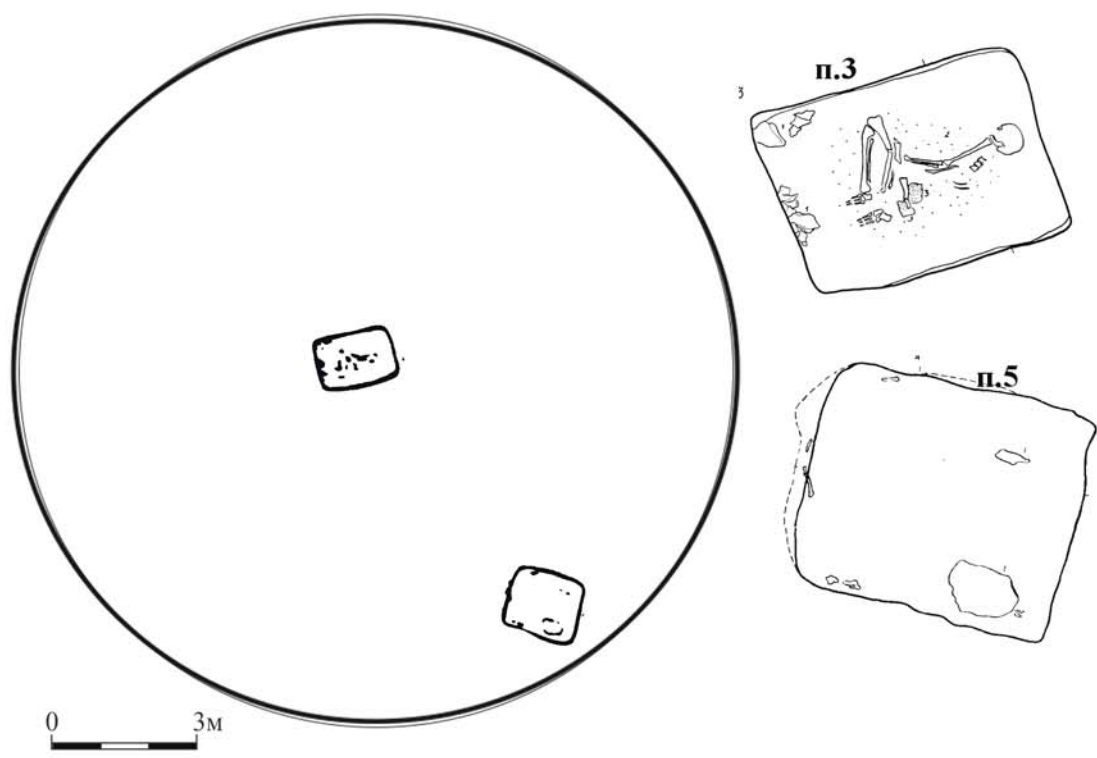

Рис. 160. Курганный могильник "ТЭЦ-2" к.8, п.3,5; к.5, п.4; к.6, п.1. Курганный могильник "Северный", к.2, п.1, п.3, ситуация.

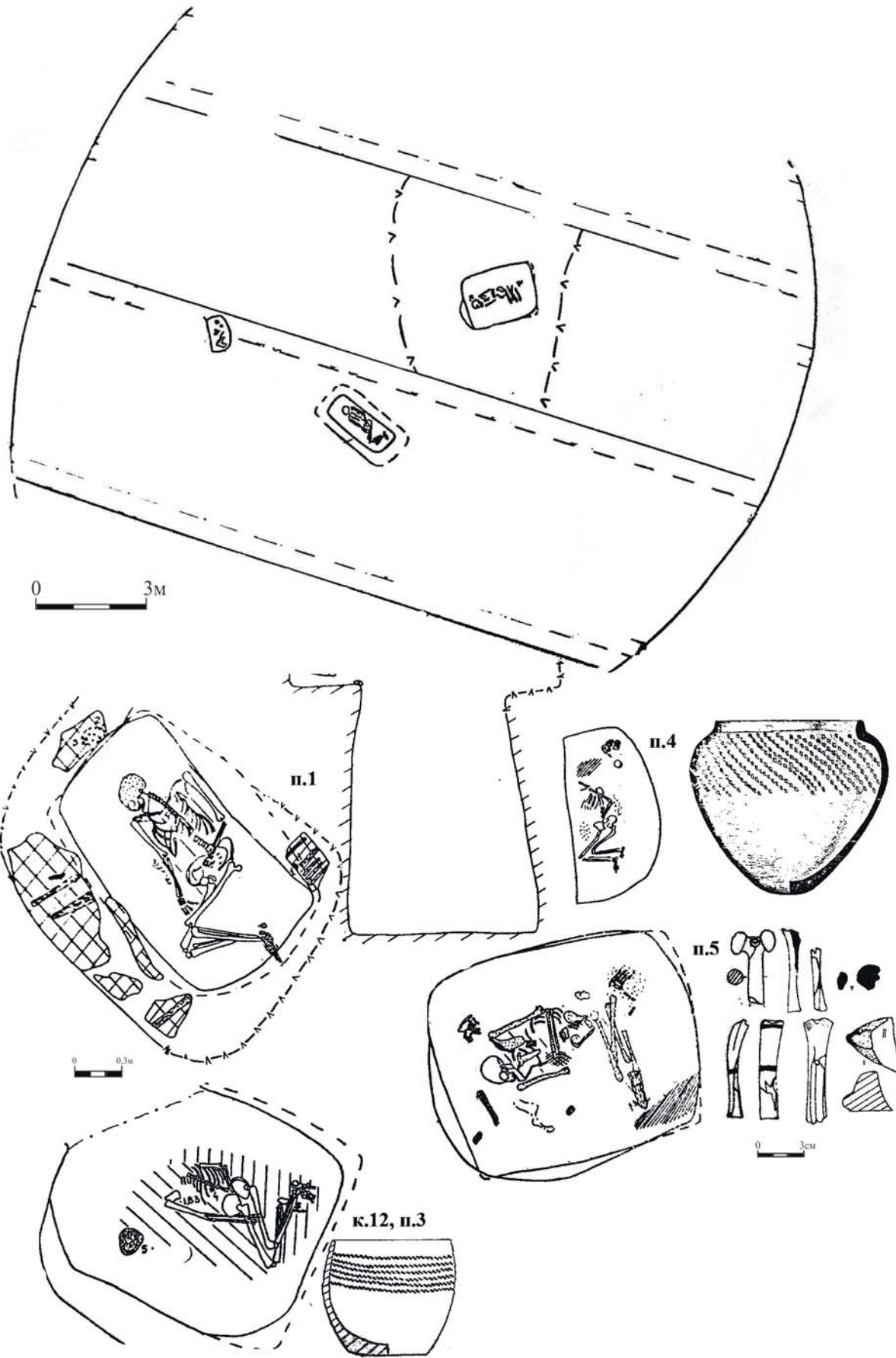

Рис. 161. Курганный могильник "У ГНС", к.1, п.1, 4, 5.
Курганный могильник "Байков", к.12, п.3.

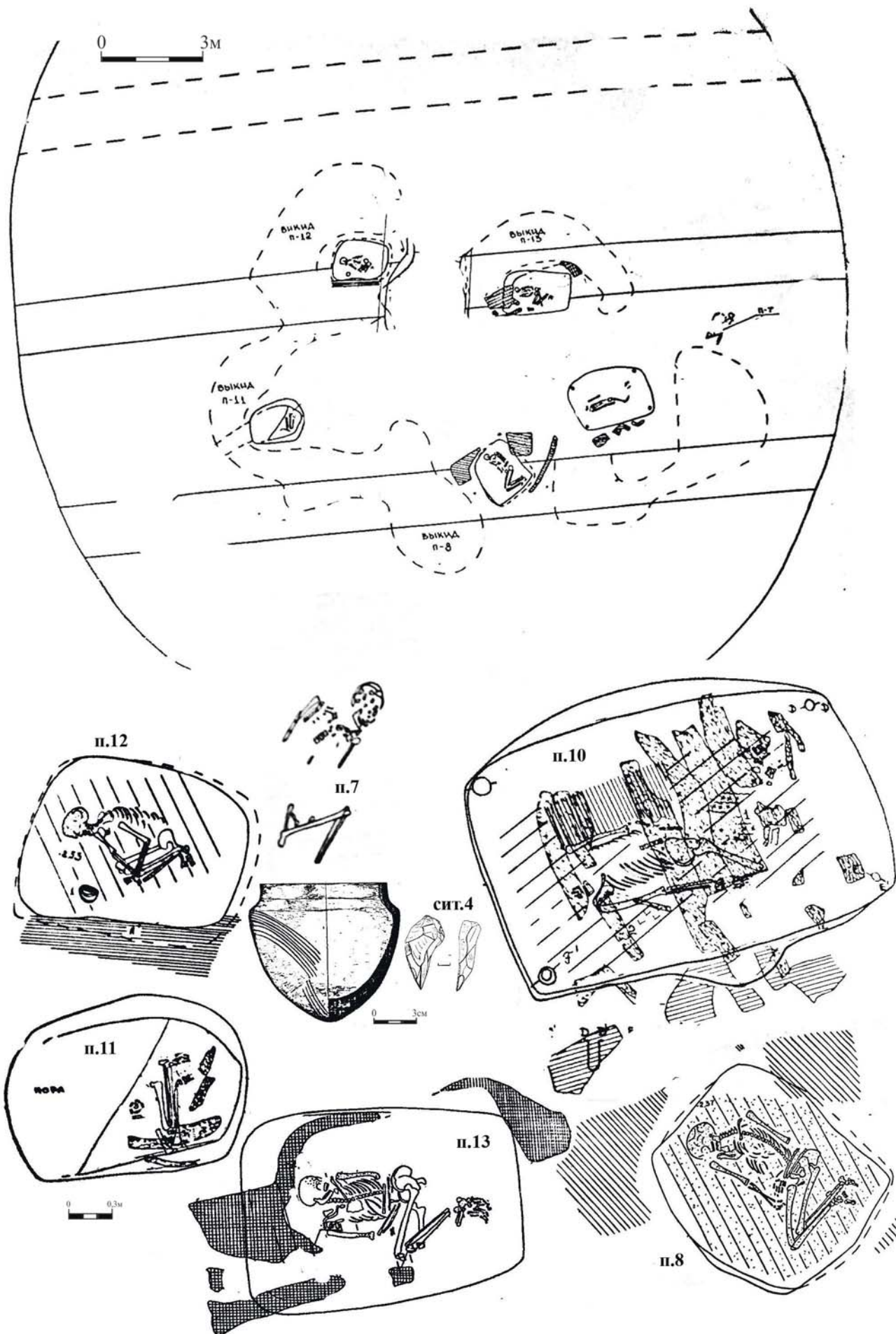

Рис. 162. Курганный могильник "Байков", к.13.

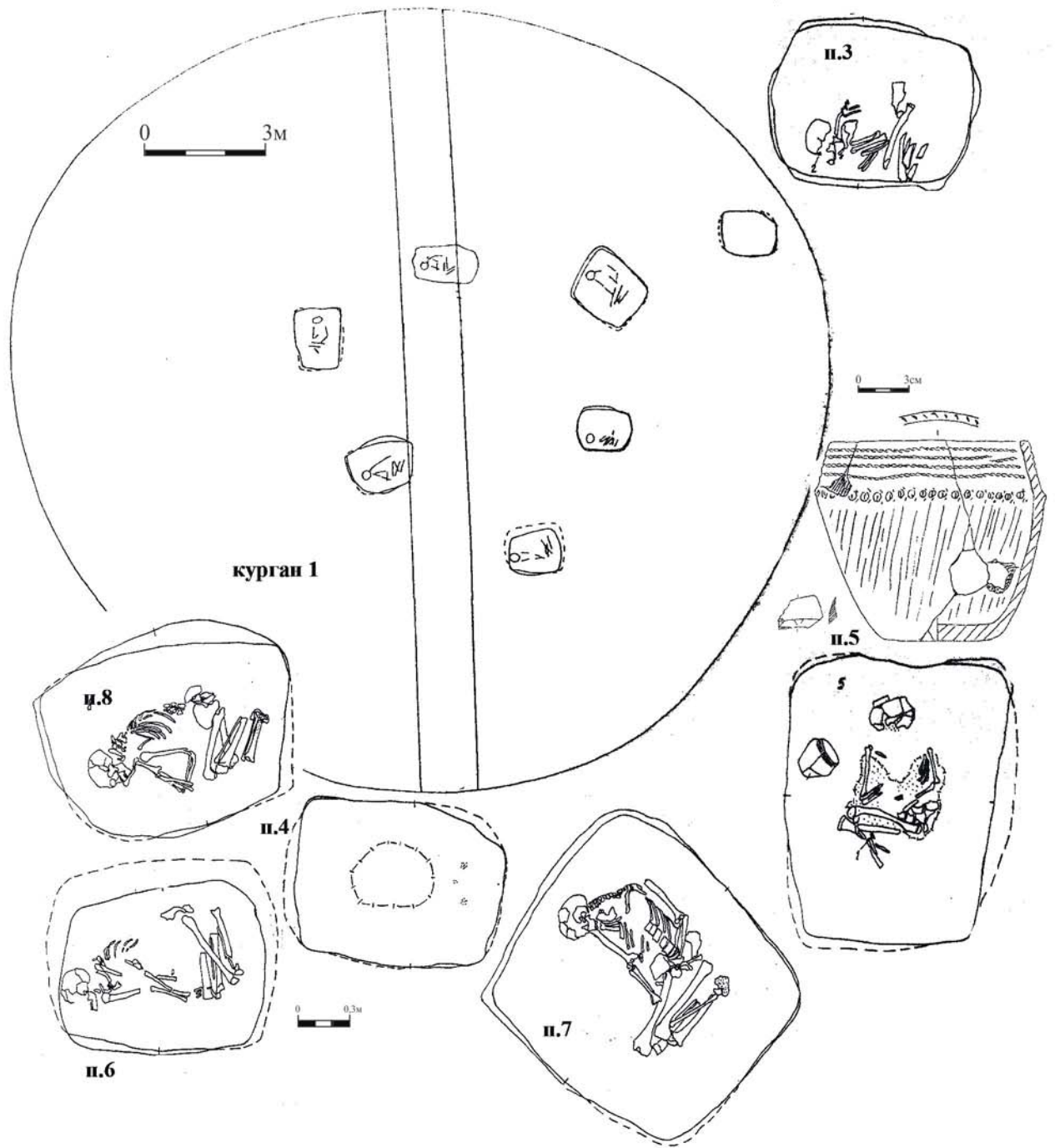

Рис. 163. Курганный могильник "Ливенцовский X", к.1.

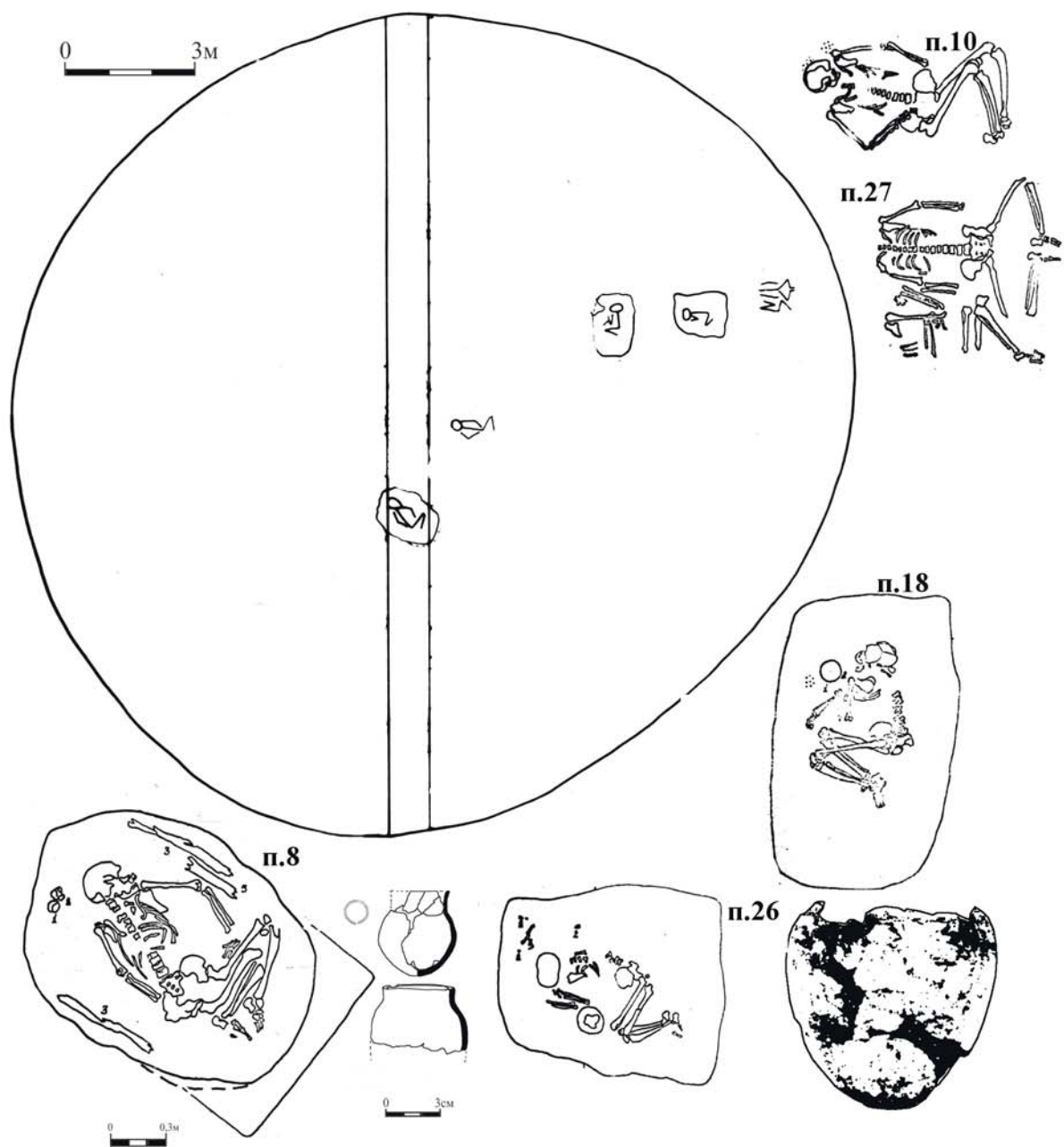

Рис. 164. Курганный могильник "ГЭЦ-2", курган у завода гранулированных кормов, п.8, п.10, п.18, п.22, п.27,

Рис. 165. Курганный могильник "Вертолетное поле", к.1, п.7, п.8, п.11, п.12.

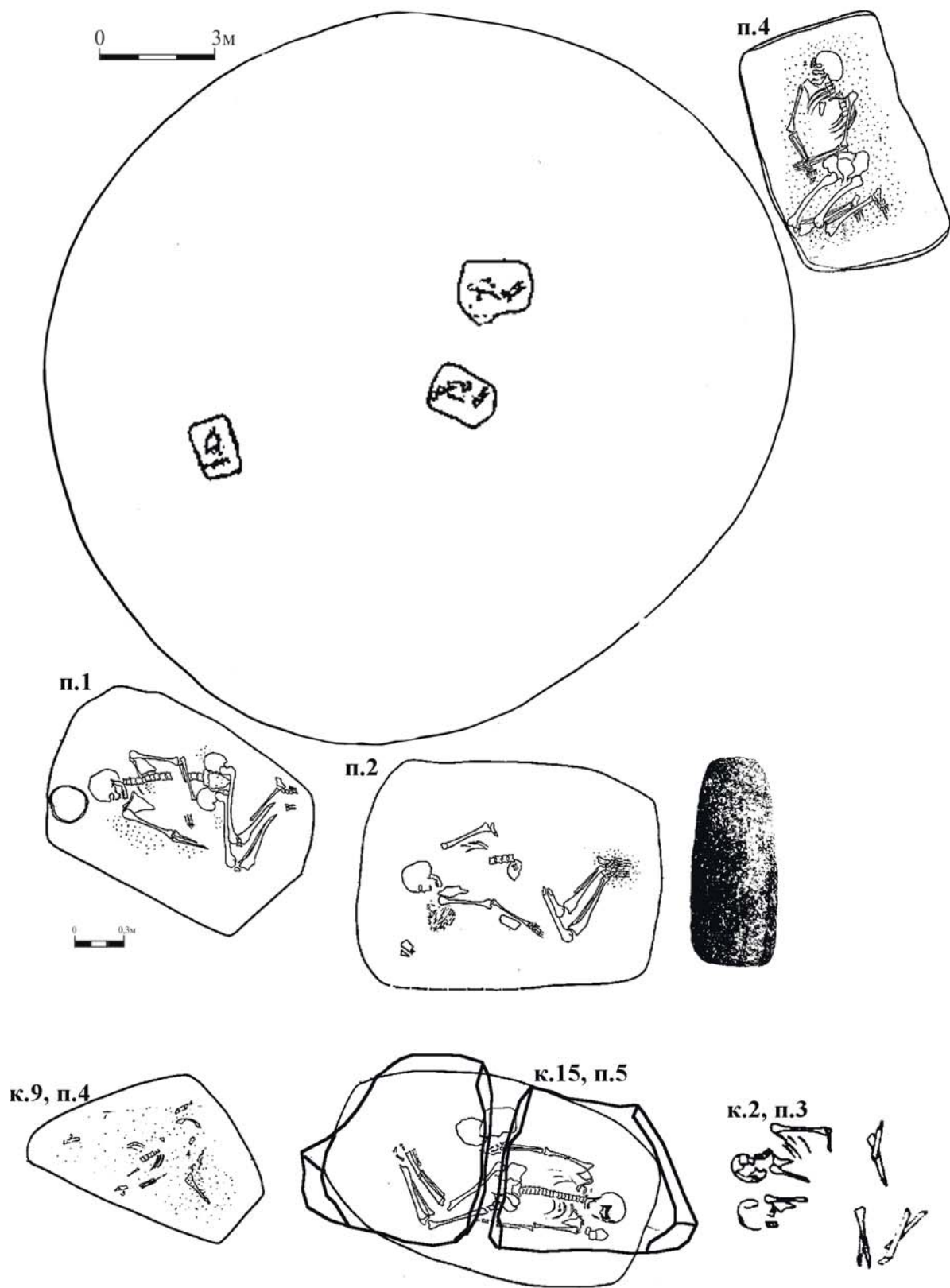

Рис. 166. Курганный могильник "Механический Завод", к.5, п.1, п.2, п.4; к.9, п.4, к.15, п.5, к.2, п.3.

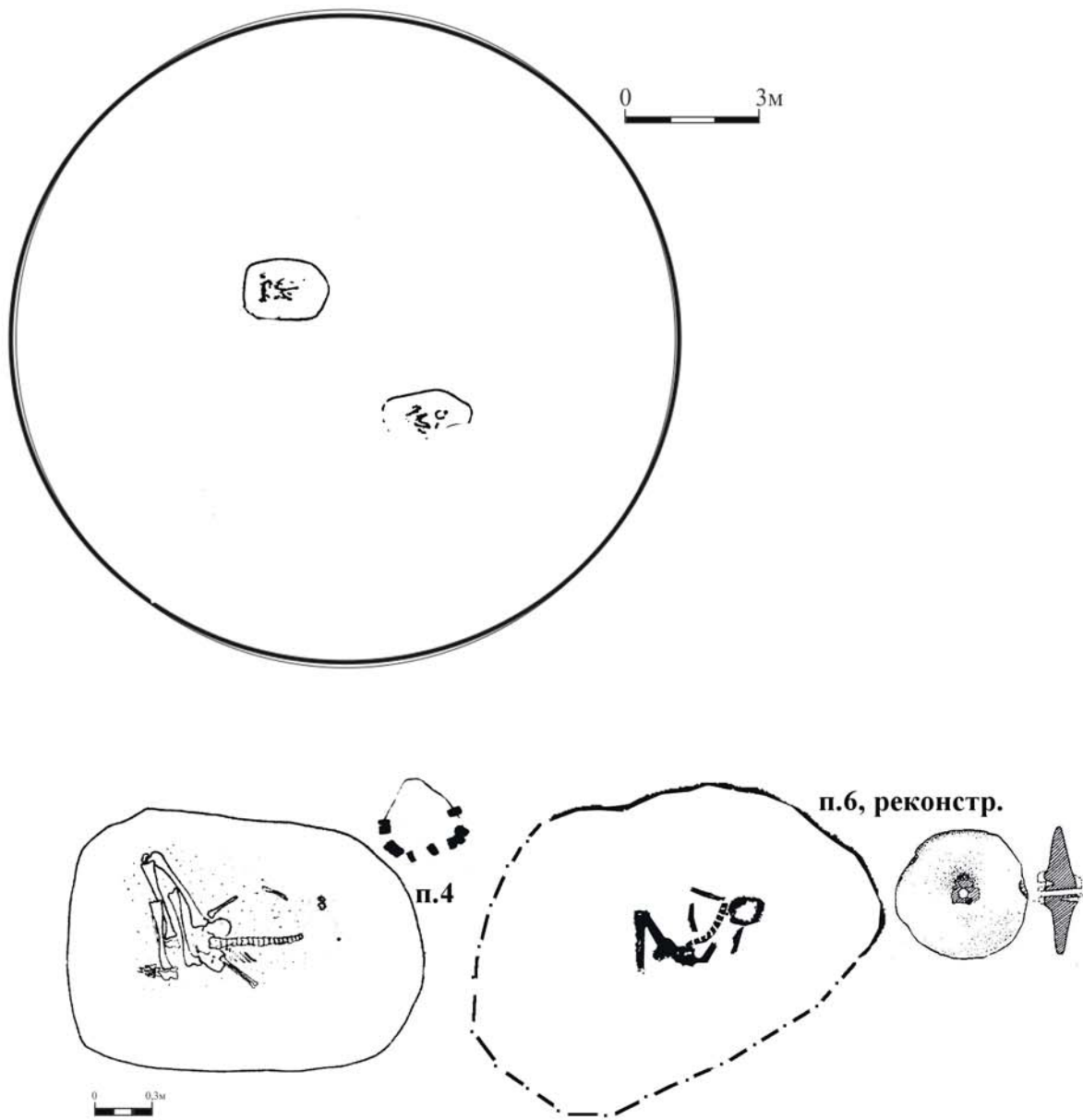

Рис. 167. Курганный могильник "ТЭЦ-2" к.5, п.4, п.6

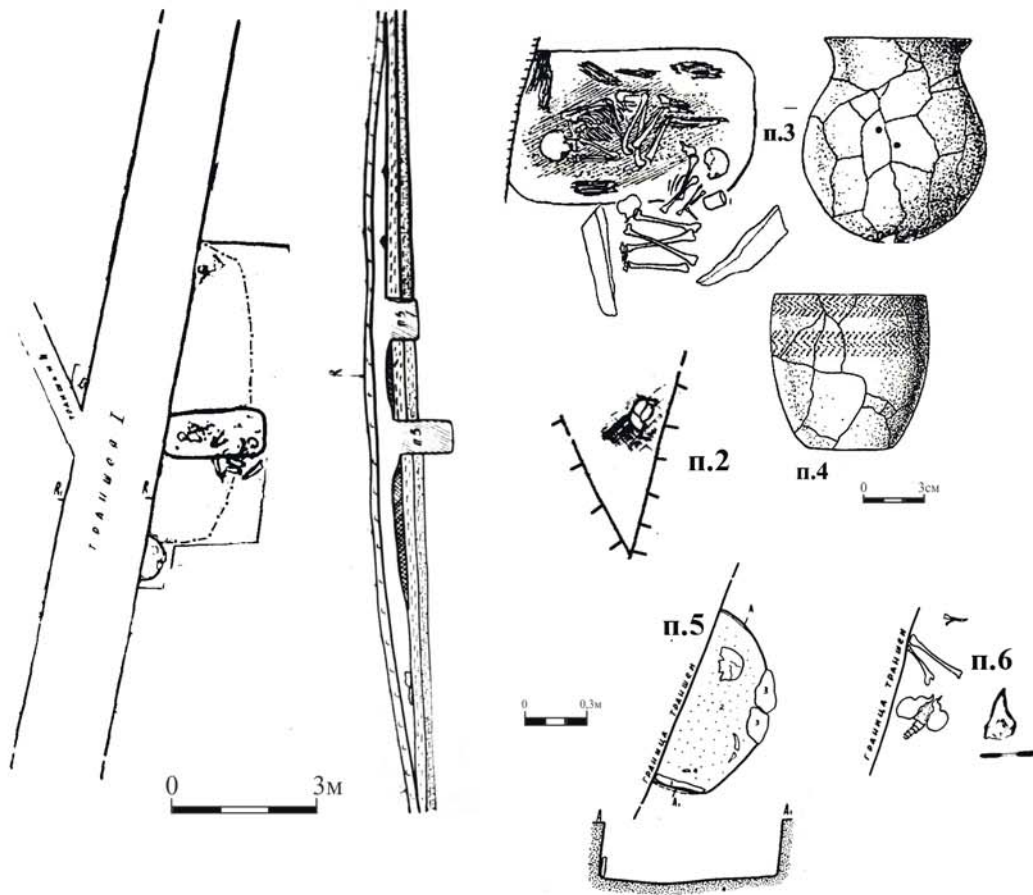

Рис. 168. Курганный могильник "ТЭЦ-2", к.2, п.2-5.

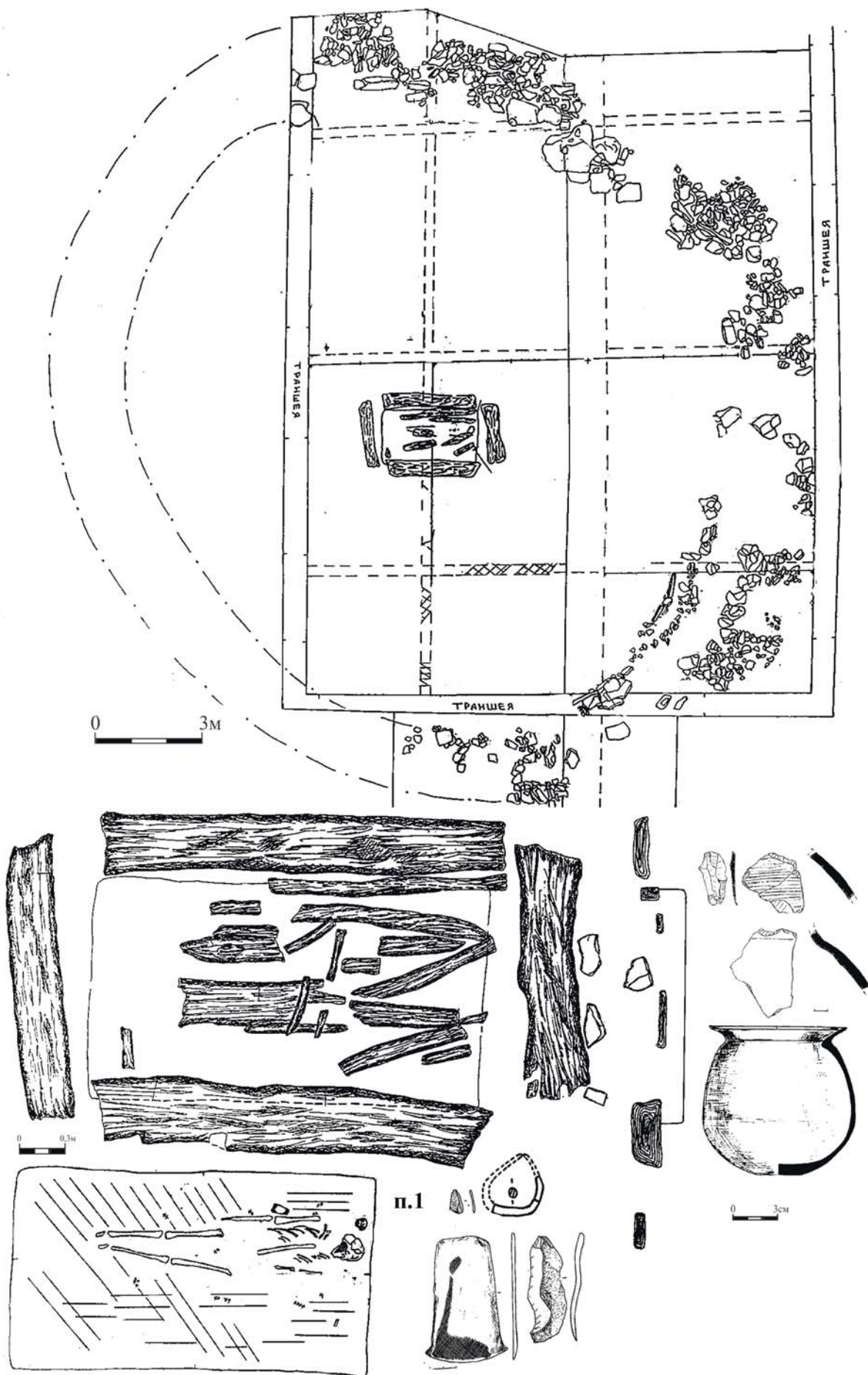

Рис. 169. Курган Нижне-Гниловской, п.1.

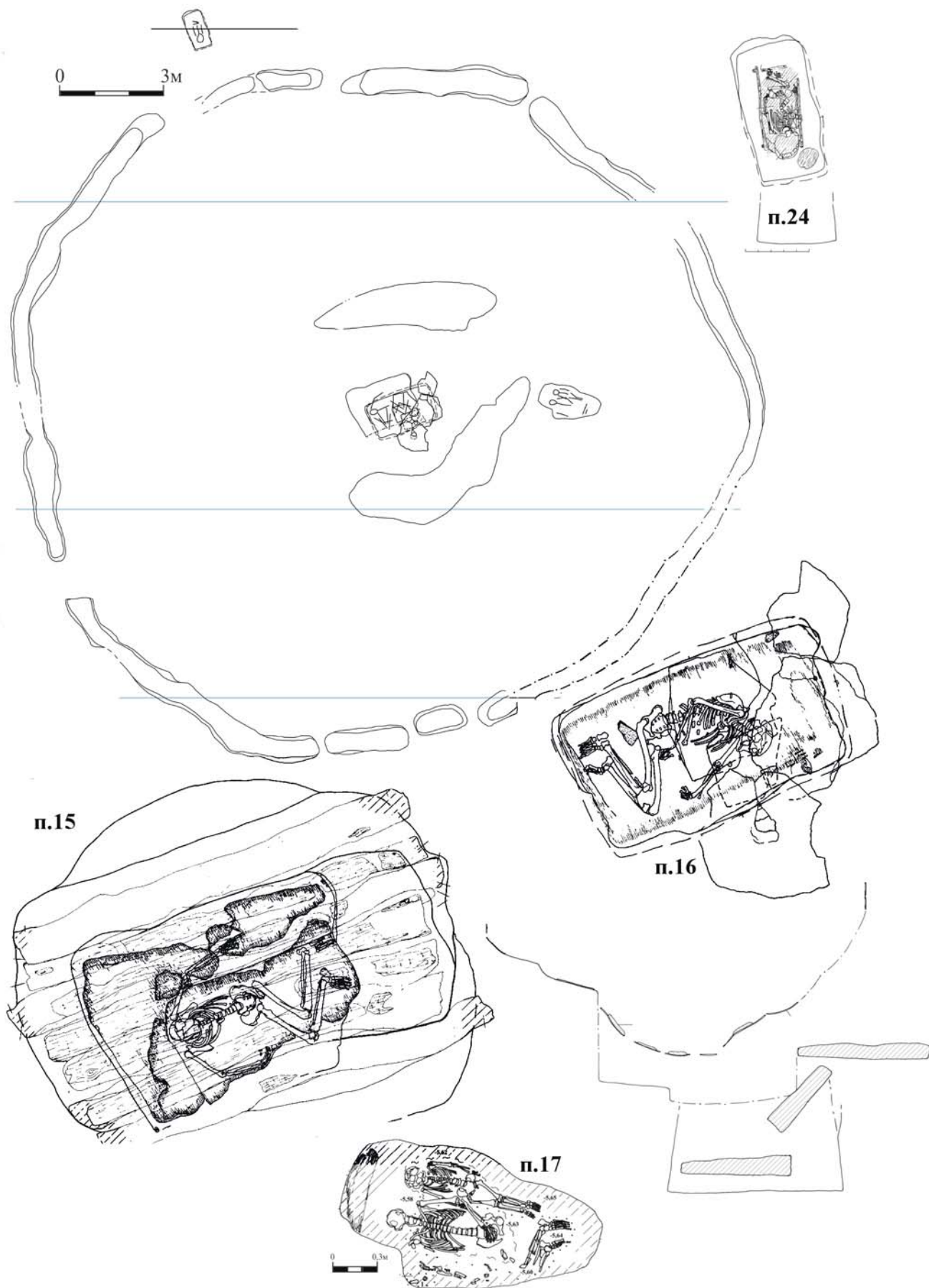

Рис. 170. Курганный могильник "Западный II" (Байков), к.1, п.15-17, 24.

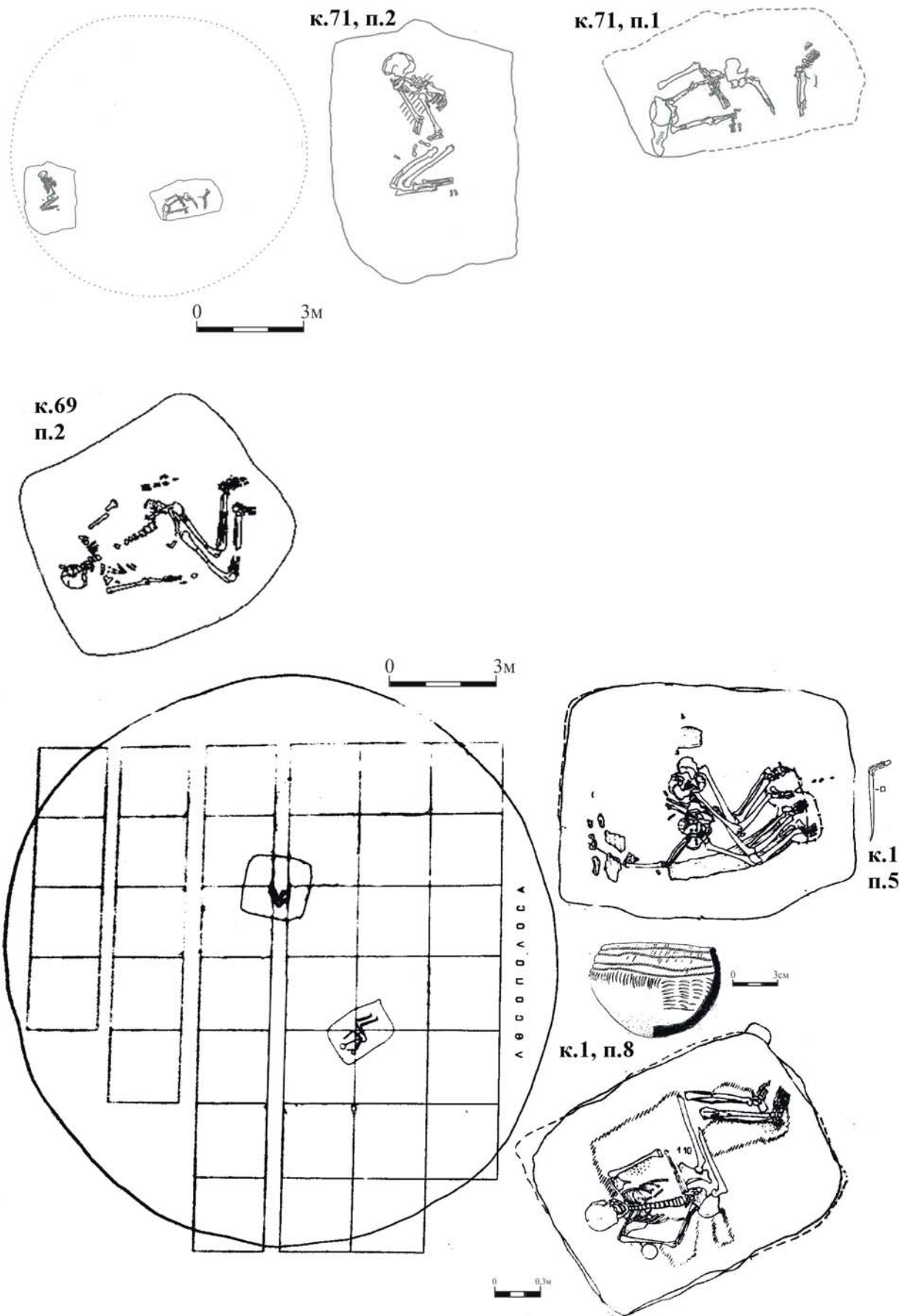

Рис. 171. Курганный могильник "Ливенцовский VII", к. 69, п.2; к.71, п.1, 2, 4; к.1, п.5, п.8.

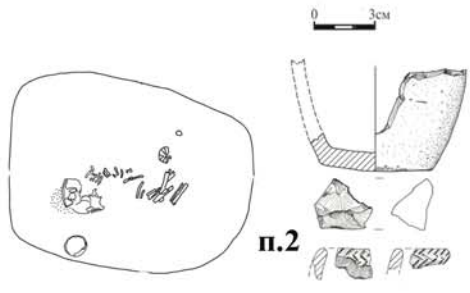
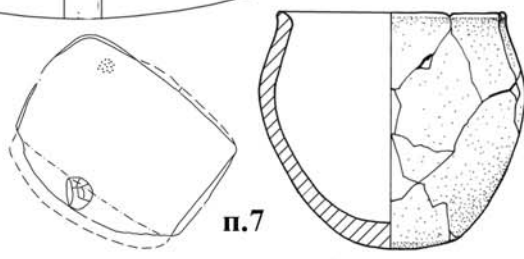
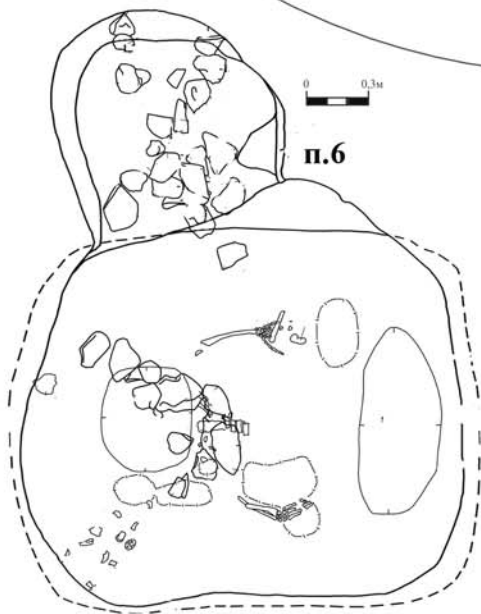
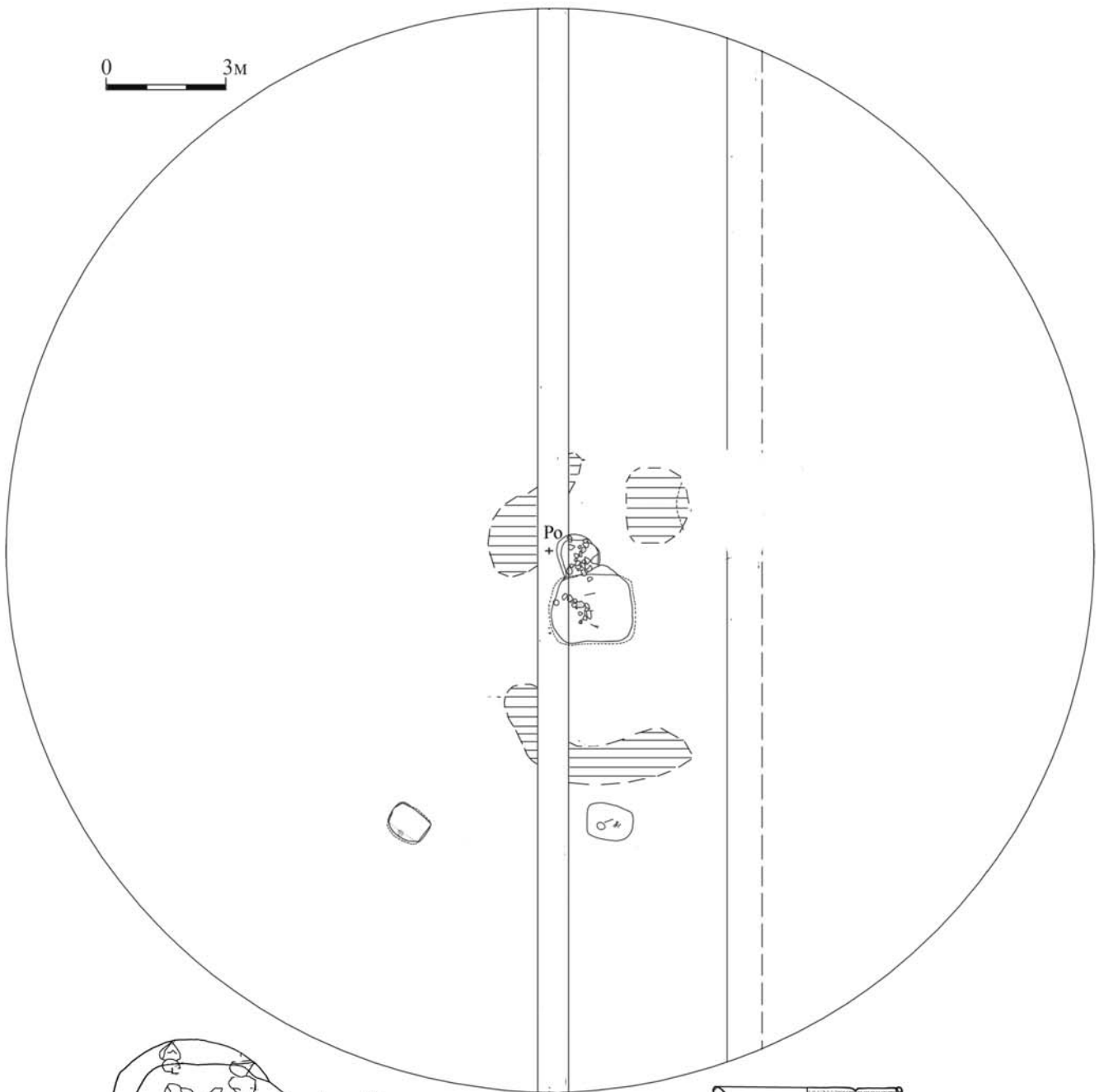

Рис. 172. Курганный могильник "Западный II", к.4, п.2, п.6, п.7.

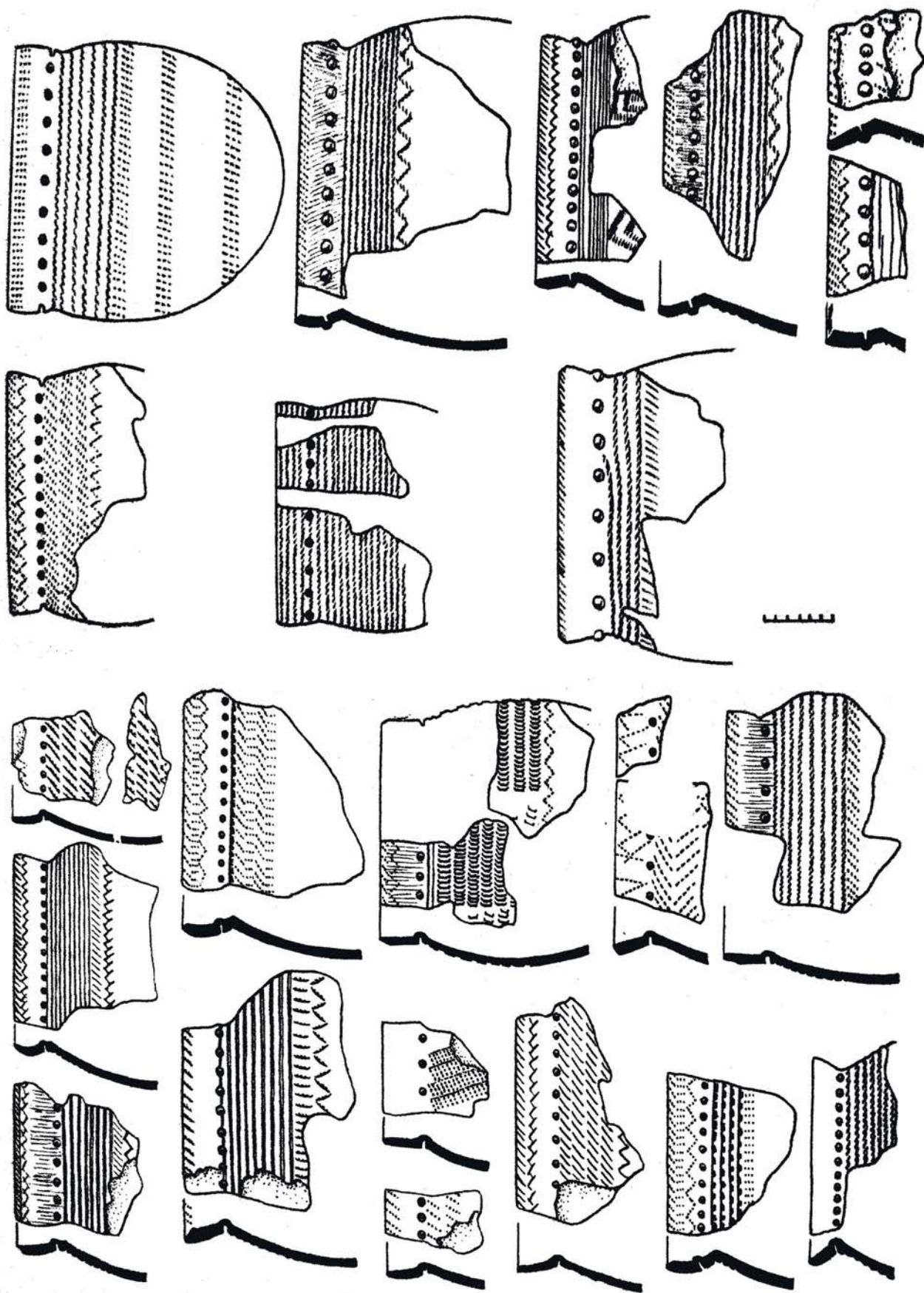

Рис. 173. Поселение Репин Хутор.

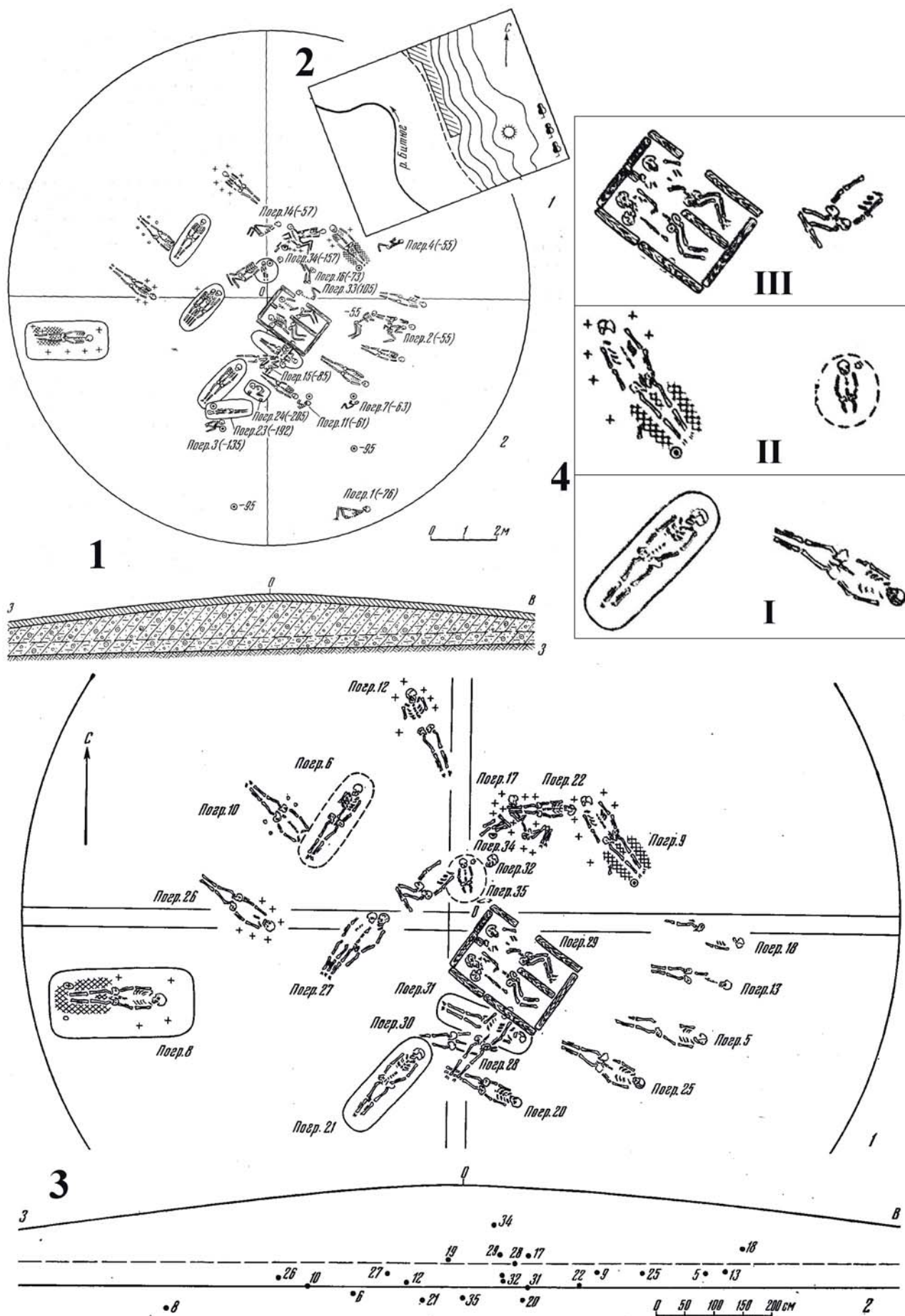

Рис. 174. Иванобугорский могильник. 1 - план; 2 - топографический план; 3 - планы погребений; 4 - стратиграфическая колонка.

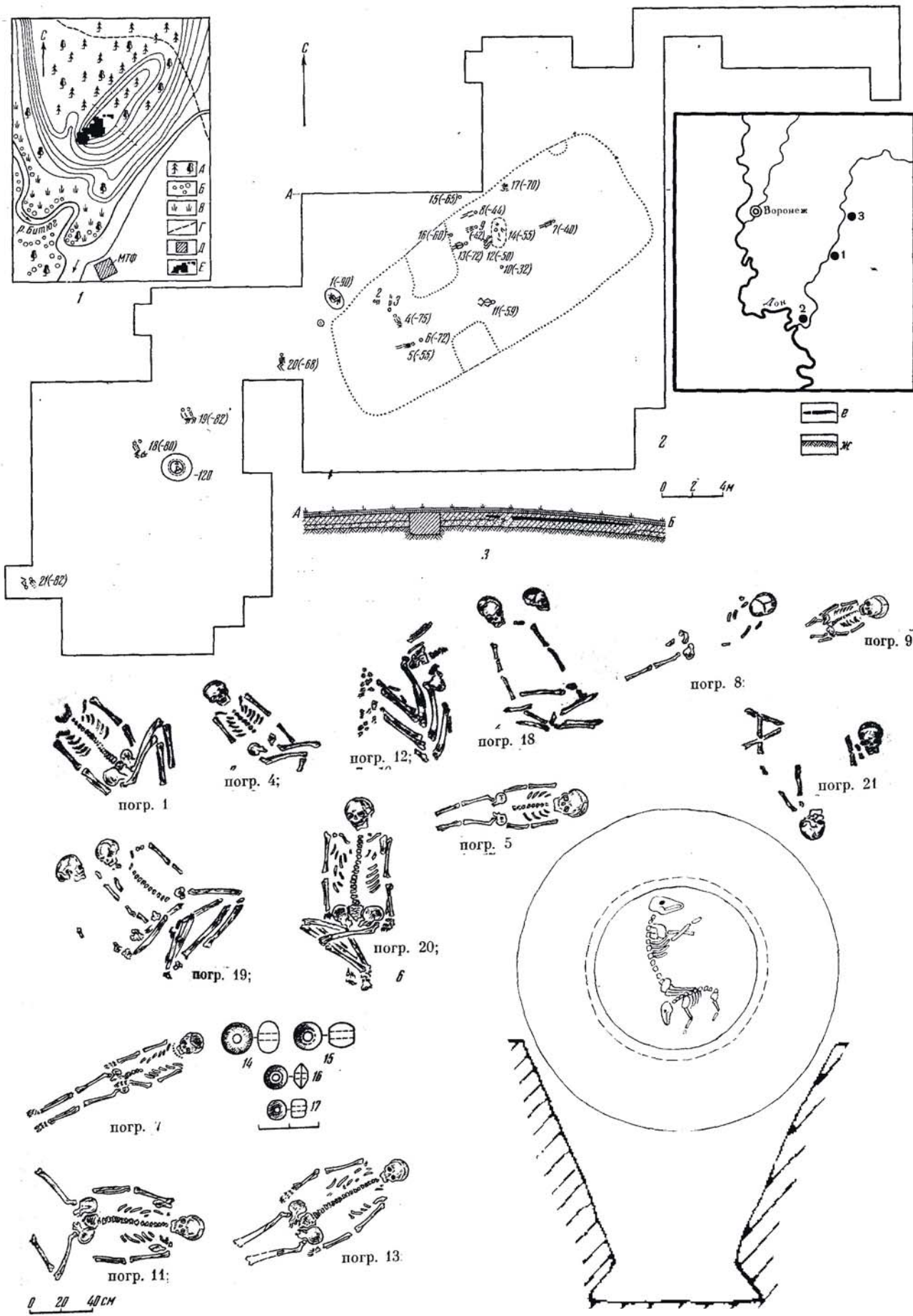

Рис. 175. Дронихинский грунтовый могильник.

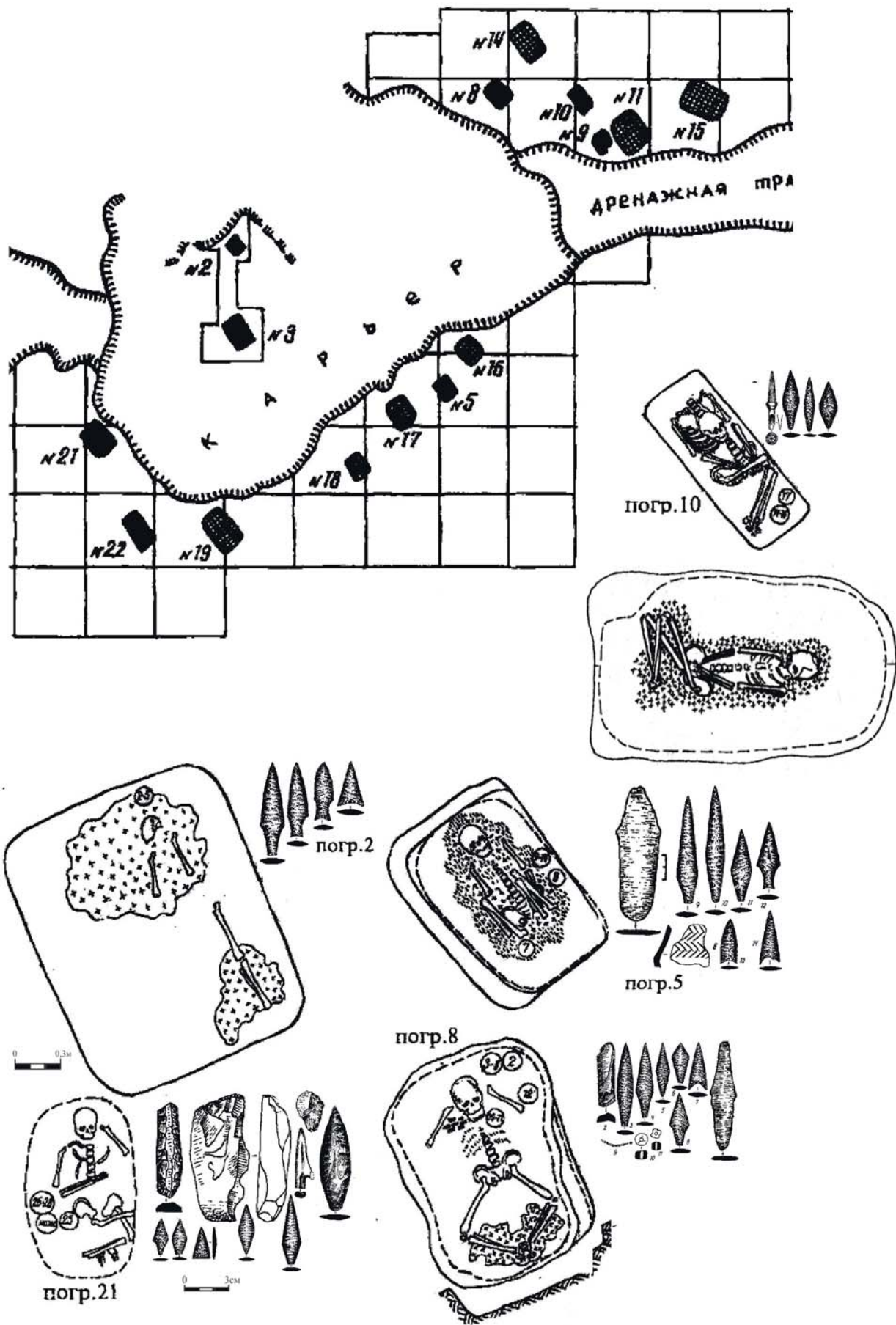

Рис. 176. Грунтовый могильник Терешковский Вал.

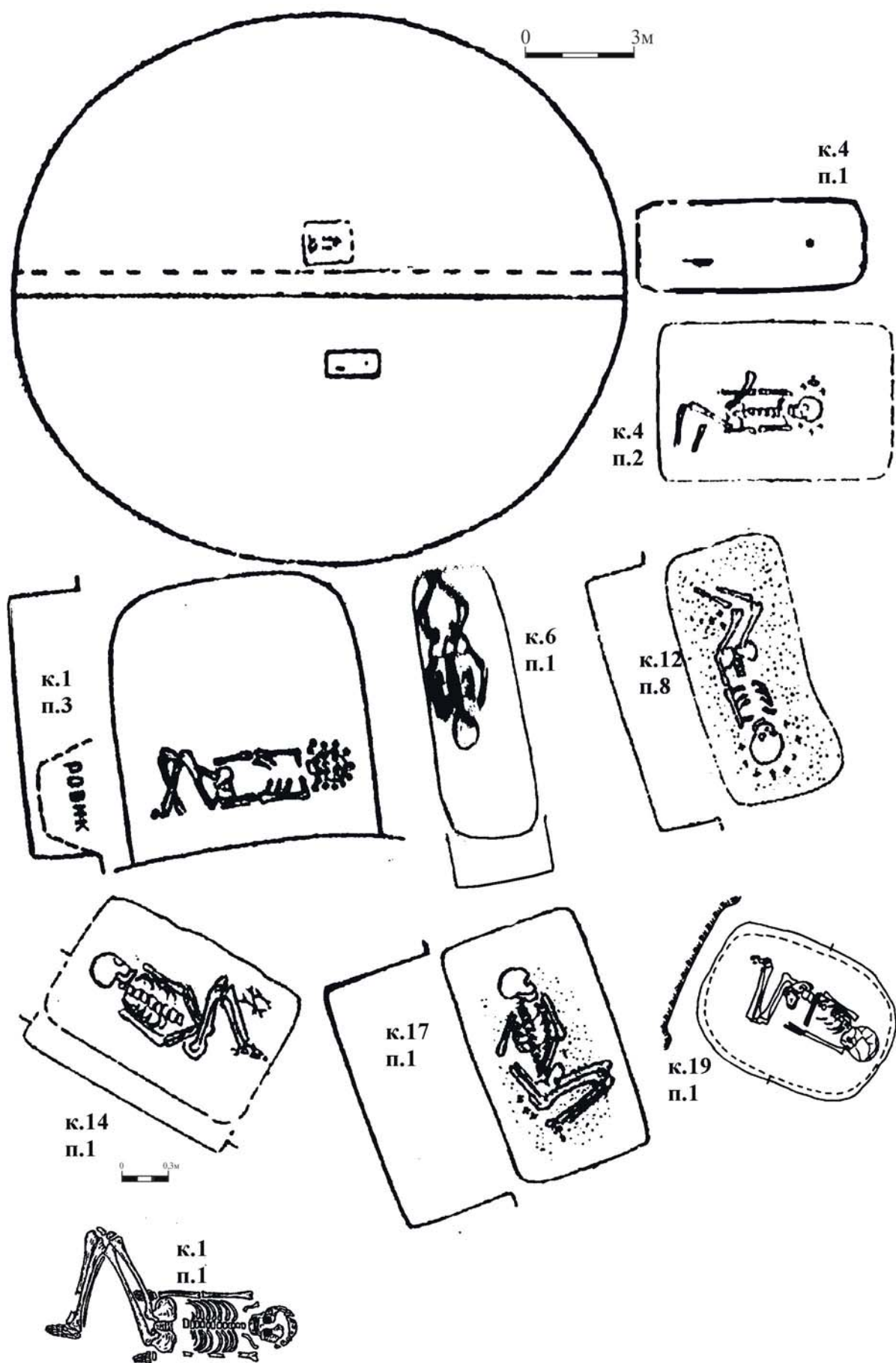

Рис. 177. Первый Власовский могильник, к.1, п.3, к.4, п.1-2, к.6, п.1, к.12, п.8, к.14, п.1, к.17, п.1, к.19, п.1.
Третий Власовский могильник, к.1, п.1.

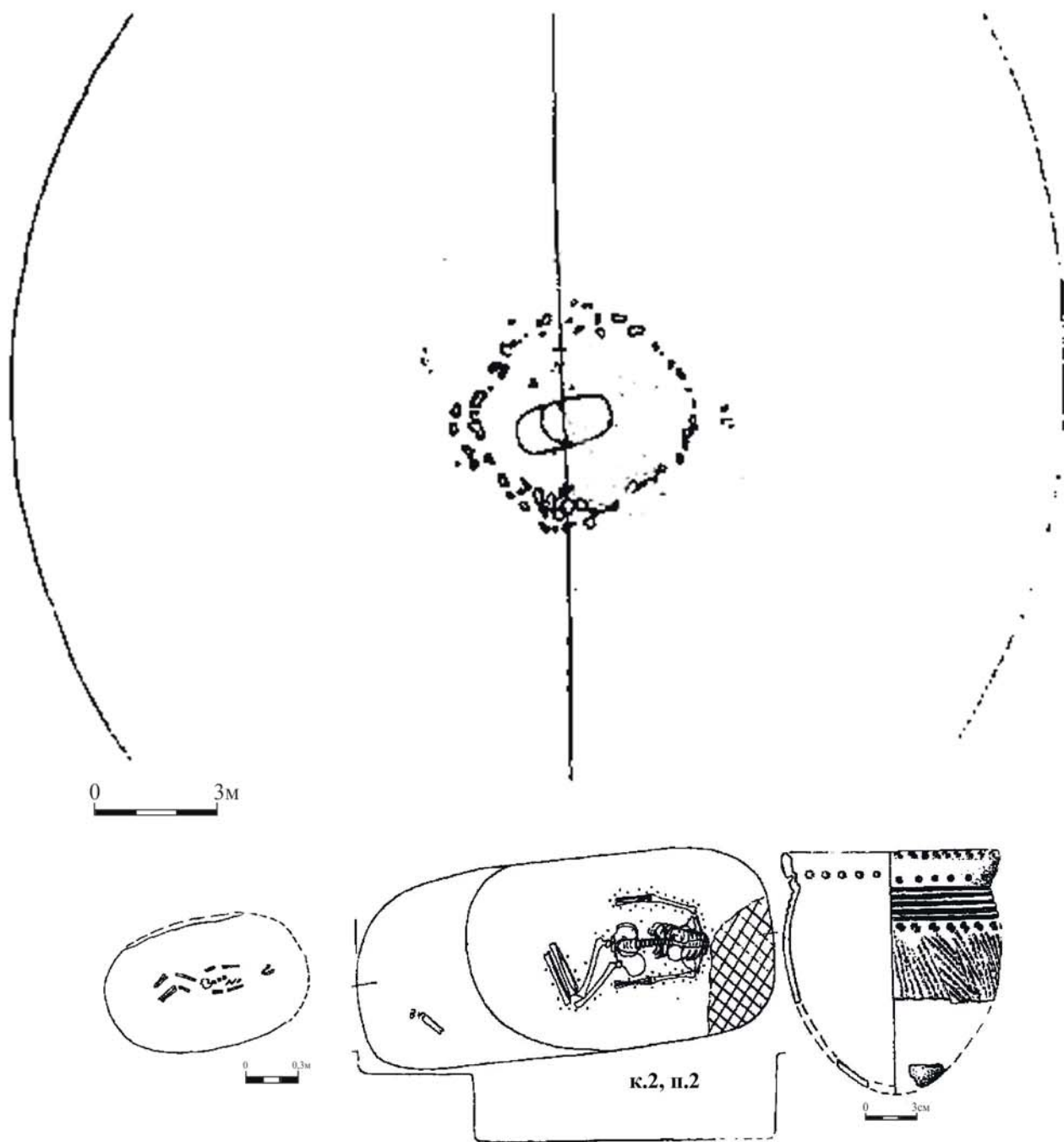

Рис. 178. Курганный могильник "Подгорненский", к.2, п.2, п.4.

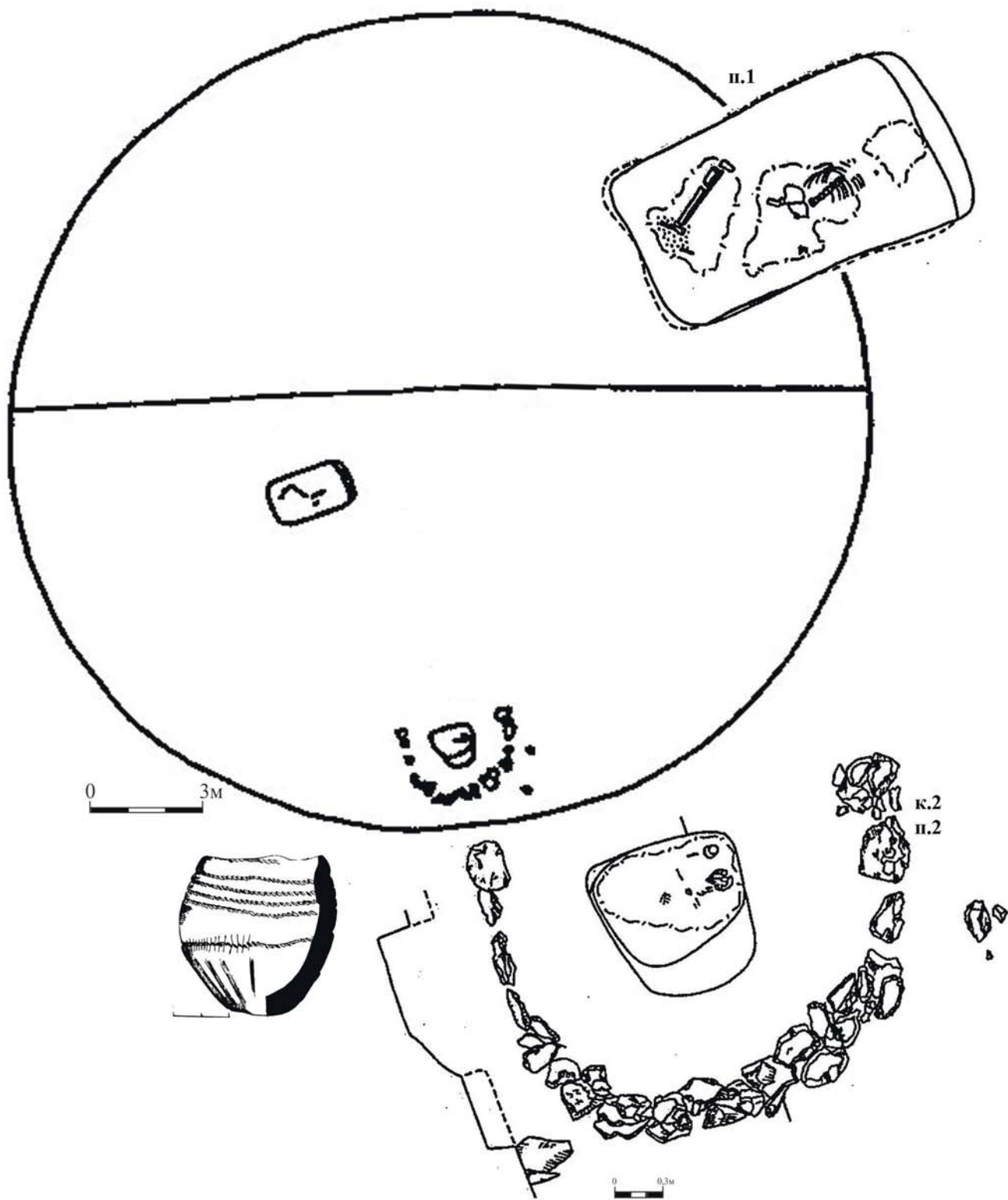

Рис. 179. Курганный могильник "Парижский", к.2, п.2., п.1.

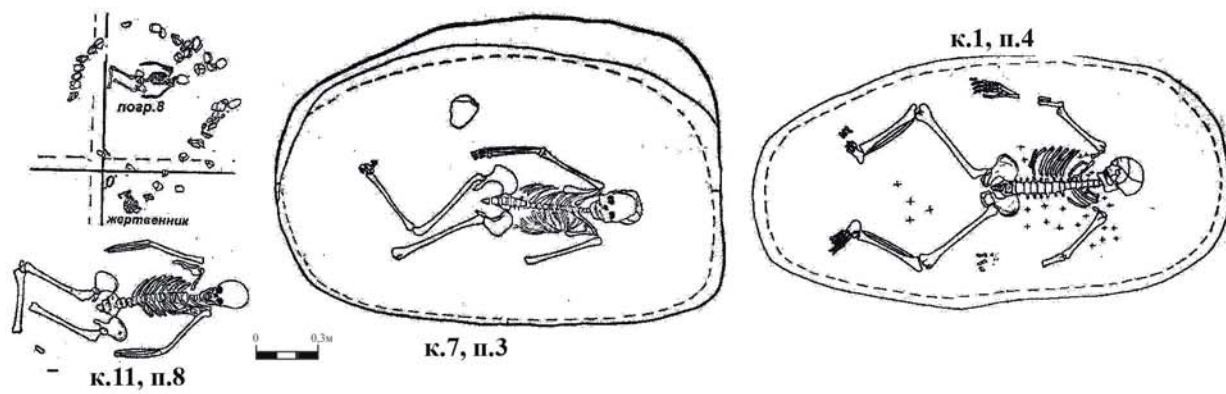

Рис. 180. Курганный могильник "Нижний Игорец", к.1, п.4.
 Курганный могильник "Абрамовка", к.7, п.3, к.11, п.8.

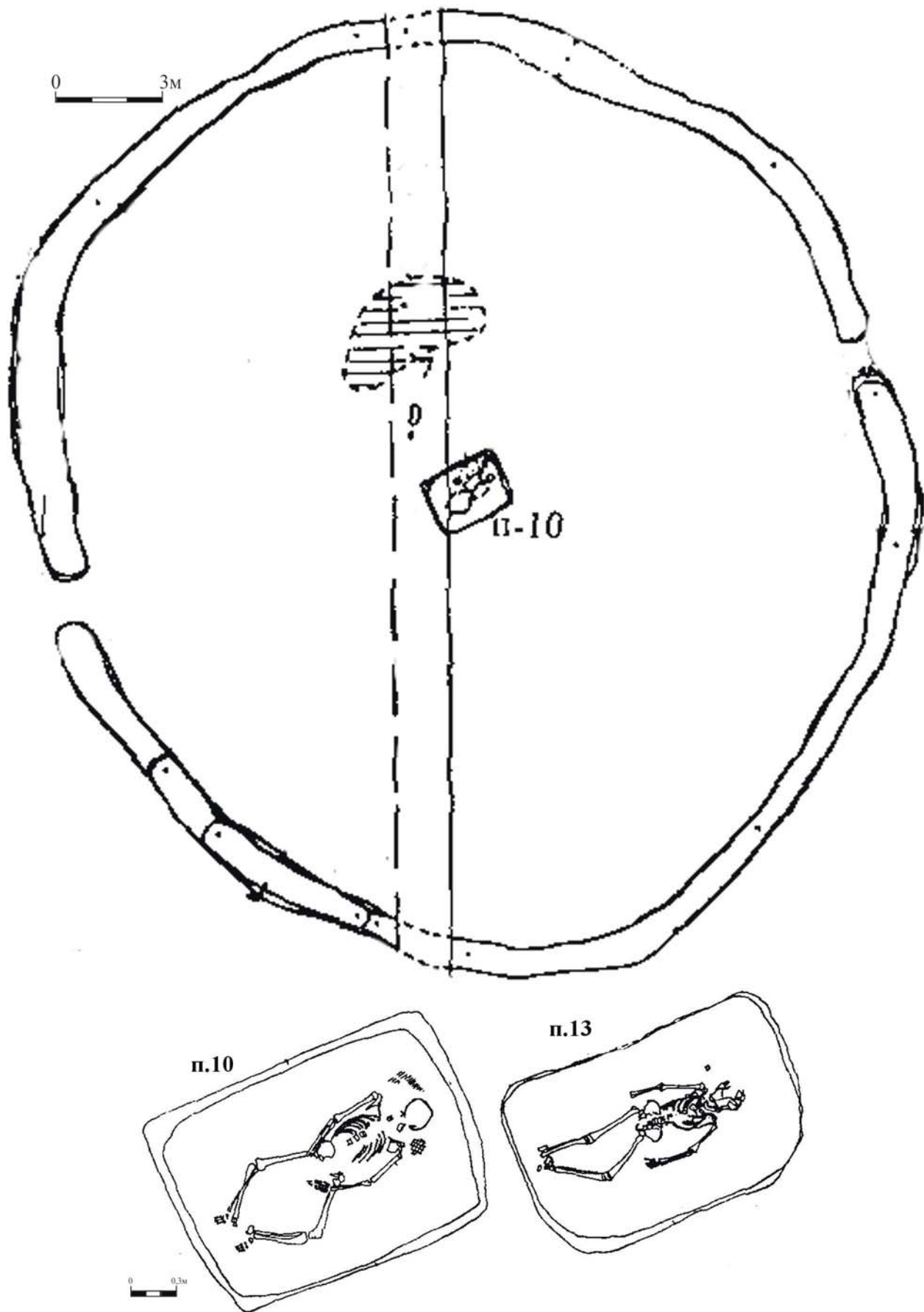

Рис. 181. Курганный могильник "Сухоеланский I", к.1, п.10, п.13.

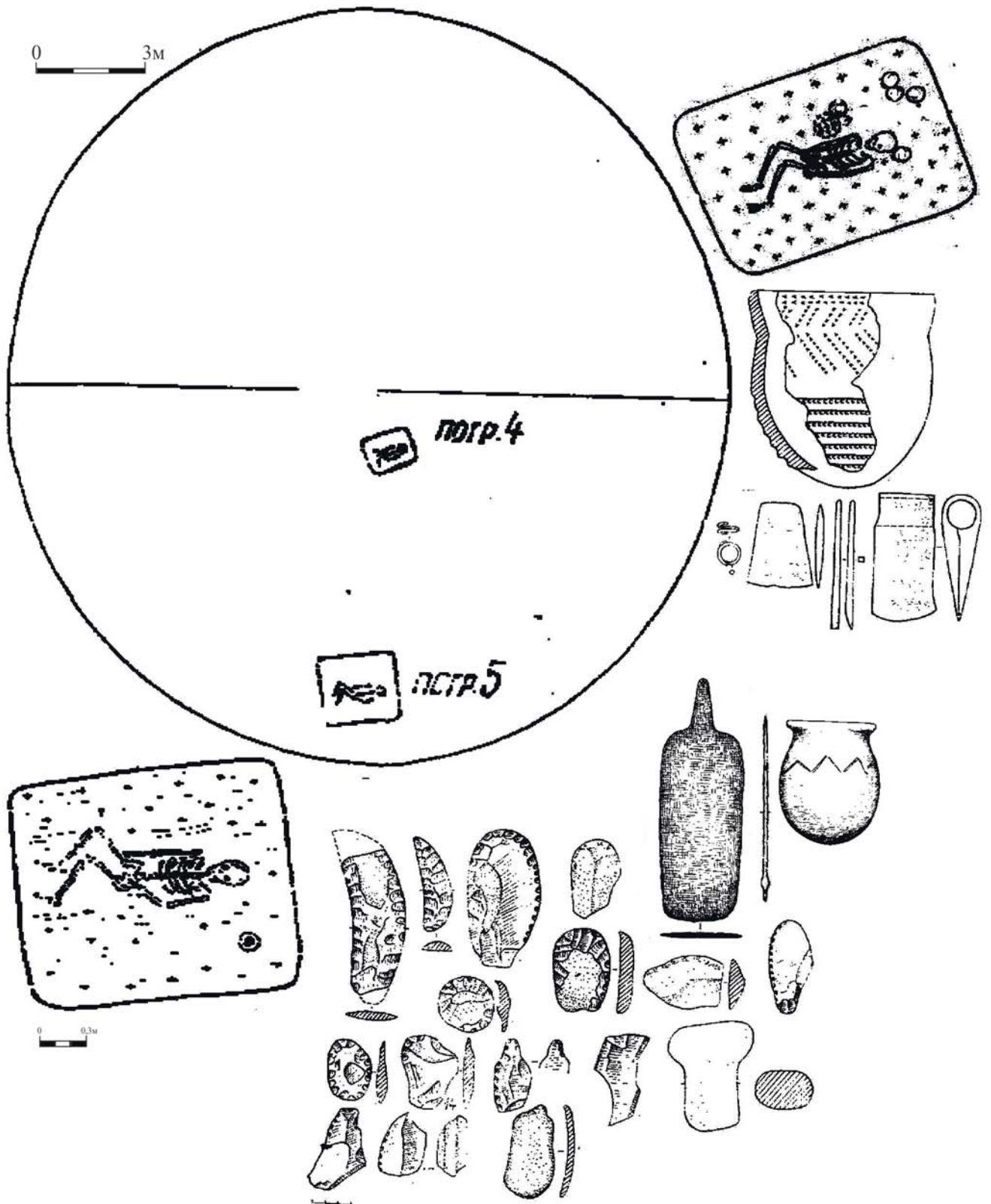

Рис. 182. Курганный могильник "Павловский I", к.31, п.4, 5.

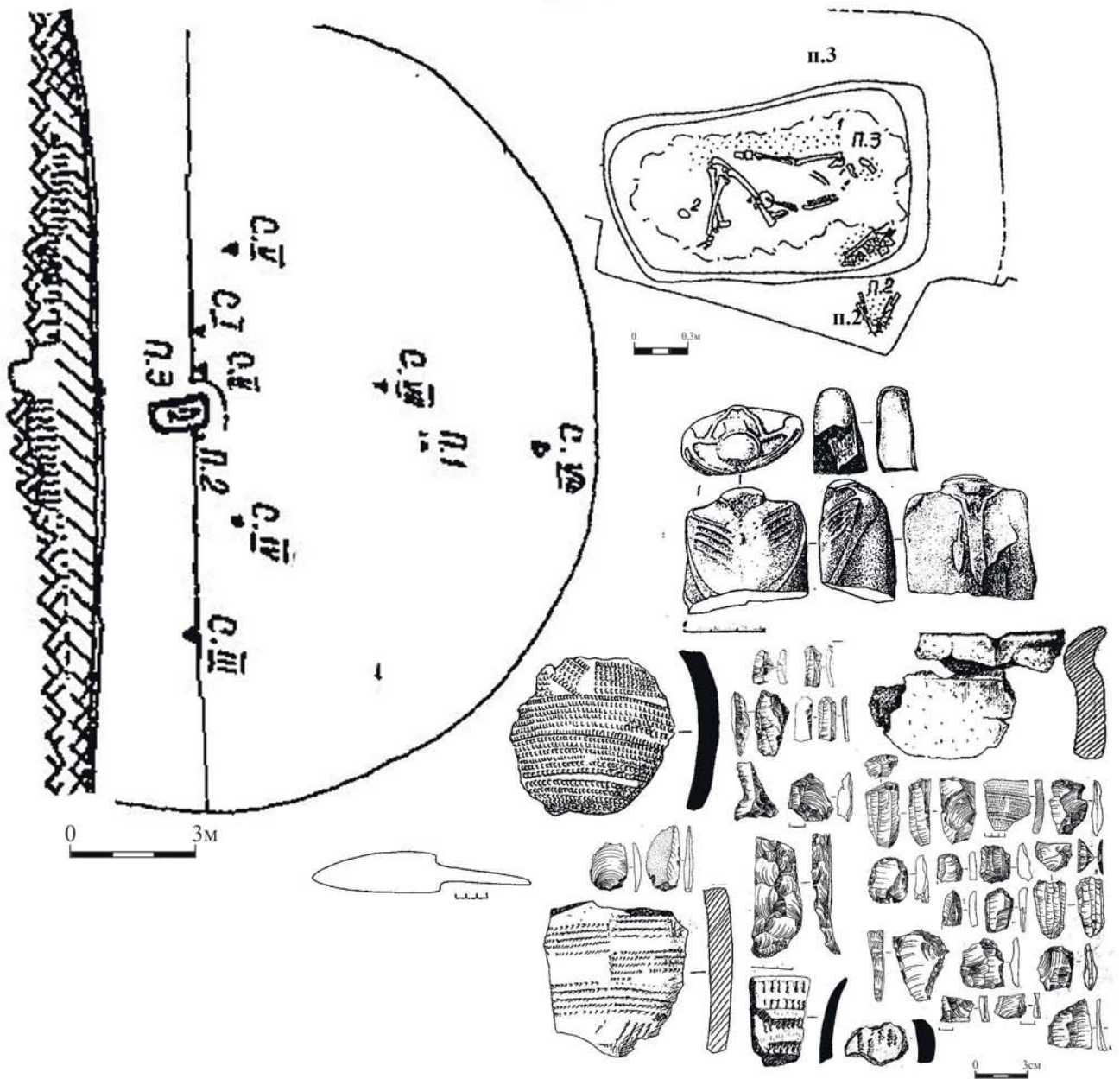

Рис. 183. Курганный могильник "Круча", к.1, п.2-3, находки в насыпи.

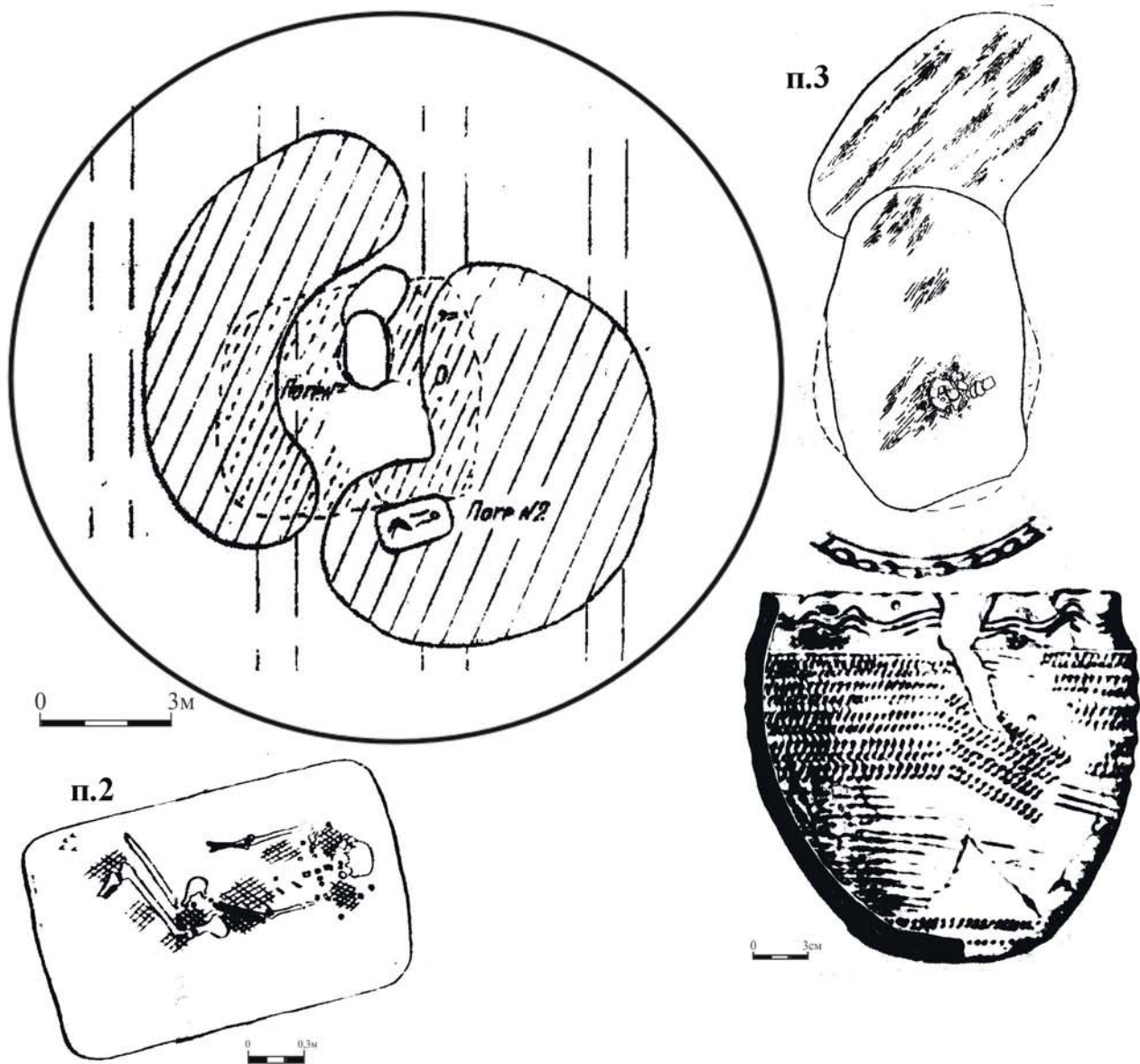

Рис. 184. Курганный могильник Орешкин I, к.16, п.2-3.

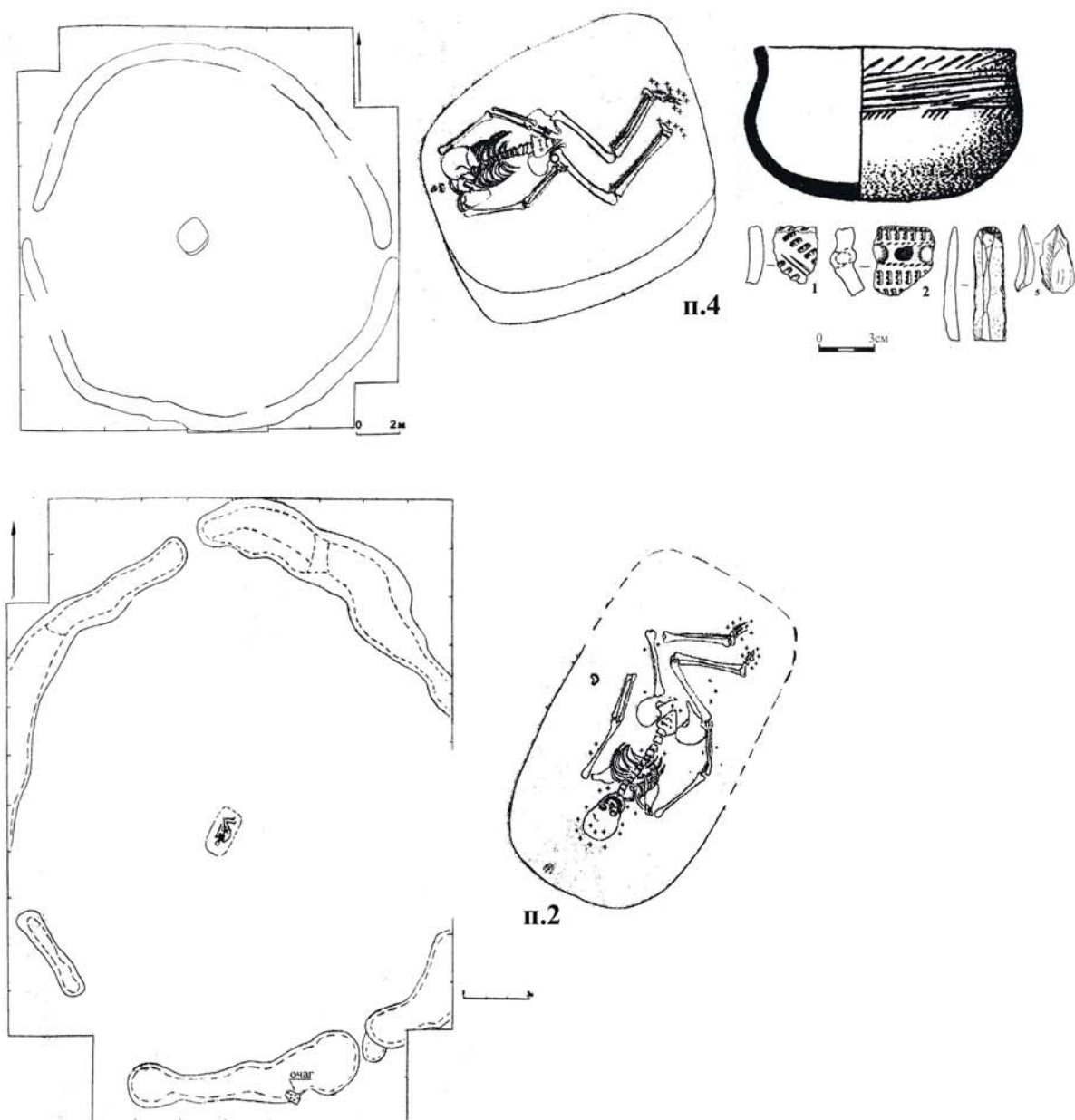

Рис. 185. Таганский грунтовый могильник, раскоп 1, п.4; раскоп 2, п.2.

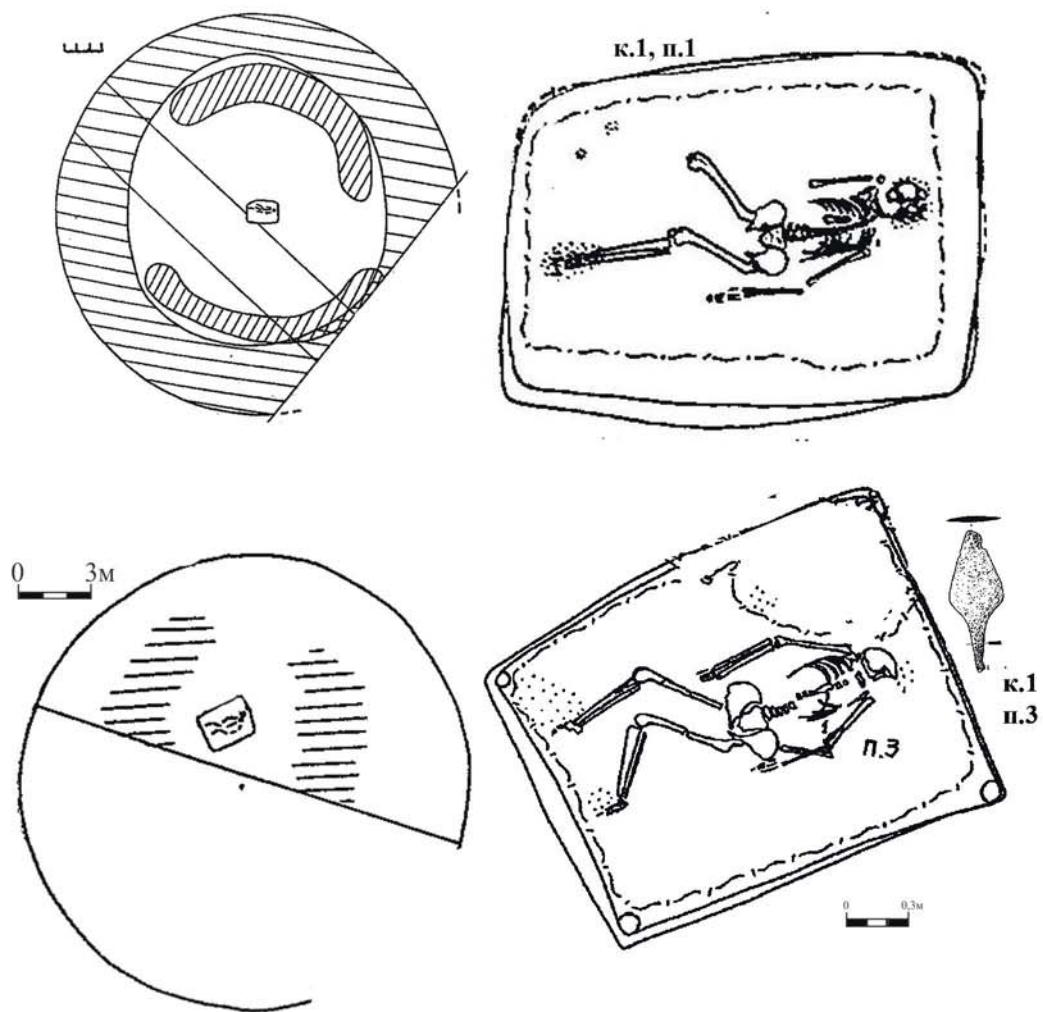

Рис. 186. Курганный могильник "Поповка V", к.1, п.3.
 Курганный могильник "Парижский", к.1, п.1.

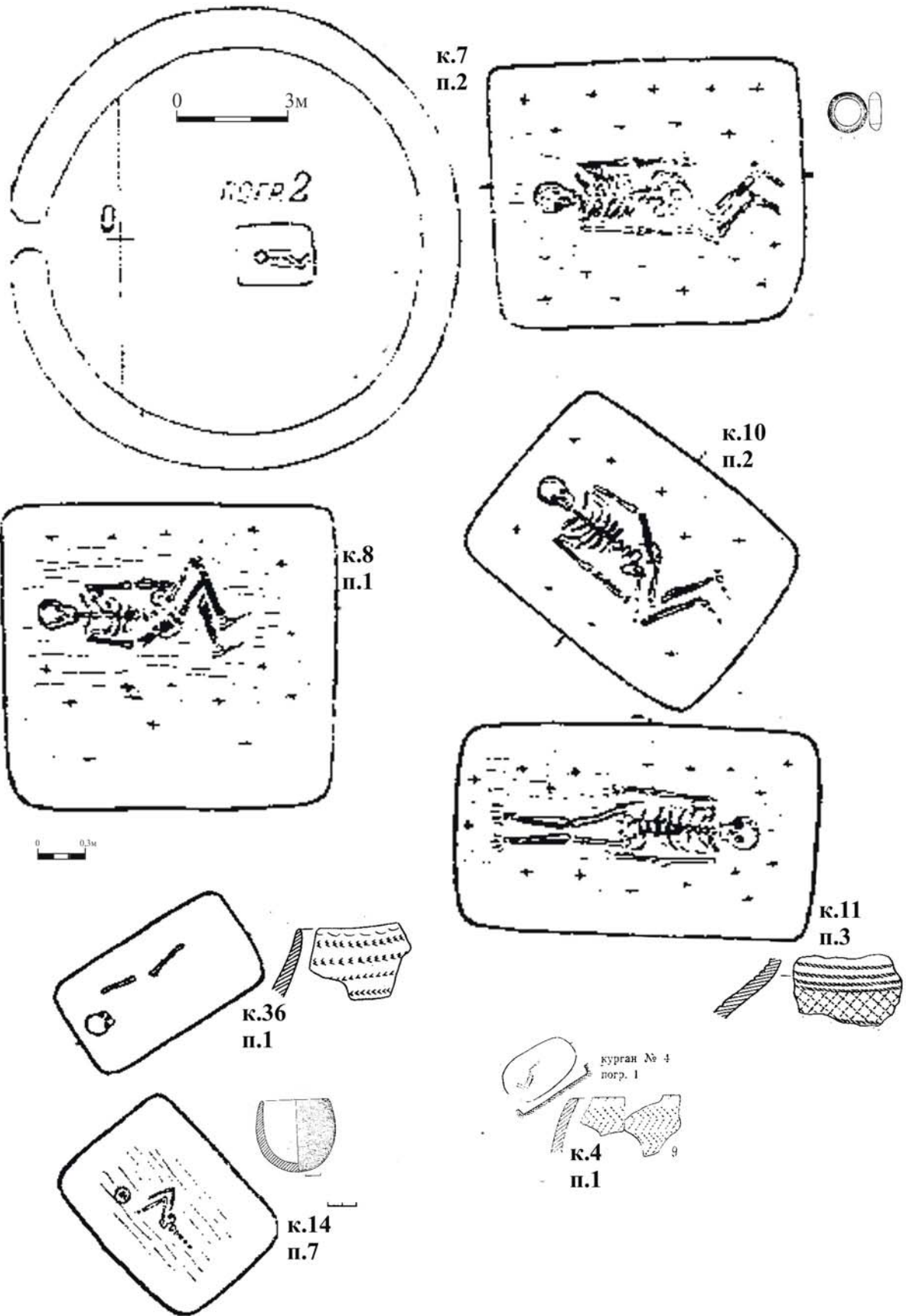

Рис. 187. Курганный могильник Павловский, к.4, п.1; к.7, п.2; к.8, п.1; к.10, п.2; к.11, п.3; к.14, п.7; к.36, п.1.

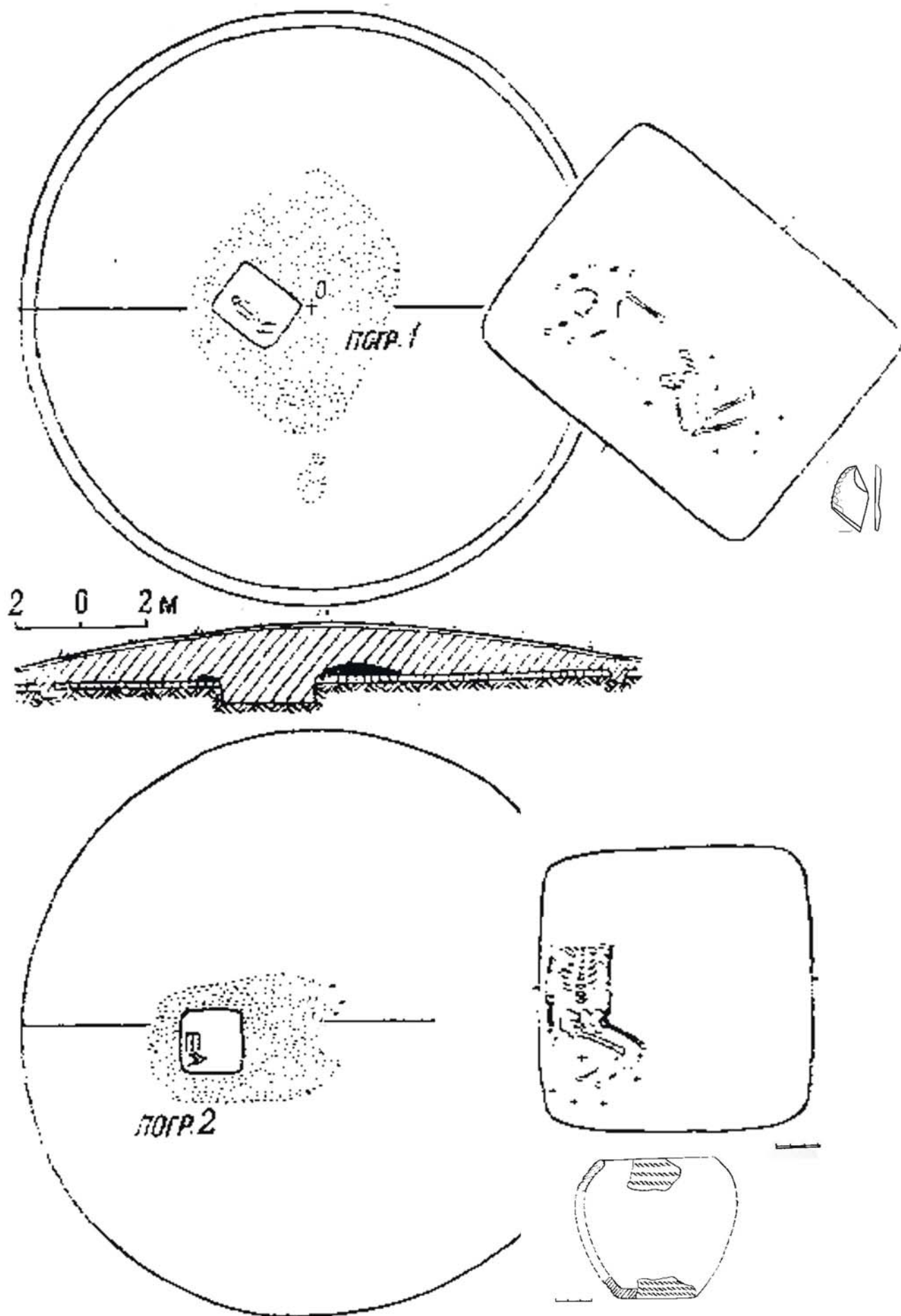

Рис. 188. Курганный могильник Павловский, к.1, п.1; к.2, п.2.

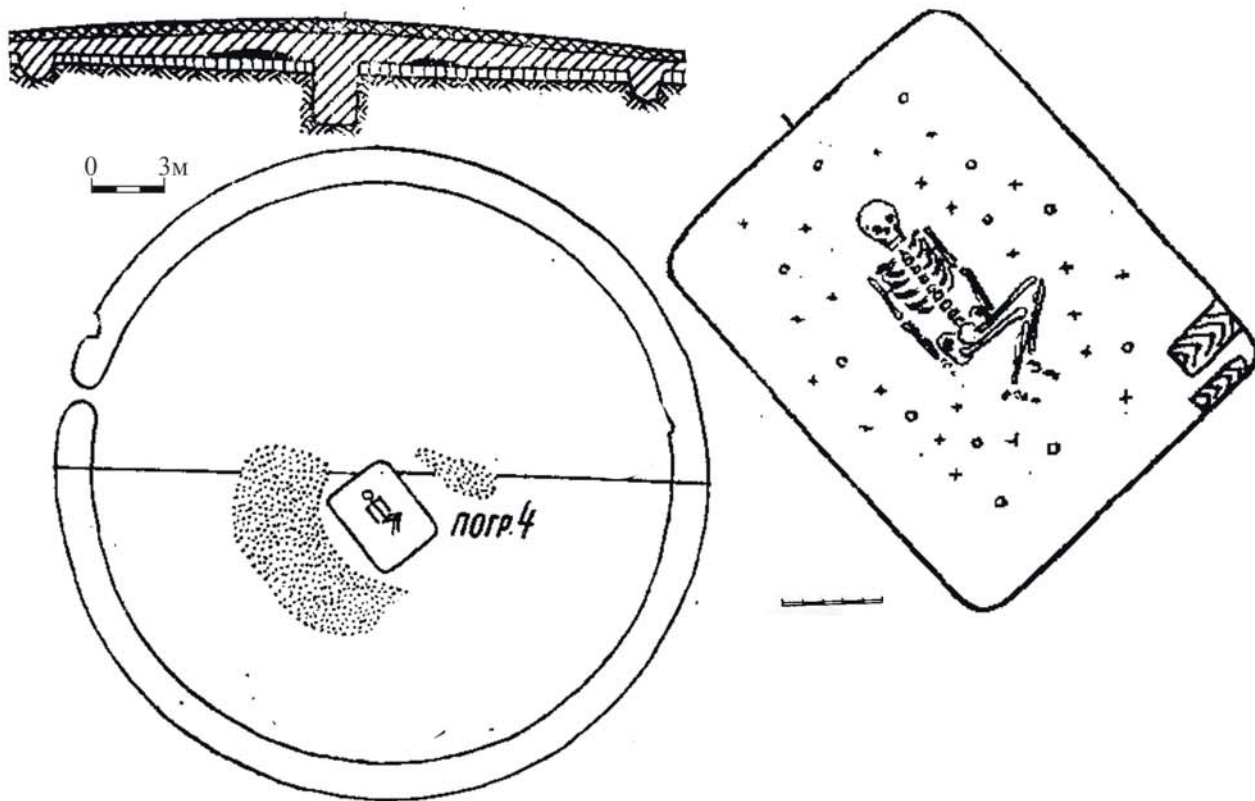

Рис. 189. Курганный могильник Павловский, к.54, п.4.

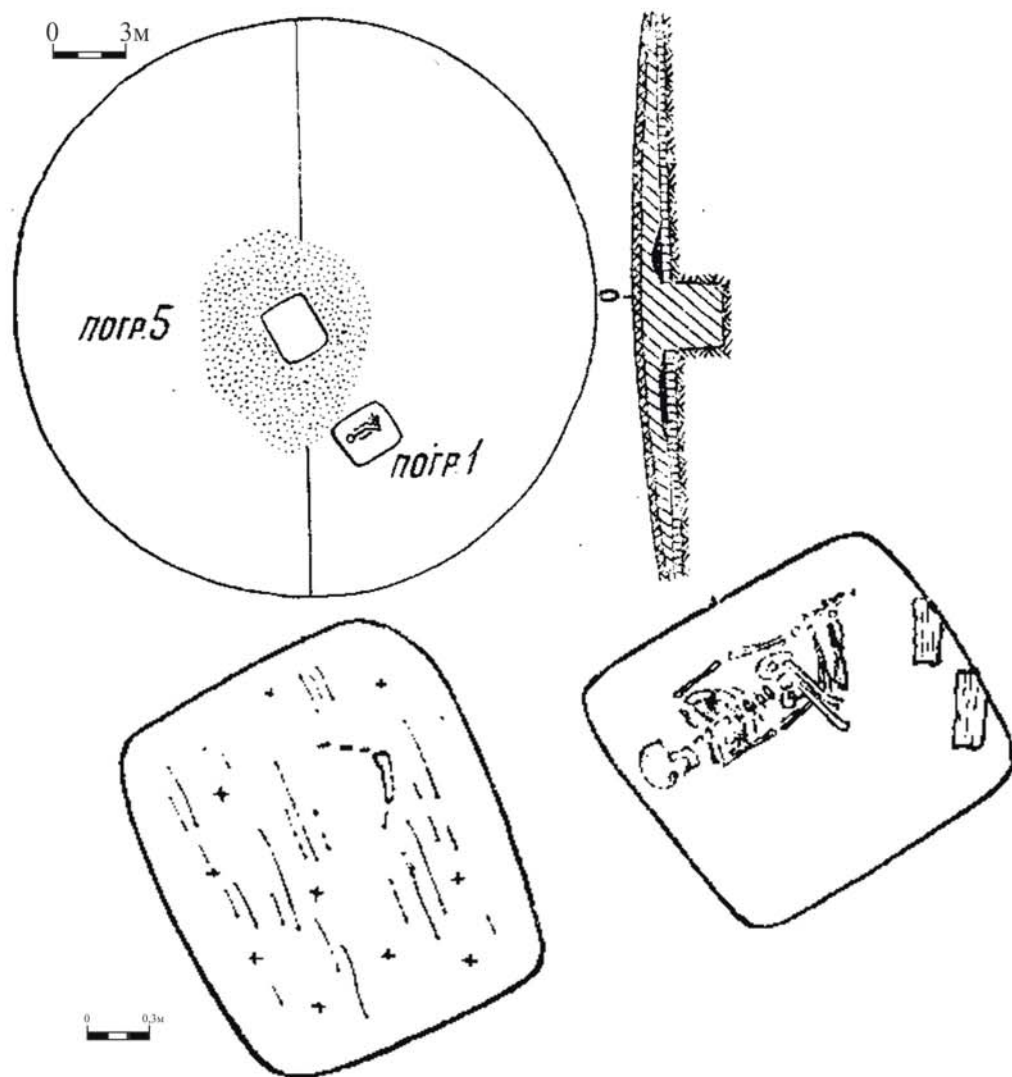

Рис. 190. Курганный могильник Павловский, к.21, п.1, 5.

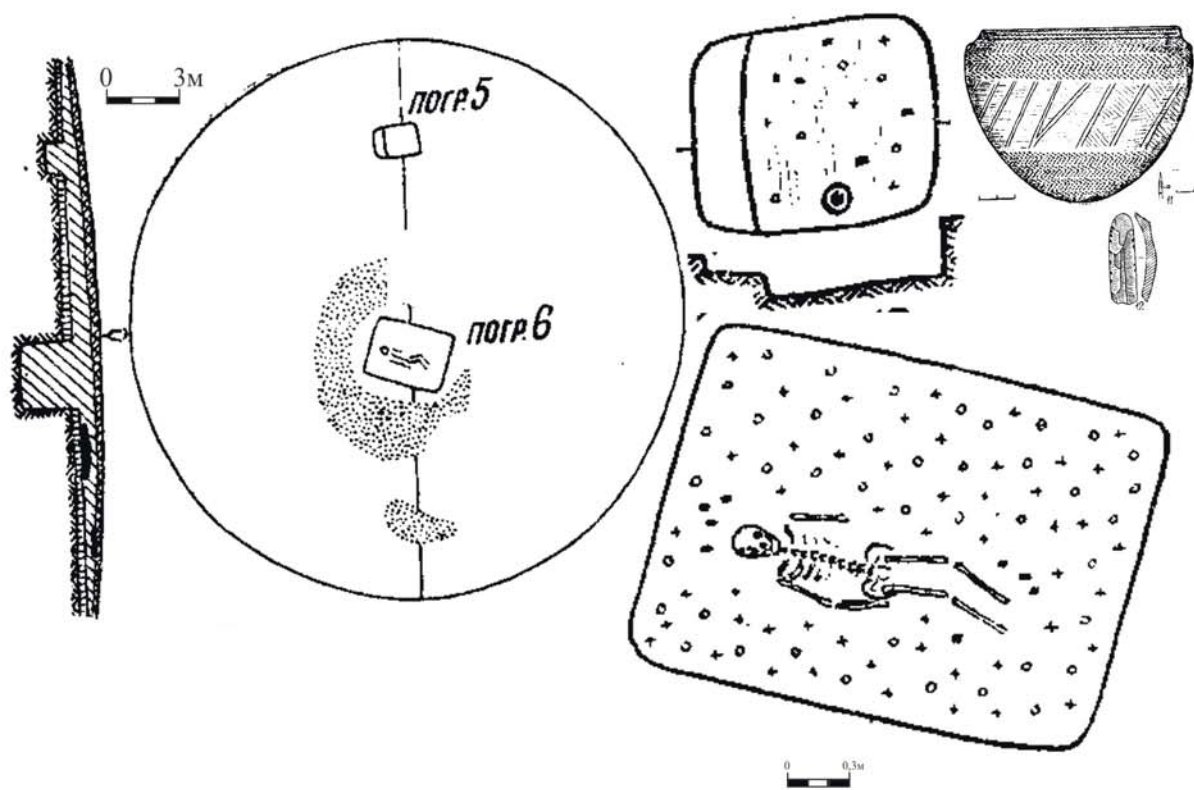

Рис. 191. Курганный могильник Павловский, к.35, п.5, 6.

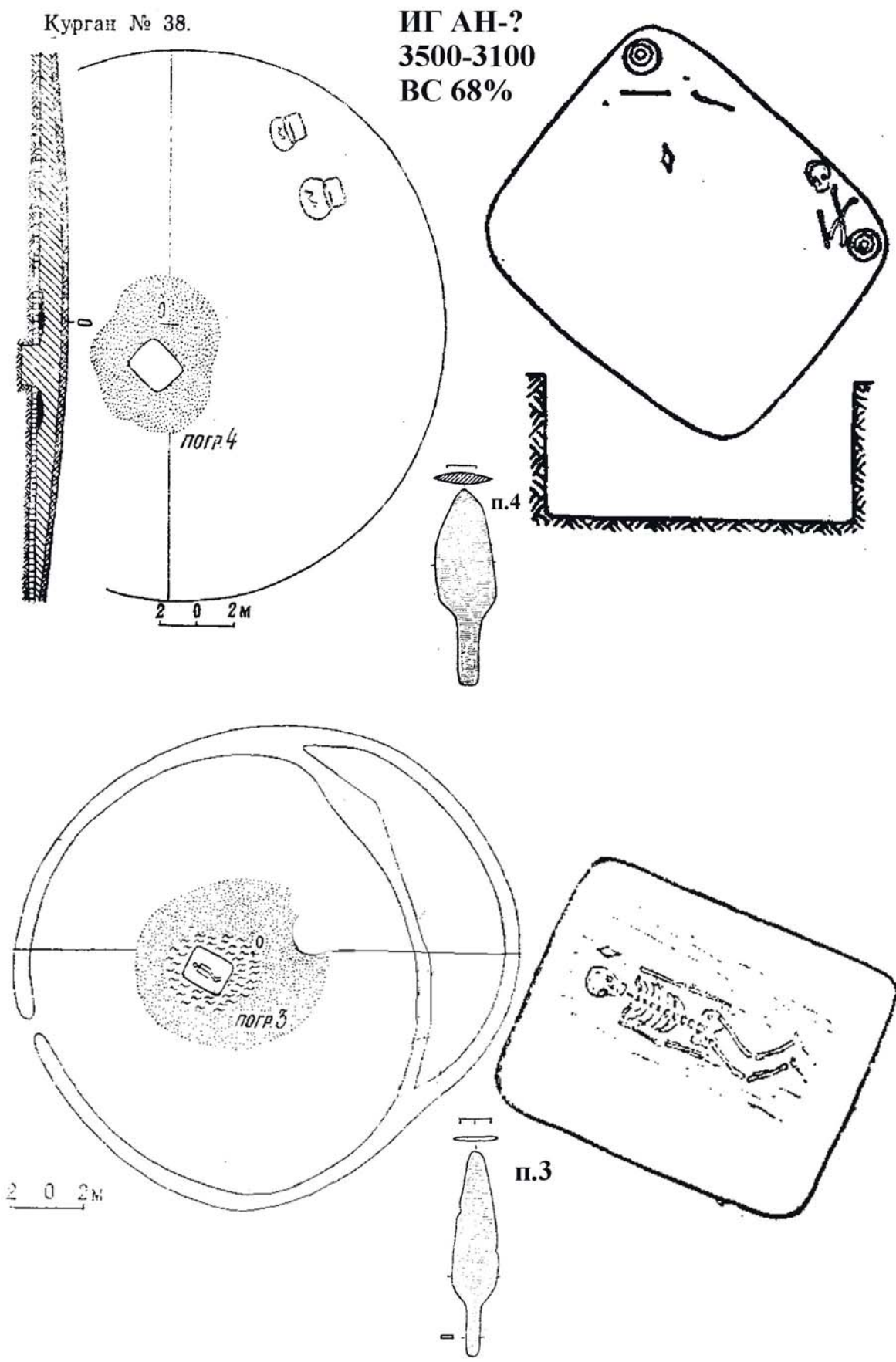

Рис. 192. Курганный могильник Павловский, к.38, п.4, к.14, п.3.

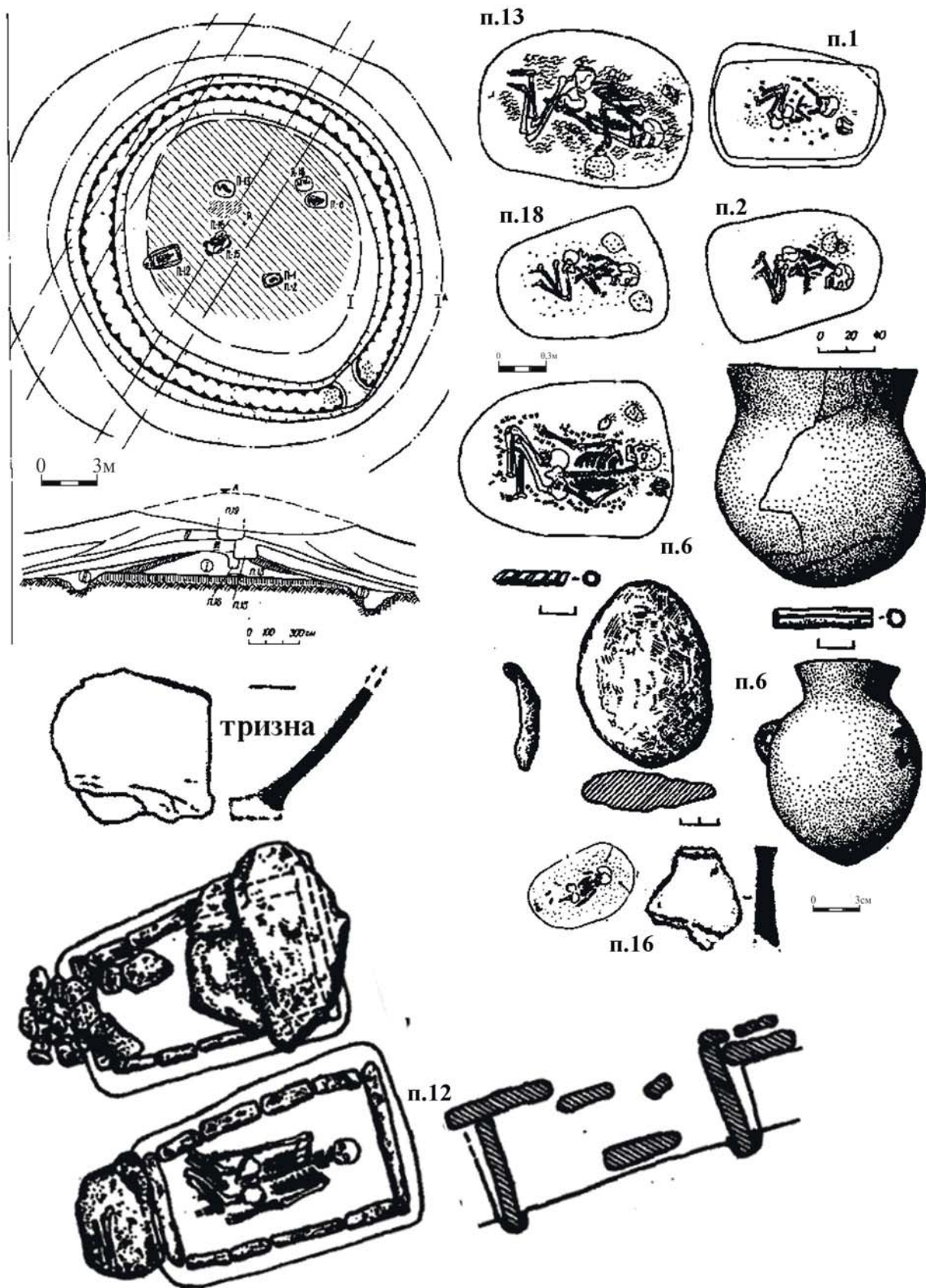

Рис. 193. Курган 1 у г. Скадовска, п.1-2, 6, 12-13, 16, 18.

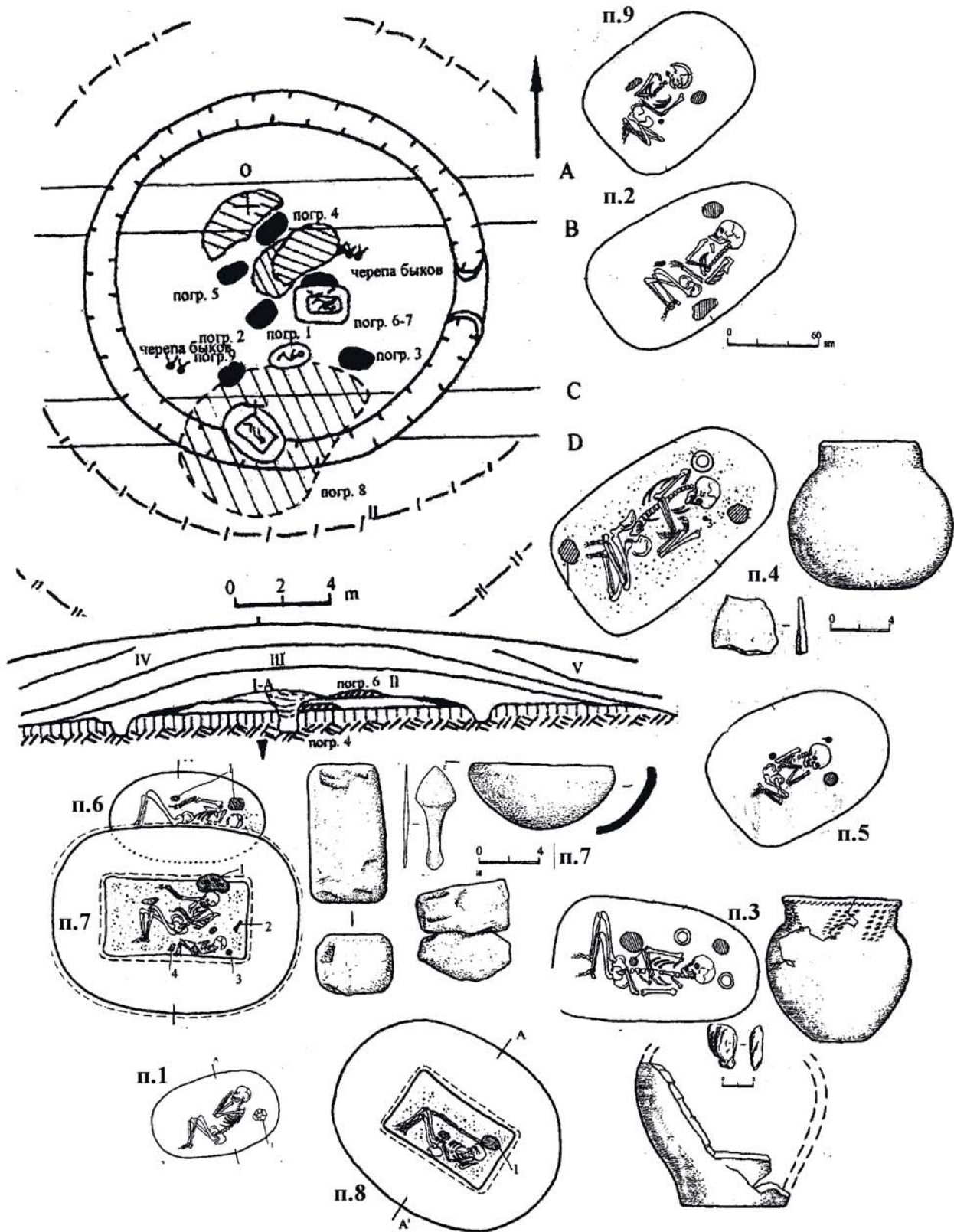

Рис. 194. Курган 1 у с. Озерное, п.1-9.

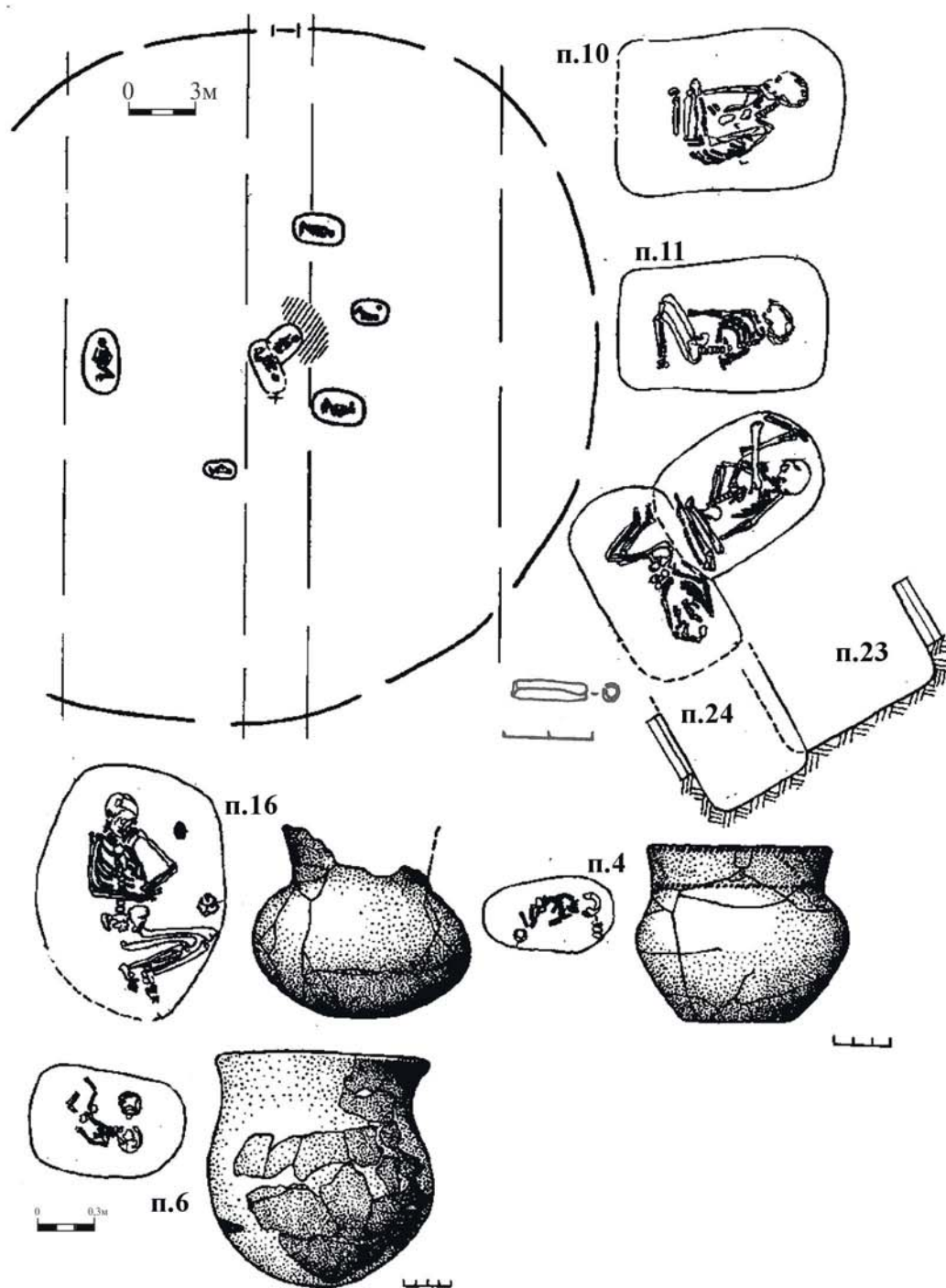
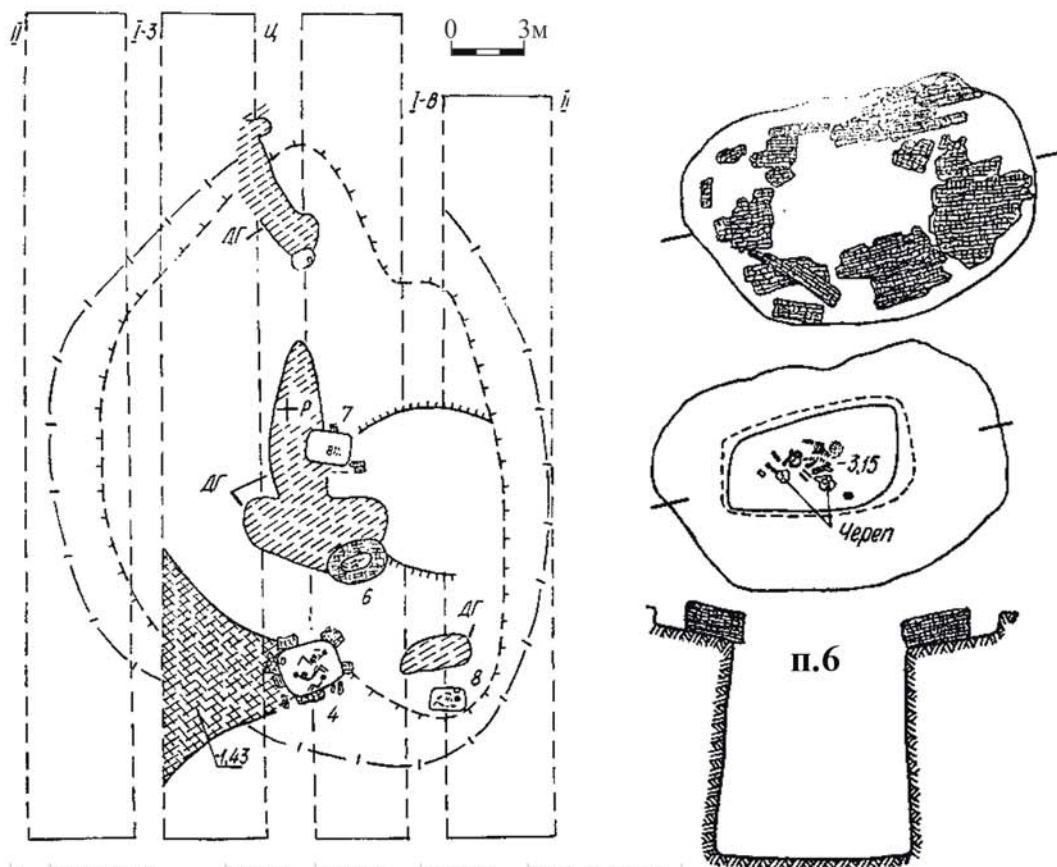

Рис. 195. Курган у с. Облои, п. 4, 6, 10-11, 16, 23-24.

4	Кремневка 6/7	Ки-7125	4365 ± 55	3080-2900	Kovalyukh, Nazarov, 1999
5	Кремневка 6/7	Ки-7077	4170 ± 60	2876-2578	Назаров, Ковалюх, 1999
6	Кремневка 6/6	Ки-7124	4325 ± 60	3020-2880	Kovalyukh, Nazarov, 1999
7	Кремневка 6/6	Ки-7076	4130 ± 70	2876-2617	Назаров, Ковалюх, 1999
8	Николаевка 5/12	Ки-873	4300 ± 100	3100-2700	Черных и др., 2000
9	Кремневка 6/4	Ки-1708	4250 ± 60	2930-2700	Черных и др., 2000

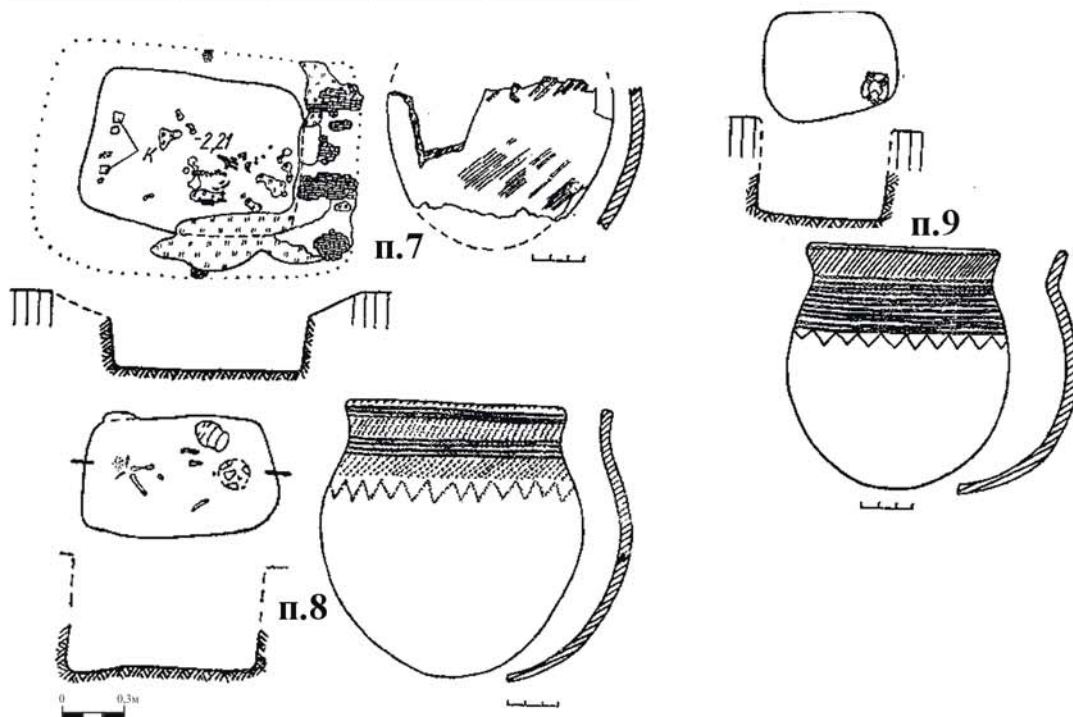

Рис. 196. Курганный могильник Кремневка, к.6.

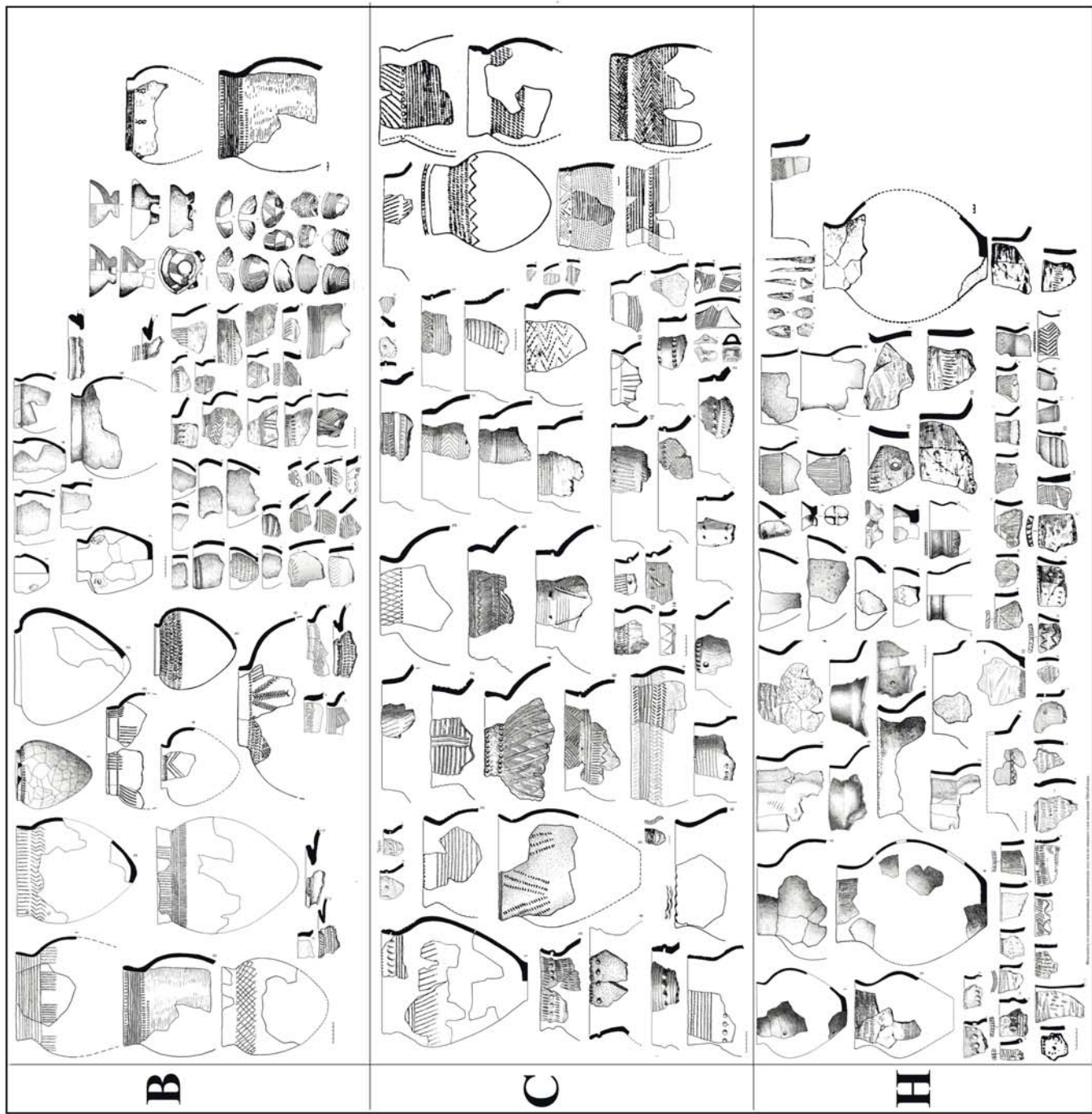

Рис. 197. Михайловское поселение, В - верхний слой, С - средний, Н - нижний.

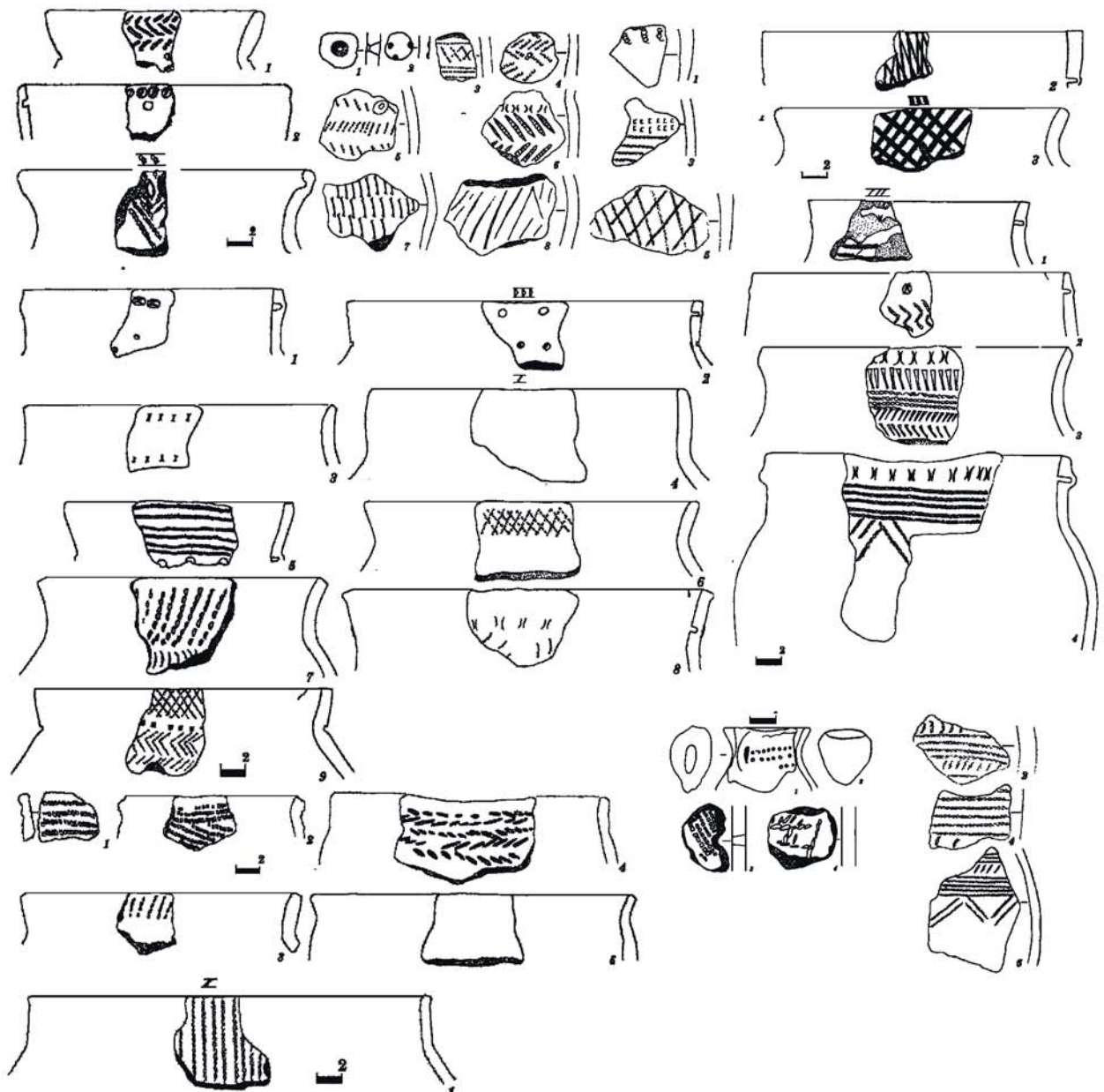

Рис. 198. Поселение Нижний Рогачик.

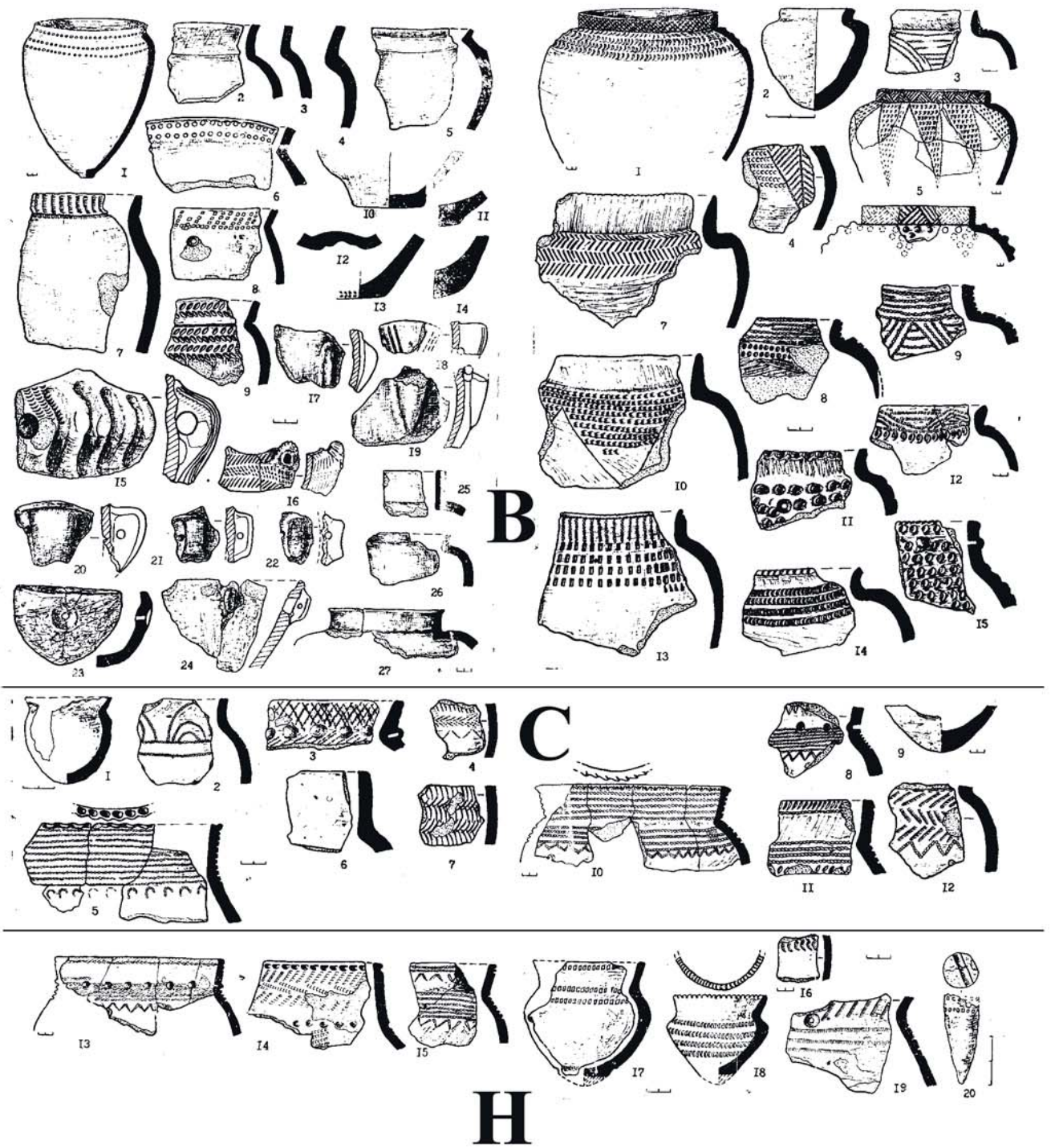

Рис. 199. Поселение Дурна Скеля. В - верхний слой, С - средний, Н - нижний.

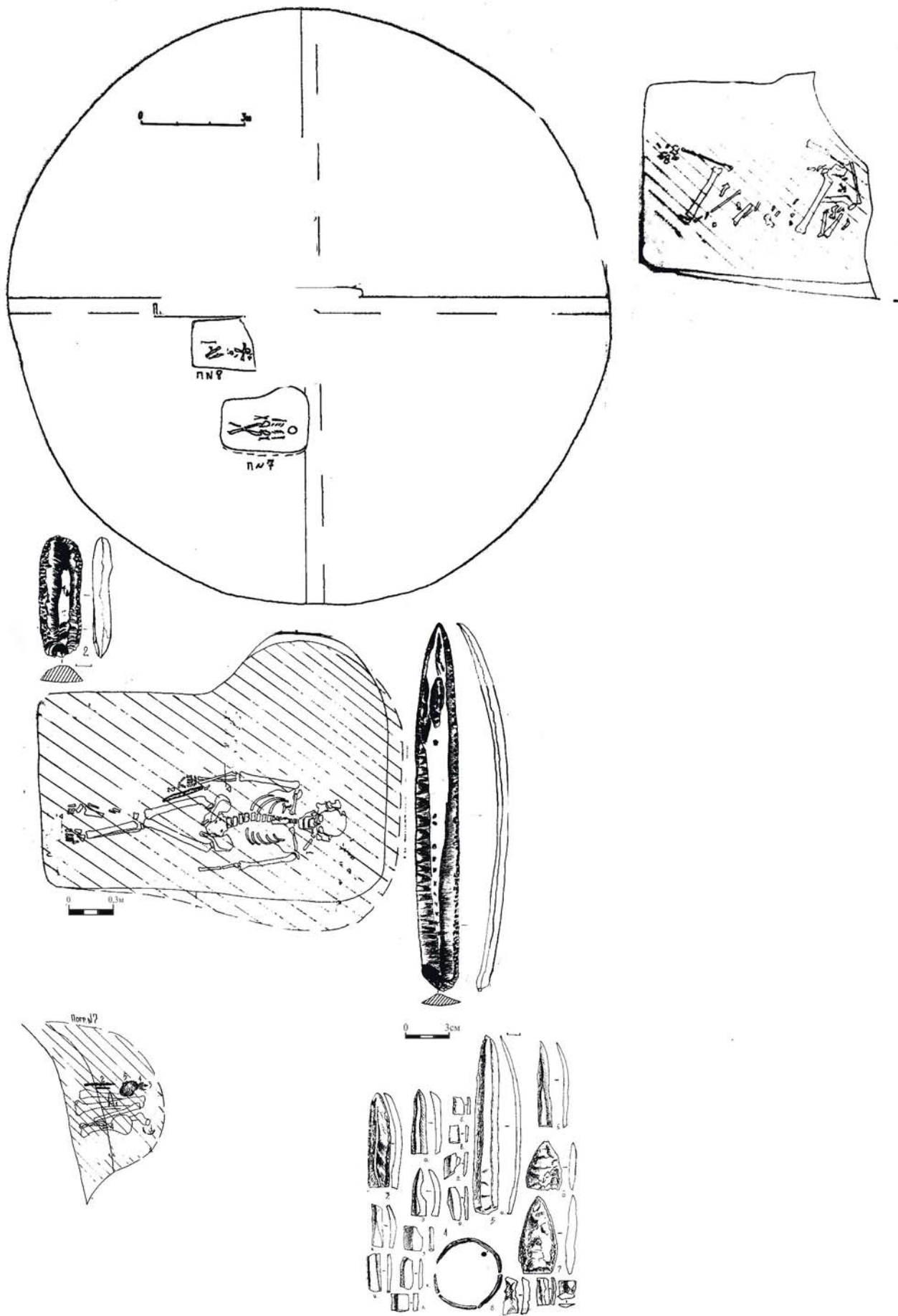
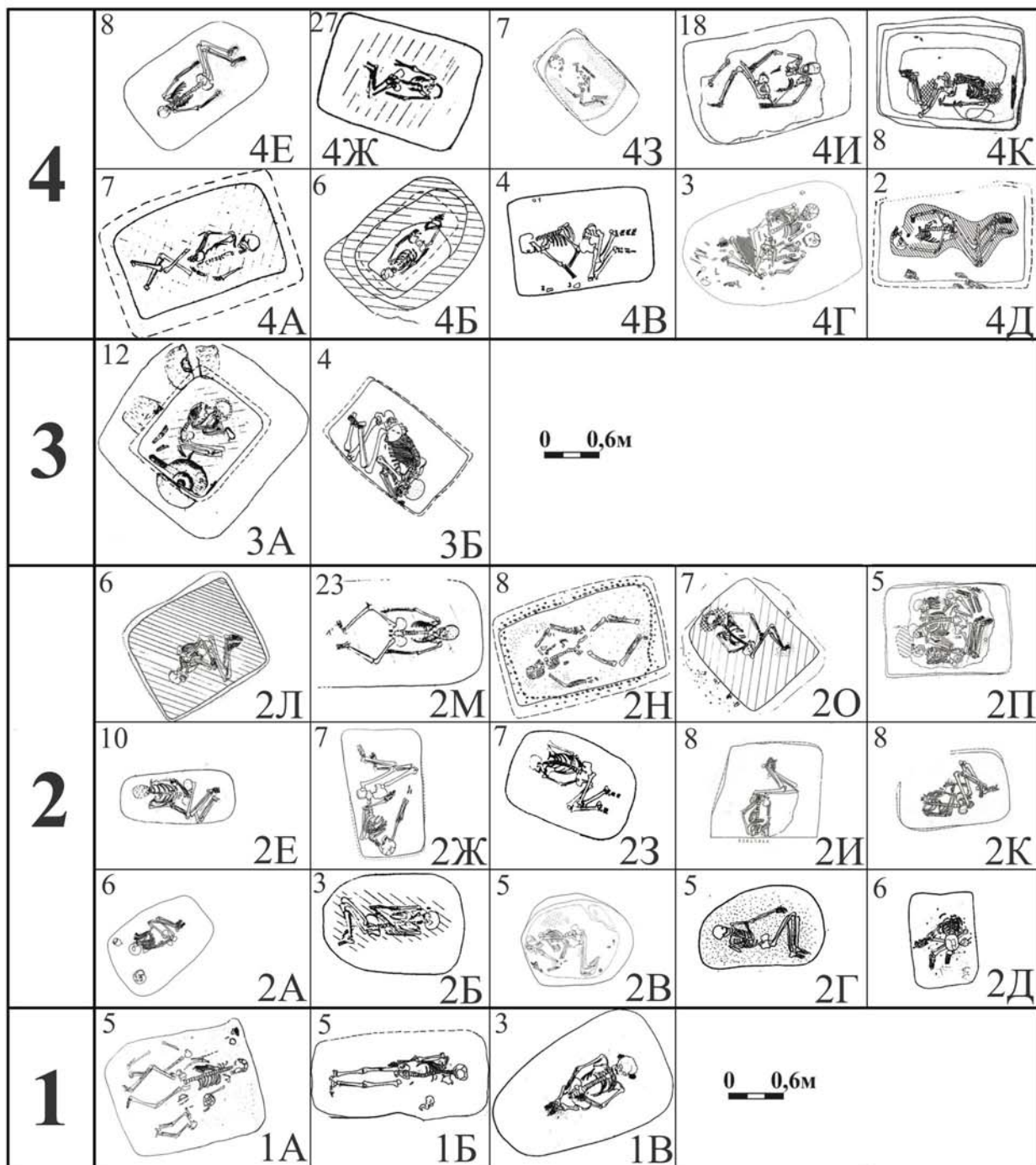

Рис. 200. Курганный могильник Перегрузное I, к.13, п.4, 7.

Условные обозначения:

№ отдела	5 - количество учтённых погребений
	№ типа - 1А

Рис. 201. Типология погребений энеолита - начала раннего бронзового века Левобережья Нижнего Подонья.

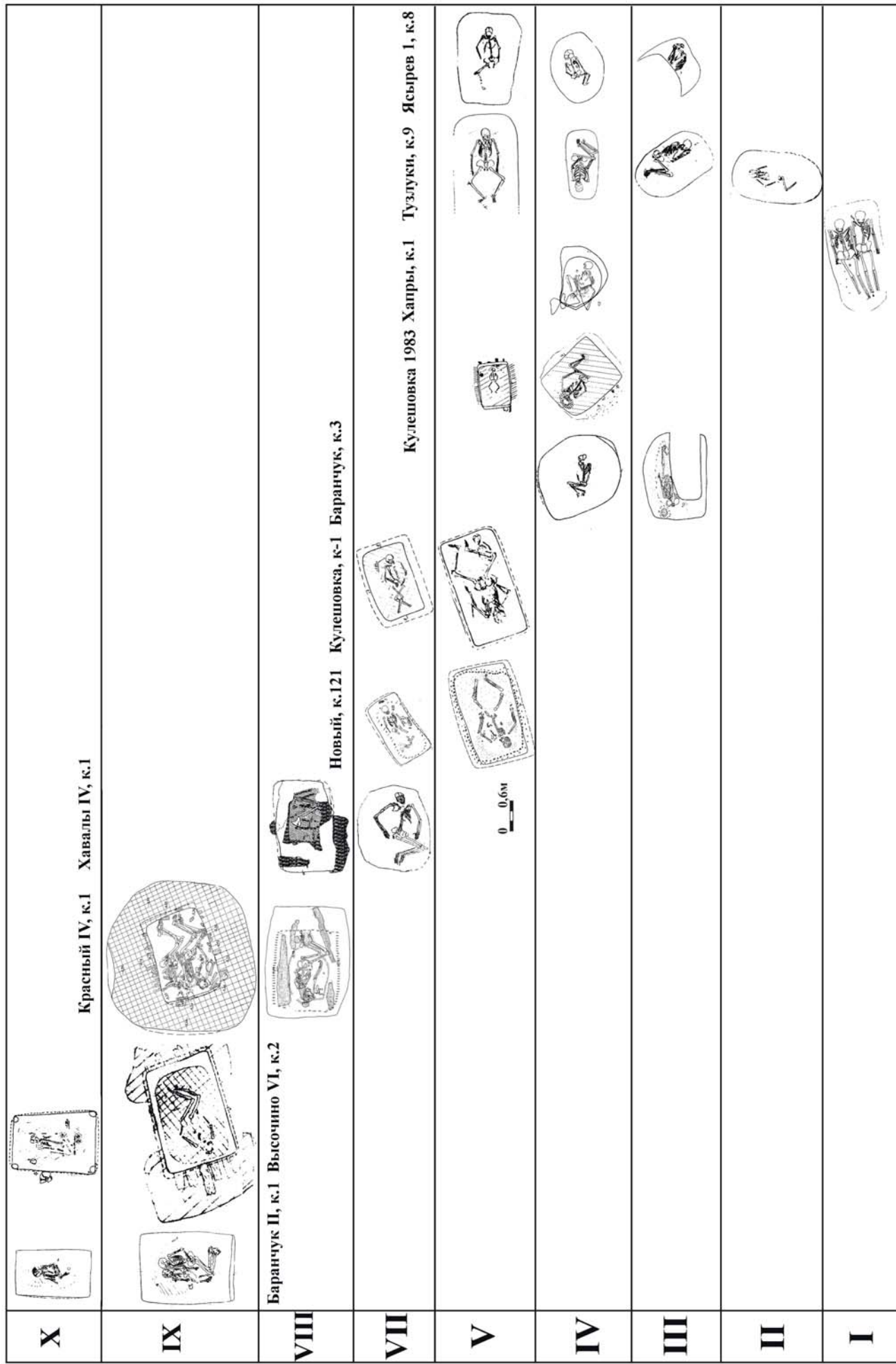

Рис. 202. Схема эволюции погребального обряда энеолита - раннего бронзового века Нижнего Подонья по данным стратиграфии.

Радутка, к.3 Тузлуки, к.9 Кулешовка Кулешовка, к.1 Москва I, к.1 Новоапалестинский II, к.3, к.4 Каменный II, Новый, к.121 Сонино, к.1 к.2

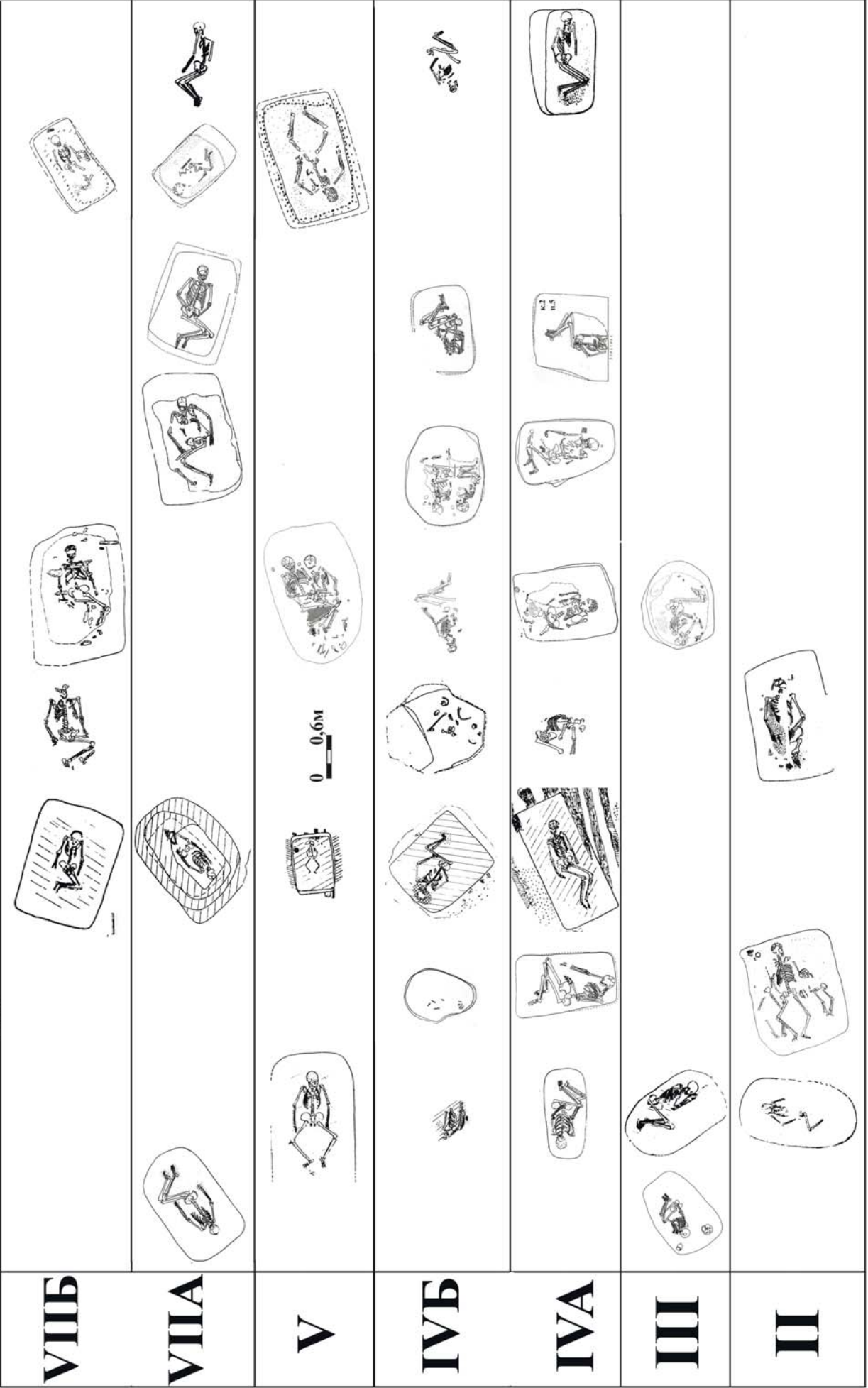
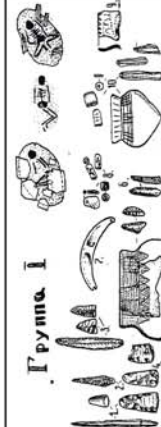

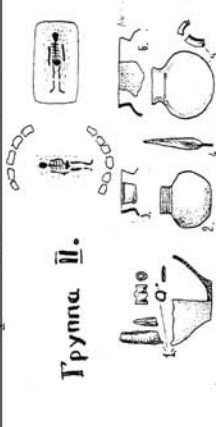
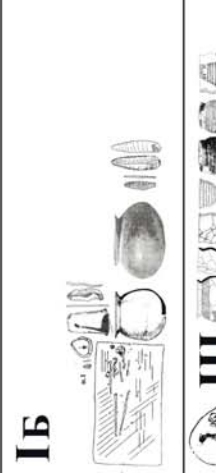
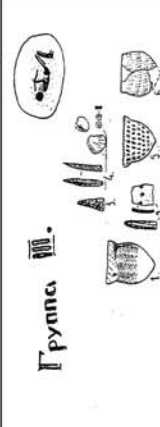
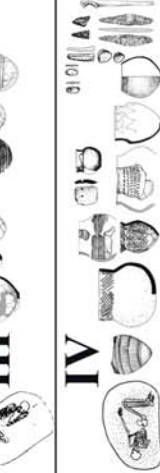
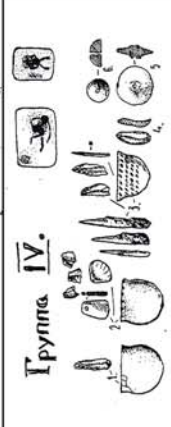
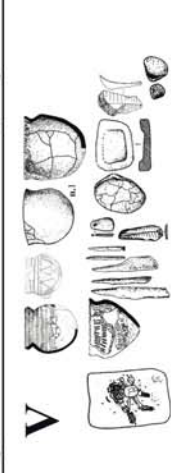

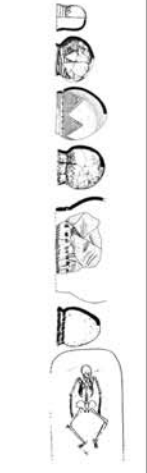
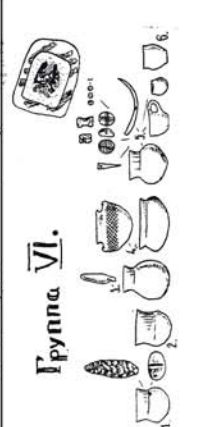
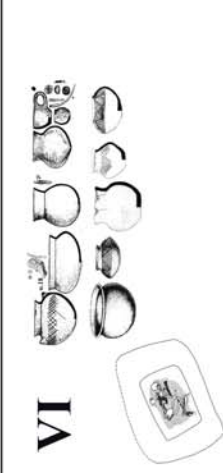

Рис. 203. Схема обрядово-стратиграфических групп II-VII Левобережья Дона с выделенными дополнительными горизонтами.

Княшко В.Я.

Файферт А.В.

<p>Группа I</p> 	<p>I</p>
<p>Группа II</p> 	<p>II</p>
<p>Группа III</p> 	<p>III</p>
<p>Группа IV</p> 	<p>IV</p>
<p>Группа V</p> 	<p>V</p>
<p>Группа VI</p> 	<p>VI</p>

Княшко В.Я.

Файферт А.В.

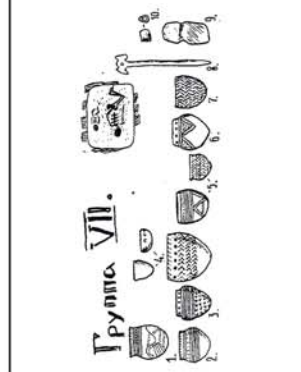
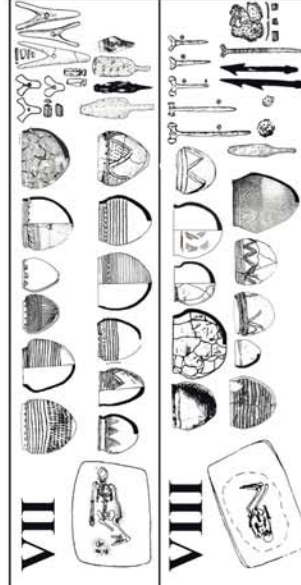

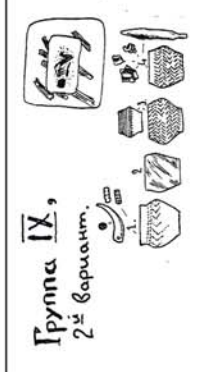

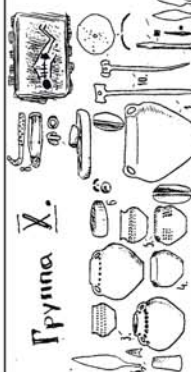

<p>Группа VII</p> 	<p>VII</p>
<p>Группа VIII</p> 	<p>VIII</p>
<p>Не подтвердилась</p>	
<p>Группа IX, 1^й вариант</p> 	<p>IX</p>
<p>Группа IX, 2^й вариант</p> 	<p>X</p>

Рис. 204. Сравнительная таблица соотношения схем групп В.Я. Княшко и обрядово-стратиграфических групп А.В. Файферта.

В.С. Яценко

В.Я. Княшко

<p>Группа I</p>	<p>Эн-1</p>
<p>Группа II.</p>	<p>Группа VII.</p>
<p>Группа III.</p>	<p>Группа VIII.</p>
<p>Группа IV.</p>	<p>Группа IX, 1^й вариант.</p>
<p>Группа V.</p>	<p>Группа IX, 2^й вариант.</p>
<p>Группа VI.</p>	<p>Группа X.</p>

В.С. Яценко

В.Я. Княшко

<p>Эн-1</p>	<p>Группа I</p>
<p>Эн-2</p>	<p>Группа II.</p>
<p>Эн-3</p>	<p>Группа III.</p>
<p>Эн-4</p>	<p>Группа IV.</p>
<p>Эн-5</p>	<p>Группа V.</p>
<p>Эн-6</p>	<p>Группа VI.</p>

Рис. 205. Сравнительная таблица соотношения схем обрядово-стратиграфических групп В.Я. Княшко и В.С. Яценко.

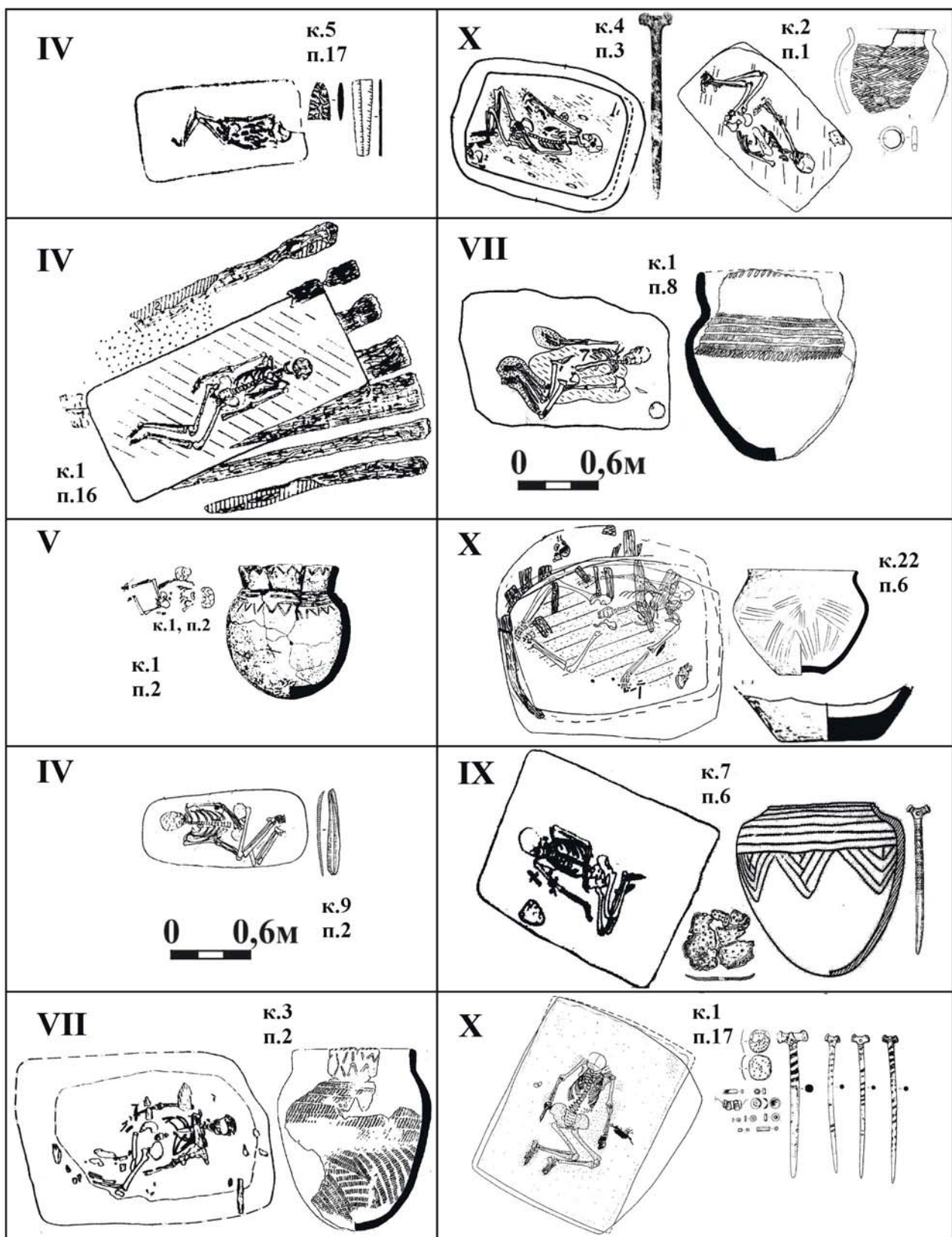

Рис. 206. Примеры идентичных поз погребённых разных стратиграфических групп. IV-X - номера стратиграфических групп. к.5, п.17 - Красногоровка; к.1, п.16 - Кулешовка; к.1, п.2 - Каракашево; к.9, п.2 - Тузлуки, к.3, п.2 - Новопалестинский II; к.4, п.3 - Первомайский; к.1, п.8 - Пустошкин I; к.22, п.6 - Семенкин; к.7, п.6 - Донской; к.1, п.17 - Воротилов I.

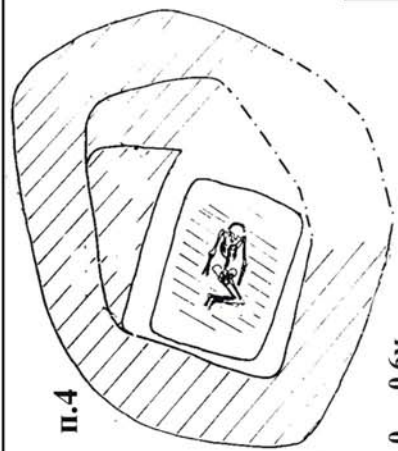
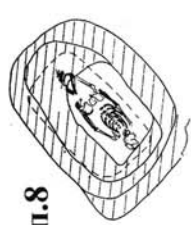
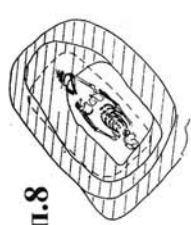

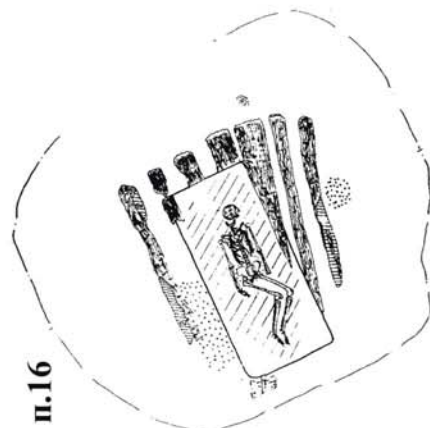
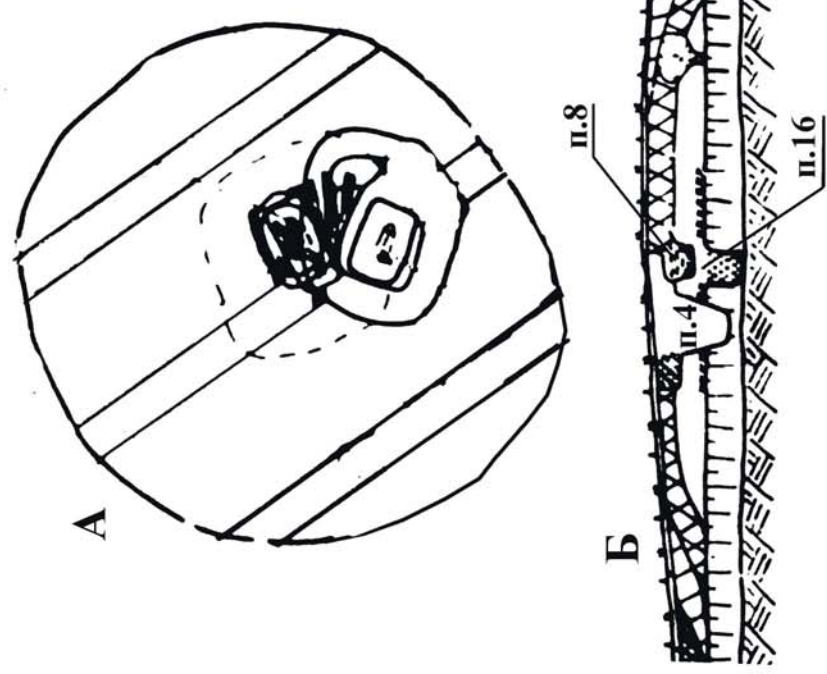
	Западный II	Кулешовка
VIIБ		 <p>п.4</p> <p>0 0,6м</p>
VIIА	 <p>п.8</p>	 <p>п.8</p>
IV		 <p>п.16</p>
		 <p>А</p> <p>Б</p> <p>п.4</p> <p>п.8</p> <p>п.16</p>

Рис. 207. Стратиграфия кургана I мог. Кулешовка и сравнение её с курганом I мог. Западный II. А - план центра кургана Кулешовка; Б - центральная бровка.

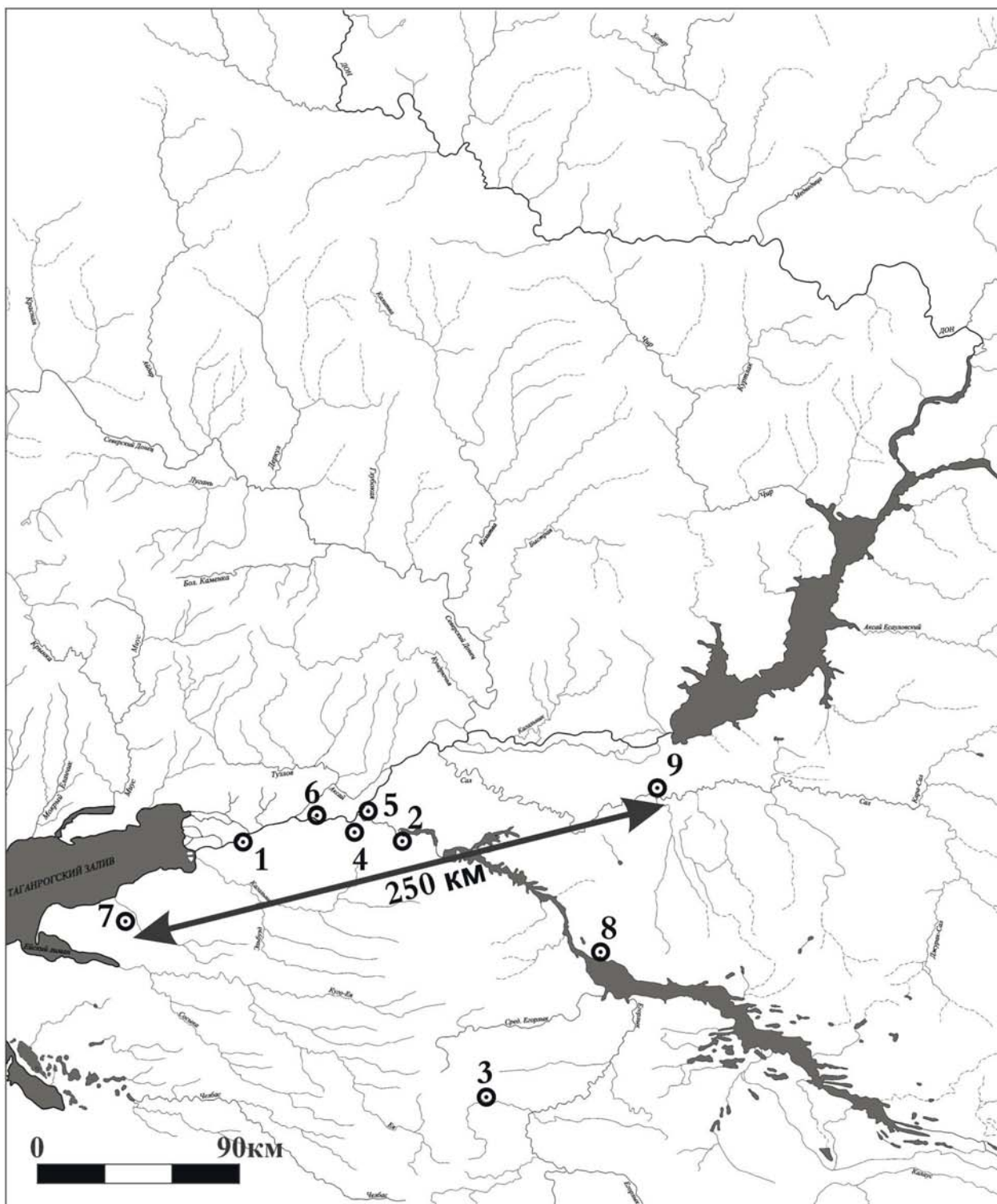

Рис. 208. Карта размещения важнейших могильников с погребениями койсугского типа: 1) Койсугский могильник и гр. Радутка; 2) Тузлуки; 3)Новопалестинский II; 4) Крепинский I; 5) Лысый; 6) Дюнное I; 7) Приморский I; 8) Каменный II; 9) Семёнкин.

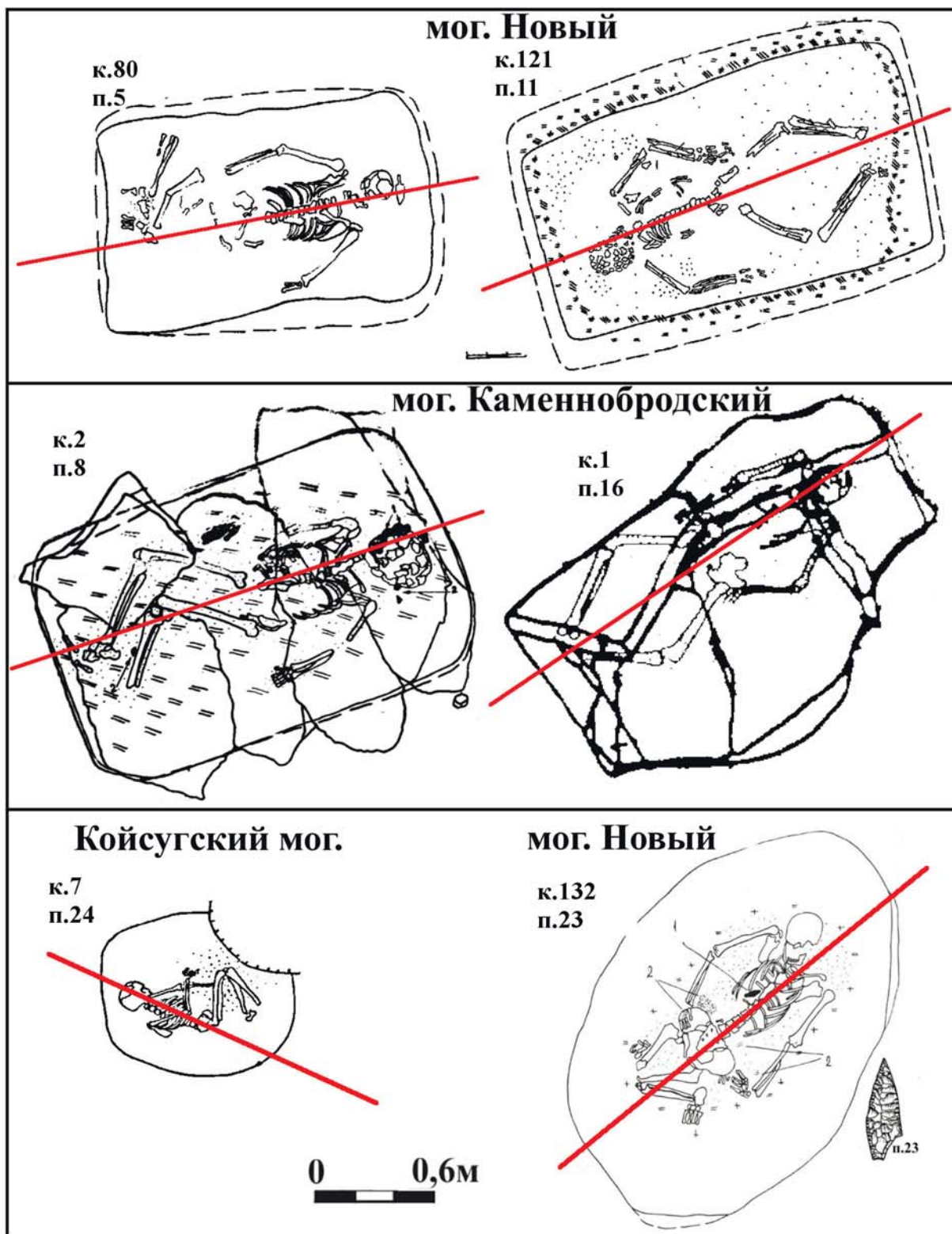

Рис. 209. Взаимосвязь позы погребённого и положения ступней относительно линии позвоночника.

Койсугский могильник	
VIIA	
V	
IVB	
IVA	
III	
II	

Рис. 210. Реконструкция последовательности совершения погребений в курганах 5 и 7 Койсугского могильника на основе соотнесения со стратифицированными памятниками.

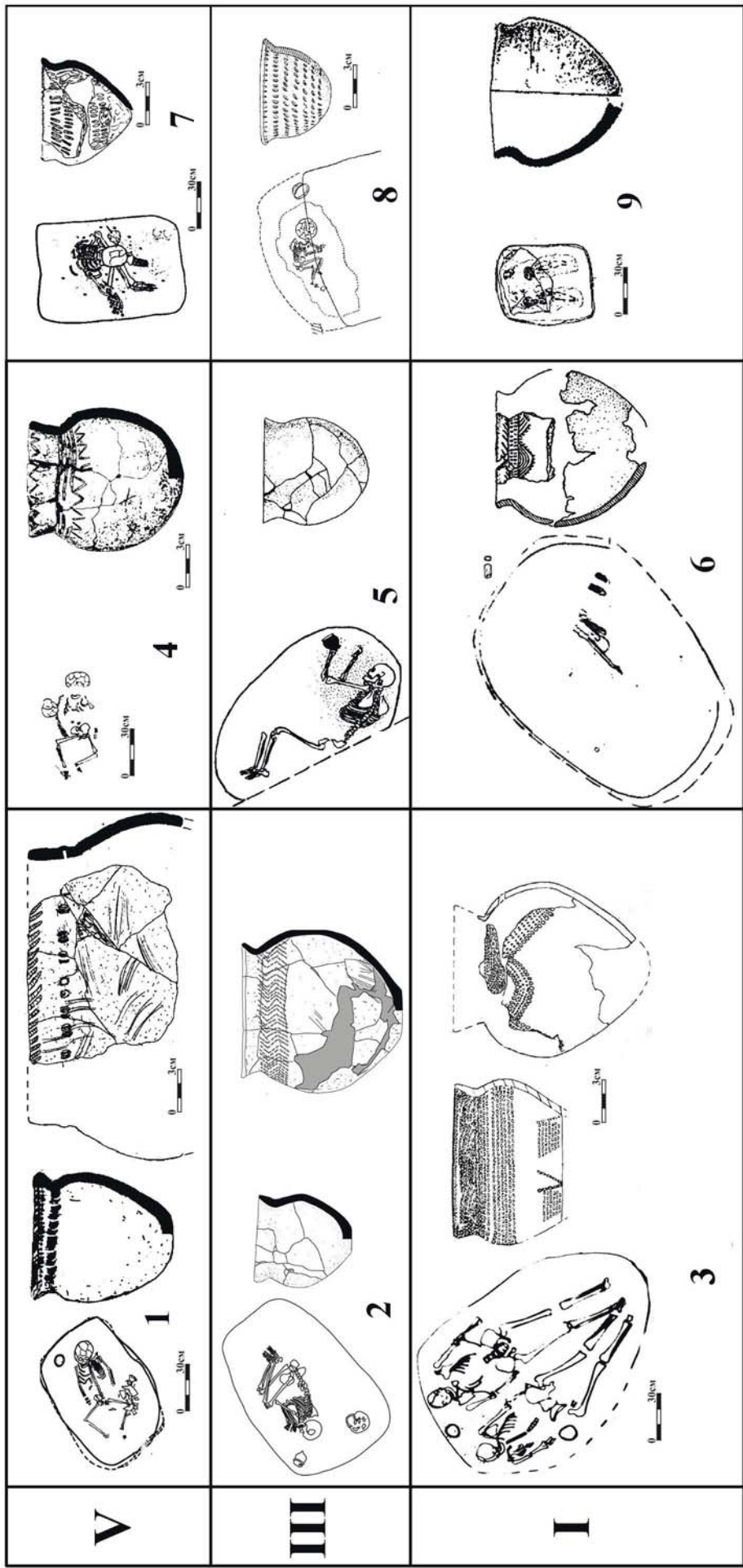

Рис. 211. Погребения койсугского типа I, III, V обрядово-стратиграфических групп с керамикой. 1 - Петровка, к.1, п.4; 2 - Радутка, к.3, п.10; 3 - Семенкин, к.3, п.7; 4 - Каракашево, к.1, п.2; 5 - Маргышкина Балка, п.90; 6 - Тузлуки, к.9, п.31; 7 - Койсуг, к.5, п.23; 8 - Лысый, п.29; 9 - Золотые Горки V, к.3, п.5.

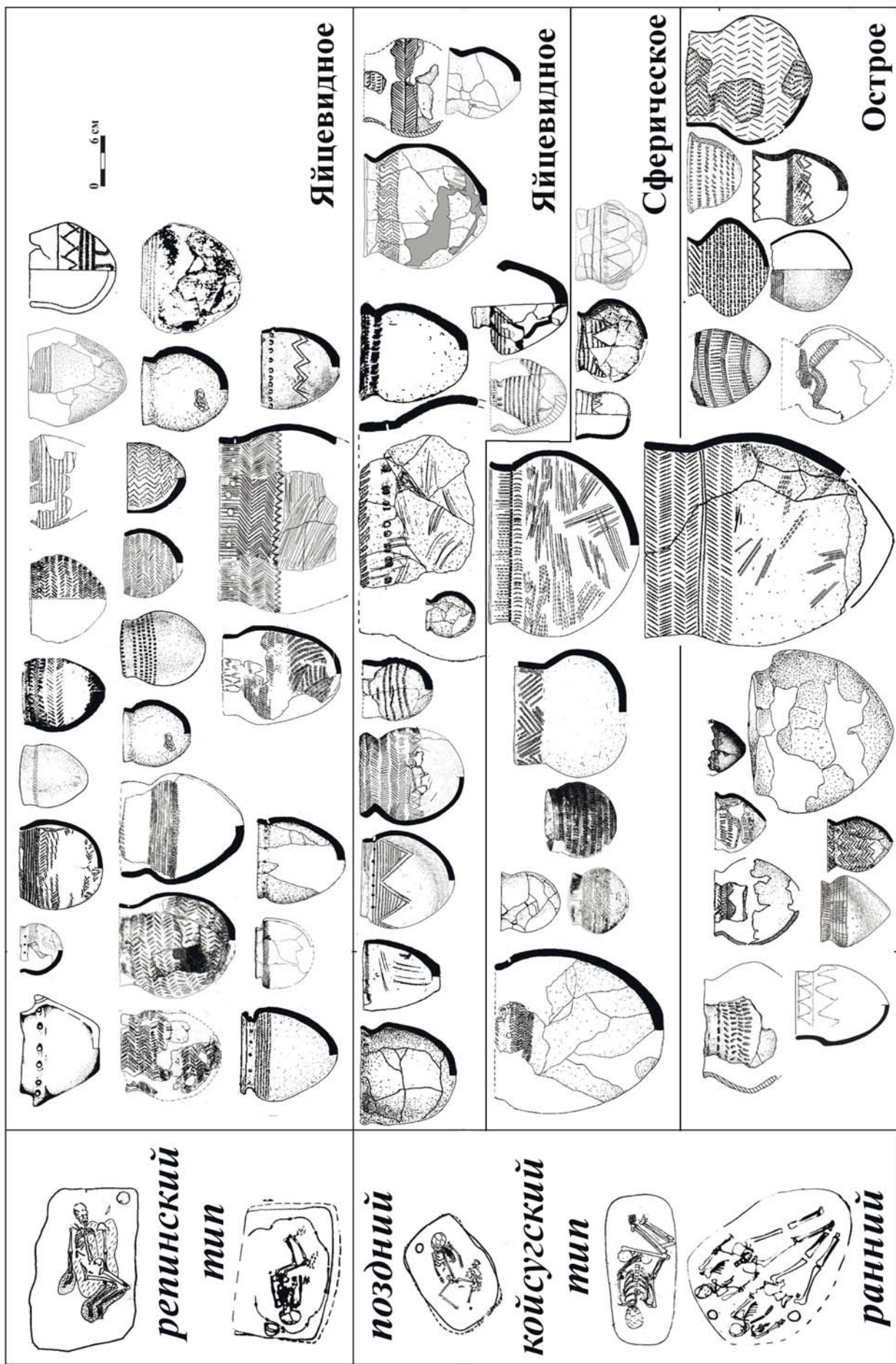

Рис. 212. Схема эволюции керамики энеолита - раннего бронзового века на основе стратиграфии курганных погребений Левобережья.

Койсугский мог.

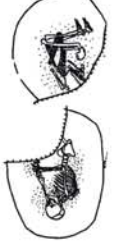

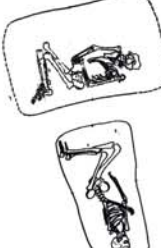

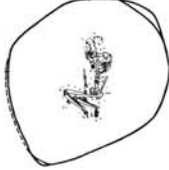

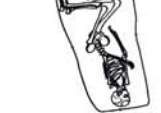

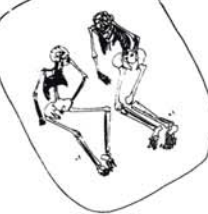
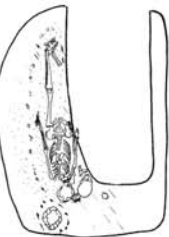

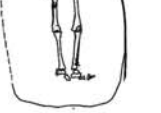

VPA		Дюнное I	
V			
IVB			Семенкин, к.3 Баранчук, к.3 Ясырев III, к.5 Кулешовка-Дачи Алитуб, к.3 Новый, к.34
IVA			
III II (IB)			
IA			

Рис. 213. Таблица стратиграфического положения вытянутых и слабоскорченных погребений I-III обрядово-стратиграфических групп Левобережья.

	Койсуг к.7	Тузлуки к.9	Новопал. II к.1	Крепин. I к.1	Лысый	Дюнное I гр. м.	Приморский I к.1	Каменный II к.2	Семенкин к.10
VIIA			 0 0,6m						
V									
IVB									
IVA									
III									
II									

Рис. 214. Обрядово-стратиграфические группы койсугского типа погребений Левобережья Дона.

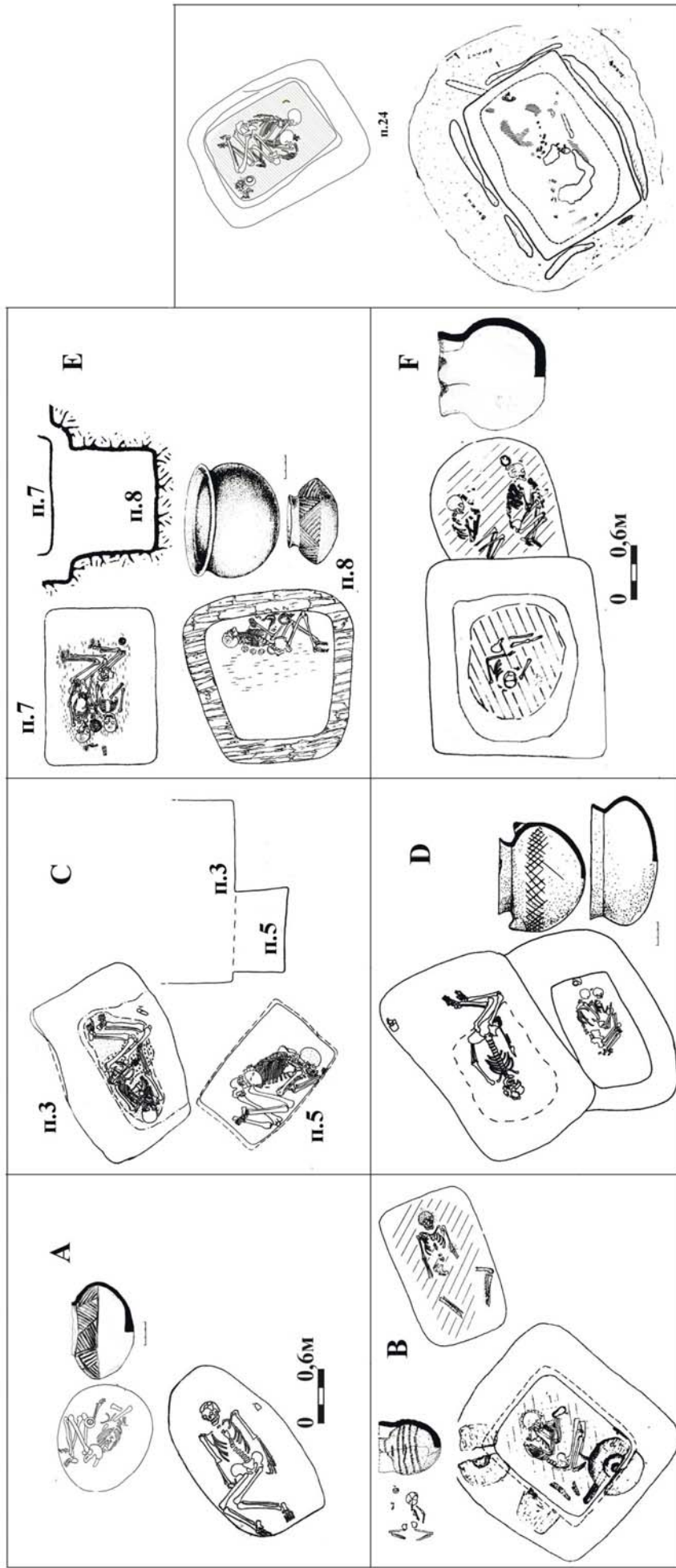

Рис. 215. Подборка стратиграфических соотношений погребений типа Радутки. А - Козинка, к.13; В - Колдыри, к.14; С - Оградный, к.11; D - Койсуг, к.7; E - Шахевский II, к.3; F - Западнка, к.1. Радутка, к.1, п.10, 24. (сверху - впускное погребение, внизу - основное).

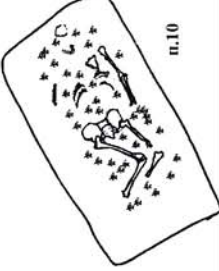

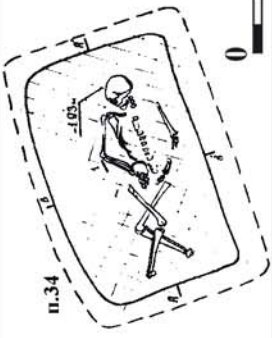
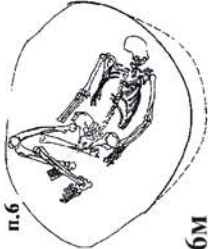

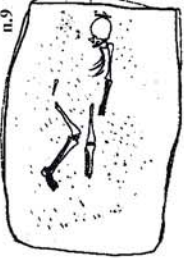
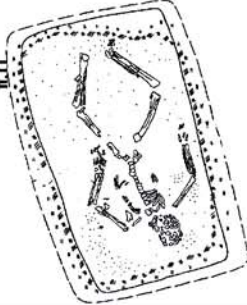
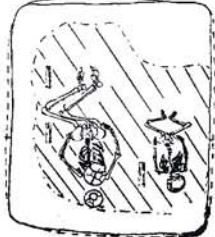

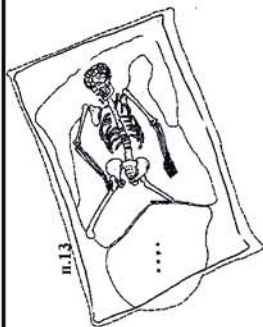
	Новый, к.121	Красногоровка III, к.12	Кулешовка, к.1	Приморский, к.1	Новопалестинский II, к.1	Дубенцы V, к.1
VIB	 п.4	 п.10				 п.10
VIIA	 п.8	 п.8	 п.34	 п.6	 п.10	 п.9
V	 п.11	 п.15	 п.9	 п.13		

Рис. 216. Статиграфическое соотношение поздних койсугских (V группа) и раннеямных погребений (VII группа) Левобережья Нижнего Дона.

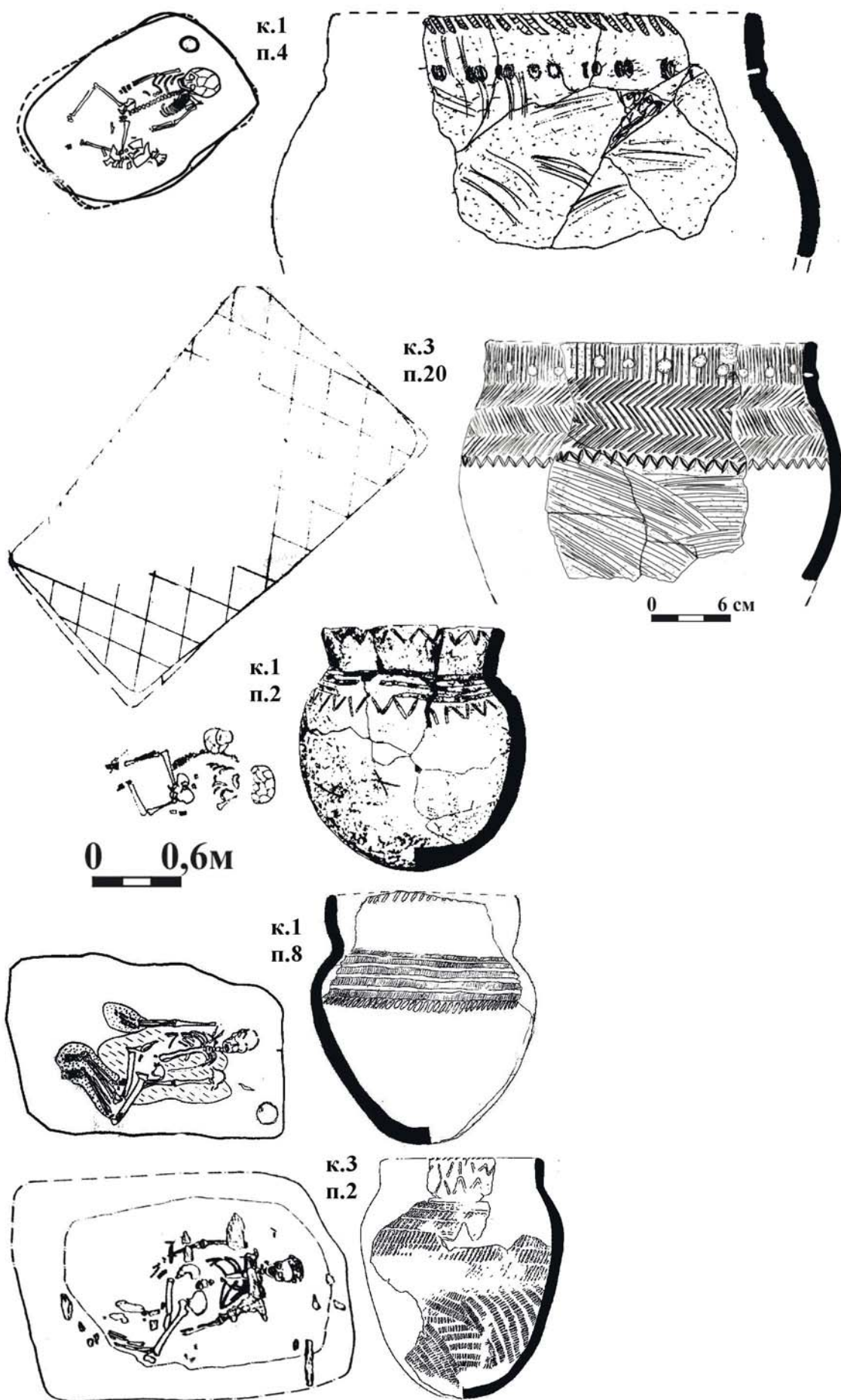

Рис. 217. Погребения с чашевидными и верхними частями сосудов. Петровка, к.1, п.4; Кулешовка 1986, к.3, п.20; Каракашево, к.1, п.2; Пустошкин I, к.1, п.8; Новопалестинский II, к.3, п.2.

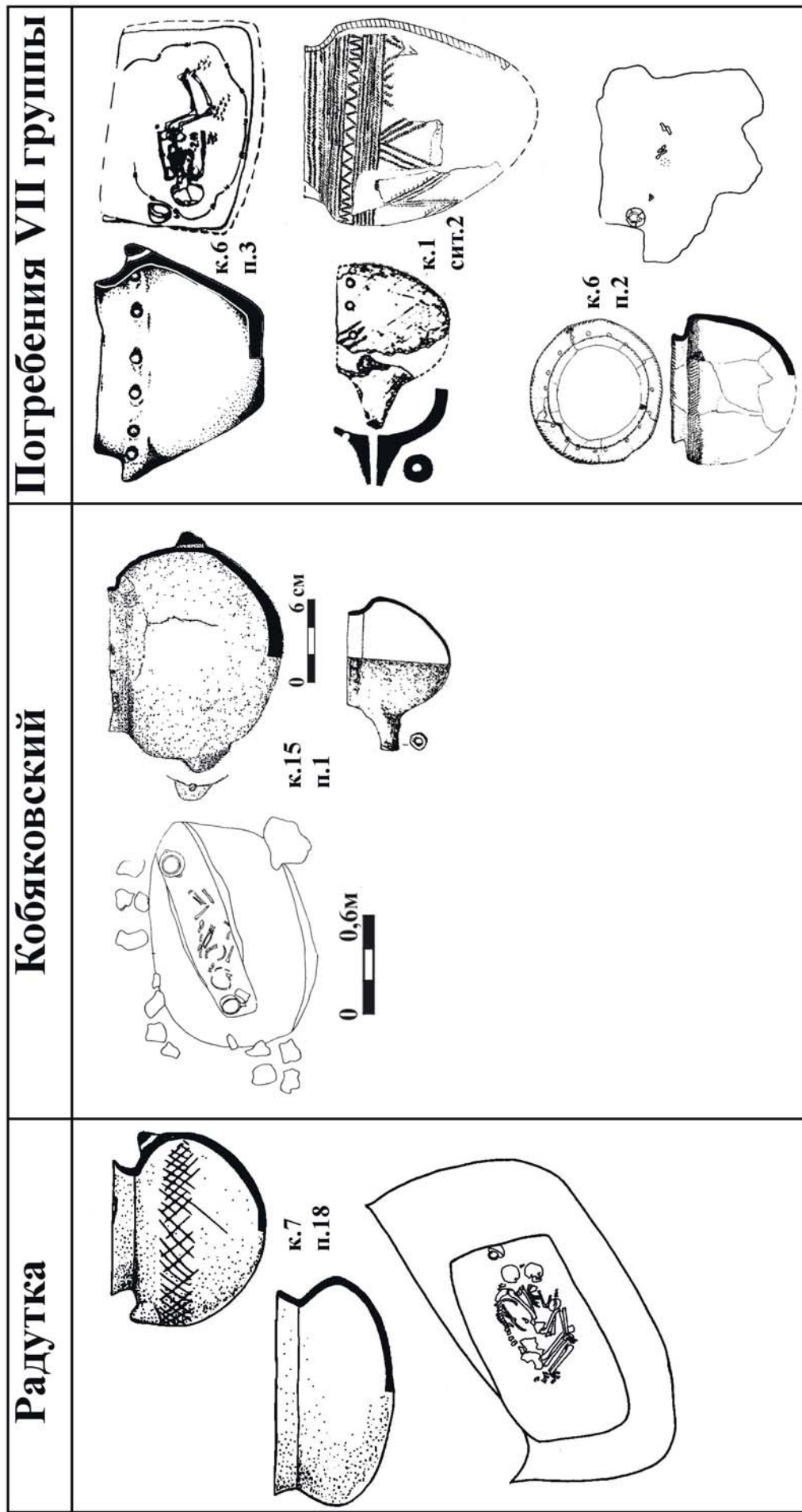

Рис. 218. Сравнение керамики из погребений типа Радутки и раннеямных комплексов с западной ориентировкой. Койсуг, к.7, п.18; Кобяковский, к.15, п.1; Отрадный II, к.6, п.3; Дарьевка, к.1, сиг.2; Кировский I, к.6, п.2.

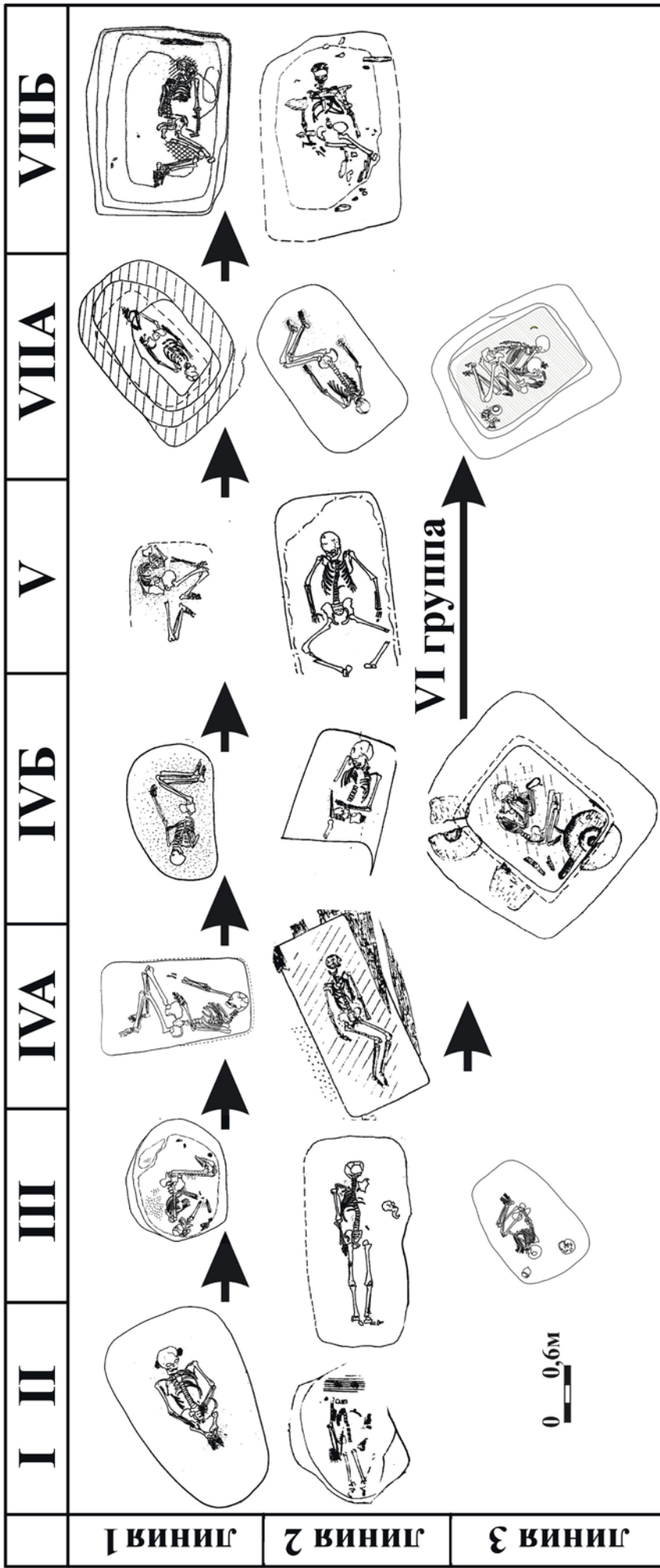

Рис.219. Схема эволюции погребального обряда I-VII групп и погребений типа Радутки (VI группа). Предполагаемые линии развития погребального обряда.

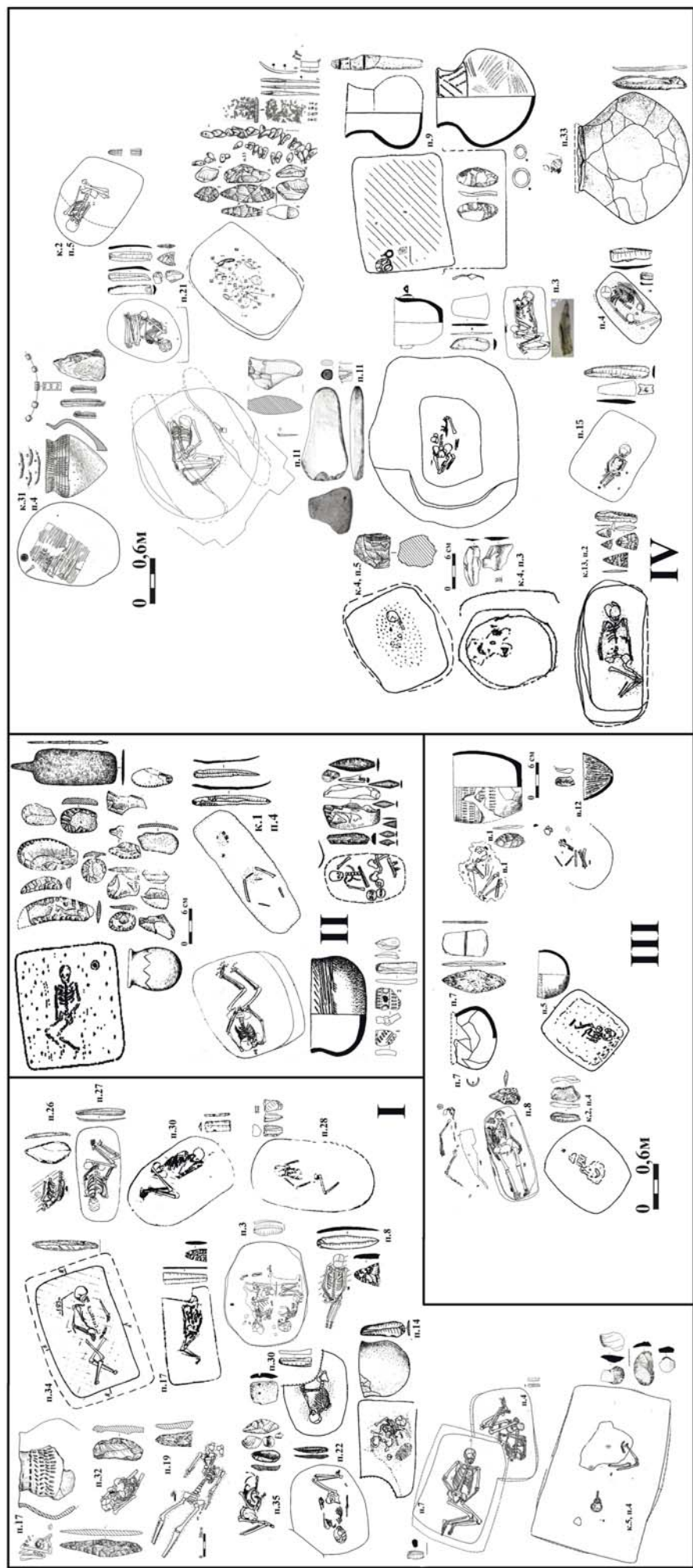

Рис. 220. Полная подборка неолитических погребений Нижнего Подонья с кремневым инвентарём. I - погребения койсугского типа Левобережья; II - Средний Дон; III - погребения константиновской культуры из окрестностей г. Ростова-на-Дону; IV - погребения константиновской культуры нижнего течения р. Северский Донец и р. Сал.

I. n.17, n.32, n.19 - Дюнное I; n.35, n.22, n.14, n.30 - Койсугский; n.7, n.4, к.5, n.4 - Каменный II; n.34 - Кулешовка; n.17, n.8 - Красногородка I; n.3 - Новопалестинский II; n.26, n.27, n.30, .28 - Тузлуки.

II. n.5 - Павловский; n.4 - Таганский; к.1, n.4 - Лаповский; n.21 - Терешковский Вал.

III. n.7, n.8 - Вертолётное Поле; к.2, n.4, n.5, n.1, n.12 - Берданосовка.

IV. к.4, n.5 - Упраздо-Кагальницкий II; к.4, n.3 - Мокрый Керчик I; к.13, n.2, к.4, n.3, к.14, n.15 - Кастырский VIII; к.31, n.4 - Попов; n.11 - Лаутник II; n.21 - Рябичев; к.2, n.5 - Ажитов I; к.132, n.13 - Новый; n.9 - Тяньши; n.3, n.33 - Богоявленовский I; n.4 - Золотые Горки I.

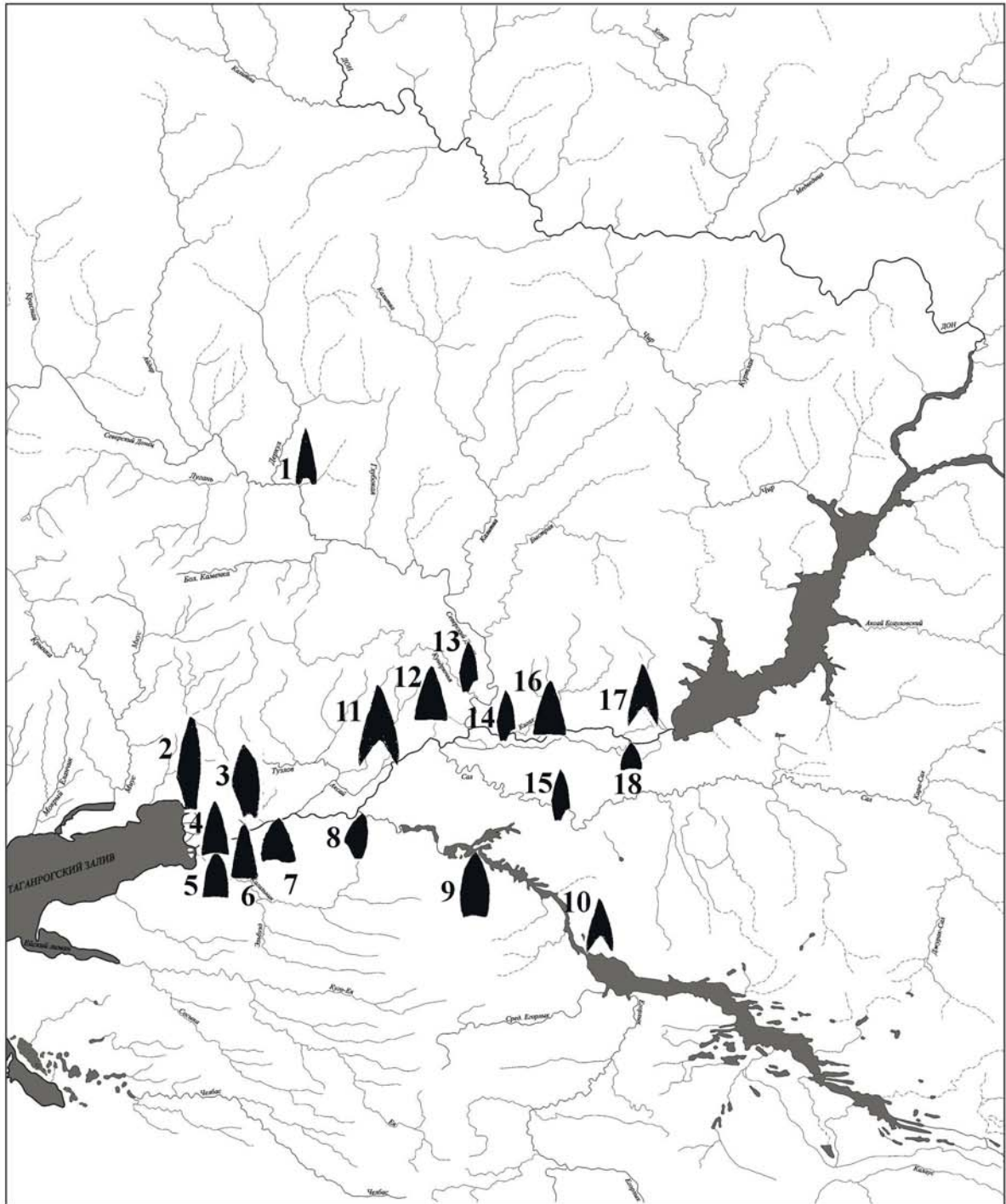

Рис. 221. Результат картографування наконечників із енеолітичних пам'яток Нижнього Подоння. 1 - Закатное I, к.1, п.8; 2 - Недвиговский III, к.1, п.1; 3 - Каратаево-Сады, к.1, насыпь; 4 - Елизаветовка, к.131, п.1; 5 - Красногоровка III, к.5, п.17; 6 - Койсуг, к.7, п.12; 7 - Заливное, сборы; 8 - Пустошкин I, к.1, насыпь; 9 - Красный Октябрь, сборы; 10 - Каменное I, сборы; 11 - Поляков, к.1, п.5; 12 - Раздорское, п.2; 13 - Нижнекундрюченская, сборы; 14 - Константиновское; 15 - Новый, к.132, п.23; 16 - Кастырский VIII, к.13, п.2; 17 - Камышевский, к.20, п.3; 18 - Рябичев, к.3, п.21.

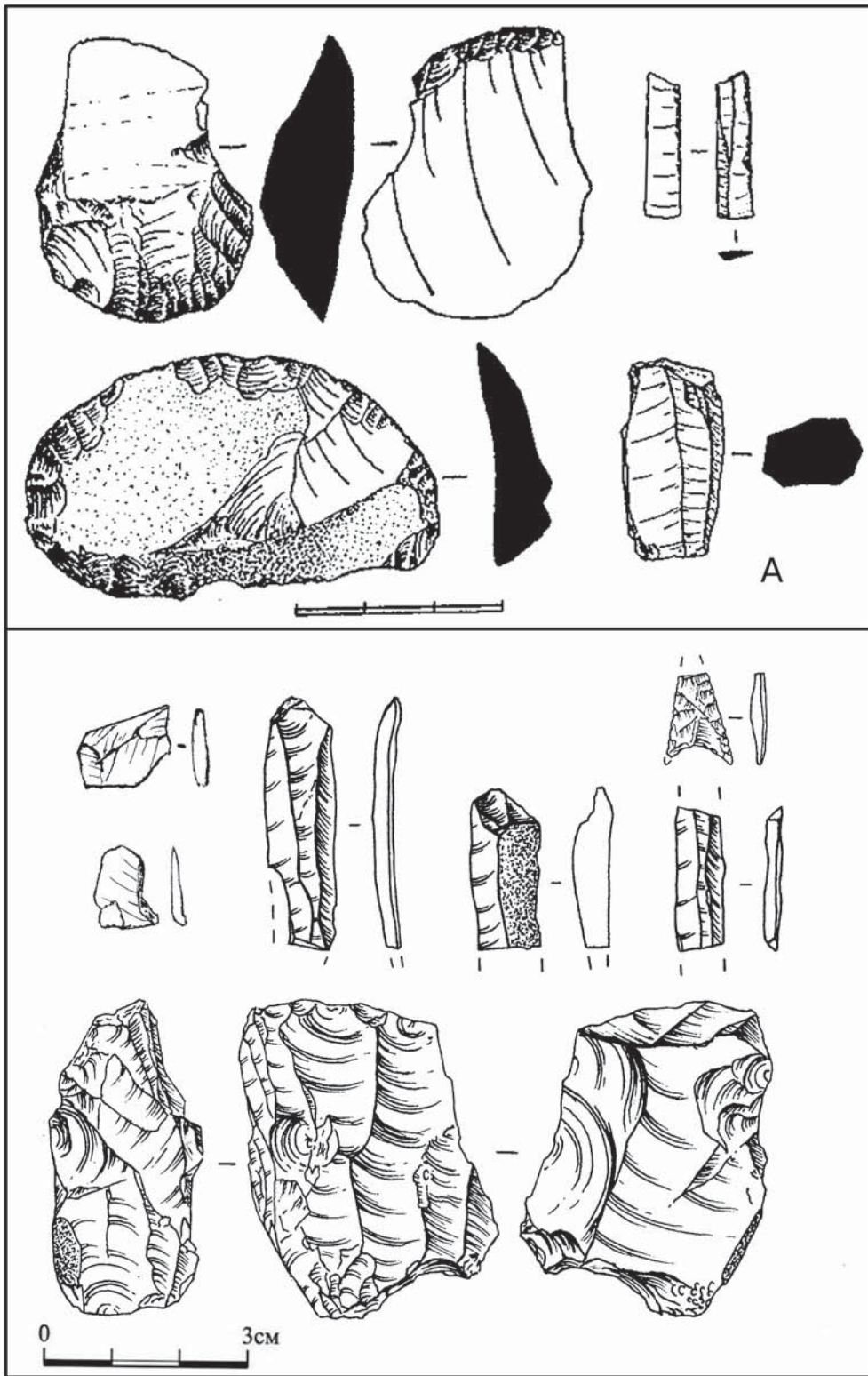

Рис. 222. А - инвентарь погребений из могильника Каменный II;
 Б - сборы на поселении Каменное I. Рисунки Ю.Н. Зорова.

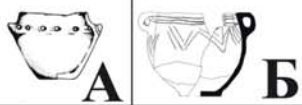
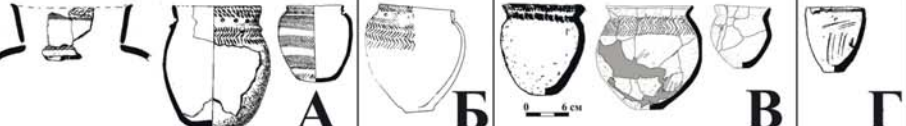

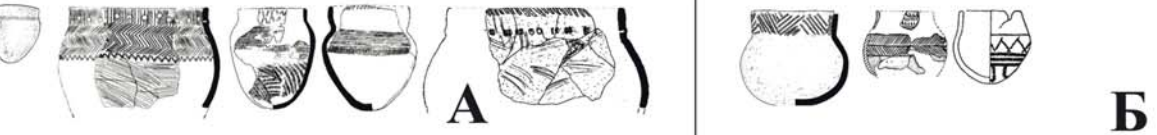

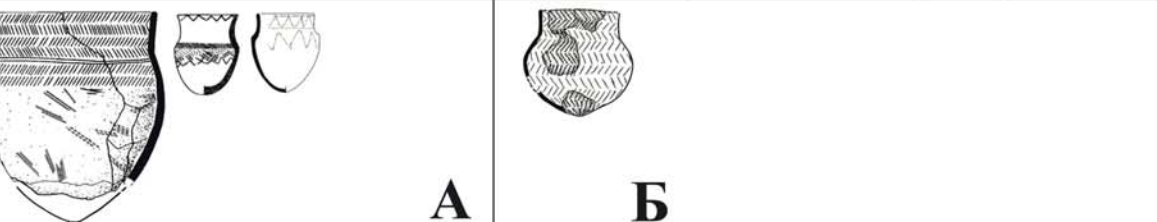

ОТДЕЛ	ГРУППА	ТИП
I	1	
	2	
II	3	
	4	
	5	
	6	
	7	
	8	
	9	
III	10	

Рис. 223. Типология керамики энеолита и раннего этапа ямной культуры Нижнего Подонья.

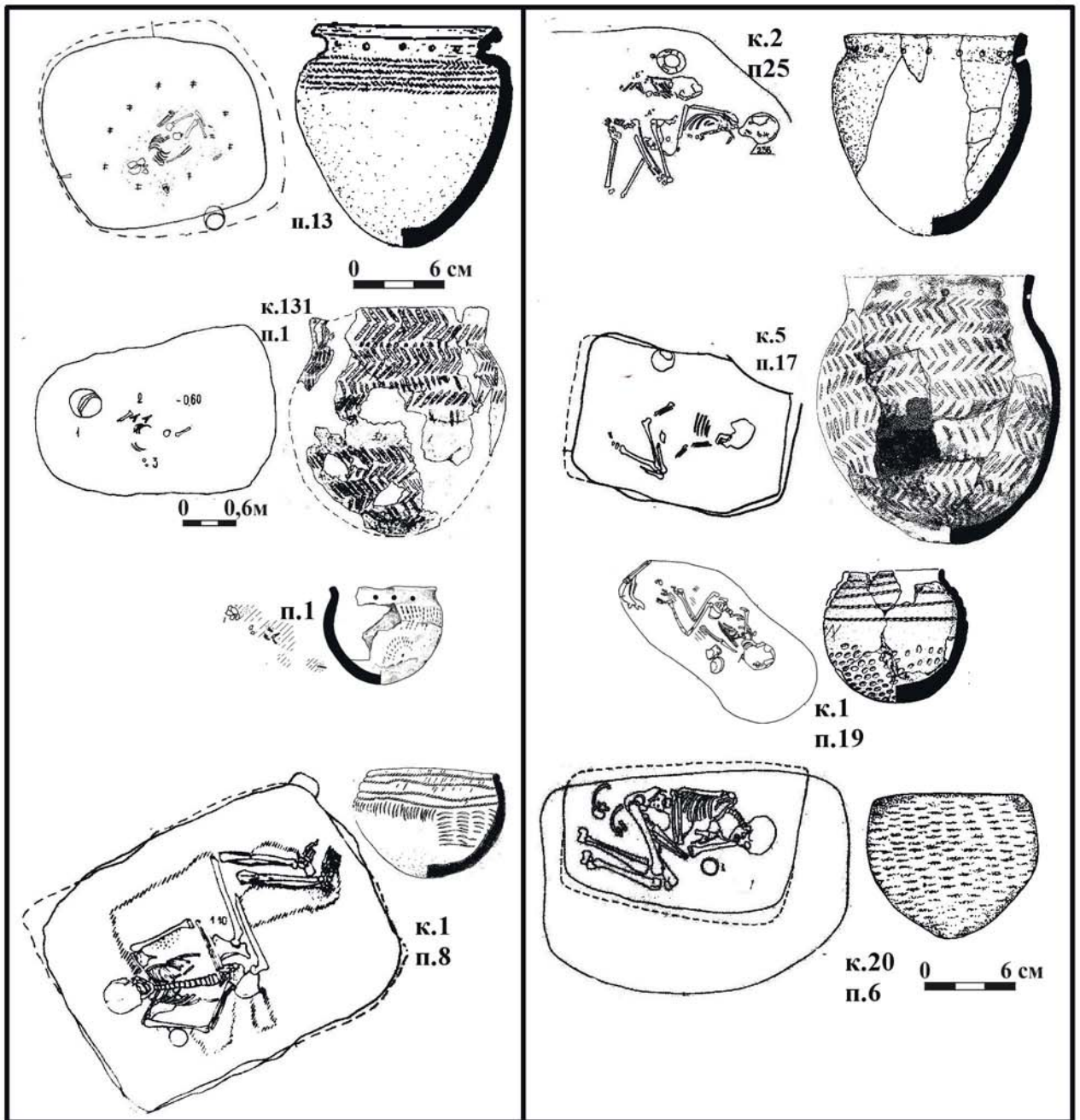

Рис. 224. Погребения с западной и восточной ориентировками раннего этапа ямной культуры (VII группа) с керамикой репинского типа. Ильинов, к.1, п.13; Новый, к.131, п.1; Лагутник II, к.1, п.1; Ливенцовский VII, к.1, п.8; Искра I, к.2, п.25; Новый, к.5, п.17; Лагутник II, к.1, п.19; Камышевский, к.20, п.6

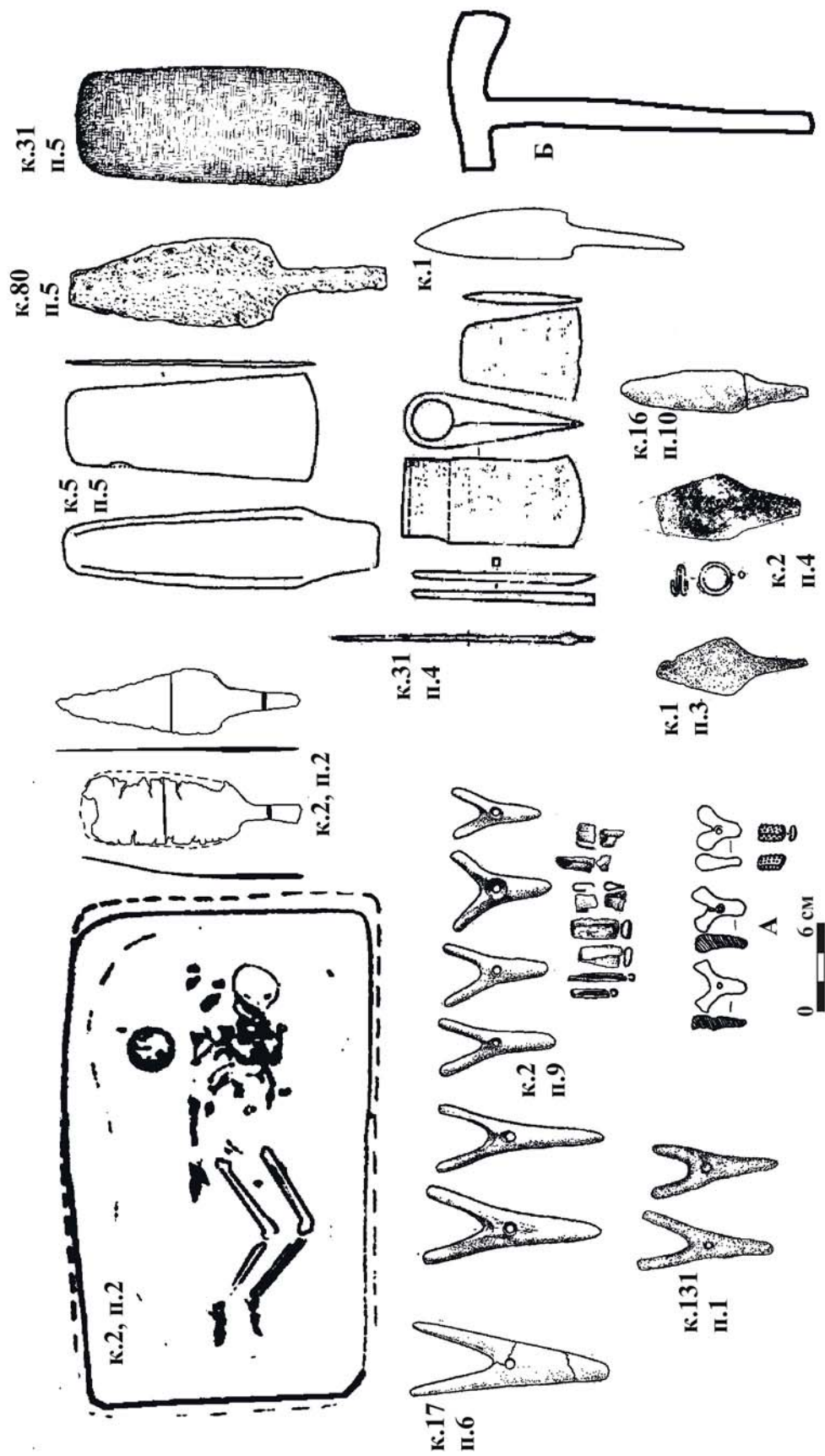

Рис. 225. Подборка костяных и металлических изделий и их изображений из погребений раннего этапа ямной культуры Нижнего и Среднего Подонья.
 к.2, п.2 - Колдыри; к.5, п.5 - Кастырский VIII; к.80, п.5 - Новый; к.31, п.4, п.5 - Павловский I; к.17, п.6 - Алитуб;
 к.2, п.9 - Холодный IV; к.131, п.1 - Новый; А - Ураздно-Кагальницкий III, бн; к.1, п.3 - Повка V; к.1 - Круча, изваяние;
 Б - Скосырская, изваяние; к.2, п.4 - Мал. Мартыновка; к.16, п.10 - Алитуб;

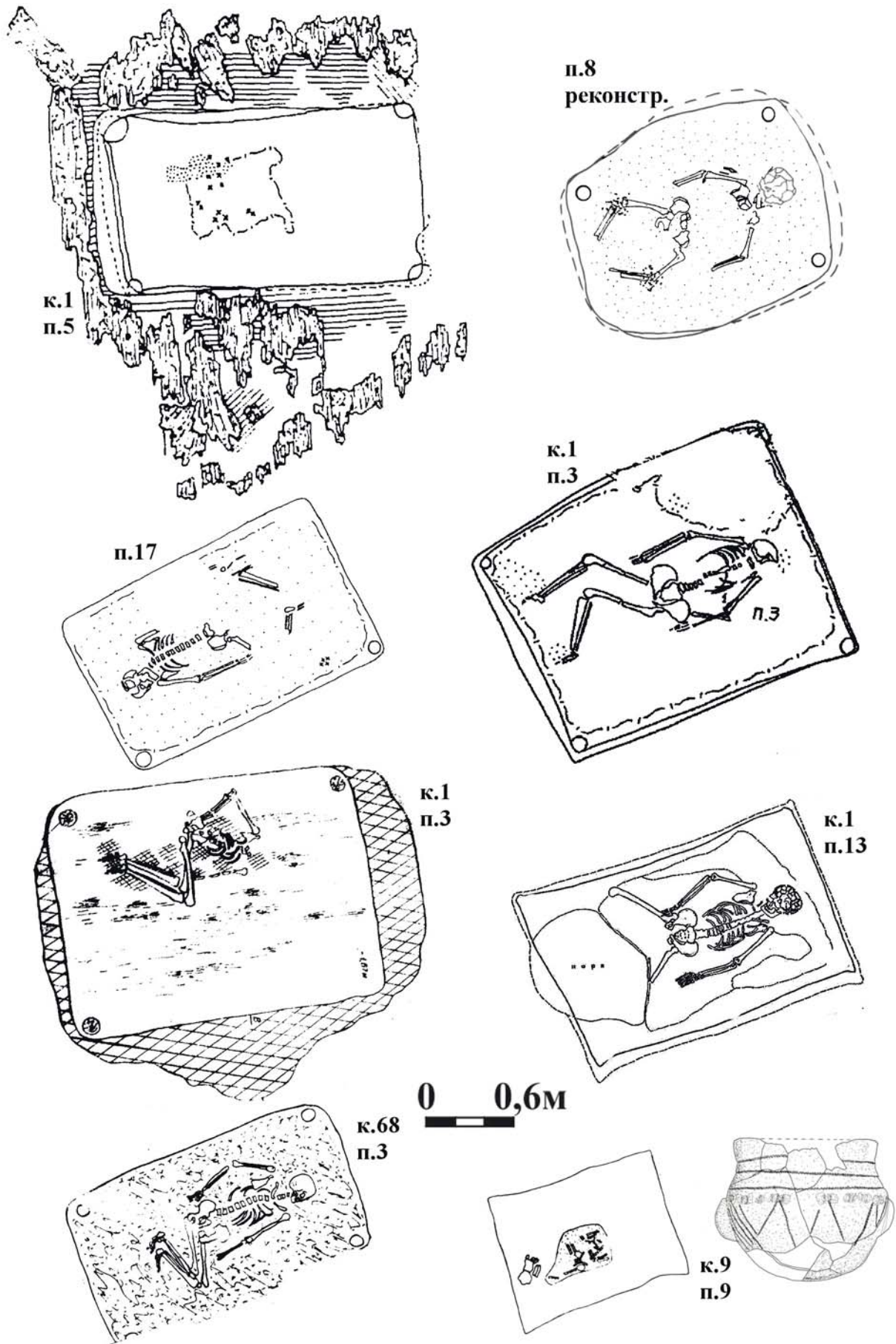

Рис. 226. Подборка погребений IV-VII групп Прав- и Левобережья со столбовыми ямками или с выделенными углами. Поляков, к.1, п.5; Большенаполовский VIII, к.1, п.10; Песковский, к.1, п.3; Жутово, к.68, п.3; Полевой Стан I, к.1, п.8; Парижский, к.1, п.3; Новопалестинский II, к.1, п.13; Отрадный XIII, к.9, п.9.

Поляков, к.1

Западный II, к.1

Малая Лощина, к.1

Ростов, к.9

Ростов, к.11

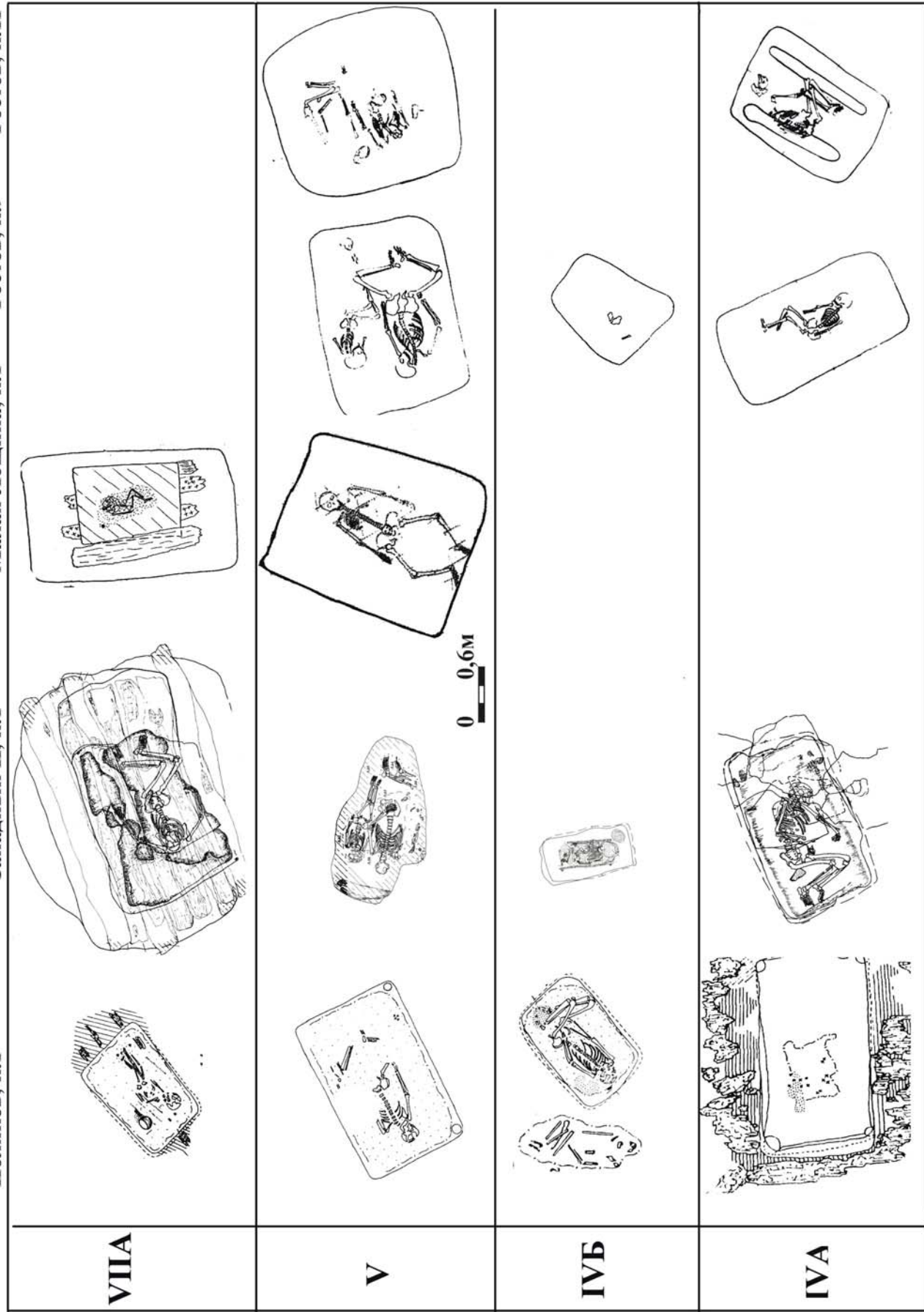

Рис. 227. Стратиграфия погребений койсугского типа Правобережья.

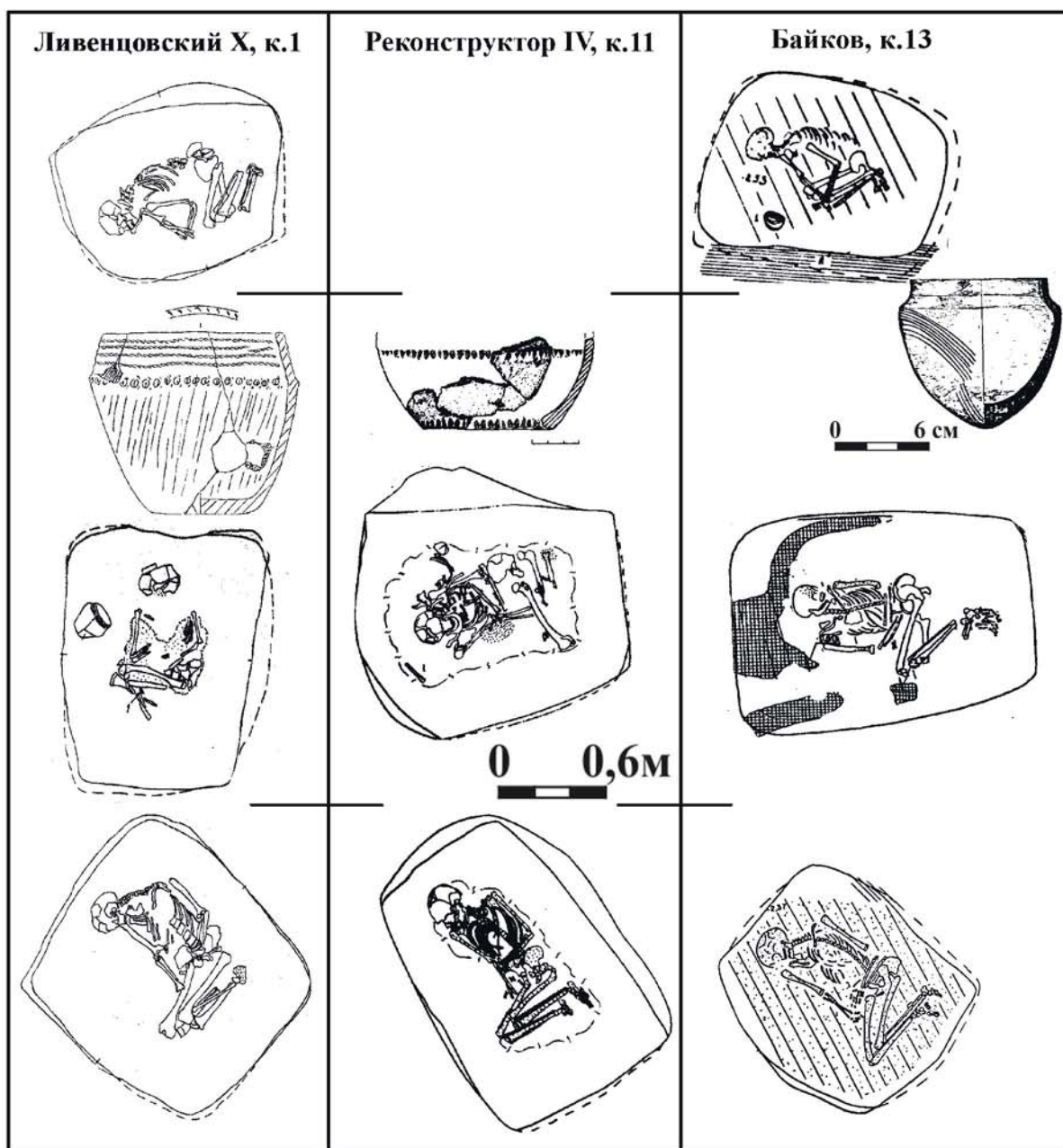

Рис. 228. Три типа позы погребённых из памятников типа Байков-Берданосовка.

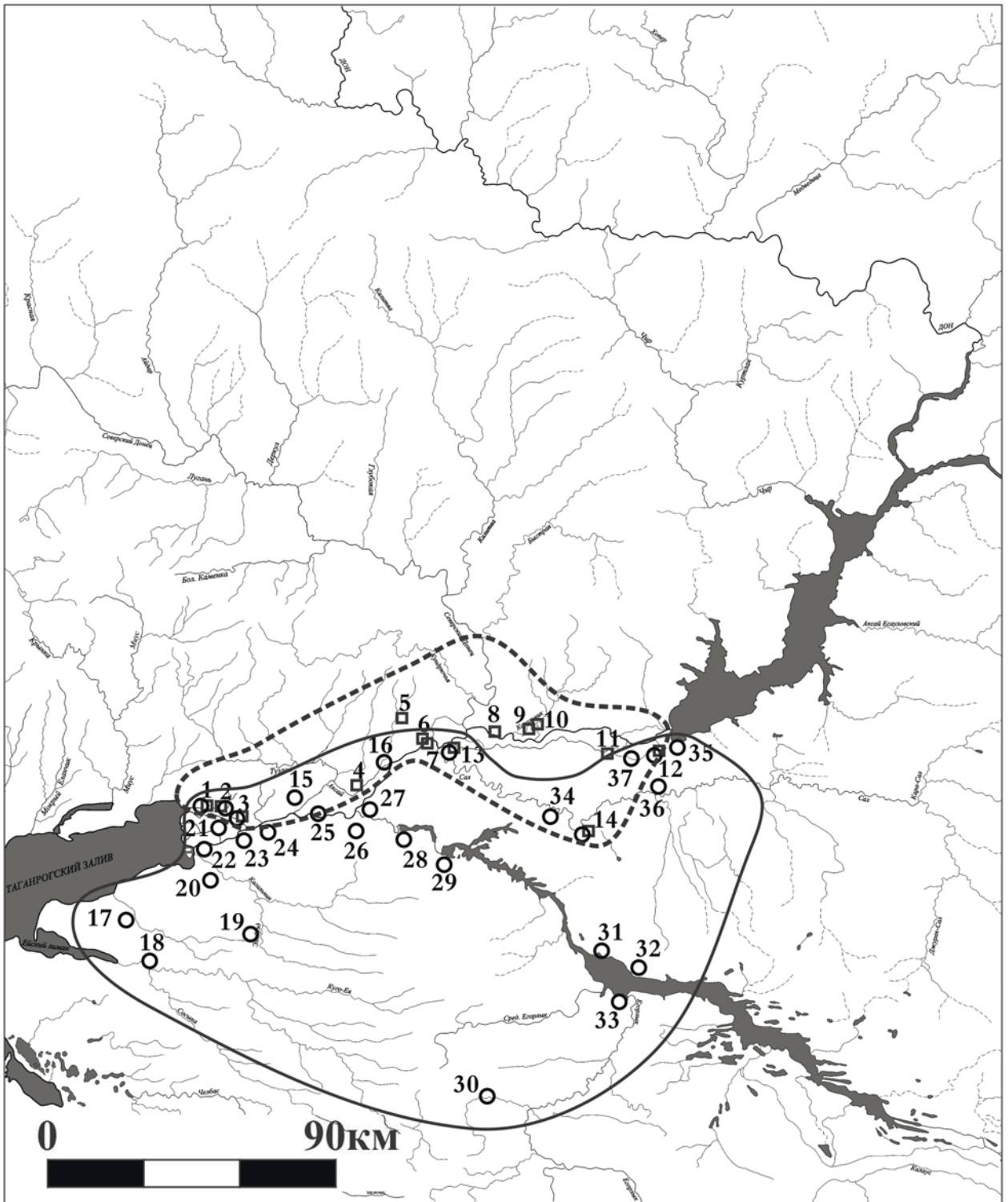
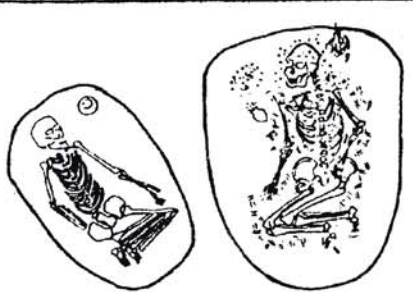
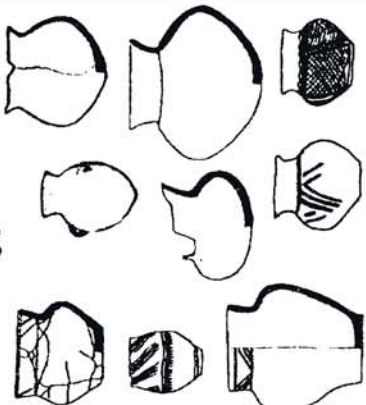
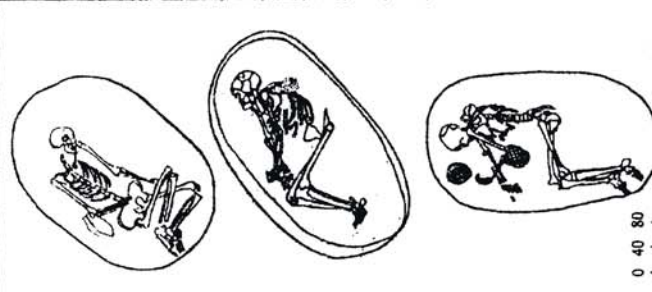
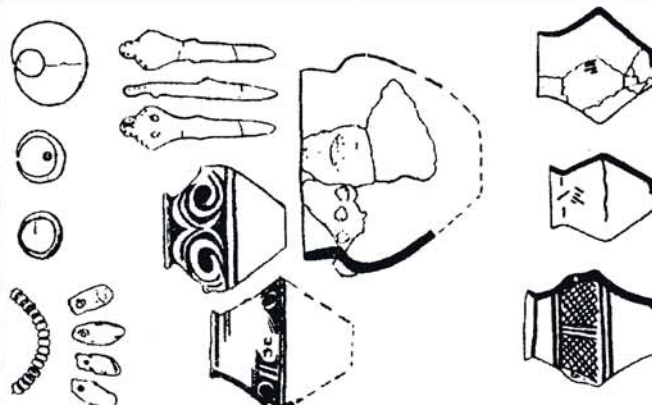

Рис. 229. Карта памятников койсугского типа и константиновской культуры. □ - константиновская культура, ○ - койсугский тип.

□ - константиновская культура: 1 - Хапры; 2 - Мокрый Чалтырь; 3 - Вертолётное Поле, ТЭЦ-2, Нижне-Гниловской, Олимпиадовский, Ростовские крганы, Ливенцовка; 4 - Бессергеновский III; 5 - Мокрый Керчик I; 6 - Раздорское I; 7 - Ракушечный Яр; 8 - Константиновское; 9 - Богоявленовский I; 10 Кастырский VIII, Танькин; Холодный I, III; 12 - Лагутник II; 13 - Салок I; 14 - Новый.

○ - койсугский тип памятников: 1 - Хапры; 2 - Мокрый Чалтырь; 3 - Западный II, Ростовские курганы; 15 - Мухин I; 16 - Поляков, Золотые Горки V; 17 - Приморский I; 18 - Сонино; 19 - Степнянский II; 20 - Петровка; 21 - Елизаветовский, Красногоровка I, III; 23 - Койсугский, Кулешовка, Радутка, Мартышкина Балка; 24 - Батай I; Дюнное I; 26 - Крепинский I, II; 27 - Лысый; 28 - Тузлуки, Колдыри, Отрадный XIII, 29 - Весёлый, Москва I; 30 - Новпалестинский II, Первомайский, Баранчук; 31 - Каменный II; 32 - Козинка I; 33 - Глубокая II; 14 - Новый; 34 - Кировский IV; 13 - Салок I; 12 - Лагутники; 35 - Попов; 36 - Семенкин; 37 - Ясырев I.

Нижнемихайловская культура по Н.Я. Рассамкину

Период	Обряд	Инвентарь
Поздний		
Ранний		

Северо-Восточное Приазовье

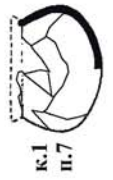
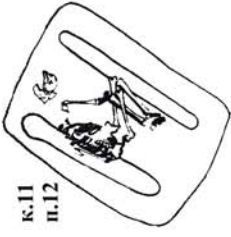
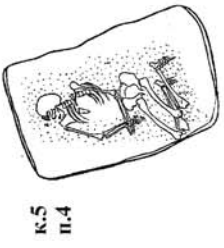

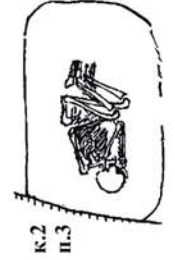
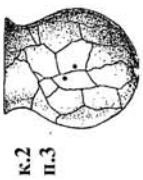

		
		
		

Рис. 230. Схема двух этапов нижнемихайловской культуры Поднепровья Ю.Я. Рассамкина и их аналоги с территории Северо-Восточного Приазовья (Правобережье Дона).

к.1, п.7 - Вертолётное Поле; к.2, п.3, КуЗГК; п.8, к.5, п.4 - ТЭЦ-2; к.8 - Хапры; к.1, п.16 - Западный II; к.11, п.12 - Ростовские курганы; к.5, п.4 - Мех. Завод.

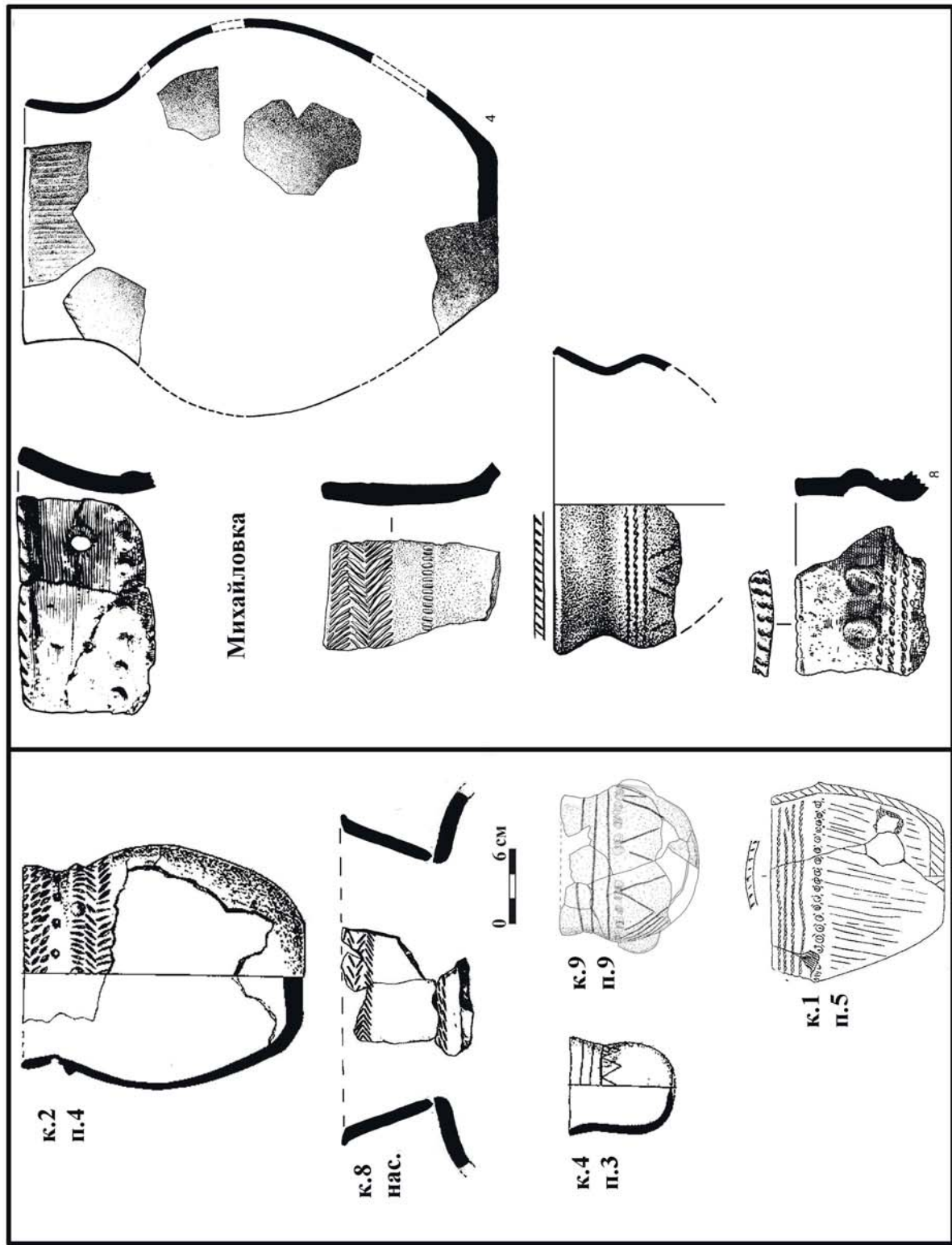

Рис. 231. Керамика нижнего слоя Михайловского поселения и её аналоги с территории Нижнего Дона. Мокрый Керчик I, к.2, п.4; Хапры, к.8, нас.; Теплый, к.4, п.3; Отрадный XIII, к.9, п.9; Ливенцовский X, к.1, п.5.

Рис. 232. Погребения "нижнемихайловского круга" Нижнего Поднепровья и их аналоги на Нижнем Дону.

Нижнее Поднепровье: СК-1 - к.1 у г. Скадовск; Об-1 - к. 1 у с. Облои;

Оз-1 - к.1 у с. Озерное; Дол-1 - к.1 у с. Долинское.

Нижнее Подонье: к.1, п.7 - Божковка I; к.23, п.4 - Гать III; к.7, п.12 - Койсугский;

к.13, п.12-13 - Байков; к.1, п.7 - Ливенцовский X; к.1, п.8 - Ливенцовский VII;

к.7, п.5 - Долгий; к.24, п.2 - Берданосовка; к.1, п.5 - Степнянский II;

к.13, п.6 - Красногоровка I; к.26, п.45 - Богоявленовский I.

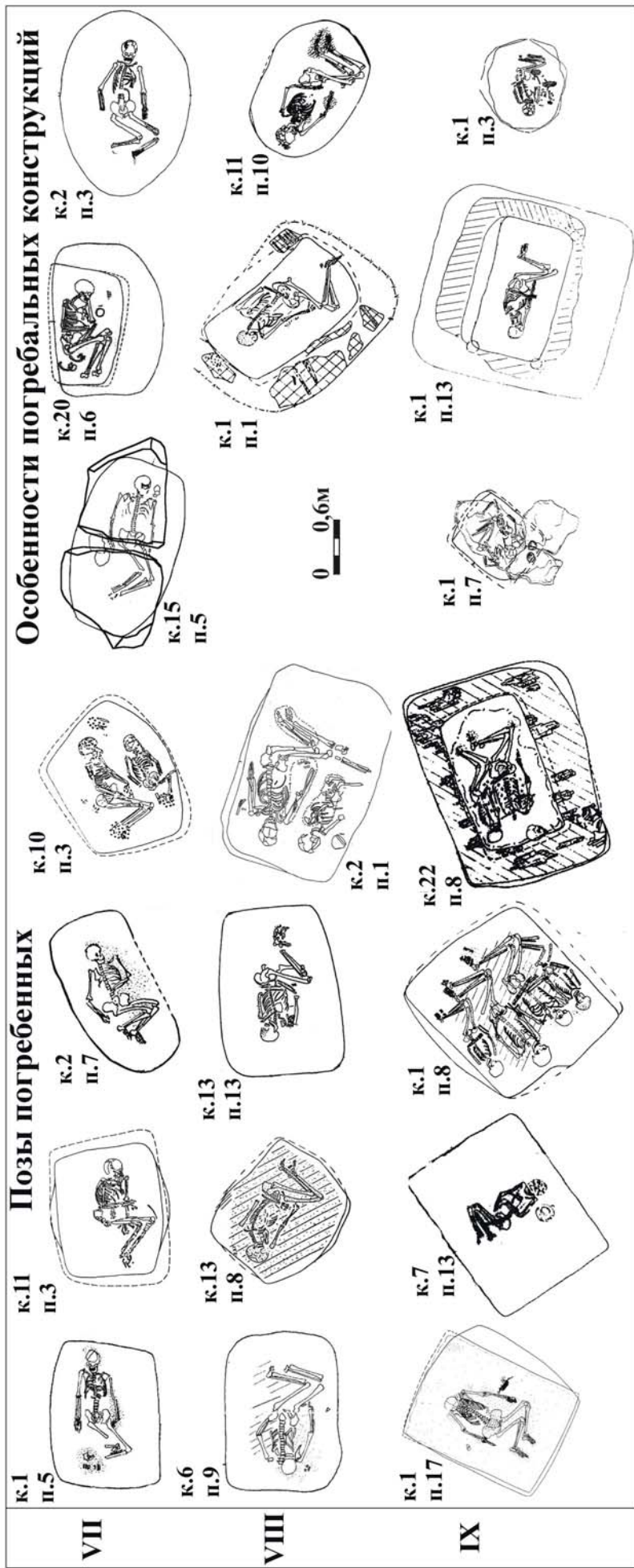

Рис. 233. Схема набора объединяющих признаков погребального обряда обрядово-стратиграфических групп ямной культуры Нижнего Подонья.

VII. к.1, п.5 - Высочино III; к.10, п.3, к.11, п.3 - Семимаячный III; к.2, п.7 - Крепинский II; к.15, п.5 - Механический Завод; к.20, п.6 - Камышевский; к.2, п.3 - Баранчук II;

VIII. к.6, п.9 - Баранчук II; к.13, п.8, к.13, п.13 - Байков; к.2, п.1 - Ливенцовский X; к.1, п.1 - у ГНС; к.11, п.10 - Реконструктор IV;

IX. к.1, п.17 - Воротилов I; к.7, п.13 - Донской; к.1, п.8 - Федоровка II; к.22, п.8, к.1, п.13 - Красногоровка I; к.1, п.7 - Роца; к.1, п.3 - Хавалы IV.

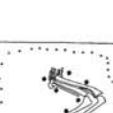

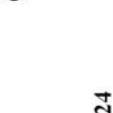
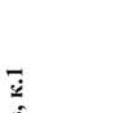

VIII	<p>Берданосовка, к.4 ТЭЦ-2, к.3ГК Ливенцовский X, к.1</p> <p>Хавалы II, к.3</p> <p>Рясный II, к.3</p>
VIIБ	 <p>0 0,6м</p>
VIIА	
IV	 <p>Остапов, к.1 У Аксайского пов, к.2 Мухин II, к.8 Байков, к.13</p>

Рис. 234. Стратиграфия погребений типа Байков-Берданосовка в контексте константинговской (IV группа) и ямной (VII - VIII группы) культур.

V	
IV	
III	
II	 <p>Хапры, к.3</p>
I	 <p>Недвиговка</p>

Рис. 235. Стратиграфия вытянутых погребений Правобережья Дона.

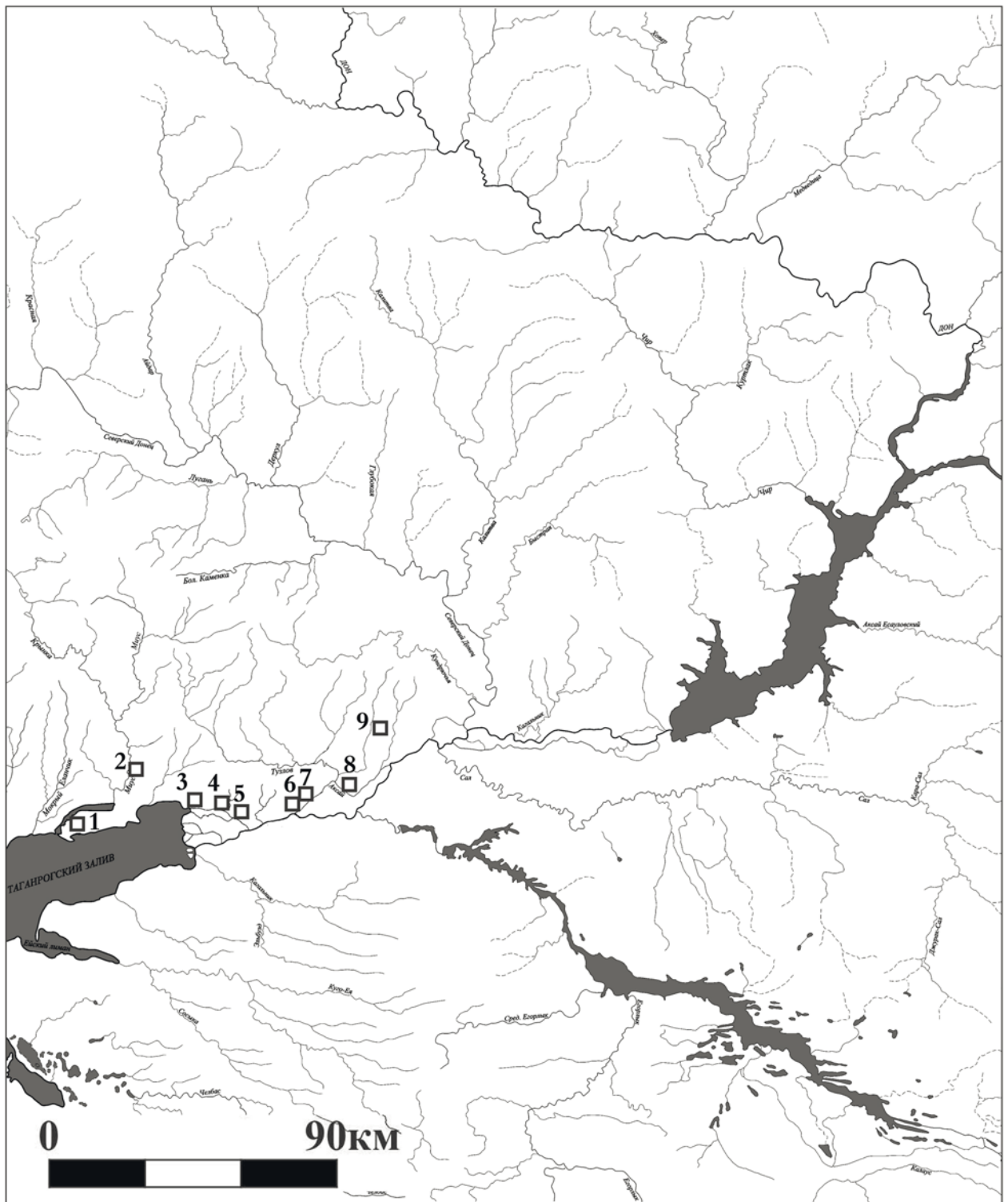

Рис. 236. Территория распространения курганов типа Байков-Берданосовка.
 1 - Лакедемоновка; 2 - Рясный II; 3 - Царский, Валовый II; 4 - У Мокро-Чалтырьского карьера; 5 - Байков, Западный II, У ГНС, Ливенцовский X, ТЭЦ-2, Мех. Завод; 6 - Мухин I, II, II у Аксайского поворота, Садовый II, Берданосовка; 7 - Реконструктор IV, Аглицикий I; 8 - Донской, Остапов; 9 - Гать III, Озерки X.

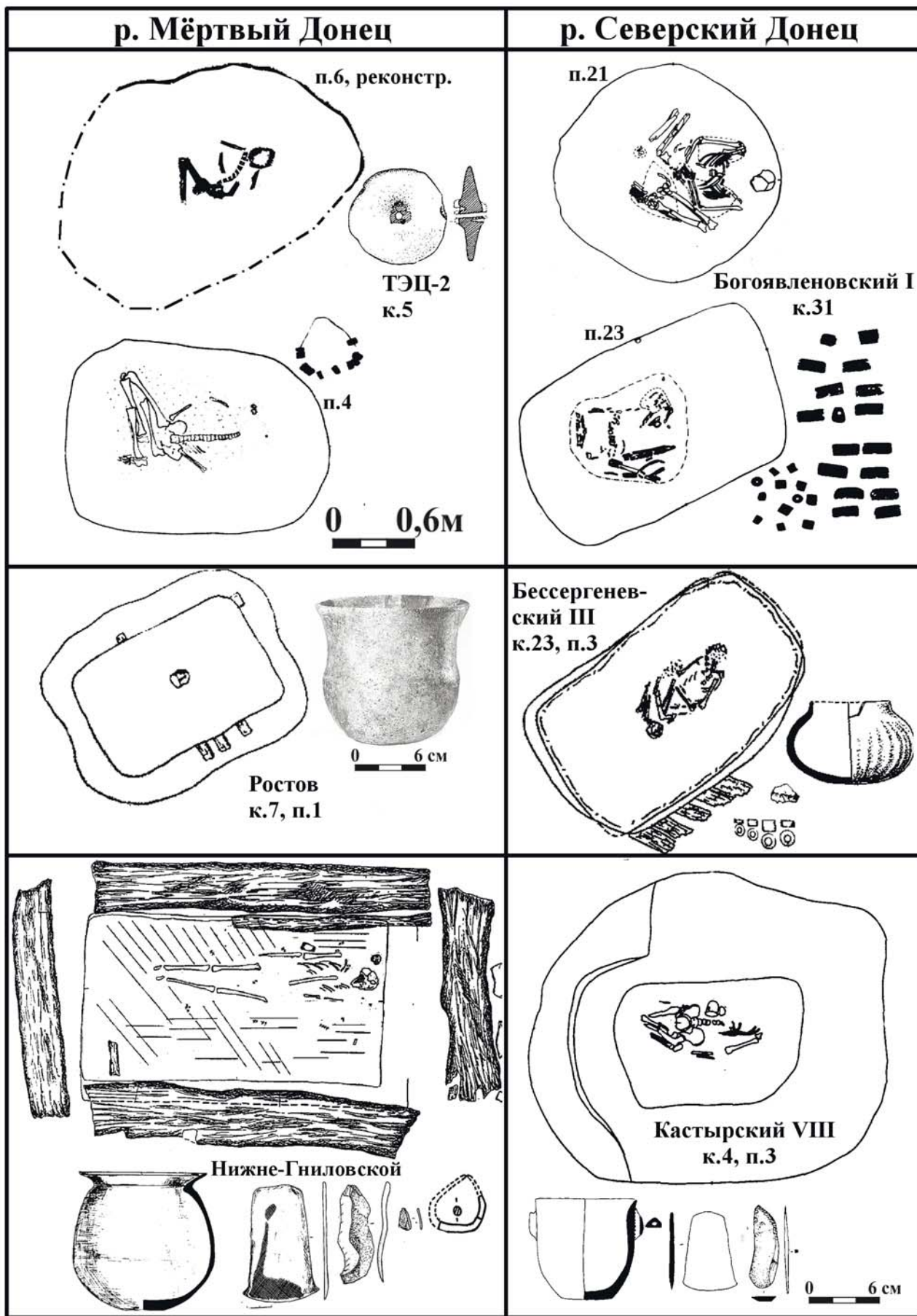
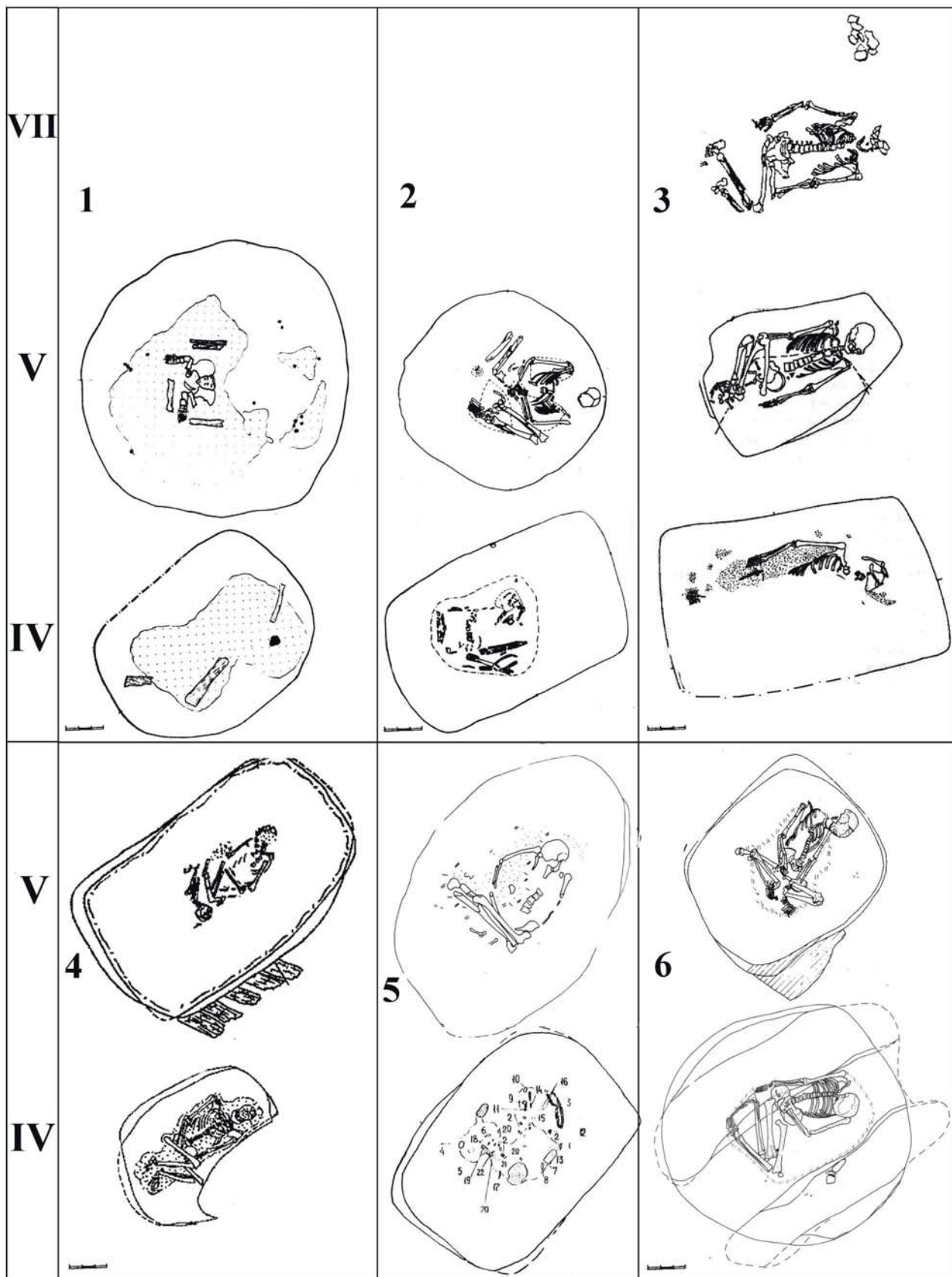

Рис. 237. Таблица сопоставления погребений константиновской культуры нижнего течения Северского Донца и окрестностей г. Ростова-на-Дону.

1 - могильник "Константиновский", к.1, п.13, 15, 10.

2 - могильник "Богоявленовский I", к.31, п.23, 21.

4 - могильник "Бессергеновский III", к.23, п.4, 3.

5 - могильник "Новый", к.132, п.15, 25.

6 - могильник "Лагутники II", к.1, п.13, 11.

3 - могильник "Москва I", к.1, п. 1, 8, 6.

Рис. 238. Стратиграфическое соотношение типов погребений константиновской культуры и их аналогов на Левобережье (3).

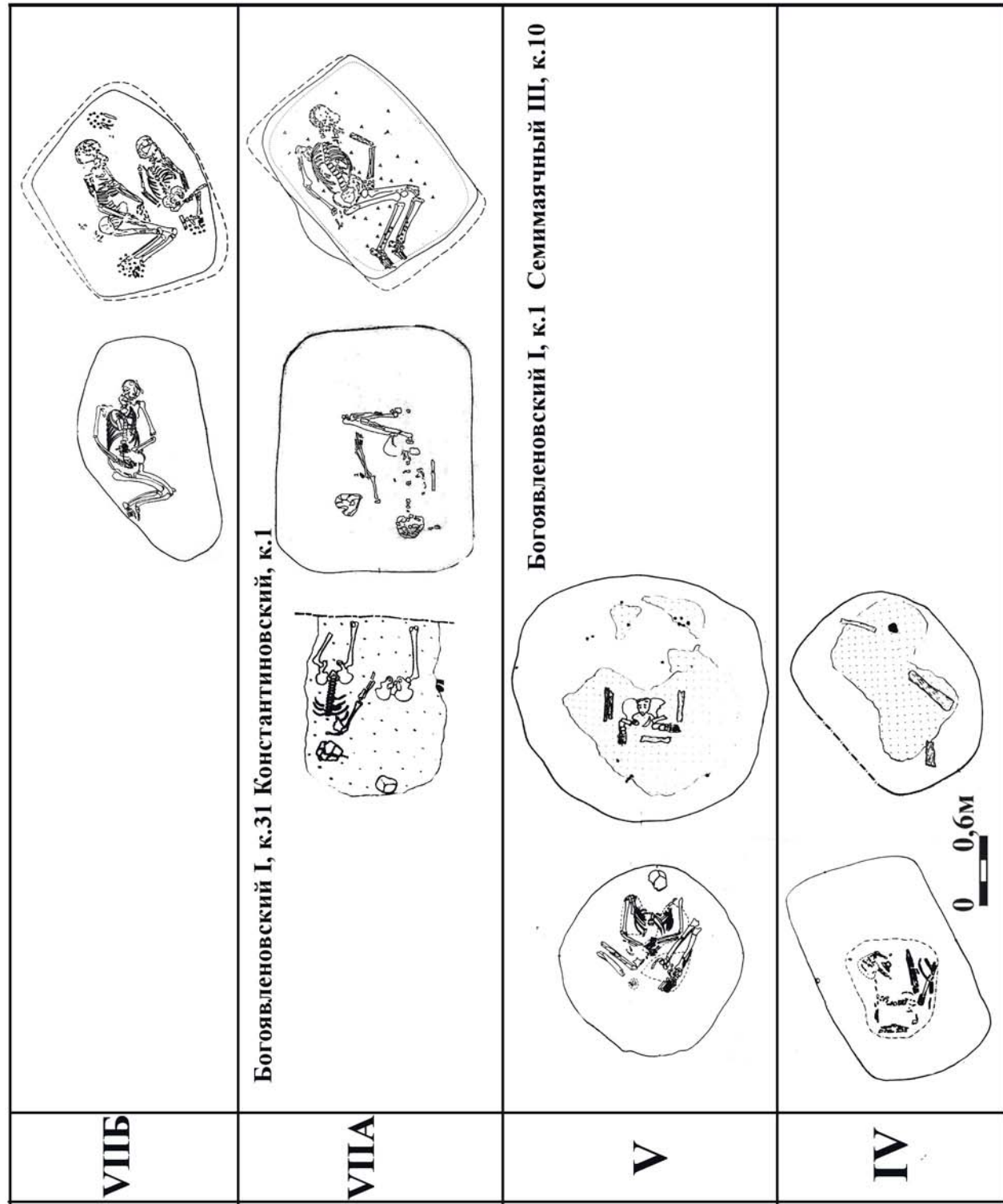

Рис. 239. Стратиграфия погребений константиновской культуры и раннего этапа ямной культуры нижнего течения р. Северский Донец.

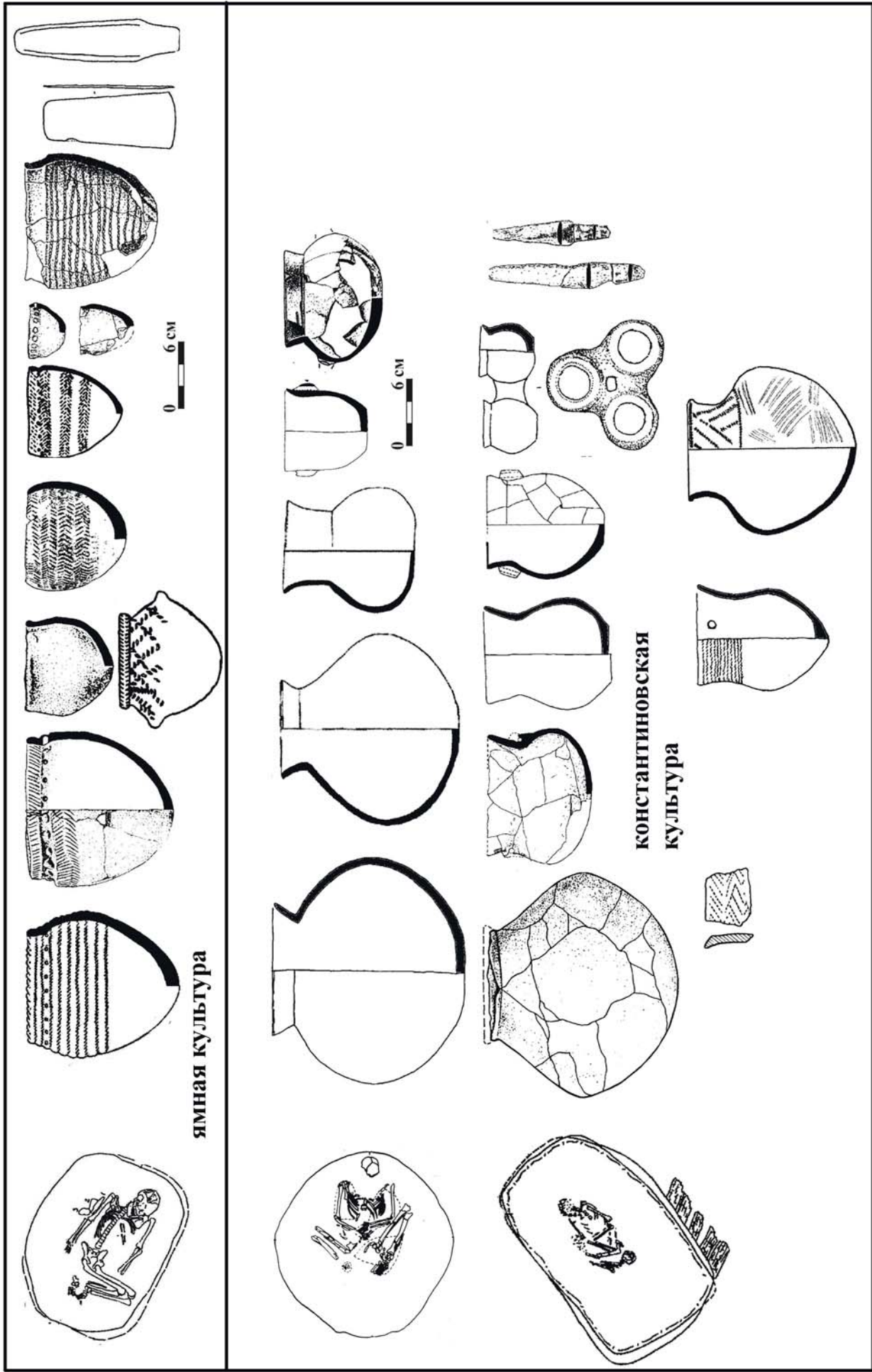

Рис. 240. Сравнение погребального обряда и керамики константиновской культуры и раннего этапа ямной культуры нижнего течения р. Северский Донец.

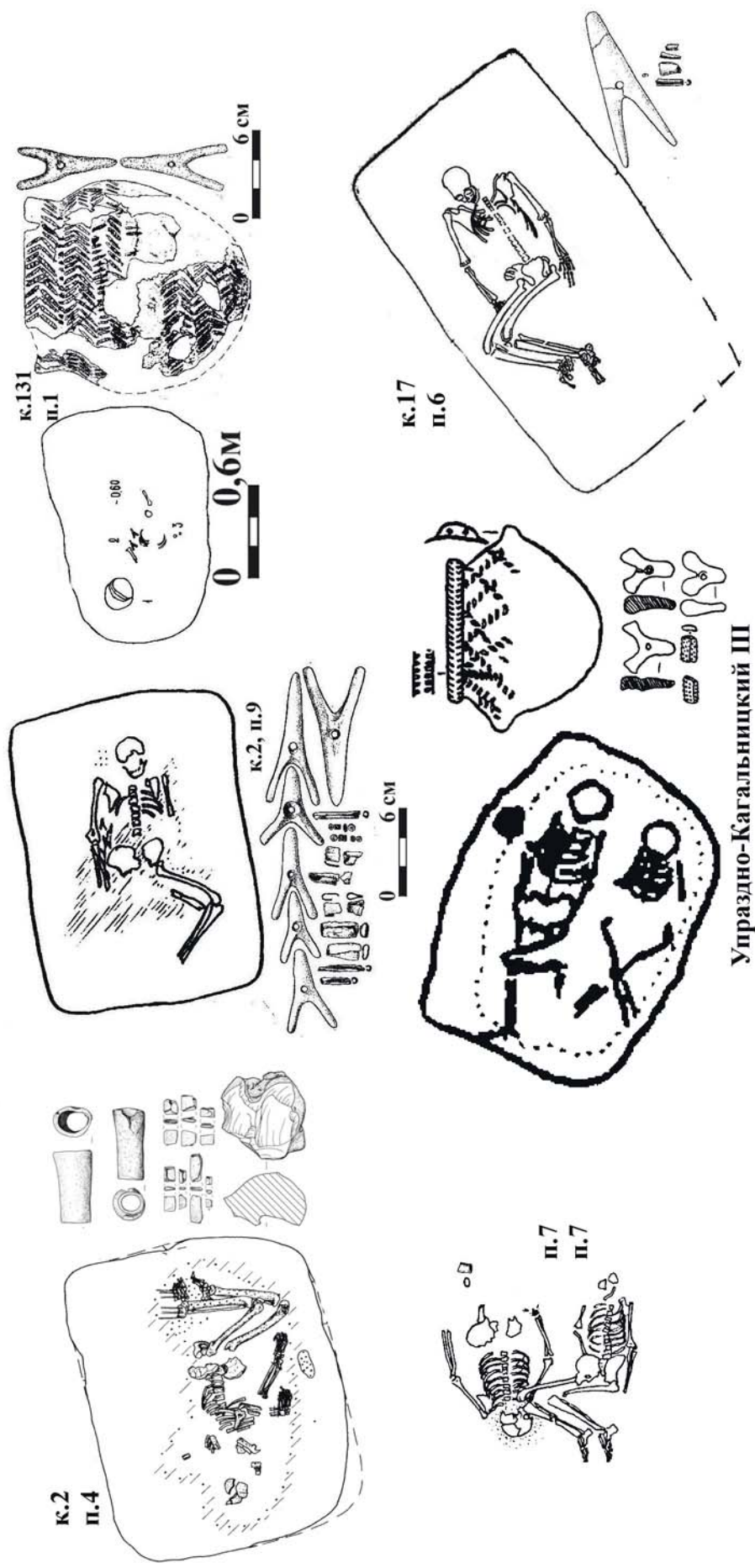

Рис. 241. Погребения раннего этапа ямной культуры с инвентарём в виде роговых булавок и медных пронизок. У Аксайского поворота, к.2, п.4; Койсуг, к.7, п.7; Холодный IV, к.2, п.9; Упраздно-Кагальницкий III; Новый, к.131, п.1; Алитуб, к.17, п.6.

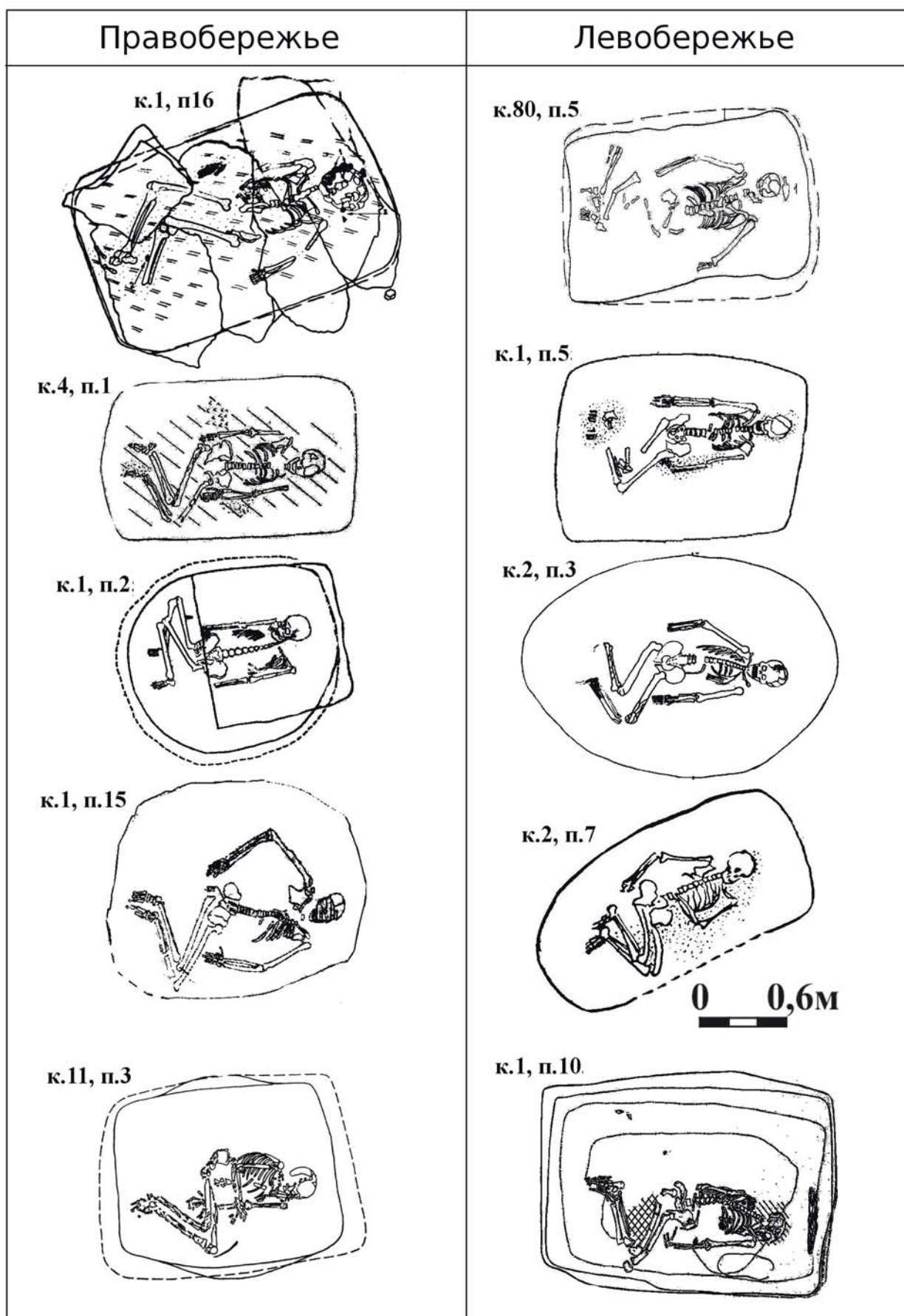

Рис. 242. Погребения раннего этапа ямной культуры Право- и Левобережья. Каменнобродский, к.1, п.16; Мухин II, к.4, п.1; Чалтырь, к.1, п.2; Хавалы II, к.1, п.15; Семимаячный III, к.11, п.3; Новый, к.80, п.5; Высочино III, к.1, п.5; Баранчук II, к.2, п.3; Крепинский II, к.2, п.7; Новопалестинский II, к.1, п.10.

Правобережъе

Левобережъе

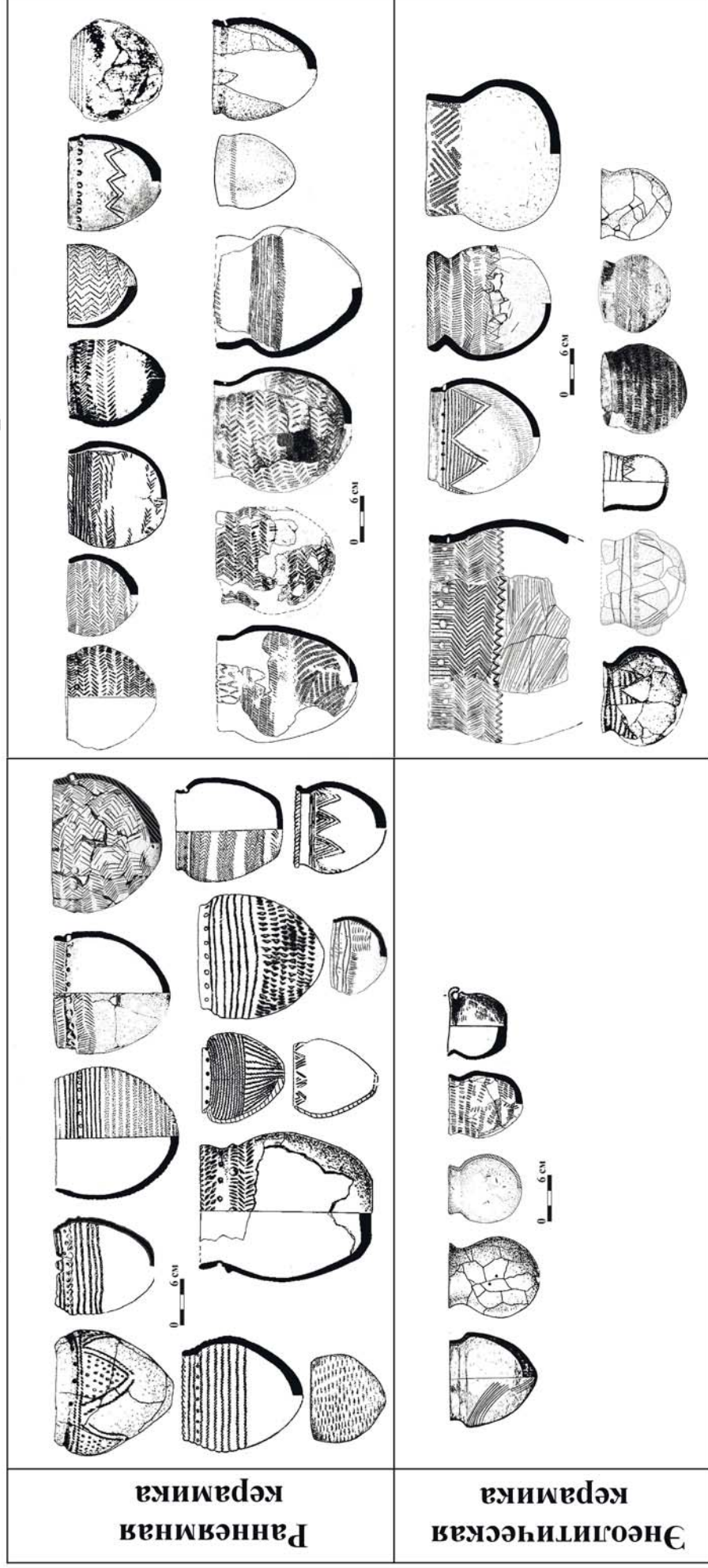

Рис. 243. Сравнение керамики Право- и Левобережъя.

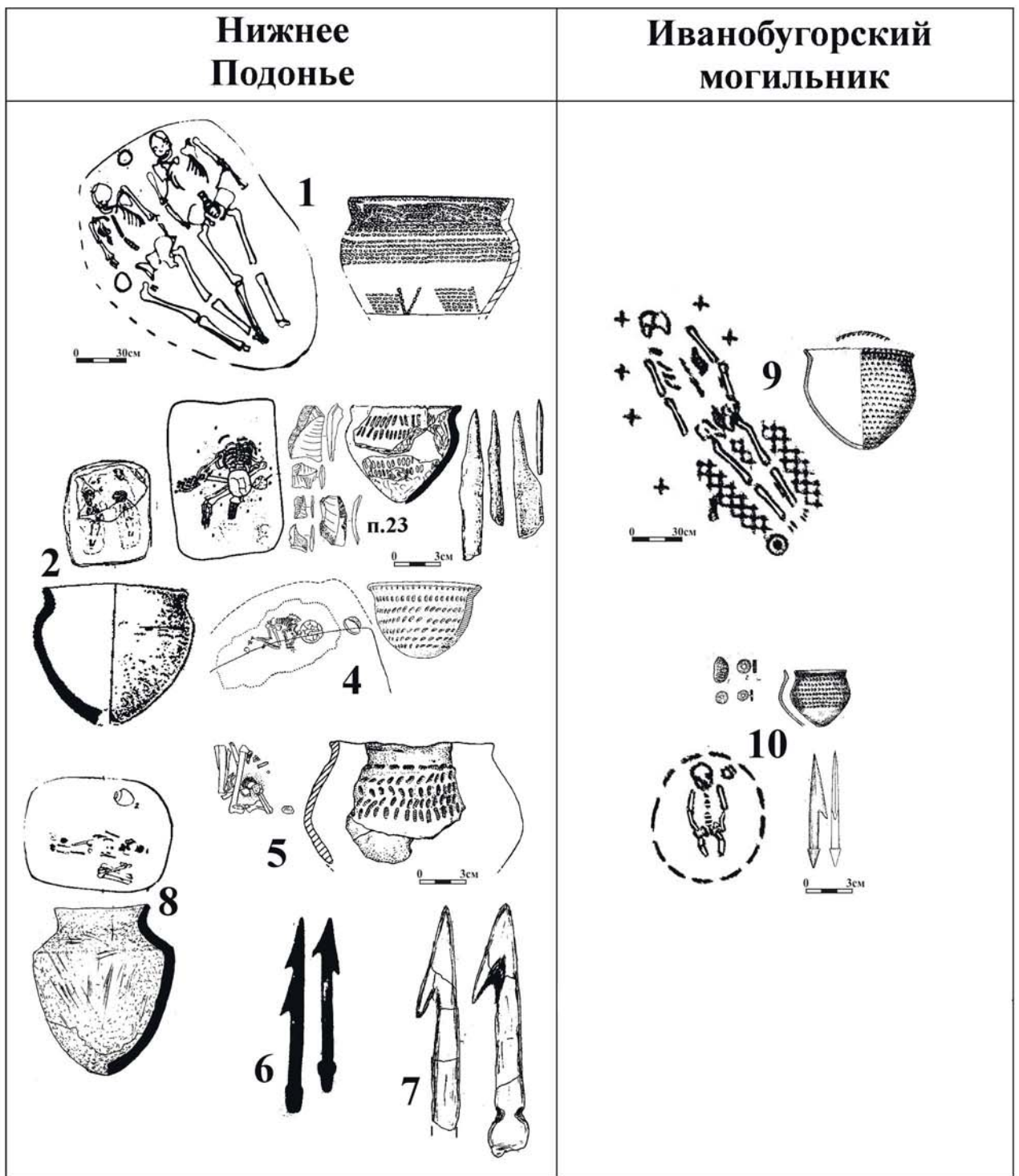

Рис. 244. Аналогии для керамики из энеолитических погребений Иванобугорского могильника. 1 — Семёнкин; 2 - Золотые Горки V; 3- Койсуг, 4 — Лысый; 5 — Дюнное I; 6 — Донской; 7 — Хапры; 8 — Сладковский, к.26, п.9; Иванобугорский м-к: 9 — погр. 9; 10 — погр.35.

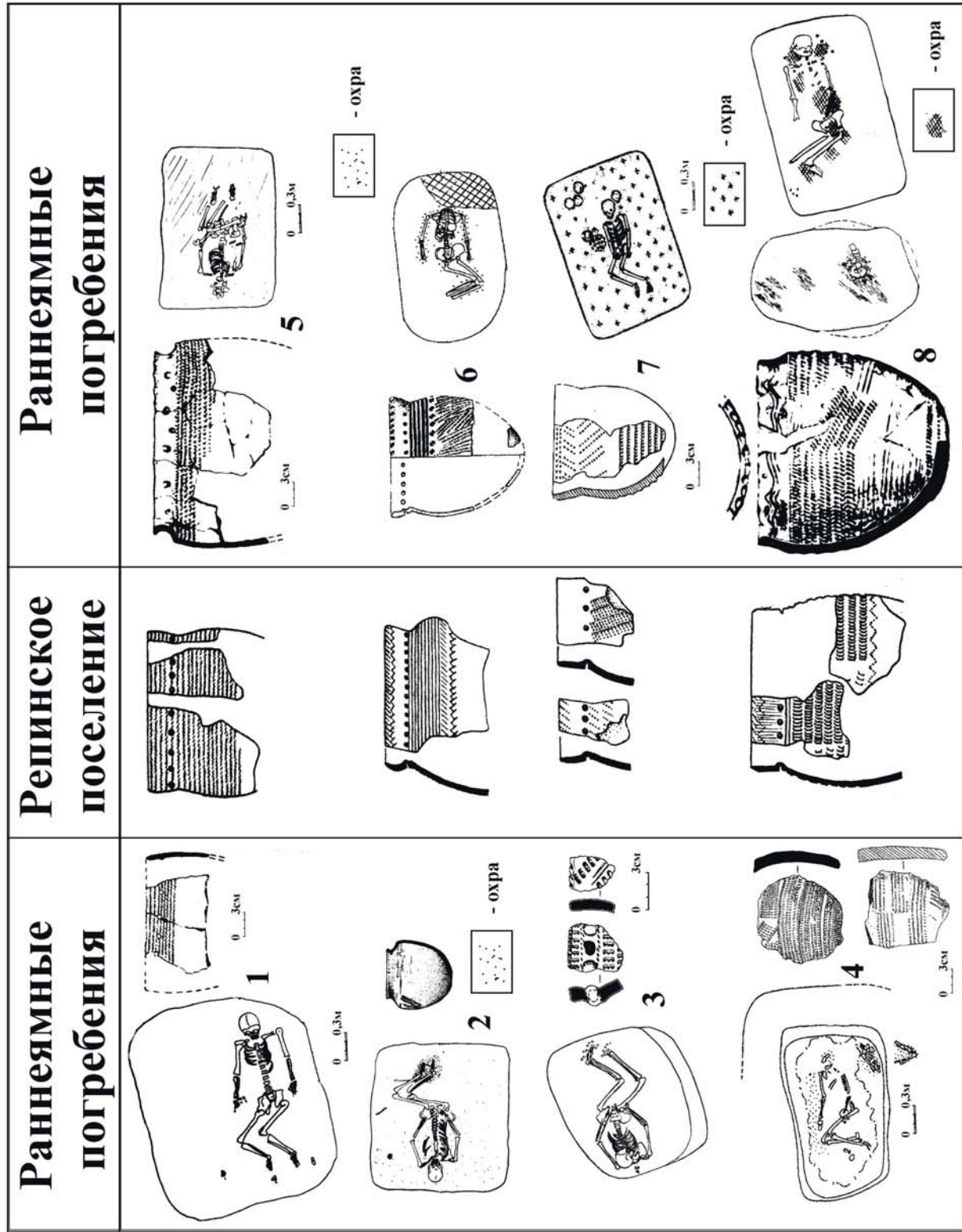

Рис. 245. Сопоставление керамики из раннеямных погребений Среднего Подонья и сосудов Репинского пос. 1 — мог. Ильевский, к.1, п.6; 2 — мог. Орешкин I, к.4, п.6; 3 — Таганка, раскоп I, п.4; 4 — Круча I, к.1, п.2-3; 5 — Ильевский, к.5, п.1; 6 — Подгорненский, к.2, п.2; 7 — Павловский, к.31, п.4; 8 — Орешкин I, к.16, п.2-3.

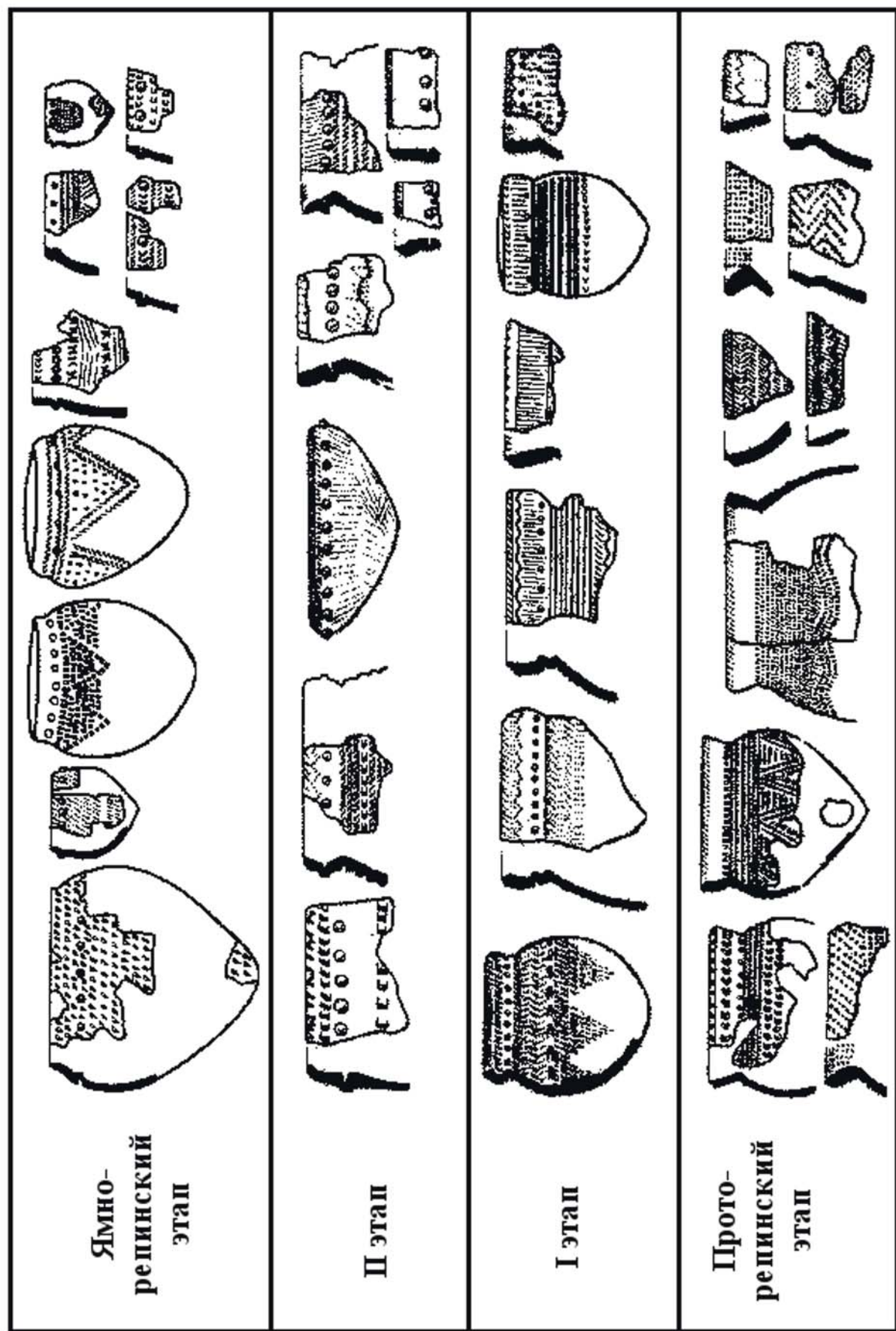

Рис. 246. Схема происхождения и эволюции керамики ренской культуры по А.Т. Синюку.

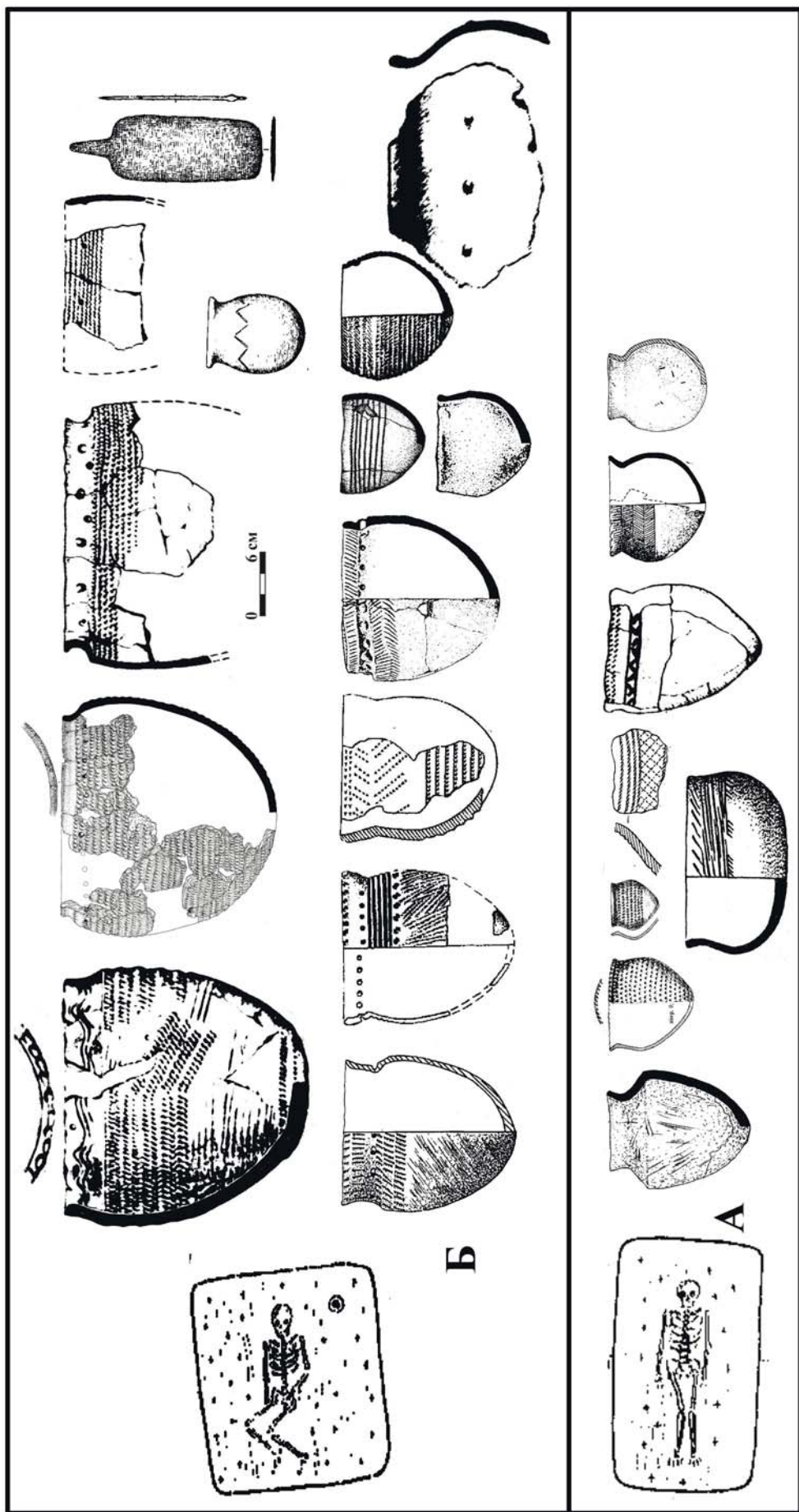

Рис. 247. Керамика неолитических погребений (А) и репинского этапа ямной культуры (Б) Среднего Подонья.

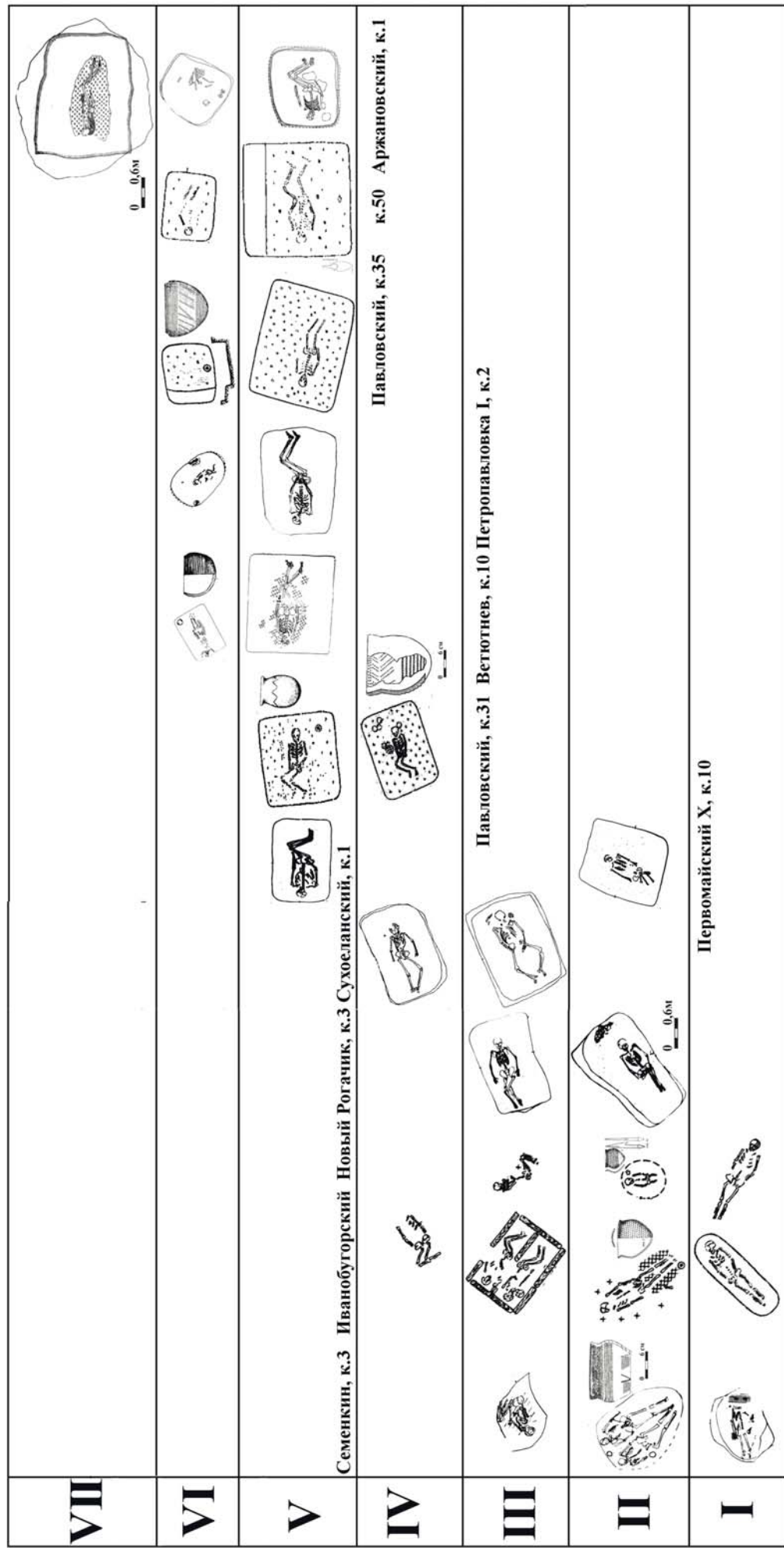

Рис. 248. Схема эволюции погребального обряда энеолита - ранней бронзы Среднего Подонья по данным стратиграфии курганов.

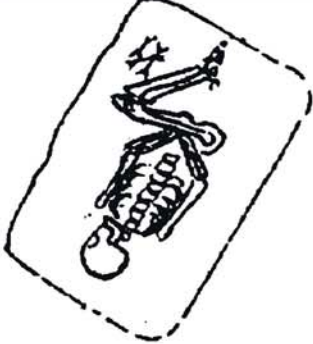

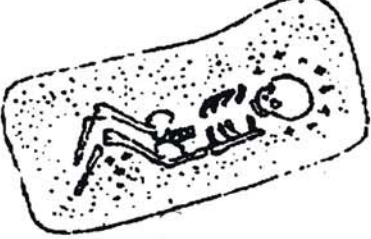

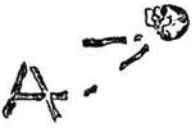

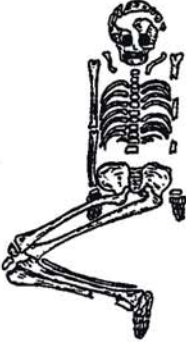

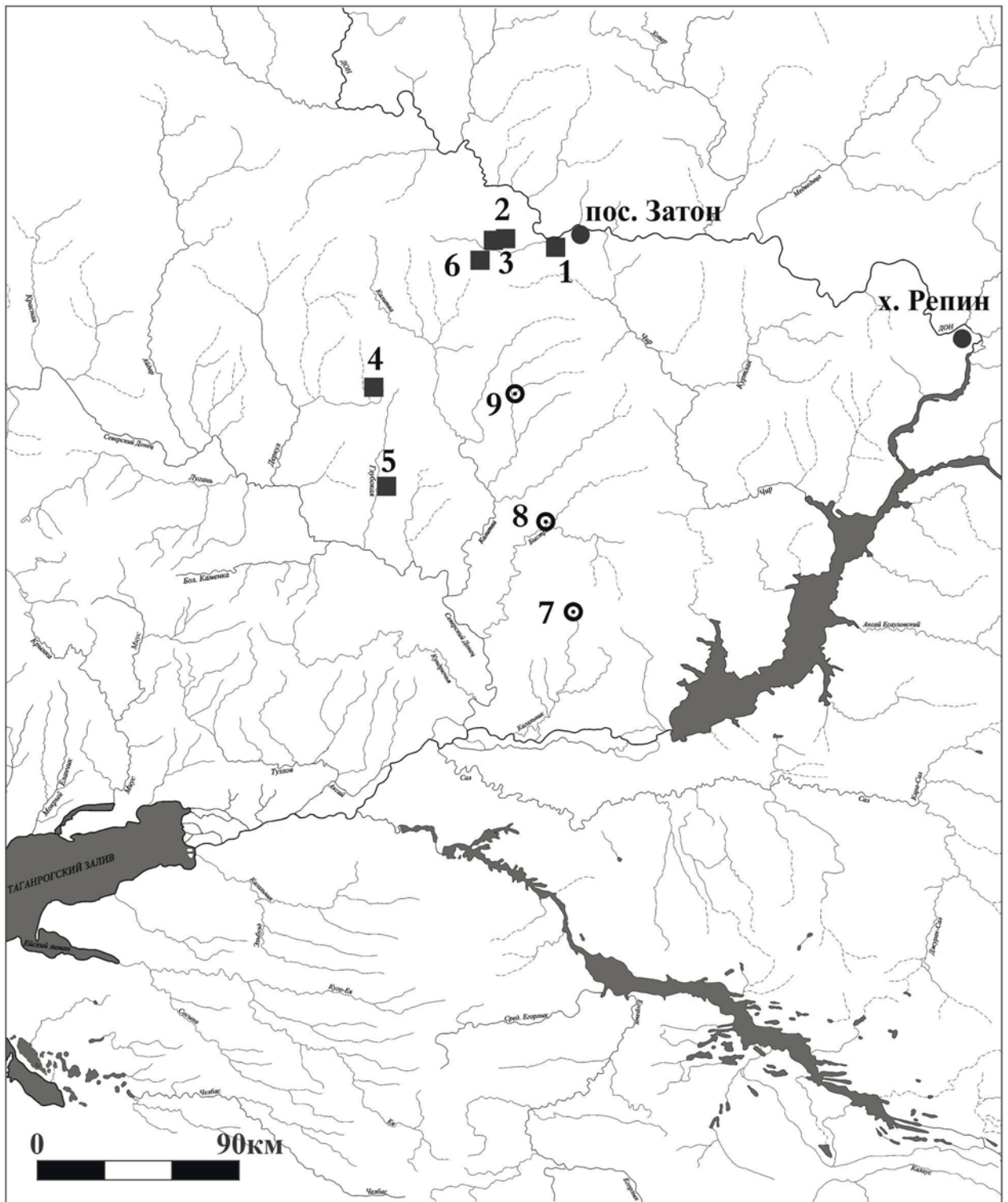
Власовский			
Дронихинский			
Власовский			
Дронихинский			

Рис. 249. Сопоставительная таблица погребений Власовского I и III курганных могильников и Дронихинского грунтового могильника.

- - петроглифы
- ⊙ - изваяния
- - поселения

Рис. 250. Карта размещения находок каменных изваяний и петроглифов:
 1) Варваринский I; 2) Яшкина Гора II; 3) Кудин I; 4) Полосачи;
 5) Таловатая Балка; 6) Скельновский; 7) Араканцев; 8) Лысая Гора; 9) Круча.

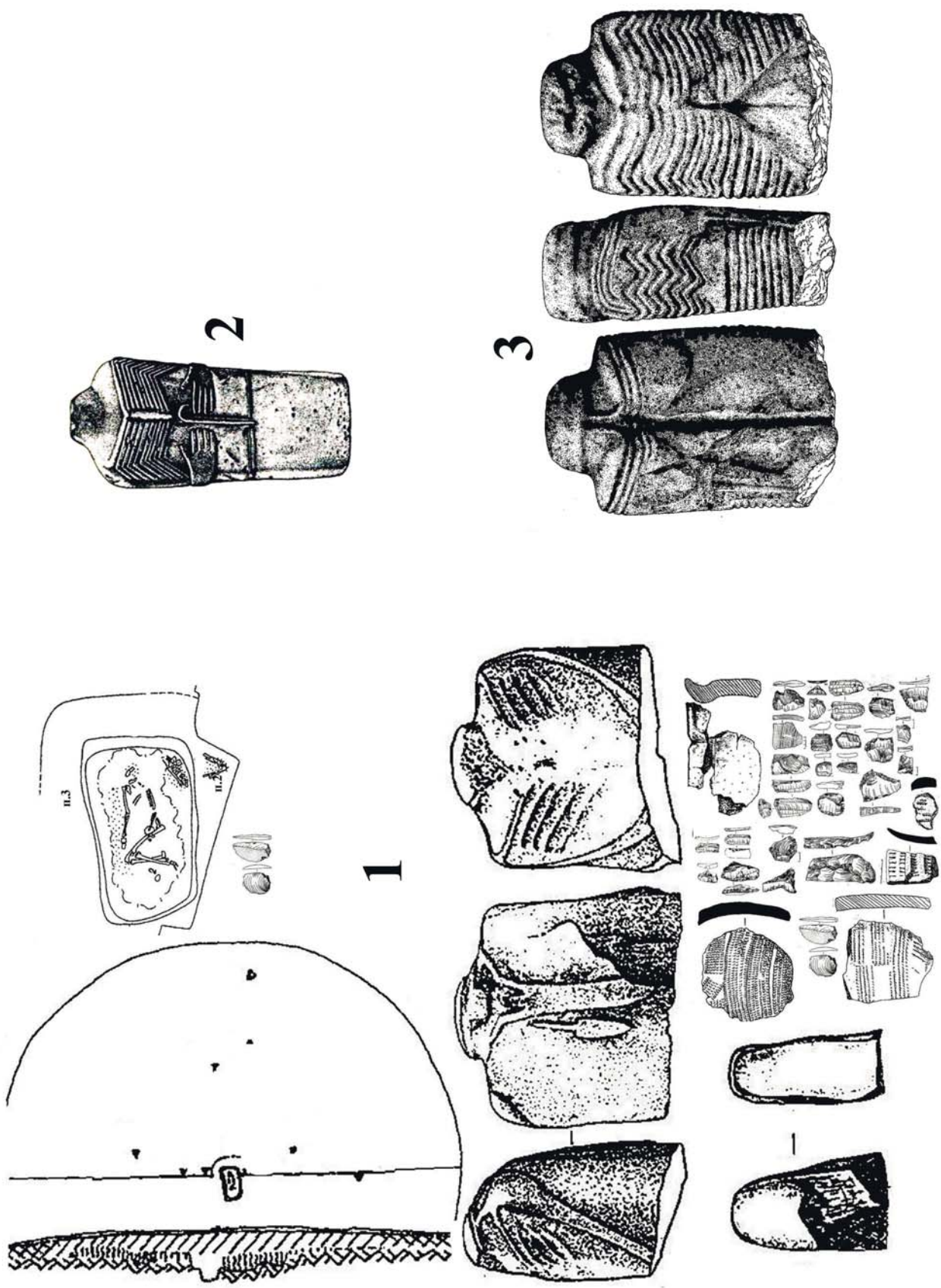

Рис. 251. Каменные изваяния-идолы раннего бронзового века. 1 - Круча I, к.1; 2 - Араканцев; 3 - Скосырская.

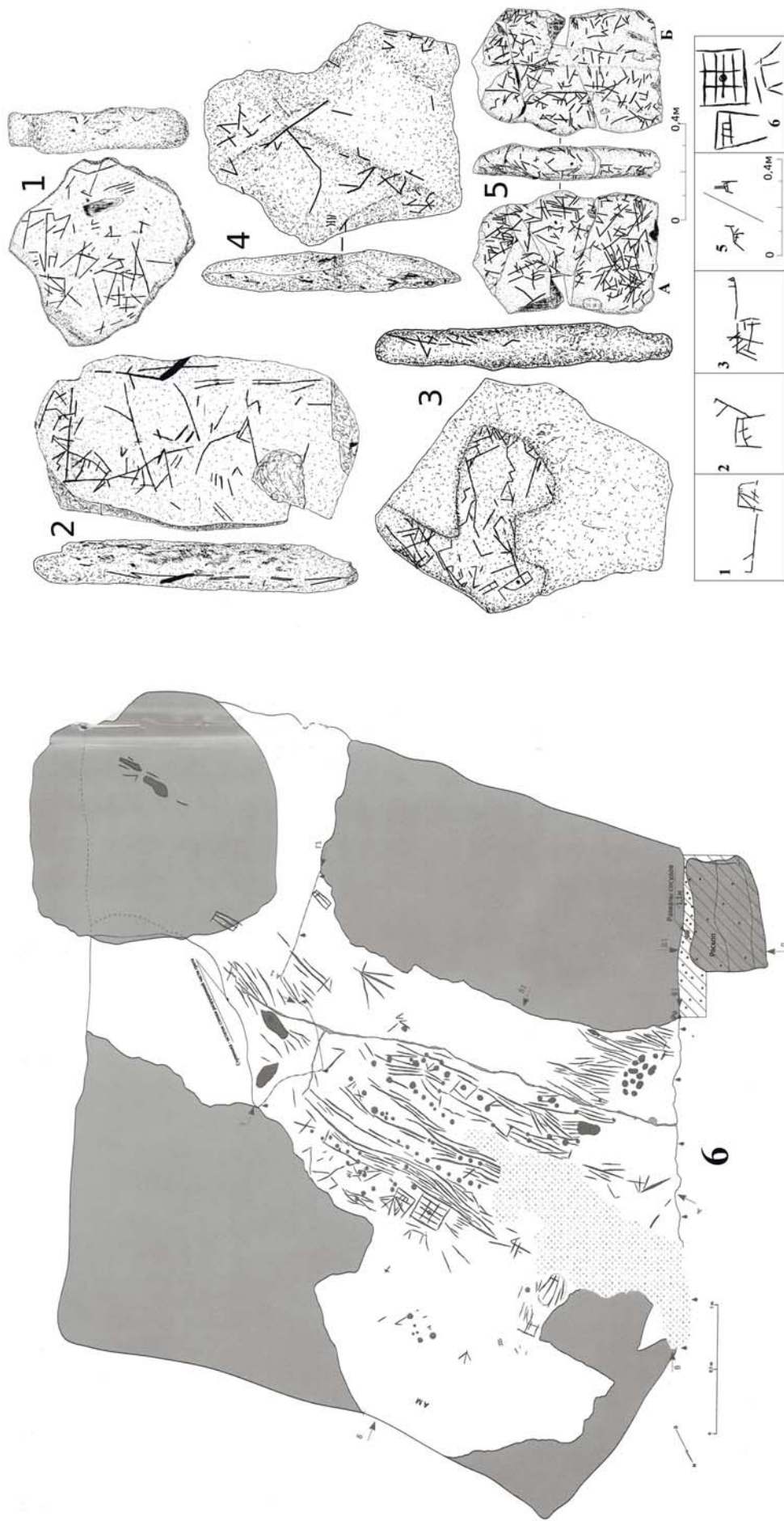

Рис. 252. Находки петроглифов на территории Нижнего и Среднего Подонья.
 1 - Варваринский I, 2 - Яшкина гора II, 3 - Кудин I, 4 — Полосачи, 5 - Таловагая Балка I,
 6 - Петроглифы у хутора Скельновский; 7 - таблица схожих символов.

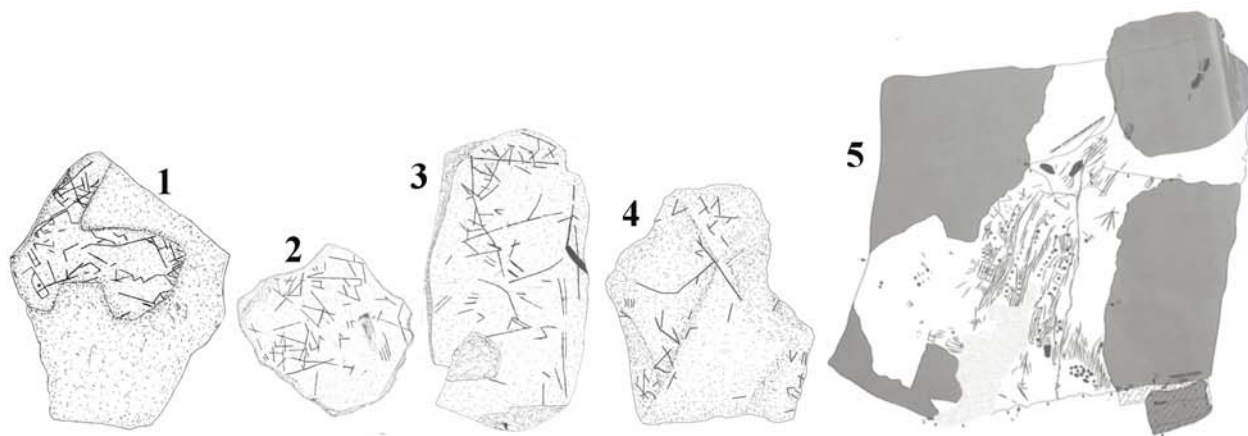

Рис. 253. Сравнение изображений и композиций из находок петроглифов. 1 - Кудин I, 2 - Варваринский I, 3 - Яшкина гора II, 4 — Полосачи, 5 - Грот у хутора Скельновский.

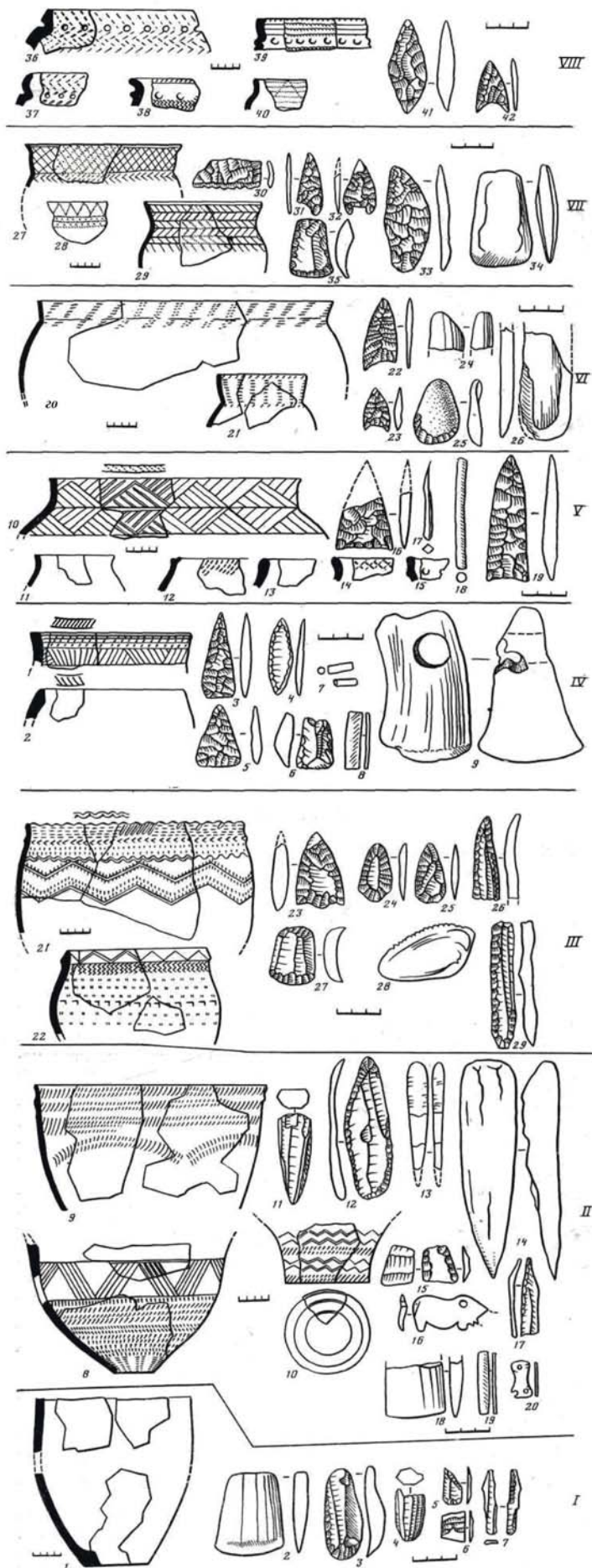

Рис. 254. Поселение Раздорское I, стратиграфическая схема.

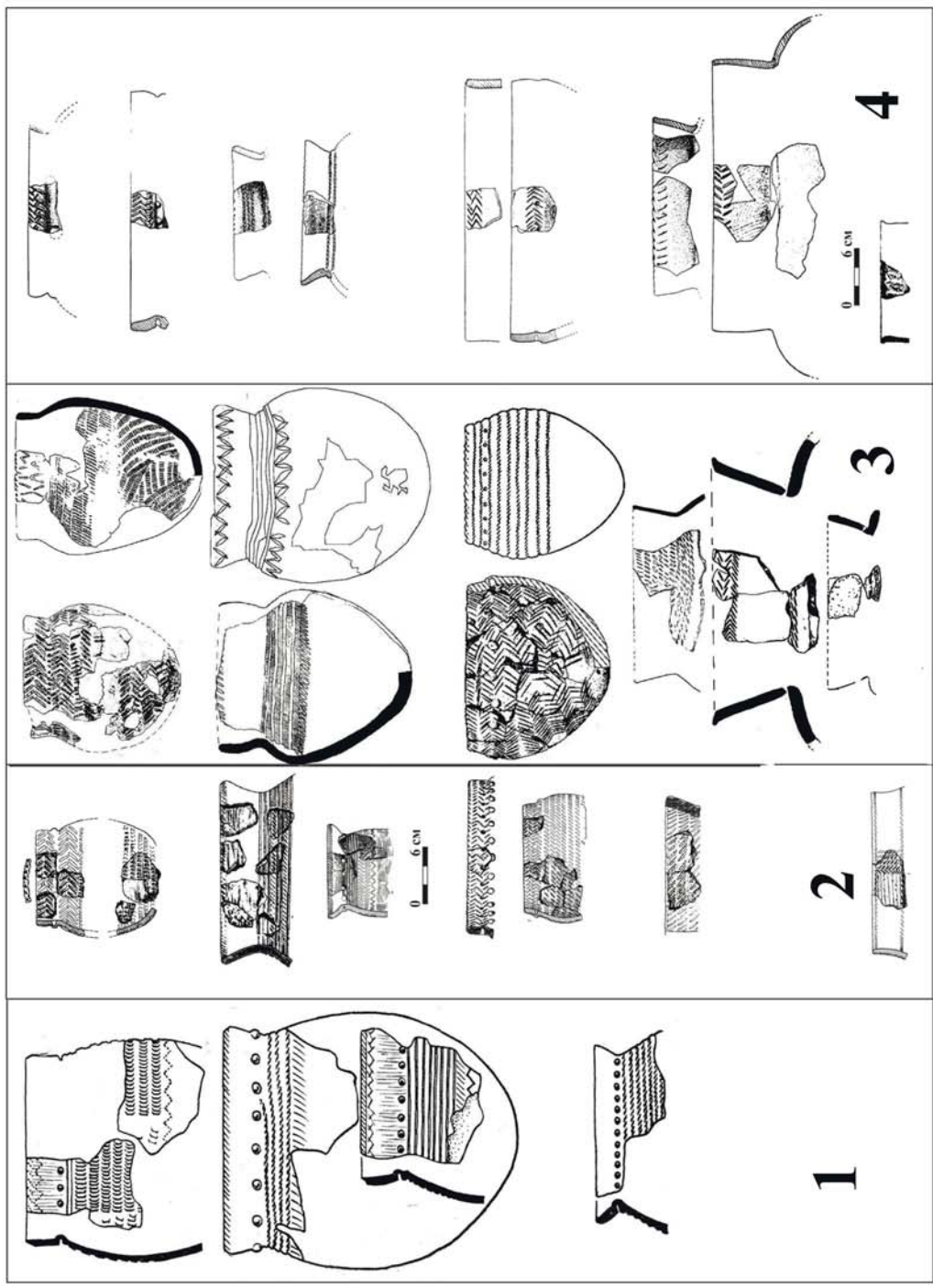

Рис. 255. Сопоставительная таблица материалов поселений и погребальных памятников.
 1 - Репинское пос.; 2 - Самсоновское пос.; 3 - погребения V и VII групп; 4 - Ливенцовское I пос.

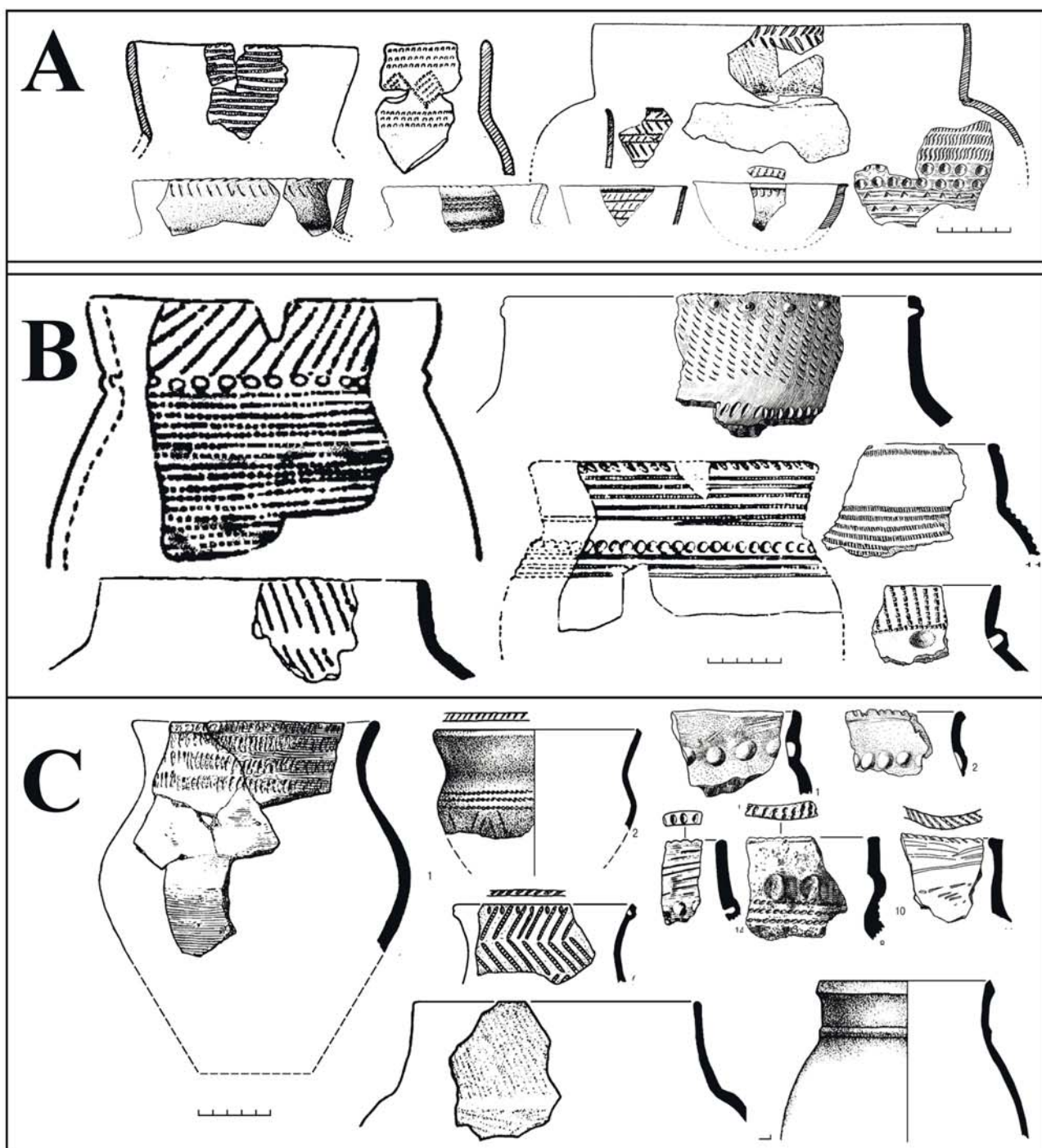

Рис. 256. Сопоставление материалов Ливенцовского и Михайловского поселений. А — Ливенцовка, В — Михайловка, сред. слой, С - Михайловка, ниж. слой.

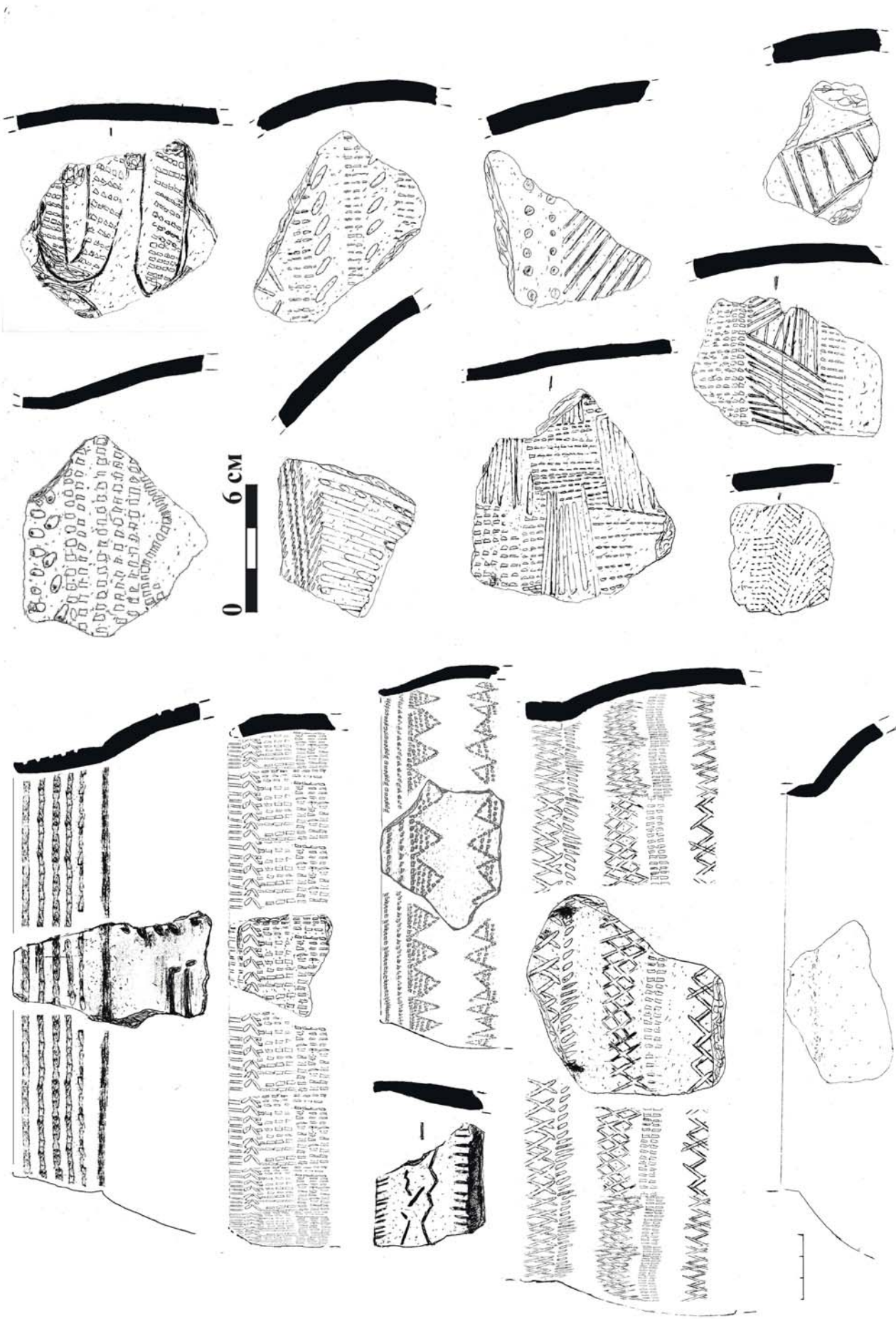

Рис. 257. Местонахождение Мелиховское-Левобережное. Керамика мариупольского и среднестоговского типа.

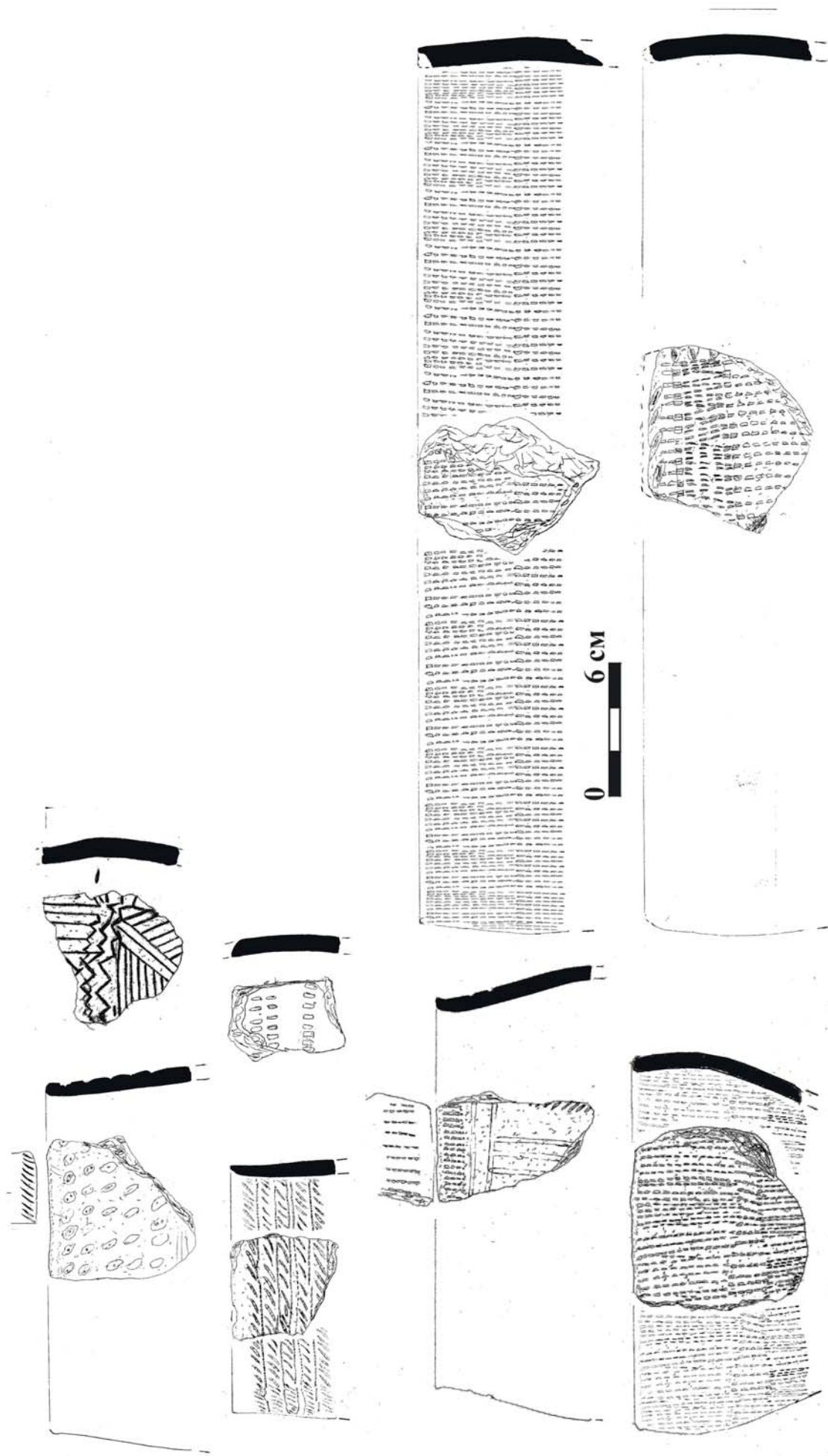

Рис. 258. Местонахождение Мелиховское-Левобережное. Керамика мариупольского и среднестоговского типа.

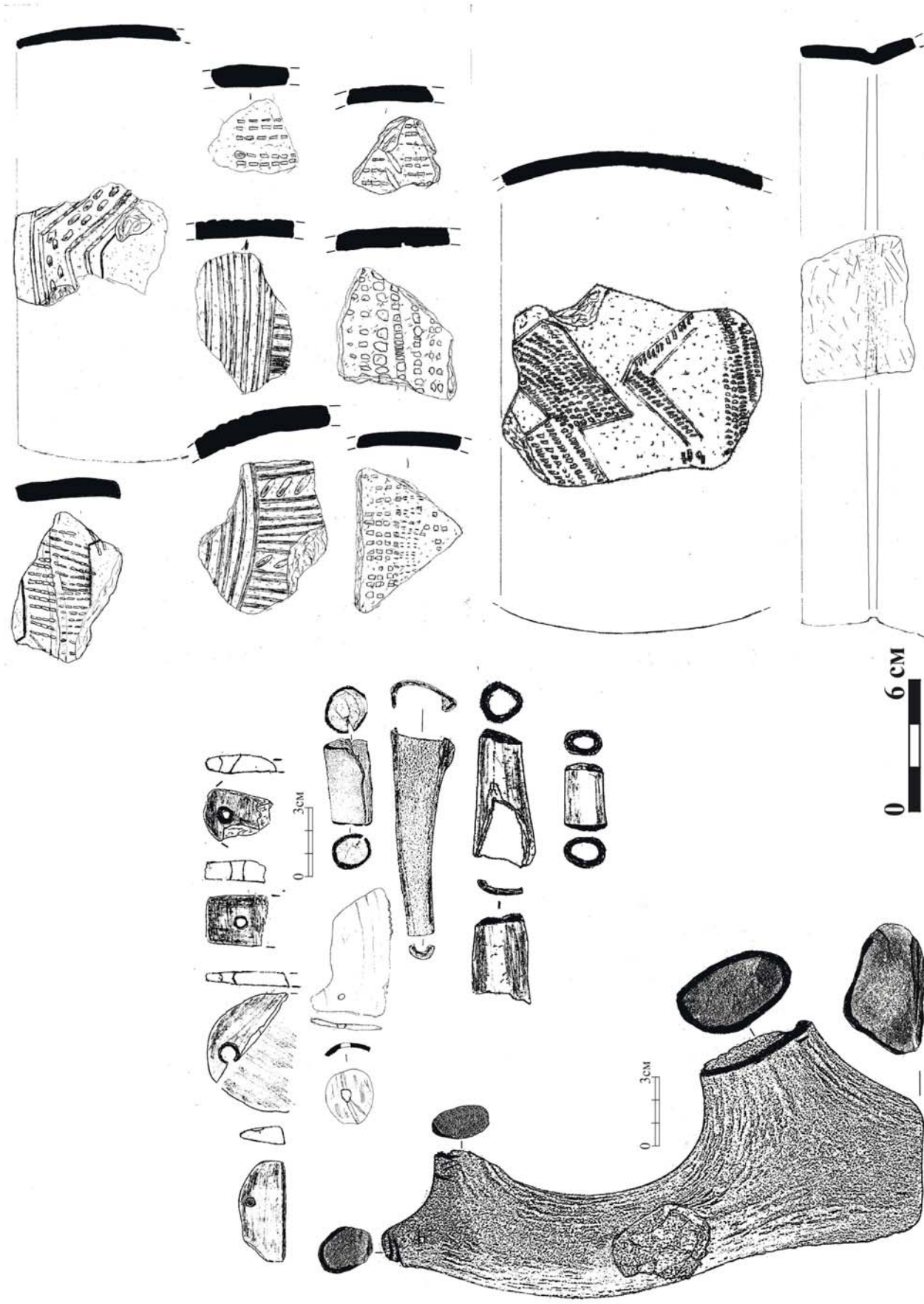

Рис. 259. Местонахождение Мелиховское-Левобережное. Керамика мариупольского и среднестоговского типа. Каменные сверлёные подвески, изделия из кости, раковины, рога.

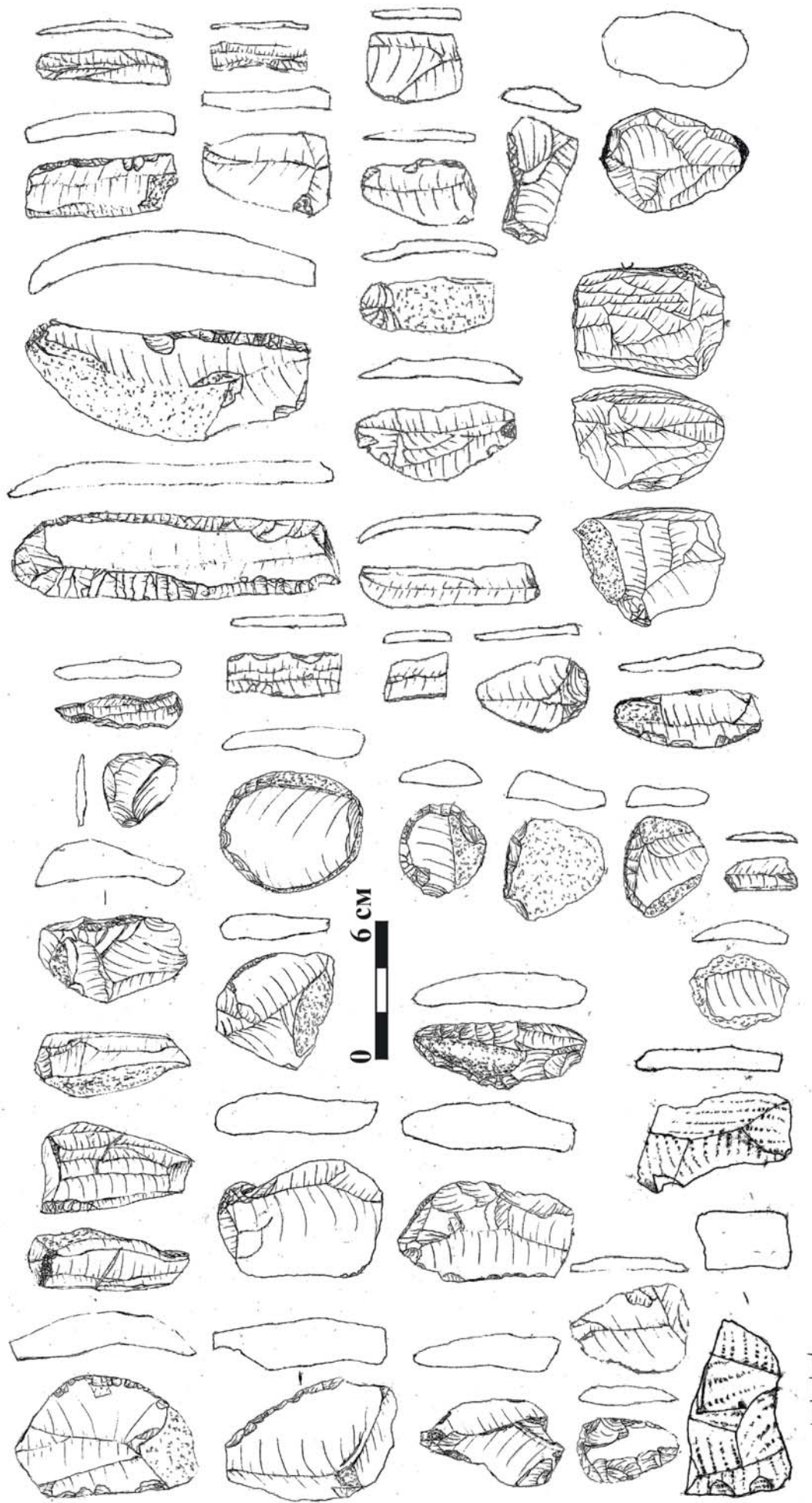

Рис. 260. Местонахождение Мелиховское-Левобережное. Кремневые изделия.

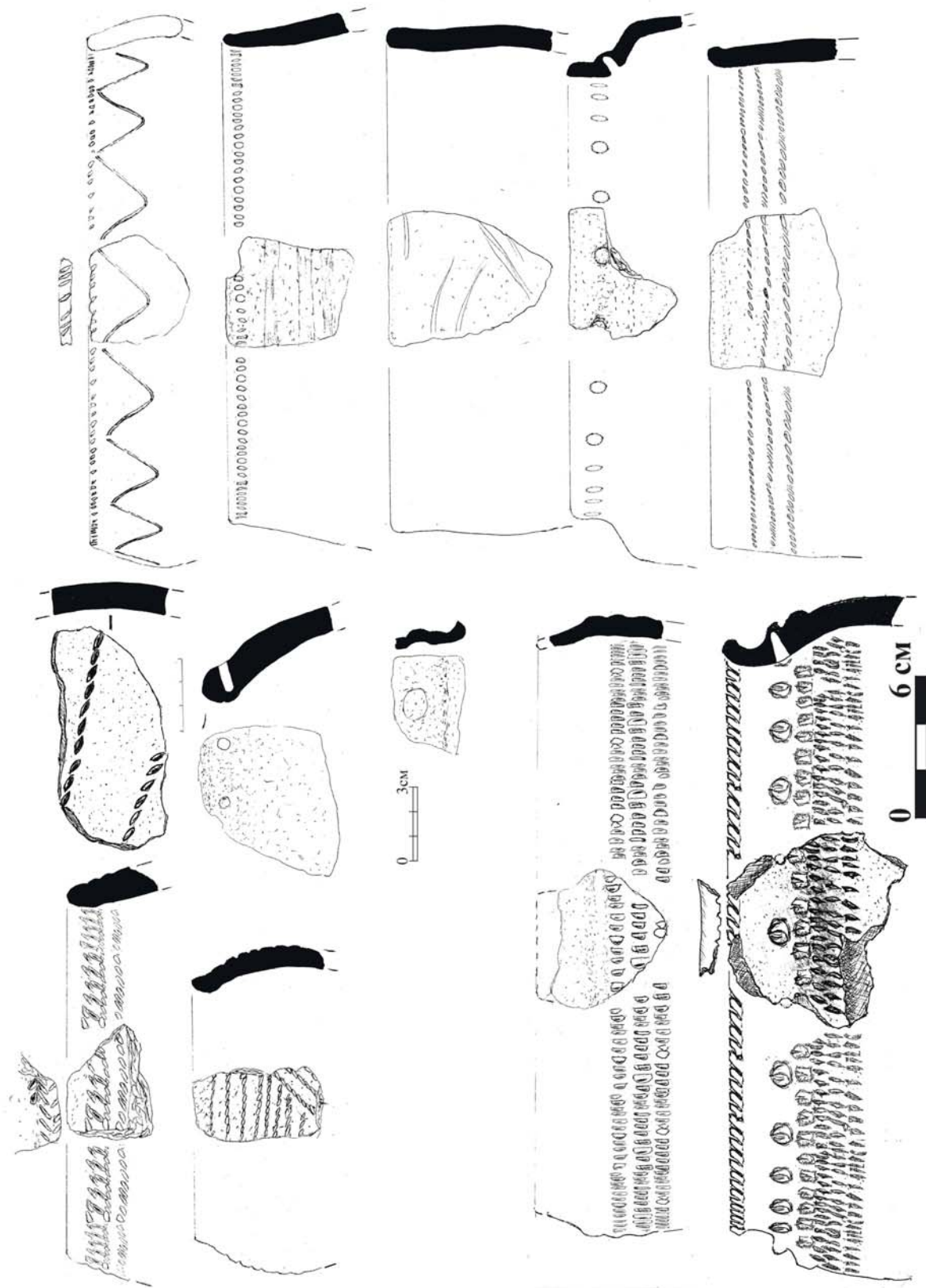
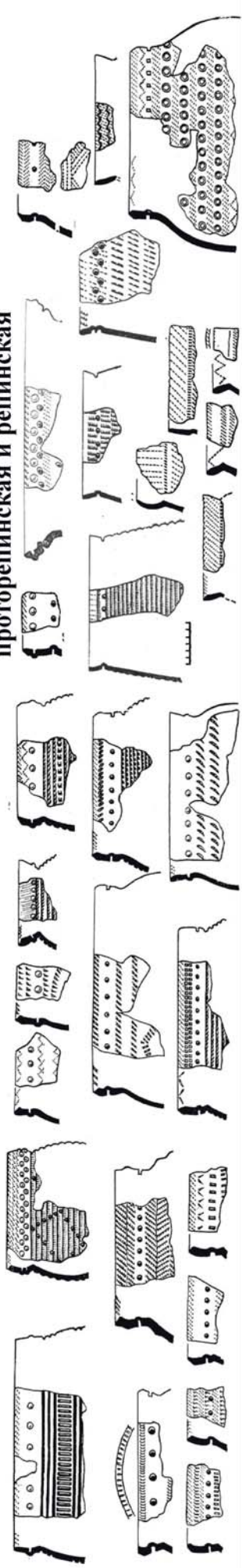

Рис. 261. Местонахождение Мелиховское-Левобережное. Керамика репинского типа.

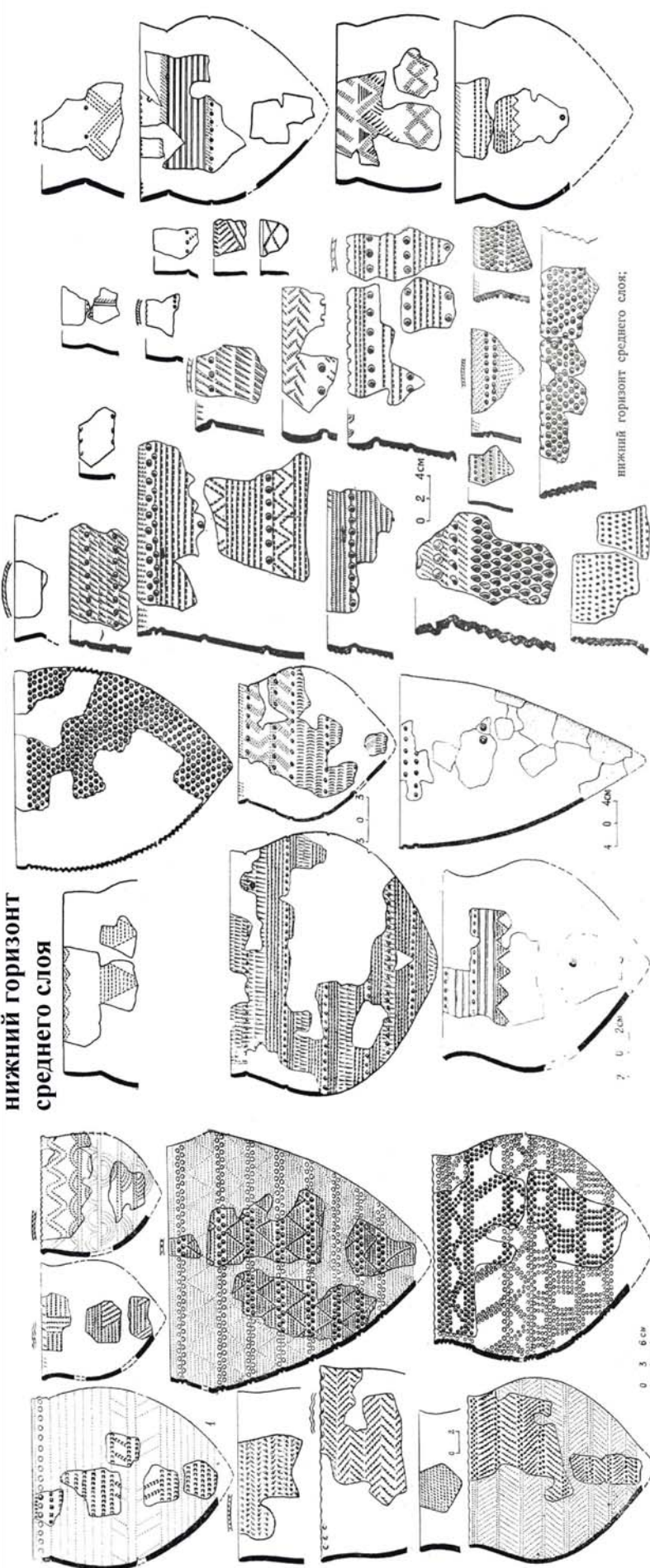

Рис. 262. Стоянка Черкасская. Хронологическое деление керамики на основе типологии А. Г. Синюка.

проторепинская и репинская

**нижний горизонт
среднего слоя**

нижний горизонт среднего слоя;

нижнедонская

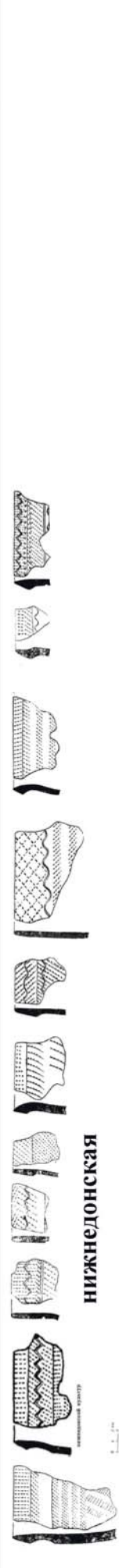
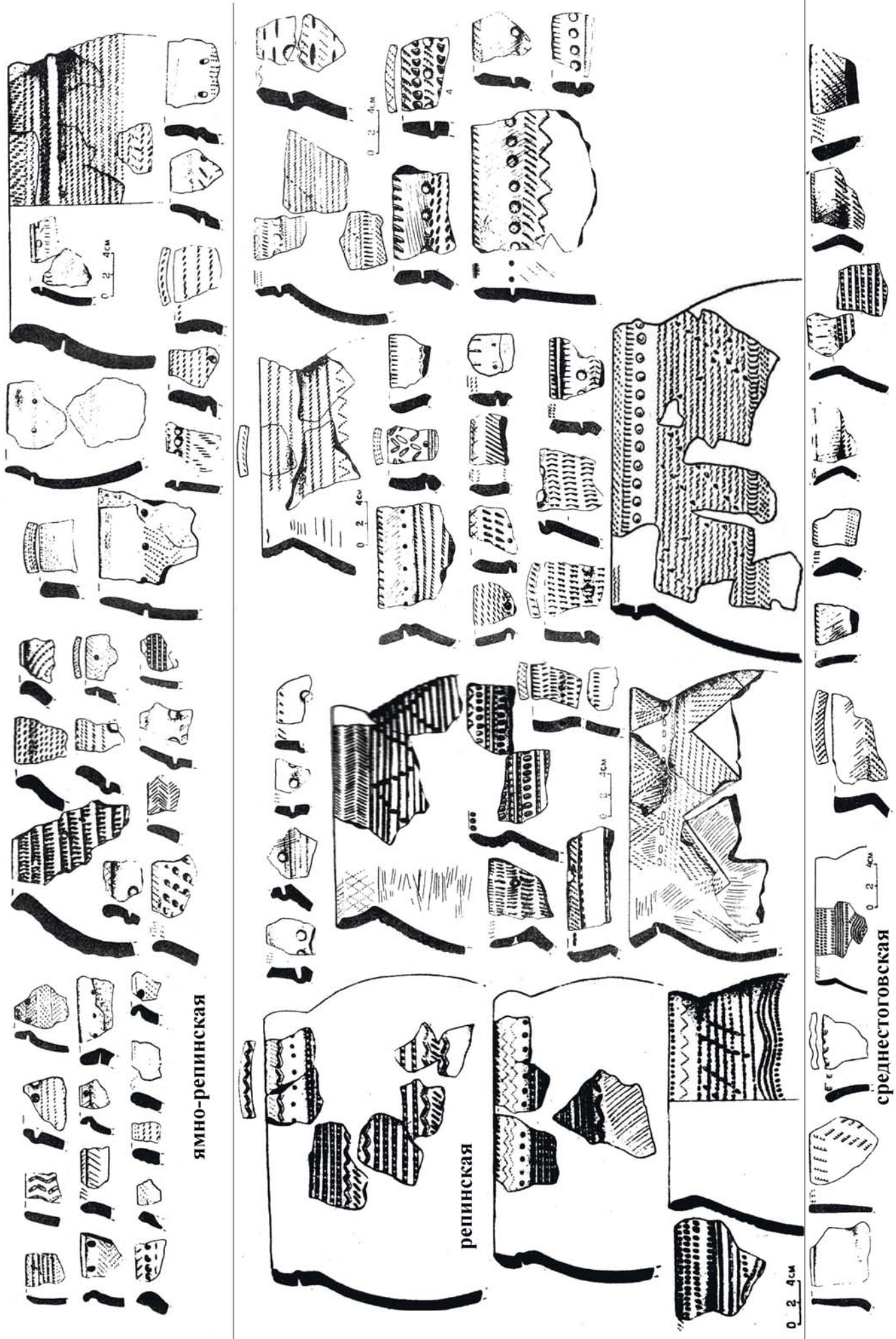

Рис. 263. Стоянка Университетская-3. Хронологическое деление керамики на основе типологии А. Т. Синюка.

ямно-репинская

репинская

среднестоговская

Рис. 264. Поселение Шиловское. Хронологическое деление керамики на основе типологии А. Т. Сидюка.

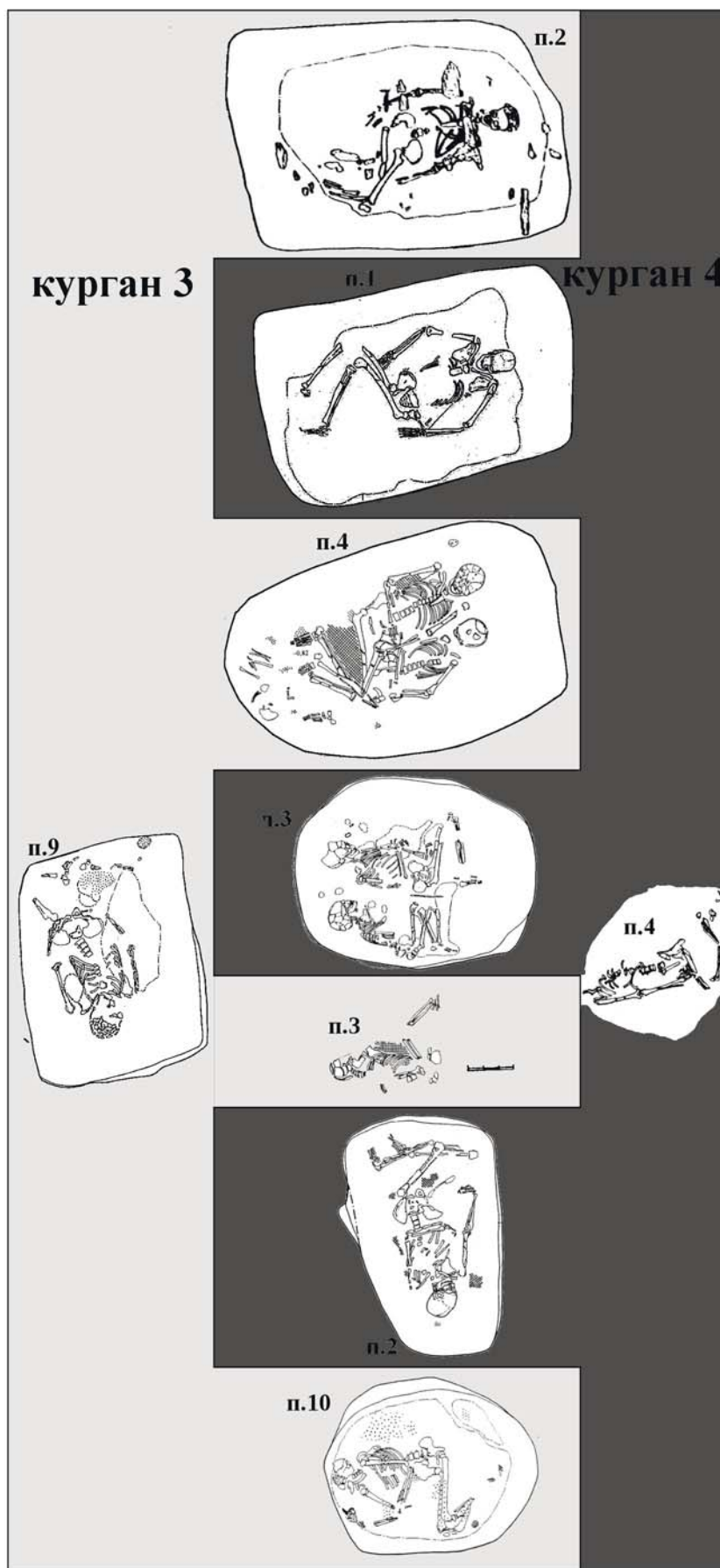

Рис. 265. Схема объединения стратиграфических колонок курганов 3 и 4 могильника Новопалестинский II.

ОСГ	Погребения	ТИП	ОСГ	Погребения	ТИП
V	к.3 п.4 	4Г	VIIБ	к.3 п.2 	4Ж
	к.4 п.3 	2П		к.4 п.1 	4И
IVБ	к.9 п.26 	2Г	VIIА	к.1 п.34 	4А
	к.9 п.27 	2Е		к.3 п.10 	4Б
IVA	к.4 п.2 	2Ж	V	к.121 п.11 	2Н
	к.3 п.10 	2В		к.9 п.22 	2М
III	к.9 п.30 	2А			
	к.9 п.28 	1В			
II	к.9 п.28 	1В			

Рис. 266. Схема объединения стратиграфических колонок курганов 3 и 4 мог. Новопалестинский II, кургана 9 мог. Тузлуки, кургана 121 мог. Новый, кургана 1 мог. Кулешовка. ОСГ - номер обрядово-стратиграфической группы. к. 9, п. 22, 26, 27, 28, 30 - курган 9 мог. Тузлуки. к.3, п. 2, 3, 4, 9, 10 - курган 3 мог. Новопалестинский II. к.4, п. 1, 2, 3, 4 - курган 4 мог. Новопалестинский II. к.121, п. 11 - курган 11 мог. Новый. к.1, п. 34 - курган 1 мог. Кулешовка.

Таблица 1 - Статистические данные по выборке погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры Левобережья.

Группа	Количество	Коллективных	Левый бок	Правый бок	Керамика	Прочий инвентарь	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
VIIб	41	1	31	10	7	4		13	27				1	
VIIа	52	3	21	31	9	11	1	12	13		1	12	12	1
VI	17		14	3	7	2		8	3	4		1		
V	42		9 «сидячие»	33 «ромбом»	7	5	2	10	17	1	1	4	5	2
IVб	36	6	20	16	3	8	1	1			3	7	13	3
IVа	21		5	16	1	2	1	3	7	1	6	1	2	
III (адорация)	14		8	6	9	4	2	3	2	1	1	3	2	

Таблица 2 - Процентные данные по выборке погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры Левобережья.

Группа	Завал на левый бок	Инвентарных	Керамика	Ориент. В и СВ	Ориент. З и ЮЗ	% от выборки
VIIб	76%	27%	17%	98%	2%	18%
VIIа	40%	38%	17%	48%	46%	23%
VI	82%	53%	41%	65%	6%	8%
V	21%	29%	17%	64%	21%	19%
IVб	56%	31%	8%	3%	56%	16%
IVа	24%	14%	5%	48%	14%	9%
III (адорация)	57%	93%	64%	36%	36%	6%

Таблица 3 - Статистические данные по выборке погребений константиновской культуры и раннего этапа ямной культуры нижнего течения р. Северский Донец.

Группа	Количес тво	Коллект ивных	Левый бок	Правый бок	Керами ка	Прочий инвентарь	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
VIIб	14	3	9	5	2	1		6	8					
VIIа	12	2	8	4	3	5	1	1	4				5	1
VI	3		3					2			1			
V	13		13 «сидячие»		2	8		6	7					
IV	10		8	2	4	2		7	3					

Таблица 4 - Процентные данные по выборке погребений константиновской культуры и раннего этапа ямной культуры нижнего течения р. Северский Донец.

Группа	Завал на левый бок	Инвентарных	Керамика	Ориент. В и СВ	Ориент. З и ЮЗ	% от выборки
VIIб	64%	21%	7%	100%	0%	27%
VIIа	67%	67%	42%	42%	42%	24%
VI	100%	0%	0%	67%	0%	6%
V	100%	83%	67%	100%	0%	24%
IV	80%	60%	20%	100%	0%	20%

Таблица 5 - Статистические данные по выборке погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры Правобережья.

Группа	Количество	Коллективных	Левый бок	Правый бок	Керамика	Прочий инвентарь	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
VIIб	12		8	4	1	3		3	7				2	
VIIа	14		8	6	1	4	1	4	2			4	4	
VI	2		2			1		2						
V	14	3		14 «ромбом»	1	2		6	3			1	4	
IVб	6		2	4	1						2	3	2	
IVа	6		4	2	2			4	1	1	1			

Таблица 6 - Процентные данные по выборке погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры Правобережья.

Группа	Завал на левый бок	Инвентарных	Керамика	Ориент. В и СВ	Ориент. З и ЮЗ	% от выборки
VIIб	67%	33%	25%	83%	17%	22%
VIIа	57%	36%	29%	43%	57%	26%
VI	100%	50%	50%	100%	0%	4%
V	0%	21%	14%	64%	36%	26%
IVб	33%	17%	0%	0%	83%	11%
IVа	67%	33%	0%	83%	0%	11%

Таблица 7 - Статистические данные по выборке погребений константиновской культуры и типа Байков-Берданосовка междуречья Тузлова, Дона и Миуса.

Группа	Количество	Коллективных	Левый бок	Правый бок	Керамика	Прочий инвентарь	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ
VIIб	7			7		2	1						6	
VIIа	14		5	9	2	6	1	3	2			3	7	
V	5		2 «сидячие»	3 «ромбом»	2	2		4					1	
IV	4		2	2	1	2			2				2	1
III (вытянутые)	7			7	2	3		2	4					1

Таблица 8 - Процентные данные по выборке погребений константиновской культуры и типа Байков-Берданосовка междуречья Тузлова, Дона и Миуса.

Группа	Завал на левый бок	Инвентарных	Керамика	Ориент. В и СВ	Ориент. З и ЮЗ	% от выборки
VIIб	0%	29%	29%	0%	86%	19%
VIIа	36%	57%	43%	36%	71%	38%
V	40%	80%	40%	80%	20%	14%
IV	50%	75%	50%	50%	50%	11%
III (вытянутые)		71%	43%	86%	0%	19%

Таблица 9 - Радиоуглеродные даты погребений с керамикой репинского типа из кургана 6 могильника Кремневка, Северное Приазовье.

Памятник	Лаб .№	ВР	ВС 68%	Источник
Кремневка 6/7	Ки-7125	4365 + 55	3080-2900	Kovalyukh, Nazarov, 1999
Кремневка 6/7	Ки-7077	4170 + 60	2876-2578	Там же
Кремневка 6/6	Ки-7124	4325 + 60	3020-2880	Там же
Кремневка 6/6	Ки-7076	4130+ 70	2876-2617	Там же

Таблица 10 - Радиоуглеродные даты энеолитических и ямных погребений бассейна Дона.

Памятник	Лаб .№	ВР	ВС 68%	Источники
Усьман 1/13	UKLA-1271	4150 ± 80	2890-2610	Черных и др., 2000
Павловск 38/4	ИГ АН-?	4580 ± 90	3500-3100	Черных и др., 2000
Перегрузное, к. 13, п. 7	ИГАН-2401	5890±153	1a 4941-4555 BC	Моргунова, 2014
Перегрузное, к. 13, п. 7	GrA - 19260	5430±50	1a 4339-4253 BC	Моргунова, 2014
Вертолетное поле, к. 1, п. 12	ИГАН-2516	5180±100	1a 4225-3804 BC	Житников, Жеребилов, 2005
Вертолетное поле, к. 1, п. 8	кость Blн-5530	4556±50 68.2%	3380-3090 (75.9%)	Житников, Жеребилов, 2005
Лагутник II, к. 1, п. 11	Le-8577	4450±240		Файферт, 2014
Лагутник II, к. 1, п. 13	Le-8576	3910±230		Файферт, 2014
Лагутник II, к. 1, п. 15	Le-8575	4030±100		Файферт, 2014

Таблица 11 - Корреляция типов погребений и стратиграфических данных

	1А	1Б	1В	2А	2Б	2В	2Г	2Д	2Е	2Ж	2З	2И	2К	2Л	2М	2Н	2О	2П	3А	3Б	4А	4Б	4В	4Г	4Д	4Е	4Ж	4З	4И	4К
VIIБ																						4					27		18	8
VIIА																				4	7	6		3	2	8		7		
VI																			12											
V								6							23	8														
IVБ							5						8				7	5												
IVА					3	5			10	7	7	8		6																
III	2	3		6																										
II	3																													
I																														

- I обрядово-стратиграфическая группа

- II обрядово-стратиграфическая группа

- III обрядово-стратиграфическая группа

- горизонт А IV обрядово-стратиграфической группы

- горизонт Б IV обрядово-стратиграфической группы

- V обрядово-стратиграфическая группа

- VI обрядово-стратиграфическая группа

- горизонт А VII обрядово-стратиграфической группы

- горизонт Б VII обрядово-стратиграфической группы

Таблица 12 - Корреляция типов керамики и обрядово-стратиграфических групп

	1А	1Б	2А	2Б	2В	2Г	3А	3Б	3В	4А	4Б	5А	5Б	6А	6Б	7А	7Б	7В	8А	8Б	9А	10	
VIIIБ	●	●					●	●	●	●	●	●			●	●	●	●					
VIIА			●	●			●		●	●	●	●	●		●			●					
VI																							
V						●	●					●	●	●	●			●	●				●
IVБ							●														●	●	
IVА																							
III					●									●	●			●	●		●		●
II																			●		●		
I																				●	●		

- общие типы керамики, характерные для погребений койсугского типа и раннего этапа ямной культуры

Таблица 13 - Искажающие эффекты радиоуглеродного датирования

